Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Хэйлунцзянский университет
Дом русского зарубежья им. А.И Солженицина
Приморское краевое отделение Всероссийской общественной
организации «Русское географическое общество»

ВЛАДИВОСТОК – ТОЧКА ВОЗВРАЩЕНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Материалы Второй международной научной конференции

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук, профессор С.М. Дударёнок;
кандидат юридических наук, доцент М.А. Тулиглович

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2017

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2
В57

Редакционная коллегия:
профессор департамента истории и археологии ШГН ДВФУ
д-р ист. наук, проф. *С.М. Дударёнок*;
доцент департамента истории и археологии ШГН ДВФУ
канд. ист. наук, доц. *О.Д. Исхакова*;
доцент департамента истории и археологии ШГН ДВФУ
канд. соц. наук, доц. *Т.А. Крупа*;
заместитель начальника ДВЮИ МВД России по научной работе
канд. юрид. наук, доц. *М.А. Тулиглович*;
профессор департамента истории и археологии ШГН ДВФУ
д-р ист. наук, проф. *О.П. Федирко*;
профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала
ДВЮИ МВД России д-р ист. наук, проф. *Н.А. Шабельникова*

В 57 **Владивосток –** точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции : мат-лы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.) / редкол. : С.М. Дударёнок [и др.] ; отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – 432 с.

ISBN 978-5-9753-0229-8

В материалах Второй международной научной конференции освещается широкий круг проблем, касающихся изучения истории русской эмиграции, современного состояния и истории российских диаспор за рубежом, истории международных отношений, общественно-политической, социально-экономической деятельности и культурно-этнической истории Дальнего Востока, а также деятельности правоохранительных органов и борьбы с преступностью на Дальнем Востоке России в XIX-XXI вв.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9753-0229-8

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2017
© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России, 2017

Federal State Autonomous Educational Institute of Higher Education
« Far Eastern Federal University»
Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
«Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation»
Heilongjiang University
The A. Solzhenitsin Russian Diaspora Center
The Primorskiy Regional Branch of the All-Russian Public
Organization «The Russian Geographical Society»

VLADIVOSTOK – POINT OF RETURN: PAST AND PRESENT OF THE RUSSIAN EMIGRATION

The proceedings of the Second International Scientific Conference

Responsible editors:
Doctor of History, Professor S.M. Dudarjonok,
kandidat nauk, Degree in Law, Associate Professor M.A. Tuliglovich

Khabarovsk
2017

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2)
В57

Editorial board:
Doctor of History, Professor *S.M. Dudarjonok*;
kandidat nauk, Degree in History Associate Professor *O.D. Iskhakova*;
kandidat nauk, degree in Sociology, Associate Professor *T.A. Krupa*;
kandidat nauk, Degree in Law, Associate Professor *M.A. Tuliglovich*;
Doctor of History, Professor *O.P. Fedirko*;
Doctor of History, Professor *N.A. Shabelnikova*

В57 **Vladivostok –** Point of Return: Past and Present of the Russian Emigration : the proceedings of the Second International Scientific Conference (Vladivostok, October, 12 -14 2016) / editorial board: S.M. Dudarjonok [et al.] ; responsible editors S.M. Dudarjonok, M.A. Tuliglovich ; Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. – Khabarovsk : РИО ДВЮИ Ministry of the Interior of Russia, 2017. – 430 p.

ISBN 978-5-9753-0229-8

The Second International Scientific Conference proceedings cover a wide range of issues dealing with the study of the Russian emigration history, the current state and history of the Russian diaspora abroad, of the history of international relations, socio-political activities, socio-economic activities and the cultural and ethnic history of the Far East; as well as law enforcement and combating organized crime in the Russian Far East in XIX-XX centuries.

The publication is addressed for a wide range of readers/

УДК 93/94+34
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9753-0229-8

© FEFU, 2017
© Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017

Содержание

Раздел 1. Историко-культурные проблемы российской эмиграции и реэмиграции. Российская эмиграция вчера и сегодня: проблемы и перспективы

Авилов Р.С. Работа с семейным архивом военного инженера-эмигранта П.П. Унтербергера при исследовании Владивостокской крепости / ***11***
Avilov R.S. Working with the Family Archives of the Military Engineer-Emigrant P.P. Unterberger in the Course of Investigation in Vladivostok Fortress

Жигалова М.П. Опыт социокультурного взаимодействия на белорусско-польском пограничье и его отражение в русскоязычной литературе Беларуси / ***18***
Zhigalova M.P. The Experience of Socio-Cultural Interaction at Byelorussia and Poland Frontier and its Reflection in the Russian Language Literature of Byelorussia /

Казачун Г.А., Хабибулин В.А. Русско-канадское культурно-просветительное общество / ***24***
Kazachun G.A., Khabibulin V.A. The Russian-Canadian Cultural and Enlightening Society

Каневская Г.И., Массов А.Я. Современное положение русской диаспоры в Австралии (по личным впечатлениям от посещения пятого континента в 2015 г.) / ***29***
Kanevskaya G.I., Massov A.Ya. The Contemporary Status of the Russian Diaspora in Australia (on Personal Impressions from Visiting the Fifth Continent in 2015)

Кузнецов Д.В. Политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» / ***34***
Kuznetzov D.V. The Political Repressions in the USSR and the Fate of the So-called «Kharbinets»

Ларкина Л.Л. Русские австралийцы, судьбы которых связаны с Владивостоком / ***45***
Larkina L.L. The Russian Australians whose Destinies are Connected with Vladivostok

Моисеева Л.А. «Соразвитие» предпринимательства Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона как следствие российской эмиграции: история и перспективы / ***55***
Moiseeva L.A. «Co-development» of Enterprise of the Russian Far East and the Countries of the Asia Pacific Region as the Consequence of the Russian Emigration: History and Prospects

Островская О.П. Судьбы участников эмиграционного движения пятидесятников на Дальнем Востоке в 1970-1980-х гг. / ***65***
Ostrovskaya O.P. The Destinies of the Participants of Emigrant Movement of Pyatidesyatnikov in the Far East in 1970-1980s

Паршуков В.А. Деятельность енисейских казаков, избранных в руководство станиц и казачьих союзов в эмиграции / ***71***
Parshukov V.A. The Activity of the Yenisei Cossacks Elected to Governing Bodies of Stanitsas and Cossack Unions in Emigration

Полчанинов Р.В. Глеб Владимирович Бердников в Сараеве 1936-1937 гг. / ***78***
Polchaninov R.V. Gleb Vladimirovich Berdnikov in Sarajevo in 1936-1937

Портнягин А.Д., Имтосими В.П. Отражение судеб русской эмиграции в спектаклях, музейных залах и печатных изданиях Международного театра-музея русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли / ***84***
Portntagin A.D., Imtosimi V.P. The Reflection of the Destinies of the Russian Emigration in Performances, Museum Halls and Publications of the Anna Smirnova-Marly International Theatre-Museum of the Russian Emigration

Се Фэнлин. Российский писатель-эмигрант Иван Сергеевич Шмелёв / ***93***
Se Fanling The Russian Writer-Emigrant Ivan Sergeevich Shmelyov

Серегин А.В. Борьба руководителей военной и монархической эмиграции на Балканах в 1920-е гг. / ***96***
Seryogin A.V. The Struggle of the Leaders of the Military and Monarchist Emigration on Balkans in 1920s

Солнцева-Накова Е.В., Манчев В.С. Актерская школа Михаила Чехова – кузница талантов театра и кино за рубежом / ***105***
Solntzeva-Nakova E.V., Manchev V.S. Actor School of Mikhail Chekhov as the Forge of Gifted Persons in Theatre and Cinema Abroad

Ступницкая М.И. Формирование мифа о России во французской литературе с XVIII в. до наших дней / ***109***
Stupnitzkaya M.I. The Forming of Myth about Russia in French Literature from XVIII century up to nowadays

Чумаченко Т.А. Московская патриархия и православные объединения русской эмиграции в 1945-1953 гг.: борьба за паству, храмы и имущество / ***115***
Chumachenko T.A. The Moscow Patriarchy and Orthodox Unions of the Russian Emigration in 1945-1953: the Struggle for Congregation, Temples and Property

Шугайло Т.С. Русскоязычная эмигрантская печать в Америке и ее роль в жизни русской диаспоры в 40–80-е гг. XX в. / ***120***
Shugailo T.S. The Russian Language Emigrant Press in America and its Role in the Life of the Russian Diaspora in 40–80s of the XX century

Раздел 2. Китай в истории русской эмиграции

Ван Юе. Влияние наследия культуры русских эмигрантов на сегодняшний Харбин / ***127***
Wang Yue. Influence of heritage of culture of the Russian emigrants on today's Harbin

Галлямова Л.И. К вопросу об освещении деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи / ***131***
Galliamova L.I. To the issue of coverage the activities of the Bureau for Russian Emigrants in Manchuria

Земдиханов В.А. Униформа и снаряжение бригады Асано Маньчжурской императорской армии / ***135***
Zemlyanov V.A. Uniforms and equipment of the brigade Asano of the Manchurian Imperial army

Ерохина Л.Д. Русский исход и практика «белого рабства» в Китае в 20-30-е гг. XX в. / ***139***
Erokhina L.D. Russian Exodus and the practice of «fugitive slavery» in China in 20-30s of the XX century

Иерей Георгий Ибрагимов. Проблема изучения истории Русской православной церкви на Китайско-восточной железной дороге (1898-1945 гг.) / ***144***
Priest George Ibragimov. The problem of studying the history of the Russian Orthodox Church on the Chinese Eastern railway (1898-1945)

Орнацкая Т.А. Русское юридическое образование в Маньчжурии (1920-1924 гг.) / ***146***
Ornatskaya T.A. Russian legal education in Manchuria (1920-1924)

Романовский В.К. Публицистическая, издательская и культурная деятельность Н.В. Устрялова в Харбине в начале 1920-х гг. / ***149***
Romanovsky V.K. Publicistic, publishing and cultural activities of NV Ustryalov in Harbin in the early 1920s

Сергеев О.И. Казачье Трехречье и японские оккупационные власти в Северо-Восточном Китае / ***154***
Sergeev O.I. Kazachye Tryohrechye and the Japanese Occupation Authorities in the Northeastern China

Сумская А.Г., Тимофеев А.Н. Генерал-лейтенант А.П. Бакшеев: уточненная идентификация награды и знака на фотографии периода Маньчжоу-Ди-Го / ***160***
Sumskaya A.G., Timofeev A.N. Lieutenant-General A.P. Baksheev: Refined Identification of the Award and the Sign on the photo of the Manchzhou-Di-Go Period

Тимофеев А.Н. Атаман Енисейского казачьего войска и Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине Тялшинский Алексей Никанорович (реконструкция биографии) / ***164***
Timofeev A.N. Ataman of the Yenisei Cossack Army and the Yenisei Foreign Cossack Stanitsa in Harbin Talshinsky Alexei Nikanorovich (Reconstruction of the Biography)

У Яньцю. Национальный вопрос и национальные проблемы в научных трудах и дискуссиях российских диаспор / ***168***
U Yantsu. The National Question and National Problems in the Scientific Papers and Discussions of the Russian Diasporas

Цю Маньли. Специфика образовательного дискурса в начальном образовании в России и Китае / ***182***
Tsu Mangli. The Educational Discourse Specificity in the Elementary Education in Russia and China

Че Чуньин. Благотворительная деятельность русской колонии в Китае / ***187***
Che Chunyin. Charitable Activity of the Russian Colony in China

Яхимович С.Ю. Проблемы идентификации советской колонии в социальном пространстве Маньчжурии (1920–1930-е гг.) / ***194***
Yahimovich S.Yu. The Problem of the Identification of the Soviet Colony in the Social Space of Manchzhuria (1920-1930)

Раздел 3. Российский Дальний Восток и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: история, культура и современные проблемы

Агапов В.Л. Первая мировая война и хабаровская частная пресса / ***199***
Agapov V.L. The First World War and the Khabarovsk private press

Анисимов А.Л., Цветков И.Б. Реформирование системы финансовых органов Дальневосточного края РСФСР в 1926-1929 гг. / ***206***
Anisimov A.L., Tsvetkov I.B. Reforming of the Far Eastern financial bodies of the RSFSR of the USSR in 1926-1929

Анисин А.Л., Витрук Г.К. Восстановление духовного единства России: от осмысления – к практике / ***212***
Anisin A.L., Vitruk G.K. The restoration of spiritual unity of Russia: from comprehension to practice

Бакшутов С.Н. Воспитательная работа в сфере профессионального милицейского образования на Дальнем Востоке России в 1991-2011 гг. / ***219***
Bakshutov S.N. Educational work in the sphere of professional Militia training in the Russian Far East in 1991–2011

Бибик Е.Е. Художественный образ аборигена Дальнего Востока в книгах А.В. Елисеева «В тайге (из воспоминаний о далеком Востоке)», «По белу свету» / ***225***
Bibik Ye.Ye. The artistic image of the Far Eastern native In the books after A.V. Eliseev «In the Taiga (from Memories of the Far East)», «Around the World»

Бучко Н.П., Кулешов Д.С. Якутская авантюра генерала А.Н. Пепеляева / ***230***
Buchko N.P., Kuleshov D.S. Yakut gamble of general A.N. Pepeljaev

Ващук А.С. История Дальнего Востока России 1960-х – 1991 гг. в освещении отечественных исследователей / ***234***
Vashchuk A.S. The History of the Russian Far East in the 1960s – 1991 in the covering of native researchers

Виноградов П.В. Владивосток в военно-техническом сотрудничестве Российской империи с союзниками в годы первой мировой войны / ***248***
Vinogradov P.V. Vladivostok in the military-technical cooperation of the Russian Empire with the allies during the first world war

Власов С.А. Реформа жилищно-коммунального хозяйства Приморского края: тенденции, проблемы, перспективы / ***254***
Vlasov S.A. The reform of housing and communal services of the Primorsky Krai: tendencies, problems, prospects

Волгина Т.Л. Становление детской психиатрической службы в Приморском крае / ***260***
Volgina T.L. The formation of psychiatric services for children in Primorsky Krai

Дворецкая Т.А. Любительская театральная культура на юге Дальнего Востока России в 1960-е – первой половине 1980-х гг.: основные тенденции развития / ***265***
Dvoretskaya T.A. Amateur theatrical culture in the South of the Russian Far East in the 1960s – the first half of the 1980s: the main development tendencies

Дударёнок С.М., Островская О.П. Причины миграции пятидесятников на Дальний Восток в 40-е – 50-е годы XX в. / ***275***
Dudarjonok S.M., Ostrovskaya O.P. The reasons for the Pentecostal people's migration to the Far East in the 40–50s of the xx century

Заколодная А.С. Вопросы подбора колонизационного элемента в работах дореволюционных авторов / ***284***
Zakolodnaya A.S. The issues of selection of the colonization Element in the works of pre-revolutionary authors

Кораблин К.К., Дударёнок С.М. Исторический опыт пенитенциарной колонизации восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX в.) / ***291***
Korablin K.K., Dudarjonok S.M. The historical experience of the penitentiary colonization of the eastern outline districts of Russia (the second half of the XIX – the early XX century)

Крупа Т.А. Владивосток – точка притяжения для студенческой молодежи / ***304***
Krupa T.A. Vladivostok – the point of attraction for students

Куманев Д.С. К вопросу классификации террористических и экстремистских организаций в странах Юго-Восточной Азии / ***309***
Kumanev D.S. The issue of classification of terrorist and extremist organizations in the countries of the South-Eastern Asia

Куманева И.П. Становление туризма как самостоятельной отрасли в годы перестройки и постперестроечный период / ***314***
Kumaneva I.P. The development of tourism as an independent industry in the years of Perestroika and after Perestroika period

Макаренко В.Г. «Утечка умов» из сферы науки и высшего образования России как следствие системного социально-экономического кризиса (1990-2016 гг.) / ***320***
Makarenko V.G. «Brain leakage» from the sphere of science and higher education of Russia as a result of systemic socio-economic crisis (1990-2016)

Милежик А.В. Проблема экономического развития областей Дальневосточного наместничества в контексте деятельности Особого комитета по делам Дальнего Востока / ***326***
Milezhik A.V. The problem of the economic development in the areas of the Far Eastern governorship in the context of the activities of the Special Committee on the Far East Affairs

Муратов М.А. Повторное введение режима порто-франко на Дальнем Востоке в 1904 г. – второй шанс для торгового предпринимательства / ***332***
Muratov M.A. Reintroduction of Porto-Franko regime in the Far East in 1904 – the second chance for commercial enterprise

Позняк Т.З. Квартирный кризис во Владивостоке в годы революции 1917 г. и Гражданской войны / ***335***
Poznyak T.Z. Housing crisis in Vladivostok during the Revolution in 1917 and the civil war

Романова И.И. История формирования чукотских коллекций в ведущих музеях России / ***342***
Romanova I.I. History of formation of Chukotka collections in the leading museums of Russia

Самойленко П.Ю. Современные коммуникативные проблемы продвижения имиджа Дальнего Востока России в Азиатско-Тихоокеанском регионе / ***346***
Samoilenko P.Yu. Modern communication issues in promoting the image of the Far East in the Asia Pacific region

Синиченко В.В. Дипломатическая канцелярия иркутского генерал-губернатора и ее роль в политике государства во время Первой мировой войны / ***353***
Sinichenko V.V. Diplomatic office of the Irkutsk Governor-General and its role in the politics of the state during the First World War

Ткачёва Г.А. Реализация миграционной политики на Дальнем Востоке СССР в 1922–1941 гг. / ***357***
Tkacheva G.A. Implementation of migration policy in the Far East of the USSR in 1922-1941

Усов А.В. Система профессионального обучения дальневосточных подразделений Госморспасслужбы в 1991-2914 гг. / ***364***
Usov A.V. The System of professional education of the Far Eastern divisions of the State marine rescue services in 1991-2014

Федирко О.П. Некоторые особенности становления государственно-конфессиональных отношений на Дальнем Востоке России в период его открытия и начального освоения / ***368***
Fedirko O.P. Some peculiarities of the formation of Church-state relations in the Far East of Russia in the period of its discovery and initial development

Чернолуцкая Е.Н. Факторы и особенности изменения этнического состава населения российского Дальнего Востока в 1960–1980-е гг. / ***371***
Chernolutskaya E.N. Factors and peculiarities of changes in the ethnic composition of the population of the Russian Far East in the period of 1960-1980s

Шадрина А.Н. Проблемы этничности и самоидентификации северных народов / ***376***
Shadrina A.N. Problems of ethnicity and self-identity of North peoples

Раздел 4. Правоохранительные органы и борьба с преступностью на Дальнем Востоке России: история и современность

Виноградов А.М. Государственная политика по противодействию экономической преступности на рубеже XX-XXI вв. / ***379***
Vinogradov A.M. The state policy of combating economic crime at the turn of the XX–XXI centuries

Жадан А.В. Органы внутренних дел Приморского края в борьбе с преступностью (1941-1945 гг.) / ***385***
Zhadan A.V. Internal Affairs Agencies of Primorsky Krai in the fight against crime (1941–1945)

Забелов А.Ю. Историко-правовой опыт криминализации провокации преступления / ***388***
Zabelov A.Yu. History of criminalization of the crime provocation

Куликова К.А. Вопросы противодействия нелегальной трудовой миграции иностранных граждан на территории Дальневосточного федерального округа / ***391***
Kulikova K.A. Questions of counteraction of illegal labour migration of foreign citizens in the territory of the Far Eastern Federal district

Нуриев И.Н. История формирования разумного срока предварительного расследования в уголовном процессе России / ***395***
Nuriev I.N. History of formation of reasonable term of preliminary investigation in criminal trial of Russia

Полищук Е.В. Организованная преступность на Дальнем Востоке России: исторический аспект / ***399***
Polishchuk E.V. Organized crime in the Russian Far East: historical aspect

Усенко О.В. Содержание игорных притонов как вид незаконной игровой деятельности и вопрос о его криминализации / ***402***
Usenko O.V. Gambling-dens as a type of illegal gambling and question of its criminalization

Цуканов С.С. Дальневосточный федеральный округ в контексте обеспечения безопасности / ***406***
Tsukanov S.S. The Far Eastern Federal district in the context of security

Черкасов В.С. Становление российской уголовной политики по противодействию киберпреступности / ***410***
Cherkasov V.S. The formation of the Russian criminal policy in combating cybercrimes

Шабельникова Н.А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. / ***413***
Shabelnikova N.A. Khunkhuznichestvo as a particular kind of banditry in the Russian Far East in the 1920s

Шлома В.В. К вопросу об истории развития криминалистической характеристики преступления / ***418***
Shloma V.V. The history of criminological characteristics of a crime

Якубец А.А. К вопросу о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на территориях опережающего социально-экономического развития / ***421***
Yakubets A.A. To the question about the activities of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation on territories of advancing socio-economic development

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / ***424***

Раздел 1. Историко-культурные проблемы российской эмиграции и реэмиграции. Российская эмиграция вчера и сегодня: проблемы и перспективы

УДК 93/94*

Авилов Р.С.

РАБОТА С СЕМЕЙНЫМ АРХИВОМ ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА-ЭМИГРАНТА П.П. УНТЕРБЕРГЕРА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ

В статье рассказывается о работе с семейным архивом военного инженера-эмигранта Петра Павловича (Питера Фридриха) Унтербергера при исследовании истории Владивостокской крепости. Эти материалы сохранились в собрании его внучки, Эрики Георгиевны Унтербергер (г. Гмунден, Австрия) и имеют огромную ценность. В архиве, кроме колоссального количества атрибутированных фотографий, оказались еще и обширные воспоминания П.П. Унтербергера, две главы которых, охватывающие владивостокский период его службы в 1909–1914 гг., в процессе подготовки части IV истории Владивостокской крепости были переведены с немецкого языка на русский и введены в научный оборот.
Ключевые слова: Владивостокская крепость; Петр Павлович Унтербергер; Дальний Восток России; Приамурский военный округ; военное строительство.

Avilov R.S.

WORKING WITH THE FAMILY ARCHIVES OF THE MILITARY ENGINEER-EMIGRANT P.P. UNTERBERGER IN THE COURSE OF INVESTIGATION IN VLADIVOSTOK FORTRESS

The report concerns the work with the family archive of military engineer and emigrant Peter Pavlovitch (Peter Fridrich) Unterberger under investigations of Vladivostok Fortress history. These documents of a great value were been kept in the archive of his granddaughter Erika Unterberger, living now in Gmunden, Austria. There were not only a lot of identified photographs in this collection, but also the extensive memoirs of Peter Unterberger. Two parts of which tell us about the Vladivostok's period of his service (1909–1914). Having prepared the IV volume of Vladivostok Fortress's history, we have translated them from German into Russian and published.
Keywords: Vladivostok Fortress; Peter Unterberger; Russian Far East; Priamurskiy Military District; military building**.

Первое знакомство группы исследователей, занимающихся изучением истории Владивостокской крепости, с семейным архивом Унтербергеров, значительную часть которого составляет именно архив военного инженера Петра Пав-

* Здесь и далее код УДК указан автором(ами) статьи.

** Здесь и далее перевод на английский язык приводится в авторской редакции.

ловича Унтербергера [2], произошло в 2010 г. Даже самый поверхностный осмотр собрания, находящегося в настоящее время у его внучки, Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger) (проживает в г. Гмунден, Австрия) (Gmunden, Österreich), показал, что оно имеет огромную ценность.

Значительную часть собрания составляет архив военного инженера Петра Павловича Унтербергера (1881–1960 гг.) – деда Эрики Георгиевны и родного сына Павла Федоровича Унтербергера (1842–1921 гг.). Последний большую часть жизни служил в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, пройдя путь от делопроизводителя Окружного инженерного управления Восточного Сибирского военного округа до Сенатора, Приамурского генерал-губернатора и Командующего войсками Приамурского военного округа [3, ч. I, с. 287–314]. Однако, по имеющимся данным, значительная часть его архива была в 1919 г. оставлена им в России и в настоящее время вошла в состав фонда 99 Российского государственного военно-исторического архива [1, ф. 99, оп. 1. – 106 ед. хр.], доступ к которому в данный момент закрыт по причине ремонтных работ в здании архива. Нелегально перебираясь через границу с Финляндией, он забрал с собой лишь некоторые наиболее ценные для него материалы. Таким образом, большая часть архива Унтербергеров – это именно собрание Петра Павловича. В нем, кроме колоссального количества атрибутированных фотографий, оказались еще и его обширные воспоминания [2].

Доклад об их важности для исследования истории Дальневосточного исхода был сделан в 2014 г. на первой конференции «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции». Тогда же был впервые публично поставлен вопрос о необходимости их изучения, постепенного введения в научный оборот и последующей публикации на русском языке уже целиком [4, с. 22–23].

Рукопись воспоминаний озаглавлена: «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger» («Между двух стульев». Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера») и посвящена детям и внукам. «Стульями» были две его Родины: Россия и Германия, трагические взаимоотношения которых в первой половине XX в. тяжелейшим образом отразились на судьбе самого Унтербергера и его семьи. Над мемуарами он работал во время и после Второй мировой войны (первый вариант предисловия датирован мартом 1948 г., однако одна из глав, посвященных строительным работам во Владивостокской крепости, безусловно, была написана в разгар войны) и успел завершить их до своей смерти в 1960 г. Воспоминания представляют собой машинописный текст на немецком языке с собственноручными правками автора и состоят из двух частей. Первая охватывает период с раннего детства по август 1914 г., вторая – с конца 1914 г. по 1931 г. включительно. Характерно, что в рукописи использован не русский, а немецкий вариант собственного имени автора: «Питер Фридрих», а не «Петр Павлович» [2; 4, с. 22–23].

Теперь остановимся на ценности этих воспоминаний для исследования военной истории российского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны, а точнее – истории Владивостокской крепости.

До их обнаружения были известны только одни воспоминания, оставленные инженером-строителем Владивостокской крепости. Это были к тому времени уже опубликованные фрагменты личных записок генерал-майора А.П. Шошина – начальника инженеров Владивостокской крепости в 1911–1915 гг. [5, с. 161–167; 3, ч. II, с. 251–256]. Однако Шошин был начальником, осуществлявшим руководство и общий контроль за ходом строительных работ. Теперь же появилась возможность увидеть историю строительства, а отчасти и строителей, глазами его подчиненного – начальника 2-го строительного участка. Традиционно воспоминания и дневники офицеров Российской императорской армии, написан-

ные в эмиграции, используются главным образом для исследования военной истории и русской армии в начале XX в., а также Первой мировой 1914–1918 гг. и Гражданской 1917–1922 гг. войн. Однако с воспоминаниями П.П. Унтербергера дело обстоит иначе.

Будучи прекрасным военным инженером-новатором, он спроектировал самый сложный и мощный в крепости Форт № 2 главной линии сухопутного обвода (проект 1910 г.), а поскольку его сын от первого брака Георгий Унтербергер впоследствии тоже стал инженером, то Петр Павлович решил, что подробное, со всеми техническими деталями, описание хода фортификационных работ во Владивостоке может быть для него интересно, и привел его в своих воспоминаниях. Это превратило мемуары в не имеющее аналогов по глубине и технической точности описание организации и проведения крепостных строительных работ. Причем оно интересно не только в плане изучения истории Владивостокской крепости, но и организации военно-строительных работ в Российской империи в целом.

Успех возведения нового сухопутного обвода и берегового фронта Владивостокской крепости определил то, что А.П. Шошин отобрал для работы во Владивостоке преимущественно молодых военных инженеров. Годы спустя, Унтербергер вспоминал: «Этот умный и опытный человек всегда был для нас в случае необходимости хорошим советчиком и твердой опорой. Когда сверху его упрекнули в том, что он назначает молодых неопытных офицеров на самые ответственные места производителей работ, он ответил: «Местные условия таковы, что опыт, накопленный инженерами в России, не имеет большого значения. Молодые люди приносят то, чего у старых больше нет: горячий энтузиазм к порученному им делу и непредвзятый ум, а что касается практического опыта, которого им не хватает, то Я ТУТ и меня хватит на всех!» [2; 3, ч. IV, с. 52, 225].

Расчет оказался верным. «Мы принялись за работу с безграничным энтузиазмом, и чертили и рассчитывали целыми днями, не считая часов. На протяжении всей моей службы во Владивостоке не было ни одного инженера, работавшего в качестве производителя работ на месте, кто считал бы часы. Мы работали по 10–12 часов ежедневно, позже и все 24, когда начались большие бетонные работы, и было необходимо постоянное наблюдение. И были мы там и телом, и душой», – констатировал Петр Павлович [2; 3, ч. IV, с. 189].

Однако специфика Российской империи как раз и состояла в том, что ни один военный инженер не мог ничего построить без большого количества прекрасно обученных и подготовленных практиков, от специалистов по нивелировочным работам до рядчиков, подрядчиков и рабочих (поденщиков или объединявшихся в строительные артели в зависимости от специализации, т.е. землекопы, бетонщики, каменотесы, плотники и т.д.). Для начала работ на высоте 217 м (г. Варгина, 458 м), где был возведен Форт № 2, Унтербергеру был назначен Иван Павлович Коновалов – лучший специалист по организации нивелировочных работ из тех, кто работал в то время во Владивостоке на военное ведомство. В результате нивелировка сложнейшей пересеченной местности была закончена практически в рекордные сроки, с середины ноября до Рождества [2; 3, ч. IV, с. 184–188].

О профессионализме этого человека лучше всего свидетельствует один комичный случай, произошедший с Унтербергером и его коллегой К.Н. Кудрявцевым (автор проекта и строитель Форта № 1). Перед переездом Петра Павловича с семьей в специально построенный недалеко от места строительства Форта № 2 дом, последний оставалось оборудовать печами. «Костя в то время составил чертеж, основанный на большой тщательности в расчетах и точности в разработке печей, так, как мы это учили в Академии (Николаевской инженерной академии. – *Р.А.*); каждому кирпичику он определил свое место с любовью и вниманием.

Все это я объяснил теперь Ивану Павловичу и дал понять, что мне бы хотелось, чтобы это было сделано именно так. Он долго смотрел на чертеж со всех сторон и молчал. У меня закралось подозрение.

"Ну, говорите скорее, Иван Павлович! Что случилось?" – "Господин капитан, эти печи не будут тянуть." – "Что значит – не будут тянуть?" – оторопел я. – "Капитан Кудрявцев вычислил все с точностью и тщательностью, насколько это только было возможно, с чего они не будут тянуть?" – "Почему – я не знаю, господин капитан, но я знаю, что тянуть они не будут," – настаивал он. Я принял героическое решение: "А что бы Вы сделали, чтобы они хорошо тянули?" – спросил я. "Я пригласил бы хорошего печника и пообещал бы ему 3 рубля на выпивку, если печи будут хорошими", – не долго думая, сказал он. – "Размер-то правильный, но дымоход уступает тем, что любят хорошие мастера", – заключил он. После этого я думал не долго. "Так и сделайте", – сказал я. Так и было сделано, и печи тянули, и дома было тепло».

Каково же было удивление Унтербергера, когда к нему впервые пожаловала в гости чета Кудрявцевых: «Со слезящимися глазами, насморком и промерзшие пришли они оба к нам в первый раз. "Боже мой, – сказала Мария Викторовна, – как же у вас тепло! У нас ледяной холод, а все печи коптят как бешеные. Я сижу на шубе и едва могу различить мебель в комнате…" – "Это верно, – выдал только Костя, – проклятые печи у нас совершенно не тянут… воняет как в коптильной камере, а все окна покрыты льдом. Какого дьявола они у тебя тянут, а у меня нет?" Я сказал ему. Он ошарашенно уставился на меня: "Ты просто отдал все это на откуп печнику? Ты что совсем не испытываешь доверия к науке?" – "Меньше, чем к опыту Ивана Павловича!" – сказал я. Он рассмеялся с досадой. "Знаешь что?" – сказал, наконец, он, – "я полагаю, я сделаю так же. Я больше не хочу сидеть в прокуренном леднике во имя науки. Однако я просто не знал, что мне делать, а этот выход совершенно не приходил мне на ум!". С тех пор его печи тоже тянули» [2; 3, ч. IV, с. 214, 217].

Техническая организация строительных работ сводилась к трем основным составляющим: материал, работа и транспортировка. Приобретение материалов шло через Крепостное инженерное управление, т.е. все, что требовалось на всех строительных участках, – песок, цемент, древесина, взрывчатые вещества, инструменты, канцелярские принадлежности и т.д., по соответствующему договору ежегодно приобреталось им для всей крепости. Каждый производитель работ был обязан в конце года предоставлять список необходимого для следующего года сырья, строительных материалов, инструментов и т.д., на основании которого управление составляло общие списки для приобретения оптом по заказам. Все мелочи, необходимость в которых выявлялась в течение года, начальники строительства требовали от управления; если искомое было на складе, то они его немедленно получали, если нет, то оно или приобреталось, или начальник строительного участка получал разрешение приобрести его на свой страх и риск.

Большой проблемой стал рабочий вопрос, поскольку использовать для строительства укреплений китайцев, как это делалось до 1909 г., было категорически запрещено, а необходимого количества русских рабочих в регионе просто не было – специалистов требовались тысячи. Кроме того, Унтербергер отмечал, что «рабочие из местных жителей благодаря их выгодному положению были, как правило, требовательны, неопытны и плохи. Это продолжалось, как показала практика, многие месяцы, до тех пор, пока этот рабочий класс не разработал стандарт, могущий удовлетворить разумным требованиям. Затем, однако, уже мой опыт показал, что местный рабочий был лучше привозного почти в любом отношении, так как он был более развит и более умен. Причины, которые к этому его принудили, были двоякого рода: присутствие большой массы привозных рабочих, которая лишала его монопольного положения, и принятый нами при

молчаливом согласии принцип определять местные силы преимущественно на сдельную работу» [2; 3, ч. IV, с. 200].

Таким образом, для начала работ огромное число рабочих было завезено из Европейской России. В зависимости от того, были ли это квалифицированные рабочие (плотники, каменщики, рабочие по металлу) или чернорабочие для земляных и бетонных работ, найм велся по-разному. Первые прибывали во Владивосток по объявлениям в газетах или через официальные органы, на свой страх и риск, преимущественно в виде «Артели», т.е. рабочего сообщества с общим хозяйством. Командировочные расходы выдавались по особому сниженному тарифу для рабочих в аванс, а после завершения работы они отправлялись на тех же условиях на родину, если, конечно, не изъявляли желания остаться на Дальнем Востоке. Плотники и рабочие по металлу были в выигрыше, т.к. могли работать круглый год. Землекопы могли так работать только в коренной породе, т.е. либо в туннелях, либо в нижних слоях котлованов, что и организовали на стройке фортов. Хуже всего было каменщикам, т.к. зимние работы с цементными растворами были возможны только в закрытых помещениях. С начала октября и до конца марта было слишком холодно для штукатурных работ под открытым небом.

«Прием на работу чернорабочих производился через особого посредника, именуемого "нарядчик", практически исключительно в литовских (так в тексте. – *Р.А.*) губерниях Ковно, Гродно и Вильна: население там было довольно плотное, и вследствие этого имелся избыток трудовых ресурсов, которые в любое время находились в распоряжении для больших государственных работ. Подавляющая часть этих рабочих могла использоваться только на земляных и бетонных работах, и лишь небольшая часть имела профессиональное образование каменщика. Своеобразие Родины заключалось в том, что добросовестные квалифицированные рабочие набирались большей частью из определенных провинций; так 3 упомянутые губернии были областями землекопов и каменщиков, Кострома и Орел – плотников; Тула была местом изготовления лучших самоваров и т.д. Нарядчики были настоящими экспертами на рынке рабочей силы и местных отношений и должны были быть хорошо известны в среде рабочих, имея также хорошую репутацию, чтобы получать честных и надежных людей в потребном большом количестве. На строительстве они, с одной стороны, играли роль посредников между администрацией и рабочими, обязанные в отношении последних играть ту же самую роль смотрителей за внутренним порядком и организацией. С другой стороны, в их руках находилось довольствие для рабочих. Они также имели право держать на стройке маленькие лавки для продажи сигарет, материалов для ремонта одежды и тому подобных мелочей, которые требовались рабочим. Нарядчики были совершенно особенным сортом людей, уже только потому, что они почти все без исключения были староверами. … Все нарядчики были всегда пожилыми людьми с жизненным опытом и знанием людей и обладали соответствующим доверием у рабочих; иначе они не смогли бы нанимать многие сотни людей на расстоянии от 8000 до 9000 км», – вспоминал П.П. Унтербергер [2; 3, ч. IV, с. 200–201].

Само строительство было организовано на высочайшем уровне как с технической стороны, так и с оборонительной. Форты строились таким образом, что уже после первого строительного сезона результаты выполненных земляных работ могли использоваться в качестве объектов полевой фортификации для отражения нападения противника. Подобная мера была прямым следствием Русско-японской войны 1904–1905 гг. и напряженной внешнеполитической обстановки в Дальневосточном регионе [2; 3, ч. IV, с. 240].

Техническое оборудование стройки по тем временам можно было считать образцовым. Вообще, каждый строительный участок имел все оборудование для

производства на месте бетона: две крупповские камнедробилки, моечную машину и две мешалки системы Смита с часовой производительностью около 15 м³ в зависимости от количества работников в смене и удаленности строительного котлована. Поскольку у Унтербергера на Форту № 2 объемы работ были более чем в два раза больше тех, что предстояло выполнить на других строительных участках, у него было два бетонных завода. Впрочем, все равно иногда случалось, что удаленность места производства бетона от места выгрузки могла превышать 600–650 м, и тогда готовый бетон доставляли на многочисленных тачках (до 150 шт.). При большой разнице высот на площади производства работ, другие виды транспорта использовать практически не получалось. Только один раз, в самом начале, для бетонирования стрелкового бруствера центрального редута он применил узкоколейную железную дорогу с откидной вагонеткой.

Бетонные заводы были построены так, что материал для смеси подавался только сверху вниз. Щебень падал из сортировочного барабана дробилки непосредственно в моечную машину, построенную по чертежам Крепостного инженерного управления в мастерских на Второй Речке (производительность, как минимум, в два раза большей европейских аналогов). Из моечной машины он падал дальше в измерительные вагонетки, которые привозили его к мешалкам. На этом же уровне были расположены и рельсы для подачи песка, которые с одной стороны пролегали у склада песка, и затем – у сарая с цементом. Необходимые количества этих материалов в одной и той же вагонетке привозили в мешалку. Все железнодорожные линии были круговые, так что вагонетки двигались всегда только в одном направлении и никогда не встречались, что позволяло полностью исключить вероятность столкновения.

Из-за особенностей завода весь запас камней пришлось перенести на наивысшую точку стройки, т.е. вынести из строительных котлованов в крепостных рвах (были выкопаны на самом нижнем уровне работ). «Для этого нужно было создать специальный рельсовый путь с не слишком крутым уклоном для конного транспорта, на котором постоянно работали все имеющиеся на форту животные. Между двумя бетонными заводами, лежащими на разных уровнях, я даже построил небольшую канатную дорогу (система «Полинг» [Pohling]), части которой я совершенно случайно обнаружил в одном из крепостных складов и конфисковал. … Мне она пришлась кстати, потому что все материалы, которые доставляли мне извне, и даже весь запас камня, который я сам производил, подавался на вершину высоты и оттуда транспортировался обратно вниз к месту использования. Так как важнейшим в этих местах был второй бетонный завод, то было важно создать прямую связь между ним и вершиной, для чего канатная дорога прекрасно подходила. Вся транспортировка могла производиться без потребления энергии только с использованием силы тяжести, причем полностью загруженная вагонетка тянула пустую опять наверх. Система работала без каких-либо проблем до конца», – вспоминал Унтербергер.

В его распоряжении имелись также электропневматические буры «Ингерсолль» («Ingersoll») – около 20 шт. Они могли бурить скважины до 12 футов глубиной, их использовали в скалистых грунтах при рытье глубоких котлованов, а отчасти и для буровых работ в туннелях.

Работы требовали и большого количества воды, которую приходилось доставлять снизу. Петру Павловичу повезло – удалось найти достаточно богатый источник примерно на 160 м ниже; он был каптирован и подведен к забетонированному бассейну, откуда вода закачивалась с помощью центробежного насоса на вершину. Там был построен огромный бочкообразный сосуд, который вмещал до 3500 куб. футов воды. Для распределения к местам потребления служила сеть труб. Ну а в доме самого инженерного начальника на чердаке был установлен морозостойкий бак с запасом воды на 3–4 дня.

Для удовлетворения энергетических потребностей всех этих машин каждый строительный участок имел электростанцию из четырех генераторов постоянного тока по 25 лошадиных сил каждый, которые приводились в действие соответствующими нефтяными двигателями системы «Урсус» («Ursus»). Были также еще две динамо-машины по 20 лошадиных сил и два нефтяных двигателя системы «Перкун» («Perkun») для приведения их в действие. Динамо-машины были от фирмы АЭГ [AEG], приводные двигатели – с заводов Варшавы. Всего в распоряжении Унтербергера было 140 л.с., из которых 50 сразу уходило на эксплуатацию канатной дороги, около 60 л.с. – на насос; для привода строительных машин оставались только 40 л.с. Поэтому насос, как правило, работал только тогда, когда наступал перерыв в работе. Потребности строительного оборудования забирали из всего количества по 15 л.с. на каждую камнедробилку, 3 – на моечную машину, 6 или 7 – на каждую мешалку. Механические буры требовали от ¼ до $^1/_3$ л.с. каждый, и вся сеть освещения – около 3 л.с. (когда позволяла погода строительство велось круглосуточно, причем на всех фортах нового сухопутного обвода крепости). Таким образом, электростанция использовалась на пределе своих возможностей [2; 3, ч. IV, с. 222–224].

Особую ценность воспоминаниям П.П. Унтербергера придают филигранные характеристики и словесные портреты, которые он дал своим коллегам, военным инженерам, и их женам. Словесные портреты оказались настолько точными, что позволили идентифицировать многих из них на сохранившихся коллективных фотографиях [2, 3, ч. IV].

К 2015 г. были переведены с немецкого языка на русский и введены в научный оборот две главы воспоминаний П.П. Унтербергера, охватывающие владивостокский период его службы в 1909–1914 гг. [2; 3, ч. IV, с. 165–246].

Работа над переводом и подготовкой текста к печати была достаточно сложной. Дело в том, что изначально в распоряжение группы исследователей истории Владивостокской крепости попал лишь «перенабор» этого фрагмента воспоминаний, который и перевела на русский язык Татьяна Ивановна Шошина (внучка генерала А.П. Шошина). После того как ее сын, Иван Андреевич Брейнер, проверил в нем точность перевода всех технических деталей, был получен уже готовый перевод. Однако радость была недолгой. Вскоре оказалось, что в полученном из Австрии тексте были сделаны очень большие купюры, причем местами менявшие смысл почти до неузнаваемости, а полная версия данного фрагмента оказалась больше первоначальной «демоверсии» почти в два раза. Ознакомившись с полной версией, Татьяна Ивановна быстро перевела все фрагменты, повествующие о ее деде, Алексее Петровиче Шошине, но продолжить работу по состоянию здоровья не смогла.

Публиковать текст в урезанном варианте было крайне нежелательно, поскольку в нем отсутствовали многие из наиболее интересных мест (описания внешности и характера всех военных инженеров и их семей, процедуры утверждения проектов фортов и т.д.). Таким образом, нужно было, чтобы кто-то, желательно хорошо знающий историю Владивостокской крепости, полностью перевел недостающие фрагменты, тщательно сверил весь перевод с оригиналом, при необходимости, отредактировав, а главное – сделал все это в разумные сроки и абсолютно бесплатно. А поскольку единственным из специалистов по истории крепости, кто умел читать по-немецки оказался Р.С. Авилов, то В.И. Калинин вполне справедливо решил, что эту часть работы должен выполнить именно он. По ходу дела оказалось, что «переводчику» желательно знать еще английский и французский языки, поскольку, когда Петру Павловичу не хватало немецких слов, он благополучно использовал английские или французские, периодически достаточно оригинально инкорпорируя их целиком или частями (в основном заимствуя корни слов) в ткань немецкого языка и создавая недостающую лексику,

вроде прилагательных «spiddiger» (шустрый, от англ. speedy – скорый, быстрый, проворный), а иногда и грамматику. Знания этих языков тоже присутствовали, но скорость работы над переводом все это несколько замедлило. Еще одну трудность составляло использование большого количества исторической лексики, специализированной терминологии, различных диалектных выражений (в том числе австрийских), а также наличие философских рассуждений. Петр Павлович в полной мере унаследовал от матери любовь к философии, в которой неплохо разбирался. Его рассуждения о мире и культуре, за редким исключением, весьма поучительны, однако, да простят «переводчика» отечественные «философы», как и любой немецкий (да и не только) философский текст, их просто невозможно перевести на русский язык с абсолютной точностью, хотя для этого и было сделано все возможное. Помощь в подготовке итоговой версии этого перевода оказали несколько человек, знавших об этой работе.

В настоящее время работа над изучением и вводом в научный оборот архива П.П. Унтербергера продолжается.

Список источников

1. Российский государственный военно-исторический архив.
2. Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich). «Между двух стульев». Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера («Zwischen zwei Stülen». Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger).
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I–IV. Владивосток: Дальнаука, 2013–2016.
4. Авилов Р.С. Воспоминания Петра Павловича Унтербергера как источник по истории Дальневосточного исхода // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф., 6–8 октября 2014 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 22-23.
5. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.

УДК 316.77:821.161.3

Жигалова М.П.

ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются проблемы коммуникации в мультикультурном пространстве белорусско-польского пограничья; раскрывается опыт изучения ценностно-смысловых компетенций и социокультурной коммуникации на примерах исследования социокультурных ценностей жителей региона и их отражения в русскоязычной литературе Беларуси, то есть литературе, написанной на русском языке полиэтническими представителями, в том числе и проживающими на пограничье. Исследуются вопросы социокультурной тематики, проблематики, образной системы и этнолингвистики. На примере анализа отдельных фрагментов художественных произведений мы показали, что диалог и полилог культур успешно реализуется на пограничье и, отраженный в литературе, составляет и обогащает опыт социокультурного взаимодействия, который консолидирует мультикультурный социум.

Ключевые слова: коммуникация; мультикультурное пространство; социокультурные ценности; белорусско-польское пограничье; русскоязычная литература Белоруссии; диалог; полилог.

Zhigalova M.P.

THE EXPERIENCE OF SOCIO-CULTURAL INTERACTION AT BYELORUSSIA AND POLAND FRONTIER AND ITS REFLECTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE LITERATURE OF BYELORUSSIA

The article the problems of communication in a multicultural space of the belarusian-polish borderland; reveals the experience of studying of axiological competences and socio-cultural communication in the examples of the study of social and cultural values of the region's residents and their reflection in russian literature of Belarus, that is, the literature written in russian multi-ethnic representatives, including living on the borderlands. Examines the issues of socio-cultural themes, issues, imagery and ethnolinguistics. For example, analysis of individual fragments of works of art, we have shown that dialogue and polylogue of cultures was successfully implemented on the border and reflected in the literature, is and enriches the experience of social and cultural interaction, which consolidates a multicultural society
Keywords: communication; multi-cultural space; socio-cultural values of the belarusian-polish borderlands; the russian-language literature of Belarus; dialogue; polylog.

К концу XX – началу XXI в. русскоязычная литература стала явлением заметным и значимым в литературоведении не только Беларуси [7], но и за рубежом. По-прежнему оставалось востребованным в Беларуси и за ее пределами творчество С. Алексиевич (ныне лауреат Нобелевской премии) и А. Андреева, О. Ждана и Э. Скобелева, Н. Чергинца и Г. Марчука, поэтических произведений [2] региональных поэтов (В. Гришковец, Л. Красевская, Н. Ковалевич), которые смогли синтезировать философские, эстетические и этические начала.

В приграничных регионах стала появляться русскоязычная проза, рассказывающая о социокультурном опыте взаимодействия представителей разных народов, об этнических традициях, их сохранении в мультикультурном пространстве, а также о проблемах, связанных с миграцией населения, катаклизмами нравственности.

Творчество русскоязычных поэтов Беларуси (этнических русских, белорусов, поляков, украинцев и др., пишущих на русском языке) А. Аврутина [4, с. 63–86], В. Гришковца [1; 4, с. 92–106], В. Поликаниной [4, с. 118–126], Л. Красевской [4, с. 106–118], Н. Матяш и др. отличается поисками национальной самотождественности, которая происходит как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже стали уже понятны и близки читателю пограничья. Поэтому, исследуя феномен русскоязычной литературы Беларуси, можно отметить, что в ней отражен богатый опыт социокультурного взаимодействия на белорусско-польском пограничье. Речь идет и о множественности культур, которые взаимодействуют в обществе, а значит, и в судьбе каждого отдельного человека. Применительно к нашей теме, это значит, что мы будем рассматривать вопросы отражения множественности культур в судьбе и творчестве современных русскоязычных художников слова, творчество которых проникнуто идеей гуманизма и любви к людям разных национальностей.

В творчестве поэтессы-брестчанки Л. Красевской, например, в полилог вступают культуры России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии.

В ее стихотворении «Влодавское направление» [5, с. 35] перед читателем предстает Брестско-Подлясское пограничье, полиэтнический народ, его населяющий, слышен специфический язык с многоликим диалектом, такой близкий, как белорусам, так и полякам. Здесь представлена мультикультура региона, в которой давно переплелись обычаи и нравы, традиции белорусского, польского, украинского и русского народов.

Поэтесса подмечает, что, несмотря на разность культур, это мультикультурное пространство все же сумело сохранить главное – единство душ, которое не ведает границ… К такому выводу приходит и читатель, знакомясь со стихотворением поэтессы:

Переплавлялись говоры народа
Веками – в уникальные слова.
А через Буг – ни мостика, ни брода…
Страна другая – общая молва.
Все те же «piaski», «laski» і «karaski»,
Все тот же ветер на две стороны,
Осенние разбрасывая краски,
Предзимние окрашивает сны…

Есть в ее книге «На два голоса» (Брест, 2009) произведения, в которых мультикультурный пласт невелик и находится в подтексте. Но есть и такие, как, например, стихотворение «Alles gut!» (в пер. с нем. «Все хорошо»), которые почти целиком построены на межкультурном, культурологическом материале и иноязычных элементах.

Две страны сошлись на Kuppelnau –
Интересы женщин всех времен.
Швабские арийки, deutsche Frau
И славянский женский наш бомонд.
Голубыми водами Donau
Алую студила в жилах кровь.
Deutscher Mann und auch deutsche Frau,
Я дарю вам память про любовь.

Интер-язык и интер-культура создают в стихотворении особую атмосферу – радости и полета души. Ведь известно, что языковых границ не существует для того, кто хочет быть понятым сам и стремится услышать и понять другого, ибо все души говорят на одном языке. И здесь читатель испытывает ощущение единения всех народов, потому что, несмотря на разные наречья, единым остается для всех народов язык души.

В мире Мефистофель есть и Фауст,
И не Гете в этом виноват.
Пусть хранит Господь Вас, deutsche Frau,
И виват, Германия, виват!

Русскоязычную литературу Беларуси по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности межкультурного и поликультурного взаимодействия. Читая произведения русскоязычных поэтов, которые отражают всю сложность мультикультурного мировосприятия, понимаешь, как переплелись здесь людские судьбы, славянские миры и их культуры.

Именно таким образом на Беларуси сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы. А обозначенные выше характеристики – симбиотичность, проблематичность национальной самоидентификации, консервативность духовных и социальных практик – вовсе не умаляет достоинств ни белорусской, ни украинской, ни польской культур и их значения для настоящих и будущих социальных процессов общеевропейского масштаба.

Заметим, что творчество современных полиэтнических поэтов пограничья нашло отражение в книге В. Гришковца «Белой вежи свет» [1], включающей имена более сотни поэтов Берестчины. В творчестве В. Гришковца* отразился

* Гришковец Валерий Федорович – поэт, переводчик, родился в 1953 г. в Пинске. Печатался в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», «Книжное

многоликий характер Пограничья, соединившего судьбы и темпераменты многих этносов и народов.

В стихотворении «Славянская заздравная» [6, с. 42], например, поэт прослеживает тернистый путь не только родного Полесья, но и тот, который прошли все славяне, живущие ныне в Украине, России, Беларуси. Путь, который был и останется для каждого общим, единым, объединенным вопреки всему «родной землей» и тем «горьким хлебом», который доводилось вкушать славянам на протяжении многих столетий: *Били в колокол –/плевали на святыню./Гнали неповинных/ в пламя под засов./А теперь здесь небо/ не жалеет сини:/ Бывшие Хатыни –/ боль колоколов./ Нынче сосны стройные –/ Янки да Алеси./ Марья, где ты, милая? –/ ива над рекой./ Вдоль полей Смоленщины,/ на моем Полесье,/ На шляхах украинских,/ в стороне степной…/ Расплатились кровушкой/ за поля родные,/ Водкой да слезами/ позалили боль./ Что ж теперь нам путают/ имена святые?/ Что ж нас попрекают/ горькою судьбой?/ В Киеве, в Москве ли,/ в пограничном Бресте,/Пусть колюч, но это –/ наш, родимый хлеб!/ Выпьем и закусим!/ И споем, как прежде,/ На своей,/ на нашей,/ на родной земле!../.*

В. Гришковец говорит и о своих корнях, родителях, роде… Как важно знать их каждому из нас! В стихотворениях «Что же было в отце моем русского?», «Что русского было в батьке моем?» поэт пытается отыскать в себе те черты характера, которые унаследовал от отца и которые всегда составляли основу характера славянина – русского, белоруса, украинца…

Автор отмечает необыкновенное трудолюбие, физическую и духовную красоту славян, их природный ум и бесхитростность, абсолютное доверие людям и честность, искренность, открытость и справедливость, их бескорыстность, выносливость и терпение, умение веселиться и способность взбунтоваться.

Глубокое чувство Родины, общности славянских судеб, братства и дружбы народов значимо и для поэта-белоруса Анатолия Юрьевича Аврутина, который в стихотворении «Я с тобой не дружу, а сябрую…» подчеркивает единство помыслов славян, их исторических судеб:

Я с тобой не дружу, а сябрую,
Ты — про виршы, а я — про стихи,
Ощущая тоску вековую
От твоей векапомнай тугі.
Много ль разницы —
век иль стагоддзе?
Стали прошлым, мінулым уже,
Если все на последнем в природе,
На апошнім, браток, рубеже?
На пределе? На склоне? На грани?
Покорежилось, сбилось с пути?
Если денег, увы, ни в кармане,
Ни в кішэні твоей не найти?
Коль над безданню,
будто над бездной,
Мы стоим, поджимая крыла,
Независимы и незалежны…
Но ни аиста и ни бусла…

Русскоязычные писатели продолжают традиции реализма. В их творчестве преобладают межкультурные аспекты, а в социальной и национальной тематике

обозрение», в журналах «Наш современник», «Москва», «Дружба народов» и др. Лауреат Международной литературной премии им. А. Платонова (Москва), член Союза белорусских писателей (1992) и Союза писателей России (1996). Живет в Пинске и Москве.

часто затрагивается проблема «маленького человека». В этом плане особенно интересно творчество прозаика, драматурга, сценариста Олега Алексеевича Ждана, который показывает, как человек учится выживать в этом прагматичном и меркантильном мире. Первое его произведение было опубликовано в газете «Литературная Россия». Позже печатался в журналах «Дружба народов», «Неман», «Знамя», «Новый мир». Он – автор нескольких книг, повестей и рассказов («Во время прощания», «В гостях и дома», «Черты и лица», «По обе стороны проходной», «Самостоятельная жизнь», «Польша – не заграница» [3, с. 10-15] и др.). С 1963 г. живет в Минске. (Олег Ждан родился 5 января 1938 г. в городе Смоленске (Россия), в семье учителей, а вырос в Могилевской области (Беларусь). В 1960 г. окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института. С 1963 по 1972 г. работал на тракторном заводе, металлургическом комбинате. Позже редактором на телевидении (1972-1973), на киностудии «Беларусьфильм» (1973–1976, 1983–1984). В 1969 г. окончил заочное отделение Литературного института в Москве.)

В серии рассказов «*В небеса, за счастьем*», которые сам автор назвал «путешествиями», отразились события перестроечного и послеперестроечного времени, когда люди, брошенные на выживание, пытались не потеряться в этом мире, а выжить любой ценой, иногда даже теряя честь и достоинство славянина.

Уже само название рассказов «*В Москву за долларами*», «*В Минск за «зайчиками»*, «*В небеса, за счастьем*» подсказывает идею произведения: человек в поисках способов выживания.

Главные герои (люди всех возрастов и национальностей, объединенные одной целью) заняты общим делом – они ищут «счастье» в соседних государствах. Постоянно испытывая разного рода волнения, переживания, а часто и стресс, они (а это в основном женщины), тем не менее, отправляются на поиски заработка снова и снова.

Отличительной особенностью «путешествий» является риск, связанный как с дорогой, рэкетом и часто даже недоездом до места назначения, так и с формой продажи товара и незарабатыванием планируемых денег.

Рассказ «*В Москву, за долларами*» описывает попытку заработать доллары от продажи продуктов. Почти сразу настораживает читателя та ситуация, которую описывает автор: «…тетка Зена оглянулась, и вдруг неожиданная мысль сжала сердце: больше она никогда не увидит ни хату свою, ни деревню». Не менее странным показался и автобус, в котором почему-то «пассажиров мало, а свободных мест нет – все заставлено, завалено мешками, картонными ящиками, сумками». Но даже это не пугает главных героев Зену и Марфу.

Белорусский акцент («крый Бог», «смецце», «торба», «клунки», «вализы» и др.), использование автором жаргонизмов («отлупцевали», «ввалит», «голодранцы» и др.) дает возможность читателю почувствовать уровень интеллекта героев-путешественников, определить их национальность, характеры, понимание ими смысла жизни. И вместе с тем проникнуться сочувствием к постоянной жизни на грани стресса, жизни, которая отбирает не только силы и энергию, но и лишает человека души, так как здесь она никому не нужна.

Рассказ «*В Минск, за «зайчиками»*» освещает уже не только неудачную попытку продать продукты и получить деньги, но проблему разрыва взаимоотношений отцов и детей в условиях беспредельной погони за деньгами.

Как финал деградации человека и потери духовности в семье и обществе является рассказ «*В небеса, за счастьем*». И действительно, автор самим названием рассказа дает читателю ответ на вопрос: где и в чем оно, человеческое счастье. Искать его на земле нет смысла: оно – на небесах.

Главная героиня – Стефа – жестока и бесчеловечна. Она не может ни с кем ужиться, даже с собственными детьми, которые сбежали от нее. И лишь мать-

инвалид, которая боялась свою дочь как огня, вынуждена терпеть ее несносный характер.

Грубо использует Стефа безногую мать для зарабатывания денег: «Если хорошо наторгует старуха, катит вечером домой по траве-мураве, а нет – трясет по мощенной диким камнем улице. С деньгами – везет осторожно, даже нежно; без денег – промчится, как Перун за синими тучами».

Автор подчеркивает, что «она была завистливая, причем не только на деньги. Не могла терпеть даже, если у кого куры лучше несутся, или у петуха хвост круче, или цыплята желтее. Как говорят белорусы, «чужым здароўем хварэла». Что же касается денег…Тут ее ох как трясло-колотило, если кто заработает больше, чем она». Грубое обращение Стефы с самым родным и близким человеком, давшим ей жизнь, вынуждает мать просить у Бога одного – отправиться за счастьем в небеса, ибо на земле его нет. Так все три рассказа убеждают читателя в том, что независимо от национальности, от мировосприятия, человеческий характер по-настоящему проявляется в трудных буднях. И потому даже в самых сложных ситуациях человек должен помнить о своем предназначении и выборе, о своем человеческом достоинстве.

Отметим, что в поэзии полиэтнических художников слова отразились не только элементы родной культуры, но и других культур. Полилог культур лишь помогает вживаться в ментальность чужих культур и постигать их основы, тем самым обогащать и свой внутренний мир.

Как видим, в русскоязычной литературе Беларуси отражен богатый опыт социокультурного взаимодействия и жизни славян на пограничье. А если вектор наших исследований обратить на идею единения славянства и всех людей, ту идею, которая в глобализирующемся мире становится самой актуальной, то выяснится, что сегодня, при все нарастающем космополитизме культур – противоречивом, но неизбежном – опыт социокультурного взаимодействия в мультикультурном пространстве как никогда может оказаться востребованным и значимым, потому что он направлен на консолидацию общества.

Список источников

1. Гришковец В. Белой вежи свет. Мінск: Літаратура і мастацтва, 2011.
2. Жигалова М.П. Русскоязычная лирика Беларуси: жанрово-тематическая и стилевая парадигма // Русский язык и литература. 2010. № 3. С. 33–40; № 4. С. 3–6; № 5. С. 8–16.
3. Жигалова М.П. Сохраним ли человеческое в Человеке: социальные и нравственные проблемы в рассказах О. Ждана // Русский язык и литература. 2013. № 4. С. 10-15.
4. Жигалова М.П. Этновитальность и мультикультурность в литературе: поэзия. Интерпретация и анализ: монография. Saarbrucken, Germany (Германия): Изд-во «Palmarium Academic Publishing GmbH&CO. KG». 2012. 305 с.
5. Красевская Л.Н. На два голоса: стихи и поэма. Брест: Альтернатива, 2009. 111 с.
6. Созвучье слов живих. 2007: сборник стихов / сост. Л. Красевская. Брест: ОАО «Брестская типография», 2008. 140 с.
7. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: коллективная монография. Ташкент: GEO POLIGRAF, 2013. 200 с.

УДК 008:061.2(470:71)

Казачун Г.А., Хабибулин В.А.

РУССКО-КАНАДСКОЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Русско-канадское культурно-просветительное общество (РККПО), созданное в 1950 г. в целях сохранения русской культуры, долгое время являлось единственной общественной организацией, выступающей от лица русской иммиграции перед различными государственными и общественными структурами Канады. РККПО учредило Русско-канадский фонд культурного наследия (РКФКН), который имеет благотворительный статус. Он осуществляет творческую, финансовую и организационную поддержку в области культуры, искусства, науки и образования в Канаде. Задача этих двух организаций – продвижение и сохранение традиций богатой русской культуры, оказание помощи новым иммигрантам в интеграции в канадское общество, консолидация русскоязычной общины в Канаде.
Ключевые слова: Русско-канадское культурно-просветительное общество; Русско-канадский фонд культурного наследия; традиции богатой русской культуры; интеграция в канадское общество; консолидация.

Kazachun G.A., Khabibulin V.A.

THE RUSSIAN-CANADIAN CULTURAL AND ENLIGHTENING SOCIETY

The Russian-Canadian Cultural Aid Society (RCCAS) was founded in 1950 as a non-profit organization. It is run entirely by volunteers. The Russian Canadian Heritage Foundation (RCHF) has been registered as charity because it advances education by increasing the public's understanding and appreciation of arts, through the previsions of performances and seminars. The Society's mission of these two organizations is to promote and maintain rich Russian cultural traditions and help new immigrants integrate into the Canadian way of life.
Keywords: Russian-Canadian Cultural Aid Society; Russian Canadian Heritage Foundation; rich Russian cultural traditions; integrate into the Canadian way of life.

Русско-канадская диаспора, формировавшаяся в течение почти полутора столетий представителями различного социального положения, религиозных, политических убеждений, мотивов и причин эмиграции, долгое время отличалась от многих других разобщенностью, даже враждебностью, отсутствием взаимовыручки, отказом от своей культуры, языка, стремлением ассимилироваться в англо-канадском обществе [5; 10; 11; 13].

Но были и те, кто пытался сохранить русский язык, веру, культуру и традиции. В 1950 г. по инициативе профессора Торонтского университета Б. Ския (Б.П. Еглевского) создано Русское культурное общество. Он же стал и первым его председателем. Издавали журнал «Русское слово в Канаде», организовали литературный кружок, спортивную группу. Открыли библиотеку русской литературы, театр. Режиссером первого русского театра стал приехавший из Словении П.С. Грессеров [3].

В 1973 г. общество было инкорпорировано в провинции Онтарио как некоммерческая организация под названием Русско-канадское культурно-просветительное общество. Его целью было сохранение русской культуры, ее поддержка среди иммигрантов.

РККПО росло и развивалось параллельно с созданием православных приходов в Торонто, сотрудничало с Православной церковью, которая с самого начала была центром притяжения русских иммигрантов. При ней создавались и первые русские школы. Вначале в городе была единственная православная церковь, находившаяся под юрисдикцией Американской православной церкви. В 1949 г. была открыта Троицкая церковь, для которой снимали помещение на втором этаже магазина. В 1951–1953 гг. для проведения служб арендовали протестантскую церковь. Условия аренды были таковы, что каждый раз после проведения службы приходилось убирать все церковное имущество. Позже была построена на средства самих прихожан православная церковь. В 1962 г. появилась церковь Святой Троицы. За это время расширился православный приход, открылись две русские церковные школы, укрепилась русская православная община в целом.

Общими усилиями членов РККПО было приобретено здание для общества, хотя у многих из них в то время еще и своих домов не было. У русских иммигрантов появилось место постоянного общения. Здесь начали проводиться ежегодные традиционные «Рождественские встречи», «Пасхальные встречи», «Русские блины – Масленица», художественные и поэтические чтения, театральные и танцевальные постановки, музыкальные концерты, различные выставки и встречи, популярные вечера [3].

Одной из форм бережного сохранения и передачи традиций русскости, осознания общности стал праздничный бал. Первый русский бал в Торонто состоялся 31 декабря 1951 г. После первого новогоднего бала они проводились по два-три раза в год: осенний бал, зимний, Татьянин бал, кадетский бал, капустник, бал-маскарад, выборы русской красавицы. В 1955 г. участником бала была Великая Княгиня Ольга Александровна, родная сестра Николая Второго. В начале1990-х гг. балы на несколько лет прекратились, но уже в 1996 г. по инициативе А. Шишкова и других членов молодежного комитета традиция была возобновлена.

Общество участвовало в таком особом явлении в жизни многонационального Торонто, как ежегодные, начиная с 1972 г., фестивали «Караван». Фестиваль начинался в конце мая и заканчивался в середине июня. За всю историю было проведено 29 «Караванов». Люди всех национальностей объединялись вокруг своих общественных центров и старались познакомить всех с особенностями своей культуры, языка, кухни, народного творчества, музыкой, танцами, костюмами и узнать традиции и культуру других народов.

Русских павильонов было два: «Волга» – от церкви Христа Спасителя и «Новгород», представлявший РККПО. Каждый день в Русском доме во время «Каравана» работало около 30 человек. Гостеприимство, вкусная еда, всегда «живая» музыка, люди в народных костюмах, все – на благотворительных началах.

После окончания «Каравана» устраивался прием в Русском доме для всех тех, кто трудился и выступал, – и вновь звучала гитара, пели русские песни, танцевали. Руководством фестиваля тоже устраивался главный прием, который больше походил на бал, с вручением призов и наград наиболее отличившимся за время проведения фестиваля. Почти всегда РККПО получало первые призы: 12 раз – за лучшую кухню; 10 раз – за гостеприимство. В 1990 г. – сразу 6 первых призов. «Новгород» был назван лучшим среди 45-ти павильонов «Каравана». В 1996 г. он был назван *«бриллиантиком» в короне «Каравана» (Little Jewel in the Caravan Crown),* потому что «был самым маленьким, а представлял традиции и культуру одной из самых грандиозных держав мира» [2]. Такое участие давало хорошую возможность популяризировать русскую культуру, язык и традиции.

В разные годы Русским обществом руководили М. Наумов, А. Демидов, В. Брюнер, А. Аксон, С. Кононов, А. Климов, Л. Фабрициус, Б. Федосов, Н. Смирнов, В. Морин, Р. Питровский, В. Попов [2].

С 1980 г. президентом РККПО является М.Н. Благовещенская (девичья фамилия Боголюбова) – непростой судьбы человек. Родилась 1926 г. в Пскове, в семье священнослужителей. В 17 лет, оставшись одна, без родных, пережив многие трудности, войну, лагерь для перемещенных лиц в Австрии, в 1948 г. переехала в Канаду. Окончила трехгодичный курс университета Раерсон, факультет бухгалтерии, вышла замуж. С 1970 г. преподавала Закон Божий и историю России в русской школе при храме Святой Троицы. Активно участвовала в деятельности РККПО. За свою неутомимую работу стала одним из немногих общественных деятелей, внесенных в книгу «Canada at the Millennium, 2000» [1, 2009, вып. № 7].

По инициативе Марии Николаевны РККПО учредило Русско-канадский фонд культурного наследия (РКФКН), который впоследствии был назван ее именем. Фонд имеет благотворительный статус. Он осуществляет творческую, финансовую и организационную поддержку в области культуры, искусства, науки и образования в Канаде. Девиз фонда: «Сохранение, преумножение и популяризация русского наследия в Канаде». Финансирование благотворительного фонда поддерживают приходы православной церкви, волонтеры, для которых русская культура, язык и духовность не пустой звук, а часть жизни, оказывают содействие Посольство Российской Федерации в Канаде и Генеральное консульство в Торонто [1, 2009, вып. № 7].

Новый этап развития русской общины и РККПО начался в 1990-х гг. с прибытием большого числа иммигрантов из бывшего Советского Союза. Новая, как ее называют, экономическая волна русской иммиграции, особенно последнего десятилетия, – более прагматична, часто сохраняет русское гражданство. Большинству из них дороги русский язык, культура и традиции, они продолжают общаться на родном языке.

С 2007 г. РККПО и РКФКН им. М.Н. Благовещенской под патронажем Свято-Троицкой Русской православной церкви за границей (Торонто), при сотрудничестве и содействии Русской торговой палаты (Russian Chamber of Commerce in Toronto), начали издавать русско-английский культурно-просветительский журнал «Наследие». На его страницах отражаются разные аспекты духовной, культурной и общественной жизни. По словам главного редактора журнала М.Н. Благовещенской, их цель – «пробуждать у людей интерес к истории, к нашему общему прошлому, пользоваться величайшими достижениями русской культуры в лице прекрасной и глубочайшей русской литературы и русского языка…; знакомство с судьбами людей, народов, государств;… стремление вернуть, а у кого-то и воспитать, историческое чувство самоосознания себя как русского человека; создание условий для всех желающих выйти к читателю на страницах нашего журнала и поделиться своим опытом, знаниями и чаяниями – все это становится возможным, обладая нашим бесценным культурным богатством, *наследниками* которого мы все, без исключения, являемся!» [2].

Н.С. Михалков и редактор журнала «Свой» Н.М. Семина в приветственном письме, опубликованном в первом номере издания, выразили надежду на то, что «Наследие» станет еще одним мостом между Россией и Канадой, переброшенным через пространство и время. Мостом, соединившим друзей – близких по духу и языку, привычкам и вкусам. Одним словом – Своих» [6, 2007, вып. № 1].

В 2009 г., благодаря стараниям и большой работе, проделанной адвокатом В. Никитиным и главой Русской торговой палаты Т. Мукеловой, общество получило от государства благотворительный статус, что помогает укреплять и расширять его финансовые возможности [2].

РККПО отмечает знаменательные даты русской истории, великих ее людей. В 2014 г. провели праздник, посвященный 700-летию со дня рождения преподобного С. Радонежского, под девизом «В единстве и согласии – спасение мира русского». В том же году присоединилось к празднованию Всемирного дня русского

единения, учрежденного в 2009 г. на II международном форуме «Санкт-Петербург и молодые соотечественники: мосты сотрудничества в XXI в.» [4; 9]. В 2015 г. совместно с Оргкомитетом по празднованию 70-летия Дня Победы в Великой Отечественной войне организовали встречу с ветеранами, конкурс детского рисунка «Мир дому твоему, Земля!». 175-летию П.И. Чайковского был посвящен 61-й Русский гала-бал (6 ноября 2015 г.) и т.д. [9].

Значимым событием русской общины стало открытие 29 мая 2016 г. Русского дома Торонто. С приветствиями к участникам праздника обратились основатель Фонда культурного наследия М.Н. Благовещенская, президент Русского общества О. Гребенчук, городской советник Джеймс Пастернак, генеральный консул РФ в Торонто В.Н. Павлов, настоятель Свято-Троицкого храма отец В. Мальченко, первый секретарь посольства РФ в Канаде и представитель Россотрудничества А. Соловьёв, член Федерального парламента Майкл Левитт, представитель городских властей Джоанн Пинн, представитель Royal банка И. Питковская, члены группы Русская Канада, организатор Русской библиотеки в Торонто С. Руфанова и директор Русского дома Н. Викентьева.

Спонсорами мероприятия выступили «Книгомания», «Канадский Курьер», радио «Мегаполис», Русская торговая палата, Canfinse Insurance, Air Trans Forward, школа Престиж и др. [8].

С открытием Русского дома Торонто общество значительно активизировало деятельность, расширило ее направления. Лекции, практические семинары затрагивают не только традиционные проблемы адаптации, а современные, более актуальные для новых иммигрантов, аспекты. Среди них – финансовые (например, семинар «Начало финансовой жизни в Канаде. Инвестируйте уверенно»), юридические (лекция «Доступное правосудие. Ваши права: мифы и реальность») и т.д.

Дальнейшему продвижению великой русской литературы призван содействовать Книжный клуб «Диалог», открытие которого состоялось 7 августа 2016 г. Встречи клуба проходят каждое первое воскресенье месяца.

Для самых маленьких русских канадцев разных возрастных групп, от 6 месяцев до 10 лет, открыта Школа раннего развития на русском языке. В школе предлагают занятия, направленные на развитие русской речи, умственных способностей детей, их творческого и эмоционального потенциала. Программа для детей 2-3 и 4-5 лет включает: русский язык (изучение букв и слогов на основе игры, основы чтения); математику (изучение цифр на основе игры, сложение и вычитание); развитие логики, внимания, творческого мышления, фантазии; разучивание стихов; пение; игру на небольших музыкальных инструментах; рисование, живопись, лепку, аппликацию; игру в кукольный театр [12].

О насыщенной работе общества в Русском доме можно судить по мероприятиям, проведенным в сентябре 2016 г.: 3-4 сентября состоялся первый в Канаде фестиваль «Православная семья в Канаде: крепкие традиции в воспитании, культуре и образовании». Цель фестиваля – познакомить прихожан различных православных церквей большого Торонто для укрепления православной общины, традиционной семьи и для совместных благотворительных, культурных мероприятий.

С 14 сентября для разных уровней и возрастных групп начал работу кружок «Русский язык с увлечением». В его программе – обучение чтению и письму; развитие речи; обсуждение рассказов и сказок; произведений русской классической литературы; отработка навыков правильного произношения; обучение выразительному чтению; заучивание стихотворений наизусть; инсценировки детских произведений. Продолжается проведение конкурса детского рисунка «Мой русский мир».

15 сентября «Русский дом Торонто» и VESTNIK.CA представили уникальный вечер «Романсы для царя». Историк российской музыки, автор книг по ис-

тории шансона и эстрады М. Кравчинский под аккомпанемент гитариста и певца А. Деньга рассказывал о легендарных исполнителях начала XX в., их песнях и судьбах, коварном предательстве и шпионских интригах, великой любви.

С 21 сентября открыт Клуб общения для пенсионеров. В программе клуба: лекции, обсуждения, занятия английским языком, встречи с интересными людьми, экскурсии, информация о системе социальной помощи для пенсионеров, о бесплатных программах и службах, беседы о литературе и искусстве, науке и технике, об истории и жизни в Канаде. Встречи клуба проводятся два раза в месяц: в первую и третью среду. Организован туристический клуб.

2 октября состоялось празднование Всемирного дня русского единения. В этом году он официально посвящен русскому духу, русской душе прошел под девизом «Не может русский человек быть счастлив в одиночку...». Это слова великого русского писателя Владимира Ивановича Даля (1801-1872), 215 лет со дня рождения которого исполняется 22 ноября 2016 г.

Открывающийся 13 ноября 2016 г. 62-й Русский гала-бал посвящен истории русской иммиграции [12].

В последние годы русские общественные и коммерческие организации, ассоциации и клубы, предлагающие широкий спектр услуг (профессиональных, информационных, культурно-образовательных), создаются как группой лиц, так и отдельными гражданами практически по всей Канаде [5].

Русско-канадское культурно-просветительное общество долгое время оставалось единственной общественной организацией, выступающей от лица русской иммиграции перед различными государственными и общественными структурами Канады. Оно внесло существенный вклад в сохранение и продвижение русской культуры в Канаде, самоопределение русских, «постепенно, капелька за капелькой осуществляя объединение и укрепление русской колонии», расширение многоплановых связей с исторической Родиной.

Список источников

1. Благовещенская М.Н. Воспоминания // Наследие / Heritage. 2007-2009. Вып. № 1-8. URL: https://www.rcchf.ca/heritage/magazine-heritatage/ (дата обращения: 24.04.2016).
2. Благовещенская М.Н. К 60-летию Русского культурно-просветительного общества. URL: https://www.rcchf.ca/frontpage/60-years-together-russian.html (дата обращения: 24.04.2016).
3. Благовещенская М.Н. Обращение Президента РККПО. URL: https://www.rcchf.ca/slideshow/our-history.html (дата обращения: 24.04.2016).
4. Всемирный день русского единения – 2014. URL: https://vk.com/russianunityday2014. (дата обращения: 20.09.2016).
5. Казачун Г.А., Хабибулин В.А. Русские канадцы: на пути интеграции и самоидентификации // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы междунар. науч. конф., 6-8 октября 2014 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2015. С. 69-77.
6. Наследие / Heritage. 2007-2009. Вып. № 1-8. URL: https://www.rcchf.ca/heritage/magazine-heritatage/ (дата обращения: 18.10.2016).
7. Россия и русская жизнь в Канаде. Интервью М.Н. Благовещенской. URL: https://www.rcchf.ca/images/stories/pdf/07_HERITAGE.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
8. Русский дом Торонто. URL: https://www.rcchf.ca/russian-house/ (дата обращения: 24.09.2016).
9. Русское общество в Канаде. URL: https://vk.com/rcchf (дата обращения: 07.09.2016).
10. Фалковски О.Е. Векторы восприятия России в Канаде. Новые российские гуманитарные исследования. URL: http://nrgumis.ru/articles/83/ (дата обращения: 25.05.2016).
11. Черкасов А.И. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. Русские канадцы. URL: http://www.niworld.ru/Statei/cherkasov/n5.htm (дата обращения: 12.05.2016).
12. Russian-Canadian Cultural Aid Society. URL: https://www.rcchf.ca// (data: 20.05.2016).
13. The Encyclopedia of Canada's Peoples/Russians/Richard A. Pierce. URL: http://www. russianhouse.ca/ (data 14.06.2016).

УДК 93/94

Каневская Г.И., Массов А.Я.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В АВСТРАЛИИ (ПО ЛИЧНЫМ ВПЕЧАТЛЕНИЯМ ОТ ПОСЕЩЕНИЯ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА В 2015 г.)

В статье освещаются итоги пребывания авторов в Брисбене, Сиднее, Канберре и Мельбурне в июне-июле 2015 г. с целью изучения современного положения русской диаспоры в Австралийском Союзе. Отмечается развитие процесса консолидации различных волн российской иммиграции в Австралии (потомков белой эмиграции, перемещенных лиц и «харбинцев»), которые ранее испытывали по отношении друг к другу чувства недоверия и отчуждения. Подчеркивается усиление роли в общественной жизни русских иммигрантов представителей последней, так называемой «экономической» волны русской эмиграции. Эти люди сохраняют тесные связи со своей исторической родиной, что объективно создает условия для использования русской диаспоры в качестве «мягкой силы» при выстраивании отношений Российской Федерации с Австралийским Союзом.
Ключевые слова: русская диаспора в Австралии; история русской эмиграции; мультикультурализм в Австралии.

Kanevskaya G.I., Massov A.Ya.

THE CONTEMPORARY STATUS OF THE RUSSIAN DIASPORA IN AUSTRALIA (ON PERSONAL IMPRESSIONS FROM VISITING THE FIFTH CONTINENT IN 2015)

The article discusses the results of the authors' sojourn in Brisbane, Sydney, Canberra and Melbourne in June and July 2015 for studying current situation of the Russian diaspora in the Australian Commonwealth. It is noted the process of consolidation of different waves of Russian immigration in Australia (white emigration descendants, displaced persons and Former Russian inhabitants of Harbin), which previously felt a sense of mistrust and alienation towards each other. It is emphasized the growing role of the representatives of the latest so-called «economic» wave of Russian emigration in the public life of Russian diaspora. These people maintain close ties with their historical homeland, which objectively creates the conditions for using Russian diaspora as a «soft power» in forming-up relations between the Russian Federation and Australian Commonwealth.
Keywords: russian diaspora in Australia; the history of Russian emigration; multiculturalism in Australia.

В июне-июле 2015 г. по гранту Петербургского информационно-культурного центра «Русская эмиграция» и созданной в Петербурге Ассоциации исследователей Русского зарубежья в странах Азиатско-Тихоокеанского региона авторы данного сообщения посетили Австралию. Цель поездки состояла в сборе материалов по истории и современному положению русской диаспоры в этой стране. По данным переписи 2011 г., в Австралии насчитывается более 74 тысяч русских, из которых 44 тысячи пользуются русским языком как языком повседневного общения [12]. В Австралии действуют русские этнические организации на уровне штатов, существует и общеавстралийский Совет российских соотечественников в Австралии [10]. В Австралийском Союзе сформирована система финансирования этнических, в том числе и русских общественных организаций. Они получают гранты как от федерального правительства, так и от правительств

штатов и мэрий городов. За время поездки мы посетили Брисбен, Сидней, Канберру и Мельбурн, общались с руководством и активистами русских этнических организаций и редакторами русскоязычных масс-медиа Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Виктории, что в итоге и позволило составить представление о процессах, протекающих в наши дни в русской общине пятого континента. Удалось также поработать с документами по истории русской иммиграции в Австралии в архивах и библиотеках Брисбена и Канберры, в частности, с материалами архива Т. Пула–Э. Фрида в библиотеке Университета Квинсленда и коллекцией личных документов русских эмигрантов в Австралийской национальной библиотеке [13; 11]. Однако эта сторона нашего пребывания и работы в Австралии требует отдельного обстоятельного анализа и в данном сообщении затрагиваться не будет.

Первые встречи с русскими австралийцами произошли в Русском общественном центре Квинсленда (Брисбен), где мы беседовали с членами правления и общались с представителями русской диаспоры в Русском клубе Брисбена. Президент Русского общественного центра Квинсленда А.К. Клестов и члены правления рассказали нам о многогранной деятельности центра. В Брисбене мы также посетили старейший православный храм – Свято-Николаевский собор, официально признанный памятником архитектуры и отметивший в 2013 г. свое 90-летие. Настоятель храма протоиерей Гавриил Макаров является членом Совета российских соотечественников в Австралии и кроме своих пасторских обязанностей ведет большую общественную работу. Настоятель рассказал о реставрации храма и тех благотворительных программах, которые приход реализует среди русских жителей Брисбена (подробнее о Свято-Николаевском соборе см. [6]).

В Сиднее руководством Русского клуба в Стратфилде 1 июля 2015 г. была организована специальная встреча с представителями русской диаспоры Нового Южного Уэльса. Встречу вел А.П. Ивачев, долгое время являвшийся одним из ведущих сотрудников русской службы австралийской радиостанции SBS. На это мероприятие собрались более 50 человек. Наряду с беседой о положении русских в Сиднее и работе Русского клуба была проведена презентация книги «Российская консульская служба в Австралии в 1857-1917 гг.», подготовленная одним из авторов настоящего сообщения совместно с австралийской исследовательницей М. Поллард [8]. Участники встречи были проинформированы о деятельности созданного в Петербурге Информационно-культурного центра «Русская эмиграция» и об учреждении в северной столице Ассоциации исследователей русского зарубежья в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Речь шла также о пользе создания русского архива в Австралии, и подчеркивалась необходимость для русской диаспоры регулярно отправлять новые русские издания, выходящие на пятом континенте, в библиотеки России. Это позволит ввести их в круг российской культуры и сделать доступными для российских исследователей.

В Брисбене и Сиднее у нас была возможность посетить русские православные участки на городских кладбищах, и мы смогли собственными глазами убедиться, с какой заботой и ответственностью относятся русские австралийцы к сохранению памяти о своих предках. На кладбищах идеальный порядок, могилы ухожены. В Сиднее на территории православной секции кладбища Руквуд по проекту архитектора М.А. Бакича воздвигнута православная часовня. На кладбищах Сиднея похоронены, в частности, закончившие свой жизненный путь в Австралии выпускники Восточного института во Владивостоке ориенталисты А.П. Хионин и С. Г. Вологодский.

Знакомство с работой русских общественных организаций продолжилось в Мельбурне, куда мы прибыли по приглашению основателя и руководителя Ассоциации городов-побратимов Петербург–Мельбурн А. Петровой и где нас принимали супруги А.А. и Е.В. Ильины. Уже многие годы они являются лидерами

русской диаспоры штата Виктория. Е.В.Ильина – президент Русского этнического представительства (РЭП) штата Виктория, а А.А.Ильин в качестве сотрудника РЭП возглавляет программу соцобеспечения и одновременно является председателем Русского клуба Мельбурна. Ильины подробно рассказали о разносторонней деятельности возглавляемых ими организаций, направленной на создание благоприятных условий для адаптации русских иммигрантов, на сохранение национальной культуры и на развитие связей с исторической родиной. При посещении Русского клуба в Мельбурне мы получили непосредственное представление об основных направлениях работы клуба. Клубу принадлежит большое здание, в просторных помещениях которого регулярно проходят различные мероприятия, работают танцевальный, музыкальный, театральный коллективы, имеется хорошо оборудованный кабинет для обучения пенсионеров компьютерной грамотности, богатая библиотека. В ее фондах имеются и публикации материалов первых конференций во Владивостоке (1999 – 2003 гг.) по истории русской эмиграции.

Одной из задач командировки являлось знакомство с русскоязычными СМИ, газетами и теле- и радиостанциями, работающими на пятом континенте. Нам удалось наладить контакт с В.А. Кузьминым, главным редактором газеты «Единение» (Сидней), издаваемой еженедельно с 1950 г. и входящей в пятерку старейших русских газет дальнего зарубежья. Именно на страницах этой газеты 13 июля 2015 г. была опубликована большая статья о нашей встрече с русскими австралийцами в Русском клубе Сиднея [3]. Интересным было общение с редактором и издателем выходящего с 2009 г. нравственно-образовательного журнала «Австралийская лампада» (Брисбен) Л.Л. Ларкиной. Познакомились мы и с работой этнических радиостанций и даже дали их корреспондентам интервью. Это этническое радио Брисбена, где передачи на русском языке выходят один раз в неделю в течение часа и слушают их, по данным редактора русской службы Е. Мануйлиной, до 1000 человек, и русская служба государственной радиостанции SBS с гораздо более широкой слушательской аудиторией. Русские программы SBS выходят трижды в неделю по одному часу. В течение многих лет программу возглавляет С. Цыскина (интервью С. Цыскиной на SBS см. [2]).

Получили мы представление и о культурной жизни русской диаспоры. В Сиднее нам посчастливилось побывать на репетиции замечательного ансамбля русских народных инструментов «Балалайка», который с 1973 г. возглавляет В.Д. Сергий. Репертуар ансамбля весьма обширный и разнообразный – от русской народной музыки до произведений современных российских композиторов [5]. Оркестр В.Д. Сергия – яркий пример взаимодействие культур: любовь к русской музыке привела в оркестр многих австралийцев. В составе оркестра заметна и русская молодежь, в том числе и один молодой человек из Владивостока, а значит, у этого талантливого коллектива есть будущее. Совсем недавно, в сентябре-октябре 2016 г., с большим успехом прошли гастроли этого коллектива в Благовещенске, Хабаровске и Южно-Сахалинске. Как об «уникальным ансамбле из Австралии», который произвел «большое впечатление на зрителей», не желавших отпускать артистов и вызывавших их на бис, писали о Сиднейском оркестре масс-медиа Благовещенска. «Великолепным» и «на "ура" принятым зрителями» оценил концерт «Балалайки» в Южно-Сахалинске сайт Сахалинской филармонии (подробнее см. [1; 9]).

Следует особо подчеркнуть, что повсюду во время встреч с представителями русской общины Австралии нам было оказан исключительное теплый прием, истинно русское гостеприимство и проявлена полная готовность оказать содействие в получении необходимой информации.

По итогам нашей поездки в Австралию и знакомства с современным положением русской диаспоры в Австралии хотелось бы поделиться наиболее значимыми выводами и наблюдениями.

Прежде всего, следует отметить, что сегодня в Австралии стираются ярко проявлявшиеся ранее обособленность, предубеждения, а иногда и откровенная неприязнь между разными волнами русской иммиграции – белой эмиграцией и ее потомками, перемещенными лицами («дипишниками»), выходцами из Китая, которых обычно обозначают термином «харбинцы» и, наконец, представителями современной экономической эмиграции. Отчасти это связано с тем, что сегодня в активном возрасте, при котором возможно участие в общественной жизни русской диаспоры, находятся не непосредственно «белые русские», а их дети и внуки, дети перемещенных лиц и «харбинцы», которые были вывезены из Китая, в лучшем случае, детьми. Все они находятся примерно в одинаковых социально-экономических условиях и отличаются в целом сходным уровнем жизни.

Значимым фактором единения некогда разрозненных частей русской диаспоры является то обстоятельство, что теперь ее не разделяют идеологические разногласия, которые ранее жестко противопоставляли людей друг другу. Наоборот, мы постоянно видели гордость русских австралийцев за свою историческую родину, готовность морального единения с Россией, ее внешней политикой, ее достижениями и проблемами. Это свое сопряжение с судьбами России постоянно подчеркивалось нашими собеседниками.

Обязательно надо отметить еще одно обстоятельство: наиболее активным «ферментом», активизирующим и во все большей степени определяющим общественную жизнь современной русской диаспоры в Австралии, стали представители так называемой экономической эмиграции конца XX – начала XXI в. Все они – люди энергичные и амбициозные и покинули Россию не по политическим, а сугубо по экономическим причинам. Они в полной мере сохраняют любовь и интерес к русской культуре, поддерживают личные, профессиональные и семейные связи с исторической родиной и нередко возвращаются в Россию на постоянное место жительства. Эти люди не понимают и не разделяют традиционного в прошлом для русской диаспоры в Австралии разделения на белых, «дипишников» и «харбинцев».

Подчеркнем также, что процесс интеграции русских в австралийское общество проходит без серьезных психологических проблем и не связан со сколько-нибудь значительной ломкой их культурных архетипов и традиций. Политика мультикультурализма, успешно проводимая правительством Австралии, дает возможность представителям национальных меньшинств, в том числе и русским, с одной стороны, сохранять свое этническое и, в том числе, религиозное своеобразие, с другой – осуществлять плавную и возможно безболезненную интеграцию в англо-саксонское в своей основе австралийское общество. В результате русские в Австралии в состоянии избежать полной ассимиляции, и, в то же время, нет угрозы превращения русского национального меньшинства в замкнутое и изолированное гетто.

Вместе с тем неизбежные процессы ассимиляции затронули и русскую общину. Дети первого поколения мигрантов, как правило, говорят по-русски, но не читают и не пишут на русском языке, а внуки в лучшем случае понимают русский, предпочитая общаться в повседневной жизни на английском языке. Нельзя не признать, что ассимиляторские тенденции в известной степени усиливает и то обстоятельство, что у нынешних представителей русской диаспоры в Австралии нет столь же ярко, пассионарно выраженного желания сохранить свою «русскость» и традиционную русскую культуру для пользы «будущей посткоммунистической» России, которое было у белой эмиграции и первого поколения харбинцев. Создание представителями русской общественности и церковными православными приходами русских воскресных школ способствует замедлению процесса ассимиляции, но не может остановить его полностью.

Несмотря на процесс естественной ассимиляции, русской диаспоре в Австралии не грозит исчезновение. И дело не только в ее численности, мощных культурных традициях, включая культурное наследие осевших в Австралии русских иммигрантов XX в. Дело в том, что русская диаспора Австралии постоянно пополняется новыми представителями, эмигрантами наших дней. Повторим еще раз, что именно эти люди выступают сегодня как наиболее деятельный субстрат русской общины в плане организации работы русских этнических объединений, клубов и масс-медиа. При их готовности сохранять тесные связи с исторической родиной вполне возможно плодотворное сотрудничество российских государственных и общественных организаций по связям с соотечественниками за рубежом, с организациями русской диаспоры в Австралии. Такое сотрудничество не только поможет австралийским русским не утратить связь с родиной и сохранить свое культурное своеобразие, но и позволит поднять имидж России, улучшить понимание ее внутренней и внешней политики непосредственно в австралийском обществе. По сути дела русская диаспора имеет все основания выступать как фактор «мягкой силы» при выстраивании отношений Российской Федерации и Австралийского Союза.

В заключение отметим, что наша поездка в Австралию оказалась весьма полезной и плодотворной. Собранные материалы уже используются для подготовки печатных работ по истории и современному положению русской диаспоры в Австралии и позволяют определить рубежи дальнейших научных изысканий в этом направлении. Первые публикации по итогам поездки уже появились на страницах петербургских научных изданий [4; 7].

Список источников

1. Балалаечники из Сиднея приехали в Благовещенск в свой отпуск и за свой счет. 28 сентября 2016 г. URL: http://asn24.ru/news/culture/29621/ (дата обращения: 06.10.2016);
2. В поисках материалов о русской эмиграции в Австралии. URL: http://www.sbs.com.au/yourlanguage/russian/ru/content/v-poiskah-materialov-o-russkoy-emigracii-v-avstralii?language=ru (дата обращения: 06.10.2016).
3. Встреча с российскими историками в Сиднее // Единение. 2015. 13 июля.
4. Каневская Г.И., Массов А Я. Материалы по истории русской диаспоры в Австралии XIX-XX вв. в архивах и библиотеках пятого континента (по итогам поездки в Австралию в 2015 году) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. № 16. С. 190-208.
5. Кузьмин В. Традиции сиднейской «Балалайки» // Единение. 2015. 3 августа.
6. Ларкина Л.Л. Свято-Николаевский приход в Брисбене: первый русский православный храм в Австралии. Brisbane: Australian Lampada, 2013. 72 с.
7. Массов А.Я. Очаг русской музыкальной культуры в Австралии // Россия в глобальном мире: альманах. 2015. № 7 (30). С. 288-293.
8. Российская консульская служба в Австралии. 1857–1917 гг.: сб. док. / сост. и авт. ввод. ст. и коммент. А.Я. Массов, М. Поллард М.: Международные отношения, 2014. 352 с.
9. Сиднейский оркестр русских народных инструментов «Балалайка» дал великолепный концерт в Южно-Сахалинске! 3 октября 2016 г. URL: http://sakhfilarmonia.ru/news/post/252/ (дата обращения: 06.10.2016).
10. Совет российских соотечественников в Австралии / Russian Australian Representative Council. URL http://rarc.com.au/ (дата обращения: 06.10.2016).
11. Papers of Russian émigrés, circa 1920-circa 1949 [manuscript]. MS Acc03/88 // National Library of Australia. URL: http://catalogue.nla.gov.au/Record/880139?lookfor=Papers of Russian émigrés, circa 1920-circa 1949& (дата обращения: 06.10.2016).
12. SBS Census Explorer. URL : http://www.sbs.com.au/news/census-explorer (дата обращения: 06.10.2016).
13. Thomas Poole and Eric Fried Collection UQFL 336 // Fryer Library, University of Queensland. URL: https://www.library.uq.edu.au/fryer-library/ms/uqfl336.pdf (дата обращения: 06.10.2016).

УДК 94(47).084.6

Кузнецов Д.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СССР И СУДЬБА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ХАРБИНЦЕВ»

В статье рассматривается проблема политических репрессий в отношении так называемых «харбинцев». Выявлены три ключевых этапа, в рамках которых «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти: 1. До 1937 г. 2. 1937-1938 гг. 3. 1945–1947 гг. В ситуации, когда размах репрессий становился все более широким, «харбинцы», проживавшие ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне. Их судьба была фактически предрешена. Волна Большого террора поглотила практически всех «харбинцев».
Ключевые слова: КВЖД; «харбинцы»; эмиграция; реэмиграция; репатриация; депортация; политические репрессии в СССР.

Kuznetzov D.V.

THE POLITICAL REPRESSIONS IN THE USSR AND THE FATE OF THE SO-CALLED «KHARBINETS»

The article the problem of political repression concerning so-called «harbinites» is considered. Three key stages when «harbinites» were exposed to prosecutions from outside the Soviet power are revealed: 1. To 1937. 2. 1937–1938. 3. 1945–1947. In a situation when scope of reprisals became more and more wide, «harbinites», living earlier in territory of the foreign state, could not appear aside. Their destiny has been actually predetermined. The wave of «The Great Terror» has absorbed practically all «harbinites».
Keyword: KVZhD; «harbinites»; emigration; remigration; repatriation; deportation; political repression in URSS.

Маховик массовых репрессий, раскрутившийся с небывалой силой в СССР в 1937–1938 гг., перемолол не только миллионы советских граждан, но и десятки тысяч русских эмигрантов и реэмигрантов. Среди них – так называемые «харбинцы». Несмотря на то, что данная тема привлекает внимание отечественных исследователей, в последнее время были обнародованы новые (в том числе архивные) документы, позволяющие более широко взглянуть на проблему.

Основными источниками для написания данной статьи послужили архивные материалы, в частности, документы Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД СССР и др. Кроме того, мы обращались к результатам уже проведенных исследований, которые в той или иной степени связаны с рассматриваемой проблемой (Н.Н. Аблажей [7–14], Н.Е, Аблова [15; 16], Е.Е. Аурилене [17], П.П. Балакшин [18], В.П. Иванов [20], Г.В. Мелихов [23–25], Н.Д. Старосельская [27], А.А. Хисамутдинов [29] и др.).

Термин «харбинцы» следует отличать от терминов «харбинские русские» и «русские харбинцы», под которыми понимаются несколько поколений русских, живших в г. Харбине, являвшимся главным узловым городом Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1930-е гг. в СССР получили распространение термины «КВЖДист» и «харбинец». В данном случае имелись в виду все люди, имевшие отношение к КВЖД, т.е. лица, в разное время работавшие на КВЖД, причем независимо от того, жили они в Харбине или нет.

Эта довольно многочисленная группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая, образовалась в результате процесса строитель-

ства и эксплуатации КВЖД. Значительная часть лиц, работавших на КВЖД, переселилась сюда еще на рубеже XIX–XX вв. После передачи в 1924 г. КВЖД в совместное советско-китайское управление среди персонала КВЖД оказались граждане СССР, командированные на работу на Северо-Восток Китая. Одновременно с этим была введена практика предоставления советского гражданства тем, кто ранее им не обладал, но имел отношение к КВЖД, поскольку установление советско-китайских отношений и подписание соглашений о КВЖД с пекинскими и мукденскими властями открыло путь к получению советского гражданства значительному числу бывших российских подданных, за «исключением лиц, служивших в белой армии. Таким образом, в своей основе сложилась группа так называемых «харбинцев».

Наряду с ними, довольно значительной по своей численности оказалась также еще одна группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая, – беженцы и участники Белого движения, покинувшие Россию под влиянием революционных событий.

Уже в течение 1921–1927 гг. была предпринята первая попытка возвратить эмигрантов на родину, но реэмигранты, вернувшиеся в страну как легально, так и нелегально, подверглись преследованиям со стороны советских властей. Факты службы в белой армии, эмиграции или нелегального перехода на советскую территорию становились основанием для репрессий. Общее число репрессированных составило тогда несколько тысяч человек [14, с. 49-51].

В 1929 г., в связи с конфликтом на КВЖД, в СССР возвратилась большая группа представителей технической интеллигенции [7, с. 57-61]. Устроившись на работу на железных дорогах страны, в 1932 г., в обстановке развернувшейся шпиономании, значительная часть бывших работников КВЖД подверглась репрессиям.

Продажа 23 марта 1935 г. СССР Маньчжоу-Го Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в соответствии с подписанным в Токио соглашением [5, с. 204-213], вызвала процесс репатриации, участие в котором приняли бывшие сотрудники КВЖД и члены их семей, имевшие советское гражданство или принявшие советское гражданство. Только за 1935 г., по данным Народного комиссариата иностранных дел СССР, из Китая выехало 21 343 человека, которые были планово распределены в системе железнодорожного транспорта [8]. Репатриация продолжилась и в последующие годы. Возвратившись на родину, практически все из репатриантов оказались под пристальным вниманием НКВД и в конечном счете были репрессированы.

Важно подчеркнуть, что, оказавшись в Харбине, в силу самых разных обстоятельств, в том числе связанных с революционными событиями в России, многие «харбинцы» (в их числе те, которые оказались в Китае еще до 1917 г.), не оставляли надежд вернуться на родину. Во всяком случае, именно об этом говорят бывшие харбинцы, принявшие участие в проекте «Рельсы судьбы: русские в Китае. 1917–1955 гг.» (2007-2008 гг.), в рамках которого Центр устной истории и биографии Международного мемориала в течение нескольких лет собирал устные свидетельства по истории политических репрессий в СССР. Интервью, записанные с бывшими харбинцами, свидетельствуют, что каждая семья принимала индивидуальное решение о переезде, основываясь на своих внутренних представлениях о правильности сделанного выбора. При этом осуществленная в 1935 г. продажа КВЖД, в их представлении, как бы заканчивала русский период Харбина. В сознании многих из них отъезд был тотальным, привычный мир переставал существовать. С другой стороны, идеи построения справедливого общества в СССР, получившие широкое распространение в мире, оказались привлекательны для многих. Кроме того, появлялась возможность осуществить мечту родителей о возвращении в Россию. Очевидно, что свой вклад внесло и то, что в СССР была

организована громкая кампания по встрече харбинцев с митингами и лозунгами. «Мы ехали на родину, мы ехали с почетом!», – вспоминает одна из участниц этого проекта. Однако по мере продвижения по советской территории постепенно усиливался страх за свою дальнейшую судьбу. Мелькавшие перед глазами картины советской жизни, в большинстве своем вовсе не являвшиеся радужными, вселяли тревогу и осознание того, что уже ничего нельзя изменить. «Мы ехали как кролики», – вспоминает еще одна из участниц этого проекта [22].

Тем не менее, в течение 1935–1937 гг. происходил процесс интеграции «харбинцев» в советское общество, который можно расценить как достаточно успешный, учитывая то, что многие из вернувшихся на родину специалистов, отличавшиеся высоким уровнем квалификации и ранее работавшие на КВЖД, смогли найти работу на советских предприятиях транспорта и промышленности.

Несмотря на это, перспектива вхождения «харбинцев» в советское общество на правах его полноправных членов была осложнена развернувшейся вскоре кампанией массового террора.

Локальные репрессии в отношении бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г., что было связано с кампанией «разоблачения шпионов на железнодорожном транспорте». В 1936–1937 гг. в советской периодической печати прокатилась волна публикаций, посвященных деятельности на территории СССР иностранных разведок, в том числе японской, которая, как указывалось, использовала для вербовки агентуры эвакуацию советских граждан с КВЖД. Так, в статье, опубликованной на страницах газеты «Правда» в номере от 9-10 июля 1937 г., в которой рассказывалось о японских спецслужбах и их деятельности против Российской империи и Советского Союза, указывалось, что среди вернувшихся на родину бывших служащих КВЖД немало японских агентов – «среди этих отъезжавших также оказались люди, завербованные японской разведкой» [26]. Подобного рода материалы, получавшие значительный отклик со стороны советской общественности, фактически подготовили почву для перехода к практической реализации так называемой «харбинской операции».

Начало массовым репрессиям, предпринятым в отношении «харбинцев» («харбинская операция») было положено 20 сентября 1937 г., когда появились два документа, подписанные народным комиссаром внутренних дел СССР Н.И. Ежовым – оперативный приказ «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев» и закрытое письмо «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев». Оба документа (в настоящее время их подлинники находятся в Архиве ФСБ РФ) были утверждены решением Политбюро ЦК ВКП (б) № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [2].

Согласно документам НКВД, в СССР насчитывалось до 25 000 человек так называемых «харбинцев». К ним относились бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Манчжоу-Го, которые в тот момент работали на железнодорожном транспорте и в промышленности СССР.

Опираясь на «учетные и агентурно-оперативные материалы», был сделан вывод о том, что «прибывшие в СССР харбинцы в значительной части являются бывшими белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских фашистских организаций и т.п.». Подчеркивалось, что «в подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности».

Указывалось, что еще до продажи КВЖД китайская полиция и японская разведка, особенно после захвата Маньчжурии японцами в 1932 г., проводили массовую вербовку среди советских граждан, осуществляя это «в целях создания диверсионных и шпионских кадров на Китайско-Восточной железной дороге для

последующей переброски их на территорию СССР», причем особенно широкая вербовочная работа была развернута среди молодежи.

Отмечалось, что завербованные харбинцы обычно направлялись на особые диверсионно-шпионские курсы (школа шоферов Ядловского, автотракторные курсы «Прага», «Интернационал», курсы генерала Сычева и др.), после чего проходили «стажировку», выполняя различные задания, нацеленные на получение практических навыков диверсионной и шпионской деятельности.

Причастными к вербовочной работе японской разведки среди харбинцев были объявлены: японские военные миссии, японские жандармские отряды, японо-маньчжурская полиция, японские торгово-промышленные предприятия, «Всероссийская фашистская партия», «Дальневосточный союз военных», «Эмигрантское бюро», молодежные организации («Черное кольцо», «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Союз христианских молодых людей», «Русский студенческий союз» и др.), спортивные организации («Комета» и др.) и др. Подчеркивалось, что все они готовили террористов, диверсантов и шпионов, перебрасываемых японской разведкой на территорию СССР.

Практикуя в качестве методов вербовки методы провокации, компрометации и шантажа (в том числе применительно к нелегальным работникам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и резидентам ОГПУ в Маньчжурии), используя возможности женской агентуры (например, агент японской военной миссии в Харбине, являвшаяся артисткой), японская разведка, как указывалось, использовала двойников, осуществляла перевербовку советской агентуры и внедрение своей агентуры в аппараты советской разведки и контрразведки.

Переброска японской разведкой своей агентуры в СССР почти во всех случаях проводилась с таким расчетом, чтобы обеспечить агентуре легальный въезд и дать возможность укрепиться, осесть на месте, наладить необходимые связи и до известного времени (иногда в течение нескольких лет) не вести никакой нелегальной работы. В числе широко применяемых японской разведкой методов переброски с диверсионно-шпионскими заданиями в СССР назывались агенты-женщины, которым для легализации, установления необходимых связей и получения шпионских сведений рекомендовалось выходить замуж за ответственных работников, командиров РККА, инженеров, работающих на предприятиях транспорта и промышленности, особенно на заводах оборонной промышленности и других объектах, имеющих стратегическое значение. Перечислялись также случаи, когда завербованные японской разведкой женщины вели свободный образ жизни, заводили знакомства среди военнослужащих и инженерно-технического персонала и вступали с ними в сожительство, собирая, таким образом, через свои связи ценные сведения, которые затем направляли в Харбин. Одна из таких женщин-агентов, имевшая специальное задание собрать ряд разведывательных сведений по частям Приволжского военного округа, вступила в сожительство с несколькими командирами расположенных в Сталинграде частей РККА.

В качестве доказательства подрывной работы харбинцев в СССР приводились следственные материалы. Подчеркивалось, что на железнодорожном транспорте и в промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность несколько тысяч харбинцев. Отмечалось, что следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории СССР диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Подробности были изложены в приложенном к оперативному приказу «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев» закрытом письме «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из хар-

бинцев», которое представляет собой сопроводительное письмо общим объемом в 35 страниц. На каждой из этих страниц рисовалась фантастическая по своим масштабам картина деятельности японской разведки на территории СССР через внедрившихся харбинцев.

В частности, указывалось, что переброшенным в СССР харбинцам японской разведкой давались следующие задания: 1. Установить контакт с антисоветским право-троцкистским подпольем, в целях использования его для широкого разворота террористической деятельности, диверсии, шпионажа и вредительств. 2. Создавать самостоятельные террористические группы и совершать теракты над руководителями партии и правительства. 3. Насаждать кадры для подготовки диверсионных актов, главным образом в военное время, на военных заводах и предприятиях оборонного значения, железных дорогах (мосты, паровозные депо, водокачки, механизированные гаражи и т.п.). 4. Подготовлять на военное время особые диверсионные группы, располагающие средствами бактериологической диверсии заражения источников водоснабжения, хлебофуражных и продовольственных складов бактериями эпидемических болезней. 5. Устраивать крушения поездов и поджоги важнейших технических сооружений и складов на железнодорожных узлах, совершать диверсии на транспорте, в промышленности и Красной армии. 6. Вести широкую шпионскую работу, собирая сведения о работе предприятий военной и оборонной промышленности, а также могущих быть использованными для этих целей в военное время мобилизационных расчетах железных дорог, перевозках воинских грузов, дислокациях, передвижениях и перебросках частей РККА.

Один из конкретных примеров, представленных в указанных документах НКВД, относился к деятельности террористических, диверсионных и шпионских организаций, действующих в приграничных районах и областях Дальнего Востока и Восточной Сибири, где они должны были развернуть активную разрушительную работу к началу военных действий между Японией и СССР. Так, в Благовещенске была ликвидирована организация, созданная японцами через так называемую «Всероссийскую фашистскую партию», возглавляемую К.В. Родзаевским. Согласно версии НКВД, помимо связи через консульство Маньчжоу-Го в Благовещенске, она посылала в этот приграничный город своих эмиссаров, используя для этой цели нелегально переходивших границу японских агентов. Организация имела свою агентуру на ряде оборонных объектов Амурской области и вела свою работу по следующим направлениям: создавала террористические группы для совершения терактов над партийно-советским активом области; насаждала диверсионные группы на оборонных объектах; создавала фашистские ячейки и фашистские группы в населенных пунктах, среди учащейся молодежи; создавала повстанческие организации и вела антисоветскую агитацию среди населения; вела шпионскую работу по заданиям консульства Маньчжоу-Го. Кроме того, участники этой организации, по заданиям японской разведки, совершили ряд актов бактериологической диверсии, распространяя бактерии брюшного тифа.

С учетом всего вышесказанного, подчеркивая, что «все изложенные выше данные указывают, что в лице харбинцев мы имеем серьезную угрозу безопасности наших предприятий…, особенно в предвоенный и военный периоды», народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов издал приказ, в соответствии с которым в течение 1 октября – 25 декабря 1937 г. (этот срок неоднократно продлевался) должна быть осуществлена «широкая операция по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности».

Аресту подлежали все харбинцы, разделенные на 13 категорий: а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вре-

дительской деятельности; б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований; в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.); г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований; д) участники разных эмигрантских фашистских организаций («Российский общевоинский союз», «Союз казачьих станиц», «Союз мушкетеров», «Желтый союз», «Черное кольцо», «Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Трудовая крестьянская партия» и т.п.); е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Маньчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го; ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма ЧУРИНА и др.); з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов; л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство; м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.; н) участники контрреволюционных сектантских группировок. Речь, таким образом, шла не только о бывших работниках КВЖД. Согласно НКВД, в число «харбинцев» вошли фактически все категории лиц, которые до своего прибытия в СССР проживали в Китае и могли быть отнесены к «антисоветским элементам».

Аресты предполагалось произвести в отношении тех харбинцев, которые работали в НКВД, служили в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, а также в советских учреждениях, совхозах, колхозах.

Харбинцы, не подпавшие под перечисленные категории, независимо от наличия компрометирующих данных, подлежали немедленному удалению из предприятий транспорта и промышленности. Одновременно предпринимались меры к недопущению их впредь на эти объекты.

В соответствии с приказом перед следствием по делам арестованных харбинцев была поставлена задача «в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп».

Как и в случае с другими группами арестованных лиц в ходе массовых репрессий, все арестованные харбинцы должны были быть разбиты на две категории. К 1-й категории были отнесены все харбинцы, изобличенные в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежали расстрелу. Ко 2-й категории были отнесены все остальные, менее активные харбинцы, которые подлежали заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет. Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производилось на основании агентурных и следственных данных – народным комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги. Особо подчеркивалось, что «после утверждения списков НКВД СССР и прокурором СССР приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО». Также указывалось на прекращение освобождения из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство. На этих лиц необходимо было представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

Как подчеркивает российская исследовательница Н.Н. Аблажей, «с самого начала массовых репрессий рассмотрение дел арестованных было поставлено на

поток, следственные действия совершались в короткие сроки и в упрощенном порядке». В сущности, подавляющее большинство дел, открытых в отношении так называемых «харбинцев», подвергшихся аресту, было сфабриковано. Это является очевидным, учитывая специфику деятельности органов НКВД в эпоху Большого террора, на что неоднократно указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи. Н.Н. Аблажей разделяет следственные дела харбинцев на две разновидности (в зависимости от принципа их комплектования) – индивидуальные и коллективные. Последние получили наибольше распространение. В качестве обвиняемых по таким делам, как правило, фигурировала группа, обычно не превышавшая десяти человек. В делах подробно описывались контакты подследственных с иностранцами и харбинцами, прибывшими в СССР, прилагались документы о пребывании за границей, сведения об арестах и деятельности в период конфликта на КВЖД в 1929 г. В свою очередь, сведения, приводимые в протоколах допросов, обычно касались службы на КВЖД, членства в комсомольских, партийных и профсоюзных организациях, действовавших в полосе отчуждения КВЖД, а также о связях с бывшими российскими, китайскими и японскими подданными, белогвардейскими организациями, действующими на Северо-Востоке Китая, наконец, об арестах и задержаниях китайской полицией, о времени прибытия в СССР, об имеющихся контактах с харбинцами. Особое внимание уделялось выявлению фактов преступного сговора, создания групп и организаций. При этом следствие строилось по типовым сценариям, когда на железных дорогах после «выявления» центральной резидентуры, якобы действовавшей в узловом транспортном центре, «вскрывалась» сеть мелких периферийных групп, якобы работавших на крупных железнодорожных узлах [12, с. 135-136].

Судебное производство носило формальный характер и зачастую харбинцы осуждались списком – в так называемом альбомном порядке. В соответствии с введенным в практику новым процессуальным порядком осуждения справки-заключения на арестованных каждые десять дней представлялись на рассмотрение комиссии из двух человек – начальника НКВД–УНКВД и прокурора («двойка»), которая определяла категорию обвинения: 1-я или 2-я. Скомплектованные в специальный список («альбом») материалы с кратким изложением следственных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, направлялись на утверждение в Москву. Далее в центральном аппарате НКВД составлялись протоколы заседаний Комиссии НКВД и Прокурора Союза ССР, а окончательное решение выносили народный комиссар внутренних дел СССР (Н.И. Ежов) и прокурор СССР (А.Я. Вышинский) или их заместители. Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в региональные УНКВД. Такой процессуальный порядок осуждения и получил название «альбомного». Официально он был установлен в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР от 11 августа 1937 г. Спустя год, когда в Москве скопились данные о десятках тысяч следственных дел, во всех республиках, краях и областях для их рассмотрения были образованы так называемые «Особые тройки», функционировавшие два месяца.

Важно подчеркнуть, что репрессии были распространены в отношении семей арестованных харбинцев. Реализация этих мероприятий осуществлялась в соответствии с положениями оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР от 15 августа 1937 г. [4]. Таким образом, семьи арестованных харбинцев прошли весь путь членов семьи изменников родины, вместе с миллионами других советских семей, осужденных «врагов народа».

Первые цифры, отражающие общее количество жертв политических репрессий в годы Большого террора среди так называемых «харбинцев», были представлены в 1956 г. Согласно данным комиссии ЦК КПСС о расследовании

причин массовых репрессий, работавшей накануне XX съезда КПСС, в течение 1937–1938 гг. было рассмотрено 30 938 дел харбинцев, по которым 19 312 человек осуждены к расстрелу, 10 669 человек осуждены к другим мерам наказания [3]. Согласно данным Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», по «харбинской линии» в 1937–1938 гг. было осуждено 49 470 человек, из них 31 226 приговорены к расстрелу [21]. Отечественная исследовательница Н.Н. Аблажей называет несколько меньшие цифры. По ее мнению, в ходе «харбинской операции» репрессиям подверглось 42 507 человек, в том числе к высшей мере наказания приговорено 28 348 человек. Наибольшее количество харбинцев было «выявлено» в промышленно развитых районах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Центральном регионе, что в целом совпадало со структурой распределения харбинцев [12, с. 133]. При этом всего в течение 1937–1938 гг., на которые пришелся пик сталинских репрессий, по делам органов НКВД было арестовано 1 575 259 человек, из них 681 692 человека приговорены к расстрелу [5].

В числе репрессированных харбинцев оказались как рядовые сотрудники, так и руководители КВЖД, назначавшиеся на должность советским правительством, в том числе первый и последний советские управляющие КВЖД, соответственно, Алексей Николаевич Иванов и Юлий Викентьевич Рудый.

Среди харбинцев, подвергшихся репрессиям, было немало и тех, кто на момент репатриации не имел прямого отношения к КВЖД. Трагической оказалась судьба ректора Харбинского политехнического института Леонида Александровича Устругова, в свое время занимавшего пост министра путей сообщения в правительстве А.В. Колчака. После приезда в СССР, он получил высокий пост в Народном комиссариате путей сообщения СССР, но 7 октября 1937 г. был арестован и 15 февраля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу как якобы шпион трех (?!) иностранных разведок – японской, германской и польской, – завербовавший к тому же более 50 студентов ХПИ в японскую разведку. Был также репрессирован Николай Васильевич Устрялов – правовед, философ, идеолог «сменовеховства». Находясь в эмиграции в Харбине, он преподавал международное право на юридическом факультете в Харбине, вел активную общественно-политическую деятельность, писал статьи в журналы, газеты, сборники и, кроме того, в 1926–1935 гг. трудился в различных учреждениях КВЖД. После приезда в СССР он работал профессором в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время – в Московском университете, однако 6 июня 1937 г. был арестован и 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР обвинен в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и в тот же день расстрелян.

Таким образом, репрессии в отношении так называемых «харбинцев» являлись составляющей частью политики Большого террора, проводимой на территории СССР в 1937–1938 гг. (Московские процессы, репрессии в РККА, «Дело Тухачевского», репрессии в отношении бывших кулаков, «социально-вредных элементов», уголовников и других антисоветских элементов). Репрессии в отношении «харбинцев» фактически вкладывались в рамки репрессий по «национальным линиям», т.е. массовых репрессивных кампаний, проводившихся органами НКВД и направленных в основном против лиц иностранных для СССР национальностей (поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и других). Целью «национальных операций» (всего их насчитывается 13, в ходе которых в СССР, по данным НКВД СССР, с 25 августа 1937 г. до 17 ноября 1938 г. подверглись репрессиям более 365 тыс. человек) [13, с. 80-85], провозглашалась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран (Англия, Франция, Германия, Польша, Япония). Против «харбинцев» была развернута

фактически отдельная операция. Никаких разнарядок по «национальным операциям», в отличие от других операций, проводимых в период Большого террора, не давалось: начальникам местных органов НКВД предоставлялась свобода действий.

Подчеркнем также, что не менее трагичной оказалась судьба тех, кто остался в Харбине. Послевоенная реэмиграционная политика, инициированная СССР в отношении отдельных категорий соотечественников, проживавших за рубежом, в том числе в отношении русских эмигрантов в Китае, сопровождалась советизацией эмигрантского сообщества в этой стране, а действия по репатриации советских граждан из Китая в первые послевоенные годы не исключали проведение репрессивной кампании.

После вступления в Маньчжурию советских войск во второй половине августа 1945 г., вслед за армейскими частями в Маньчжурию вошли подразделения контрразведки СМЕРШ, которые приступили к «зачистке» Харбина и других населенных пунктов от «антисоветских элементов». После советизации Маньчжурии депортации подверглись находившиеся там китайцы, японцы и русские эмигранты.

Ради справедливости важно подчеркнуть, что в числе арестованных находилась довольно значительная по своей численности группа тех представителей русской эмиграции в Китае, кто действительно принимал активное участие в деятельности, нацеленной против Советского государства. В их числе – попавшие в советский плен руководители «Российской фашистской партии» (К.В. Родзаевский, А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, И.А. Михайлов, Л.П. Охотин, Б.А. Шепунов, князь Н.А. Ухтомский и др.), которые в 1946 г. были казнены или приговорены к длительным срокам заключения (Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу атамана Г.М. Семёнова, К.В. Родзаевского и других) [1, т. 22, л. 442-462]. Однако среди репрессированных оказались не только бывшие участники Белого движения («колчаковцы», «каппелевцы» и «семеновцы»), но и бывшие сотрудники КВЖД. Репрессиям подверглись многие журналисты, издатели, деятели культуры, науки и образования, которые ранее, в той или иной мере имели сношения с японскими властями [19].

В докладной записке от 27 февраля 1946 г. начальника ГУКР СМЕРШ (В.С. Абакумова) в НКО СССР (тов. Сталину) говорилось, что органами СМЕРШ Забайкальско-Амурского, Приморского и Дальневосточного военных округов на территории Маньчжурии и Кореи, занятой советскими войсками, на 25 февраля 1946 г. было арестовано: сотрудников и агентов японских разведывательных и контрразведывательных органов – 5921 чел.; руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций, а также изменников Родине – 2824 чел. [28, с. 74-85]. И хотя данные о национальном составе арестованных и месте их проживания в документе не приводятся, очевидно, что подавляющую часть первой категории арестованных составляли японцы, тогда как большую часть второй категории арестованных составляли русские, проживавшие на территории Маньчжурии. По данным Н.Н. Аблажей, было арестовано и депортировано в СССР около 10 тыс. чел. [11, с. 24-35].

«Вот этот период, 1945 г., конечно, очень для меня важный, потому что я стал советским человеком в 12 лет, без всяких сомнений. Галстук красный тут же, тут же в пионеры – и все пошло-поехало. Отца через полмесяца после прихода армии СМЕРШ тоже загреб, ну, и всех мужиков, какие только там были. Мы его потеряли. Все, нету отца», – вспоминает один из участников проекта «Рельсы судьбы: русские в Китае. 1917–1955 годы» (2007–2008 гг.) [22].

Таким образом, в 1945–1947 гг. прокатилась еще одна волна репрессий, в которую оказались вовлечены так называемые «харбинцы», однако по своим мас-

штабам она оказалась гораздо меньшей, чем та, что имела место в период Большого террора.

На 1954–1955 гг. приходится еще одна волна исхода так называемых «харбинцев» на родину, которая, учитывая изменения, произошедшие к тому моменту в Советском государстве, не сопровождалась репрессиями. Толчком к этому послужила окончательная передача в 1952 г. правительством СССР правительству КНР КВЖД. Факторы, влиявшие на принятие харбинцами решения о возвращении на родину, были различными. Половина семей выехала в СССР в надежде соединиться со своими родственниками, арестованными в 1945–1947 гг. В некоторых случаях на выезде особенно настаивал кто-то из членов семьи, в то время как остальные были не в состоянии принять твердого решения. «Патриотическая» составляющая во всех случаях была достаточно высока, однако несмотря на это, опасения оставались и, как показали дальнейшие события, частично оправдались.

Практически все въехавшие тогда в СССР харбинцы вместе с другими репатриантами, прибывшими в СССР из КНР, оказались на целине, в степных районах Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока, где осуществлялась массовая распашка целинных и залежных земель. Проблема заключалась в том, что немногие из них смогли найти работу по специальности и были вынуждены трудиться на тяжелых работах, заниматься непривычным физическим трудом. В сочетании с крайне тяжелыми бытовыми условиями это вынуждало «китайцев», как их тогда называли соотечественники, буквально выживать, и при первой возможности они старались уезжать в город [10, с. 104-106].

С меньшими трудностями прошел процесс адаптации к жизни в советском обществе у лиц младших возрастов. Молодые люди в целом безболезненно смогли, в отличие от представителей старших поколений, интегрироваться в советское общество, приобщиться к советским стандартам жизни, чтобы, как подчеркивает одна из участниц проекта «Рельсы судьбы: русские в Китае. 1917–1955 годы» (2007–2008 гг.), «более-менее нормально жить». Одновременно советизировалось и их сознание. Как и подавляющее большинство их современников, они учились в советской школе, были пионерами и комсомольцами, нерушимо верили в идеалы коммунизма и, таким образом, стали полноправными членами советского общества, обладая теми же правами и обязанностями, что и другие граждане СССР.

Что же касается представителей русской диаспоры в Китае, не пожелавших выезжать из КНР в СССР, то в течение последующих лет, за годы, прошедшие после создания Китайской Народной Республики, большинство русских эмигрировали в Австралию, США, Канаду и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате, уже к середине 1960-х гг., в условиях развернувшейся тогда в Китае культурной революции, практически все русское население покинуло Харбин. На этом, в сущности, была поставлена точка в истории Русского Харбина.

Подводя итог всему вышесказанному, важно указать на три ключевых этапа, в рамках которых так называемые «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти: 1. До 1937 г. 2. 1937–1938 гг. 3. 1945–1947 гг. Наибольшим трагизмом, если говорить о судьбе «харбинцев», был наполнен период, вкладывающийся в рамки эпохи Большого террора. В ситуации, когда размах репрессий становился все более широким, «харбинцы», проживавшие ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне от репрессивной политики, проводимой советскими властями. Их судьба была фактически предрешена. Волна Большого террора поглотила практически всех «харбинцев».

Список источников

1. Центральный архив ФСБ РФ.
2. Директивы Политбюро и НКВД о репрессиях. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1937 г. № П53/107 «О начале харбинской операции». URL: http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm
3. Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/
4. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР от 20 сентября 1937 г. // Мемориал-аспект. 1993. № 1 (3).
5. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) // Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января – 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973. С. 204-213.
6. Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР в 1921–1953 гг. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/
7. Аблажей Н.Н. Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 57-61.
8. Аблажей Н.Н. Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР [Электронный ресурс] // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII-XX вв.: сб. мат-лов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. URL: http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/
9. Аблажей Н.Н. Репатриация советских граждан из Китая в СССР в 1947-1948 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 90-92.
10. Аблажей Н.Н. Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954-1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104-106.
11. Аблажей Н.Н. Русские эмигранты из Китая: репатриация, карательная политика и трудоиспользование во второй половине 1940-х годов // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2006. № 4. (45). С. 24-35.
12. Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.
13. Аблажей Н.Н. Харбинская операция НКВД в 1937-1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80-85.
14. Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н. Амнистия белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49-51.
15. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999.
16. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005.
17. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: 1920–1950-е гг. Хабаровск: Издат. дом «Частная коллекция», 2008.
18. Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2-х т. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2013.
19. Гребенюкова Н. Дело «харбинцев» // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. 2012. №2 (30). URL: http://www.slovoart.ru/
20. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. М.: МГОУ, 2003.
21. Интернет-версия 4-го издания диска «Жертвы политического террора в СССР», выпущенного в 2007 году Международным обществом «Мемориал» совместно с Уполномоченным по правам человека в РФ. URL: http://lists.memo.ru/index.htm
22. Козлова А. Русский взгляд в харбинское прошлое // Уроки истории. XX век. URL: http://urokiistorii.ru/2009/10/russkii-vzglyad-v-kharbinskoe-proshloe
23. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Восточная литература РАН, 1994.
24. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае: 1917–1924 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997.

25. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке: 1925–1932. М.: Русский путь: Викмо-М, 2007.
26. Подрывная работа японской разведки // Правда. 1937. 9-10 июля.
27. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «Русского» Китая. М.: Молодая гвардия, 2006.
28. Страницы истории: СМЕРШ 65 лет // ФСБ: за и против. 2008. № 1 (1). С. 74-85.
29. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

УДК 94(9)/571.6

Ларкина Л.Л.

РУССКИЕ АВСТРАЛИЙЦЫ, СУДЬБЫ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ С ВЛАДИВОСТОКОМ

В статье речь идет о русских австралийцах, чьи линии судеб прошли через Владивосток, – о гардемарине Арсении Савицком и известном общественном деятеле Клавдии Муценко, волею судьбы ставших беженцами.
Ключевые слова: Австралия; благотворительность; Владивосток; дом престарелых им. С. Радонежского; «Общество Заботы о русском кладбище»; Русский клуб в Австралии; «Русско-Австралийская организация помощи»; русские австралийцы.

Larkina L.L.

THE RUSSIAN AUSTRALIANS WHOSE DESTINIES ARE CONNECTED WITH VLADIVOSTOK

In this article we are talking about Russian Australians, whose lines of fate went through Vladivostok – middy Arseny Savitsky and a well-known public figure Claudia Mutsenko, was the will of fate.
Keywords: Australia; charity; Vladivostok; a home for the elderly named after S. Radonezhskogo; «Society for the Care of the Russian cemetery»; Russian club in Australia; «Russian-Australian aid organization»; russian australians.

Более 30 русских церквей построено в Австралии, четыре монастыря, и каждый, оказавшийся на этом континенте русский человек, даже совершенно далекий от веры, по зову сердца начинает искать храм, чтобы обрести духовную поддержку. Приехав в Австралию, я, как и многие другие, пришла в храм и сразу обратила внимание на иконы, с которых вдумчиво и проникновенно смотрели совершенно живые глаза святых. Они заглядывали в душу так глубоко, что невольно возникал вопрос: откуда это? кто мог так выписать глаза святых, пред которыми ты готов раскрыть всего себя? Во всех четырех русских церквях Брисбена и в православных храмах других городов Австралии я видела образа, выполненные в одной и той же манере. Значит, был в Австралии художник, который писал православные иконы? Может быть, он из Брисбена? Стала расспрашивать прихожан, что они знают о местных художниках. Появлялись ниточки воспоминаний, но тут же обрывались и сменялись сомнениями. Разгадка брисбенского иконописца была где-то рядом…

Постепенно клубочек вопросов стал распутываться, и вдруг неожиданно оказалось, что ответы могла дать семья, которая еще год назад послала в журнал «Австралийская лампада» стихотворение о Ксении Петербургской, написанное в Австралии в 1957 г. ныне упокоенной Феодорой Ивановной Рябковой. Чем

больше я думала о загадочном иконописце, тем настойчивее стали складываться обстоятельства так, чтобы встреча, которая должна была раскрыть имя замечательного художника, все же состоялась. Неожиданно друзья сообщили, что были в доме Людмилы Мартин – дочери автора трогательного стихотворения, видели разные картины, и возможно, знакомство с этой семьей будет мне интересно.

Войдя в дом семьи Мартин, сразу поняла: это здесь. Я словно бы оказалась в картинной галерее. Писанные маслом портреты висели по всем стенам. Здесь же стояли макеты кораблей Русской флотилии, было много и других предметов, которые музейному работнику сразу бросились в глаза. Это был дом сына Арсения Савицкого – Кирилла Арсеньевича и его супруги Людмилы Васильевны Мартин (Савицких).

В кабинете хозяина дома я попала в царство фотографий и просто не могла выйти из мира живой истории, собранной тут. Кирилл Арсеньевич, видя мою искреннюю заинтересованность, а не праздное любопытство, воодушевленно рассказывал историю каждой фотографии. Это были настоящие произведения профессионального фотохудожника. Любовь к фотоискусству от отца-художника передалась и сыну. Кирилл Арсеньевич, следуя по стопам отца, многие годы работал в брисбенских рекламных агентствах фотографом. Показанные мне работы – ценнейший фоторепортаж о жизни русской диаспоры Брисбена в 1940–1990-е гг., они могут рассказать практически о каждом активном члене русского сообщества.

Уже давно звали на чай, разъехалась часть гостей, а мы не могли прервать беседу. Разговор заходил то о русской послевоенной молодежи Брисбена, то о Русском клубе, то о русских успешных и менее успешных предпринимателях 40–50-х гг. XX столетия. Но центром нашей беседы, конечно же, оставался отец хозяина дома – вице-унтер-офицер Русской флотилии Арсений Иосифович Савицкий. Оказалось, что Арсений Савицкий был не только прекрасным иконописцем, но и талантливым фотографом. Его сын и невестка рассказали, как строго относился он к своему творчеству, как сутками не выходил из мастерской… Художник часто говорил, что пишет картины, иконы только в минуты вдохновения, но, похоже, вдохновение его не покидало никогда. То количество художественных работ и икон, которые хранятся в семье Савицких и в церквях по всей Австралии, свидетельствует о неиссякаемом творческом духе русского художника. Еще долго говорили мы с Кириллом Арсеньевичем и Людмилой Васильевной об истории России, о том, как судьбы людей зависят от исторических и политических событий…

В 1920-е гг. гардемарин Арсений Иосифович Савицкий в 19-летнем возрасте ушел из Владивостока с последней Сибирской флотилией и всю свою жизнь мечтал вернуться к родным берегам, но этого так и не случилось.

Родился Арсений Иосифович Савицкий 25 октября 1903 г. в уездном городе Егорьевске Рязанской губернии (ныне Московская область) в семье полковника 24-го Сибирского стрелкового полка Иосифа Мартиновича Савицкого и Ольги Витальевны Савицкой. В семье Савицких, кроме Арсения, росло еще трое детей. Две девочки: старшая – Татьяна и младшая – Маргарита, а еще старший брат – Георгий. С детства, глядя пример с отца, Арсений и Георгий мечтали стать военными. В 1913 г. Арсений был определен в Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. Став кадетом, Арсений по-мальчишески был счастлив и чувствовал себя дома «героем дня». И Татьяна, к тому времени уже гимназистка, и маленькая Маргарита весьма почтительно стали относиться к будущему офицеру, хотя и было ему пока всего лишь 10 лет. Брат Георгий еще раньше поступил учиться в то же учебное заведение.

Арсений очень быстро освоился с новой жизнью в корпусе. Особенно ему полюбились уроки гимнастики и строевые занятия. Он понимал, что готовится

стать военным офицером, и очень серьезно относился к учебе. Летние каникулы они с братом проводили в лагере полка, среди стрелков отцовской 5-й роты. Обедали в солдатских палатках. Любили солдатские щи, гречневую кашу и черный хлеб. Лагерь располагался в живописной местности, недалеко от реки Уссури. В кадетском корпусе будущих офицеров обучали не только военным наукам, но и хорошим манерам, галантности и умению достойным образом уделять внимание дамам и девушкам.

Ежегодно 11 октября, в день храмового праздника корпуса – в память святого апостола Филиппа, после литургии устраивался кадетский праздник. Утром проходил парад кадетов в соборном зале, затем начинался праздничный обед. Вечером открывался кадетский бал – самый красивый и торжественный. К балу готовились все жители города за несколько недель. В день празднования в классы корпуса привозились корзины с живыми цветами, пахнущие лесом красавицы елки. В фойе устраивали фонтан и торговые киоски с сувенирами и разными сладостями. Самым долгожданным моментом для кадетов был приезд нарядно одетых гостей, среди которых и очаровательные юные гимназистки. Были они так юны и хороши собой, что глаз не отвести! Играл полковой духовой оркестр, иногда приглашался оркестр Амурской речной флотилии. И, конечно же, были танцы… Сладостные минуты еще долго оставались в памяти, переполняя сердца возвышенными чувствами. Думалось, что впереди – только счастливая жизнь.

Все оказалось совсем не таким, как мечталось в те дни начала юности. Грянувшая революция и начавшаяся гражданская война внесли трагические перемены в судьбы кадетов, как и всего русского народа. Многие офицеры, служившие верой, правдой и честью царю и Отечеству, в первые же годы революции были замучены, расстреляны, изгнаны. Арсений Савицкий окончил кадетский корпус в июне 1921 г., когда по стране катились кровавые волны братоубийственной войны. Выйдя из корпуса в звании вице-унтер-офицера, он сразу же добровольцем поступил в Сибирскую флотилию, которой командовал контр-адмирал Георгий Карлович Старк. По приказу командующего флотилией все окончившие кадетские корпуса были произведены в гардемарины. Гардемарином стал и Арсений Савицкий. Так в кровавые годы интервенции началась морская карьера Арсения Иосифовича.

В конце октября 1922 г. из Владивостока ушли последние суда Сибирской флотилии, имея на борту 10 000 беженцев. Всего из России ушло 30 кораблей: канонерские лодки, вспомогательные транспорты, пароходы, военные буксиры, посыльные суда, катера.

Флотилия Г.К. Старка пришла в корейский Гензан, оккупированный в то время Японией. Большевики потребовали задержать и вернуть Сибирскую флотилию. Японцы не скрывали, что им не нравится пребывание в японских водах русской флотилии как организованной и вооруженной морской части, располагавшей кораблями. Только после долгих переговоров на берег удалось списать часть войск, гражданских беженцев и кадетов. Другая часть кораблями ушла в Шанхай. Когда прибыли в Шанхай, запасы флотилии оказались почти израсходованными. Не хватало угля, питьевой воды, продовольствия. Чтобы как-то поправить положение, нужны были деньги, а в кассе флотилии оставалось лишь 15 долларов. Продукты питания уже брали в долг, а воду – прямо из реки. Это был рискованно: могла начаться эпидемия тифа. Чтобы выйти из гибельного положения и спасти людей, адмирал Старк был вынужден продать часть вооружения и боезапасов кораблей китайскому флоту. Китайцы, видя тяжелейшее состояние русской флотилии, не упустили шанса дешево приобрести оружие, заплатив только часть оговоренных денег.

11 января 1923 г. корабли Сибирской флотилии покинули Шанхай, направляясь на Филиппины. Перед уходом в полную неизвестность адмирал Старк спи-

сал с кораблей на землю кадетские корпуса и часть команды (всего около 800 человек). Все гардемарины, в том числе и братья Савицкие, оказались политическими беженцами, которых ожидали тяжелые испытания и жизнь на чужбине.

Арсений и Георгий Савицкие, оставшись на китайском берегу, должны были начинать новую жизнь. Иногда удавалось найти случайный заработок на погрузке или другой тяжелой работе. Вместе братьям было легче переживать тоску по родным людям, но через некоторое время Арсений остался в Китае один. Старший брат Георгий в Шанхае встретил русскую девушку и, женившись, вскоре вместе с ней эмигрировал в Америку. 19-летнему Арсению на чужбине, без знания языка и без родных, пришлось думать, как жить дальше и где он сможет применить свои знания. Военная профессия, которую получил Арсений и о которой мечтал с детства, в чужой стране была не нужна, а другой у него не было. Были только руки, голова и желание достойно выжить. Своей родины, которую он не переставал любить и по которой тосковал, Арсений больше никогда не увидел.

Вскоре обстоятельства сложились так, что Арсению, зарабатывавшему на хлеб главным образом разгрузкой судов, удалось устроиться помощником в фирму по изготовлению рекламы. Вскоре там заметили, что Арсений может не только аккуратно писать шрифты, но и неплохо рисует. И сам Арсений тоже почувствовал тягу к рисованию. Он направил все свои усилия на то, чтобы овладеть «наукой рисования». Постепенно он все более совершенствовал свое мастерство. Так и стал художником – сначала рекламного жанра, затем карикатуристом, позднее портретистом и наконец – уже в Австралии – иконописцем. Из военного вице-унтер-офицера вышел настоящий мастер, который творил, писал и учился жить неприкаянной судьбой русского беженца.

В Шанхае Арсений встретил свою судьбу – девушку из Благовещенска Лену Старченко. Вскоре они поженились. В 1929 г. у них родился первенец – Кирилл, который и поведал мне историю своего отца – талантливого художника с душой гардемарина. Через четыре года у молодой четы Савицких родился младший сын – Никита. В 1932 г. Арсению предложили место художника в Гонконге. Через год к нему переехала жена с двумя маленькими детьми. Наконец-то началась жизнь без скитаний, с постоянной работой, наполненная творчеством и семейным счастьем. Появилось время для общественной работы, и супруги Савицкие много сил и времени стали отдавать церкви, за что получили грамоту от архиепископа Виктора, возглавлявшего Русскую духовную миссию в Китае.

Впервые за многие годы глава семьи Арсений Савицкий вдохнул полной грудью счастья, хотя боль и тоска по родине не оставляли его ни на час. Он старался всегда быть в курсе того, что происходило в России. Знал, что где-то живут его любимые сестренки Таня и Рита. Слышал, что в России идут репрессии, и это удерживало от того, чтобы подать весточку о себе. В Отечестве никто о нем ничего не знал. Только любовь и надежда поддерживали в родных веру в то, что он жив, здоров и счастлив.

Устроенную жизнь семьи Савицких разрушила Вторая мировая война. Японцы, оккупировавшие Китай, всех русских, находившихся на территории Гонконга, отправляли в лагеря. Русские разъезжались спешно. На глазах гибли целые семьи. Мужчины, кто как мог, старались переправить своих жен и детей в другие страны. Одним это удавалось, другие, как и их мужья, попадали в лагеря. Елена Савицкая с сыновьями смогла выехать в Австралию.

Жизнь Арсения Савицкого вновь остановилась. Он оказался за решеткой. Дни проходили под непрерывный стук палок, топот ботинок надзирателей и тюремные крики.

Несмотря на лишения, тяга к творчеству не угасала. На каждом клочке оберточной бумаги Арсений видел будущую картину. Кто-то дал ему карандаш,

и мысли стали обретать плоть на просаленных кусках коричневой бумаги. Он вдохновенно рисовал любимые образы по памяти. Иногда получались настоящие портреты – жены, детей. Они всегда мысленно были рядом. Но горько было от того, что Арсений ничего не знал о судьбе близких. Все чаще он принимался рисовать дружеские шаржи на тюремных служащих и заключенных. Это заметили надзиратели. Сначала их раздражало постоянное рисование этого непонятного русского, но со временем, приглядевшись, они увидели в нем талант. И не замедлили использовать для своих рекламных дел. В лагерный период он сделал тысячи карандашных набросков-карикатур.

А как складывалась жизнь его супруги? Елена Савицкая с детьми попала в Брисбен. Чтобы выжить, приходилось браться за любую работу, в том числе за стирку белья и уборку. Позднее шила форму для солдат австралийской армии. Только в 1945 г., с приходом советских войск в Китай, Арсений освободился из лагеря и смог уехать в Австралию, где его ждали жена и сыновья.

Он устроился работать в рекламной фирме. А все свободное время посвящал рисованию «для души». И все чаще стал обращаться к иконописи. Библейские образы, святые мученики… Русские Сиднея, Канберры, Мельбурна, Брисбена стали заказывать ему иконы для русских православных храмов. В 1973 г. при постройке Благовещенской церкви в Брисбене Арсений Иосифович написал иконы для всего иконостаса, Распятие. Елена Александровна к тому времени стала искусной швеей и вышивальщицей. Она с большой любовью и старанием вышила плащаницу.

Навсегда оставшись в душе морским офицером, художник Арсений Иосифович Савицкий называл себя гардемарином с чужой судьбой. Потеря Родины, смена фамилии ради спасения оставшихся на родине мамы и сестер, унизительная лагерная жизнь, страх потерять жену и детей не сломили его. Он всю жизнь продолжал любить Россию. Он часто говорил, что в Москве в Третьяковской галерее хранятся картины его дяди – художника – и что он хотел бы восстановить утраченные связи с Родиной.

Русские беженцы никогда не теряли надежды связаться с родственниками. В 1970 г. с трудом и не без опасности Арсению удалось по письмам разыскать своих сестер Татьяну и Маргариту, проживавших во Владивостоке. Переписка напрямую по политическим причинам была невозможной, связь держали через случайных людей и через другие страны. Письма шли иногда по восемь-девять месяцев. С одним из писем был получен дорогой сердцу подарок – долгожданная фотография уже немолодых сестер.

Арсений Иосифович и Елена Александровна Савицкие бережно хранили в семье память о прошлых днях, о детстве в России, юности в Китае, помнили и лагерь в Гонконге. В доме их сына Кирилла Арсеньевича Мартина (Савицкого) до сих пор хранятся модели миноносцев «Твердый» и «Бравый», грамоты, награды и старинные фотографии. Сыновья, а затем внуки воспитывались и учились на примере Арсения Иосифовича служить жизнью и правдой избранному делу. Увлекательные рассказы о России и русском флоте произвели большое впечатление на внуков – Михаила и Николая. Михаил, как и дед, стал военным.

В 1987 г. Арсений Иосифович проводил в последний путь свою любимую супругу Елену Александровну, с которой прожили 60 лет. Эта утрата была слишком тяжелой для него, и он стал заметно угасать. Через два года снова потрясение: после тяжелой болезни ушел из жизни младший сын Никита. Страдания и тоска сковали сердце уже весьма немолодого художника. Он старался работать, но уже не было сил, которые позволили бы закончить задуманное. Так и остался незавершенным портрет внука Михаила. Арсений писал внука в военной форме – в память о своих кадетских годах. Через год после смерти сына Арсения Иосифо-

вича Савицкого не стало. Он ушел из этого мира в 1990 г., 18 мая, в возрасте 87 лет.

Прикладываясь к плащанице, к иконе Матери Божией, к образам святых, русские люди, живущие за тысячи километров от Родины, получали и получают духовную помощь и поддержку, чувствуют радость от соприкосновения с вечностью. Иконы, написанные русским гардемарином с чужой судьбой, дарят им новые силы, укрепляют веру, надежду и любовь.

Еще одна судьба человека из Владивостока – легенды русского общества Австралии.

«Я жила жизнью горящей свечи…».

Мне посчастливилось познакомиться, общаться и дружить с легендой русского зарубежья Клавдией Николаевной Муценко, родившейся во Владивостоке около ста лет назад.

В настоящее время Клавдия Николаевна здравствует в Австралии. В июле этого года (2016) переехала из Сиднея проживать на Солнечный Берег Золотого побережья штата Квинсленд. Встречи с Клавдией Николаевной всегда незабываемы! Недавно я снова встретилась с этой удивительной, бодрой, активной женщиной, которой исполнилось 96 лет. Свой рассказ Клавдия Николаевна начала так:

- Я самый счастливый человек на земле, потому что я прожила свою жизнь ярко, красиво, без оглядки. Я жила жизнью горящей свечи не для себя. Я без остатка отдавала себя обществу, и люди сегодня возвращают мне свою любовь, внимание, уважение. А вот муж ушел от меня. Он был образованный, очень успешный и знающий свое дело инженер. Я кто я? Я – простая швейка. Однажды он мне сказал:

- «Я стесняюсь, что жена моя швейка. Перестань заниматься шитьем, или я уйду от тебя». Больно было слышать это, но бросить работу я не могла. Я любила свое дело и уже неплохо зарабатывала. Уже начинала развиваться моя пошивочная фабрика, которой я отдавала много сил, и я не хотела расставаться со своим детищем. Муж не верил, что мои старания станут успешными, и оставил меня. Как я начала работать! Кто бы знал! Я не могла ни есть, ни пить, ни спать. Мне хотелось доказать, что я тоже что-то значу, что я не просто швейка, что я смогу поднять свою фабрику, и он, мой муж, не разглядевший меня, увидит, что я успешная бизнес-вумен. Я работала до самоотречения. Я практически жила на фабрике. Мои старания и самоотрешенность давали свои результаты. Наверное, если бы не оставил меня муж и я бы не старалась ему доказать свою значимость, то вряд ли бы фабрика моя выросла до того, чем она стала.

Вот это желание доказать, что я могу быть не только домохозяйкой, желание достичь успеха, подняться и сделало меня человеком. Со временем я поняла, что я еще больше могу сделать. Я могу помогать людям работой. Я стала брать на работу людей. Я своей фабрикой стала спасать русских эмигрантов в прямом смысле этого слова. Русские приезжали в Австралию без языка, без денег, без поддержки. На работу без языка не брали, и вновь прибывшие эмигранты шли ко мне, просили научить шить, просили работу. Я учила, и дальше мы шли преодолевать трудности эмигрантской жизни вместе. Из маленького снятого помещения я перевезла свою фабрику в старый дом, который купила в Бервуте. Потом фабрика расширялась с каждым годом, была уже в два этажа. Так я проработала восемнадцать лет без всякого отдыха, а в 1982 г. решила фабрику продать. Продала фабрику и уехала подальше от города. В тот же год купила вот этот участок земли со старым домом. Занялась реконструкцией дома. Проект дома сделал архитектор Бакич и по моему желанию спроектировал террасу и кухню над самой водой. Это самое любимое место в моей жизни. Я любуюсь закатами, рассветами, водой, плавающими яхтами.

- Клавдия Николаевна, но вся эта красота, в которой вы сейчас живете, случилась не сразу. Расскажите о себе, о детстве, о родителях. Вы родились в Китае?

- Я родилась в России, на острове Сахалин 13 февраля 1924 г. в семье белого офицера. Папа Николай Иванович Волков – белый офицер, был всегда предан России, но и преданных своей Родине жизнь иногда заставляет оставлять родные края. Мама моя, Соломонида Егоровна, была малограмотной, «крепкой русачкой», как ее называли. Одновременно ее называли и коммунисткой, хотя она ей не была, но спорить спорила и отстаивала чуждые папе идеи. В возрасте шести лет меня перевезли во Владивосток. Я это помню очень хорошо. Кругом начались расстрелы белых, и папа очень боялся за семью. Его неоднократно предупреждали, что надо уходить из России, чтобы сохранить близких. Он уехал в Китай, чтобы узнать, как там живется русским, и по возвращении повел нас пешком через горы в Китай. Было очень тяжело в пути. Особенно уставала мама. Она была кормящей матерью. Сестренке младшей было четыре месяца. Всего нас у родителей было четверо детей: Любовь, Клавдия, Шурик и Галя. Я была вторая. Дорогу в Китай я запомнила на всю жизнь.

- Как жили в Китае?

- В Китае нам понравилось, но вскоре умер папа. Мама осталась с четырьмя детьми. Маме надо отдать должное. Откуда у нее взялись силы, смекалка? Ведь она совершенно безграмотная, деревенская женщина, не могла ни читать, ни писать. Ходила мыла полы, потом купила дом, корову. Стала торговать молоком на рынке. Я очень тосковала по папе. Три года плакала по нему горючими, детским слезами, ничего не ела. Мне не хотелось жить. Потом я начала плакать по другой причине – я говорила, что хочу учиться, и если мама не отдаст меня на учебу, я умру. Откуда мне это пришло в голову? Но я так плакала, что не могла остановиться ни днем, ни ночью. Однажды в дом пришел сосед и спросил: «Что она у тебя все время плачет»? Мама ответила, что девочка отказывается есть, пить и говорит, что умрет, если не отдам ее на учебу. «А куда я ее отдам? В конвент? Я безденежная, сама там уборщицей работаю». Сосед ответил: «Ты со своей настырной дочкой не шути. Она и впрямь умрет, если не отдашь учиться». На следующий день сосед за руку повел меня в конвент сестер Святого Франсиса. Я была тощей, некрасивой. Игуменья спрашивает: «Что ты будешь делать в конвенте? В тебе веса-то нет». Я ответила: «Вы только возьмите меня, а я так буду стараться учиться. Я все смогу». Игуменья еще поэкзаменовала меня своими вопросами и приняла решение, что возьмет меня на учебу. Я старалась учиться со всех моих детских сил. Училась в конвенте 7 лет и получила образование, которое мне очень помогло в жизни. Потом я окончила курсы бухгалтерии, строительного и механического черчения, парикмахерские курсы. Постоянно имела в себе желание учиться.

- После учебы чем вы стали заниматься?

- Жили мы в Харбине, и я очень рано начала работать парикмахером. Окончив курсы дамского мастера, я открыла свою парикмахерскую. А потом случилась культурная революция, и только что устроенную жизнь пришлось ломать и снова начинать с нуля в другой стране. Мы переехали в Австралию в 1957 г. Это было совсем не просто, но настойчивый характер мамы мог сдвинуть с места горы.

- А как в Австралии приживались? Чем стали заниматься? Как идея с пошивочной фабрикой пришла вам в голову? Ведь, чтобы бизнес открыть, нужен капитал.

- А вот так и начала – с ничего. Устроилась работать на пошивочную фабрику. Научилась строчить простыни, занавески и прочие вещи. Присмотрелась и думаю: «А чем я хуже? Да я сама могу это делать и без хозяина». Стала у хозяина просить продать мне швейную машинку. Он сначала колебался, но потом решил продать мне самую старую машинку. Я с трудом накопила денег, чтобы

осуществить задуманное. Швейная машинка, хоть и старая, стоила недешево. Как только получила я свою первую «кормилицу», так стала работать на себя. Так и пошло мое дело. А потом в мою жизнь неожиданно вошла благотворительная работа, которую я очень полюбила. Я познакомилась с одной женщиной. Очень простая, деревенская женщина меня спрашивает: «Ты хочешь помогать людям?». Я отвечаю: «Смотря в чем помогать». А она мне говорит, что есть у нее задумка русским старикам помогать и построить для них общий дом, госпиталь. Она сказала: «Они нам дали жизнь, привезли в Австралию, а сами из-за своего ежедневного труда так и не выучили английский язык. Куда они теперь, когда постарели, а их дети заняты работой и не всегда могут уделить постаревшим родителям внимание. Много наши русские старики пережили и пусть хоть старость у них будет счастливая».

- Вам понравилась ее идея? Вы помните имя этой женщины?

- Звали ее Агафья Осиповна Бежалова. Как мне идея ее понравилась! Я и не задумывалась, может Агафия Осиповна это дело поднять или нет. Для этого ведь грамотность нужна, деньги. Я просто в одночасье поверила в слова этой женщины и пошла за ней. Какой она сильной женщиной оказалась! Она стала для меня и всех окружающих настоящим вдохновителем, светом и руководителем. В общем, генералом, слова которой не расходились с делом. Она и явилась первым председателем Благотворительного общества имени Сергия Радонежского в Капраматта. Как много значит, кто тебе встретится на твоем жизненном пути. Проработав рядом с Агафьей Осиповной многие годы в благотворительности, я многому научилась от нее. Она щедро делилась своим жизненным опытом, и это было бесценно.

- Вы вошли в организационный комитет Благотворительного общества? Какой участок работы вам был поручен?

- Меня избрали в комитет и поручили вести работу по организации балов, вечеров, по организации лотереи. В общем, я должна была очень тесно работать с людьми, заниматься организацией мероприятий. Первые собрания Благотворительного общества мы стали проводить у меня на фабрике. Там же начали шить костюмы для артистов, певцов, игрушки, подарки для лотереи. Начали готовить балы. Сразу подключились артисты, певцы. Никто никогда не брал денег за свои выступления. Все средства собирались на постройку госпиталя, как называла это строительство Агафья Осиповна. Позднее этот проект стал называться не госпиталем, а домом для престарелых. Идеей строительства общего дома для пожилых многие быстро вдохновились, и появились первые крупные жертвователи, имена которых тоже было бы хорошо назвать в музее русской эмиграции, да беда – не писали тогда об этом и не записывали интервью, как сейчас делаете вы. Многие имена забылись.

Вот и имя Агафьи Осиповны Бежаловой как-то осталось в забвении. Ни один университет нас не научит тому, чему смогла нас научить Агафья Осиповна Бежалова. По ее чаяниям и благодаря ее вдохновению и ежедневному труду тех, кто пошел за ней, создался ныне процветающий дом престарелых Благотворительного общества имени Сергия Радонежского в Капраматта. Я очень хочу, чтобы об Агафье Осиповне знали и помнили не только старики, но и сегодняшняя молодежь, которая когда-то постареет и некоторые из сегодняшних, беспечных молодых людей станут резидентами дома для пожилых, который создала Агафья Осиповна Бежалова. По этой причине я очень поддерживаю идею Михаила Овчинникова, который создает сегодня в Австралии первый русский музей. Ему надо помогать, а не всегда люди готовы помогать, да еще иногда и готовы мешать. Создание русского музея в Австралии создаст платформу для более внимательного и тщательного изучения нашей российской истории, осевшей в Ав-

стралии. Наш труд должен стать примером для молодежи и тех, кто сейчас приезжает в Австралию и старается влиться в русское общество.

Вы бы только видели, как мы все работали и на производстве, и на благо общественности. Дом для пожилых мы построили, но дальше нужны были для работы и повара, прачки и другой персонал. Надо было и на зарплату заработать людям. Все преодолевали с достоинством. А какое открытие состоялось! Сколько духовенства приехало. Освятили, крестный ход отслужили. Все были счастливы! Это был настоящий родной дом! О построенном «русском госпитале» в Сиднее говорил каждый.

- Клавдия Николаевна, мне казаки организовали экскурсию на сиднейское кладбище Руквуд. Старейший скаут Николай Чубуков, сопровождая меня по кладбищу, рассказал, что вы еще занимались восстановлением обветшалых русских могил. А как эта идея у вас зародилась?

- К этой мысли привело меня большое горе, которое случилось в моей семье. Погиб мой сын. Я не могла найти утешение нигде, кроме как на его могиле. Каждый день я приходила на кладбище, чтобы оплакать сына, и обнаружила, что на русской секции кладбища нет дорожек. В дождливую погоду туда вообще не подъехать, ни пройти из-за ям и ухабин. Я предложила моим единомышленникам собраться и подумать, что мы можем сделать, чтобы и наш участок последнего пристанища русских людей был не хуже, чем у соседей. Решили создать «Общество заботы о русском кладбище». Меня избрали председателем. Снова начались организация балов, лотереи, сбор средств. Собрав средства, мы пригласили инженера В. Прохватилова, который безвозмездно занялся внедрением в жизнь задуманного проекта. Потом подумали, а почему бы нам не построить православную часовню? Обратились к архитектору М.А. Бакич, и он сделал проект. Часовню построили в 1978 г. в память Харбинского Свято-Николаевского собора. Через некоторое время был приобретен дополнительный участок земли для русских могил. В 1990 г. было решено построить вторую часовню, которую освятили в честь тысячелетия крещения Руси. Позднее на фабрике господина Худоногова нами были заказаны памятники с металлическими крестами и установлены на могилах, которые были заброшены. Вероятно, уже не осталось в живых родственников в Австралии, которые бы могли ухаживать за ветхими могилами. Всего мы с волонтерами привели в порядок 102 заброшенные русские могилы.

- В скольких благотворительных обществах вы были председателем?

- Я была председателем двух благотворительных организаций: «Русско-Австралийской организация помощи» и «Общества заботы о русском кладбище». В 2000 г. организовала знаменитый «Олимпийский бал» в Русском клубе во время Олимпиады.

- Вы работали в правлении Русского клуба? Расскажите об этом.

- В 1998 г. началась работа по строительству нового помещения Русского клуба в Страдфильде. Была большая нужда в волонтерах для тяжелой работы. Там, где нужен безвозмездный труд, там меня и приглашали, как на прорыв. У меня и моих соратников к тому времени был уже большой опыт. Я была избрана вице-президентом Русского клуба и проработала там со своей группой до 2001 г. Клуб построили. За эти четыре с половиной года на балах и других мероприятиях мы заработали для клуба четверть миллиона долларов и было у нас намерение работать и дальше, но во время очередного годового собрания нас посчитали устаревшими, неперспективными и избрали в правление людей помоложе. Мы оказались ненужными в клубе. Немного потужили и нашли себе новое дело.

В это время в России нужны были деньги на постройку храма Христа Спасителя. Мы создали координационную группу в нескольких штатах. Меня избрали казначеем, председателем избрали М.Н. Чуркина из Аделаиды, секретарем А.А. Ильина из Мельбурна. Все собранные деньги для храма Христа Спасителя

в Москву мы отправили через отца Михаила Протопопова. В здание храма вложена частичка труда и русских австралийцев, что отмечено в записи на мемориальной доске храма. За время перестройки в Россию мы отправили тринадцать контейнеров с гуманитарной помощью. Это было и медицинское оборудование, и продукты питания, одежда, электрические бытовые приборы, инвалидные коляски. Мы никогда не получали грантов от государства, а работали, движимые идеей помощи людям.

Узнав, что во Владивостоке дети в детских домах нуждаются, мы стали собирать средства, чтобы их поддержать. Некоторые люди жертвовали крупные суммы денег, как, например, Зинаида Филимонова. На собранные деньги мы для детей детского дома купили новые кровати, сделали детскую площадку. Сердце обливалось кровью, когда я впервые увидела, как живут дети в некоторых детских домах в России, и как было радостно увидеть тот же детский дом после нашей помощи. Мне никогда не забыть глаза детей дома-малютки на улице Окатовой и Краевого психоневрологического дома ребенка во Владивостоке. Я благодарю Бога, что Он всегда давал мне возможность зарабатывать, чтобы я могла помогать страждущим.

- А все ли было гладко, когда вы занимались общественной работой?

- Да разве бывает легко и гладко, когда ты работаешь на благое дело и постоянно на глазах у общества! Были и завистники, и наговорщики, и те, кто мешал исподтишка, а кто-то оскорблял открыто. Однажды я даже хотела покончить с собой. Я жила уже вот в этом доме. Вышла я на балкон. Стою над океаном и совсем собралась броситься вниз головой на камни, и вдруг мысль пришла: «а если насмерть не разобьюсь..?».

- Что же довело вас до такого отчаяния и до такой страшной мысли?

- Меня так обидели, что жить я больше не хотела. Один человек, имя его я вам назову, но пока не пишите о нем… Он очень обидел меня, сказав, что деньги, принадлежавшие Русскому клубу, я тратила на себя. Меня как ножом ударили. Я всю жизнь отдавала людям свое, сколько отдавала я сил, времени, своих денег, никогда не брала ничего взамен, и вдруг меня назвали воровкой. Как жить после этого?!

- Вы до сих пор занимаетесь общественной работой?

- Мне 92 года. Четыре года назад, в 2012 г., я официально объявила о завершении двух благотворительных организаций, которые я возглавляла. Были закрыты организация «Русско-Австралийская организация помощи» и «Забота о русском кладбище». Вот уже четыре года я вольная птица.

- И вы смогли сидеть без дела?

Клавдия Николаевна, прежде чем ответить на этот вопрос, залилась смехом озорной девочки и ответила:

- Нет конечно! Я снова нашла себе дело! И думаете, что? Я стала шить кукол!

- Для кого куклы?

- Для себя. Я решила, что куклы должны одеваться по-русски и стала шить им русские платья, кокошники. Сначала сшила одну куклу. Она была, как живая. Живу я в этом большом доме одна, от Сиднея не близко, машину по возрасту водить запретили. Вот и сшила себе куклу. У меня появилась подружка, с которой я могла говорить по душам. Мне понравилось шить кукол, и я очень увлеклась этим занятием. Двадцать пять кукол я обшила в русские наряды и стала ими любоваться. Мне они напоминали и детство, и юность, и свое пошивочное дело, и то время, когда мы с друзьями шили игрушки для лотереи и благотворительных дел. В один из приемов по случаю празднования Дня России я привезла в Посольство Российской Федерации в Канберру всех своих кукол. Там сделали выставку. Люди охали и ахали, видя на куклах роскошные русские костюмы,

и я с широкой руки благотворителя подарила всю свою коллекцию посольству, хотя мне предлагали коллекционеры очень хорошую сумму. Куклы мои до сегодняшнего дня живут в посольстве. Раз в год, в День России, я их навещаю.

Все это Клавдия Николаевна рассказывала с веселым задором, с неиссякаемым вдохновением. Передо мной была не пожилая дама девяносто двух лет, а веселая женщина, не старше тридцати. Бескорыстное служение обществу отодвинуло ее старость на многие годы, и она полна сил и идей. Для первого русского музея в Австралии она подарила много мемориальных вещей из ее быта. И все время говорила, как важно, что Михаил Овчинников с единомышленниками открыл Музей русской эмиграции. Еще Клавдия Николаевна говорила, что наши русские люди всегда полны идей, но часто эти замечательные идеи не осуществляются. Иногда не хватает силы завершить начатое дело, иногда и начать не могут, и все остается на стадии рассуждений. Иногда умышленно мешают тем, кто взялся за какое-то доброе дело.

Показала Клавдия Николаевна нам и свои многочисленные награды, среди которых российский орден Дружбы за деятельность на благо общественности, орден Австралии, Почетный знак «За укрепление связей между народами России и Австралии, Благословенная Грамота от Владыки Илариона, Почетная грамота Московского патриархата и многие другие знаки отличия. Все эти награды она завещает первому русскому музею в Австралии, которые передаст позднее. А сейчас легенда русского общества – Клавдия Николаевна Муценко – полна сил, энергии, посещает общественные мероприятия, приемы в консульстве и посольстве Российской Федерации, где не лишне появиться и с заслуженными наградами.

В наставление Клавдия Николаевна сказала:

- Как бы не было трудно, идите путем, который вы наметили по созданию музея. Дело это важное, благое, и со временем, когда музей начнет процветать, у директора – создателя музея Михаила Овчинникова будет много единомышленников, а пока за ним идут только смелые. Так что, главное – это не отступать от начатого дела, а Бог никогда не оставит тех, кто делает добро. Хранить историю русских эмигрантов вдали от России – это ли не делание блага и не служение своему народу? На эту миссию Господь определяет избранных.

УДК 9(С)2+9(С)кр.

Моисеева Л.А.

«СОРАЗВИТИЕ» ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА КАК СЛЕДСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На основе анализа значительного теоретического и эмпирического материала показано формирование совместного предпринимательства с деловым миром стран АТР, переросшее из стихийного образования в фактор укрепления позиций России в АТР. «Соразвитие» как феномен в конкуренции предпринимательства уходит истоками в российскую эмиграцию из Приморья в 1922 г., прежде всего в Китай, где «осела» большая часть эмигрантов, самозабвенно трудившихся вместе с китайскими предпринимателями.

Ключевые слова: Дальний Восток; эмиграция; «соразвитие»; АТР, предпринимательство; интеграция; Россия.

Moiseeva L.A.

«CO-DEVELOPMENT» OF ENTERPRISE OF THE RUSSIAN FAR EAST AND THE COUNTRIES OF THE ASIA PACIFIC REGION AS THE CONSEQUENCE OF THE RUSSIAN EMIGRATION: HISTORY AND PROSPECTS

Basing on the vast theoretic and empiric material, the article deals with the formation of joint entrepreneurship with the business circles of the Asian Pacific Region Countries, which has transformed, from the self-developing state, into the factor of strengthening position of Russia in the region. «Codevelopment» as phenomena in the business competition is based on origins of the Russian emigration from Primorye in 1922, especially to the China, where most of their representatives settled and selflessly worked with Chinese entrepreneurs.
Keywords: Far East; emigration; «codevelopment»; Asian Pacific Region; entrepreneurship; integration; Russia.

Потребность в переосмыслении исторических событий, приведших к трагическим исходам русских из России, не ослабевает и в XXI в., оставаясь незаживающей раной в российском обществе. Два исхода (эвакуация из Крыма в 1920 г. и из Приморья в 1922 г.) – величайшая человеческая трагедия, какой не знала мировая история. Россию покинула самая образованная и интеллектуальная, огромная по численности часть общества, любившая Отечество. Проблемы российской эмиграции не покидают исследовательское поле дальневосточных историков, рассматривающих многие аспекты поднимаемой проблемы. В нашем случае главными определены проблемы социально-экономического сотрудничества российских эмигрантов и китайцев, переросшего в «соразвитие» предпринимательства Дальнего Востока России и стран АТР.

Начало такого сотрудничества корнями уходит в годы строительства и обслуживания КВЖД, прибытия из России инженеров-путейцев, переводчиков, образованных людей других необходимых профессий. Российские специалисты развернули исследование экономической и социально-культурной китайской действительности, а строительство КВЖД ускорило экономическое развитие Маньчжурии, в которой «осела» большая часть российских эмигрантов, прибывших из Приморья. Им стали известны имена основателей Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), взявших за основу Владивостокское общество изучения Амурского края (ОИАК): Э.Э. Анерта, А.В. Спицына, Б.В. Скворцова, П.В. Шкуркина, Т.П. Гордеева, В.Н. Амена, Н.П. Байкова, М.А. Фирсова и других. Они самозабвенно трудились, за что китайцы стали называть русских «старшими братьями».

Российские эмигранты, в поисках путей «выживания» на чужбине, активно стали заниматься предпринимательской деятельностью в сферах производства и услуг, снискав уважение китайцев, считавших россиян надежными партнерами, что стало добротной основой для «соразвития» современного предпринимательства Дальнего Востока России и стран АТР.

Понятие «соразвития» с деловым миром АТР, и в первую очередь с предпринимателями Китая, принадлежит В.В. Путину (2000 г.). Оно стало основой активного решения совместных проблем Дальнего Востока России и Китая. Определение «дальневосточного вектора», определяющего развитие всей России на XXI в., диктовали необходимость собственного территориального саморазвития на основе дальневосточного предпринимательства как инновационной модели хозяйствования. Это определяет и обосновывает актуальность данной работы.

Методика исследования избранного нами аспекта потребовала следующих параметров выявления роли дальневосточного предпринимательства в современном его «соразвитии» с деловым миром АТР: идентификации самих дальневосточных предпринимателей в этом процессе; участия их в реализации совместных региональных (Дальневосточного федерального округа) и международных проектов; перспективы решения проблем в условиях выхода России на «дальневосточный вектор» развития в XXI в.

«Соразвитие» дальневосточного предпринимательства с деловым миром стран Азиатского-Тихоокеанского региона являлось объективной закономерностью, поскольку системный кризис в стране для этого региона стал экономической катастрофой: объем производства промышленной продукции сократился на 60 %, объем инвестиций – на 79 %. Внутренний рынок страны, поглощавший 90 % всей производившейся регионом продукции, «съежился» до 25 %. Если в дореформенный период средняя стоимость транспортировки тонны груза из европейской части России на Дальний Восток составляла 0,3 коп. за километр расстояния, то в 1997 г. – почти 66 руб., т.е. средняя стоимость перевозки за этот период увеличилась почти в 22 000 раз. В результате доля транспортной составляющей в стоимости продукции при поставке ее с Дальнего Востока в центральные районы России составляла 77 %, тогда как при экспорте в страны АТР – только 25 % [11, с. 58, 68-69], что заставляло дальневосточных предпринимателей искать деловых партнеров в странах АТР.

Необходимо отметить, что к концу XX в. регион представлял собой экономическую единицу со слабо связанными между собой рынками областного ранга, которые плохо структурировали в интегральную систему. Рост количества убыточных предприятий усиливали периферийность положения Дальнего Востока, которому была предоставлена государством самостоятельность в организации своего развития за счет собственных усилий при формально провозглашенном равенстве возможностей регионов. Японцы, образно оценивая эту ситуацию, называли Дальний Восток России «регионом упущенных возможностей», поскольку за стремительным развитием Японии к концу XX в., резкий скачок в темпах развития наблюдался в Тайване, Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, высоких темпов роста экономики добились Таиланд, Малайзия, Индонезия, быстро начали развиваться Вьетнам и Китай. Достаточно сказать, что экономика Китая в 4, а Японии – в 13 раз превосходила экономику России, и этот разрыв неуклонно возрастал.

Для таких оценок поэтому были основания и потому, что 32 завода-флагмана промышленности российского Дальнего Востока относились к военно-промышленному комплексу (ВПК). На гражданских же заводах коэффициент износа оборудования составлял в 1988 г. около 40%, а в 1991 г. из 92 промышленных предприятий Хабаровского края 58,7 % предприятий уже вовсе не проводили мероприятий по внедрению новой техники, 83 % предприятий не занимались автоматизацией производств. Как следствие, на промышленных предприятиях Приморского и Хабаровского краев, наиболее развитых субъектов РФ в регионе Дальнего Востока, более 90 % оборудования не отвечало санитарно-гигиеническим требованиям безопасности. Более 70 % рабочих были заняты трудом в условиях, именуемых опасными и вредными: загазованность, грязь, запыленность, высокий уровень травматизма. В промышленности Приморского края в 1994 г. доля ручного труда составляла в электротехнических отраслях 67,3 %, в строительстве – 70 %. Ручным трудом в Хабаровском крае было занято 55,3 % общей численности рабочих [12].

Правовой предпосылкой в этих условиях, разрешающей создание «совместных» предприятий с зарубежным бизнесом на Дальнем Востоке, стали постановления Совета министров СССР № 48 и 49 1987 г. «О порядке создания и деятель-

ности на территории СССР совместных предприятий». Реальную законодательную силу привлечения иностранных капиталовложений создал Закон РСФСР «Об иностранных инвестициях в РСФСР», принятый 4 июня 1991 г. Верховным Советом РСФСР и введенный в действие с 1 сентября 1991 г. Данный закон стал основным документом, регулировавшим правовые отношения по осуществлению иностранных инвестиций на территории региона Дальнего Востока. Все хозяйствовавшие субъекты любой формы собственности Указом Президента РФ от 15 октября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности» получили право на внешнеэкономическую деятельность без специальной регистрации в качестве участника ВЭС. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 1991 г. «О регистрации предприятий с иностранными инвестициями» предоставило администрациям краев, областей и автономных округов право осуществлять непосредственную государственную регистрацию совместных предприятий с иностранным капиталом.

Начался активный выход дальневосточных предпринимателей на внешний рынок. В Хабаровском крае первым совместным предприятием был «Бизнес центр Парус» с инвестициями японской фирмы «Эйва Трейдинг Ко ЛТД». Одновременно с этим совместным предприятием была построена четырехзвездочная гостиница на 28 номеров – одна из лучших в Хабаровском крае. В 1991 г. совместно с этой же японской фирмой было создано СП «Востокметалл» (производство алюминиевых сплавов) с японскими инвестициями в 10 млн дол. Мощность «Востокметалла» была до 50 тыс. тонн алюминиевых сплавов и до 100 тыс. тонн лома черного металла в год. В этом же, 1991 г., было создано СП «Даль Телеком Интернешнл» вместе с фирмой «MID-Com Communications ink» США, внесшей 8 млн дол. инвестиций [8, с. 28-29].

Совместные предприятия, действовавшие на Дальнем Востоке, являлись важным звеном формирования рыночных отношений, они способствовали разрушению государственной монополии в сфере экономики, вносили определенный вклад в привлечение управленческого опыта из-за рубежа. Особенно активно совместные предприятия создавались на территории Хабаровского края, где на 1 июня 1994 г. их было зарегистрировано свыше 500, из которых 174 – совместных предприятий, 10 – филиалов совместных предприятий, 15 – предприятий, полностью принадлежавших иностранным инвесторам, 8 – филиалов иностранных фирм, остальные – с частичными иностранными инвестициями [1, ф. 904, оп. 10, д. 2991, л. 17-32; д. 2587, л. 21-28; д. 2674, л. 4-26].

Спрос порождал развитие и других видов услуг, предоставляемых совместными предприятиями: консультации в области маркетинга, права, поиск партнеров для совместной деятельности. Создавались и успешно работали несколько совместных предприятий в области транспортировки грузов, международной связи, технического обслуживания иностранных автомобилей.

В целом на долю Дальневосточного региона уже приходилось 17 % в торговле России со странами АТР, а в случае с Японией, Китаем и Республикой Кореей этот показатель достиг соответственно 26,27 и 32 % [9, с. 58]. Однако, анализируя опыт развития совместного предпринимательства в регионе, можно было сделать вывод, что сохранялась настороженность многих, особенно крупных зарубежных компаний к инвестированию своих капиталов в проекты дальневосточных предпринимателей России. В отношениях с зарубежными партнерами можно выделить два параллельных течения. Одно – это контакты, переговоры, в том числе с обязательным участием краевых и местных администраций, с крупными компаниями. Около 30 из них открыли, например, в г. Владивостоке свои представительства, внимательно следили за развитием ситуации в политике и экономике региона, прорабатывали различные предложения о сотрудничестве, но не спешили вкладывать свои капиталы. Другое – это практически стихийный

процесс создания совместных предприятий, часть из которых как быстро создавалась, также быстро и распадалась.

Сказывался и продолжавшийся процесс нормотворчества на федеральном и региональном уровнях, который сдерживал иностранных предпринимателей от активного создания совместных предприятий на территории Дальнего Востока. Во многих странах действовали так называемые «дедушкины оговорки» (sunset clause), позволявшие иностранному инвестору в течение ряда лет руководствоваться теми законами, на основании которых ими принимались решения о вложении капитала.

Процесс формирования схемы разделения труда в последнее десятилетие XX в. в этой части мира происходил без заметного влияния Дальнего Востока России. Это не только сужало возможности активного равноправного участия дальневосточных предпринимателей в экономике АТР, но способствовало тому, что Дальний Восток России выделялся, в первую очередь, как источник сырья. Поэтому выход дальневосточных предпринимателей на сотрудничество с деловым миром стран АТР обернулся разграблением природных богатств. Увеличение предложений продажи ранее недоступной для партнеров из стран АТР сырьевой продукции от дальневосточных предпринимателей связано было с выходом в 1992 г. Указа Президента Российской Федерации, предоставившего администрациям субъектов РФ на Дальнем Востоке право самостоятельно распределять экспортные квоты на деловую древесину хвойных пород, свежую и мороженую рыбу, ракообразные моллюски, пшеницу, сою, медные концентраты. В результате в Приморском крае, например, с 1991 по 1994 г. доля машин и оборудования в экспортных поставках упала до 1 %. Вывозились уголь, круглый лес лучших пород, борная кислота, рыба, консервы, меха, мед и др. Экспорт леса составлял свыше 10 млн кубов на 2,5 млрд дол. в год, но ни одного доллара в развитие лесного хозяйства вложено не было. В результате такой практики на лесной карте, например, Хабаровского края появилось 10 млн гектаров полностью уничтоженных лесов. Осложнила ситуацию полная остановка в крае Амурского целлюлозно-картонного комбината, гидролизного и биомеханического заводов в пос. Хор, которые утилизировали низкосортную древесину. И поскольку на экспорт шла древесина только высокого качества, остальная сгнивала прямо на лесосеках и на складах. Из каждых 150 срубленных кубометров леса оставалось лежать на лесосеках более 50 кубометров [1, ф. 70, оп. 8, д. 480, л. 9-17; д. 456, л. 3-8, 17-24].

Образовалось множество лесозаготовительных фирм. На Сахалине действовало 92 лесозаготовительных предприятия (ОАО «Смирныховский лес», ОАО «Тымовская лесопромышленная компания», ООО «Форист-Лайн» и др.) В Республике Саха (Якутия) было 32 крупных и средних заготовительных предприятия (ОАО «Сахалес», ООО «Маасс», ОАО «АЛРОСА-Леспром», ОАО «Алданлеспром», ОАО «Табачинская лесная компания» и др.). В Еврейской автономной области действовало 12 предприятий, в Приморском крае заготавливали лес 9 предприятий (ОАО «Тернейлес», «Лучегорсклес», «Лесэксперт» и др.). Наиболее крупными компаниями были ООО «Сэньхе-Лесопромышленность», ООО «Дальсоюзпром», ЧП «Соломатин». На Камчатке заготавливали лес около 50 предприятий (ООО «Урал», ОАО «Козыревский лес» и др.). В 1999 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 725 экспортеров леса (не считая физических лиц). Основными потребителями леса были Китай, Япония, Северная и Южная Корея [6, с. 12-16].

При таком огромном лесном экспорте появились возможности формирования «лесной мафии», в результате чего более половины древесины на Дальнем Востоке продавалось за рубеж нелегально. Ущерб РФ от нелегального лесопользования составлял в год свыше 1 млрд дол. при ежегодном обороте в 6 млрд дол.

[10, с. 19]. Это было возможно при наличии не контролировавшихся каналов сбыта, причалов, пунктов отгрузки, которые создавались «теневиками».

Бизнес в торговле сырьевыми ресурсами отличался некоторыми особенностями: здесь имели место партнерские связи «устойчивого» экспорта, уклонение от уплаты налогов, использование анонимных структур в международной торговле, сокрытие объема экспорта и валютной выручки, искажение отчетности непосредственно экспортерами.

Масштабный вывоз сырьевых богатств с территории Дальнего Востока сопровождался многочисленными преступными проявлениями с участием иностранных мелких компаний, большинство из которых контролировалось дальневосточными предпринимателями. В основном эти компании имели оффшорную регистрацию. Япония, Китай, Республика Корея фактически стали «заповедниками для отмывания» товарных и финансовых ресурсов, полученных преступным путем на территории Дальнего Востока. Этому способствовала и политика ряда крупных китайских торгово-промышленных компаний, а также частных китайских бизнесменов. Кадровые сотрудники таких фирм занимались активной скупкой леса, добытого браконьерским способом, и через подставных лиц из числа дальневосточных предпринимателей по подложным документам организовывали его экспорт в КНР. Гражданами КНР создавались специальные фирмы-однодневки.

Нередко китайские преступные группы входили в сговор с российскими мафиозными организациями, служившими им прикрытием. Так, Чжэн Жэньхао и Цуй Гочже офисом для преступных действий избрали гостиницу «Уссури» в г. Хабаровске. Международные преступные группы Чжэн Жэньхао и Ду Сяньгу совершили в России 21 преступление, незаконно получив более 200 млн руб. и 26 тыс. дол. В г. Хабаровске они совершили 11 дерзких преступлений. В судоходстве и рыбной промышленности Дальнего Востока был создан ряд каналов активной «утечки» рыбных богатств Дальнего Востока. С введением квот на вылов биологических ресурсов развернулась бесконтрольная деятельность нерезидентов в рамках приобретения квот – так называемая продажа «рыбы в воде» из морей Дальнего Востока России.

Учитывая недостаточность правительственных решений, направленных на получение иностранного капитала, властные органы региона разработали и приняли ряд целенаправленных мер для привлечения иностранных инвесторов. Это выражалось в том, что предприниматели включались в разработку программ развития внешнеэкономических связей региона.

Так, в Хабаровском крае было разработано и предложено предпринимателям стран АТР свыше 30 разнообразных проектов. Среди них группа проектов, направленных на структурную перестройку экономики. Это были проекты, связанные с конверсией военного производства, глубокой переработкой природных ресурсов, поворотом машиностроения на нужды региона, усилением производственной инфраструктуры. Следующая группа проектов основывалась на концепции импортозамещения – проекты по развитию легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства. Были проекты, ориентированные на разработку новых месторождений полезных ископаемых, увеличение транзитных перевозок внешнеторговых грузов через территорию края, расширение рынка разнообразных услуг. Некоторые проекты были направлены на создание конкретных совместных предприятий, таких как «Самсунг» в г. Хабаровске. В качестве учредителя выступила крупнейшая в мире южно-корейская фирма «Самсунг», где весьма высоко ценили свою репутацию. С российской стороны в совместное предприятие вошли Хабаровский и Комсомольский-на-Амуре нефтеперерабатывающие заводы, завод «Амурсталь», акционерное общество «Комсомолка», Ванинский торговый порт и др. Сфера деятельности этого совместного предприятия была

довольно обширна: океанские перевозки, экспортно-импортные операции, судостроение, судоремонт, строительство и т.д.

Такая политика региональных властей приостановила сокращение числа совместных предприятий и рост количества «замороженных» совместных предприятий, когда из 346 зарегистрированных совместных предприятий действовало к 1997 г. только 76, или 22 %. К 1998 г. прирост зарегистрированных предприятий с иностранным капиталом наблюдался во всех дальневосточных субъектах РФ: в Республике Саха (Якутия) он составил 61,9 %, в Хабаровском крае – 48,8 %, в Магаданской области – 56, в целом по Дальнему Востока – 64,5 % [4; 14].

Если в европейской части России в целом лидирующее положение по числу предприятий с иностранным капиталом занимали (в порядке убывания) США, Германия, Великобритания, то в Дальневосточном регионе преобладали совместные предприятия с предпринимателями из стран АТР: на Японию приходилось 51 % общего объема экспорта, Китай – 15 % и Южную Корею – 15 %. В Хабаровском крае было около 40% предприятий с участием китайского, 17,3 % – американского, 12 % – японского капитала. В Сахалинской области российско-китайские совместные предприятия составляли лишь 7,3 %. В то же время на долю предприятий с японскими инвестициями приходилось более 35 %. Высокий удельный вес предприятий с японскими и американскими инвестициями был характерен для Камчатской области – 22 и 25,7 % соответственно. В Амурской области около 90% совместных предприятий были зарегистрированы при участии китайского капитала [15].

Полноправное вступление России в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) 14 января 1998 г. в Куала-Лумпуре повлияло на рост общего объема инвестиций стран АТР в Россию, составивших по состоянию на 1 января 2000 г. 7,2 млрд дол., или 24,5 % общего объема инвестиций в российскую экономику. Участие России в АТЭС было продиктовано стремлением правительства через Дальний Восток подключать потенциальных инвесторов к реализации программ долгосрочного развития. Поэтому будущее Дальнего Востока рассматривалось Администрацией Президента Российской Федерации В.В. Путина как «соразвитие России со странами АТР» [9; 13].

Евразийский контекст внешней политики России связан с поиском оптимальной парадигмы отношений со странами АТР, поскольку именно здесь – на этом геополитическом, геостратегическом, геокультурном и экономическом пространстве, выстроенном вокруг акватории Великого Тихого океана – будет решаться судьба человечества в ближайшие десятилетия. Являясь ядром континентальной евразийской оси, оставаясь великой мировой державой, в условиях складывающейся военно-политической и экономической обстановки в связи с возвращением в Россию Крыма и событиями на Украине, Россия избрала восточное направление, опираясь на дружественную ориентацию КНР, Индии, Монголии, КНДР, Вьетнама в ситуации бесконечных санкций США и ЕС.

Сегодня российская политика по всем объектным показателям явно совпадает с китайскими ресурсами для «соразвития» РФ и КНР. Эта позиция была подтверждена в выступлении Президента РФ В.В. Путина 10 ноября на Форуме АРЕС-2014, подчеркнувшего, что сеть территорий опережающего развития на российском Дальнем Востоке открывает реальные перспективы повысить торговый оборот со странами АТР до 40 % несырьевыми товарами. «В рамках сотрудничества с Китаем взаиморасчеты будут производиться в юанях и рублях вместо американских долларов. Любая страна, добывающая сырье, должна его обрабатывать: приходите в Россию и стройте на ее территории предприятия» [9; 13].

В реализации этой стратегии России в «соразвитии» и интеграции со странами АТР Дальний Восток оказался ключевым звеном, будучи наиболее вовлеченным во внешнеэкономические связи с его странами, сохраняя свое большое

значением для обороны государства, на что указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Дальневосточный регион примыкает к государственной границе на протяжении более 23 тыс. км и граничит с ведущими странами АТР. Свыше 69 % муниципальных образований являются пограничными, на территории которых проживает более 80 % населения ДВФО [2].

Таково отражение специфики положения России в ориентирах российской государственной политики «соразвития» с деловым миром стран АТР. Она позволяет Дальнему Востоку отказаться от «модели выживания», превратившей регион в добытчика и поставщика сырьевых богатств странам АТР, поскольку на это уходили все инвестиции, поступавшие в Дальневосточный регион. Так, с 2000 по 2012 г. объем их увеличился в 16,5 раза, с 0,6 до 9,9 млрд дол., однако 93 %, или 9,3 млрд дол., пошли на добычу и продажу полезных ископаемых в ущерб национальным интересам России [10].

Как известно, в АТР действуют три основных центра экономического и финансового притяжения: 1) Япония и Южная Корея; 2) «Большой Китай» – КНР, включая Гонконг, Тайвань; с ним тесно взаимодействует Сингапур; 3) группа стран АСЕАН. Китай является оптимальным партнером для российского Дальнего Востока по многим показателям: наличие взаимодополняемости экономик – энергоресурсы, тяжелая и добывающая промышленности, наукоемкие отрасли – у России; легкая промышленность и наличие избыточной рабочей силы – у Китая; значительный объем валютных резервов у КНР, Гонконга, Тайваня и Сингапура и потребности Дальнего Востока России в инвестиционном капитале, географическая близость и наличие у Китая необходимой инфраструктуры для быстрого развертывания торгово-экономических отношений с российским Дальним Востоком. На развитие ситуации в Северо-Восточной Азии, в Центрально-Азиатском районе влияет создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по инициативе двух влиятельных участников интеграционных процессов в Восточной Азии – России и Китая.

Таким образом, постепенное включение азиатской части России, прежде всего, Дальнего Востока и Сибири в систему мирохозяйственных связей – основное условие приоритетного социально-экономического развития региона и России в целом, наращивания экономического потенциала и укрепления национальной безопасности. Однако, главная проблема на пути активизации участия России в интеграционных процессах Восточной Азии – низкий уровень российской вовлеченности во внешнеторговых операциях стран АТР остается в районе 1 %, ее инвестиции в этих странах незначительны. Пока российские предприниматели уверенно не войдут в сферы экономики стран АТР и не выйдут на их рынки, трудно говорить о реальной интеграции России в АТР.

Другой сдерживающей проблемой остается падение уровня интегрированности Дальнего Востока в экономическое пространство России: только 5 % валового регионального продукта поставляется на внутренний рынок России, тогда как 20 лет назад эта доля была в 16 раз выше.

В этой связи учеными была предложена Стратегия развития Дальневосточного региона, предусматривающая три этапа: первый (2009–2015 гг.), второй (2016–2020 гг.), третий (2021–2025 гг.). Комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов на территории опережающего развития.

Эти обстоятельства поставили субъекты РФ на Дальнем Востоке перед необходимостью, опираясь на разработанную и принятую ими «Стратегию проектного подхода», определить свои «кластеры» – «точки роста», которые должны стать точками развития Дальневосточного региона. «Кластерный» путь развития,

по мнению специалистов, самый эффективный для восточных территорий России: *космический* (строительство космодрома в районе г. Свободного Амурской области), *металлургический* – в Еврейской автономной области (на основе разработок открытых богатых залежей железной руды и углей Хабаровского края), *инновационный* (на базе Дальневосточного федерального университета), *энергопромышленный* (на мощностях Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса и минерально-сырьевой базы региона), *авиасудостроительный* (на базе авиационного завода г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края и авиационного объединения в г. Арсеньеве Приморского края; судостроительных заводов г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края и г. Большой Камень Приморского края), *сельскохозяйственный* (на базе Амурской и Еврейской автономных областей).

В рамках этих «кластеров» были разработаны крупные инвестиционные проекты. Так, частью горно-добывающего кластера стал инвестиционный проект «Албазино-Амурск», включающий строительство горно-обогатительного комбината на месторождении «Албазино» в районе Полины Осипенко и горно-металлургического комбината в г. Амурске Хабаровского края. Формирование Ургальского горно-обогатительного кластера замыкается на возведении фабрик по обогащению углей на ОАО «Ургалуголь» в Верхенбуреинском районе.

Своеобразными экономическими локомотивами были определены проекты долгосрочного социально-экономического роста Хабаровского края: Комсомольский территориально-производственный комплекс – промышленная зона «Комсомольск – Амурск – Солнечный» (КАС), где производится сегодня свыше 50 % промышленной продукции Хабаровского края; Ванино-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел; Буреинский топливно-энергетический комплекс; Хабаровская агломерация.

Вместе с тем, 99,5 % продукции горно-добывающей отрасли Хабаровского края приходится на золото, серебро, платину. Оловянные месторождения России разрабатываются только в Солнечном и Верхнебуреинском районах этого края.

Однако председателем Правительства РФ Д. Медведевым была утверждена в сентябре 2016 г. новая редакция Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года», в которой скорректированы целевые индикаторы, изменена структура госпрограммы и основные направления опережающего развития, уточнена инфраструктурная поддержка инвестиционных проектов. Общий объем финансирования увеличен за счет федерального бюджета до 466,52 млрд руб. К концу реализации программы, как сообщается в пресс-релизе Минвостокразвития, будет создано 210 ТОР, 55 инвестиционных проектов получат государственную поддержку, из них 30 выйдут на проектную мощность до 2025 г. [8, с. 8]. В рамках этих изменений Президент РФ В.В. Путин поддержал инициативу компаний России, Японии, Республики Кореи и Китая по созданию Азиатского энергокольца.

Интерес к российскому Дальнему Востоку, как отмечалось на Международном экономическом форуме в г. Владивостоке 2-3 сентября 2016 г., возрастает, что выводит «соразвитие» с деловым миром стран АТР на новый практический уровень. Так, НК «Роснефть» и южно-корейская «Hyundai Heavy laustries (Hhl)» создают совместную компанию на судостроительном комплексе «Звезда» в г. Большой Камень для строительства гигантских танкеров по корейским технологиям. Японская компания «Соджиу Корпорейшин» начинает строить завод по производству метанола и заинтересована в реализации проекта по увеличению добычи угля и расширению его отгрузки для Японии из порта Шахтерск Сахалинской области.

Необходимо отметить, что успешные переговоры президентов Южной Кореи Пак и РФ Путина стали базой для реализации перспективных проектов, интересных российской и корейской сторонам. Прежде всего, это создание сложно-

го трехстороннего логистического взаимодействия между Республикой Кореей, Китаем и Россией, позволяющего создать важную логистическую инфраструктуру, соединенную с Северным морским путем. Во-вторых, морские биоресурсы привлекают Южную Корею, готовую создавать в Приморье и на Сахалине крупные рыбные кластеры. В-третьих, корейцы проявляют практический интерес к сельскому хозяйству, созданию материально-технической базы для безопасного хранения, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции не только на территории РФ, но и за рубежом.

Практически все субъекты РФ на Дальнем Востоке успешно решают современные проблемы в соразвитии со странами АТР. Так, в Чукотском автономном округе развернулась работа по освоению и строительству объектов месторождения коксующегося угля «Фандюшкинское поле» совместно с австралийской компанией «Tigers Realm Coal Limited» на территории опережающего социально-экономического развития «Беринговский». Реальным стал проект строительства мостового перехода через реку Амур в районе Благовещенска Амурской области и Хэйхе провинции Хейлундзян Китая. Сверхскоростная железная дорога между Китаем и приморским портом Зарубино, которая будет в два раза быстрее самолета и в три-четыре раза быстрее скоростного поезда, строится на пилотном участке. Этот транспорт безопасен и работает на солнечной энергии.

Китай остается главным российским партнером, готовым участвовать в развитии Дальнего Востока. Так, подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Государственным комитетом Китайской Народной Республики о принципах работы российско-китайского фонда аграрного развития. Кроме того, в присутствии председателя Правительства РФ Д. Медведева и премьера Государственного совета Китая Ли Кэцяна стороны подписали еще четыре основные договоренности по содружеству на Дальнем Востоке: первая договоренность – о развитии Северного морского пути в целях транспортировки грузов между РФ и странами АТР; вторая позиция меморандума связана с развитием международных транспортных коридоров, в частности «Приморья-1» и «Приморья-2»; третья договоренность связана с привлечением китайских инвесторов в территории опережающего развития и свободный порт Владивосток; четвертая – по экспорту производственных мощностей в приоритетных отраслях экономики: строительной индустрии, металлургии, энергетике, машиностроении, судостроении, химической промышленности, текстильной и цементной промышленностях, сфере коммуникаций и в сельском хозяйстве. Речь идет о возможном переводе китайских предприятий на территорию Дальнего Востока и создании совместных экспортно-ориентированных производств [8].

Таким образом, «соразвитие» со странами АТР приобрело в XXI в. иной уровень и иное качество благодаря и тому, что Россия обрела во Владивостоке свою восточную столицу, где на международных форумах, конгрессах, саммитах можно обсудить самые глобальные вопросы, строить самые масштабные проекты и реализовать самые грандиозные планы.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // Российская газета. 2009. 19 мая.
3. Основные положения региональной политики в РФ // Собрание законодательных актов РФ. 1996. № 23. 714 с.
4. Гранберг А. Деятельность и задачи Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 5–11.
5. Дальневосточный капитал. 2002. № 6.

6. Дальневосточный капитал. 2003. № 10.
7. Дальневосточный капитал. 2016. № 7.
8. Дальневосточный капитал. 2016. № 9.
9. Дорога в АТР // Приморские вести. 2000. № 68 (август).
10. Ишаев В.И. Дальний Восток должен развиваться опережающими темпами // Дальневосточный капитал 2013. № 10.
11. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток, 1999.
12. Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства Дальнего Востока России как инновационной системы хозяйствования (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2003. 452 с.
13. Россия будет расширять свое влияние в АТР // Предприниматель Приморья. 2000. 22 ноября.
14. Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ. Хабаровск: ДВО РАН, 1998.

УДК 94(571.6)

Островская О.П.

СУДЬБЫ УЧАСТНИКОВ ЭМИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1970-1980-х гг.

В статье рассматриваются судьбы участников эмиграционного движения пятидесятников на Дальнем Востоке в 1970-1980-х гг. Находкинское эмиграционное движение пятидесятников было представлено многими заметными личностями. По материалам архивных данных прослеживаются судьбы некоторых верующих, принимавших участие в эмиграционном движении. В 1988–1990 гг. с изменением политической обстановки в стране основная часть эмиграционно настроенных пятидесятников выехала за пределы государства.
Ключевые слова: пятидесятники; российский Дальний Восток; эмиграция.

Ostrovskaya O.P.

THE DESTINIES OF THE PARTICIPANTS OF EMIGRANT MOVEMENT OF PYATIDESYATNIKOV IN THE FAR EAST IN 1970-1980s

The article considers the fate of Pentecostals, who participated in the movement for emigration in the Far East in 1970-1980s. Pentecostals movement for emigration in Nakhodka city was represented by many prominent personalities. The article traced on materials of archive data fate of some believers who participated in the emigration movement. In 1988-1990s with the change of the political situation in the country, the bulk of the Emigration minded Pentecostal travel outside the state.
Keywords: pentecostals; Russian Far East; emigration.

Эмиграция верующих по религиозным мотивам являлась одной из составляющих Русского исхода на протяжении всего XX в. Однако наиболее широко известно эмиграционное движение по религиозным мотивам в среде дальневосточных христиан веры евангельской (пятидесятников) в период 1970–1980-х гг.

Центром эмиграционной активности дальневосточных пятидесятников являлся город Находка, где органам власти пришлось предпринимать специальные «мероприятия по локализации эмиграционных намерений» [4, с. 248-272]. С этой целью действовали основные городские властные и общественные структуры, использовались различные методы убеждения и административного давления, велась активная антиэмиграционная кампания в прессе, на предприятиях

и в учебных заведениях. В свою очередь христиане веры евангельской (пятидесятники) пытались отстаивать свои намерения, добиваясь эмиграции.

По-разному складывались судьбы верующих, принимавших участие в эмиграционном движении. Начало движению положено в конце 1950-х гг., когда в ожидании исполнения пророчества о «белом пароходе, который отвезет в «землю обетованную», в Находку прибыло около двух тысяч верующих пятидесятников, из которых около пятисот человек остались на постоянное место жительства [7, с. 29-35].

Находкинское эмиграционное движение было представлено многими заметными личностями.

Одним из основателей этого движения был *Николай Горетой* (1921 г. р., украинец, уроженец с. Кобылки, Курской области), руководитель общины, которая инициировала переезд на Дальний Восток. По сути уже в самом пророчестве о выезде в землю обетованную, прозвучавшем в его общине, были заложены эмиграционные ожидания пятидесятников.

После прибытия в Находку, в начале 1960-х гг., Горетой Н.П. был одним из лидеров собравшихся здесь верующих. Им были составлены первые списки желающих выехать за рубеж, которых, вместе с детьми, насчитывалось около 1000 чел. Деятельность такого характера не могла не встретить противодействия со стороны органов власти. В 1961 г. Находкинским городским судом Горетой Н.П. совместно с Райляном А.Г. и Бабарыкиным Н.Г. был осужден к реальному сроку наказания (6 лет лишения свободы и 5 лет ссылки) по ст. 227 ч. 1 УК РСФСР за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» [2, д. 2, док. 73, л. 1].

После возвращения из мест заключения Горетой Н.П. с семьей (а также Бабарыкин Н.Г.) не вернулись в Находку и проживали в Краснодарском крае, станице Старотиторовской, которая, во многом благодаря деятельности Горетого Н.П., также стала центром эмиграционной активности пятидесятников. Однако находкинский период борьбы за эмиграцию продолжал оказывать влияние на его деятельность. Проживая в Краснодарском крае, Горетой Н.П. поддерживал связи с находкинскими пятидесятниками, добивавшимися выезда, координируя совместные действия. Так, в 1977 г. вместе с Перчаткиным Б.Г. из Находки Горетой Н.П. выступил в защиту арестованных диссидентов Гинзбурга А.И., Орлова Ю.Ф, Щаранского А.Б., обратившись к христианам мира от имени пятидесятников [2, д. 1, док. 61, л. 3].

В декабре 1979 г. Горетой Н.П. был вновь арестован, и по приговору Краснодарского суда от 8 августа 1980 г. осужден по той же статье к 7 годам лишения свободы, 5 годам ссылки и конфискации имущества. Срок отбыл в Пермских лагерях и, находясь на ссыльном поселении в Тюменской области, освободился в апреле 1987 г. по помилованию. Основатель находкинского эмиграционного движения смог выехать в США в 1988 г. в связи с изменением политического климата в стране и открытием границ. Через год, в 1989 г. умер. В мае 1992 г. он был официально реабилитирован в связи с его религиозной деятельностью [3, с. 197-224]. В 11 главе книги Н.П. Горетого «СССР – Апокалипсический Вавилон» подробно рассказывается о судьбе находкинской общины пятидесятников [6, с. 172-197].

Необходимо отметить, что часть находкинских пятидесятников не участвовала в эмиграционном движении, считая город своим постоянным местом жительства и допуская определенное сотрудничество с властями. Верующие обращались в органы власти с заявлениями на приобретение земельных участков, автомобилей, улучшение жилищных условий, получение кредитов на строительство жилого дома.

Так, в отличие от Горетого Н.П., осужденный вместе с ним в Находке в 1961 г. другой лидер находкинских пятидесятников *Афанасий Райлян* (1902 г. р., пенсионер) не поддерживал агитацию за выезд из СССР. После отбытия заключения он вернулся в Находку. Пользуясь признанным авторитетом среди верующих, Райлян А.Г. возглавлял самую большую по численности (около 400 чел.) общину пятидесятников. Община считалась наиболее «спокойной» и лояльной, хотя в ее составе были как поддерживающие эмиграционное движение верующие, так и стоящие вне его.

На фоне эмиграционной кампании община Райлян А.Г. «решила принять предложенное горисполкомом для использования в качестве молитвенного дома здание» [2, д. 2, док. 18, л .6]. Это согласие расценено другими пятидесятниками, стоявшими на непримиримых позициях, как сделка с органами власти, равная регистрации. Девять человек из числа руководителей пятидесятников были отлучены от церкви подпольным епископатом [2, д. 2, док. 18, л. 6]. От группы Райляна А.Г откололось около 200 чел., которые в основном стояли на позициях эмиграционно настроенных, и создали отдельную общину. Крупнейшую общину пятидесятников в Находке Райлян А.Г. возглавлял вплоть до своей смерти в декабре 1984 г.

В 1965 г. среди участников находкинского эмиграционного движения прозвучали имена *Василия Патрушева* и *Федора Сиденко.* Ими была предпринята попытка передать представителю иностранного государства информацию о положении верующих в СССР. Патрушев В.Ф. составил список единоверцев, желавших эмигрировать, а Сиденко Ф.А., работавший водопроводчиком в гостинице «Восток», передал этот список проживавшему там японскому торговому представителю для пересылки в ООН [3, с. 203]. В 1966 г. оба осуждены к реальным срокам по ст. 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда» [2, д. 2, док. 73, л. 1]. После заключения Патрушев В.Ф. вернулся в Находку и продолжал участвовать в эмиграционном движении. Так, в сентябре 1977 г. он подписал письмо в адрес участников Белградского совещания. В 1986 г. в статье Б. Зудермана «Кто они?» появилась его критика в местной печати [5, 14.01.1986]. Факты биографии Сиденко Ф.А, отбывшего три срока уголовного наказания, прослеживаются в Краснодарском крае, где, по сообщению радиостанции «Голос Америки», он также был насильственно помещен на лечение в психиатрическую больницу [2, д. 2, док. 71, л. 1]. Деятельность Патрушева В.Ф. и Сиденко Ф.А впоследствии также завершилась эмиграцией.

В 1972 г. в Находку приезжает *Григорий Ващенко,* как характеризовали его со стороны властей, «авторитет пятидесятников Сибири». Ващенко Г.Л. происходил из семьи потомственных протестантов. Широкую известность семья Ващенко получила в 1978–1983 гг., когда в течение 5 лет члены этой семьи отказывались покидать американское посольство в Москве [3, с. 227-228]. Ващенко Г.Л. не участвовал в акции в американском посольстве, но, находясь в Находке, возглавил самостоятельную общину, состоящую из 8 семей, которые с 1973 г. начинают ходатайствовать о выезде и выходе из гражданства СССР [2, д. 2, док. 73, л. 2]. В ходе борьбы за выезд из страны Ващенко Г.Л. и Бресенден Е.А. устанавливают в Москве контакты с членами Комитета по защите прав человека в СССР, возглавляемого Сахаровым А.Д. В 1974 г. они обращаются с письмом в Комитет по правам человека при ООН, активно участвуют в других акциях за эмиграцию. Впоследствии, в 1981 г. Ващенко Г.Л., раньше многих других, разрешили выехать с семьей в ФРГ. Уже находясь в эмиграции, он «за рубежом активно борется за права человека» в СССР [5, 23.01.1986].

В 1970-е гг. Находка оказывается на пике эмиграционного движения. Это время характеризуется потеплением международной обстановки, развитием

международного обмена в различных областях, углублением демократизации, что активизирует движение за эмиграцию.

В 1976 г. Патрушев В.Ф., Бурлаченко В.А. Перчаткин Б.Г., Степанов В.Н. установили связь с диссидентами в Москве и получили рекомендации «направить волну эмиграции в организованное русло». В этом же году состоялся приезд в Находку представителя московской хельсинкской группы Ворониной Л.В. [2, д. 2, док. 12, л. 1].

В 1975–1977 гг. по разрешению властей допускается первая волна эмиграции. Из Находки в США выезжают семьи Бресенденов (7 человек), Плотниковых (5 человек), Онуфриева А.Г. (2 человека). В ФРГ эмигрируют семьи Кончак (6 человек), Зоненбергов (14 человек) и Клизе (10 человек). В Канаду (п. Онтарио) эмигрирует семья Багриных из 6 человек [2, д. 2, док. 73, л. 2-3]. Это был первый случай, когда пятидесятникам разрешили эмигрировать из страны.

Одни из первых выехавших пятидесятников, такие как *Евгений Бресенден, Николай Плотников,* сыграли особую роль в дальнейшем развитии эмиграционного движения, взаимодействуя в США с религиозными организациями и проводя работу по организации дальнейшего выезда своих единоверцев. Бресенден Е.А., сотрудничая на религиозной радиостанции, а также Плотников Н.И. организовали направление в Находку официальных приглашений для выезда единоверцев. Приглашения для выезда, в основном от неизвестных им лиц из США, проживающих в штатах Калифорния и Орегон, получили в Находке 46 семей (137 взрослых и 146 детей) [2, д. 2, док. 73, л. 3]. В отличие от Бресендена Е.А. и Плотникова Н.И., другие эмигранты первой волны за рубежом такой активности не проявляли. В отношении одной из выехавших семей даже имелась информация, что они «отреклись от своей деятельности» [5, 26.12.1986].

В 1977 г. в находкинском эмиграционном движении наступает кульминация. 34 семьи (102 взрослых и 117 детей) возбудили ходатайство о выезде. С целью снижения волны эмиграции, в выезде со стороны властей было отказано. Одновременно советскими и партийными органами проводилась разъяснительная работа по склонению верующих к отказу от выезда из СССР. В июне 1977 г. в г. Находке создается оперативный штаб «по пресечению сектантского экстремизма». Основной упор делается на проведение разъяснительной работы с членами семей, получившими вызов, их родственниками и детьми. Перед органами внутренних дел ставились конкретные цели: «используя обстановку пограничнопаспортного режима, не допускать выезда пятидесятников с целью активизации религиозной деятельности» [1, ф. 1359, оп. 4, д. 130, л. 125].

В октябре 1977 г., в знак протеста против произвола властей в вопросе выезда, находкинские пятидесятники (86 чел. из 38 семей) объявляют голодовку. К ним присоединяются единоверцы из Владивостока. Начало голодовки приурочено ко дню открытия общеевропейского совещания в Белграде 4 октября 1977 г.

В последующие годы организована кампания по массовому отказу пятидесятников от советского гражданства (98 взрослых и 84 ребенка). В Комитет по защите детей при ООН направлено из Находки 10 заявлений, написанных детьми от 9 до 14 лет. Генпрокурору СССР направлена коллективная жалоба на действия органов власти города. В адрес горисполкома, суда и прокуратуры Находки направлен ряд документов из-за границы с требованием прекратить нарушения прав верующих, для оказания политического давления копии направлялись послу СССР В США [2, д. 2, док. 73, л. 5].

На фоне этих событий наиболее известной личностью среди участников находкинского эмиграционного движения конца 1970-х – начала 1980-х гг. являлся *Борис Перчаткин* (1946 г.р., уроженец г. Миргорода, из семьи потомственных верующих, женат, 6 детей). С 1976 г., как указывается в обвинительном заключении, «стал активно участвовать в мероприятиях, направленных на организацию

массового выезда пятидесятников из Советского Союза» [2, д. 1, док. 61, л. 1]. С 1979 г. стал проводить организационную работу по созданию в стране Центра эмиграционно настроенных верующих, претендуя на роль его руководителя. В 1980 г. избирается секретарем созданного «Совета церквей эмиграционно настроенных пятидесятников Советского Союза» [2, д. 2, док. 73, л. 5].

Известна попытка Перчаткина Б.Г. отправить поздравительную новогоднюю телеграмму на имя президента США, в которой содержался призыв о внимании к тем, «…кто не имеет свободы вероисповедания» [2, д. 1, док. 61, л. 4].

В августе 1980 г. Перчаткин Б.Г. арестован, затем осужден по ст. 190.1 УК РСФСР за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, на два года лишения свободы. По сообщению радиостанции «Голос Америки», во время следствия и на суде применяли неизвестные химикаты, от которых он терял сознание [2, д. 2, док. 71, л. 1]. Борис Перчаткин был наиболее активным членом комитета верующих, подавших заявление на эмиграцию. Переданные им материалы о преследовании верующих представляли на Мадридской конференции.

В августе 1982 г. Перчаткин Б.Г. возвратился из ИТК и «вновь приступил к прежней деятельности, нагнетая среди верующих экстремизм и эмиграционные настроения» [2, д. 2, док. 18, л. 6]. В феврале 1983 г., через полгода, снова арестован, а затем осужден по ч. 2 ст. 218 на 1,5 года за незаконное ношение холодного оружия [2, д. 2, док. 15, л. 2].

Деятельность Перчаткина Б.Г. и его семьи постоянно освещалась в городской прессе с негативным акцентом, с целью формирования соответствующего отношения у общества. Центральная городская газета выходила с броскими заголовками: «Лицемер оптом и в розницу», «Убеждения по расчету», «Пока не поздно» и др. [5, 12.04.1983, 28.06.1983, 12.04.1984].

В эмиграционном противостоянии с властями принимала участие вся семья Перчаткина Б.Г. Так, его жена не явилась за орденом «Материнская слава». Во время заключения Перчаткина Б.Г. Зинаида Перчаткина, в знак отказа от советского гражданства, отправила паспорта в Президиум Верховного Совета. Когда паспорта вернулись обратно в Находку, она отказалась их получать. Вследствие этих действий члены семьи неоднократно привлекались к ответственности за нарушение паспортного режима, на них налагались денежные штрафы. В 1985 г. мать Перчаткина Б.Г. осуждена к 1 году лишения свободы с отсрочкой на 2 года. Сын Олег в 1983 г. написал письмо на имя президента США Рональда Рэйгана [2, д. 2, док. 53, л. 5-7]. Все дети участвовали в голодовках вместе со взрослыми.

Семья Перчаткина Б.Г. эмигрировала в США в 1988 г. Особенным образом складывалась судьба Перчаткина Б.Г. и после эмиграции. Получили известность его выступления в Конгрессе США о факте геноцида верующих в СССР, его сайт, а также неоднократно переизданная книга «Огненные тропы» [8], в которой он описывал подробности своего ареста и заключения в ходе борьбы за эмиграцию.

Среди соратников Перчаткина Б.Г, особенно активных в борьбе за эмиграцию, можно отметить *Владимира Степанова, Виталия Истомина* и других его единоверцев. Степанов В.Н. возглавлял группу эмиграционно настроенных верующих в количестве около 15 человек. Его старшие сыновья, как пишет Ф. Стреблянов в статье «На обочине», были осуждены к лишению свободы за отказ от службы в армии [5, 11.04.1981]. В то же время со стороны властей отмечалось, что в группе Степанова В.Н. «антиобщественных действий не допускают, добиваясь выезда за границу в установленном законом порядке...» [2, д. 2, док. 15, л. 2].

Во время нахождения Перчаткина Б.Г. в заключении Истомин В.В. заменил его, взяв на себя роль лидера эмиграционников в Находке, и «развернул бурную деятельность по противодействию местным органам власти…» [2, д. 2, док. 18, л. 6]. В борьбу за выезд из страны были активно вовлечены все члены семей ве-

рующих, включая несовершеннолетних. В 1982 г. беременная жена Истомина В.В. (7 детей) объявляла голодовку в знак протеста против осуждения мужа. В декабре 1983 г. семья Истоминых обратилась с заявлением о начале 30-дневной голодовки «до смертельного исхода» [2, д. 2, док. 36, л. 1], в ходе которой члены семьи были подвергнуты принудительному лечению. Во время голодовки в январе 1984 г. Истомина «категорически отказывается от посещения участкового врача» («лучше умереть») [2, д. 3, док. 99, л. 1]. Дочь Истомина В.В. Аня в 1983 г. также писала письмо на имя президента США Рональда Рэйгана [2, д. 2, док. 53, л. 1-4].

До 1985 г. в Находке со стороны пятидесятников по-прежнему направлялись личные заявления с просьбой разрешить выезд за границу, 15 семей обратились с ходатайством, с ними были проведены беседы и вынесено решение об отказе. Семьи Перчаткиных и Истоминых также продолжали требовать выезда в 1985 г. Как сообщалось в справке находкинского горисполкома о деятельности религиозных организаций, их паспорта хранились в паспортном столе, и владельцы получать их отказывались. Заявления на выезд вновь были рассмотрены в городском отделе милиции, и опять сделан отказ [2, д. 3, док. 61, л. 3].

Движение пятидесятников за эмиграцию завершилось в 1988-1990 гг. с изменением политической обстановки в стране и выездом основной части эмиграционно настроенных пятидесятников за пределы государства. Массовый выезд пятидесятников из Находки начался в 1988 г., когда выехало 152 чел. (взрослых) пятидесятников, не считая малолетних детей. В 1989 г. из Находки эмигрировало 45 (взрослых) пятидесятников. Как сообщалось в отчете председателя находкинского горисполкома, «наиболее экстремистски настроенные верующие из числа пятидесятников выехали в США» [2, д. 3-д, док. 6, л. 8].

Сведения о дальнейшем участии членов эмиграционного движения пятидесятников в правозащитной деятельности, находящиеся, в основном, в электронных источниках, позволяют сделать вывод о снижении актуальности эмиграционных вопросов в среде пятидесятников в настоящее время.

Список источников

1. Государственный архив Приморского края.
2. Текущий архив отдела по связям с общественностью администрации Находкинского городского округа.
3. Дементьев А. АВЕН-ЕЗЕР: Евангельское движение в Приморье. 1898-1990 годы. Владивосток: Русский остров, 2011. 272 с.
4. Дударенок С.М. Христиане веры евангельской на российском Дальнем Востоке в советский период российской истории // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 4. М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. С. 247-272.
5. Газета «Находкинский рабочий».
6. Горетой Н.П. Апокалипсический Вавилон. Мироновка (Киевской обл.): ЗАО «Мироновская типография», 2005. 201 с.
7. Островская О.П. Феномен массовой миграции пятидесятников в г. Находку. Причины и следствия // Религиоведение. 2013. № 3. С. 29-36.
8. Перчаткин Б.Г. Огненные тропы. Сиэтл (США), 2002. 222 с.

УДК: 94(47):314

Паршуков В.А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАКОВ, ИЗБРАННЫХ В РУКОВОДСТВО СТАНИЦ И КАЗАЧЬИХ СОЮЗОВ В ЭМИГРАЦИИ

В статье исследуется деятельность енисейских казаков, возглавлявших казачьи союзы и станицы в Китае, Австралии и Сербии. Рассматриваются биографии станичных атаманов и председателей казачьих союзов. Анализируются проблемы, стоявшие перед казаками в эмиграции. Показаны условия, в которых происходило образование станиц и казачьих союзов в зарубежье.
Ключевые слова: атаманы; енисейские казаки; станицы; эмиграция; казачьи союзы.

Parshukov V.A.

THE ACTIVITY OF THE YENISEI COSSACKS ELECTED TO GOVERNING BODIES OF STANITSAS AND COSSACK UNIONS IN EMIGRATION

Activity of Yenisei Cossacks having leaded Cossack unions and villages in China, Australia and Serbia is studied in the article. Biographies of village chieftains and chairs of Cossack unions are considered in this document. Issues which Cossacks faced in emigration are analyzed. Conditions under which villages and Cossack unions were formed abroad are showed in this document.
Keywords: chieftains; Yenisei Cossacks; villages; emigration; Cossack unions.

Эмигрантскому периоду в истории енисейского казачества посвящено немало работ современных исследователей и ученых. М.Г. Тарасов в соавторстве с А.В. Дудниковой рассмотрел формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае. Авторами исследованы основные причины, этапы и источники формирования диаспоры енисейских казаков в этой азиатской стране [25].

Биографиям эмигрантов Г.К. Бологова, А.Н. Тялшинского уделено внимание в исследованиях А.Н. Тимофеева, А.Е. Богуцкого, А.П. Шекшеева [5; 26; 28] и других авторов [16–18]. На основе новых архивных материалов А.Е. Богуцким опубликованы статьи, раскрывающие положение енисейских казаков в эмиграции и основание ими казачьей станицы в Шанхае [6; 7].

Несмотря на столь значительное количество работ, затрагивающих жизнь енисейского казачества в эмиграции, деятельность енисейских казаков, избранных в руководство станиц и казачьих союзов в эмиграции, еще не нашла должного освещения в исторической науке.

Енисейская зарубежная казачья станица, которая входила в Союз казаков на Дальнем Востоке, была образована в 1926 г. в Харбине в целях поддержания между казаками духа взаимного общения, без которого не мыслит себя ни один казак, а также для оказания материальной помощи казакам, очутившимся в нужде [10, с. 155].

По сведениям Н.Н. Абложей, «руководство Харбинской станицы составили члены Войскового правления, избранные в феврале 1919 г. на 5-м Большом круге Енисейского казачьего войска и эмигрировавшие в разные годы в Харбин: последний избранный атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский, член Войскового правления К.И. Лаврентьев, поручик Н.Н. Князев, член Войско-

вого правления заместитель атамана А.П.Гантимуров-Кузнецов, возглавил станицу сотник Войщев» [4, с. 85].

По информации из другого источника, первым станичным атаманом Енисейской зарубежной станицы в Харбине был избран войсковой старшина Алексей Николаевич Муратов [10, с. 155]. Уроженец города Красноярска, выпускник Иркутского военного училища (1913 г.), он был участником Первой мировой и Гражданской войн [2, ф. р-830, оп. 3, д. 32183, л. 1, 1 об.]. Во время Великого сибирского ледяного похода Алексей Николаевич занимал должность командира 1-го Енисейского казачьего полка. С отступавшей белой армией он в феврале 1923 г. оказался в Маньчжурии. До 1932 г. Муратов работал «в контроле дороги», затем служил старшим надзирателем уголовно-розыскного отдела железнодорожной полиции.

4 июля 1940 г. в эмигрантской газете был опубликован некролог по поводу «преждевременной смерти Енисейского казачьего войска войскового старшины Муратова Алексея Николаевича» [2, ф. р-830, оп. 3, д. 32183, л. 17].

Атаман и правление Енисейской зарубежной станицы в Харбине избирались на один год. На основании рапорта вновь избранного атамана выходил приказ по Союзу казаков на Дальнем Востоке.

В приказе за подписью начальника союза генерал-майора А. Зуева от 1 августа 1940 г. сообщалось: «28 июля состоялся общий сход чинов Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине, на котором произведены перевыборы, за истечением срока полномочий атамана станицы и членов станичного правления. Выбранными оказались: атаман станицы – полковник А.Н. Тялшинский, первым помощником атамана – подхорунжий А.З. Сипкин, вторым помощником атамана – сотник А.Г. Милованов, третьим помощником – вахмистр Б.Р. Белогрудов, станичным казначеем – вахмистр С.С. Чанчиков и станичным писарем – казак К.А. Гантимуров-Кузнецов.

Всех избранных выше лиц утверждаю в их должностях сроком на один год с 29 июля 1940 г. по 29 июля 1941 года» [2, ф. р-830, оп. 3, д. 43410, л. 4].

Начиная с 1927 г. бессменным станичным атаманом в течение долгих лет оставался Алексей Никанорович Тялшинский [10, с. 155].

Станичное правление проводило регистрацию и учет казаков, выдавало им документы и справки, необходимые при обращении в органы местной власти, помогало разобраться в юридических вопросах, организовывало медицинскую и материальную помощь инвалидам, вдовам и сиротам, содействовало в трудоустройстве.

В станице был организован дамский кружок, который возглавляла Надежда Яковлевна Лаврентьева, уроженка Таштыпской станицы [2, ф. р-830, оп. 3, д. 25918, л. 1]. Дамский кружок занимался благотворительностью, собирал средства для нуждающихся казаков.

На июль 1933 г. в Енисейской зарубежной казачьей станице в Харбине числилось около 150 казаков [2, ф. р-830, оп. 3, д. 10237, л. 15].

Казаки разных войск отмечали религиозные, светские, а также войсковые праздники. У каждого казачьего войска был свой особо почитаемый святой-покровитель. У енисейских казаков – это святой Николай Чудотворец. Поэтому главным войсковым праздником у них считается день Николая Чудотворца, который отмечают дважды в год: «Никола зимний» – 6 декабря (19 декабря по н.с.) и «Никола вешний» – 9 мая (22 мая по н.с.).

Правление Енисейской зарубежной казачьей станицы во главе с полковником А.Н. Тялшинским организовывало проведение войскового праздника, рассылало приглашения казакам других казачьих войск, находящихся в Харбине.

9 (22) мая 1929 г. енисейцы праздновали свой очередной войсковой праздник. Они сохранили все старые, добрые казачьи традиции. С утра все казаки по-

сетили церковь. Многие были «в военной форме и при наградах» [6, с. 189]. После молебна енисейские казаки отправились к себе в «Нахаловку», или, как это место называлось официально, – в «Сунгарийский городок». Праздновать казаки решили на дворе, где жило семь казачьих семей.

Вот как описал праздник один из участников. «На дворе – столы… Казаки сидят, гуторят, шутят… Раскаты грома как орудийная канонада. Не привыкать. Счастливое предзнаменование. Капли дождя. А казаки сидят, говорят, рассказывают, восторгаются, и фотограф свой – гость снимает.

Речи, песни, пляски. На дворе четырехугольная яма, видимо, после известки. Двор заново обустраивается. В яме вода. Через яму – доска, плаха. Под песни – частушки, балалайку, откуда-то взявшуюся..., казачек с площадки переходит на плаху и аккуратно, свободно, как на казачьем седле, выделывает все казачьи замысловатые па. А станичники и станичницы улыбаются: не упадет! Не упал! Недаром енисейцы джигитовали по Дальнему Востоку» [19, с. 38].

Видное место в жизни дальневосточного зарубежья занимала культурно-просветительная деятельность казачьей эмиграции. К наиболее распространенным ее формам относилось искусство, книгоиздательство, типографское и библиотечное дело. Эмигрантскими казачьими союзами и станицами печатались казачьи журналы и газеты, такие как «Россия и казачество», «Зов казака», «Казачий клич», «Атаманский клич», «Казачий путь», «Дальневосточный казак», «Казачье эхо», «Зарубежное казачество», «Казачий набат» и другие. «По распоряжению начальника штаба союза казаков половина напечатанных газет бесплатно выделялась тем казачьим семьям, которые тяжело переносили материальные трудности» [14, с. 95-96].

Выпуск некоторых книг и журналов был приурочен к праздникам казачьих войск. Заметным событием среди казачества Дальнего Востока было издание в 1940 г. в Харбине сборника «Памятка Енисейского казачьего войска 1618–1938. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков». Материалы для журнала собирал член Войскового правления Енисейского казачьего войска Константин Иванович Лаврентьев. Дамский кружок Енисейской станицы, возглавляемый его супругой Н.Я. Лаврентьевой, организовал «сбор средств от вечеринки и лотереи» для издания сборника. Многие казаки-станичники так же «жертвенно откликнулись внесением денежных средств на издание», целью которого было осветить славное прошлое енисейцев и ознакомить с ним молодых казаков.

В сборнике размещены воспоминания атамана Енисейской зарубежной станицы в Харбине полковника А.Н. Тялшинского, полковника Я.Я. Смирнова, сотника Г.У. Юшкова, атамана азиатской станицы в Сербии И.К. Окулича и других казаков. К молодым казакам обратился подхорунжий А. Сипкин. Сборник включает подлинные документы из истории енисейского казачества, а также стихи, походную песню казаков.

Константин Иванович Лаврентьев, «трудами которого составлена и издана станицей книга», родился 4 мая 1874 г. в Красноярске, Енисейской губернии. В 1885 г. окончил одноклассную начальную школу при Красноярской учительской семинарии. Долгое время работал на золотых приисках и рудниках. В 1915 г. был избран в правление Ольховских золотых рудников К.И. Иваницкого [2, ф. р-830, оп. 3, д. 25918, л. 1, 1 об.]. В конце 1919 г. при отступлении колчаковских войск Лаврентьеву, как члену Войскового правления, была поручена эвакуация войскового имущества Енисейского казачьего войска на восток. Ему с трудом удалось «выбить» три вагона-теплушки и прицепить их к «чешскому» эшелону. В вагонах кроме войскового имущества размещались раненые офицеры, а также члены семей казаков. Не доходя до Иркутска, эшелон был остановлен без какой-либо надежды на дальнейшую отправку. Лаврентьевым были куплены лошади у че-

хов, находящихся в соседнем эшелоне, найдены подводы для раненых офицеров–енисейцев и членов семей, а войсковое имущество и архивы были брошены ради спасения людей. Единственное, что было сохранено, – это войсковые знамена [10, с. 135].

В 1921 г. Лаврентьев был интендантом в Отдельном Урянхайском конном отряде войск генерал-лейтенанта барона Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга в Монголии. Под впечатлением увиденного там, после интернирования в Китай, он написал воспоминания «Взятие г. Урги бароном Унгерном» [12].

В 1934–1935 гг. Константин Иванович был редактором журнала Восточного казачьего союза «Россия и казачество». Кроме того, К.И. Лаврентьев постоянно публиковал свои материалы в различных сборниках, таких как, например, «Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.» [13]. Его сообщения под рубрикой «У казаков на Дальнем Востоке» можно встретить в ежемесячном казачьем журнале «Родимый край», выпускавшемся в Париже.

Летом 1943 г. на очередном «общем сходе чинов Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине» был избран новый атаман – вахмистр Каргаполов Денис Алексеевич [2, ф. р-830, оп. 3, д. 17290, л. 11]. Казаки поблагодарили бывшего атамана Алексея Никаноровича Тялшинского за его многолетний труд на благо станицы и назначили его почетным советником при Енисейской зарубежной казачьей станице.

Денис Алексеевич Каргаполов родился 3 июня 1898 г. в станице Таштыпской Енисейской губернии. С 1918 г. участвовал в Гражданской войне, начинал службу в 1-м Енисейском казачьем полку. Оказавшись в эмиграции, он входил в состав группы казаков-джигитов, гастролировавших по Китаю и Индокитаю. В 1926 г. остался в Шанхае, где работал шофером. Через год вернулся в Харбин и работал по той же профессии, позже служил на почте, после 1943 г. работал конюхом на фанерном заводе. Выбор станичников, избравших Каргаполова атаманом, был не случайным. Согласно характеристике, он придерживался антикоммунистических убеждений, активно принимал участие в казачьих организациях, с 1925 г. состоял членом Восточного казачьего союза [2, ф. р-830, оп. 3, д. 19343, л. 6, 17 об.].

Д.А. Каргаполов был последним атаманом Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине, так как с приходом Красной армии в 1945 г. в Харбин, станица перестала существовать. Многие казаки были арестованы, осуждены и отбывали срок заключения в Советском Союзе.

В 1923 г. в Харбине при непосредственном участии енисейцев была организована общеказачья организация – «Восточный казачий союз», членом правления которого был избран исполняющий в эмиграции обязанности атамана Енисейского казачьего войска А.П. Гантимуров-Кузнецов, а секретарем правления стал К.И. Лаврентьев [4, с. 85].

В Шанхае была также образована Енисейская станица, которую возглавлял сотник Афанасий Гаврилович Юшков [4, с. 85]. Имея высокий авторитет среди казаков, сплачивая их вокруг себя, Афанасий Гаврилович из года в год переизбирался на должность станичного атамана [20, с. 29]. В непростых условиях эмиграции он многое делал для станичников. Отрывочные сведения, собранные из разных источников, позволяют проследить биографию этого офицера.

Родился Афанасий Гаврилович 17 января 1885 г. в Енисейской губернии. Служил в казачьих частях. Во время Гражданской войны он занимал должность младшего писаря писарской команды 1-го Енисейского казачьего полка. После окончания Читинского казачьего военного училища Юшков служил в Енисейской казачьей бригаде командиром сотни.

В эмиграции, проживая в Харбине, сотник Юшков состоял во взводе джигитов под руководством полковника Григория Кирилловича Бологова. Джигитовка

на харбинском ипподроме в 1923 г. прошла с большим успехом. «Харбинцев приятно поразила молодцеватость джигитов – офицеров и казаков, – а их невиданные еще в Харбине трюки завоевали настолько горячие симпатии любителей конного спорта, что сразу нашелся предприниматель, хозяин цирка Изако, пожелавший продолжить это дело» [10, с. 169]. После заключения с цирком договора Афанасий Гаврилович Юшков гастролировал в составе группы казаков-джигитов по Китаю в города Пекин, Нанкин, Шанхай, а затем в Японию, Сингапур и на Филиппинские острова. Восхищенно наблюдая за выступлением енисейских казаков, зрители-иностранцы высказывались, что нет в мире лучших джигитов, чем русские казаки.

По завершении гастролей Юшков в 1924 г. остался на постоянное жительство в Шанхае. После эвакуации из Шанхая в 1949 г. вместе с женой Надеждой Антоновной проживал на острове Тубабао, затем эмигрировал в США, где скончался в 1970 г. в Сан-Франциско.

1925 год положил начало попытке объединения казаков всех войск, находящихся к этому времени в Шанхае, в Казачий союз. Основанием для подобного объединения, по мнению его учредителей, послужили: «необеспеченность и бесправие русских граждан вообще и казаков в частности, находящихся на чужбине, в т.ч. в Шанхае; общность характера, условий и интересов жизни русских граждан-казаков… с особым их бытом, службой и самоуправлением…» [21, с. 176-177].

Среди учредителей союза был войсковой старшина (позже полковник) Енисейского казачьего войска Григорий Кириллович Бологов. Накануне организации союза им были запрошены у енисейского казака, атамана азиатской станицы в Сербии И.К. Окулича, и спустя некоторое время от него получены брошюры, программа Казачьего союза на Западе и другие материалы. «Благодаря этому устав Казачьего союза в Шанхае был взят почти целиком с устава Казачьего союза на Западе, только были сделаны некоторые изменения согласно местным условиям» [1, ф. 5963, оп. 1, д. 15, л. 17, 19].

В 1929 г. Г.К. Бологов становится председателем Казачьего союза в Шанхае. Ему удалось объединить казаков, ранее вышедших из союза. Благодаря его деятельности был открыт Казачий дом (клуб), который являлся административным центром союза и культурно-просветительным очагом местного казачества. В клубе устраивались чтения, лекции, спектакли, концерты, танцевальные вечера на которых присутствовали и енисейские казаки. Для казачат здесь была устроена школа. Появилась небольшая библиотека, радио и даже кинематограф. В летнее время Казачий союз организовывал детскую площадку и стрельбище. Казачий союз в Шанхае материально поддерживал своих членов, хотя возможности у него были невелики. Казакам оказывалось содействие в устройстве на работу, в организации казачьих трудовых артелей, в переселении в другие места, где можно было рассчитывать на более благоприятные для проживания условия [1, ф. 5963, оп. 1, д. 15, л. 53; 27, с. 119].

Уйдя в 1934 г. из-за болезни с поста председателя, Г.К. Бологов в 1944–1949 гг. вновь руководит деятельностью Казачьего союза в Шанхае [15, с. 279]. Кроме того, в 1945 г. он был избран председателем Российской эмигрантской ассоциации.

Полковник Г.К. Бологов был организатором эвакуации с начала 1949 г. почти шести тысячи русских беженцев из Шанхая на филиппинский остров Тубабао. «Когда масса русских, в окруженном красными китайскими войсками городе, стояла перед вопросом – жить или не жить, куда идти, где искать спасение… В эти дни Бологов своей решительностью, спокойствием, своей энергией объединил» эмигрантов, влил в них веру в возможность выезда [22].

Среди эмигрантов, выехавших из Китая в Австралию, был сотник Енисейского казачьего войска Иннокентий Владимирович Киборт. Человек очень дея-

тельный, он после избрания его атаманом Общеказачьей станицы в Сиднее взялся за ее реорганизацию и собрал в нее казаков всех казачьих войск.

«И.В. Киборт принял решение объединить все казачьи организации и прекратить мелкие недоразумения, которые возникали в станице благодаря некоторым амбициозным людям. В станице же все казаки одинаковы. Кто бы ни был атаманом – младшего чина или старшего, все подчинялись. Эта работа дорого ему стоила, но он добился своей цели» [24]. Доверявшие ему казаки избирали его атаманом станицы с 1972 по март 1981 г. [23].

Кроме того, казаками была поддержана идея создания Казачьего союза. «Дело пошло очень удачно. Был даже сделан фильм. Общее объединение состоялось. И.В. Киборт был избран атаманом Общеказачьего союза, писарем рекомендован Д.М. Речкалов. Административному отделу было поручено издание журнала Общеказачьего союза «Сполох», деятельность которого была возложена на донского казака Богута. Журнал выходил 7 лет.

И. В. Киборт, будучи грамотным человеком, прекрасно вел дело, умел ладить с людьми, что необходимо и важно в таком деле» [24]. В течение трех лет он возглавлял Казачий союз в Австралии и Новой Зеландии, провел три казачьих круга, два в Канберре и один в Дайлесфорде.

В марте 1981 г. Иннокентий Владимирович по болезни ушел с поста атамана станицы. Станичный сход за все его труды в станице избрал его почетным Стариком Общеказачьей станицы. Скончался Иннокентий Владимирович 13 мая 1982 г., 18 мая он был отпет в Св. Николаевском храме в г. Бенкстауне о. Архимандритом Вениамином и митрофорным протоиереем о. Федором. Проводить его в последний путь пришли все станичники, друзья и чины станицы, в которой он состоял много лет [23].

Среди сочинений И.В. Киборта следует назвать известную работу «Трагический случай с командующим 3-й армией генерал-лейтенантом Сахаровым вблизи улуса Кассоты 4.3.1920 г.», а также неизвестный в России краткий исторический очерк «Енисейское казачье войско», выпущенный в Австралии в 1980 г. в виде машинописных копий.

На наш запрос по поводу последней работы Иннокентия Владимировича в различные библиотеки и архивы России приходили неутешительные ответы о том, что данный очерк у них отсутствует. И только благодаря стараниям краеведа из Красноярска Александра Николаевича Тимофеева, подключившего к поиску своих австралийских друзей, удалось найти этот очерк в Австралии. Они и передали его отправлявшемуся во Владивосток в 2014 г. на международную научную конференцию «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции» атаману Сводно-казачьей станицы в Австралии Овчинникову Михаилу Моисеевичу.

Благодаря этим людям, очерк Иннокентия Владимировича Киборта появился в России, за что им низкий поклон и благодарность от потомков енисейских казаков. Правда, потомки казаков, осваивавших Сибирь, не остановились на своем поиске в Австралии, где они ищут теперь также неизвестную в России работу: Лоскутов Л.Т. Енисейское казачье войско: [книга-альбом]. Австралия, 1980.

По мнению казака Донского казачьего войска И.С. Комарова, письма которого об условиях труда и жизни в Австралии были опубликованы в 1928 г. в европейском казачьем журнале, эта страна является одной из лучших стран в мире для казачьей эмиграции. «Было бы большой ошибкой променять Австралию на любую из республик Южной Америки, так как Австралия – страна культурная и одна из самых демократических в мире. Рабочие юнионы имеют здесь громадное значение, суд неподкупен, в стране полная свобода слова, печати, собраний и совести», – сообщает автор писем, почти год проживший в Австралии [9, с. 48].

В этой же стране атаманом Общеказачьей станицы Северного Квинсленда был есаул Николай Егорович Дейчев [20, с. 44]. Образованная во второй половине 1929 г., станица просуществовала до середины 1930-х гг.

Дейчев Н.Е. в 1917 г. окончил 6-ю Московскую школу прапорщиков, во время Гражданской войны он служил в строевых частях Енисейского казачьего войска. В 1920 г. есаул Дейчев занимал должность помощника командира 2-го Енисейского казачьего полка [3, ф. 221, оп. , д. 659, л. 222]. За отличия в боях он был награжден орденом Святой Анны с надписью: «За храбрость».

Енисейский казак Иосиф Константинович Окулич, оказавшись в эмиграции в Сербии, организовал там Азиатскую станицу. Он же был избран первым атаманом этой станицы, которая состояла из казаков Енисейского, Сибирского, Уссурийского, Оренбургского, Семиреченского, Уральского, Амурского и Забайкальского казачьих войск [11, с. 2].

Иосиф Константинович вел обширную переписку как с казаками, так и с представителями других русских диаспор, находящихся в разных странах [1, ф. р 5871, оп. 1, д. 129, л. 1-6]. Письма Окулича о возможности вступления в Казачий союз в Париже получали казаки Югославии, Китая и других стран [1, ф. р 6679, оп.1, д. 36, л. 1-2]. Кроме того, он писал статьи на политические, экономические, сельскохозяйственные темы, о возможности переселения казаков в другие страны. Переселившись в Канаду [8, с. 10], К.И. Окулич писал об условиях переселения эмигрантов в эту страну [1, ф. р 5963, оп. 1, д. 31, л. 1-7].

В последние годы жизни Иосиф Константинович Окулич проживал в Сан-Франциско.

Енисейские казаки, склонные к самоорганизации, оказавшись в эмиграции в разных странах, образовывали казачьи станицы. Проявив организаторские способности, сплачивая вокруг себя эмигрантов и имея авторитет среди казаков других казачьих войск, они избирались в руководство казачьих союзов.

В данной статье была сделана лишь попытка рассказать о деятельности енисейских казаков, избранных в руководство станиц и казачьих союзов в эмиграции. Данная тема требует своего продолжения.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Государственный архив Хабаровского края.
3. Российский государственный военный архив.
4. Аблажей Н.Н. РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 84-87.
5. Богуцкий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский // КЛИО (Санкт-Петербург). 2011. № 4. С. 154-156.
6. Богуцкий А.Е. Енисейские казаки в эмиграции // Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2006. С. 186-192.
7. Богуцкий А.Е. Основание енисейской казачьей станицы в Шанхае казаками – джигитами в 1920-х гг. // Саянский исторический ежегодник: сб. науч. ст. Абакан, 2010. Вып. 1. С. 5-11.
8. Вестник казачьего союза. Париж. 1926. № 7–8.
9. Вестник казачьего союза. Париж. 1928. № 16–17.
10. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. 174 с.
11. Казачий союз. Париж. 1925. Январь-февраль-март. Сводка № 1.
12. Лаврентьев К.И. Взятие г. Урги бароном Унгерном // Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 312-335.
13. Лаврентьев К.И. Енисейское казачье войско и Енисейская Зарубежная казачья станица в Харбине // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 82-85.

14. Малышенко Г.И. Культурно-просветительская деятельность российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945 гг.) // Пространство культуры: исторические, философские, социально-антропологические аспекты: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Омск, 2004. С. 95-103.
15. Новиков А.С. Иркутские казаки в Шанхае // Белая гвардия: альманах. 2005. № 8. С. 278-279.
16. Паршуков В.А. «В чисто казачьих офицерах, которые могли бы… служить… примером, ощущается крайний недостаток» // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. 2013. № 21. С. 71-83.
17. Паршуков В. К истории Казачьего союза в Шанхае (некоторая переписка его председателя Г.К. Бологова) // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2012. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. С. 267-271.
18. Паршуков В.А. Судьбы офицеров Енисейского казачьего войска, оказавшихся в эмиграции // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы междунар. науч. конф., 6-8 октября 2014 г. Владивосток, 2015. С. 83-91.
19. Родимый край. Париж. 1929. № 5.
20. Родимый край. Париж. 1930. № 12.
21. Сергеев О.И. Казачий союз в Шанхае // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 176-180.
22. Скопиченко О.А. Те, кого забыть нельзя // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1990. 22 июня.
23. Сполох. Мельбурн. 1982. № 23.
24. Таболина Т.В. Казаки в Австралии // Русский Вестник. 2002. 25 октября.
25. Тарасов М.Г., Дудникова А.В. Формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 145-149.
26. Тимофеев А. Земляки (материалы для биографического словаря). Бологов Григорий Кириллович // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 32-34.
27. Фомин К. В. Казачья эмиграция в Китае: 1922-1931 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 163 с.
28. Шекшеев А.П. Атаман Алексей Никанорович Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Ада чир-суу = Отечество: краеведческий альманах. Абакан, 2013. Вып. 2. С. 67-80.

УДК 94(571.6)

Полчанинов Р.В.

ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕРДНИКОВ В САРАЕВЕ 1936–1937 гг.

В статье речь идет о Глебе Владимировиче Бердникове – секретаре Югославского отдела Национально-трудового союза нового поколения. Бердников был кадетом Омского корпуса. В годы Гражданской войны он вместе с кадетами покинул Владивосток в 1922 г. Затем кадеты прибыли в Шанхай, где был сформирован Шанхайский кадетский корпус, который получил разрешение на переезд в Королевство сербов, хорватов, словенцев. Бердников, окончивший кадетский корпус, обладал знаниями о России. Он делился личными воспоминания и информацией о сегодняшнем положении на родине с молодежью русского происхождения, проживавшей в Сербии. Информация о родине распространялась через журнал «Часовой», газеты «За Россию» и «Голос России», эти периодические издания вызывали большой интерес у русских эмигрантов в Югославии.

Ключевые слова: газета «За Россию»; газета «Голос России»; журнал «Часовой»; кадеты; Национально-трудовой союз нового поколения; Сараево, скауты; Шанхайский кадетский корпус; Югославия.

Polchaninov R.V.

GLEB VLADIMIROVICH BERDNIKOV
IN SARAJEVO IN 1936-1937

In this article we are talking about Gleb Vladimirovich Berdnikov - the secretary of the Yugoslav division of the National Labor Alliance of the New Generation. Berdnikov was the Omsk cadet corps. During the Civil war he, along with the cadets left Vladivostok in 1922. Then the cadets arrived in Shanghai, where was formed Shanghai cadet corps, which received permission to move to the Kingdom of Serbs Croats Slovenes. Berdnikov graduated from the cadet corps, possessed knowledge about Russia. He shared his personal memories and information about the current situation at home with young people of Russian origin living in Serbia. Information about the homeland were distributed through the magazine «Time», the newspaper «Russia» and «Voice of Russia», these periodicals has aroused great interest among Russian emigrants in Yugoslavia.
Keywords: newspaper «For Russia»; newspaper «Voice of Russia»; magazine «Time»; the cadets; the National Labour Union of the New Generation; Sarajevo; scouts; Shanghai cadet corps; Yugoslavia.

В 1936 г. я жил в Илидже. Это был поселок в 10 км на западе от Сараево, куда можно было ехать только поездом. Теперь это часть города. Мне было 17 лет. В один прекрасный день я получил по почте из Белграда несколько номеров газеты «За Россию», которую издавал Национально-трудовой союз нового поколения. Ныне – НТС.

Название газеты мне было близким. Это был наш разведческий клич. На приветствие «Будь готов!» мы отвечали: «Всегда готовы! За Россию!». К тому же в газете был отдел «Скауты-разведчики». И то и другое меня как-то сразу расположило к газете.

Лонгин Кириллович Игнатьев, наш друг семьи, одинокий человек, заменявший мне дедушку, приносил со службы журнал «Часовой» – «Орган связи Русского воинства и национального движения за рубежом». Он служил чертежником в Артиллерийской школе стрельбы (курсы повышенных югославских офицеров), которая выписывала «Часовой». Журнал начал выходить в 1929 г. и Лонгин Кириллович давал его мне читать. Сперва я смотрел картинки, читал стихи, но вскоре стал читать и воспоминания участников Великой и Гражданской войн.

Кроме того, Лонгин Кириллович давал мне читать парижский журнал «Иллюстрированная Россия», который он выписывал с друзьями. Югославия была страной с низкой валютой, многим выписывать его было не по карману, и потому такие журналы выписывали обычно несколько человек в складчину. Получалось не так уж дорого. В журнале была детская страничка, антисоветские карикатуры и много иллюстраций.

Родители выписывали по почте (так оно было дешевле) белградскую сербскую газету «Политика», и мне попадались разные скаутские журналы на сербскохорватском и русском языках. Так что в газетах и журналах у меня недостатка не было, но газета «За Россию» не была похожа на все эти издания.

В «Часовом» печатались ценнейшие материалы о Красной армии, интересные для специалистов, но не для меня – мальчишки. В воспоминаниях о войнах авторы писали о победах, не желая вспоминать о поражениях, заставивших белых покинуть Россию. С моим другом Борей Мартино мы иногда говорили, что если читать «Часовой», то белые не знали поражений, и, спрашивается, как же мы тогда очутились в Югославии? И еще одно вепчатление – мы унесли с собой Россию, в СССР России больше нет. Борьба с большевизмом бессмысленна, Россию не воскресить. Эту мысль, по заданию большевиков, внушала нам популярная эмигрантская певица Плевицкая, оказавшаяся советским агентом. Она распевала,

а за нею мы все – «Замело тебя снегом Россия, запуржило седою пургой, и печальные ветры степные панихиды поют над тобой...». Распевали, и сейчас распеваем. Достаточно посмотреть зарубежные сборники песен последних лет.

«Иллюстрированная Россия» была «литературно-иллюстрированным журналом». О жизни в СССР там писалось мало, но бывали бытовые фотографии. Всматриваясь в них, я видел, как в щелочку, как живут русские люди в СССР. России будто бы нет, но она все же есть.

«За Россию» была действительно газетой нового поколения. Там было не только про скаутов-разведчиков, но и про соколов, и про разные кружки молодежи в разных странах, но главное, там были статьи о жизни русских людей в России, переименванной большевиками в СССР. Это не были щелки, через которые можно было заглянуть туда, – это были широко распахнутые окна на родину, которую я не помнил, но горячо любил.

«За Россию» была ежемесячной газетой и стоила, кажется, всего два динара.

К газетам было приложено письмо с предложением подписаться, но упор в пысьме делался на просьбу дать искренный отзыв и, не стесняясь, написать, что мне понравилось, что мне не понравилось и что для меня не ясно.

Подобная просьба польстила моему самолюбию. Мне было приятно, что кто-то интересуется моим мнением. Я решил подписаться и честно признался, что меня больше вего заинтересовала хроника молодежной жизни. Похвалил несколько обзоров советской жизни, сказал, что идеологические статьи мне не все были понятны, но во многих я нашел формулировки тем мыслям, которые у меня уже были.

Мой корреспондент, хоть и был студентом, и лет на пять был старше меня, писал мне как равному, как близкому старому другу, хотя и не переходил «на ты» и величал еще меня по имени-отчеству. Никто меня тогда по имени и отчеству не называл, это было даже странно, но, признаюсь, это мне тоже понравилось. Свои письма он заканчивал девизом «За Россию!». Через некоторое время он предложил мне вступить в союз и прислал анкету.

Потом вдруг мой новый друг, к которому я обращался с самыми разными вопросами и который был так внимателен ко мне, вдруг написал, что у него все больше и больше дел с распространиением союзной газеты и что он поэтому передает переписку со мной кому-то другому.

Для меня это было шоком. Что же это за дружба, в которую я успел поверить, чтобы поступать со мной так по-бюрократически?

К письму была приложена короткая записка союзника, которому было поручено в дальнейшем поддерживать связь со мной.

В верхнем левом углу была поставлена резиновая печать – трезубец св. Владимира и сверху девиз Союза – «За Россию!». Мой новый корреспондент сообщил мне, что он ознакомился с нашей перепиской, т.е. с письмами мне и от меня, что он секретарь Югославского отдела НТСНП и что в его обязанности входит связь с членами союза – одиночками, как я, что зовут его Глеб Владимирович Бердников, что он студент, что ему предстоят сейчас выпускные экзамены и что из-за этого он мне не сможет часто писать.

Все члены союза, выполнявшие те или иные обязанности, делали это на общественных началах, т.е. за свою работу в союзе, которая отнимала у них немало времени, никакого денежного вознаграждения не получали. Мало того, многое оплачивали из собственного кармана и на все находили время.

Примерно в это же время мне прислали из Софии свою газету братья Солоневичи, получившие мой адрес в НТСНП. Стандартное письмо с предложением подписаться на еженедельную газету «Голос России» имело приписку Бориса Лукьяновича Солоневича, что в газете он, старый старший скаутмастер, будет печатать свои скаутские воспоминания и надеется, что я заинтересуюсь газетой.

Газета была замечательной. Статьи были написаны живо, бойко, интересно. Я, конечно, сразу подписался и ждал с нетерпением каждый новый номер. «Голос России» дополнял газету «За Россию». Он давал живые иллюстрации к некоторым теоретическим статьям, который печатались в газете «За Россию».

Братья Солоневичи бежали из двух разных концлагерей в Финляндию в 1932 г. Бежали в один и тот же день. Жена Ивана Лукьяновича с сыном Юрием бежала в Берлине из торгпредства. Многие эмигранты не верили в правдоподобность такой истории, но мне было 17 лет, и над многими вещами я тогда просто не задумывался. Газета мне нравилась, и я даже собирал по подписному листу в газетный фонд.

После некоторого перерыва пришло из Белграда письмо от Г.В. Бердникова. Сдав экзамены, он окончил электромашинный факультет и был призван в армию. Как человек с высшим образованием, он должен был отбывать воинскую повинность в школе «резервных офицеров» (офицеров запаса), которая находилась в Сараеве. Ему хотелось лично познакомиться со мной и обо всем поговорить. Телефонов у нас не было, и я написал в письме, как приехать в Илиджу и как найти наш дом.

В назначенное воскресенье у меня дома собрались и Боря Мартино, и Малик Мулич. Глеб Владимирович не ожидал, что у меня дома будет еще кто-то, но это для него было приятной неожиданностью. Он расспрашивал нас о наших делах и о русской общественной жизни в Сараеве, в первую очередь о молодежи.

Русских в Сараеве было мало, а молодежи еще меньше. Сараево в 1930-х гг. не был университетским городом, и молодежь студенческого возраста в Сараеве не задерживалась. Более младшие были в отряде разведчиков, а более старшие в обществе «Русский Сокол».

Конечно, мы попросили Глеба Владимировича рассказать кое-что о себе, а ему было что рассказать, к тому же он был прекрасным рассказчиком. Мы слушали его затаив дыхание. Боря пригласил его на следующее воскресенье к себе на обед с тем, чтобы Глеб Владимирович остался на разведческий сбор и рассказал всем нам подробнее о себе и о своих похождениях.

Со своей стороны, Глеб Владимирович попросил нас показать ему достопримечательности города. Было решено, что по воскересеньям Глеб Владимирович будет приходить к Боре на обед, а потом либо оставаться на сборе, либо идти со мной в «культпоход» по городу. Словечко «культпоход» мы, сараевцы, впервые услышали от него. Глеб Владимирович объъяснил его происхождение. Вообще, он знал много советских словечек, ими пересыпал в разговоре, и мы ему сразу стали подражать.

- Вы хотите вернуться в Россию? – спросил он нас.

- Конечно, хотим, – ответили все мы.

- Так вот, для этого старайтесь говорить так, как говорят там, и, конечно, не засоряйте ваш русский язык сербскими и турецкими словами.

Надо признаться, что мы этим сильно грешили, и грешили не только мы, но и наши родители и наши знакомые. Никто не задумывался над вопросом чистоты русского языка. «Наполю кишит», говорил Игорь Москаленко, желая сказать, что на дворе идет дождь. Наши знакомые почему-то не говорили: «Если Бог даст», а по-сербски «Ако Бог да». Говорили: «Поздравь твою маму», а я спрашивал «с чем?», «ну, понимаешь». Да, я понимал, что сербское «поздравь» по-русски будет «передай привет». Помню, как один докладчик закончил свое обращение призывом «уединиться». Он хотел призвать всех объединиться, но сказал по-сербски – «уединиться».

Будучи югославским скаутом, я получил специальность гида, к которой очень добросовестно готовился. Знал историю города и все достопримечательные места. Поэтому мне и было поручено показать город Глебу Владимировичу.

Глеб Владимирович был кадетом Омского корпуса. В годы Гражданской войны он потерял родителей и вместе с кадетами покинул Владивосток в ноябре 1922 г. Морской переход был нелегким. 3 декабря 1922 г. по пути в Шанхай потонул корабль «Лейтенант Дымов». На нем среди 110 пассажиров было 14 кадетов Хабаровского корпуса и 15 Омского.

В Шанхае из кадетов сибирских корпусов был сформирован Шанхайский кадетский корпус, который, получив разрешение на переезд в Королевство СХС, прибыл на пароходе «Байкал» в Сплит 9 декабря 1924 г.

Путешествие по экзотическим морям и странам, о которых мы имели только смутные понятия в рамках гимназических учебников географии, было не из легких. Однажды пароход попал в такой шторм, что пришлось выбросить за борт почти весь корпусной архив. По пути, когда не хватало угля, делались остановки и кадеты старших классов должны были работать грузчиками, чтобы на заработанные деньги купить уголь и плыть дальше.

Последнее приключение было в Суэцком канале, когда с кадетов потребовали крупную сумму за проезд по каналу, которой у них не было. Тогда кадеты пригрозили, что, если их не пропустят бесплатно, они тут же потопят свой пароход. Администрация канала поняла, что лучше сделать красивый жест, чем терпеть возможные убытки, и пропустила Шанхайский корпус бесплатно через канал.

Все это Глеб Владимирович рассказал нам на первом же сборе, а на других рассказывал нам о своей студенческой жизни и о жизни русской молодежи в Белграде и во всем мире. Будучи членом НТСНП, или союза, как он говорил, он был в курсе всех событий российского зарубежья.

Собирались мы у Бори на кухне. Нас было шесть человек и Глеб Владимирович – седьмой. Было немножко тесновато, но зато очень интересно. Когда я и Глеб Владимирович осматривали город, сборы проводил Боря, а когда я был на сборе, то я проводил сбор.

Все звено уже имело III разряд. Для сдачи II разряда нужно было знать семафор, первую помощь и лагерную практику. Все это мы решили отложить на лето, а сейчас послушать интересные рассказы Глеба Владимировича.

Глеб Владимирович, как окончивший кадетский корпус, знал родиноведение лучше всех нас, и он сочетал в своих беседах личные воспоминания и сегодняшнее положение на родине, увязывая его с прошлым России.

Глеб Владимирович не только проводил на сборах беседы, но и разучивал с нами новые песни. Он знал бесконечное количество и старых русских, и новых советских песен.

Пока был жив король Александр (убит в 1934 г.), советских фильмов в Югославии не показывали. Вернее, только в самом начале 1920-х гг., когда еще легально существовала югославская Компартия. Помню, тогда показывали какой-то фильм с песней «Бублички», переведенной потом Страховым на сербский язык, – «Купитэ джэврэкэ». Помню, что перед кино, в котором показывали этот фильм, в витрине были выставлены кадры из фильма с кубистическими декорациями. Самого фильма я не видел.

В 1934 г. или 1935 г. в Югославии показывали фильм «Веселые ребята» под названием «Пастир (пастух) Костя». Страхов выпускал в Белграде ноты русских песен с переводом на сербский. Так он выпустил песни «Сердце» («На свэту има много жена») и «Легко на сердце от песни веселой» («Запэвай пэсму кад мучи те туга»), которые пользовались в то время исключительной популярностью. Но Глеб Владимирович знал и другие, которые потом на многие годы вошли в разведческий репертуар. Он считал, что для того, чтобы молодежь на родине признала нас своими, мы должны знать их песни. Он был прав. В этом я убедился, попав в Псков в 1943 г. Ребята меня признали своим, потому что я пел вместе с ними их песни.

Зимой 1936–1937 гг. сборы проходили так: беседа Глеба Владимировича, потом разучивание, под его же руководством, новых песен и игры в «квартет». При шести-семи игроках игра затягивалась на полчаса, а то и больше. Все сосредоточенно старались запомнить названия исторических событий на картах, которые в открытую переходили из рук в руки. После конца «квартета», для разрядки, мы играли теми же картами в «зеваку». Это была веселая игра.

Все получали по 4 карты. Тот, кто начинал, отдавал одну из карт соседу направо и т.д. Надо было собрать «квартет» и незаметно положить его на стол. Как только кто-то клал карты на стол, все должны были немедленно сделать то же. Проигрывал тот, кто зазевался и не заметил, что никто больше не держит карт в руках. Во время этой игры Глеб Владимирович рассказывал нам анекдоты из советской жизни, но включались и другие рассказчики.

Однажды кто-то рассказал сказку, почему у осла длинные уши. Оказывается, что Господь Бог, создав животных, дал им имена и однажды решил проверить их знания. Все, кроме осла, запомнили свои имена. Господь Бог взял осла за уши и стал повторять: «тебя зовут осел». Повторяя, тянул за уши, и из-за этого у ослов теперь такие длинные уши.

Все уже положили карты на стол, а один так смеялся, что ничего не заметил. Рассказчик, под общий смех, повторял без конца «тебя зовут осел», пока зевака не сообразил, что все смеются над ним. С тех пор игру стали называть «ослом».

Мы спрашивали Глеба Владимировича, откуда он знает советские анекдоты? Он сказал, что в Белграде, на собраниях Союза, читают лекции «Быт в СССР», и советские анекдоты входят в программу лекции. Их брали из советского журнала «Крокодил», который, как и все прочие советские газеты и журналы, был запрещен в Югославии, но наиболее удачные анекдоты присылались в Белград из Чехословакии или Франции, и потом они печатались в специальном бюллетене. Конечно, он знал и запрещенные в СССР антисоветские анекдоты, разными путями доходившие до НТСНП.

Мы слышали о действиях боевых групп ген. Кутепова и о его похищении 26 января 1930 г. советскими агентами среди бела дня в Париже. Мы это переживали как удар по всей эмиграции. Глеб Владимирович говорил, что, преклоняясь перед героизмом молодежи, которая, жертвуя собой, шла в неравный бой с мощным врагом, он все же считает, что голым террором нам большевизм не победить. Против идей коммунизма надо выработать какую-то свою, более сильную идею, что надо изучить врага, найти его слабые места и т.д.

Далее он рассказал нам, как во Франции был создан НСРМ – Национальный союз русской молодежи, поставивший перед собой именно такие цели. Основателями его были герцог С.Н. Лейхтенберский, Ф.И. Бострем – скаутский руководитель, сын адмирала, председателя Петроградского общества «Русский скаут», и М.А. Павлов – видный сокольский деятель. В Болгарии и Югославии были подобные же союзы молодежи, и в 1930 г. они объединились в НСНП – Национальный союз нового поколения. Члены НСНП называли себя «союзниками», а посторонние по-дружески – шутливо – «нацмальчиками» и «нацдевочками». Ничего оскорбительного тут не было.

Как только наступила хорошая погода, мы стали планировать наши походы так, чтобы показать Глебу Владимировичу все интересное в окрестностях Сараево. Мы были с ним и в Илидже на истоках реки Босны, ходили не раз на гору Требевич, бывали с ним в обнесенном турками невысокой стеной с башнями-воротами старом городе, на кадетском кладбище и везде, где можно было увидеть что-нибудь интересное.

В середине лета 1937 г. Бердников, окончив «школу резервных офицеров», был произведен в офицеры запаса и уехал в Белград.

УДК 325.254.4:32

Портнягин А.Д., Имтосими В.П.

ОТРАЖЕНИЕ СУДЕБ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СПЕКТАКЛЯХ, МУЗЕЙНЫХ ЗАЛАХ И ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕАТРА-МУЗЕЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ им. АННЫ СМИРНОВОЙ-МАРЛИ

Международный театр-музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли так же, как и Театр-музей «Благодать», представляют собой уникальное явление с точки зрения просвещения исторического, патриотического и культурного. Под сенью этого культурного заведения разместились редкие музейные залы, некоторые из них в момент открытия являлись единственными в России. Общая направленность нашей деятельности – возвращение в Россию через музейные залы, спектакли, а также печатную и архивную литературу имен русских эмигрантов, насильственно изгнанных с их исторической Родины и сознательно скрытых от народа.
Ключевые слова: театр-музей; русская эмиграция; национальная идея; духовное обновление российского общества; пробуждение народного сознания; патриотизм; православие в изгнании; гений авиации Игорь Сикорский; героини Франции Анна Смирнова-Марли и Эльмесхан Хагондокова; генерал Константин Хагондоков; династия Романовых; святомученики мать Мария Скобцова и отец Димитрий Клепинин.

Portntagin A.D., Imtosimi V.P.

THE REFLECTION OF THE DESTINIES OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN PERFORMANCES, MUSEUM HALLS AND PUBLICATIONS OF THE ANNA SMIRNOVA-MARLY INTERNATIONAL THEATRE-MUSEUM OF THE RUSSIAN EMIGRATION

The International Russian Emigration Theater-museum named after Anna Smirnova-Marly and Theater-museum «Blagodat» considered being a unique phenomenon in terms of historic, patriotic and cultural education. Exceptional museum halls are located under the roof of this cultural institution, some of which used to be the only ones in Russia when they were opened to the public. Our activity is directed towards returning to Russia by means of the museum halls, theatrical performances as well as printing and archival literature the names of the Russian emigrants forcefully driven from their historic Motherland and purposefully concealed from the people.
Keywords: theater-museum; Russian emigration; national idea; spiritual renewal of the Russian society; the awakening of the people's consciousness; patriotism; Russian orthodoxy in exile; aviation genius Igor Sikorsky; heroines of France Anna Smirnova-Marly and Elmeskhan Khagondokova; General Khagondokov; Romanov's Dynasty; holy martyrs Mother Maria Skobtsova and Father Dimitry Klepinin.

В историографии русской эмиграции за последнюю четверть века произошел значительный перекос. Неизмеримо много внимания уделялось нашим соотечественникам, которые в разное время покидали Россию, устремляясь на Запад. Вместе с тем, не охваченными, в большой степени, оказались исследования, посвященные русской эмиграци и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот перекос необходимо устранить. Влекомый этим желанием, я постарался пробиться

на конференцию «Владивосток – точка возвращения» и изучить эту проблему, одновременно представив наш вклад в изучение этой темы.

Театр-музей: что это такое? Так как на этой конференции я представляю Международный театр-музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли, то хотел бы дать короткую справку о его происхождении. В 1991 г. Валентина Имтосими создала первую в России театрально-музейную организацию под названием «Благодать». Анна Юрьевна в разговоре с нами на Аляске, где мы ее посещали, мечтала о том, чтобы в России был бы театр-музей русской эмиграции. Наша большая любовь к этой легендарной русской женщине, героине Франции, воодушевила нас на создание такого театра-музея, который появился в г. Кисловодске незадолго до ее кончины в 2006 г. Так как театр-музей русской эмиграции полнокровно функционирует под сенью Театра-музея «Благодать», в этом докладе оба театра-музея будут упоминаться поочередно и взаимообразно.

Театр-музей «Благодать», так же, как и Международный театр-музей русской эмиграции, представляет собой уникальное явление с точки зрения просвещения исторического, патриотического и культурного. Он уникален потому, что аналогов нет ни в России, ни в мировой практике. Побывав в театре-музее однажды, зрители возвращаются сюда снова и снова. Некоторые вот уже на протяжении 25 лет (мы отмечаем юбилей в октябре 2016 г.) каждый год посещают «тихую гавань для души».

В преддверии юбилейной даты и в процессе подготовки настоящего доклада, внимательно перелистал страницы «Книги отзывов». В добрых и искренних записях, сделанных нашими посетителями, как в зеркале отражается история и высокое назначение уникального духовного центра культуры России. «Посетите «Благодать», и вы узнаете, что такое национальная идея», как сказал один из наших посетителей.

Оглядываясь назад, невольно думаешь о том, как нам удалось в нелегкие для России годы не только устоять, но и приобрести уважение и популярность, стать неотъемлемой частью культуры и духовного обновления российского общества. Этот феномен можно объяснить не иначе как высокой целью театра-музея – пробуждение народного сознания, возвращение на родную землю забытых, запрещенных имен наших соотечественников, возрождение душ человеческих, а значит, и души России.

За четверть века неустанного труда, ошибок и приобретений авторитет нашего коллектива вырос неизмеримо. Если раньше постановки театра, выставки и экспозиции музея пользовались известностью в пределах Кавказских Минеральных Вод, Ставрополья и Северного Кавказа, затем в Москве и других городах России, то в дальнейшем о деятельности театра-музея узнали в столицах и городах Европы, а также в США, Бразилии, Аргентины, Австралии и других странах.

Под сенью театра-музея разместились редкие музейные залы, некоторые из них в момент открытия являлись единственными в России. Это – залы, посвященные легендарному адмиралу А.В. Колчаку, знаменитой балерине Императорского театра М.Ф. Кшесинской, музе русской эмиграции, героине Франции Анне Смирновой-Марли, русскому гению мировой авиации Игорю Сикорскому, нашей эмиграции первой и второй волны, русскому православию, изгнанному из Страны Советов.

Деятельность театра-музея имеет свою исключительную схему работы. Первоначально ведется научно-поисковая работа, которая оформляется публикацией книги, брошюры или серии журнальных статей. Следующий шаг: на базе исследовательской деятельности сотрудники пишут пьесу, устраивают экспозицию или создают целый музейный зал. Конечным этапом творческой цепочки является вечерняя программа, рассчитанная на четыре часа. Это – получасовая экскурсия по музейным залам, спектакль на час-полтора, а в оставшиеся два часа

в гостевом зале зрители наслаждаются живой музыкой в исполнении лауреатов всероссийских и международных конкурсов, а также забытыми блюдами знаменитостей, которые на суд посетителей выносят артисты театра-музея, одетые в костюмы соответствующих эпох.

Репертуар театра-музея. В репертуаре театра более 30 спектаклей. Приведу лишь некоторые примеры. Анна Юрьевна Смирнова-Марли, чьим именем назван театр-музей русской эмиграции, русская аристократка; ее предки восходят к роду Лермонтова, Столыпина и казачьего генерала Платова. Кавалер двух орденов Почетного легиона Франции, она знаменита как первый бард XX в., как автор и исполнительница русских песен и романсов. Она также автор гимна французского движения Сопротивления «Песнь партизан», написанного во время Второй мировой войны. Для того чтобы создать реальный образ этой замечательной женщины, я и Валентина Имтосими совершили несколько поездок на Аляску, где последние годы жизни провела героиня. По нашей книге «Стихия песни» создан музейный зал и поставлен спектакль «Дорога домой», рассказывающий о славной и в то же время грустной (из-за ее несбыточной мечты вернуться в Россию) судьбе этой замечательной женщины.

Русский гений мировой авиации. В светлом бело-голубом зале театра-музея, посвященном русскому гению мировой авиации Игорю Ивановичу Сикорскому, собраны материалы, которыми щедро в течение шести лет делился со мной центральный архив Игоря Ивановича Сикорского (штат Коннектикут, США). Особую память несут в себе те экспонаты зала, которые из семейной коллекции нам привез лично сын великого изобретателя Николай Сикорский. Это первый в России музейный зал, полностью посвященный великому русскому изобретателю, имя которого было запрещено произносить в Советском Союзе. Под эгидой театра-музея вышла книга «Коснувшись неба», написанная мною в соавторстве с Николаем Сикорским. Для того чтобы показать не только исключительные способности, но и замечательные черты характера великого авиаконструктора, я совершил многочисленные поездки по земным дорогам этого человека, стараясь проникнуть в огромный мир его интересов и пристрастий. Неизменным успехом пользуется у нас спектакль с таким же названием, написанный по книге «Коснувшись неба». Незабываемым набатом в театре-музее звучит наказ Игоря Ивановича Сикорского, который он часто повторял своим сыновьям: «Вы еще будете гордиться, что у вас русская кровь».

Благодарные зрители. Трудно удержаться от сильного влияния сказанного и написанного зрителями театра-музея. «Нет слов, чтобы описать чувства благодати, которая опускается на души зрителей. Все прекрасно, душевно, познавательно, а главное, «очищающе»... Смотрим в прошлое с печалью, а в будущее с оптимизмом, когда есть такие люди, как творческий коллектив театра-музея» (г. Сочи). «…10 лет мы в Кисловодске, и каждый год мы у Вас. Лучшего мы не видели. В Москве (точно) лучше мы не видели. Ваши артисты достойны Народных званий. Они лучшие!!! Храни Вас Господь!!!» (г. Москва). «Спасибо за такое отношение к традициям! Спасибо за поэзию, музыку, талантливую игру актеров! Спасибо за Россию, российское офицерство! Спасибо, что пытаетесь хранить лучшее!» (г. Курск).

География мест, откуда приезжают к нам зрители, обширна: от Калининграда и Кишинева до Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Сахалин, Камчатка) и от Печоры до Грозного, охватывая также все бывшие союзные республики.

Очень часто после спектакля можно видеть зрителей со слезами на глазах. Вот как описывает в «Книге отзывов» этот момент одна из зрительниц после просмотра спектакля о Русской Америке «Калифорнийская славянка», поставленного по книге «Душа зовет к забытым берегам», которую я написал в соавторстве с Валентиной Имтосими: «... Огромное спасибо за те чувства и эмоции, что мы

испытали на этом спектакле... Это было великолепно!!! Если бы не рядом сидящая публика, я бы проплакала весь спектакль... слезы были уже в ресторане и дома, на следующий день. Живительные, очищающие эмоции».

Таким же образом, без слез благодарности трудно нашим артистам и музыкантам читать эти отзывы, которые трогают нас до глубины души. Вот еще пример: «Вы на самом деле даете нам столько благ: воскрешаете события давно минувших дней, знакомите с неординарными личностями, оставившими неизгладимый след в нашей истории, окунаете в атмосферу быта дореволюционной России. Сколько эмоций вызывают спектакли, переносящие нас в ту далекую и такую милую сердцу эпоху: драмы заставляют плакать, водевили – веселиться и хохотать до слез. Благодарю за этот фейерверк страстей... Дай Бог, чтобы театр процветал, сохраняя свои традиции» (г. Ростов-на-Дону).

Царский генерал с Кавказских гор. Неизведанные тропы, по которым идет исследователь, часто бывают непредсказуемы. Воистину – «Человек предполагает, а Бог располагает». В этой связи хотел бы остановиться на нашей работе, связанной с историей о генерале Константине Николаевиче Хагондокове. Константин Хагондоков – видный участник всех войн, которые Россия вела в XX в. Имел самые высокие военные награды за то, что усмирял Боксерское восстание в Китае, дрался на сопках Маньчжурии во время Русско-японской войны, геройски отличился во время Великой войны. Это человек, который служил в Охранной страже Китайско-Восточной железной дороги, а начиная с 1898 г., стоял у истоков создания Харбина.

Волей судьбы в один из приездов в Париж мы с Валентиной встречаемся с внуком генерала художником Константином-третьим Хагондоковым. Эта встреча положила начало большой и искренней дружбы, многочисленным беседам, во время которых выяснилось интересное обстоятельство. Как объяснил Константин, его отец Исмаил Константинович Хагондоков, много лет назад завещал сохранить объемистые мемуары генерала и передать их человеку, которого он узнает, когда придет время. И это время пришло. Содержимое многочисленных папок с воспоминаниями Константина Николаевича оказалось в наших с Валентиной руках.

Константин Николаевич Хагондоков родился 14 сентября 1871 г. в Пятигорске. Отец – Ислам Хагондоков, офицер царской армии, уроженец кабардинского аула Кармово (ныне село Каменномостское, Кабардино-Балкария). Чтобы жениться на русской дворянке, принял христианство с именем Николай. После гибели отца на Шипке во время Русско-турецкой войны мать осталась с четырьмя детьми. Мать, Александра Свищева, дочь русского консула в Китае. В 1877 г. Константин был определен в «Школу для сыновей убитых и раненых офицеров» в Санкт-Петербурге». По завершении учебы он поступает в Константиновское артиллерийское училище, где и начинается его головокружительная карьера в царской армии. За храбрость и отвагу в боевых действиях от Дальнего Востока до западной границы России он был награжден высокими орденами и медалями царского правительства.

О бесстрашии Хагондокова ходили легенды. На протяжении всей своей военной карьеры, вплоть до генерала, никогда не отступал и никогда не проигрывал. Он не только стремился походить на своего кумира-полководца Суворова, но и служил образцом подражания в бою и в гражданской жизни. Сам царь не раз выказывал уважение к храброму горцу.

Знакомство с мемуарами генерала, написанными уже в 1950-х гг. незадолго до его кончины, открыло перед нами живые страницы истории царской армии, ее славные и трагические будни, которые еще ждут своих исследователей. Он не был просто героем, коллекционирующим награды. Это был вдумчивый человек, каждый раз анализирующий создавшуюся ситуацию для того, чтобы принять

правильное стратегическое решение. Сознавая необходимость оставить после себя важные мысли без всякой претензии на то, чтобы их когда-то воплотили в жизнь, он писал: «Воспоминания не ставят цель кого-то учить или обличать, а в целях сохранить для потомков хотя бы некоторые обрывки грандиозной картины жизни и быта царской Русской армии». По воспоминаниям Хагондокова можно изучать историю зарождения Харбина и получить объективную картину баталий Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Первый пункт приписки после окончания Константиновского училища – небольшой губернский польский городок. Два года спустя он уже в Туркестане, откуда, уйдя в запас, был по собственному желанию зачислен запасным офицером в Охранную стражу Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). При отсутствии железной дороги на Дальний Восток он в 1898 г. садится на пароход в Одессе и отправляется во Владивосток. Вместе с женой Елизаветой Бредовой, дочерью генерал-майора царской армии, и двумя дочками, одной из которых три года, а другой – два месяца, проделал путь через Черное море, а затем – Средиземное и Красное, Индийский океан, Желтое и Восточно-Китайское моря. Сорок дней спустя молодая семья прибывает во Владивосток. Именно здесь, от Приморского края до Харбина и Порт-Артура, проявились его замечательные качества – воспитателя, администратора, отважного и находчивого командира. Он не только проявляет чудеса храбрости и смекалки в отражении набегов хунхузов на места строек железной дороги, но и участвует в усмирении восстания Больших кулаков, известном на Западе как Боксерское восстание.

Вот как он описывает один из эпизодов защиты Харбина: «Части Охранной стражи, входившие в состав Харбинского гарнизона, должны были в течение многих дней выдерживать осаду и отбивать атаки во много раз превосходящих сил китайцев. Только превосходство нашего оружия и боевая доблесть охранных частей дали возможность спасти Харбин от разгрома, а население его от зверства китайских банд. Приходилось быть начеку и днем, и ночью. Гарнизон выбивался из сил, проводя часто бессонные ночи».

Не успел Хагондоков окончить академию, куда успешно поступил по возвращении с Дальнего Востока и где был единственным слушателем с боевыми наградами, на что обратил внимание Николай II, как грянула Русско-японская война. И снова наш герой на коне, в прямом и переносном смысле.

По окончании Русско-японской войны Константин Хагондоков дает свою оценку неудавшейся для России военной кампании. Он сравнивает эту войну с разрушительными последствиями Второй мировой войны для всей Европы, во время которой Германия, покончив с Чехией, Польшей, Бельгией, Данией, Голландией и Норвегией, поставила на колени Францию, «взяв из пятимиллионной армии два миллиона пленных, и в течение полугода богатую и сытую великодержавную страну обобрала до нитки и довела до нищеты». Что же касается результатов Русско-японской войны, то, несмотря на большие преимущества Японии, проистекавшие из географической приближенности к театру военных действий, «русская армия не была ни разбита, ни раздавлена, ни уничтожена, ни пленена».

Всего этого не произошло потому, что русская армия, считает генерал, не была побеждена; она продолжала существовать и, несмотря на все сопротивление Петербурга и «на победы» Японии, росла, усиливалась и отлично снабжалась. «Где же была японская победа?» – задает вопрос Хагондоков и продолжает: «И если этой победы не было дано Японии, то... конечно, это результат руководства армией генералом Куропаткиным». Более того, русская армия, буквально жаждавшая реванша, победы, оставалась неподвижной на своих позициях, готовая продолжать бороться с противником. Однако были начаты мирные переговоры, остановившие боевые действия. «Победа русской армии в этот момент, –

пишет в своих мемуарах генерал, – вывела бы Россию из унизительного положения, и весь печальный ход горестных событий, следующих 10–15 лет в России не имел бы места».

Размышления Хагондокова о Русско-японской войне, высказанные по ее окончании, звучат актуально для многих войн, которые зафиксированы в нашей истории. По мнению генерала, главное, что ей нужно – чтобы ею правильно руководили и не ставили в непонятно глупое до преступности положение. «Дайте ей хороших стратегов и приличную тактику, – уверен Хагондоков, – и она будет непобедима».

Цитата одного из дореволюционных профессоров в Академии Генерального штаба, которую Константин Николаевич приводит на страницах своих мемуаров, напомнила мне ситуацию, сложившуюся в начале Второй мировой войны, о неподготовленности Советского Союза: «Плохая политика в международных отношениях и скверная стратегия на театрах войны приводили к тому, что Россия всегда спасалась на спинах русской армии на полях сражений».

Рассуждая о патриотизме (проблема, остро стоящая в России сегодня), генерал Хагондоков утверждает, что «патриотична была только кадровая армия, воспитываемая русским, действительно патриотическим офицерством, в массе своей комплектуемым главным образом «кадетами».

Перелистывая тысячестраничные мемуары, понимаешь, насколько актуальными являются сегодня рекомендации, которые Константин Николаевич высказывал применительно к царской армии. Константин Хагондоков, имевший большой военный опыт, который связывал его с казаками, видел в них опору Российского государства.

Известно, что «Туземная дивизия», 2-й бригадой которой командовал Хагондоков, еще при жизни Николая II была окрашена мистическим светом таинства, не говоря уже о советском периоде, когда делалось все, чтобы о ней забыли и никогда не вспоминали. У Хагондокова другое отношение к этому храброму и неординарному воинскому соединению. Это он показывает на примере военных действий, которые развернулись в Карпатах против австрийцев в 1915 г. и в которых он лично принимал участие. По его мнению, успехи этого удивительного военного формирования очень часто недооценивались собственными командующими, которые не подавали прошения о наградах. Они воистину были героями, которые наводили ужас во время ошеломляющих атак на противника, обращая его превосходящие силы в бегство.

В декабре 1916 г. Константину Хагондокову предлагают должность Петроградского градоначальника. В правящих кругах бытовало мнение, что в условиях народного брожения справиться с ситуацией может только решительный и энергичный человек, такой как генерал Хагондоков. На пути к этой должности осталось пройти аудиенцию с Государыней, которая была высокого мнения о Константине Николаевича и находила его «интересным собеседником». Однако придворное окружение сорвало эти планы, и человек, который мог спасти гибнущую династию, был назначен генерал-губернатором Амурской области, в которую в то время входили также Сахалин и Камчатка, и наказным атаманом Амурского казачьего войска.

Заканчивая свои воспоминания, Хагондоков пишет: «Вся моя личная жизнь была принесена в жертву армии. Горюю лишь о страшной гибели Славной, Доблестной и многострадальной русской армии. Да вознесет Господь Ее в свое время».

Отважный генерал царской армии Константин Николаевич Хагондоков почил вдали от Родины в возрасте 87 лет и был похоронен в 1958 г. на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. У него было восемь детей и девять внуков.

Эльмесхан Баженова – героиня Франции. Одна из дочерей Константина Хагондокова – Эльмесхан (Баженова по первому браку) стала героиней Франции. На ее примере хочу показать, как мы представляем наши изыскания на сцене и в музейных залах театра-музея русской эмиграции.

А начиналась эта история так. В 1980-х гг., во время многолетней работы в архивах разных российских городов над восстановлением дачи Шаляпина в Кисловодске и созданием первого в России музея на ее основе, исследователь Валентина Имтосими столкнулась с неизвестным именем, о котором с теплотой вспоминал Федор Иванович. Это была героиня Франции Анна Юрьевна Смирнова-Марли. В свою очередь, архивы Анны Марли, которые она передала уже нам вдвоем на Аляске, открыли имя другой героине Франции – Эльмесхан Хагондоковой, дочери Константина Николаевича Хагондокова. На героическую жизнь Эльмесхан как тему исследования указала нам также исследователь Кисловодского краеведческого музея «Крепость» Рахима Гачияева. Тогда и появилась у Валентины идея нового проекта – трилогии «Русские женщины – героини Франции», куда вошли Анна Смирнова-Марли, Эльмесхан Хагондокова и мать Мария (Скобцова).

Оставаясь верным своему патриотическому призванию и национально-культурной приверженности, во второй части трилогии театр-музей русской эмиграции на этот раз возвращает в родные пенаты дочь Северного Кавказа Эльмесхан Хагондокову, изгнанную вместе со своей большой семьей из России и ставшую знаменитостью во Франции. Чтобы достоверно донести до наших зрителей историю этой замечательной женщины, дочери русского и черкесского народов, мы не раз встречались в Париже с ее племянником Константином Хагондоковым, который щедро делился с нами семейным архивом, а также с французской писательницей Гимет Серинье, написавшей большой труд о нашей героине. В поиске более подробных сведений я вылетел в Нью-Йорк и несколько дней изучал архивы Колумбийского университета. Порой наши исследовательские поездки были сопряжены с большими трудностями. Так, во время сбора мемуарной информации по нашей теме мы оказались в эпицентре террористического нападения на Париж в ноябре 2015 г.

Богатый исторический материал, помимо экспозиции, вошел в красочно оформленный буклет «От Кисловодска до Парижа». И, наконец, венцом достоверной истории женщины, поселившейся под сводами театра-музея, становится спектакль «Кавказская тайна под небом Парижа». Отличающийся динамичным развертыванием исторических событий и судеб главных героев, спектакль проходит с неизменным аншлагом.

Как-то генерал Хагондоков сказал: «Моя дочь Эльмесхан – продолжение славного рода Хагондоковых... во Франции». Среди ее высоких званий есть командор ордена Почетного легиона, Великий офицер Франции, заслуженный генерал Первого кавалерийского полка Иностранного легиона Франции. Ей вручали высшие награды Франции генерал Шарль де Голль, президент Франции Жак Ширак и другие французские государственные деятели.

Премьера спектакля, открытие экспозиции и обнародование буклета «От Кисловодска до Парижа» стали большим событием на Северном Кавказе. Спектакль начинается с исторической сцены, описанной генералом Хагондоковым в мемуарах. В ней участвуют Хагондоков, Распутин, императрица Александра Федоровна, ее близкое окружение – все они обсуждают возможность назначения Константина Николаевича генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Однако закулисные интриги Распутина привели к тому, что вместо поста градоначальника Северной столицы России, храброго генерала отправляют на Дальний Восток. В следующей сцене появляются кавказская красавица, которая играет героиню

спектакля Эльмесхан, а также актер из Черкесска в роли ее отца Константина Николаевича.

Свои сокровенные мысли, которые мы воплощаем в исторических стенах театра-музея, нам также хотелось передать и в проекте «Женщины России – героини Франции», тем самым еще раз показать важность объединения людей разных национальностей. И в этом проекте собрался поистине многонациональный состав. В Париже, в свою очередь, нам помогали консультанты Дома Шанель, а также наши соотечественницы. Перед премьерой мы получили радостное письмо из Парижа от племянника Эльмесхан Константина Хагондокова с жаркими поздравлениями по случаю театрально-музейного события в нашем театре-музее. К всеобщей радости наших гостей, в этом важном для нас событии приняли участие потомки генерала Хагондокова – Аслан и Мухаммед Хагундоковы (эта ветвь родственников клана, которая осталась в России, отличается в написании фамилии одной буквой – «у» вместо «о»). Вот такой у нас получился многонациональный, объединяющий праздник.

В преддверии премьеры мы еще раз посетили Париж. В 1920-е гг. этот город был переполнен молодыми русскими аристократами. Именно они будоражили воображение парижан и утверждали законы мод Франции. Русская красота, прекрасное воспитание, шарм и умение преподнести себя сделали их эталоном элегантности и изысканного вкуса. Весь Париж равнялся на наших красавиц.

Ведущей манекенщицей, звездой у Коко Шанель стала Эльмесхан Хагондокова. В столице мировой моды оказались востребованными внешние данные дочери кавказца и славянки. Через короткое время работы у Шанель портрет Эльмесхан не сходил с обложек самых популярных изданий «Фемина» и «Вог». «Русская красавица Баженова», как называли ее парижские журналы мод, становится любимицей светского общества.

В 1934 г. Гали Баженова вышла замуж за графа Станислава де Люара, сенатора, помещика и землевладельца. Однако слава героини Франции пришла к ней не из-за ее физической красоты. С началом Второй мировой войны произошел новый поворот в судьбе Хагондоковой. Она возглавила хирургическое отделение передвижного госпиталя для тяжелораненых. Отвага и оперативность отряда Ирэн де Люар вызывали общее восхищение. Нередко дочь кавказского генерала спешила на помощь и шла в самое пекло сама.

Как любая другая мать, она с огромной болью переживала кончину сына. Сцена прощания с умирающим сыном была настолько сильной, что зрители не могли сдержать своих слез, а некоторые были вынуждены покинуть зрительный зал, с трудом справляясь с нахлынувшими на них эмоциями.

Солдаты платили Эльмесхан нежной сыновней любовью, а легионеры Первого кавалерийского полка Иностранного легиона Франции, будь то солдат или генерал, звали ее «Крестной» – высокий почет, оказываемый в редчайших случаях. Эльмесхан Хагондокова (она же Баженова и графиня Ирэн де Люар) ушла из жизни в 1985 г. в возрасте 87 лет. Отпевание состоялось в Париже в Музее инвалидов. В присутствии полка Иностранного легиона гроб на пушечном лафете был перевезен в кафедральный собор Александра Невского, где обряд прощания с графиней совершил православный священник. Похороны прошли по разряду Маршала Франции. Вот как писала эмигрантская газета «Русская мысль»: «Те, кто знал Ирину Хагондокову, графиню де Люар, никогда не забудут бесстрашную русскую женщину, героиню французского народа».

Под сводами театра-музея русской эмиграции заканчивается спектакль. Главные действующие лица – генерал Хагондоков и его прославленная дочь Эльмесхан – направляются в сторону красочно оформленного Эльбруса, который лучезарно освещен в глубине сцены. Зал, затаив дыхание, на какое-то мгновение замирает, и вдруг взрывается громкими благодарными аплодисментами.

Но на этом мы не ставим точку. Наш путь будет теперь лежать в Шанхай, где Эльмесхан прожила четыре года, еще не охваченные нашим исследованием.

Династия Романовых и Кавказ. В марте 2013 г. в связи с празднованием 400-летия Дома Романовых в театре-музее состоялась Северо-Кавказская конференция «Династия Романовых и Кавказ». В ней приняли участие ученые, музейные работники, преподаватели, аспиранты и студенты Ставропольского края, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Осетии (Алания), Карачаево-Черкесии, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Участники конференции, используя редкий архивный материал, развернули истинную картину большого вклада, сделанного царской династией в развитие региона. Отец Антоний (Скрынников) передал приветствие Митрополита Кирилла Ставропольского и Невинномысского, было зачитано приветствие Российского имперского союза-ордена, присланное из Лос-Анджелеса. В стенах театра-музея была развернута красочная экспозиция городов Кавказских Минеральных Вод – Пятигорска, Железноводска, Кисловодска, сопровождаемая перечислением добрых дел, совершенных русскими царями в этих городах. Конференция закончилась спектаклем «Последние дни Николая II», показавшим трагический конец правления последнего русского императора.

В противовес тем силам, которые создают сегодня в России идолов, чтобы подменить истинных героев русской истории, конференция «Династия Романовых и Кавказ», состоявшаяся в самом беспокойном регионе страны, прозвучала как призыв к тесному сплочению народов Кавказа и подлинному служению Родине.

За любовь и уважение к великой всероссийской культуре и цивилизации Валентина Имтосими и я были награждены памятной медалью Российского Императорского дома «Юбилей всенародного подвига.1613-2013».

Православие в изгнании. Выставка-спектакль «Православие в изгнании» прошел в театре-музее русской эмиграции, став первым творческим воплощением уникального, масштабного проекта Ставропольской Митрополии Русской православной церкви и театра-музея им. Анны Смирновой-Марли. Митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский благословил этот проект и возглавил его проведение. В основу этого проекта легла судьба священномученика Дмитрия Клепинина, уроженца Пятигорска, который был замучен в застенках гестапо за то, что вместе с матерью Марией (Скобцовой) спас во Франции множество евреев, выдав им справки о крещении и изменении фамилии.

Почтить память Дмитрия Клепинина и матери Марии с владыкой Кириллом прибыли почетные гости, представители православных храмов из разных городов России: архимандрит отец Сергий Стуров (Санкт-Петербург), отец Константин (Московская патриархия), архимандрит Василий и отец Антоний (Ставрополь), священник Анатолий Лобков (Ессентуки), отец Гермоген Лиманов (Кисловодск) и другие священнослужители.

Международный театр-музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли не просто возвращает забытые имена. Через театрально-музейные средства он дает возможность посетителям понять, кто были наши эмигранты, как и почему они вынуждены были покинуть Родину, как мечтали вернуться (что очень важно сейчас, когда молодежь стремится покинуть страну). Одновременно мы показываем чиновникам, стоящим у власти в России, как легко можно потерять огромный человеческий потенциал, состоящий из выдающихся талантливых людей. Мы стремимся к тому, чтобы заставить чиновников наконец-то понять, что подобные исторические ошибки, граничащие с государственной преступностью, подрывают на международной арене позиции нашей станы и создают прямую угрозу ее безопасности. И последнее, судьба подавляющего числа русских эмигрантов свидетельствует о том, что нам трудно, а чаще невозможно вернуть их на Родину, т.е. этот процесс становится необратимым.

То, что делает театр-музей, – это улица с двусторонним движением. Мы доносим также до сведения наших соотечественников за рубежом, что театр-музей стремится рассказать населению России, во-первых, правду о наших эмигрантах, которых в Советском Союзе считали предателями. Во-вторых, мы показываем им, что в России народ, во многих случаях, понимает сегодня, что их отъезд был, прежде всего, вынужденным, часто под дулом пистолета или перед петлей, которая должна была вот-вот затянуться на их шее. В-третьих, эмигранты первой послереволюционной волны, как правило, мечтали вернуться на Родину. Обо всех этих проблемах наших соотечественников за рубежом посетители театра-музея русской эмиграции получают наиболее полное и объективное представление.

Список источников

1. Анна Марли: Из истории русского зарубежья. Владикавказ, 2008.
2. Имтосими В. «Благодать» – форпост русской культуры на Кавказе // Союз национальностей. 2015. № 3.
3. Имтосими В. Кавказская тайна под небом Парижа // Союз национальностей. 2016. № 2.
4. Имтосими В. 20 лет под сенью «Благодати». Ростов н/Д, 2011.
5. Имтосими В., Портнягин А. Душа зовет к забытым берегам: русская Америка глазами русских путешественников. Пятигорск: МИЛ, 2013.
6. От Кисловодска до Парижа: русские женщины – героини Франции. Ростов н/Д: МИЛ, 2016.
7. Портнягин А.Д. Сикорский снова в России. Ессентуки: Бланкиздат, 2009.
8. Портнягин А. Слава на костях других народов. К 70-летию со дня победы над Японией // Союз национальностей. 2015. № 3.
9. Портнягин А. Судьба России // Союз национальностей. 2015. № 4.
10. Портнягин А. Царский генерал с Кавказских гор // Союз национальностей. 2016. № 1.
11. Портнягин А. Что спасет Россию? // Союз национальностей. № 3. 2015.
12. Сикорский Н., Портнягин А. Коснувшись неба: путешествие с Игорем Сикорским. Пятигорск: МИЛ, 2014.

УДК 821.161.1

Се Фэнлин

РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ЭМИГРАНТ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЁВ

Рассматривая историю России на протяжении всего XX в., можно выделить три основные волны эмиграции, из которых наибольшее влияние на культуру имела первая волна. Иван Сергеевич Шмелёв – это известный писатель, православный мыслитель. С учетом нынешнего недостаточного понимания в Китае творчества известного писателя, данная статья исследует его жизнь, деятельность и творчество, анализирует основные произведения.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Шмелёв; жизнь; деятельность; творчество.

Se Fanling

THE RUSSIAN WRITER-EMIGRANT IVAN SERGEEVICH SHMELYOV

Considering the history of Russia throughout the XX century, we can distinguish three main waves of emigration, of which the greatest influence on the culture had the first wave. Ivan Sergeyevich Shmelev is a well – known writer, an orthodox thinker. Given the current lack of understanding in China on the work of renowned writer, this article explores his life, work and creativity, analyzes major works.

Keywords: Ivan Sergeevich Shmelev; life; work; creativity.

Ивана Сергеевича Шмелёва (1873–1950) был свидетелем Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Второй мировой войны. И.С. Шмелев эмигрировал из Москвы в Берлин, затем в Париж. Он пережил горе гибели своего сына. Он находился в тяжелом материальном положении, а также подвергался клевете со стороны прессы.

Родился Шмелев 21 сентября 1873 г. в Донской слободе Москвы. Семья его была традиционная, религиозная, в ней царил патриархат. Писатель потерял своего отца в возрасте 7 лет, он поступил в Шестую московскую среднюю школу в 1884 г. В 1894 г. Шмелёв зачислен на Юридический факультет МГУ. 14 июля 1894 г. женился на Ольге Александровне Охтерлони. С 1907 г. он становится профессиональным писателем. В 1909 г. Шмелёв принял участие в литературной группе «Среда», членами которой были Антон Павлович Чехов, Максим Горький и Леонид Николаевич Андреев. В 1912 г. Шмелёв стал одним из членов – основателей «Книгоиздательства московских писателей». После этого творческая деятельность писателя имела отношение к этому издательству.

В 1922 г. супруги Шмелевы переехали в Берлин, в следующем году Иван Сергеевич принял приглашение И. Бунина и переехал в Париж. Шмелёв провел 28 лет в эмиграции. 24 июня 1950 г. писатель скончался от сердечного приступа. В 2000 г. его прах вместе с прахом супруги был перевезен, согласно его предсмертной воле, на родину, где был захоронен рядом с могилами членов его семьи в некрополе московского Донского монастыря.

Принятое в детстве и юности Шмелева следование старым обычаям и набожность повлияли на его творчество. Коммерческий район, где вырос Шмелёв, и окружающая среда оказывали большое влияние на его творчество. Кроме того, писатель проработал 5 лет в отдаленных губерниях Российской империи. Испытание тяжелой и напряженной работой позволило писателю познакомиться с широким и закостенелым миром разных губерний России, что обогащало жизненный опыт писателя и являлось лучшим дополнением к написанию книг.

Творчество Шмелёва можно разделить на два периода: внутренний и зарубежной – эмигрантский. В первый период его главные произведения – повесть «К солнцу», начатая еще в 1905 г., за ней последовали «Гражданин Уклейкин» (1907), «В норе» (1909), «Под небом» (1910), «Патока» (1911). Главными героями этих произведений являются «маленькие люди», живущие где-то в городских «уголках». Его произведения хорошо развивали тему «маленького человека», вызывая к нему сочувствие, в них показан сильный контраст разрыва между богатыми и бедными. Также среди таких произведений повесть «Человек из ресторана», которая принесла автору большую известность. Это произведение раскрывает «волчий закон» существования общества, а также ложные, лицемерные межличностные отношения. При жизни писателя повесть была переведена на испанский, голландский, немецкий, французский и другие языки.

В 1912–1919 гг. писателем опубликовано несколько произведений. Повесть «Стена» (1912) изображает жизнь старой аристократии, буржуазии. В произведении «Пугливая тишина» (1912) противопоставляется гармония природы и вульгарная повседневная жизнь аристократов, автор показывает необратимую тенденцию социального развития – деградацию аристократов и упадок усадебной жизни. Рассказ «Волчий перекат» (1913) описывает людей с сильным характером. Рассказ «Виноград» (1913) изображает историю о трех людях (поварах, официантах), которые спешили в Крым в сезон урожая винограда, а из-за того, что прошел сезон, вернулись домой. Люди живут год за годом прежней жизнью, у них на сердце любовь и доброта, они живут в гармонии с природой, поэтому жизнь для них имеет положительное значение. В рассказе «Карусель» (1916) фокус авторского внимания – это не отдельные личности и их судьбы, а текущие изменения самой красочной жизни. Рассказ «Лик скрытый» (1917) философски описывает

войну устами военных офицеров, которые вернулись домой в отпуск с фронта, и заставляют нас глубоко почувствовать приближение огромных изменений в истории. Кроме того, «Суровые дни» (1917) – это собрание заметок о войне и о страданиях, испытанных народом в годы войны. Повесть «Как это было» (1919) рассказывает об истории сумасшедшего полковника, живущего в военном госпитале. «Чужая кровь» описывает судьбу русского солдата, взятого в плен.

В 1922 г., после проживания за рубежом, писатель в основном публиковал свои труды в изданиях «Возрождение», «Последние новости», «Иллюстрированная Россия», «Современные заметки» и других. Первая книга, опубликованная Шмелевым за границей, – повесть «Солнце мертвых» (1923). Это произведение посвящено Гражданской войне, в нем отражается тема отношений между социальными преобразованиями и личной судьбой. Война разрушила все: уничтожила много жизней людей, животных, включая даже смерть природы, – это «история смерти и жизни».

У Шмелева, как у Бунина, зрелые и совершенные труды были написаны в период эмиграции: «Богомолье» (1931), «Лето Господне» (1933–1948). Два произведения имеют автобиографический характер. Среди них «Лето Господне». В трех главах: «Праздник», «Радость» и «Скорбь» описывается повседневная жизнь патриархальной России, поэтически изображается жизнь населения Москвы: дворян, крестьян, торговцев, мещан и других слоев. В то же время повесть с точки зрения доброго, чистого и наивного ребенка пытается объяснить мир, раскрывает процесс формирования русского национального характера и духа.

Позднее творчество Шмелева выражает идеи возвращения домой, стремление к жизни в уединенном монастыре. В 1935 г. в своем автобиографическом очерке «Старый Валаам» писатель, вспоминая о свадебном путешествии на остров Валаам, описывает жизнь, полную святой атмосферы, жизнь русского православного монастыря. Поскольку писатель умер внезапно, третья часть романа «Пути небесные» осталась незавершеной. В опубликованных первых двух частях находят отражения идеи христианского мира, борьба против зла и искушения, набожность, вера и т.д. Произведение отражает реальную тему мира, благородные духовные ценности, мирскую жизнь, любовь к бренному миру и стремление к раю.

Итак, Шмелев много пережил: гибель сына, войны, эмиграцию. Обстановка, где он рос и жил, – религиозная семейная атмосфера, обычаи простых людей в небольшом дворе, многолетнее испытание нелегкой работой, все это заложило основу для его будущего творчества. Кроме того, подробное описание повседневной жизни и обычаев простых людей, содержащее изображение их религиозных убеждений, религиозной практики, ритуалов, все это заслуживает внимание писателя. Шмелев обращал много внимания на национальные культурные традиции России, национальный дух, религии и другие проблемы. Шмелев отмечен в научных кругах как самобытный оригинальный писатель, как «писатель повседневной темы», «мастер русской жанровой живописи».

Список источников

1. Михайлов О. Об Иване Шмелёве // Шмелёв И.С. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. Повести. Солнце мертвых / вступ. ст. О. Михайлова. М.: Литература, 1999.
2. 维·阿格诺索夫.20世纪俄罗斯文学厂M.凌建侯等译，北京:中国人民大学出版社，2001.

УДК 93/94

Серегин А.В.

БОРЬБА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ И МОНАРХИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА БАЛКАНАХ В 1920-е гг.

В статье рассматривается процесс противостояния между эмигрантскими военными союзами, объединенными в Русский общевоинский союз под руководством генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля, и руководителями Высшего монархического совета во главе с Н.Е. Марковым, в 1920-е гг. в Балканских странах по вопросу внедрения монархической идеологии в уставы и программы военных организаций.
Ключевые слова: Высший монархический совет; Русский общевоинский союз; Н.Е. Марков; генерал-лейтенант П.Н. Врангель; великий князь Николай Николаевич.

Seryogin A.V.

THE STRUGGLE OF THE LEADERS OF THE MILITARY AND MONARCHIST EMIGRATION ON BALKANS IN 1920s

In the article present analyze of struggle between authority of Russian All-Military Union under leadership of general-lieutenant baron P.N. Vrangel and Supreme Monarchist Council under leadership of N.E. Markov about introduction of monarchist ideology in statutes and programs of military emigrant's organization in Balkan countries.
Keywords: Supreme Monarchist Council; Russian All-Military Union; N.E. Markov; general-lieutenant P.N. Vrangel; Grand Duke Nikolai Nikolaevich.

Общее поражение Белого движения в Гражданской войне в европейской части России привело к эвакуации частей Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., массовому исходу активных участников вооруженной борьбы с большевизмом в Европу. Временная, как казалось, в первой половине 1920-х гг. передышка в Гражданской войне привела к тесному, вынужденному взаимодействию представителей военной и монархической эмиграции. При этом, монархическая эмиграция фактически взяла курс на захват позиций идейного и организационного руководства армией в изгнании, а армейское руководство оказалось в позиции защищающейся стороны от идеологических и организационных атак монархистов. Обе стороны в этой борьбе не имели властных полномочий для защиты своих интересов и опирались на силу традиций: военное командование – на «непредрешенчество» и боевое братство периода Гражданской войны, традицию аполитичности армии Российской империи, монархические руководители – на верность присяге, принесенной императору из Дома Романовых. Стороны в конфликтах подобного рода не имели практического опыта. Командование армии в дореволюционный период не испытывало политического давления со стороны монархических партий, лидеры которых никогда до этого не пытались поставить под контроль армию, минуя императора и военное министерство. Стратегия и тактика борьбы вырабатывалась в ходе конфликта.

Находясь с ноября 1920 г. в Стамбуле, перенеся в марте 1921 г. штаб Русской армии в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. – Королевство Югославия) в город Сремски Карловцы, П.Н. Врангель не оставлял попыток сохранить организационный контроль над военнослужащими в рассея-

нии для организации «весеннего похода» в Россию. Штаб в Сремских Карловцах в 1921-1924 гг. фактически являлся Организацией Русской армии (ОРА), 1 сентября 1924 г. Главнокомандующий П.Н. Врангель создал Русский общевоинский Союз (РОВС) как преемник ОРА. Для оказания политической поддержки армии он создал в Стамбуле Русский совет из числа политических деятелей, которые разделяли политическую платформу командования и веру в возможность возобновления борьбы с большевиками.

Тактика монархистов по отношению к армейскому руководству колебалась в зависимости от возможности влияния на него и авторитетности самого военного руководства среди эмигрантов. В разгар боевых действий в Крыму в июле 1920 г., когда лидирующее положение в антибольшевистской борьбе однозначно принадлежало Русской армии, в Белграде прошел съезд беженцев, представляющий более 70 русских колоний. Съезд избрал Бюро беженских организаций в исключительно монархическом составе – П.В. Скаржинский, С.Н. Палеолог и генерал-майор Н.С. Батюшин. Первоначально оно выразило безусловную поддержку воюющей Русской армии, однако в связи с ее поражением политическая поддержка постепенно стала заменяться принципом идейного «водительства» над армией. При переводе Штаба Русской армии из Константинополя в Сремски Карловцы в состав Русского совета при П.Н. Врангеле были кооптированы представители местных беженских организаций П.В. Скаржинский и профессор Т.В. Локоть, которые сразу же повели агитацию за преодоление «непредрешенческой» позиции армии – за принятие ею монархического идеологии. При переезде П.Н. Врангеля в Сремских Карловцах местные активисты устроили «чествование» главнокомандующего с подачей многочисленных промонархических петиций. Уже 22 марта 1921 г. военный агент в Венгрии полковник А.А. фон Лампе доносил, что на собрании монархических групп было принято решение рекомендовать офицерам воздержаться от перерегистрации в списках Русской армии до тех пор, пока командование официально не признает монархический лозунг [5, с. 59]. После перенесения политической дискуссии в Русский совет П.Н. Врангель был вынужден распустить его в сентябре 1922 г.

Наиболее активным оппонентом командования в первой половине 1920-х гг. явился созданный в результате Рейхенгалльского съезда (город Бад-Рейхенгалле в Баварии) в мае-июне 1921 г. Высший монархический совет (ВМС), располагавший штаб-квартирой в Берлине под руководством Н.Е. Маркова. На период работы съезда был сформирован отдел «по военным делам», в работе которого приняли участие военные делегаты-монархисты. Резолюция отдела по отношению к армии (пятый день, 2 июня 1921 г.) не внушала оптимизма командованию Русской армии: «Все усилия русских людей должны быть направлены к сохранению и поддержке, возможно широкими мерами, тех основных кадров будущей Императорской армии, которые представляют собой уцелевшие воинские части белых армий» [1, ф. 5853, оп. 1, д. 5, л. 332].

Таким образом, лидеры ВМС пытались через голову командования внести раскол в армию, вычленив из нее кадры, верные монархической идеологии. В докладе о причинах поражения Белого движения в России (восьмой день, 5 июня 1921 г.) лейтенант флота А.Н. Павлов отметил невозможность продолжения борьбы под «непредрешенческими» лозунгами, особое внимание было уделено критике позиции реставрации монархии и идеологии монархизма, занятой лично П.Н. Врангелем в Крыму [1, ф. 5853, оп. 1, д. 5, л. 336].

В работе отдела обсуждались трудности, связанные с деятельностью военных союзов в изгнании, тактика антибольшевистской борьбы и вопросы более эффективного воздействия на белое руководство в эмиграции [4, с. 511-512]. Для преодоления традиции аполитичности Н.Е. Марков «...разобрал формулу «Армия вне политики» и осудил это положение. Пришли к убеждению, что в Граж-

данскую войну такое утверждение не находит себе оправдания и что белая армия должна быть политической, а потому пропаганда в ней наших монархических лозунгов необходима» [4, с. 513].

С точки зрения Н.Е. Маркова, в период Гражданской войны необходимо было выдвижение определенной идеологической платформы, политических лозунгов. Армия, которая консолидировала силы в Гражданской войне только по принципу борьбы против общего врага, по мнению монархистов, не имела шансов на успех. Постепенно началась борьба за внедрение традиционного для офицерской среды лозунга «За веру, царя и отчество» в уставы военных частей и военных союзов, рассредоточенных в разных странах, публичное исполнение гимна «Боже, Царя храни» на официальных мероприятиях, проводимых военными союзами.

Наиболее благоприятной для открытого выявления монархического лозунга была обстановка на Балканах. Правительства Королевства СХС, Румынии и Греции не предъявляли к армейскому командованию обвинений в «реакционности», монархические лозунги в армии не вызвали неприязненной реакции в этих странах. В Болгарии обстановка была менее благоприятной. До 1923 г. у власти в стране находилась социалистическая Земледельческая партия А. Стамболийского, выражавшая открытое несогласие с пребыванием на ее территории контингентов бывшей Русской армии и монархической агитацией. Однако после военного переворота 1923 г., убийства А. Стамболийского и прихода к власти в стране, при идейной поддержке русских военных эмигрантов профашистской партии «Демократический сговор», профессора А. Цанкова их положение в Болгарии стало более приемлемым.

На Балканах оказались сосредоточены основные противостоящие силы – в Сремских Карловцах одновременно находились штаб П.Н. Врангеля, Синод РПЦЗ, который возглавлялся почетным председателем ВМС митрополитом Антонием Храповицким, там же находилась самая мощная монархическая диаспора русских эмигрантов, близкая к ВМС.

Симпатии балканских правительств к монархистам, преобладание монархистов (правых) в Русской церкви, партиях, военных союзах, среди рядовых эмигрантов на Балканах признается в большинстве современных исследований. Этот тезис представлен в персональных работах российских исследователей, например, Г.Ф. Барихновского [3, с. 16]; коллективных монографиях – «Русские без Отечества» [8, с. 191, 269], «Эмиграция и репатриация в России» [11, с. 265, 400], «Русский исход» [9, с. 304]; исследованиях зарубежных ученых – Ю. Суомела [10, с. 53], М. Йовановича [6, с. 49]; в работах потомков эмигрантов «первой волны» – М.И. Раева [7, с. 51], А.Б. Арсеньева [2, с. 62].

Однако на первом этапе борьбы ВМС столкнулся проблемой отсутствия у него определенного «претендента на престол», которому можно было бы организационно подчинить армию. ВМС вел борьбу за армию как политическая организация (фактически – монархическая партия), что было вне традиций Российской империи.

Тем не менее, уже в июле 1921 г. начальник штаба П.Н. Врангеля генерал-лейтенант П.А. Кусонский в письме к военному представителю в Королевстве СХС генерал-майору С.Н. Потоцкому отметил, что ряд подотчетных агенту офицерских организаций принимают платформу Рейхенгалльского съезда: «…6 сего июля состоялось общее собрание субботицкого отдела русских офицеров, и собрание единогласно постановило: /…/ присоединиться ко всем резолюциям Рейхенгалльского съезда и к священному девизу «За веру, царя и отечество» (генерал-лейтенант П.А. Кусонский – генерал-майору С.Н. Потоцкому. 30 июля 1921 г.) [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 22]. В письме был выражен протест по этому поводу от имени командования: «…спасение России зависит от возможно большего

и наиболее тесного единения всех верных сынов ее /…/ всякая партийная обособленность не способствует, а, напротив, ослабляет мощь нашего единства /…/. Главнокомандующий приказал довести до Вашего сведения, что он считает недопустимым внесение какой бы то ни было политики в жизнь военных союзов…» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 22 об].

Несмотря на позицию командования, уже в августе 1921 г. офицеры Генерального штаба в Королевстве СХС провели политические дебаты и голосование под руководством генерал-лейтенанта Н.А. Обручева. Дискуссия дала определенный результат о видении офицерами будущего устройства России как монархии:

«Россия должна быть монархией с участием в Верховном правлении представителей всего населения всех областей и народностей.

За – высказалось 14 голосов.

Россия должна быть единой и великой. Вопрос о форме правления решит Учредительное собрание.

За – высказывается 9 голосов.

Форма государственного устройства России будет установлена Народным собранием, решению коего мы и подчинимся, мы же мыслим Россию представительной монархией, и в этом направлении должна протекать наша работа по подготовке Народного собрания.

За – высказывается 21 голос.

Учредительное собрание должно выявить волю народа в деле установления в России государственного строя. Общество офицеров Генерального штаба глубоко убеждено, что монархия является формой правления, при которой возможно воссоздание России.

За – высказывается 7 голосов.

Россия должна быть монархией.

За – высказывается 21 голос» (Протокол № 5 Общего собрания членов Общества русских офицеров Генерального штаба в г. Белграде. 23 августа 1921 г.) [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 13].

При голосовании в Объединенных офицерских организациях в Королевстве СХС, прошедшем через несколько дней после голосования офицеров Генерального штаба, отношение к монархической форме правления было еще более определенно и без нюансов: «Объединение офицерских организаций имеет своей основной целью служение воссозданию Российской империи» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 20].

На фоне явно выражаемых промонархических симпатий офицерства предсказуемо возросла и активность ВМС. В феврале 1922 г. агент в Греции генерал-майор Н.М. Александрин доносил в Сремски Карловцы из Афин о неожиданной политической атаке местных монархистов на руководство Офицерского союза в Греции: «…офицеры же в громадном большинстве настроены определенно монархически. С тем большим сожалением Центральное правление, даже состоящее из убежденнейших монархистов, должно отметить, что деятельность Общества не встретила со стороны существующего в Афинах «Совета монархического объединения» того сочувствия и содействия, какие предписаны были «Высшим монархическим советом» в Берлине по отношению к офицерским организациям. Неправильно понимая свои задачи, «Совет монархического объединения» в Афинах стремился приобрести влияние на деятельность общества офицеров не путем идейного воздействия, а с помощью проведения на ответственные места Общества своих людей и даже внесения в Общество партийного раскола для достижения этой цели» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 2, л. 64, 64 об.].

В ответ на действия монархистов, в марте 1922 г. руководитель Информационного отдела штаба П.Н. Врангеля полковник А.В. Станиславский выпустил

циркуляр для распространения в Советской России, который связывал интересы Русской армии в изгнании в деле установления будущего государственного строя России с волей жителей страны, а не со стремлениями партийной, в том числе монархической, эмиграции:

«…широкие народные массы в России должны знать:

1) Что Русская армия ставит своей задачей только борьбу с большевистской диктатурой.

2) Что Русская армия аполитична, не связана никакими партийными платформами /…/.

3) Что Русская армия готова поэтому поддержать всякое антибольшевистское движение внутри России, имеющее народный, национальный характер.

4) Что Русская армия признает всякое Правительство, образовавшееся волей народа в России после свержения советской власти» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 3, л. 7-8].

С содержанием циркуляра был ознакомлен близкий в тот период к командованию Национальный комитет под председательством профессора А.В. Карташева, а через него он стал известен и широким слоям политической эмиграции. П.Н. Врангель, в свою очередь, 30 августа 1922 г. направил развернутое письмо руководителям всех монархических организаций, которые организационно и политически были на тот момент связаны с ВМС. В нем он давал понять, что принятие определенных политических лозунгов для армии категорически недопустимо: «Мне неоднократно в личных беседах, в письмах и, наконец, в печати приходилось объяснять, что единственный лозунг, который может быть на чужбине провозглашен в Армии – это «Отечество».

При переживаемых нами условиях, этот лозунг является единственным внепартийными и надпартийным.

Провозглашение армией всяких других лозунгов, хотя и отвечающих душевным настроениям каждого воина в отдельности, опасно, так как может гибельно отразиться на самом существовании армии, хотя бы и в нынешнем, законспирированном ее положении.

При существующей обстановке лозунг «За веру, царя и отечество» является партийным лозунгом. Армией он может быть провозглашен лишь тогда, когда из партийного сделается надпартийным национальным лозунгом, когда будет принят не отдельными, хотя бы и многочисленными, группами русской эмиграции, а русским народом» [1, ф. 5853, оп. 1, д. 9, л. 160-161].

Вслед за этим 8 сентября 1923 г. П.Н. Врангель единолично пришел к решению о подписании распоряжения № 82 по Русской армии (приказ № 82), которым запрещалось офицерам вступать в политические организации и участвовать в политических дискуссиях. В нем предписывалось:

«Военным представителям и военным агентам:

а) предложить офицерам, не состоящим в настоящее время в союзе данной страны, но считающих себя в составе армии, записаться в один из союзов этой страны.

б) предложить через означенные союзы всем гг. офицерам, не считающим себя в составе армии, выйти из союзов; тем из гг. офицеров, кои состоят в союзах, входят одновременно в состав каких-либо политических организаций, предложить, как чинам армии, выйти из состава последних; те из гг. офицеров, кои не нашли бы возможности от этого уклониться, подлежат исключению из союзов /…/.

в) указать всем союзам, состоящим ныне при управлениях военных агентов или военных представителей на мое решительное требование не обсуждать каких-либо вопросов характера политического – предоставив обсуждение «программ», «платформ», «тезисов» и «лозунгов» тем, кто видит в этом спасение Родины, и, памятуя, что для воина есть один лозунг – приказ начальника» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 262 об.].

На передовой линии борьбы с приказом № 82 традиционно оказался радикальный, даже по меркам ВМС, Окружной монархический совет в Королевстве СХС во главе с П.В. Скаржинским. Постановление Совета от 21 октября 1923 г. предусматривало начало активного противодействия проведению приказа № 82 в жизнь: «Окружной совет объединенных монархических организаций в Королевстве СХС в обращении своем еще 14 сентября призвал /…/русское офицерство, самоотверженно ведущее монархическую работу в продолжение более трех лет, спокойно продолжать ее и даже усилить ее ввиду замечавшегося в последнее время натиска со стороны враждебных монархизму сил» [1, ф. 5853, оп. 1, д. 13, л. 361].

Наибольшее упорство в отстаивании монархического лозунга проявило руководство «Союза русских офицеров – участников Великой войны» в Королевстве СХС, возглавляемое генералом от инфантерии В.В. Болотовым. В октябре 1923 г. он фактически разорвал отношения со штабом П.Н. Врангеля, открыто мотивируя свои действия несогласием со взглядами главнокомандующего и стремлением подчиниться великому князю Николаю Николаевичу: «Что касается вопроса о несвоевременности выдвижения нашего девиза, то мы держимся совершенно противоположного взгляда, что утрированная аполитичность военной эмиграции и ее вынужденное молчание может иметь вредные последствия и на руку лишь присяжным политиканам из так называемой левой общественности.

В то время, когда монархические организации готовы безоговорочно подчиниться великому князю, остальные политические партии, группирующиеся около Национального комитета, до сих пор топчутся на месте, не могут прийти к определенному решению, и именно с их стороны наблюдаются попытки вовлечь армию в политику» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 255 об.].

В.В. Болотов настаивал на том, чтобы рядовые участники Гражданской войны воевали под «монархическими знаменами», и, в лучших традициях ВМС, призвал не считаться с европейским общественным мнением: «Вся борьба белых армий на юге России, в Архангельске и Сибири велась под сугубо политическим флагом.

Голая формула борьбы с большевиками без положительного начала, быть может, явится одной из причин нашего поражения…

Утрированной аполитичностью мы все равно никого не обманем» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 256].

Окончательный разрыв с командованием В.В. Болотов и подчиненный ему Союз офицеров оформили в начале октября 1923 г. вынесением политического постановления против приказа № 82: «…союз не считает возможным возбранить своим членам участие в патриотических партиях и союзах, как и он чтущих девиз: «За веру, царя и отечество» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 422].

Разрыв отношений ВМС с П.Н. Врангелем свел на нет возможность прямых переговоров между сторонами конфликта. Поиск посредника и информатора военного руководства привел руководителей монархического движения к проживавшему в Королевстве СХС генералу от кавалерии А.М. Драгомирову, который, казалось, не высказывал открытой антипатии к монархическому лозунгу. В мае 1924 г. А.М. Драгомиров сообщал представителям П.Н. Врангеля на местах, что Монархическое объединение оказывает существенное влияние на отколовшийся от армейского командования «Союз комбатантов» под руководством В.В. Болотова: «В создании нового общества принимает деятельное участие Белградское монархическое объединение (скаржинский), придавшее этому обществу характер чисто политический» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 555].

В июле 1924 г. между Н.Е. Марковым и А.М. Драгомировым завязалась переписка, поводом к которой послужило стремление выявить позиции сторон в вопросе создания под эгидой ВМС в Королевстве СХС альтернативных коман-

дованию воинских организаций. Н.Е. Марков в письме А.М. Драгомирову стремился представить ВМС как единственную монархическую силу, стоящую на защите интересов командования против легитимистов – сторонников великого князя Кирилла Владимировича: «…в действительности, возглавляемое Высшим монархическим советом Монархическое объединение, включая в себя все течения и большинство группировок русского монархического движения, является отнюдь не узкопартийным, а широко национальным русским движением, тесно и плотно связанным с монархистами в России и на Дальнем Востоке. Единственный крупный монархический союз, не идущий с Высшим монархическим советом – это Союз монархистов–легитимистов, но этот союз в вопросе об отношении к «аполитичности» офицеров стоит на еще более определенной позиции, нежели Высший монархический совет. Таким образом, сколько-нибудь заметных групп, согласных с Вашими взглядами на этот вопрос, не существует вовсе» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 567].

Председатель ВМС настаивал на возможности проведения монархического лозунга в связи с возглавлением русских воинских контингентов великим князем Николаем Николаевичем: «Высший монархический совет и подчиненные ему монархические организации всегда ставили себе обязанностью всемерно поддерживать силу рассеянных за границей остатков императорской Русской армии, подчиненной назначенному Государем Императором и никакой законной властью не смененному Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Лозунг «За веру, царя и отечество» никогда, ни при каких обстоятельствах не может оказаться для армии поспешным или преждевременным» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 567].

Позиция в отношении приказа № 82 отразила прежнюю жесткость тактики ВМС, который столкнулся с непреклонностью командования в вопросе его проведения: «Высший монархический совет все-таки вменял себе в обязанность всячески успокаивать возникшие среди преданных монархии офицеров недовольства и волнения /…/. Высший монархический совет выражает свое твердое убеждение, что лишь при условии открыто исповедуемого Русской армией священного лозунга «За веру, царя и отечество» /…/ возможно избавление нашей страны от тяжелого и позорного ига Интернационала» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 567, 567 об.].

В целом, письмо имело характер политического шантажа командования. Председатель ВМС намекал на возможность перехода организации на позиции принятия возглавления армии великим князем Николаем Николаевичем и указывал, что его организация является наименьшим из политических зол для командования.

В ответном письме Н.Е. Маркову А.М. Драгомиров связал неприятие лозунга ВМС с позицией значительной части армии, отметил необходимость воссоздания вооруженных сил в освобожденной России на новых принципах. Неприятным сюрпризом для руководства ВМС стало признание А.М. Драгомировым идеи военной диктатуры и возможной кандидатуры на роль диктатора великого князя Николая Николаевича:

«1. После свержения советской власти первой заботой новой национальной (вероятно диктаторской) власти будет спешное принятие мер по воссозданию вооруженной силы на основаниях железной дисциплины и беспрекословного повиновения верховному вождю.

2. Основой новой армии, по необходимости, явятся те части Красной армии, усилиями коих советская власть будет сброшена и которые на некоторое время неизбежно явятся хозяевами положения и дадут опору временной власти, которая при этом образуется из элементов, находящихся под рукою на местах /…/.

5. Только с той минуты бывшая Красная армия станет на прочный путь воссоздания на исторически бытовых началах, когда во главе ее станет верховный вождь великий князь Николай Николаевич, а в состав ее кадров вольется широкой волной русское офицерство /…/.

7. Если вместо такой единодушной среды офицеров в Красную армию вольются из эмиграции офицеры, потерявшие нравственный облик, отставшие в своем военном деле, запутавшиеся в различных политических течениях и контраверзах, потерявшие даже наружное уважение один к другому, друг с другом не разговаривающие, то их влияние в будущей армии будет ни с чем не сравнимо по тому громадному вреду, который они ей причинят» (генерал от кавалерии А.М. Драгомиров – Н.Е. Маркову. 17 августа 1924 г.) [1, ф. 5826, оп. 1, д. 4, л. 569].

Ответ А.М. Драгомирова не оставил у руководства ВМС сомнений – монархический лозунг выброшен за борт руководством РОВС, что привело к очередному витку напряженности.

В конце 1925 г. ВМС начал кампанию за признание офицеров Русской армии «запасными чинами», на которых не распространяется действие приказа № 82. Ареной противостояния в данном вопросе стала Болгария, где с начала 1920-х гг. наблюдался острый конфликт между местным отделом ВМС во главе с В.С. Акулининым («Окружной совет монархического объединения в Болгарии») и представителем П.Н. Врангеля генерал-лейтенантом Ф.Ф. Абрамовым. ВМС активно вступался за своих сторонников, которых пытались исключить из военных союзов, на основании приказа № 82. Так, в «деле» полковника Ахлопкова было дано «компетентное заключение» берлинского ВМС: «Из доклада члена В[ысшего] м[онархического] совета Н.Д. Тальберга, ознакомившегося в г. Сливен с делом товарища Председателя Монархического объединения в г. Сливен полковника Ахлопкова, выяснилось, что полковнику Ахлопкову было предъявлено за подписью генерала В.Н. Никольского требование штаба Ген[ерала] Врангеля о выходе из монархической организации. В.Н. Никольский состоит членом Окружного совета монархических объединений в Болгарии и, следовательно, не мог не знать, что приказ № 82 Ген[ерала] Врангеля был признан В[ысшим] м[онархическим] советом враждебным монархическому делу и незаконным в применении к военным чинам, находящимся либо в запасе, либо в отставке /…/. [1, ф. 5826, оп. 1, д. 60, л. 240].

Однако в «деле» Ахлопкова выявилось двойственное отношение к ВМС в военной среде – с одной стороны, симпатия к традиции монархизма, с другой – четкое следование субординации даже в условиях эмиграции. Генерал-майор В.Н. Никольский подчинился требованию командования и покинул Окружной совет русских монархического объединения в Болгарии. В письме В.С. Акулинину он подверг резкой критике Н.Е. Маркова за попытки трактовать вопросы военного устройства и дисциплины: «…с 30 ноября 1925 года не нахожусь более в Монархическом объединении, но, питая большое уважение к Окружному совету монархического объединения в Болгарии, работавшему всегда с большой вдумчивостью и пониманием, я решил дать требуемые от меня разъяснения, не теряя надежды, что, может быть, эти разъяснения помогут г. Маркову разобраться в основах воинской дисциплины, существующей в рядах Русского воинства и за рубежом /…/.

Союз русских офицеров в Болгарии не руководствуется в своей жизни положением о запасных, а тем более отставных офицеров /…/.

Не находящиеся в Союзе офицеры, находящиеся ныне за рубежом, действительно могут быть приравнены к запасным или отставным офицерам, которых распоряжение генерала Врангеля за № 82 не касается /…/.

Я не понимаю, как Высший монархический совет в лице г. Маркова выносит решение по такому вопросу, который может быть разрешен компетентно только Великим Князем» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 60, л. 241, 241 об.].

В декабре 1925 г. разразился очередной инцидент в Болгарии, поводом для которого послужило письмо руководителя Монархического объединения города Сливен о. Давида (Чубова) руководству ВМС по вопросу организации сбора денег в казну великого князя Николая Николаевича: «Докладываю, что 6/19 декабря сего г. Монархическим объединением, согласно распоряжению В[ысшего] м[онархического] совета, была дана концертно-танцевальная вечеринка на усиление фонда Спасения России – казны великого князя, которая дала чистого прихода десять тысяч четыреста семьдесят три лева /…/ полк[овник] Рытченков (начальник армейских групп, именующийся «начальником русского гарнизона») дает телеграмму ген[ерала] Абрамова, представителя Главнокомандующего бар[она] Врангеля в Болгарии, и заявляет, что если концертная часть, согласно программы, начнется пением русского Национального гимна, то он принужден будет отдать приказ офицерам, состоящим в частях, не присутствовать при исполнении гимна» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 60, л. 228, 228 об.].

В приложении приводился текст телеграммы Ф.Ф. Абрамова полковнику Рытченкову: «Прошу Вас, полковника Первозванского и всех чинов Армейской группы воздержаться от политики и не участвовать в публичной демонстрации монархической партии» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 60, л. 230].

Внешне рядовой эпизод вызвал необычайно резкую реакцию Н.Е. Маркова. В письме в Канцелярию великого князя Николая Николаевича содержался призыв повлиять на военного представителя в Болгарии в вопросе централизованного проведения монархической идеологии в военные организации: «…прошу Вас доложить Его Императорскому Высочеству, что произвольные, насилующие монархическую совесть действия генерала Абрамова произвели крайне тяжелое впечатление не только на всех русских военных и не военных, но и на болгарское общество. Под видом аполитичности армии проводится явное гонение и преследование военных людей за преданность святым заветам Императорской Армии. Если даже в Народном Гимне стали усматривать партийную монархическую демонстрацию, то перед нами, преданными Вере, Царю и Родине русскими монархистами, повелительно встает вопрос: возможно ли далее, не переставая быть монархистами, молчаливо попустительствовать явно враждебной и направленной против Российской Империи политике ослепленных честолюбцев и их послушных исполнителей. Единственно только послушание нашему Верховному Вождю и вера в то, что Он, наконец, запретит и властно остановит злое насилие и издевательство над душою доблестных воинов Императорской Армии, удерживает монархистов от самостоятельного противодействия» [1, ф. 5826, оп. 1, д. 60, л. 227].

Несмотря на остроту противоречий и яростные взаимные нападки, к середине 1920-х гг. в отношениях сторон возникла патовая ситуация. Великий князь Николай Николаевич формально возглавил РОВС в ноябре 1924 г., однако он не согласился с мнением ВМС о директивном введении монархического лозунга в военные союзы. В свою очередь, П.Н. Врангель твердо стоял на позициях защиты приказа № 82. Военные союзы покинули возможные сторонники ВМС, и их число оказалось невелико в сравнении с ожиданиями монархистов, возобладал принцип субординации. В апреле 1926 г. ВМС потерпел сокрушительное поражение на зарубежном съезде в Париже в попытке возглавить всю русскую эмиграцию через ее предполагаемого «Вождя» – великого князя Николая Николаевича. В сентябре 1927 г. П.Н. Врангель переехал из Сремских Карловцев в Брюссель. Все эти факторы привели к спаду активности борьбы, в том числе и на Балканах, поиску разумного компромисса со стороны ВМС.

В 1926 г. в издательстве «Русская типография» в Королевстве СХС была опубликована брошюра В.Х. Даватца «Годы. Очерки пятилетней борьбы», своим острием направленная против ВМС. Но критика со стороны военного командования деятельности ВМС не была последовательной, поскольку приходилось учитывать армейские настроения. Определяя членов ВМС как «Тени прошлого» [5, с.47], В.Х. Даватц, тем не менее, вынужден был признать непримиримую антибольшевистскую позицию ВМС и защищать его от обвинений в сотрудничестве с КРО-ОГПУ [5, с. 56]. Таким образом, двойственность позиций обеих сторон так и не привела к окончательному разрыву между ними.

Вопрос о необходимости внедрения партийной идеологии в армию однозначно положительно был решен в СССР. В Красной, а затем и Советской армии последовательно существовали должности комиссаров, политруков и замполитов, проводились занятия по изучению марксизма-ленинизма. Оценить их вклад в степень повышения обороноспособности СССР однозначно сложно, однако со всей очевидностью можно признать, что с кризисом и вырождением идеологии, эффективность армии, которая тесно связана с определенными партийными принципами, значительно падает. В связи с этим следует отметить, что позиция П.Н. Врангеля по деполитизации армии выглядит более эффективной и практичной. Она избавляет армию от влияния колебаний партийно-политической конъюнктуры, сохраняет армию как цельную боевую общность, позволяет выстраивать взаимоотношения, исходя исключительно из принципа профессионализма, субординации и сознательного патриотизма.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.,1999.
3. Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978.
4. Гершельман А.С. Эмиграция // Верная гвардия. М., 2008.
5. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
6. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.
7. Раев М.И. Россия за рубежом. М., 1994.
8. Русские без Отечества. М., 2000.
9. Русский исход. СПб., 2004.
10. Суомела Юлитта. Зарубежная Россия. СПб., 2004.
11. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

УДК 7.036

Солнцева-Накова Е.В., Манчев В.С.

АКТЕРСКАЯ ШКОЛА МИХАИЛА ЧЕХОВА – КУЗНИЦА ТАЛАНТОВ ТЕАТРА И КИНО ЗА РУБЕЖОМ

Великий русский актер и педагог театра и кино Михаил Чехов является племянником А.П.Чехова. Михаил в очень раннем возрасте проявляет разносторонние дарования. В 1928 г. не принимает революционных перемен в России, уезжает в Германию, в 1930 г. пытается организовать театр в Чехословакии, но, получив отказ, переезжает в Париж, а с 1939 г. проживает в США и там создает актерскую школу, которая пользуется огромной популярностью. В 2008 г. Домом русского зарубежья им. А. Солженицына и киностудией «Русский путь» была учреждена медаль имени выдающегося деятеля мировой культуры, русского актера, режиссера и педагога Михаила Александровича Чехова, которая

вручается видным деятелям культуры разных стран за выдающиеся достижения в области кинематографии и театрального искусства.
Ключевые слова: Михаил Александрович Чехов; кино; театр; фильм; актерская студия.

Solntzeva-Nakova E.V., Manchev V.S.

ACTOR SCHOOL OF MIKHAIL CHEKHOV AS THE FORGE OF GIFTED PERSONS IN THEATRE AND CINEMA ABROAD

Great Russian actor and theatre pedagogue Michael Chekhov was the nephew of Anton Chekhov. Since he was little Michael manifested versatile talents. He did not accept revolutionary changes in Russia and in 1928 went to Germany. In 1930 Michael Chekhov tried to organize theatre in Czechoslovakia, but after he was refused to do that moved to Paris. Since 1939 he lived in the US and there created an acting school, which gained immense popularity. In 2008 in the House of Russian Zarubezhie «Alexander Solzhenitsyn», together with film studio «Ruskii put» the Medal in honor of the name of the prominent figure of world culture, Russian actor, director and teacher Mikhail Alexandrovich Chekhov was established. It is awarded to deserving cultural figures from different countries for outstanding achievements in the field of cinema and theatre.
Keywords: Mikhail Aleksandrovich Chekhov; cinema; theatre; movie; acting studio.

Великий русский актер и педагог театра и кино Михаил Чехов (родился 16 августа 1891 г. в Петербурге) является племянником А.П. Чехова. Его отец Александр Павлович был старшим братом великого русского писателя, тоже писал, но под псевдонимами Агафопод, Еницин, Алоэ, позднее А. Седой. В 1888 г. Александр Павлович овдовел, но позже обвенчался с гувернанткой своих детей Н.А. Гольден, от которой родился сын Михаил.

Михаил в очень раннем возрасте проявляет разносторонние дарования. В письме к М.П.Чеховой А.П. Чехов в 1895 г. писал: «Я думаю, что из него выйдет талантливый человек».

В 1907 г. М.А. Чехов поступил в театральную школу им. А.С. Суворина при театре литературно-художественного общества и вскоре начал с успехом выступать в школьных спектаклях. После окончания был принят в труппу Суворинского театра, где с сентября по апрель 1912 г. сыграл множество ролей. В Санкт-Петербурге Михаил был представлен К.С. Станиславскому, и он пригласил его в Московский художественный театр.

26 апреля 1912 г. Чехов встретился с К.С. Станиславским и 16 июня был зачислен в штат сотрудников филиального отделения Московского художественного театра и вскоре введен Станиславским на роль Васьки в «Нахлебнике» И.С. Тургенева.

В это же время началась его карьера как киноактера в 1913 г. с роли Михаила Федеровича Романова в фильме «Трехсотлетие царствования дома Романовых», позже последовали более пяти ролей в немых картинах.

В 1916 г. Станиславский начал репетиции «Чайки», где Чехову предполагалась роль Треплева. Репетиции шли, но Чехов был нездоров, его физическое состояние усугубилось депрессией. В мае 1917 г. он ушел с репетиции, развелся с женой и увлекся философией. На его тяжелое душевное состояние сильно повлияло самоубийство двоюродного брата, В.И. Чехова, и для него стало невозможно воплотить финал «Чайки» – самоубийство Треплева.

В январе 1918 г. он открыл частную актерскую студию на своей квартире в Газетном переулке. Занятия в студии были в основном посвящены элементам

системы, поискам творческого самочувствия в этюдах, то есть первому разделу системы Станиславского.

В 1919 г. студию посетил Станиславский и был удовлетворен результатами работы своего ученика.

В июне 1918 г. Чехов женился на К.К. Зиллер и начал работать над теоретическими статьями, такими как «О системе Станиславского» и «Работа актера над собой», которые были опубликованы в журнале «Горн».

По возвращении в Москву Чехов возглавил первую Студию МХАТА.

В 1924 г. за работу Чехова в трагедии Шекспира «Гамлет» А.В. Луначарский вручил Чехову грамоту о присуждении ему звания «Заслуженного артиста государственных академических театров».

В январе 1928 г. широкий резонанс получила книга Чехова «Путь актера».

В 1928 г. он не принимает революционных перемен в России и подает заявление об уходе из театра, но собрание это заявление не поддержало. В мае Чехов просит разрешить ему двухмесячное пребывание за границей для лечения и уезжает в Германию, а в 1930 г. пытается организовать театр в Чехословакии, но, получив отказ, переезжает в Париж.

В парижской газете появилось интервью с Чеховым, в котором он поведал о намерении организовать в Париже школу драматического искусства.

В 1931 г. в Париже было основано Общество друзей «Театра Чехова». В мае он познакомился с Ж. Бонер, ставшей его другом и помощницей в создании русского театра «Ателье».

Бонер и Моргенштерн субсидировали «Театр Чехова» в Париже, однако настоящего удовлетворения театр не приносил, и Чехов вступил в переговоры с директором Театра русской драмы в Риге о возможности своей работы там.

28 февраля 1932 г. он приехал в Ригу, где поставил с актерами Национального театра Стриндберга несколько спектаклей, играл Хлестакова в Театре русской драмы и Иоанна Грозного в собственной постановке «Смерть Иоанна Грозного».

В 1935 г. с «Театром Чехова» выехал на гастроли в Нью-Йорк, приглашение остаться в Америке отклонил, получив предложение организовать в Англии свой театр-студию.

В 1935 – 1938 гг. студия в Дартингтон-холле работала много и успешно, но близость Европы и приближение войны заставили Чехова уехать с большей частью студийцев в Америку. В начале 1939 г. «Театр Чехова» обосновывается в Риджфильде, в 50 милях от Нью-Йорка, в 1940–1941 гг. были подготовлены спектакли «Двенадцатая ночь», «Сверчок на печи» и «Король Лир» Шекспира.

С 1939 г. Михаил Александрович проживает в США и там создает актерскую школу, которая пользуется огромной популярностью. Через нее проходят Мэрилин Монро, Клинт Иствуд, Энтони Куин, Юл Бриннер, Ллойд Бриджес, Г. Пек, и многие другие голливудские звезды.

В 1942 г., по воспоминаниям друга и помощника Чехова – Г. Жданова, было принято решение до окончания войны временно закрыть «театральное предприятие».

В 1944 г. на экраны вышли фильмы с участием Чехова «Песнь о России» (колхозник Степанов) и «Завороженный» – реж. А. Хичкок (1945), в котором он виртуозно сыграл роль психиатра доктора Брулова, критики оценили работу актера как сенсационную и Чехов был выдвинут на «Оскара» в номинации «Лучший актер второго плана» и получил премию Общества театральной кассы «Голубая лента».

В 1946 г. вышли фильмы «Призрак розы» (Поляков), «Клянусь!» (Петер), «Ирландская роза Эбби» (Соломон Леви). Роль отца-еврея в этом фильме Чехов называл своей любимой ролью в кино. Тогда же газеты объявили о создании «Ак-

терской мастерской», где в настоящий момент разрабатывается «метод Михаила Чехова (который в измененном виде существует и по сей день).

На русском языке вышла его книга «О технике актера». Чехов работал также в Лабораторном театре Голливуда.

Работа Михаила Чехова в Голливуде далеко не всегда совпадала с его подлинными творческими интересами и профессиональными возможностями, в чем он признавался в письмах и беседах с друзьями, говоря, что отказался бы от многих ролей, но необходимость зарабатывать деньги принуждала его.

Необходимо подчеркнуть, что за 16 лет, прожитых в Голливуде, он снялся только в 11 картинах, но остался в истории Голливуда как блестящий педагог, а его актерская школа и по сей день, хотя и в сильно измененном виде, существует и называется «кузницей театральных талантов».

В 1947 г. М. Чехов в связи с обострением болезни был вынужден ограничить свою деятельность в основном преподавательской работой, вел курсы актерского мастерства, снялся в фильме «Техас, Бруклин и небеса» (1948), а в конце 1940–50-х гг. работал над биографическими повестями о А.П. Чехове, К.С. Станиславском, В.И. Немировиче-Данченко.

В 1952 г. вышли фильмы «Приглашение» (доктор Фрамм) и «Рапсодия» (профессор Шуман).

Умер М. Чехов в Беверли-хиллс (штат Калифорния) 1 октября 1955 г., урна с его прахом захоронена на кладбище Форест-Лон-Мемориал («Лесная поляна») в Голливуде.

Почти до середины 1980-х гг. его имя на родине предавалось забвению, встречалось лишь в отдельных мемуарах (С.Г. Бирман, Кнебель, С.В. Гиацинтовой, Берсенева и др.)

На Западе метод Чехова за эти годы приобрел значительное влияние на технику актерского мастерства, с 1992 г. регулярно организуются Международные мастерские Михаила Чехова в Россиии, Англии, США, Франции, Прибалтике и Германии.

В 2008 г. Домом русского зарубежья им. А.И. Солженицына и киностудией «Русский путь» была учреждена медаль имени выдающегося деятеля мировой культуры, русского актера, режиссера и педагога Михаила Александровича Чехова, которая вручается видным деятелям культуры разных стран за выдающиеся достижения в области кинематографии и театрального искусства.

Имя Михаила Чехова носит Русский театр в Риге (Латвия).

Фильмография

1913 – «Трехсотлетие царствования дома Романовых» (1613 – 1913)
1914 – «Когда звучат струны сердца»
1915 – «Сверчок на печи»
1915 – «Шкаф с сюрпризом»
1916 – «Любви сюрпризы тщетные»
1927 – «Человек из ресторана»

В Германии

1929 – «Признаки счастья»
1929 – «Шут своей любви»
1930 – «Тройка»

В США

1944 – «Песнь о России»
1944 – «В наше время»
1945 – «Завороженный»
1946 – «От всего сердца»
1946 – «Призрак розы»
1946 – «Ирландская роза Эбби»

1948 – «Техас, Бруклин и небеса»
1952 – «Приглашение»
1952 – «Каникулы для грешников»
1954 – «Рапсодия»

Список источников

1. Бюклинг Л. Михаил Чехов в западном театре и кино. СПб.: Академический проект, 2000. 560 с.
2. Добужинский М.В. Воспоминания. М.: СЛОВО, 1987. 380 с.
3. Кнебель М.О. Вся жизнь. М.: АСТ, 1967. 260 с.
4. Чехов М. Литературное наследие: в 2 т. / общ. науч. ред. М.О. Кнебель; сост. И.И. Аброскина, М.С. Иванова, Н.А. Крымова. М.: СЛОВО, 1995. Т. 1. 542 с.; Т.2. 588 с.
5. Чехов М. Об искусстве актера. М.: Искусство, 1999. 271 с.
6. Чехов М.А. Воспоминания // Письма. М.: Локид, 2001. 668 с.
7. Чехов М.А. Путь актера: жизнь и встречи. М.: АСТ, 2007. 554 с.

УДК 94(571.6)

Ступницкая М.И.

ФОРМИРОВАНИЕ МИФА О РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ С XVIII в. ДО НАШИХ ДНЕЙ

В статье исследуется мифологизация России во французской литературе и ее влияние на общественное сознание Франции. Проблема рассматривается через анализ отрицательных стереотипов при создании различных мифологических образов России, начиная с XVIII в. и до наших дней.

Ключевые слова: литература; миф; образы России; стереотипы; варвары; самодержавие; гражданская несвобода.

Stupnitzkaya M.I.

THE FORMING OF MYTH ABOUT RUSSIA IN FRENCH LITERATURE FROM XVIII CENTURY UP TO NOWADAYS

The article examines the process of mythologizing Russia in French literature and its impact on public consciousness of France. The problem is considered through the analysis of negative stereotypes in the creation of various mythological images of Russia from the XVIII century till the present day.

Keywords: literature; myth; images of Russia; stereotypes; barbarians; civil lack of freedom.

Русско-французские культурные и литературные связи имеют многовековую традицию и длительную историю, включающую периоды взаимного влияния, притяжения и отторжения, примирения и диалога.

Нами была поставлена задача исследовать, каким образом и кем формировался миф о России во французском общественном сознании, начиная с XVIII в. и до наших дней.

Под мифом мы понимаем совокупность образов и стереотипов сознания, то есть миф – это сублимированная форма стереотипов. Оперируя конкретными образами, а не абстрактными понятиями, миф заменяет собой реальность, благодаря ему мир становится намного понятнее. По мнению Клода Абастадо, «мифы не являются правдивыми или ложными, они эффективны» [13, p. 221]. Это значит, что они результативно выполняют социокультурную функцию.

Генезис образа России во французской литературе относится к рубежу XVIII-XIX вв. Создание образов России реализовывалось благодаря работам французских мыслителей Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Дени Дидро, путевым заметкам путешественников, трудам писателей и тех французских подданных, кто представлял французскую культуру, живя в России и зная Россию изнутри. Каждый автор конструировал свой образ России, при этом вольно или невольно опираясь и тиражируя ранее существующие стереотипические суждения.

Интерес французских философов был вызван неординарностью личности Петра I. Появились разные точки зрения на деяния Петра: два противоположных взгляда и два различных образа России во французском литературном и общественном сознании. Первый подход принадлежит Вольтеру (1694–1778) о быстром чудодейственном превращении отсталой периферии Европы в страну, развивающуюся динамично и ставшую примером для подражания благодаря просвещенным правителям. Вольтер видел в России образец просвещенной монархии, страну, вставшую на путь приобщения к ценностям и достижениям западноевропейской цивилизации. Эта точка зрения была изложена в его труде «История Российской империи в царствование Петра Великого» (1763), сделанном по заказу дочери Петра, императрицы Елизаветы, над которым он работал около семи лет (1756–1763). Фридрих II назвал этот труд «*историей волков и медведей сибирских*».

Были и другие суждения, противоположные подходу Вольтера. Так, Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) полагал: «*Россия – страна без истории, без прошлого, изнасилованная поспешными, непродуманными и противоречащими духу народа петровскими реформами, а потому и без будущего*» [8]. О Петре I он писал: «*Петр обладал талантом подражательным, у него не было подлинного гения, того, что творит все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту*» [10, с. 90-91]. Нелестной была и точка зрения Дени Дидро: « <…> *в России нет ничего, кроме развращенного двора, раболепных офицеров и закабаленного народа*» [11, с. 208-209].

Наиболее полно проанализированы и изложены эти взгляды уже в середине XX в. в работе Альбера Лортолари «Русский мираж во Франции XVIII века». В этом исследовании автор показывает, как менялся образ России и связанные с ним стереотипы в произведениях французских мыслителей. В первой части работы «Миф Петра Великого», наиболее интересной, проанализированы произведения Монтескье, Вольтера, Руссо, Мабли, писавших о Петре I. По мнению автора, старый миф о «варварской» России под влиянием сочинений о Петре I разрушался и заменился другим мифом — о герое, сотворившем новую нацию. Лортолари подчеркивает огромное различие между образом Петра I в трудах философов и реальным царем. По его мнению, просветители создали вымышленную идеальную страну, далекую от реальности. «*Сам А. Лортолари сомневается в культурно-просветительских целях реформ Петра и считает их лишь «инструментом для завоеваний». В самом царе он видит прежде всего жестокого угнетателя и палача. Не менее скептически смотрит он и на главные ценности просветительской философии в XVIII веке*» [6, с. 214].

Для вышеизложенного понимания восприятия России в культурном пространстве со времени правления Людовика XIV (1643–1715) необходимо принять во внимание несколько факторов.

Во-первых, существовало стойкое убеждение в абсолютном превосходстве французов над другими нациями. Высказывание французского литератора Ксавье Мармье, сделанное в 30-х гг. XIX в., подтверждает этот факт: «Мы были слишком горды нашими шедеврами, слишком сосредоточены на нашей славе, чтобы позволить иностранным авторам соблазнить себя» [9].

Во-вторых, в XVIII в., следуя за сочинениями французских мыслителей и иностранных авторов, в Европе существовало стереотипное восприятие России

как «варварской страны» и ее жителей-варваров. Вот как охарактеризовал россиян в книге «Путешествие в Московию, Тартарию и Персию» в XVIII в. Адам Олеария, немецкий писатель, путешественник и переводчик: «*Коли кто любопытствует о нраве и образе жизни московитов, надобно сказать, что таких варваров на свете нигде более не сыщешь. Они бахвалятся своим происхождением якобы от древних греков, на самом же деле сих грубых варваров и сравнить-то нельзя с цивилизованными греками*» [7, с. 5].

В-третьих, определенное безразличие Франции к отсталой стране, поздно пришедшей к цивилизации, от которой нечего ожидать. В предисловии к сборнику «Балалайка. Русские народные песни» (1837) П. Жюльверкур, симпатизирующий идеям славянофильства, так охарактеризовал отношение французов к России: «*Видя наше безразличие и беспечность, которыми отмечено все относящееся к этой стране, можно подумать, что речь идет о докучливом госте, присутствие которого мы вынуждены терпеть, но на которого даже не хотим взглянуть*» [2, с. 492].

В-четвертых, враждебная тенденция в изображении России подчеркивала в основном пороки, а не своеобразие народа иной культуры. Следует помнить, что авторы – представители другой культуры, католики, что существенно затрудняло рецепцию православного народа.

Проиллюстрируем вышесказанное на анализе одного из самых масштабных, на наш взгляд, произведений XVIII в. «Путешествия в Сибирь» Жана Шапп д'Отроша (1722-1769). В 1768 г. вышли два тома исследования, которые писались в течение шести лет. Самоотверженный ученый, астроном, член Королевской и Российской академии наук, аббат Жан Шапп д'Отрош отправился в 1761 г. в Тобольск с научной целью. В то время Сибирь в европейском сознании была полюсом холода и гиблым местом ссылки. На страницах «Путешествия в Сибирь» Россия была представлена как варварская страна, не заслуживающая права участвовать в жизни Европы. Подчеркивалась неспособность русских занять какое-то место в европейском цивилизованном мире. Главное зло аббат увидел в самодержавии и крепостном праве, которое, по его мнению, явилось причиной экономической отсталости, невежества, нищеты крестьянства. Как и другие французские авторы, он называет такие пороки русского общества, как лень, пьянство, воровство, бесхозяйственность, раболепие, жестокость и отсутствие личной инициативы.

Как положительное в его трудах можно отметить описание крестьянского быта и нравов. Труд повествует о климате России, ее флоре и фауне, истории, религии, образовании, науке и искусствах, армии и флоте, торговле, системе правосудия, роли женщины в обществе. Описания сопровождаются великолепными гравюрами, выполненными Жан-Батистом Лепренсем. Подробная, насыщенная неизвестными читателю фактами, книга имела во Франции огромный успех. В течение нескольких лет появились переводы исследования на другие европейские языки. На русский язык книга переведена только в 1951 г. и то не полностью.

Болезненнее всех отреагировала на публикацию путевых заметок «Путешествия в Сибирь» императрица Екатерина II. Появилось произведение под названием «Антидот» («Противоядие»), ее авторство приписывают Екатерине II. Автор «Антидота» рьяно оспаривает факты, изложенные в труде аббата. Об этой книге написано интереснейшее исследование «Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шапп д' Отроша». Ее автор – французский историк, член французской Академии Элен Каррер д'Анкосс.

Закреплению мифа о варварской России способствовала книга *Шарля Франсуа Филибера Массона де Бламона* (1762-1807), французского поэта и мемуариста, премьер-майора Екатеринославского гренадерского полка, автора «Секретных записок о России и в особенности, о конце царствования Екатерины II и начале правления Павла I, представляющих собой картину нравов Санкт-Петербурга

в конце XVIII в. и содержащих некоторые анекдоты, собранные в течение десятилетнего там пребывания». Двухтомник, вышедший в 1880 г. в Амстердаме, демонстрирует незаурядную наблюдательность и осведомленность автора о придворных нравах. В мемуарах предстает стереотипный образ варварской России, ленивой, пьющей и невежественной, и снова называются наиболее распространенные русские пороки – пьянство и воровство: «*Я сомневаюсь, что есть на свете такой народ, который считает естественным присваивать себе благо другого: премьер-министр или генерал армии, лакей или солдат – все воруют, грабят, мошенничают. В России воров ничуть не презирают и не наказывают унизительным позором*» [9].

В XIX в. наблюдается активный культурный и литературный диалог между Россией и Францией. Характерный набор стереотипных качеств, приписываемых России в XVIII в.: ледяной холод, пьянство, воровство, лень и жестокость – переносятся в XIX в.

Однако в художественной литературе XIX в. в отличие от работ французских исследователей, происходит ломка стереотипов, появляются новые образы русских, отважных и благородных людей, не ведающих страха. Об этом свидетельствует книга «Юная (молодая) сибирячка» (1815), написанная графом Франсуа Ксавье де Местром (1763–1852), генерал-майором русской императорской армии, участником наполеоновских войн. По словам А. Кирпичникова, это: «*Лучшая из повестей этого рода безусловно «Молодая сибирячка» К. де Местра < ...> сюжет ее взят из действительного происшествия и обработан с искусной простотой и задушевностью*» [4, с. 59].

В начале царствования Александра I дочь ишимского ссыльного Прасковья Лупалова отправляется пешком из Сибири, из Ишима в Петербург с одним рублем и образом Божией Матери, чтобы вымолить у государя прощение своему ссыльному отцу. Кормясь подаянием, оказываясь в сложных ситуациях, за двадцать месяцев она добирается до Москвы, до Кремля, где происходит коронация Александра I. Во время церемонии она бросается в ноги государю со своим прошением и получает указ о помиловании отца.

История эта получила большую известность. Французская писательница Софи Коттен написала роман «Елисавета Л***, или Сибирские изгнанники» (1806). Имя героини в романе изменено, но сохранилась первая, заглавная буква ее фамилии – Л*** – Лупалова.

Формирование мифа о России во французской культуре принадлежит романам Жюль Верна о России, их девять. Самый известный – «Михаил Строгов: курьер царя» повлиял на французское общество на длительное время и был очень популярен во Франции и в Европе. Первая публикация романа была осуществлена в 1876 г. под заглавием «Михаил Строгов. Из Москвы до Иркутска». Впервые в России он вышел из печати лишь спустя четверть века — в 1900 г., в издательстве Ивана Дмитриевича Сытина, с сокращенным переводом и искажениями авторского текста. После этого роман не издавался много лет. Михаил Строгов, курьер на службе у царя Александра II, – смелый, ловкий и мужественный герой, способный обойти все препятствия ради государственного дела. Занимательны описания образа жизни россиян и их быта от Москвы до Иркутска, сделанные автором, никогда не посещавшим Россию.

Наряду с художественными произведениями, способствующими улучшению имиджа России и россиян, вышли путевые заметки Маркиза де-Кюстина «Николаевская Россия», неполное издание издательства политкаторжан в 1930 г., самая шокирующая книга о России. И в царской, и в советской России с полным текстом книги русский читатель мог ознакомиться только по французским оригиналам, нелегально ввезенным в страну.

Повествование де-Кюстина, талантливого писателя, о нравах высшего русского общества вызвало в России много отрицательных эмоций. В.А. Жуковский

даже назвал Кюстина собакой, однако не смог не признать того, что большая часть написанного соответствует действительности. Как и предшествующие авторы путевых заметок, писатель счел неприемлемым российский вариант самодержавия, автор высказал свое мнение о пагубности режима единоличной власти и чрезмерной централизации бюрократического аппарата для управления столь обширной территорией, как Россия.

Де-Кюстин отметил названные ранее отрицательные явления русской жизни, такие как варварство, нищета, бесправие, безмолвный страх и пьянство как забвение от тяжелой жизни. Писатель проанализировал историческую судьбу государства и представил в своей книге множество оправдавшихся прогнозов о будущем страны и ее взаимоотношениях с европейскими державами. Во Франции книга «Николаевская Россия» считается не столько обличительным памфлетом на конкретный режим, сколько глубокой социально-философской работой о государственном строе. Как и в XIX в., так и в XX и в XXI вв. книга вызывает споры. Некоторые российские исследователи и сегодня рассматривают книгу де-Кюстина как пример русофобии и необъективного взгляда на Россию той эпохи.

Рамки данной статьи не дают возможности рассмотреть ряд произведений о России XIX в., как положительно, так и отрицательно повествующих о России и россиянах. Остается фактом, что «*Франция испытывает к России смешанное со страхом влечение. Россия – это нечто огромное, далекое, таинственное и волнующее. <…> Россия волнует и смущает своей двойственной природой. Это страна Севера, которую символически отождествляют с холодом и смертью*» [18, p. 551-554].

Вымышленный русский мир, который создавался на протяжении XVIII и XIX вв., плавно перетекает в XX и XXI вв.

Нобелевский лауреат 2014 г., современный французский классик Патрик Модино в романе «Улица Темных лавок» с любовью и пониманием трагедии создал образ российской аристократии. Автор показал трагедию русских, вынужденных эмигрировать во Францию и доживать на чужбине свою жизнь. При создании образа он не избежал стереотипов при описании русских (все русские женщины русоволосые красавицы с раскосыми зелеными глазами, русские даже в ресторане заказывают огурцы; автор не забывает и о русских березках).

Образ русской женщины появляется во многих произведениях современных писателей. Фредерик Бегбедер, проживший в России год, а значит, очевидец российской жизни, в книге «Идеаль» повторяет стереотип о красоте русских женщин, приравнивая ее к богатствам России: «*Русская красота не сводится к литературе и лесам, основной ее параметр – женщины. Мы много говорим о залежах углеводородов в этой стране, не замечая главного ее богатства*» [1, с. 7].

Андрей Макин, французский писатель, русский по происхождению, в романе «Французское завещание», удостоенного престижной Гонкуровской премии, конструирует образ России, используя французские стереотипные представления о России, такие как медлительность, покорность и смиренность: «*Россия, как медведь после долгой зимы, проснулась во мне. Россия безжалостная, прекрасная, абсурдная, единственная. Россия, противостоящая остальному миру своей мрачной судьбой*» [15, p. 204]. Сравнение России с медведем не теряет своей актуальности и в XXI в.

В 2007 г. вышел «Русский роман» Манюэля Каррера, сына историка и академика Эллен Каррер, посвященный деду Каррера по материнской линии, эмигрировавшему во Францию после Октябрьской революции 1917 г. и работавшему в годы Второй мировой войны переводчиком у нацистов. После освобождения Франции он был арестован и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Автор, проживший в России более года, рисует резко отрицательный образ страны, добавляя к мифу о России ряд деталей, в том числе коррумпированность и преступность на бытовом уровне. В его романе представлен национальный характер

русских, характеризующийся странной смесью жестокости, доброты, пьянства, анархии, неистребимой радости жизни, добровольного рабства, тупого упрямства и неожиданной тонкости.

Проанализировав ряд произведений, начиная с XVIII в. и до наших дней, был сделан вывод, что мифологизация России создана из различных образов России в доступных, понятных и предельно простых формах без учета своеобразия российского народа и России, это мифологический образ «другого», «чуждого», «инородного» для Франции. Представленные стереотипы в большинстве своем содержат отрицательные оценочные характеристики, окрашенные идеологически, они не соотносятся с системой ценностей французского социума, который позиционирует себя как европейский носитель культуры и обладает «комплексом превосходства».

Отмечено обеднение образа России и замалчивание некоторых сторон жизни страны как ранее, так и сейчас. Тиражируется суждение: русские – азиаты в Европе и европейцы в Азии. Таким образом, создается ошибочное общественное мнение о слабости России. По отношении к Российскому государству просматривается снисходительность, презрение и даже страх. Надо заметить, что некоторые отрицательные стороны российской жизни, к сожалению, соответствуют действительности.

Пространство России локализуется в основном в трех географических точках – Петербурге, Москве и Сибири, как прежде, так и сейчас. Зачастую происходит отождествление Сибири со всей Россией, что метафорически реализовывает идею бескрайности, снега и холода, а также несвободы как определяющей черты российской действительности.

Что касается литературных произведений XX-XXI вв., то в них сохраняется стереотипное изображение России по причине легкости восприятия читателем, а также из-за придания повествованию декоративности и экзотизма. Россия в художественных произведениях выступает как фон и условная декорация.

Несмотря на стереотипные представления в изображении России, все литературные памятники служат свидетельством исторической и политической эпохи как ушедшего, так и настоящего времени.

Список источников

1. Бегбедер Фредерик. Идеаль. М.: Иностранка, 2007.
2. Жюльверкур. Балалайка. Русские народные песни // Сын отечества. 1837. № 12. С. 492-493.
3. Каррер Эллен д'Анкосс. Императрица и аббат: Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шапп д'Отроша. М.: Олма-Пресс, 2005. 463 с.
4. Кирпичников А. Всеобщая история литературы нового времени. Т. 4. СПб., 1892. 594 с.
5. Кюстин А. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990. 288 с.
6. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999; 2003. 214 с.
7. Олеария Адам. Путешествие в Московию, Тартарию и Персию. СПб., 1906. URL: http://vikent.ru/enc/7191
8. Ощепков А.Р. Массон Ш., его «Секретные мемуары» и «литература анекдотов» о России. URL: http://www.zpujournal.ru/zpu/contents/2011/1/Oshchepkov_Literature_of_Anecdotes/25_2011_1.pdf
9. Ощепков А.Р. Трыков В.П. Русский концентр во французском литературном сознании XIX века. URL: http://www.litdefrance.ru/199/1335
10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
11. Сталь Ж. Де. Путешествие по России // Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 208-209.
12. Каррер Д'Анкосс Элен. Императрица и аббат. Неизданная переписка. М.: Олма Пресс, 2005.
13. Abastado C. Mythes et rituels de l'écriture. Bruxelles, Editions Complexe, 1979.

14. Carrère Emmanuel. Un roman russe. P.O.L éditeur, 2007. 399 p.
15. Makine A. Le testament français. Barcelone: Novoprint, 2011.
16. Modiano Patrick. Rue des boutiques obscures. P.: Gallimard, 1978. 251 p.
17. Neboit-Mombet Janine / L'image de la Russie dans le roman français // Revue des études slaves. Paris. LXXV/3-4. 2004. P. 551-554.
18. Verne Jules. Michel Strogoff. P.: Bookking International, 1996. 346 p.

УДК 94(271)

Чумаченко Т.А.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1945-1953 гг.: БОРЬБА ЗА ПАСТВУ, ХРАМЫ И ИМУЩЕСТВО

Статья посвящена деятельности Русской православной церкви на международной арене в первое послевоенное десятилетие. Рассматриваются различные формы борьбы Московской патриархии с эмигрантскими объединениями за храмы и церковное имущество, перешедшего после 1917 г. в собственность различных православных объединений русской эмиграции. Подчеркивается, что, несмотря на то, что в условиях разворачивающейся холодной войны начался обратный процесс выхода из-под юрисдикции РПЦ присоединившихся к ней в 1945–1946 гг. приходов в различных регионах мира, Русская православная церковь смогла занять определенные позиции за границей, вернуть себе статус Матери-Церкви, имеющей в своей юрисдикции приходы в зарубежных странах.
Ключевые слова: Московская патриархия; Советское государство; русская эмиграция; имущество Русской православной церкви за границей; холодная война.

Chumachenko T.A.

THE MOSCOW PATRIARCHY AND ORTHODOX UNIONS OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN 1945-1953: THE STRUGGLE FOR CONGREGATION, TEMPLES AND PROPERTY

The article is devoted to the activities of the Russian Orthodox Church (ROC) on the international arena in the first postwar decade. Various forms of a fight for the temples and church property between the Moscow Patriarchate and the emigrant associations are examined, that passed into the ownership of various Orthodox Associations of Russian emigration after 1917. It is stressed that, despite the fact that under the conditions of the unfolding Cold War a reverse process of exit from within the jurisdiction of the ROC of parishes that joined it in 1945-46 in different parts of the world began, the Russian Orthodox Church has been able to take certain positions abroad and to regain the status of the Mother Church, which has the parishes in foreign countries within its jurisdiction.
Keywords**:** The Moscow Patriarchate; the Soviet state; Russian emigration; property of the Russian Orthodox Church abroad; the Cold War.

После революции 1917 г. и Гражданской войны церковная диаспора Российской церкви раскололась. В Югославии образовался новый центр Русской православной церкви – так называемый заграничный Архиерейский (Карловацкий) Синод, многие православные приходы и миссии за рубежом перешли под его юрисдикцию. Духовенство и прихожане некоторых епархий – например, во Франции, и приходы в некоторых других европейских странах, возглавляемые митрополитом Евлогием (Георгиевским), объединились в экзархат под юрисдик-

цией Константинопольского патриарха. Наконец, духовенство Североамериканской митрополии в соответствии с указом патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г. о самоуправлении оторванных от Матери-Церкви епархий объявило о своей временной автономии. В юрисдикции Московской патриархии к концу 1930-х гг. осталось всего несколько храмов в Европе и в США [9, с. 283], но связь с ними руководства РПЦ была прервана.

В годы Второй мировой войны патриотические настроения, охватившие русскую эмиграцию, известия об изменениях в государственно-церковных отношениях в СССР, непосредственное общение с духовенством Московской патриархии во время визитов 1945–1946 гг. делегаций РПЦ в страны США, Европы, Юго-Восточной Азии, в том числе и во главе с патриархом Московским Алексием на Ближний Восток в 1945 г., обусловили стремление верующих и духовенства зарубежных приходов воссоединиться с Русской православной церковью. Значимым был и тот факт, что руководство заграничного Архиерейского Синода скомпрометировало себя в глазах духовенства и верующих сотрудничеством с гитлеровцами и большая часть паствы порвала с ним [8, с. 596].

Возвращение под юрисдикцию РПЦ приходов и миссий по всему миру отвечало интересам и Московской патриархии и, безусловно, интересам советской власти, которая откровенно рассматривала приходы и духовенство РПЦ в качестве форпостов своего влияния за рубежом.

Однако итоги первых контактов показали, что реалии процесса воссоединения гораздо сложнее, чем виделось из Москвы после определенной эйфории, вызванной успешным проведением Поместного собора 1945 г.

Взаимное недоверие руководства Московской патриархии и духовенства евлогианских приходов привело к расколу паствы в Западной Европе. Оппозиционные настроения французской паствы вызвала прямая дезинформация со стороны Московской патриархии о том, что согласие Константинопольского патриарха на возвращение Парижского экзархата в лоно РПЦ уже получено [6, с. 231]. Недоверие Москвы нашло свое выражение в поспешном назначении «своих» архиереев без согласования с экзархом. Так, решением патриарха, закрепленным постановлением СНК СССР, викарным епископом в Париж без согласования с Евлогием был назначен епископ Фотий (Топиро) [1, ф. Р-6991, оп, 1, д. 80, л. 81]; бывшему карловацкому митрополиту Серафиму (Лукьянову) со стороны Московской патриархии оказывалась большее внимания, чем митрополиту Евлогию, так как считали, что митрополит Серафим «занимает более правильную позицию к Московской патриархии, чем зарубежные епископы…» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 30, л. 191].

Все это привело к недовольству верующих и сохранению оппозиционного к Москве экзархата в Париже под юрисдикцией Константинопольского патриарха [6, с. 232; 7, с. 245].

Переговоры о воссоединении с Московской патриархией православных приходов в США, возглавляемых митрополитом Феофилом (Пашковским), не дали ожидаемого результата. Причина заключалась в выдвинутых Московской патриархией ряде условий, в том числе и политических: клир и миряне должны были пообещать воздерживаться от антисоветских выступлений, а также прекратить всякие контакты с Карловацким синодом. В результате, лишь 50 приходов в США воссоединились с РПЦ, за пределами юрисдикции Московского патриарха в США осталось около 500 русских приходов [8, с. 598-599; 6, с. 251].

В Китае в октябре 1945 г. архиепископом Елевферием (Воронцовым) был подписан акт о воссоединении иерархов китайских епархий. Однако комплекс обстоятельств: жесткие условия присоединения (в частности, принуждение духовенства принять советское гражданство), вмешательство китайских властей (начальник Российской духовной миссии был арестован, китайское правительство признало законным начальником миссии карловчанина архиепископа

Иоанна (Максимовича) и здесь привели к расколу. Большая часть приходов вышла из-под юрисдикции РПЦ и вошла в организованную в 1946 г. Шанхайскую епархию, подчиненную Карловацкому синоду [5, с. 89, 98].

В Японии на 1946 г. верность Московской патриархии сохранил лишь один приход в Токио, возглавляемый священником Николаем (Оно). Однако юридически воссоединение этого прихода так и не было оформлено, так как делегация РПЦ не смогла выехать в Токио [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 80, л. 140].

На Ближнем Востоке Московская патриархия опиралась на «согласие» и «одобрение» Восточных патриархов объединить усилия по борьбе с карловчанами [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 30, л. 26, 29-31]. С трудом, но вопросы о возвращении церковной собственности РПЦ на Ближнем Востоке постепенно решались: в мае 1946 г. приход в Бейруте перешел под юрисдикцию Московского патриархата.

Трудности по воссоединению заграничных православных приходов с Московской патриархией в Москве связывали с активной деятельностью «анастасьевцев-карловчан». Материальная помощь и поддержка со стороны западных государств позволили главе Синода митрополиту Анастасию (Грибановскому) воссоздать Архиерейский Синод и продолжить борьбу с РПЦ за влияние в православных приходах. Призыв патриарха Алексия к покаянию, прозвучавший в его обращении от 10 августа 1945 г. «К архипастырям и клиру так называемой карловацкой ориентации» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 30, л. 48-53], был отвергнут Архиерейским собором в Мюнхене в мае 1946 г. [9, с. 89].

Патриарх Алексий предпринял попытку решить проблему правового положения заграничных приходов РПЦ. 1 января 1947 г. он подписал указ, в первом пункте которого заявлялось: «…Объявить, что действие Указа Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г. о самоуправлении оторванных от Матери-Церкви Епархий в настоящее время закончено…» [1, ф. Р-6991, оп. 2, д. 59 а, л. 9]. Указ был опубликован, но, как подчеркивает Д.В. Поспеловский, «прошел за рубежом почти незамеченным» [6, с. 460].

И все же, несмотря на то, что не все удалось реализовать, итоги деятельности Московской патриархии на международной арене в 1945–1946 гг. были впечатляющими. На начало 1947 г., по данным Совета по делам РПЦ (далее – Совет, СДРПЦ), с Московской патриархией воссоединились 285 приходов и 21 архиерей за границей [6, с. 477]. РПЦ вернула фактически утерянный с 1917 г. статус Матери-Церкви, имеющей в своей юрисдикции приходы в зарубежных странах.

Однако с началом холодной войны ситуация усложнилась. В условиях обострившейся международной обстановки направлять деятельность зарубежных приходов РПЦ стало невероятно трудно. Правительства Франции, США, Западной Германии и других стран «империалистического блока» всячески препятствовали деятельности приходов юрисдикции Московской патриархии: арестовывали духовенство, высылали активных членов, отказывали в выдаче виз на въезд представителей Московской патриархии и пр.

Именно по причине отказа правительств этих стран в выдаче виз не удалось укрепить ни материально, ни кадрами Западноевропейский и Американский экзархаты. В ноябре 1950 г. Совет информировал советское руководство относительно экзархата в США: «нет оснований рассчитывать на оживление и укрепление экзархата» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 606, л. 158]. К такому же выводу чуть позже Совет пришел, анализируя состояние дел в Западноевропейском экзархате: «перспектив для развития экзархата нет» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 118].

Оперативному решению вопросов жизнедеятельности зарубежных представительств мешали существующая в СССР громоздкая бюрократическая машина, долгие согласования в коридорах советско-партийного аппарата. Так, предложение Совета и патриарха Алексия перенести резиденцию Западноевропейского экзархата из Парижа в Берлин согласовывалось в правительстве и отде-

лах ЦК партии полтора года. Пока выяснялась целесообразность переноса, «владимирцы» и «карловчане» во Франции в результате судебных разбирательств сумели отобрать у экзархата несколько храмов [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 23].

Духовенство в зарубежных храмах и миссиях РПЦ находилось под угрозой репрессий не только со стороны «империалистических сил». Компетентные органы МИД, Комитет информации, МГБ также держали под контролем деятельность заграничного духовенства. С точки зрения советского руководства во главе представительств РПЦ были люди «в большинстве своем неустойчивые и ненадежные…» либо иностранные подданные, «формально признающие главенство Московской патриархии», либо принявшие советское гражданство во второй половине 1940-х гг. [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 112]. Полученные сигналы о сомнительных контактах и связях имели своим следствием рекомендации руководству Московской патриархии заменить того или иного архиерея. Так, архиепископ Берлинский и Германский Сергий (Королев), который, по информации Совета по делам РПЦ, не только не подписал Стокгольмское воззвание, но по существу солидаризировался с архиепископом Дибелиусом и его течением («…некоторые из его священников «являются агентами англо-американских разведок» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 605, л. 269-271]), решением Синода в сентябре 1950 г. был заменен епископом Борисом (Виком) и «перемещен» в СССР архиепископом Казанским.

Необходимость обновления кадрового состава священнослужителей в зарубежных представительствах РПЦ была актуальной задачей. Однако решить ее с помощью духовенства из СССР, с точки зрения Совета, не представлялось возможным. Большинство епископата в СССР, по мнению Совета, не могло быть «использовано» на заграничной работе и по политическим соображениям (судимость, пребывание на оккупированной территории), и по церковно-деловым (низкий культурный уровень, слабая богословская подготовка), и по состоянию здоровья – в силу преклонного возраста [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 113]. Те архиереи, которые «отвечали требованиям», сами не желали ехать на постоянную работу за границу [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 293, л. 39].

Синод РПЦ по предложению патриарха решил с начала 1949 г. организовать краткосрочные курсы при Московской духовной академии для подготовки духовенства к заграничной деятельности. Для этого было решено «затребовать от всех епархиальных архиереев списков на лиц, которые, по их мнению, могли быть использованы за границей...» [2, ф. 17, оп. 132, д. 6, л. 208]. Со своей стороны Совет дал задание всем уполномоченным на местах также обратить внимание на перспективных для работы за границей священнослужителей [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 288, л. 46].

Председатель Совета постоянно интересовался, как продвигаются дела с организацией курсов, рекомендовал «с большей энергией заняться этим вопросом». Курсы так и не были организованы. Основной причиной стала «невозможность подобрать на такие курсы необходимого контингента обучающихся» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 113].

Не нашло отклика Московской патриархии и предложение Совета перевести заграничное духовенство на твердые постоянные оклады. Получение патриархией валютного фонда, по мнению Совета, позволяло не только ввести постоянные оклады, но и добавить к ним процент «на дороговизну» (он был бы различным в разных странах: во Франции, например, 10 %, в Израиле – 100 %). Несмотря на обещание представить свои соображения в СДРПЦ, вопрос в патриархии так и не был решен [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 608, л. 66-67].

Такая пассивность – с точки зрения СДРПЦ – руководства Московской патриархии объяснялась бесперспективностью деятельности своих представительств за рубежом с точки зрения интересов церкви, а также и материальной обременительностью их содержания. Однако, как постоянно подчеркивал Совет, церков-

ное руководство «всегда принимало все рекомендации Совета», «беспрекословно и довольно умело проводило предложения Совета» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 123].

Совет постоянно и настойчиво побуждал руководство патриархии к активизации работы по организационному укреплению представительств РПЦ за рубежом. Вопросы о перспективах их существования были в центре внимания Совета, поднимались во время визитов в Совет патриарха и членов Синода, на расширенных совещаниях членов Совета с представителями Московской патриархии по вопросам внешней работы. Такие совещания состоялись в декабре 1951 г., в конце 1952 г. [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 751, л. 184-189; д. 875, л. 252-253].

В период 1948–1953 гг. продолжали свою деятельность представительства РПЦ за границей: Западноевропейский, Североамериканский и Восточноазиатский экзархаты; духовные миссии в Китае и в Иерусалиме; благочиния в Болгарии, Венгрии, Голландии, Синьцзяне, приходы в Германии, Дамаске, Бейруте и Вене; два прихода и два монастыря в Финляндии.

Судьбу представительств Московской патриархии решал именно Совет, и именно «с точки зрения государственных интересов». Безусловно, государственные интересы этой сферы корректировались международной обстановкой и трансформацией внешнеполитического курса советского руководства.

Так, ликвидация экзархатов в Европе и Америке с точки зрения государственных интересов была признана Советом нецелесообразной: «ликвидация укрепит силы враждебных группировок» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1013, л. 119-120].

Наличие духовной миссии РПЦ в Иерусалиме отвечало интересам СССР, с конца 1940-х гг. были приняты меры к ее организационному и материальному укреплению [4, с. 163; 1, ф. Р-6991, оп. 2, д. 99а, л. 44]. В период разрыва отношений с Израилем членам духовной миссии «…было разъяснено, что они должны остаться» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1015, л. 63].

Приход в Австрии следовало сохранить, но сократить на него ассигнования. Благочинию РПЦ в Синьцзяне (г. Кульджа) Совет, ссылаясь на положительное мнение консула МИД СССР, посчитал целесообразным продолжить деятельность [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 875, л. 189].

А вот благочиние в Голландии содержать за счет патриархии, по мнению СДРПЦ, не было надобности («обслуживает эмигрантов и вывезенных женщин, вышедших замуж за голландцев») [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1015, л. 63].

Судьба Восточноазиатского экзархата и Духовной миссии в Пекине была поставлена в зависимость от позиции новой демократической власти Китая. В 1952 г. миссия была ликвидирована [5, с. 116-135].

На совещании в декабре 1952 г. Совет рекомендовал руководству Московской патриархии перейти к «наступательной тактике» в межцерковных отношениях. В частности, было решено сформулировать ряд претензий к Константинопольскому патриарху и правительству Греции по вопросу о правовом положении монастырей на Афоне [2, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 171-172].

Такие претензии должны были разработать также Румынская, Грузинская и Болгарская церкви, имеющие на Афоне монастыри. Московской патриархии было рекомендовано обратиться к Румынскому патриарху с предложением «взять на себя инициативу по созыву специального совещания в Бухаресте для обсуждения вопроса о положении монахов на Афоне» [2, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 172].

В начале 1953 г. меморандумы о защите монастырей на Афоне были подготовлены и в Болгарии, и в Румынии. Во время пребывания делегации РПЦ в Болгарии на интронизации патриарха Кирилла патриархи Болгарский и Румынский заверили главу делегации РПЦ, «что готовы принять участие в обсуждении этого вопроса и ждут сигнала от Московской патриархии…» [1, ф. Р-6991, оп. 1, д. 1015, л. 80].

Однако события, произошедшие в СССР 3 марта 1953 г. и после, отодвинули проблемы, связанные с деятельностью Русской православной церкви. Новое

советское руководство уже иначе формулировало цели внешней политики, роль РПЦ на международной арене также представлялась по-другому.

Таким образом, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в отношении представительств РПЦ за границей деятельность Московской патриархии свелась к одному: в условиях сложной внешнеполитической обстановки постараться обойтись малыми потерями и сохранить зарубежные приходы в юрисдикции Московской патриархии как центры своего влияния и, главным образом, в интересах власти.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Российский государственный архив социально-политической истории.
3. Доклад об итогах работы Совета по делам РПЦ при СМ СССР за 1946 год от 14 февраля 1947 г. / публ. М.И. Одинцова, Т.А. Чумаченко // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 2. М., 2005. С. 455-486.
4. Императорское православное Палестинское общество: русский след на Святой Земле. Беседа с заместителем председателя ИППО Н.Н. Лисовым // Церковь и время. 2004. № 2. С. 147-177.
5. Поздняев Д. Православие в Китае. 1900-1997. М., 1998. 278 с.
6. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. 511 с.
7. Соловьев И.В. Дни примирения (Попытка воссоединения Русского Западноевропейского экзархата с Московской патриархией) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4-5. С. 232-245.
8. Цыпин В. История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. 831 с.
9. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2011. 480 с.

УДК 002.5 (94.47)

Шугайло Т.С.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕЧАТЬ В АМЕРИКЕ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В 40–80-е гг. XX в.

В статье рассматривается деятельность крупных изданий в Америке, выпускавшихся представителями русской эмиграции первой, второй и третьей волн, направленная на консолидацию русскоязычного сообщества за рубежом, способствовавшая сохранению национального культурного наследия России в период 1940–1980-х гг. Пресса позволяла соотечественникам в разных странах обсуждать на страницах изданий проблемы приобщения молодого поколения к культурным и духовным традициям. Периодика поддерживала общественно-политические инициативы представителей русской диаспоры и давала возможность объединяться для оказания помощи русским людям, попавшим в сложную ситуацию.

Ключевые слова: русская эмиграция в США; русская эмигрантская пресса; СССР; благотворительность; перемещенные лица.

Shugailo T.S.

THE RUSSIAN LANGUAGE EMIGRANT PRESS IN AMERICA AND ITS ROLE IN THE LIFE OF THE RUSSIAN DIASPORA IN 40–80s OF THE XX CENTURY

The article discusses the activities of the major editions in the United States, produced by the representatives of Russian emigration of the first, second and third waves and directed to the consolidation of the Russian-speaking community abroad, promoting the preservation of the national cultural heritage of Russia in the period

of 1940-1980s. The Russian press allowed the compatriots in different countries to discuss the problems of publications of familiarizing the younger generation to the cultural and spiritual traditions. The periodical press supported political initiative of representatives of Russian diaspora and made it possible to unite to help the Russian people, who are in a difficult situation.
***Keywords**:* russian emigration in the United States; the Russian emigrant press; the USSR; charity; displaced persons.

На американском континенте русская печать зародилась еще во второй половине XIX в. Ее основателем принято считать бывшего иеродиакона Православной миссии в Афинах Агапия Гончаренко (А. Гумницкого), выпускавшего в 1868 г. в США на русском и английском языках газету «Вестник Аляски» [14, с. 36; 18, с. 248]. В начале XX в. журналист и писатель И.К. Окунцов начал издавать в Нью-Йорке газеты, выходившие в дальнейшем на протяжении многих десятилетий, – с 1907 г. «Русский голос» и с 1910 г. «Русское слово» (в начале 1920-х гг. переименовано в «Новое русское слово») [18, с. 250–251]. В 1921 г. в Сан-Франциско появилась газета «Русская жизнь», позиционировавшая себя в последующие годы как издание внепартийное, русское национальное и антикоммунистическое [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 156, 256, 296; 24].

Русскоязычную прессу выпускали и представители послереволюционной или так называемой первой волны русской эмиграции. С 16 апреля 1933 г. в Нью-Йорке выходила монархическая газета «Россия», созданная полковником Императорской армии Н.П. Рыбаковым, участником Белого движения на востоке России, эмигрировавшим в США после 1922 г. [2, с. 439; 13].

Профессиональный уровень русской прессы в США повысился во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., когда в Америку приехали многие публицисты и издатели, покинувшие Россию после Октябрьской революции 1917 г. и проживавшие в странах Европы и Азии. В данный период в США эмигрировали и советские беженцы, которые внесли свой вклад в развитие русскоязычной периодики.

После завершения Второй мировой войны в русской зарубежной среде сохраняло влияние движение монархистов, выпускавших свои печатные издания. Так, с 1949 г. в Нью-Йорке выходил журнал «Знамя России», ставший одним из печатных органов Общероссийского монархического фронта [2, с. 560–561; 4, с. 194]. В 1950 г. в Лос-Анджелесе по инициативе общественно-политической организации «Русское Согласие» начал издаваться монархический журнал «Согласие» [19].

Данные издания, кроме газеты «Русский голос», стояли на антикоммунистических позициях. С началом в 1946 г. идеологического противостояния холодной войны между США и СССР, когда в американском обществе зазвучали лозунги антисоветской пропаганды, на страницах русской эмигрантской периодики усилилась критика политики советской власти.

«Русский голос» на протяжении холодной войны поддерживал Советский Союз, но в то же время сохранял лояльность США. Издание призывало Америку и СССР к установлению мирных и прочных отношений, существовавших при президенте Ф. Рузвельте в период Второй мировой войны [18, с. 257; 26].

Представители третьей волны русской эмиграции, приезжавшие в США с конца 1960-х гг. и изменившие творческий облик российской диаспоры, выпускали свои издания. Так, в начале 1980-х гг. на американском континенте зародились газеты «Новый американец», «Новая газета» («Новости»), «Панорама».

Без преувеличения можно сказать, что русскоязычные зарубежные издания в 1940–1980-е гг. играли важную роль в жизни русского сообщества, выполняя множество функций. Не случайно ряд общественных деятелей эмиграции назы-

вали отдельные издания и в целом русскоязычную прессу «голосом» и «общественным форумом» русской эмигрантской общественности [16]. Газеты и журналы, распространяясь на разных континентах, объединяли соотечественников, позволяя участвовать в решении общественно-политических вопросов, значимых для русского населения за рубежом. Представители творческой интеллигенции русского зарубежья сплачивались вокруг редакций русскоязычных изданий и, объединив усилия с благотворительными организациями, оказывали помощь русским эмигрантам, находившимся в сложных ситуациях. Нередко именно русские журналисты и публицисты становились инициаторами различных благотворительных мероприятий.

С началом Великой Отечественной войны многие русскоязычные издания в Америке, занимавшие «оборонческие» позиции, активно участвовали в патриотических акциях и сборах пожертвований в пользу СССР. В этот период газеты «Новое русское слово» и «Русская жизнь», несмотря на отрицательное отношение к коммунистической власти, считали необходимым поддерживать Советскую Россию в ее борьбе с фашистской Германией. «Новое русское слово» с 1 октября 1941 г. собирало подписи в Конгресс США, призывая оказать помощь Красной армии. Издание анонсировало патриотические митинги и концерты, которые устраивали русские эмигранты в Америке. В период с 28 марта по 3 мая 1942 г. газета проводила «Неделю доброты», собирая пожертвования для СССР [22].

«Русский голос» освещал деятельность Комитета помощи России в войне – благотворительной организации, в состав которой входили известные деятели культуры русской эмиграции: композитор С.В. Рахманинов, режиссер М.А. Чехов, композитор А.Т. Гречанинов, редактор «Нового журнала» М.М. Карпович, скульптор С.Т. Коненков и другие. Все они участвовали в сборах средств в пользу Советского Союза [11, с. 48].

В период с весны 1945 г. до первой половины 1950-х гг. русские эмигрантские издания в США на своих страницах обращались к соотечественникам с призывом помочь сотням тысяч русских «ди-пи», находившихся в непростых условиях в лагерях для перемещенных лиц в различных странах. Вместе с благотворительными организациями они проводили концерты, вечера, балы и другие мероприятия, позволявшие собрать денежные средства для переправки русских беженцев из Европы и Азии в некоммунистические государства. Эмигрантские издания также обращались к правительству США, призывая решить на законодательном уровне проблемы иммиграции тысяч советских беженцев.

Газета «Новое русское слово» для помощи «перемещенным лицам» уже в декабре 1945 г. по инициативе журналиста, писателя и редактора газеты А. Седых основала в Нью-Йорке Фонд срочной помощи, который в период до марта 1946 г. отправил нуждающимся более 100 продовольственных посылок [23]. В данный период под руководством А. Седых действовал и Литературный фонд, оказывавший финансовую поддержку представителям творческой интеллигенции русского зарубежья [6].

«Русская жизнь» поддерживала Берлинский комитет помощи русским беженцам, отправляя в организацию денежные пожертвования, посылки с одеждой и продуктами. Как отмечал председатель Комитета И. Сергеев, за все время деятельности организации вплоть до 1952 г. ею было получено через редакцию «Русской жизни» более 4686 марок, собранных изданием среди своих читателей [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 170].

В 1949–1953 гг. эмигрантские газеты и журналы в США обращали внимание общественности во всем мире на сложное положение русских беженцев из Китая, эвакуированных в 1949 г. на остров Тубабао. Газета «Россия» публиковала письма этих людей, рассказывавших о жизни в непростых климатических условиях, с частыми разрушительными тайфунами и тропическими болезнями, и призывала

оказывать «китайским» эмигрантам посильную помощь [12]. «Русская жизнь» также вместе с общественными организациями Калифорнии проводила колоссальную кампанию по сбору пожертвований в пользу «тубабаовцев» [16].

В этот период эмигрантские газеты и журналы обращались со своих страниц к русским американцам, давно обосновавшимся в США, с просьбой выписывать русским беженцам так называемые «аффидэвиты» (от англ. *affidavit* – поручительство) – гарантийные письма о предоставлении прибывающему лицу жилья и материальной поддержки, которые были необходимы для получения въездных виз в США. Благодаря этой деятельности в Америку приехали многие русские беженцы из стран Европы и острова Тубабао [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 347; 5, с. 6].

Журналист А. Седых в одном из интервью, рассуждая о задачах зарубежной прессы, заявлял: «Эмигрантская газета отличается от любой другой. Сюда люди всегда идут за помощью, как к бесплатному адвокату, советчику, ходатаю по чужим делам» [9]. Русскоязычные издания за рубежом выделялись своим тесным взаимодействием с читательской аудиторией и готовностью поддержать русских эмигрантов, оказавшихся в экстремальной ситуации.

Благодаря совместной деятельности редакции газеты «Русская жизнь» и ее читателей появился Фонд помощи русским туберкулезным. Все русскоязычные издания регулярно собирали пожертвования в пользу русских военных инвалидов зарубежья, оказывали помощь русским детям, неимущим и старикам [1, ф. 10143, оп. 44, кат. 8, к. 74; кат. 10, к. 639].

«Русская жизнь», «Новое русское слово» и другие эмигрантские издания в Америке активно выступили в защиту советского беженца, писателя Р.М. Акульшина, въехавшего в США в 1950 г., как и многие другие граждане СССР, желавшие избежать репатриации, по подложным документам, назвавшись польским гражданином Березовым. Спустя некоторое время, писатель решил восстановить свою настоящую фамилию и чуть не лишился гражданства. Благодаря заступничеству А.Л. Толстой, главного редактора «Нового русского слова», М.Е. Вейнбаума, собравшего через газету 10 тысяч подписей в защиту Акульшина, и других деятелей эмиграции, писателю удалось избежать депортации. В дальнейшем после подобного выступления Федеральный конгресс принял закон, позволивший проживать в США более 20 тысячам «березовцев» [7; 18, с. 186].

Антикоммунистические газеты и журналы в Америке на протяжении всего периода «холодной войны» выступали против русофобской риторики в западном обществе. Издания в своих публикациях призывали американскую общественность не использовать понятия «русский» и «Россия» в ходе критики коммунистической системы и политики советской власти.

В 1970–1980-е гг. эмигрантская пресса печатала сообщения о работе Конгресса русских американцев (КРА), защищавшего права этнических русских и способствовавшего сохранению культурных ценностей России [15, с. 132]. Совместно с КРА и рядом других антикоммунистических эмигрантских организаций издания требовали изменить «Закон о порабощенных нациях» (P.L. 86-90), принятый в США в 1959 г. [25].

Антикоммунистические издания, и в том числе газеты и журналы русской эмиграции третьей волны, осуждали русофобию, вспыхнувшую в США с новой силой в первой половине 1980-х гг. с началом советской военной операции в Афганистане. В данном движении активно участвовала газета «Русская жизнь», главный редактор которой Н.Н. Петлин являлся председателем коалиции российских национальных организаций в Сан-Франциско, созданной в 1980 г. и объединившей русские национальные антикоммунистические организации. Издание в данный период освещало деятельность коалиции, боровшейся с предвзя-

тым отношением к русскому народу и поддерживавшей идею создания сильной, единой и неделимой России без коммунизма [17].

Коммунистическая газета «Русский голос» в США на своих страницах осуждала не только русофобию, но и антисоветизм. Данное издание не делало различий между терминами «русский» и «советский», СССР и Россия, и предлагало преодолевать отрицательные стереотипы и установки в Америке о России за счет расширения связей и установления тесного информационного обмена между сверхдержавами.

Русскоязычные издания за рубежом помогали эмигрантам разных волн приспосабливаться к новым условиям в незнакомой стране. Газеты и журналы рассказывали об особенностях законодательства США, о ценностях американского общества, сообщали о ситуации на рынке труда.

Русскоязычная периодика в США способствовала сохранению национального культурного наследия России и православных традиций в эмиграции. Газеты и журналы сообщали об общественно-культурных мероприятиях, которые проводили представители русской диаспоры в Америке и на других континентах. В «Русской жизни» и в «Знамени России» после 1950-х гг. регулярно печатались материалы корреспондента М.М. Спасовского, рассказывавшего о вечерах Русского клуба в Сиднее [20]. «Русская жизнь» освещала творческие «Вторники», так называемые «чашки чая», и концерты, которые в Сан-Франциско устраивал Русский центр – общественная организация, созданная представителями российской диаспоры в 1939 г. [27].

Русскоязычная пресса в Америке принимала деятельное участие в организации и проведении праздников, объединявших разные поколения эмигрантов. День русской культуры был приурочен ко дню рождения национального поэта А.С. Пушкина и отмечался российским сообществом во всем мире. Такие праздничные мероприятия посещали не только послереволюционные эмигранты, но и послевоенные беженцы [10]. Эти люди, воспитанные в советских традициях, оказавшись в западных странах и в Америке, постепенно впитывали культурные и религиозные ценности, хранимые представителями русской эмиграции первой волны [18, с. 211].

Издания, выпускаемые послереволюционными эмигрантами, ставили перед собой основную задачу – помочь молодежи русского зарубежья сохранить память об Императорской России. На страницах этих газет и журналов регулярно выходили биографические материалы о жизни российских императоров, о деятельности известных русских писателей, художников и музыкантов. Газеты «Русская жизнь», «Новое русское слово», «Россия», журналы «Согласие» и «Знамя России» неоднократно писали о необходимости воспитания молодежи за рубежом в русском национальном духе и православных традициях.

Задумываясь о будущем российской диаспоры в Америке, представители послереволюционной эмиграции в период второй половины XX в. не оставляли надежды на то, что молодое поколение русского зарубежья увидит новую Россию без большевиков и внесет определенный вклад в дело возрождения родной страны. «Мы, старые русские, хотим верить в воскресение России, – писала журналистка О.К. Свир. – Вернутся ли тогда наши потомки на Родину своих предков – нам неизвестно, но надо думать, что те из них, в которых будет говорить русская кровь, вернутся в Россию и будут служить ей верой и правдой; те же, которые утвердятся в Америке и ассимилируются с американцами, пусть не забывают своего русского происхождения и гордятся им, если же забудут, – они будут для России только опавшие листья» [21, с. 44].

Представители русской эмиграции третьей волны ценили культуру дореволюционной России и, в то же время, испытывали огромный интерес к духовным достижениям СССР. Так, газета «Новый американец» в 1981 г. сообщала на

своих страницах о готовящейся в Москве выставке мастеров русского авангардизма и абстракционизма XX в. [8]. «Панорама» рассказывала о прошедшем в Калифорнийском университете в августе 1982 г. симпозиуме, на котором слависты и ученые-эмигранты обсуждали развитие балета и рассматривали проблемы кинематографии в СССР [3]. Деятели русской эмиграции третьей волны, воспитанные в СССР, в отличие от многих представителей послереволюционной эмиграции правого толка, не разграничивали понятия «русский» и «советский», «дореволюционная Россия» и «Советский Союз».

Русская периодика в США, зародившись во второй половине XIX в., развивалась в сложных экономических и политических условиях. Русскоязычные издания в период 1940–1980-х гг. существовали в основном на поступления от подписки, а также пожертвования читателей и меценатов, при этом постоянно испытывали финансовые трудности. В большинстве случаев эмигрантская пресса выходила благодаря энтузиазму и жертвенности отдельного общественного деятеля или группы лиц. Между тем печатное слово имело большое значение в жизни русского сообщества за рубежом.

Газеты и журналы информировали русскую общественность о ситуации на родине и в мире, освещали положение русскоязычного населения на разных континентах, помогали эмигрантам быстрее адаптироваться в новых реалиях. Крупные издания, распространявшиеся во многих странах, объединяли русских людей на почве общности их культурных и политических интересов, позволяя совместно проводить различные общественные мероприятия, способствовали развитию русских национальных организаций, активному участию в решении вопросов, касающихся судеб соотечественников за рубежом, а также участию в благотворительной деятельности.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биограф. словарь / под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден, Сан-Франциско, СПб., 2005. 599 с.
3. Альтшуллер М. Русский симпозиум в Южной Калифорнии // Панорама. Лос-Анджелес. 1982. 27 августа – 3 сентября.
4. Базанов П.Н., Кремнев С.С., Кузнецова Т.В. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энциклопедический справочник. СПб., 2005. 336 с.
5. Балакшин П. Дела газетные // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1981. 22 августа.
6. Вайнберг В. Я рад быть частью истории! // Новое русское слово. Нью-Йорк. 2010. 16 апреля.
7. Вейнбаум М. Пятьдесят лет // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1985. 12 апреля.
8. Выставка русского авангарда в Пушкинском музее // Новый американец. Нью-Йорк. 1981. 31 мая - 6 июня.
9. Газета – мое призвание, моя любовь // Новое русское слово. Нью-Йорк. 2010. 16 апреля.
10. День русской культуры в Нью-Йорке // Россия. Нью-Йорк. 1950. 17 мая.
11. Евдокимова Г.И. «Русский Голос» в Америке. Минск, 1990. 61 с.
12. Загорский А. Новая трагедия тубабаовцев // Россия. Нью-Йорк. 1951. 19 мая.
13. Знаменский Г.А. Ко дню газеты «Россия» // Россия. Нью-Йорк. 1969. 31 октября.
14. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. 490 с.
15. Литвинова Г. Русские американцы // Наш современник. 1992. № 12. С. 123-134.
16. Лукашкин А.С. Pro doma sua // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1981. 22 августа.
17. Манифестация в г. Сан-Франциско // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1980. 20 июня.
18. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этноист. очерк. М., 2005. 421 с.
19. Носков И. Об общественно-политическом значении журнала «Согласие» // Согласие. Лос-Анджелес. 1953. январь.
20. Русский клуб в Сиднее // Знамя России. Нью-Йорк. 1965. январь.

21. Свир О. Что такое русскость? // Согласие. Лос-Анджелес. 1975. май.
22. Семочкина Е.И. Газета «Новое русское слово» – организатор патриотических акций русской диаспоры в США в начале Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/gazeta-novoe-russkoe-slovo-organizator-patrioticheskih-aktsiy-russkoy-diaspory-v-ssha-v-nachale-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 22.09.2016).
23. Фонд срочной помощи // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1946. 24 марта.
24. Франкьен И. Газета «Русская Жизнь» // Русские в Калифорнии: иллюстрированный справочник. Т. I. Сан-Франциско, 2012.
25. Хроника Конгресса Русских Американцев // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1980. 2 августа.
26. Яхонтов В. Русская печать в Америке // Русский голос. Нью-Йорк. 1987. 22-29 января.
27. 364-й «Вторник» русского центра // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1953. 23 июня.

Раздел 2. Китай в истории русской эмиграции

УДК 94(20)

Ван Юе

ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА СЕГОДНЯШНИЙ ХАРБИН

В конце XIX в. по мере прокладки Китайско-Восточной железной дороги, достаточно много мигрантов приехали в город Харбин и долгое время жили в нем. Одновременно они принесли с собой развитую западную культуру, финансовые ресурсы, передовую технику, что создало благоприятные материальные и духовные условия для развития Харбина и ускорило процесс его модернизации. В течение более ста лет русские эмигранты создавали богатое наследие и особую культуру эмигрантов, оказавшую большое влияние на сегодняшнюю жизнь города.

Ключевые слова: русские эмигранты; наследие культуры; Харбин; влияние; развитие.

Wang Yue

INFLUENCE OF HERITAGE OF CULTURE OF THE RUSSIAN EMIGRANTS ON TODAY'S HARBIN

In the late nineteenth century as laying the Chinese Eastern railway, a lot of migrants have arrived in Harbin and lived a long time here. At the same time they brought with them a developed western culture, financial resources, advanced machinery, which created favorable material and spiritual conditions for development of Harbin and accelerated the process of its modernization. For over a hundred years the Russian immigrants created a rich heritage and special culture of immigrants, which had a great impact on today's life.

Keywords: russian emigrants; heritage culture; Harbin; influence; development.

Наследие культуры русских эмигрантов в Харбине можно условно дифференцировать на материальное и нематериальное, что выразилось, с одной стороны, в развитии образования, культуры, музыки, искусства и т.д., а с другой стороны – в стимулировании туристской отрасли Харбина.

Ценность наследия культуры русских эмигрантов. В этой работе под культурой мигрантов имеется в виду культура, созданная русскими эмигрантами в городе Харбине, возникшая в особый исторический период и влияющая до сих пор на историко-культурный облик города, его экономический и социальный уклад.

В первую очередь необходимо уточнить определение и исторические рамки описываемого явления. Культура русских эмигрантов возникла в особый исторический период, в конце XIX – начале XX в., во время прокладки Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В этот период достаточно много эмигрантов приехало в Харбин. Они развернули разнообразную культурную деятельность, что способствовало бурному развитию города в таких сферах, как образование, наука, литература, искусство, промышленность, коммерция, строитель-

ство, сервис и т.д. Особенно большое влияние они оказали на культурное развитие города и его общественную жизнь.

Наследие культуры русских эмигрантов в Харбине обладает огромной ценностью в истории, искусстве и науке. Историческая ценность состоит в том, что культура русских эмигрантов является наследием истории, свидетельствующей о развитии Харбина. Ценность искусства заключается в том, что русская культура, которую принесли русские эмигранты (русская литература, архитектура в русском стиле, русская кухня, наряды и украшения, образование, рисование, музыка и т.д.), значительно обогатила гуманитарный пейзаж Харбина и сделала его восточным городом Китая с ярким зарубежным колоритом. Безусловно, это гуманитарное влияние на город чувствуется до сих пор.

В изданиях и письменных свидетельствах русских эмигрантов Харбина ярко описана политическая, экономическая и культурная ситуация того времени. Эти материалы послужили основой для исследования географии и экономики северо-восточного района Китая, изучения вопроса о русских эмигрантах в Харбине, а также проблемы отношений между Китаем и Россией.

Среди изданных материалов особый интерес представляют сообщения об экономической обстановке в районе Маньчжоу-Го, журналы памятников культуры исследовательской комиссии восточной провинции, издания музеев в Харбине и т.д. Эти материалы являются важным свидетельством реальности социального развития Харбина и северо-востока Китая.

Сегодня в библиотеке Харбина находится богатая коллекция работ русских эмигрантов, но она недоступна для читателей. Доступ к этой коллекции для ученых и широкой общественности будет играть важную роль в дальнейшем изучении истории, культуры, экономики, общественной жизни Харбина и Китая в целом. Однако китайские ученые пока далеко не полностью осветили материалы, оставленные русскими учеными. Главная причина этого – недостаточное знание русского языка. Многие специалисты-историки не знают русского языка, а владеющие русским языком – не специалисты по истории. К сожалению, по этой причине многие материалы архива оказываются невостребованными.

Влияние наследия культуры русских эмигрантов на социальную жизнь Харбина. В начале прошлого века Китайско-Восточная железная дорога позволила русским эмигрантам непрерывно приезжать в Харбин. Русские эмигранты привезли в город переселенцев новейшую зарубежную культуру. Культура русских эмигрантов Харбина сильно влияла и влияет до сих пор на общественную и экономическую жизнь города.

Влияние нематериального наследия культуры русских эмигрантов на социальную жизнь Харбина. Культура русских эмигрантов является неотъемлемой частью специфики Харбина, который в 1920-х гг. стал открытым портом. В это время культура русских эмигрантов распространяется по городу, постепенно формируется особая городская среда с особым русским колоритом.

Культура русских эмигрантов Харбина включает в себя материальное и нематериальное наследие. Нематериальное наследие, в свою очередь, состоит из культуры музыки, образования, питания и проч. Благодаря строительству Китайско-Восточной железной дороги Харбин познакомился с русской музыкой, которая до сих пор пользуется большой популярностью. В процессе соединения западной и восточной культур в Харбине создается особая музыкальная среда.

Русские эмигранты в Харбине открыли первую музыкальную школу, учреждения искусства, создали первый симфонический оркестр, первую балетную труппу. Сегодня на улице Чжунъяндацзе везде и всюду можно слышать переливающуюся русскую музыку. Звуки этой музыки сразу снимают усталость от дневной суеты.

Каждые 2 года с 6 по 15 августа проходит фестиваль «Лето в Харбине», который продолжается 10 дней. В эти дни известные музыканты Китая и зарубежных стран собираются здесь. Мероприятие впервые состоялось в 2010 г. в Харбинском большом театре, на нем можно было увидеть балет, оперу, танцевальную драму и т.д. Большой театр становится знаковой стройкой Харбина, можно сказать – это продолжение влияния культуры русских эмигрантов на сегодняшний Харбин и его культурный облик.

Хлеб «Чурин», харбинская колбаса и другие кулинарные изделия, которые до сих пор любят горожане, стали визитной карточкой города. В 1900 г. русский коммерсант открыл в Харбине первый пивоваренный завод Китая, с тех пор Харбин варит пиво. Сегодня Харбинское пиво распространяется по всей стране, каждый год в июле организуется фестиваль пива, который становится настоящим праздником для харбинцев и гостей города.

Известные соревнования по зимнему плаванию устраиваются в Харбине в январе каждого года и привлекают много любителей зимнего плавания из нашей страны и из-за рубежа. Ныряние в прорубь в праздник православного Крещения придает городу зимний шарм и привлекательность.

Одновременно важную роль сыграли русские эмигранты в развитии современного образования Харбина. Из их идей и моделей образования сложилась особая культура образования. В 1898 г. перед открытием движения по КВЖД русские эмигранты открыли первую школу, это была первая городская начальная школа Харбина. В дальнейшем были открыты детские сады, начальные школы и техникумы, которые готовили специалистов для КВЖД. Русские эмигранты принесли новую модель образования, которая заменила традиционную (частная домашняя школа) и улучшили городскую гуманитарную среду. Стоит отметить, в 1920 г. был основан китайско-русский политехнический институт, который в 1928 г. был переименован в Харбинский политехнический институт. Каждый год он выпускает квалифицированных специалистов в области авиации и до сих пор занимает важное место в образовании высшего уровня нашей страны.

Влияние материального наследия культуры русских эмигрантов на социальную жизнь Харбина. Материальное наследие культуры русских эмигрантов включает в себя книгоиздание, архитектурные памятники, общественное кладбище русских эмигрантов и т.д. Всему Китаю известна пешеходная улица, представляющая собой художественную галерею, Софийский собор, Харбинское управление железной дороги, музей Хэйлунцзянской провинции, памятник Победы над наводнением, Компания «Чурин» на улице Восточный Да чжицзе, Дом культуры железной дороги Харбина. В архитектуре города ярко проявляется русская культурная специфика, формирующая красивый пейзаж города и привлекающая туристов.

Наследие русских эмигрантов прямо и опосредованно влияет на развитие туризма в Харбине сегодня. На Солнечном острове располагается центр творчества русских художников. Здесь посетители могут близко почувствовать настоящий колорит русской живописи. Кроме того, на острове можно прикоснуться к русской культуре: узнать технологию создания загадочной куклы-матрешки, приобщиться к задорной русской народной песне и пляске, попробовать настоящее русское жареное мясо. С историей русского быта и деревянного зодчества можно познакомиться, побывав в квартире, обставленной в русском стиле, которая хорошо сохранилась до сих пор. На пешеходной улице расположено более 20 западных ресторанов. В ресторане «Хуа Мэй» можно попробовать настоящую русскую кухню.

Туризм становится новой движущей силой роста экономики города. С прошлого года Харбин получил звание одного из десяти городов развивающегося туризма в рамках проекта «Один пояс – один путь». Плотность историко-

культурного пространства города, праздники весны и зимы, зимнее плавание, русская экзотика становятся главным стимулом для привлечения туристов из Китая и других стран.

В 2012 г. в городе побывало 50,764 млн туристов (увеличение турпотока на 11,2 %). Вутренний туризм вырос на 11,3 %. За год общий доход от туризма (55,43 млрд юаней) увеличился на 20,8 %, в том числе от внутреннего – на 22,1 %. Доход в иностранной валюте составил 11 млн дол. США. В 2013 г. город принял 55,475 млн туристов из страны и из-за рубежа, что говорит об увеличении на 9,3 %. Внутренний туризм (55,264 млн) вырос на 9,4 %. За год общий доход в области туризма (66,85 млрд юаней) увеличился на 20,6 %, а от внутреннего – на 21,1 %. Доход в иностранной валюте составил 98,207 млн дол. США. В 2014 г. город принял 60,102 млн туристов из страны и из-за рубежа, это говорит об увеличении на 8,3%. Внутренний туризм (59,896 млн) вырос на 8,4 %. За год общий доход в области туризма (78,69 млрд) увеличился на 17,7 %, а от внутреннего – на 17,8 %. Доход в иностранной валюте составил 10,5 млн дол. США.

2016 был годом культурного обмена между Китаем и Россией. По статистическим данным, ежедневный пассажиропоток, включающий внутренний и внешний туризм, вырос до 100 тыс. Большинство иностранных туристов приезжают из России, Японии, Южной Кореи. В течение золотой недели – праздника Весны – в 2016 г. количество туристов, прибывших в город из соседних провинций Китая и из других стран, достигло 55 % от общего количества туристов, что по сравнению с аналогичным периодом прошлого года показало рост на 10 %. За 2016 г. в Харбин приехало 64,909 млн туристов. Общий доход от туризма составит 90,79 млрд юаней, что демонстрирует рост по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 15,4 %.

Проанализировав эти данные, можно заметить, что город непрерывно развивается и это благоприятно сказывается на экономике всей страны и стимулирует ее развитие.

Наследие культуры русских эмигрантов обладает несомненной исторической, научной, экономической и социокультурной ценностью. Кроме того, мы полагаем, оно обусловливает развитие туристской отрасли Китая. Надеемся, что сотрудничество в сфере торговли и туризма между Китаем и Россией усилится, что обогатит туристский потенциал Харбина, а также будет способствовать развитию партнерства в культурной, образовательной, экономической сферах.

Список источников

1. 李春艳,彭传怀. 哈尔滨俄侨文化遗产的价值[J].边疆经济与区域文化, 2015(2)。

2. 久负盛名的哈尔滨之夏音乐会[J].资料信息, 2009(02).

3. 哈尔滨市统计局：2012、2013、2014年哈尔滨市国民经济和社会发展统计公报

4. 哈市旅游业进入历史最好时期[N]. 哈尔滨日报, 2016-02-16.

5. 魏秋生. 哈尔滨的俄罗斯风情[J]. 黑龙江史志, 2004(1).

6. 陈俊东. 文化遗产的价值分析及其保护路径[N]. 湖北日报, 2007-05-24.

УДК 93/94(510.1)

Галлямова Л.И.

К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена вопросу изучения деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Автор акцентирует внимание на том, что БРЭМ по своей масштабности, количественному охвату эмигрантов, объему решаемых задач и разнообразию функций являлось уникальной структурой и не имело аналогов в российском зарубежье. В статье рассматриваются точки зрения на дискуссионные вопросы о независимости БРЭМ и об источниках финансирования его деятельности. Подчеркивается, что главная трудность, с которой сталкиваются историки при исследовании данной темы, заключается в степени доступности источников, разбросанности документов по многочисленным архивохранилищам, в том числе зарубежным. Именно поэтому для воссоздания объективной истории российской эмиграции, ее харбинской ветви и БРЭМ в частности, необходимо объединение усилий исследователей разных стран: России, Китая, Японии и др.
Ключевые слова: Россия; СССР; российская эмиграция; Маньчжурская империя; БРЭМ; Маньчжоу-Го; японская разведка; Харбинская японская военная миссия – ЯВМ; структура и деятельность БРЭМ; источники финансирования; дискуссионные вопросы изучения.

Galliamova L.I.

TO THE ISSUE OF COVERAGE THE ACTIVITIES OF THE BUREAU FOR RUSSIAN EMIGRANTS IN MANCHURIA

The article is covering the topic of studying the activities of the Bureau for Russian Emigrants in Manchuria (BREM). The author emphasizes the fact that BREM was a unique structure based on its scale, the number of emigrants covered, the number of issues addressed and the diversity of functions, and had no analogues among Russian organizations abroad. The article discusses points of view on the discussion topics such as the level of BREM's independence and its sources of financing. The article stresses that the main difficulty that historians face when studying this topic is the level of accessibility of historic sources, and the fact that many documents are dispersed across various archives, including foreign archives. That's why in order to recreate an objective view on the history of Russian emigration, its Harbin branch and BREM specifically, it's necessary to join forces of the scholars of various countries: Russia, China, Japan and others.
Keywords: Russia; USSR; Russian emigration; Manchurian Empire; BREM; Manchugo; Japanese military intelligence; Harbin Japanes military mission – JMM; structure and activities of BREM; finance sources; discussion topics of study.

В отечественной историографии изучение истории российской эмиграции в Китае испытало огромный подъем на рубеже XX–XXI вв. В центре внимания исследователей оказались разнообразные вопросы этой большой и многогранной темы: особенности дальневосточной российской эмиграции, русские женщины и русские эмигрантские объединения в Маньчжурии, российская научная и техническая интеллигенция в Китае, казачья эмиграция и роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Северо-Восточного Китая, Харбинский комитет помощи русским беженцам, БРЭМ и его деятельность и т.д.

Последний вопрос – о деятельности БРЭМ и его роли в жизни русских эмигрантов в Китае, – несомненно, важная тема. Она актуализировалась в первую очередь в связи с ее «международным» звучанием, привлекающим к ней интерес специалистов из разных стран – России, Японии, Китая и других, а также с точки зрения ее недостаточной изученности.

Многочисленная российская эмигрантская диаспора в Маньчжурии к началу 1930-х гг. так и не смогла объединиться. Процессу консолидации мешали идеологическое противостояние и амбиции ее политических лидеров, хотя отсутствие единого руководящего центра крайне затрудняло возможности защищать соотечественников перед официальными властями. В 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, а в 1932 г. создано государство Маньчжоу-Го, реальная власть в котором была у японцев. Японская администрация почти сразу предприняла шаги для установления действенного контроля над многочисленным русским населением Маньчжоу-Го. Японской разведкой был разработан план объединения российских эмигрантов в одну политическую организацию. Большая роль в реализации этого плана принадлежала Харбинской японской военной миссии – ЯВМ. При этом в своих агрессивных планах против СССР Япония важную роль отводила русской белоэмиграции и именно с этой целью стремилась объединить все эмигрантские организации в одну, поставив под свой контроль российскую диаспору [5, с. 87-89].

Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи — БРЭМ было учреждено 28 декабря 1934 г. Перед этой структурой был поставлен целый ряд задач: 1) регистрация всех эмигрантов, проживающих в Маньчжурской империи и снабжение их «личными книжками» (удостоверение личности российского эмигранта в Маньчжурской империи); 2) проверка благонадежности эмигрантов; 3) проверка граждан СССР, желающих перейти в эмигрантский статус; 4) создание аппарата центрального и местного руководства (с 1935 г. идет быстрая организация отделений Бюро во многих населенных пунктах Маньчжурии); 5) создание переселенческих поселков; 6) подчинение Бюро всех эмигрантских политических организаций; 7) подготовка кадров железнодорожников для КВЖД, покупаемой у СССР; 8) создание финансовой базы Бюро; 9) объединение всех бывших военных из монархических организаций «Российский общевоинский союз» и Организация «легитимистов» в «Дальневосточный союз военных» во главе с генералом А.В. Кислициным [8, с. 144].

Вначале БРЭМ объединил 142 (общественно-политические, корпоративные, национальные, культурно-просветительные и религиозные) организации российских эмигрантов, но к концу декабря 1935 г. в БРЭМ было зарегистрировано уже 163 эмигрантские организации в Маньчжурии [7, с. 176; 2, с. 260]. В это же время Бюро имело 8 отделений в Маньчжоу-Ди-Го (на станциях Пограничная, Ашихэ, Цицикар и др.), в него входило семь отделов, которые занимались поселением желающих на землю, информационной, агитационной, культурно-просветительной и спортивной работой, финансово-хозяйственными делами. На местах БРЭМ имело 12 отделений и 41 представительство. Начальниками отделов были утверждены К.В. Родзаевский, Н.Р. Грассе, М.Н. Гордеев, Н.П. Чистосердов, А.М. Косакин, В.А. Кислицин, М.А. Матковский. БРЭМ состояли из 85 штатных работников и свыше двухсот внештатных служащих и секретных агентов. Возглавляли бюро последовательно генералы В.В. Рычков, А.П. Бакшеев, В.А. Кислицин (последний занимал этот пост с 1937 по 1943 г.). В Бюро по делам российских эмигрантов в 1942 г. на учете состояло 57,7 тыс. бывших россиян [3, с. 51; 4, с. 52]. В 1944 г. помимо Главного бюро (Харбин) существовало 5 бюро (Дайрен, Мукден, Синьцзин, Цзямусы, Сахалян), 3 районных бюро (Захинганское, Цицикарское и Восточное), 4 отделения и 32 представительства БРЭМ, а штат сотрудников только Главного бюро вырос с 205 человек в 1936 г. до 335 в Главном бюро

и 545 на местах в 1944 г. Таким образом, по своей масштабности, количественному охвату эмигрантов, объему решаемых задач и разнообразию функций Бюро являлось уникальной структурой и не имело аналогов в российском зарубежье [2, с. 260; 1, с. 140].

В специально опубликованном правительством Маньчжоу-Го распоряжении относительно создания БРЭМ указывалось, что оно должно быть посредствующим звеном между правительственными и административными органами, с одной стороны, и эмигрантами – с другой, а также оказывать всемерную помощь эмигрантам в экономическом и культурном отношениях. В связи с этим, некоторые исследователи акцентируют внимание на относительной независимости БРЭМ, особенно в начальный период [8, с. 176; 2, 261–263].

Однако опубликованные в постсоветский период документы довольно убедительно дезавуируют утверждение о «независимости» БРЭМ, проливая свет на «закулисные» стороны его деятельности. В частности, в вышедшем в 1994 г. в свет сборнике документов «Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945)» представлены не публиковавшиеся ранее материалы из архива Управления Министерства безопасности РФ по Приморскому краю. Среди них – справка, составленная Управлением Комитета государственной безопасности по Хабаровскому краю, посвященная ГБРЭМ. Из нее следует, что план объединения российских эмигрантов в одну политическую организацию принадлежал японской разведке и большая роль в выполнении этого плана принадлежала Харбинской Японской военной миссии – ЯВМ [5, с. 87–88, 91–92; 9, с. 95].

Указывая на то, что правительство Маньчжоу-Го относительно создания БРЭМ декларировало роль Бюро как посредствующего звена между правительственными и административными органами, с одной стороны, и эмигрантами — с другой, а также его задачу оказывать всемерную помощь эмигрантам в экономическом и культурном отношениях, составители Справки подчеркивают: «В действительности вся система БРЭМ представляла собой аппарат, посредством которого японцы направляли жизнь всей белоэмиграции в соответствии с требованиями японской политики в отношении СССР...» [5, с. 89].

Степень контроля над БРЭМ со стороны Японской военной миссии была чрезвычайно велика, ЯВМ оставалась главным куратором на всем протяжении деятельности бюро. «Без участия представителей ЯВМ не могло состояться ни одно более или менее важное совещание, заседание, собрание, празднество, и даже публичное развлечение, если даже они не носили политического характера. Во всех остальных случаях ЯВМ через своих «советников» и тайных агентов постоянно находилась в курсе всей жизни и работы белоэмигрантов» [5, с. 94].

Для осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности 3-м отделом БРЭМ были организованы и широко использовались агентурно-осведомительная сеть, наружное наблюдение, техника для подслушивания телефонных разговоров и другие оперативные средства. Агентурно-осведомительная сеть состояла из сравнительно небольшого количества опытных платных агентов и из значительного количества осведомителей и информаторов, которые привлекались 3-м отделом для разведывательной работы. Платных агентов было около 20 человек, а осведомителей – более 100 человек. Помимо этого, многие лица использовались для получения от них разведывательной информации «втемную», т.е. без объяснения им целей, для которых нужны эти сведения. Начальником 3-го отдела был М.А. Матковский [5, с. 91–92].

Бывший начальник 3-го отдела БРЭМ М.А. Матковский на допросе свидетельствовал: «1-й отдел, именовавшийся культурно-просветительным, руководил и занимался пропагандой и агитацией, которая велась в самых различных видах и формах: устной, посредством постановки различных лекций и докладов, через

периодические издания Бюро — журнал «Луч Азии» и газету «Голос эмигрантов», выпуск всевозможного рода брошюр и иной литературы. Вся эта работа велась в направлении воспитания эмигрантов в антисоветском духе подготовки их к борьбе с Советским Союзом… Мне известно только то, что ведение разведывательной и контрразведывательной работы 1-му отделу было разрешено Харбинской японской военной миссией, последняя даже поощряла эту работу и отпускала на нее какие-то средства, потому что 1-й отдел активно информировал японскую военную миссию и жандармерию о материалах, которые он добывал агентурным путем» [6, с. 95].

Один из недостаточно разработанных в литературе вопросов — вопрос о финансовом обеспечении деятельности БРЭМ. Многие авторы называют среди источников поступлений финансовых средств членские взносы, следующим после них — благотворительную деятельность, в рамках которой проводились благотворительные концерты и вечера, базары и ежемесячные лотереи, а также управление недвижимостью, пожертвования, издательскую деятельность и т.д. Так, Т.В. Кузнецова пишет: «Средства бюро образовывались из пошлин, поступавших от лиц, подавших заявление о переходе на положение эмигрантов, от проведения благотворительных акций (лотерей, концертов)» [7, с. 180].

Но на самом деле, как утверждается в Справке, составленной Управлением Комитета государственной безопасности, БРЭМ финансировалось в первую очередь и главным образом Харбинской японской военной миссией и лишь частично — за счет отчисления эмигрантами одного процента от получаемых ими доходов или заработной платы [5, с. 89].

М.А. Матковский в своих показаниях также подтверждал большую финансовую роль ЯВМ, отмечая, что «изысканием *дополнительных* средств на нужды Бюро занимался 4-й отдел от специально организованных для этой цели дополнительных предприятий БРЭМ, как-то: столовая, кафе, магазин, молочная ферма. Кроме того, 4-м отделом проводились различные мероприятия по получению денег с эмигрантских экономических союзов. Кроме того, с 1944 г. 4-м отделом стал взиматься один процент с заработка и доходов каждого эмигранта. Все полученные средства сдавались в главную кассу Бюро» [9, с. 98].

Следует отметить, что вопрос о финансировании БРЭМ является достаточно дискуссионным. В частности, Е.Е. Аурилене пишет: «Основное финансирование Бюро осуществлялось за счет взимания 1 % от заработка или содержания с каждого зарегистрированного эмигранта. Дополнительные доходы в бюджет давали издательская деятельность, благотворительные мероприятия и эксплуатация недвижимости Бюро. Очевидно, немаловажную роль играла и финансовая поддержка ЯВМ, хотя этот факт ни брэмовские начальники, ни их японские покровители не афишировали» [3, с. 53; 4, с. 53]. На роль однопроцентного налога как источника финансирования БРЭМ указывает и Н.Е. Аблова: «Материальные средства БРЭМ складывались из поступлений от Харбинской военной миссии, издательской деятельности, а также ежемесячных взносов каждого эмигранта в виде 1 % налога с суммы получаемых доходов» [2, с. 261].

Однако если иметь в виду, что 1%-й взнос введен в 1944 г., как свидетельствовал М.А. Матковский, факт о превалирующем значении финансовой поддержки БРЭМ со стороны ЯВМ кажется наболее убедительным.

И все же, с другой стороны, отмеченные разногласия говорят и о том, что в освещении истории БРЭМа имеется еще достаточно много сложных, неясных вопросов, над решением которых предстоит работать исследователям.

В заключение следует подчеркнуть, что главная трудность, с которой приходится сталкиваться историкам при исследовании темы российской эмиграции, и деятельности БРЭМ в частности, заключается в степени доступности источников, разбросанности документов по многочисленным центральным и местным

ведомствам. Эмигрантские архивы также разбросаны по всему миру. Какая-то часть сохранилась в самом Харбине и, возможно, в других населенных пунктах Китая. Некоторые документы вывезены эмигрантами в страны дальнейшего расселения и находятся в частных и государственных собраниях. Материалы, связанные с дальневосточной российской эмиграцией, не могли не отложиться также в архивах отдельных ведомств иностранных государств, таких, как министерства иностранных дел, военные ведомства, службы безопасности и т.д. Именно поэтому воссоздание подлинной, объективной истории российской эмиграции, и истории ее харбинской ветви возможно только усилиями исследователей разных стран – и России, и Японии, и Китая, и других.

Список источников

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
2. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные политические аспекты истории (первая половина XX в.): дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. 500 с.
3. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) Хабаровск, 2008. 268 с.
4. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия, Северный Китай, Шанхай. (1920–50-е гг.). Хабаровск, 2003. 214 с.
5. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Справка, составленная в УКХБ по Хабаровскому краю // Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 86–94.
6. Из протокола допроса М.А. Матковского // Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 95–101.
7. Кузнецова Т.В. Из практики книжного дела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи // XX век. Две России – одна культура: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 176–186.
8. Онегина С.В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии //Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 141–147.
9. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док. / сост. Е.Н. Чернолуцкая. Южно-Сахалинск, 1994. 152 с.

УДК 9.94

Земдиханов В.А.

УНИФОРМА И СНАРЯЖЕНИЕ БРИГАДЫ АСАНО МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

В 1938 г. на базе Маньчжурской императорской армии была сформирована бригада Асано, которая состояла из русских эмигрантов в Китае. Снабжение униформой и снаряжением данного подразделения выполнялось интендантами Японской императорской армии, что показывало роль данного подразделения в условиях советско-японской конфронтации.

Ключевые слова: бригада Асано; Маньчжурская императорская армия; Японская императорская армия; униформа; снаряжение; вооружение.

Zemlyanov V. A.

UNIFORMS AND EQUIPMENT OF THE BRIGADE ASANO OF THE MANCHURIAN IMPERIAL ARMY

At 1938, the Asano Brigade was formed as a detachment of Manchurian imperial army, it was based on the Russian emigrants in China. Support with uniforms and

equipment of the unit was done by the quartermasters of the Imperial Japanese Army that shows the role of the unit in terms of the Soviet-Japanese confrontation.
Keywords: Asano Brigade; Manchukuo Imperial Army; the Japanese Imperial Army; uniforms; equipment; weapons.

После Мукденского инцидента японская армия взяла контроль над 60-тысячной группировкой генерала Чжан Сюэляна. По мере быстрого продвижения императорских войск вдоль КВЖД, к ней присоединялись также разрозненные группировки Северо-Восточной китайской армии, командовали которыми зачастую этнические маньчжуры.

Эти силы стали основой формирования армии государства Маньчжоу-Го, провозглашенного в марте 1932 г. Первоначально они оснащались из захваченных арсеналов Северо-Восточной армии, а также трофейным оружием и амуницией. Основным вооружением данных формирований на первых этапах являлись закупленные в Германии или произведенные по контракту винтовки и карабины Маузеры, винтовки Арисака Тип 38, российские винтовки Мосина, остававшиеся на китайских складах со времен Русско-японской войны, а также конфликтов 1920-1930-х гг.

Вооруженные силы включали семь группировок на каждую из семи маньчжурских провинций, кавалерийские и охранные части. Армия комплектовалась из представителей различных национальностей, отличительной эмблемой являлась пятиконечная звезда, каждый луч которой был своего цвета и символизировал единство пяти наций: японцев, корейцев, китайцев, монголов и маньчжуров. Исключение составляла личная гвардия императора Пу И, состоявшая исключительно из маньчжуров. К 1933 г. численный состав армии превышал 110 тыс. человек.

В 1938 г. особенно резко возросло число японских провокаций на советско-маньчжурской границе. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано 124 [2, с. 443-484].

Уже в начале боевых действий на территории Китая японцы стали активно взаимодействовать с белоэмигрантами, многие из которых, начиная с 1938 г. стали вступать в ряды Японской императорской армии с целью борьбы с большевиками.

В 1938 г. японская военная миссия открыто объявила о создании русского отряда при Квантунской армии под командованием полковника Асано. Формально данный отряд подчинялся командованию Маньчжурской императорской армии. Добровольное поступление в охранники превратилось в принудительный набор, а членов этого отряда стали называть асановцами. Позже отряд был развернут в кавалерийский и пехотный. Каждый призыв состоял из 450–500 новобранцев, преимущественно с восточной ветки КВЖД. В 1938 г. асановцы использовались в боях против корейских партизан [4, с. 5].

Русский эмигрант Виктор Санников вспоминал об асановцах: «Асановские отряды были регулярной эмигрантской воинской единицей под японским командованием. Старшим русским начальником был полковник Яков Яковлевич Смирнов... Подходящих для военной службы ребят набирали из нашей среды и увозили в военные школы – одна в Ханьдаохэцзы, другая в Сунгари. Некоторые из служащих нередко приезжали на побывку, на нескольодневный отпуск в году. Они производили впечатление своей выправкой и военной формой с японской саблей на боку. Но внешний вид никого не соблазнял» [5, с. 85].

В 1938 г. отряд использовался японцами в боях против корейских партизан. Взвод отряда «Асано» принимал участие в боях у озера Хасан 29 июля – 11 августа 1938 г. Взвод использовался, главным образом, для восстановления связи меж-

ду японскими подразделениями, кроме того, отряд численностью 25–30 человек совершил 7 августа 1938 г. налет на обоз из 20 повозок в полукилометре от командного пункта 39 СК [1, ф. 37977, оп. 1, д. 17, л. 75-77]. Отряд «Асано» участвовал в боях в районе реки Халхин-Гол (май — сентябрь 1939 г.) [3, с. 57].

Формой «асановцев» вначале была японская униформа, затем ее сменила униформа Маньчжурской императорской армии, с соответствующими знаками отличия. На случай войны с СССР для них на складах были заготовлены и комплекты красноармейского обмундирования. Периодически бойцы «Асано» надевали его и для скрытного проникновения на советскую территорию, где они вели разведку и организовывали провокации, преимущественно обстрелы маньчжурских пограничных постов [6, с. 100].

Офицерский комплект на летнее время состоял из следующих предметов [7. с. 1-90]:

1. Суконное кепи или суконная фуражка с кокардой в виде пятицветной пятиконечной звезды.

2. Суконный офицерский китель Тип 90 (образца 1930 г.) или Тип 98 (образца 1938 г.). На первом типе в качестве знаков отличия использовались контр-погоны для обозначения звания и петлицы для обозначения рода войск, а с 1938 г. в связи с унификацией униформы Японской императорской армии звания стали обозначаться с помощью петлиц, а род войск с помощью специальной нашивки на правой стороне груди выше кармана. Но как показывают фото и видеоматериалы, униформа Тип 90 состояла на вооружении данных отрядов вплоть до конца войны в 1945 г.

3. Суконные офицерские бриджи Тип 90 (образца 1930 г.).

4. Кожаные офицерские сапоги или кожаные ботинки с крагами.

Полный комплект солдатской униформы выглядел так [8, с. 274-281]:

1. Хлопчатобумажный солдатский китель Тип 90 (образца 1930 г.) или Тип 98 (образца 1938 г.). На первом типе в качестве знаков отличия использовались контр-погоны для обозначения звания и петлицы для обозначения рода войск, а с 1938 г. в связи с унификацией униформы Японской императорской армии звания стали обозначаться с помощью петлиц, а род войск с помощью специальной нашивки на правой стороне груди выше кармана. Но как показывают фото и видеоматериалы, униформа Тип 90 состояла на вооружении данных отрядов вплоть до конца войны в 1945 г.

2. Хлопчатобумажные солдатские бриджи Тип 90.

3. Стальной шлем образца 1932 г. с различными чехлами или сетями для маскировки.

4. Суконное кепи обр. 1936 г.

5. Коричневые ботинки из свиной или воловьей кожи.

6. Обмотки шерстяные оливкового цвета.

7. Полевое снаряжение: однозубый ремень кожаный, 2 подсумка под патроны Арисака, один большой запасной подсумок, ножны для штык-ножа Арисака.

8. Котелок японского образца.

9. Штык-нож к винтовке Арисака.

10. Фляга.

11. Сухарная сумка.

12. Брезентовый ранец образца 1938 г. или вещевой мешок торба.

13. Плащ-накидка.

14. Одеяло.

Стоит отметить, что кроме описанного выше комплекта, рядовой и офицерский состав асановцев активно использовал дореволюционные элементы снаряжения Русской императорской армии, такие как: казачьи шашки обр. 1884 г., драгунские шашки, палаши, артиллерийские и саперные палаши. Также, в отли-

чие от рядового состава Японской и Маньчжурской императорской армии, бойцы бригады Асано вместо уставных ботинок и обмоток часто носили сапоги или ботинки с гетрами, что в Японской армии являлось атрибутом унтер-офицерского состава, претендующего на офицерское звание [7, с. 248-255].

Воинские звания применялись те же, что и в армии Маньчжоу-Ди-Го, но в русской интерпретации.

Японское звание	**Маньчжурское звание**	**Русское звание**
Штаб-офицерский состав		
Тай-са	Шанг-хсиао	Полковник
Чу-са	Шунг-хсаио	Подполковник
Шо-са	Шао-хсаио	Майор
Обер-офицерский состав		
Тай-и	Шанг-вей	Капитан
Чу-и	Чунг-вей	Поручик
Шо-и	Шао-вей	Подпоручик
Унтер-офицерский состав		
Юнши-кан	Чун-вей	Прапорщик
Юн-и	-	Фельдфебель
Со-шо	Шанг-ших	Старший унтер-офицер
Гун-со	Шунг-ших	Младший унтер-офицер
Го-чо	Шао-ших (капрал)	Старший ефрейтор
Рядовой состав		
Джото-хей	Шанг-тенг Цинг	Ефрейтор
Итто-хэй	1-тенг Цинг	Рядовой 1-го класса
Нитто-хэй	Ер-тенг Цинг	Рядовой 2-го класса

Оружие у чинов отряда «Асано» было японским. Офицеры и унтер-офицеры отряда «Асано» были вооружены пистолетами «Намбу» Тип 14 калибра 8 мм. Чины, начиная от некоторых рядовых, заканчивая полковниками, могли иметь при себе саблю или японский меч Тип 32, сильно похожий на традиционную японскую самурайскую катану [9, с. 356].

Что касается рядового состава, то он имел следующие образцы вооружения:

1. Винтовки Арисака Тип 38.
2. Ручные пулеметы Тип 11 и Тип 96.
3. Ручные пулеметы ZB-26/30.
4. Винтовки обр. 1898 г. и карабины Маузера обр. 1935 г.
5. Винтовки Мосина обр. 1891 г./казачьи карабины Мосина обр. 1910 г./ драгунские винтовки Мосина обр 1910 г.
6. 75-мм японские полевые орудия Тип 38.
7. 75-мм японские горные орудия Тип 94.
8. 50-мм японские минометы Тип 89.
9. Японские ручные гранаты Тип 10 и Тип 90.

Срок службы в отряде зависел от того, в каком роде войск будет проходить службу новобранец: кавалерии, пехоте, артиллерии или связи. Призывались с 18–19 до 28 лет. От призыва освобождались учащиеся и студенты [6, с. 248].

Асановцы состояли на полном военном довольствии по нормам японской армии, а в период обучения в специальной школе в Харбине асановцам предоставлялся один краткосрочный отпуск.

В 1943 г. бригада Асано была переформирована в Русские воинские отряды Маньчжурской императорской армии. Униформа и нормы довольствия оставались прежними — это была униформа армии Маньчжоу-Ди-Го. Кокардой служил пятилистник цветов Маньчжоу-Ди-Го. Также у чинов РВО появился особый нагрудный знак, он крепился над карманом кителя справа. Этот знак представ-

лял собой небольшого диаметра круг, в центр которого был вписан стилизованный, выпуклый белый крест, так называемый Ополченский крест, в центре которого было помещено изображение Георгия Победоносца, поражающего змия. В основном этот знак носили в Сунгарийском отряде РВО. Каждый отряд РВО получил свое знамя; известно, что у того же Сунгарийского отряда было белое полотнище с изображением Георгия Победоносца [6, с. 333].

Список источников

1. Российский государственный военный архив.
2. Пограничные войска СССР 1929-1938: сб. докл. и мат-лов. М., 1972. 776 с.
3. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. 567 с.
4. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 г. (воспоминания) // Станица: газета Союза казачьих войск России. 1992. № 7.
5. Санников В. Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии: воспоминания. Сидней, 1990. 135 с.
6. Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014. 320 с.
7. Hewitt, Mike Uniforms and equipment of the Imperial Japanese army in World War II – Atglen, PA, 2014. 288 p.
8. Nakata, Tadao Imperial Japanese army and NAVY. Tokyo, 1973. 335 p.
9. Nakata, Tadao Imperial Japanese army and NAVY. Part 2. Tokyo, 2010. 391 p.

УДК 94-057.7(510):613.882

Ерохина Л.Д.

РУССКИЙ ИСХОД И ПРАКТИКА «БЕЛОГО РАБСТВА» В КИТАЕ В 20-30-е гг. XX в.

В статье представлена малоизвестная в России часть истории «белого рабства» русских женщин-эмигранток в Китае в первую волну русской эмиграции. Освещаются условия жизни и анализируются причины вхождения русских эмигранток в сферу оказания сексуальных услуг. Анализируются различные подходы к оценке масштабов «белого рабства». Метод исследования построен на контекстуальном анализе официальных докладов международных организаций, газетных материалов периода русской эмиграции, архивных документов и вторичных источников.
Ключевые слова: русская эмиграция; женщины; «белое рабство»; Лига Наций.

Erokhina L.D.

RUSSIAN EXODUS AND THE PRACTICE OF «FUGITIVE SLAVERY» IN CHINA IN 20-30s OF THE XX CENTURY

The part of almost unknown Russian «white slavery» in China of first wave female emigrants is presented in the article. Living conditions and the reasons of occurrence of the Russian women-emigrants to the sphere of sexual services are analyzed. Various approaches to assessment of scales of «white slavery» are analyzed. Research method is constructed on the contextual analysis of official reports of the international organizations, newspaper materials over period of the Russian emigration, archival documents and secondary sources.
Keywords: Russian emigration; women; «white slavery»; League of Nations.

Историческое явление, известное как «русское зарубежье», вызывает непреходящий интерес исследователей. Но, в большинстве своем, интерес исследователей направлен на исход россиян и интеграцию в чужую для них культурную

среду на Западе. Что касается русской эмиграции в Китае, то она является менее изученной. Можно предположить, что недооценка масштабов и трагичности положения русских эмигрантов в странах Дальнего Востока объясняется удаленностью Дальнего Востока от общепризнанных эмигрантских центров Европы и относительно небольшим количеством архивных и иных данных, которые могли бы стать основой исследований. Однако без изучения и осмысления опыта русской дальневосточной диаспоры невозможно создание целостной картины русского зарубежья.

Целью настоящей статьи является рассмотрение одной из самых драматичных страниц русской эмиграции в Китай – так называемого «белого рабства», т.е. истории женской проституции русских эмигранток.

В отличие от многих исследований социальной жизни общества, изучение проституции отличается значительными трудностями, связанными с отсутствием открытых источников, официальной статистики и других сведений. Теневая сторона общественной жизни редко выставлена напоказ, а тем более, когда речь заходит о бесправных эмигрантах, чья судьба не волнует официальную власть до тех пор, пока они не уличены в противоправных деяниях.

Для понимания масштабов и положения русских женщин, вовлеченных в проституцию в 1920–1930-х гг. в Китае, приходится обращаться к широкому спектру материалов: научным исследованиям по истории эмиграции и истории проституции, международным докладам по противодействию торговле людьми, научным работам, анализирующим причины и факторы женской проституции, судебным решениям, полицейским допросам по обвинению в торговле женщинами, путеводителям по так называемым «кварталам удовольствия», бульварным хроникам, допросам проституток, обвиняемым в воровстве и уличном вымогательстве, обзорам врачей и социальных работников и т.д. Эти разрозненные материалы при анализе позволяют воссоздать определенную картину положения женщин в русской диаспоре и за ее пределами в Китае между 1920–1940 гг. XX в.

По мнению большинства исследователей, дальневосточная волна эмиграции, насчитывала около 400 000 чел. До половины от этого числа осталось на территории Китая [4, с. 28-29; 6 с. 7, 17, 20; 7, с. 299]. Большое количество русских эмигрантов в Китае объясняется не только политическими событиями в России, но и принятием Президентом Китайской Республики Декретов от 23 сентября и 30 октября 1920 г., лишавших русских права экстерриториальности в Китае, что способствовало пополнению рядов русских эмигрантов бывшими российскими подданными, живущими в Маньчжурии с конца 90-х гг. XIX в. [1, ф. 5963, оп. 1, д. 15, л. 35-47; 2, ф. 1129, оп. 1, д. 115, л. 29, 30; 11, с . 39].

Массовый исход из России поначалу был связан с бегством белогвардейцев, которых сопровождали семьи, раненые, больные. Окончание Гражданской войны и массовый исход в Китай в 1922 г. остатков белых армий и мирных граждан не завершил историю формирования российской эмиграции в этой стране. Очаг эмиграционной диаспоры возник в Маньчжурии с центром в Харбине и составлял к 1923 г. примерно 400 тыс. чел. [8, с. 493-519; 9].

С середины 1920-х гг. и в течение 1930-х гг. отмечался уход из Советской России представителей, прежде всего, приграничного сельского населения, недовольного сутью и методами проводимых в стране социально-экономических и политических преобразований, осуществляемых в большинстве случаев насильственно [6, с. 20].

Однако судьба российской эмиграции в Китае складывалась трагически. *Во-первых*, для русской диаспоры сложилась неблагоприятная для ее существования политическая ситуация. За первую половину 1920-х гг. китайские власти ликвидировали на своей территории российские правовые и гражданские институты, осуществив «китаезацию» суда, образования и городского самоуправления

в полосе отчуждения КВЖД. СССР согласился на подчинение советских граждан, проживавших на территории Китая, китайской юрисдикции, в то время как другие иностранцы продолжали пользоваться правами экстерриториальности.

Во-вторых, по условиям существования и специфике ее формирования русская диаспора в Китае сильно отличалась от всех других мест рассеяния русских эмигрантов. Восточная культура, восточная социальная среда оказались чуждыми русскому менталитету (в отличие от европейской).

Русские эмигранты 1920–1930-х гг. практически не ассимилировались в жизнь Китайского государства, которую они психологически отвергали. Трагедия русской политической и гражданской эмиграции в Китае состояла в том, что она вынуждена была жить на Востоке, который отвергала в культурном плане, и не могла вернуться в Советскую Россию, которую она не принимала политически. Парадокс жизни русских эмигрантов состоял в том, что контакт с восточной культурой не только не приводил их к ассимиляции, но и, напротив, вел их к отдалению и все большему замыканию в сознании избранности русского пути. Лишь применительно ко второму поколению русских эмигрантов в Китае можно говорить об интеграции их в восточное общество и культурной ассимиляции.

Материальное, а также социальное положение эмигрантов было крайне тяжелым. Арский, консул СССР в Кульдже, в своем докладе указывал, что эмигранты жили «в работниках» у местных старожил русских, мусульман и китайцев. Некоторые работали в горах на каменноугольных шахтах [5, с. 2]. Арский признавал, что «материальное положение белых очень незавидно. Очень многие принуждены работать в качестве кузнецов, плотников, батраков и т.д. у китайцев» [5, с. 2]. Аналогичное положение сохранялось везде, создавались русские диаспоры. Особенно трудно приходилось интеллигенции.

Газеты российских эмигрантов «Русский голос» и «Рупор», издававшиеся в Харбине, периодически сообщали об ужасающих условиях жизни, в которых находились большинство русских беженцев. «Многие и очень многие здесь стоят перед вопросом: как быть? И только незначительная часть решает этот вопрос переходом в китайское подданство, да и то по чисто материальным соображениям, чтобы сохранить за собою службу на дороге (КВЖД) и другое. Для остальных, для массы это решение неприемлемо по многим соображениям, – и они чувствуют себя в положении людей, для которых нет места на земле, нет возможности ни самоопределиться, ни отречься от своей идеологии» [12, с. 2; 11, с. 30]. Отмечает рост числа самоубийств, вызванных экономическими трудностями.

Еще более сложной оказалась жизнь женщин в эмиграции. Из 70 000 иностранцев, проживающих в Китае в 1937 г., 9000 составляли русские женщины. Кроме того, в Международном лагере для беженцев проживали еще 2400 русских женщин. Особенно трудно приходилось женщинам высшего сословия. Представители последнего «были совершенно неспособны к практической жизни, не знали никаких ремесел, не привыкли к работе и не имели никакого представления об условиях заграничной жизни. Вся их прошлая жизнь протекла в подготовке к какому-либо квалифицированному занятию, в новых условиях совершенно ненужному» [10, с. 13].

Многие девушки выросли за рубежом в условиях нищеты и безработицы. Порой трудности эмиграции не оставляли русским женщинам иного выбора, кроме как занятия проституцией, которая в начале XX в. получила название «белого рабства».

Блестяще образованные красивые русские девушки оказывались в низкопробных публичных домах, содержателями которых были не только местные жители, но и русские подданные. В частности, в Международном лагере для беженцев существовало 50 борделей, собственниками которых были русские. В них работали около 500 эмигранток [15].

Гонимые крайней нуждой русские женщины вынуждены были зарабатывать на жизнь в борделях. Количество русских женщин в борделях Пекина и Сингапура в 1920-х гг. возросло до таких размеров, что на жаргоне злачных мест Харбина и Шанхая любая белая проститутка стала называться «русской девочкой». Официальная статистика Шанхая – «столицы греха», в 1930-х гг. насчитывала более 64 тыс. проституток, и 8 тыс. из них были русскими. Русские проститутки открыто работали в «русских домах» (luosong tangzi) в Гонконге и «французской концессии» Шанхая. Их клиентами, как правило, были европейцы и американцы, в то время как китайские проститутки обслуживали китайских клиентов. Утрачивающие последние остатки самоуважения, «белые графини» попадали в опиумную зависимость, страдали венерическими заболеваниями, погибали. Русские женщины, работавшие в шанхайских ресторанах и барах в качестве официанток, также были замечены в проституции. По некоторым оценкам, на восемь китайских проституток приходилась одна русская [13; 14].

Как свидетельствуют записи допросов женщин, обвиненных в уличных домогательствах, часто путь в проституцию был не личным выбором женщин и молодых девушек, а болезненным экономическим выбором семьи, как единственного доступного рода деятельности для поддержания ее существования [13, p. 4].

Проблема «белого рабства» российских женщин на Востоке стала предметом особого расследования Лиги Наций. Как отмечено в докладе Комиссии по вопросам продажи людей на Востоке, «сотни тысяч женщин, бежавших в Китай, в основном в Маньчжурию, вынужденные хоть как-то поддерживать свое существование в таких больших городах, как Харбин, попадают в поток трэффика, уносящий их в другие города Китая. Условия на севере в последние несколько лет сделали почти невозможным для них зарабатывать себе на жизнь, поэтому девушки, в возрастающем числе, следуют на юг, в Шанхай и другие города, в надежде на более легкую жизнь, чем на севере». В основном, это были женщины из бывших «благородных семей», которые, как было сказано в докладе, представленном Лиге Наций специальной комиссией по изучению положения русских женщин в Китае, «к сожалению... не имели подготовки или профессиональных навыков для борьбы за существование. Мужчинам не хватало работы, и женщины в большей или меньшей степени принуждались к проституции. В ряде случаев они начинали работать в качестве партнерш по танцам, но постепенно род их работы приводил к проституции… Русские девушки и женщины, отказывающиеся работать проститутками, зарабатывают на жизнь с большим трудом. Они вынуждены соглашаться на самую мизерную на Дальнем Востоке заработную плату, ниже даже, чем ту, которую получают китайские женщины». Лига Наций в 1935 г. предоставила отчет, по которому древнейшим ремеслом в Шанхае занималось 22 % всех русских женщин в возрасте от 22 до 45 лет… Во многих других городах, таких как Кантон, Мукден, Гонконг, Чинцзин и другие, «русские женщины были принуждены к той же профессии». Основная причина русской проституции, как подчеркивалось в докладе комиссии, – безработица [15, p. 69-71].

Ради справедливости стоит отметить, что цифры эти спорные, так как известный китайский историк Ван Чжичэн сообщает, что «в начале мая 1935 г. различные организации русских эмигрантов в Шанхае совместно с Русским национальным комитетом заявили «протест относительно опубликованных Лигой Наций данных о числе русских женщин-проституток как явно ложных и являющихся оскорбительными для всех русских эмигрантов». В марте 1935 г. Международный комитет по обследованию мер охраны женщин и детей в Шанхае трижды подряд провел заседания, на которых обсуждалось положение русских женщин и детей в Шанхае, меры по их защите и другие вопросы. Согласно данным, собранным статистической подкомиссией этого комитета, число русских

женщин и девушек, занимающихся профессионально проституцией или занимающихся ею от случая к случаю, достигало 1615 человек». Но даже по его данным, количество русских проституток составляло в 1935 г. 11 % от всего количества «русских шанхаек» [3].

На чем же тогда основывался отчет Лиги Наций, который приводит цифру в два раза большую? «Русская проституция стала серьезной социальной проблемой до такой степени, что Лига Наций спонсировала Следственный Комитет, чтобы измерить масштабы и оценить ситуацию», – отмечает в своем докладе историк Марсиа Ристаино [14]. «Чтобы выполнить эту задачу, Комитет произвел опрос большого количества различных представителей Шанхая: западных, китайских, японских – полицию, политических лидеров, официальных лиц, занимающихся оказанием гуманитарной помощи. Исследование проводилось через анкетирование и устный опрос. Кроме этого документа, исследование базируется также на других первичных и вторичных источниках, а также рассказах бывших русских жителей Шанхая, которые могли бы прокомментировать ситуацию» [15, p. 68].

Итак, разные источники указывают разные цифры – от 11 до 22 % русских проституток от всех проживающих в Шанхае русских женщин. Более точных данных пока не найдено.

Гейл Гершаттер замечает, что появление значительной группы русских женщин проституток имело большое значение для общественного сознания Китая, чем простой подсчет или пресечение данного рода занятий. Проституция стала той «метафорой, той средой артикуляции, в которой представители элиты и среднего класса обсуждали свои проблемы, страхи, насущные проблемы и перспективы… За прошлый век проституция была понята по-разному: как источник урбанизированных удовольствий; как профессия, полная недобросовестных и жадных интриганов; как место моральной опасности и источник физических заболеваний; как маркер деградации соотечественников» [13, p. 4]. Каждый социальный класс и группа использовали проституцию в качестве определенного ориентира, в качестве своих идеологических притязаний на власть и реформирование социума.

И это тоже наша история. А теперь – уже и история Китая.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Государственный архив Хабаровского края.
3. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 831 с.
4. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. М.: Изд-во Института Дальнего Востока, 2000. 189 с.
5. Комиссарова Е.Н. Духовная жизнь русской эмиграции в Синьцзяне как один из факторов социальной адаптации // Гуманитарные исследования молодых ученых: матлы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Иркутск, 17 мая 2011 г. URL: https://my.mail.ru/community/community.of.hum/13AA174 F7FBEF36C.html (дата обращения: 11.10.2016).
6. Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии: краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток,1996. 94 с.
7. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 318 с.
8. Осьмаков И.Н. Особенности формирования православным подворьем основ для создания русской диаспоры в Китае в 20-е гг. XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6 (4). URL: http://publikacia.net/archive/2015/6/4/9 (дата обращения: 03.10.2016).
9. Полян П. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005 С. 493-519.
10. Сазонов Ю. О «долге» русской эмиграции // Шанхайская заря. 1930. 6 апреля.

11. Справочник по Северной Маньчжурии. Харбин: Изд. Экономического бюро КВЖД, 1927.
12. Судьба русских беженцев // Рупор. Харбин. 1925. 13 февраля.
13. Gail Hershatter. Dangerous pleasures: Prostitution and Modernity in Twentieth-Century Shanghai. Berkeley: University of California Press, 1997. 603 p.
14. Marcia R. Ristaino. White Russian Prostitution in Shanghai: 1920-1949. Paper for AAS Annual Meeting. March 26-29, 1998, Washington DC. URL: http://aas2.asian-studies.org/absts/1998abst/inter/i18.htm (data: 15.08.2016).
15. Problem of Women Refugee of Russian Origin in Far-East Who Have Been or Are in Danger of Becoming Victims of Traffic. Conference of Central Authorities in Eastern Countries. Bandoeng (Iava). February 12nd –13th, 1937. P. 68-72.

УДК 94(510)

Иерей Георгий Ибрагимов

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (1898–1945 гг.)

Основной целью данной статьи является раскрытие проблемы изучения истории Русской православной церкви в северной части Китая. Автор упоминает две научные монографии – С.Н. Бакониной и епископа Иннокентия (Ерохина), и некоторые публицистические работы. Автор приходит к выводу, что нет достаточного количества исследований по этой проблеме из-за отсутствия систематического материала по данному вопросу и она нуждается в дальнейшем изучении.
Ключевые слова: история православия в Китае; проблема изучения; Китайско-Восточная железная дорога; научные работы; русская эмиграция.

Priest George Ibragimov

THE PROBLEM OF STUDYING THE HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY (1898-1945)

The main aim of the article is to show the problem of the study of the history of the Russian Orthodox Church on the Northern Part of China. The author mentions two scientific works Bakonina S.N. and bishop Innokentii (Yerohin) and some nonfiction works. The author comes to the conclusion that there is not enough research on the problem because of lack of systematic material on the issue and they need the further study.
Keywords: the history of the Orthodox Church; study of the problem; Chinese Eastern Railway; scientific works; Russian immigrants.

Период с середины XIX до начала XX в. на Дальнем Востоке России и сопредельных государств можно кратко охарактеризовать как период стремительного освоения дальневосточных территорий. Освоение Дальнего Востока касалось всех сторон человеческой жизни: территории, культуры, духовных стремлений и идеалов, политики, экономики, промышленности. Российская империя, как одно из сильнейших государств мира, рассматривала Дальний Восток как форпост своих стратегических интересов в Тихоокеанском регионе.

После подписания Айгунского договора между Российской империей и Китаем с 1858 г. левобережная территория Амура вошла в Приморскую область, об-

разованную в октябре 1856 г. в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства [5, с. 29].

При планировании строительства Транссибирской железнодорожной магистрали по территории России возникла идея соединения Забайкалья с Владивостоком по более короткому пути через Китай, что давало Российской империи много преимуществ. Решено было начать строительство в 1897 г. Данный проект получил название Китайско-Восточная железная дорога (далее – КВЖД) [3].

Центром соединения трех веток железной дороги западного, восточного и южного направлений в Китайской Маньчжурии стал Сунгарийский поселок – будущий город Харбин.

Русские инженеры, строители, военные, купцы, духовенство, которые прибыли для строительства дороги, несли русский дух на новые земли. Идея русского человека с древних веков по преимуществу конфессиональная, получившая свое выражение в идеале святой Руси. В XIX в., как и в предыдущие столетия, русские четко осознавали свою причастность к православной вере [6, с. 647-650]. Поэтому в 1898 г. в одном из первых строений будущего города была устроена церковь в честь святителя Николая, и прибывший священник Александр Жуковский начал служить Божественную литургию [4, с. 84]. Уже к 1944 г. в Харбинской епархии насчитывалось 60 храмов, из них 21 – в Харбине, 19 – на восточной линии, 13 – на западной, 7 – на южной и одна церковь в Гирине, также два мужских монастыря, семинария и богословский факультет в Харбинском институте [4, с. 88-89]. По другим источникам к 1942 г. – 68 храмов [7, с. 120-133].

Исторические рамки нашего исследования относятся к периоду с 1898 до 1945 г. включительно. Это период сложных потрясений для всего мира и Дальнего Востока, в частности. Это период двух мировых войн, Русско-японской войны, войн между Китаем и Японией. Период смен государственного устройства Российской империи и Китая. Отрыв от исторической Родины многих русских после событий 1917-18 гг. в России. Белое движение и Гражданская война в Российской империи. Вооруженный конфликт на КВЖД 1929 г. между войсками Советской России и правительством Китая. Развитие фашистской идеологии к концу 1930-х гг. XX в. по всему миру, в том числе и на Северо-Востоке Китая. Ввод советских войск в Маньчжурию в 1945 г.

Все эти события ставят Русскую православную церковь в особое уникально-двоякое положение на Северо-Востоке Китая. Историческая родина отказывается от фундаментальных основ своей жизни – православной веры. Новая земля – Маньчжурия, не спешит принять веру и силу духа русского народа. Для наших же соотечественников за границей православные храмы становятся центром не только духовной, но общественной и культурной жизни [4, с. 89]. Дают им силу перенести все тяготы эмигрантской жизни. Харбин и русская община с христоцентричной жизнью становятся некой русской Атлантидой или градом Китеж, который был явлен на некое время и после был скрыт Господом до последних времен. Эта уникальность и привлекала наше внимание к исследованию жизни церкви в этот период. Однако системных исследований по данному вопросу не проводилось.

Из научных работ, близких к нашей теме, мы можем назвать монографию Бакониной Светланы Николаевны, кандидата исторических наук, по теме «Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг.», в которой делается попытка исследования зарубежной Православной церкви в первое десятилетие существования вне лона Матери Церкви [1].

Другая монография, отчасти касающаяся затронутой темы, принадлежит епископу Уссурийскому Иннокентию (Ерохину) «Русская православная церковь в Уссурийском крае: очерки по истории Владивостокской епархии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» [2]. В своей работе автор показывает становление Владиво-

стокской епархии, в которую входили православные приходы КВЖД до 1922 г. К этому времени относятся также очень тесные отношения между приграничными территориями России и Китая.

Одним из интересных источников для исследования представляются материалы Харбинской россики Государственного архива Хабаровского края. В их число входит работа Е.Н. Сумарокова «20-летие Харбинской епархии», изданная в Харбине в 1942 г. [7]. Также интерес представляют газета «Заря», издаваемая в Харбине с 1920 по 1945 г., литературно-художественный журнал «Рубеж», издаваемый в Харбине с 1926 по 1942 г.

Нельзя обойти вниманием архивные материалы Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, которые являются ценным материалом по автобиографическим данным священнослужителей и материалов по взаимоотношению церкви и Управления КВЖД.

Из зарубежных источников хотелось бы упомянуть двухтомное издание 2006 г. «Glance back the old city`s charm of Harbin (1897–1949)», вышедшее в Харбине и прекрасно иллюстрирующее старый облик Харбина [8].

Список источников

1. Баконина С.Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг.: на материалах Харбинской епархии. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 389 с.
2. Иннокентий (Ерохин), еп. Уссурийский. Русская православная церковь в Уссурийском крае: очерки по истории Владивостокской епархии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 326 с.
3. История строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). URL: http://www.rzd-expo.ru/history/Istoriya%20stroitelstva%20KVJD/ (дата обращения: 15.10.2016).
4. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2001.
5. Марк (Тужиков), архиеп. Хабаровский и Приамурский. Айгунский договор – венец соработничества графа Н.Н. Муравьева-Амурского и святителя Иннокентия (Вениаминова) // Мат-лы науч.-практ. конф. Хабаровск: ХДС, 2009.
6. Русские. М.: Наука, 1999.
7. Сумароков Е. 20-летие Харбинской епархии. Харбин, 1942.
8. Glance back the old city`s charm of Harbin (1897-1949) // Urban planning society of Harbin Municipality, Volume1. Harbin.: China architecture & building press, 2006. 250 p.

УДК 34.01; 93/94

Орнацкая Т.А.

РУССКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МАНЬЧЖУРИИ (1920–1924 гг.)

Феномен русского юридического факультета в Харбине привлекает внимание специалистов, занимающихся изучением истории образования. Доступ к архивным материалам, выход в свет новых исследований позволяют расширить источниковую базу темы и взглянуть под другим углом на систему высшего юридического образования за рубежом в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: эмиграция; юридическое образование; Харбин; социальная история; преподавательский состав.

Ornatskaya T.A.

RUSSIAN LEGAL EDUCATION IN MANCHURIA (1920-1924)

The phenomenon of the Russian law faculty in Harbin attracts the attention of specialists who study the history of education. Access to archival materials, the publication of new research that allows you to expand the source base theme and take a look from a different angle on the system of higher legal education abroad in the early 1920s.
Keywords: emigration; the juridical education; Harbin; social history; teaching structure.

Дальневосточный регион вот уже на протяжении нескольких веков априори означает для нашей страны по-прежнему существующую, несмотря на огромное изменение социально-экономических условий и внутренних сущностных характеристик, возможность включения во внешний мир, вхождения в мировую политию. Дальневосточный фронтир России встраивается здесь в многослойное, геополитическое пространство, где встречаются два разных цивилизационных поля – славянское и конфуцианское. И теснейшее их соприкосновение, безусловно, относится к первой половине XX в., когда вслед за строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в обширной зоне дальневосточного приграничья происходит формирование и расцвет оазиса русской культуры с центром в Харбине. На территории другого государства (Китая) в течение периода длиною в полстолетия шло активное взаимодействие разных культур, обусловленное социально-экономическими и политическими факторами и давшее начало уникальной ветви русской восточной эмигрантской культуры. Более того, был создан совершенно новый пространственный контекст межкультурного взаимодействия, особое транскультурное пространство, преодолевающее и нивелирующее имеющиеся социокультурные границы.

Начиная с середины XIX в. происходит тесное сближение России и Китая на Дальнем Востоке. Обусловленное рядом внешних и внутренних факторов, соприкосновение цивилизаций формировало новые паттерны и тренды дальнейшего развития дальневосточных территорий. Два конгломератных общества (Россия и Китай), представляющие собой многослойные структуры, испытывали все более тесное взаимодействие. Строительство Транссиба и КВЖД структурировало Дальний Восток, вызвало волны разнонаправленных экономических миграций, а в период революций и Гражданской войны в России – волну политической эмиграции в дальневосточное китайское приграничье. Таким образом, страны, принадлежащие к разным цивилизационным типам, отличающиеся экономическими, социальными, демографическими и другими показателями, включились в трансграничное взаимодействие, испытывая влияние как со стороны внутреннего социокультурного пространства, так и пространств соседних стран.

После революций 1917 г. русское население Маньчжурии увеличилось с появлением эмигрантов. Продвижение частей Красной армии на восток, падение власти А. В. Колчака спровоцировали в 1918–1920 гг. эмигрантскую волну. Исследователи русского зарубежья приводят различные цифры русских подданных [2; 6; 7; 11]. Точное количество русских, оказавшихся в годы Гражданской войны в Северо-Восточном Китае, определить не представляется возможным в силу примитивности системы регистрации, проблем с оформлением паспортов и разрешений на трудоустройство. По данным китайских источников, в 1922 г. количество русских эмигрантов в Харбине составило 155 тыс. чел., а во всей провинции Хейлунцзян – более 200 тыс. чел. [3, с. 113-114].

После начала Гражданской войны в России количество русской молодежи в Маньчжурии только увеличивалось. Если в 1919 г. в начальных школах Харбина обучалось около 6275 чел., то к 1922 г. эта цифра увеличилась до 6673 чел., кроме того, примерно 1840 чел. получали образование в высших начальных училищах

и еще около 2000 чел. – в гимназиях [9, с. 246]. По сведениям В. Премиловского, к 1922 г. в Харбине имелось около 20 средних учебных заведений, более половины из них были открыты за последний год [10, с. 606].

В Харбине 1 марта 1920 г. были открыты Высшие экономико-юридические курсы, впоследствии переросшие в Юридический факультет. Их цель заключалась в подготовке юридически образованных работников. Деканом курсов был избран профессор Н. В. Устрялов, эту должность он занимал до избрания Н. И. Миролюбова в октябре 1920 г. [4], а с 1927 г. деканом Юридического факультета избрали цивилиста В. А. Рязановского, занимавшего этот пост до реорганизации факультета в 1929 г.

Учебный план курсов предполагал обучение в 2 семестрах. В осеннем семестре слушатели изучали теорию государства и права по 2 часа лекций и 2 часа практических занятий в неделю. Осенний семестр отводился для изучения истории римского права.

Весной 1922 г. специальная комиссия из представителей профессорско-преподавательского состава Государственного дальневосточного университета выехала в Харбин для изучения учебного процесса на курсах. Представители Владивостока, найдя преподавание права удовлетворительным, сформировали совместную испытательную комиссию для проведения выпускных экзаменов под руководством профессора В. А. Рязановского [1, ф. Р-289, оп. 1, д. 27, л. 7]. 3 июля 1922 г. Высшие экономико-юридические курсы в Харбине получили аккредитацию Временного Приамурского правительства и были преобразованы в Юридический факультет [12, с. 46]. Однако с вхождением территории Дальневосточной республики в состав РСФСР в ноябре 1922 г., сотрудничество между Юридическим факультетом и Государственным дальневосточным университетом прекратилось. Лишь в 1925 г. свидетельства, выдаваемые Юридическим факультетом в Харбине, стали признавать советские вузы в Иркутске, Томске и Москве [8, с. 13-14].

В 1924 г. было подписано советско-китайское соглашение о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой. Согласно договору, СССР стал совладельцем дороги, в полосе отчуждения КВЖД появились советские консульства, а управление дорогой осуществлялось на паритетных началах. Советская администрация КВЖД и сотрудники Юридического факультета достигли соглашения, по которому деканом должен быть избран профессор, имевший советское гражданство, профессора-эмигранты не должны принимать участия в каких-либо политических выступлениях против СССР [5, с. 310]. Сотрудники факультета, подданные Российской империи, не принявшие условия договора, были вынуждены уехать за пределы полосы отчуждения.

Итак, в первой половине XX в. шло формирование трансграничного пространства в Дальневосточном регионе. В условиях политических преобразований и освоения территорий происходило структурирование нового дальневосточного паттерна, где взаимодействие двух цивилизаций обусловило возникновение особого общества и личности, вовлеченной в процесс взаимодействия двух культур. Деятельность Юридического факультета в Харбине выступает как фактор формирования транскультурного пространства – была создана особая образовательная среда, где русским профессорско-преподавательским составом на территории чужого государства осуществлялось обучение русской, а впоследствии и китайской молодежи.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
2. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай. 1920-1950-е гг. Хабаровск, 2003. 352 с.

3. Залесская О.В., Орнацкая Т.А. Юридический факультет в Харбине и его вклад в развитие русско-китайского приграничья (1920–1937 гг.) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 113-131.
4. Заря. 1920. 16 октября.
5. Известия Юридического факультета. Т. 5. Харбин, 1928.
6. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.
7. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) М., 1997. 245 с.
8. Павловская М.А. Востоковедение на Юридическом факультете Харбина (1920–1937 гг.) // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 11-19.
9. Пай С.С. К истории образовательных учреждений г. Харбина в 1917-1922 гг. // Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX–XXI вв.: Седьмые Гродековские чтения. Хабаровск, 2012. С. 241-249.
10. Премиловский В. Русская школа в Маньчжурии // Русская школа за рубежом. Кн. 18. Прага, 1926. С. 601-617.
11. Сергеев О.И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) // Исторический опыт освоения восточных районов России: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 202.
12. Хисамутдинова Н.В. От Восточного института к Дальневосточному федеральному университету // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 7-1. С. 39-51.

УДК 93/94 (5) 092

Романовский В.К.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.В. УСТРЯЛОВА В ХАРБИНЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Статья посвящена многогранной деятельности Устрялова Н.В. в первые годы его пребывания в Харбине. Уделяется внимание сотрудничеству политического публициста с редакциями городских газет, организации им собственных периодических печатных изданий, а также его участию в заседаниях литературных объединений журналистов и писателей Харбина.
Ключевые слова: Устрялов Н.В.; Харбин начала 1920-х гг.; политическая публицистика; издание журналов; литературные объединения.

Romanovsky V.K.

PUBLICISTIC, PUBLISHING AND CULTURAL ACTIVITIES OF NV USTRYALOV IN HARBIN IN THE EARLY 1920s

The article describes Ustryalov's multifaceted activities during his early years in Kharbin. The focus is made on the political publicist's cooperation with the city newspapers, the publishing of his own periodicals, as well as on his participation in the meetings of Kharbin literary associations of journalists and writers.
Keywords: Ustyalov N.V.; the Kharbin of the early 1920s; political journalism; magazine publishing; literary associations.

Николай Васильевич Устрялов, ведущий публицист и идеолог омского режима, после разгрома армии Колчака планировал из Иркутска добраться до Владивостока, чтобы определиться с дальнейшими жизненными планами. Но в Харбине, куда он прибыл на поезде японской военной миссии в конце января 1920 г., его застало известие об эсеровском восстании и свержении колчаковского режима генерала Розанова в Приморской области. Приезд во Владивосток становился небезопасным, поэтому он сделал вынужденную остановку в Харбине.

Харбин в годы русской революции и Гражданской войны оказался на пути мощного потока беженцев из России, и его численность стремительно возрастала. По облику и укладу он мало чем отличался от обычного русского города. «В конце 1919 – начале 1920 г., – по словам публициста Н. Лидина, – русский эмигрант, попадая в Харбин, ни в какой степени не чувствовал, что он за границей. В ту пору в полосе отчуждения, в Харбине в особенности, социально-административный уклад жизни носил ярко выраженный русский характер. По существу, и формально. Функционировал русский суд, русская почта, русская полиция, городское самоуправление, сконструированные по русскому образцу. На улицах, в магазинах, в учреждениях господствовал русский язык» [1]. В городе были представлены различные социальные слои и профессиональные группы бывшей Российской империи: дворяне, духовенство, военные, казаки, политики, общественные деятели, предприниматели, вузовские преподаватели, литераторы, журналисты, художники, актеры, деятели науки, врачи и др. Среди горожан значительно возросла прослойка образованных людей. Создавались новые профессиональные, творческие, общественные союзы, общества и комитеты. Возникали политические объединения и организации различных идейных ориентаций: от монархических до анархо-меньшевистских. По масштабам издания русской периодики Харбин ничем не уступал, например, Берлину – крупнейшему центру русской эмиграции в Европе. Так, в 1920 г. в Харбине было 18 периодических изданий, а в Берлине – 10; в 1921 г., соответственно, 14 и 13; в 1922 г. – 23 и 22» [4]. В городе открывались высшие учебные заведения, театральные студии, художественные салоны, концертные площадки и т.п. Харбин становился признанным центром политической, общественной, культурной и духовной жизни русских эмигрантов, «восточной столицей» русской эмиграции.

Привычный русский уклад, значительная прослойка образованных людей, насыщенная политическая, общественная, культурная жизнь города, отсутствие политической цензуры, близость к Родине – эти факторы, вероятно, способствовали тому, что Устрялов определил Харбин в качестве постоянного места жительства.

В Харбине Устрялов принимает решение открыто изложить свою позицию, выстраданную в последние недели омской трагедии. Спустя несколько дней после приезда публикуется его интервью в харбинском «Вестнике Маньчжурии» под заголовком «Перелом», в котором он делает неожиданные для своего окружения публичные признания.

Устрялов предлагает участникам недавней омской эпопеи, всем противникам большевистского режима, «отдать себе ясный отчет в последних событиях нашей гражданской войны» и «посмотреть в глаза правде». С омской властью связывалось «много надежд». Верилось, что именно антибольшевистское движение под руководством Колчака будет способным «воссоздать страну, обеспечить ей здоровый правопорядок на основах национального демократизма». Казалось, что «революция, доведшая государство до распада и полного бессилия, будет побеждена вооруженной рукой самого народа, восставшего во имя патриотизма, во имя великой и единой России». Однако финал оказался другим, трагическим. Поэтому, считает Устрялов, после падения Омска («восточной государственности»), важно понять всем, кто еще надеется на победу и не хочет примириться с крушением «национального русского дела»: разгром Колчака – событие переломное в гражданском противоборстве, «мы побеждены в масштабе всероссийском, а не местном только». Продолжающаяся борьба в других регионах страны уже ничего не изменит, налицо – «торжество большевиков». «Выясняется с беспощадной несомненностью, - приходит к выводу Устрялов, - что путь вооруженной борьбы против революции – бесплодный, неудавшийся путь. Жизнь отверг-

ла его, и теперь, после падения Иркутска на востоке и Киева, Харькова, Царицина и Ростова на юге это приходится признать…» [5].

Омское правительство, заявляет Устрялов, погибло не вследствие реакционности своей политики. Причина «совсем не в этом», ибо «в смысле методов управления большевики куда «реакционнее» павшего правительства». Причины катастрофы «лежат несравненно глубже». Одна из них заключается в том, что «Россия не изжила еще революции, т.е. большевизма… В победах советской власти есть что-то фатальное, будто такова воля истории». Во-вторых, «антибольшевистское движение силою вещей слишком связало себя с иностранными элементами», что, в свою очередь, «вооружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». «Причудливая диалектика истории, – отмечает Устрялов, – неожиданно выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни, – в то время как наш национализм, оставаясь непоколебленным, потускнел и поблек на практике вследствие своих альянсов и компромиссов с так называемыми «союзниками». Как это ни парадоксально, «но объединение России идет под знаком большевизма, ставшего империалистическим и централистским…» [5].

Русские патриоты, по словам Устрялова, боролись за объединение и возрождение России. И если эта идея осуществляется большевиками, то, следовательно, «должна быть оставлена и идеология вооруженной борьбы с большевизмом», ибо «отстаивать ее при настоящих условиях было бы доктринерством, непростительным для реального политика». «Разумеется, - замечает публицист, – все это отнюдь не означает безусловного приятия большевизма или полного примирения с ним. Должны лишь существенно измениться методы его преодоления. Если не удалось победить силою оружия в гражданской борьбе – он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира…». Процесс внутреннего органического перерождения советской власти «уже начинается, что бы ни говорили ее представители». «И наша общая очередная задача, – приходит к заключению бывший колчаковец, – способствовать этому процессу». Русским патриотам следует не бороться с большевистской властью, а, напротив, поддерживать ее начинания по восстановлению могущества страны [5].

Настоящей публикацией Устрялов впервые открыто формулирует свою «примиренческую» платформу: белое дело проиграно; вооруженная борьба против большевиков бессмысленна; советская власть, а не Белое движение осуществляет «национальное дело»; задача русских патриотов – поддерживать «советскую» политику национального возрождения страны и способствовать процессу эволюционного перерождения советского режима, который уже начался. Харбинская публикация Устрялова имела явно программный характер. Впоследствии автор называл ее «сменовеховской декларацией», которая появилась «больше, чем за год до нэпа», что, по его мнению, дает основание исторически вести «нашу смену вех не от нэпа, а от конца Гражданской войны в ее основной фазе» [12].

Вскоре Устрялов становится ведущим сотрудником газеты «Новости жизни» – ежедневного общественно-политического, литературного и торгово-промышленного печатного издания города Харбина. Его статьи, написанные в русле известной «декларации», стали регулярно появляться в газете [6–9]. Со временем само издание перешло на «сменовеховские позиции», пропагандируя устряловские идеи в дальневосточном зарубежье.

В том же 1920 г. Н.В. Устрялов вместе с поэтом С.Я. Алымовым организует выпуск журнала «Окно», название которого должно было символизировать надежду, свет, духовное возрождение в условиях всеобщего хаоса, упадка, великих потрясений и пессимистических прогнозов. Издатели стремились объединить вокруг журнала литературные силы из эмигрантской среды (активное уча-

стие в нем принимает известный русский поэт Николай Асеев) и своими материалами (прозой, стихами, публицистикой) вселить веру в искалеченные души современников. «В самом деле, – задает вопрос Н.Устрялов на страницах первого номера журнала, мучивший многих его соотечественников, – эта величайшая катастрофа, в пять лет до неузнаваемости изменившая стиль человеческой культуры и лик исторической жизни, что она: предсмертная ли судорога одряхлевшего человечества, яркая вспышка конца, или… или все-таки нечто иное, менее безнадежное, более плодотворное?» Ответ самого публициста пронизан оптимизмом: «жизнь, как и сама истина, – убежден он, – есть сочетание противоположностей…», нынешний хаос породит новый расцвет исторического бытия и «быть может, суждены еще миру прекрасные судьбы, благие свершения…» [10]. Однако жизнь литературно-художественного ежемесячника «Окно» оказалась недолгой: после выхода двух номеров издание журнала прекратилось из-за финансовых трудностей.

Вскоре Устрялов предпринимает еще одну попытку организовать выпуск самостоятельного печатного издания. В 1922–1923 гг. совместно с экономистом и единомышленником Г.Н. Диким он издает альманах «Русская жизнь», посвященный «вопросам общественным, экономическим и культуры». В предисловии к первому номеру инициаторы издания отмечали, что они не находятся в плену прежних идеологических установок и готовы в ходе свободных споров и дискуссий обсуждать проблемы «русской жизни». В то же время обсуждать их необходимо с национально-государственных и патриотических позиций, не связывая исполнение своего патриотического долга с предъявления каких-то условий родине [3]. Вокруг альманаха группировались авторы различных тематических направлений, но объединенных идеями примирения и гражданского мира между соотечественниками. На страницах альманаха (вышло 4 выпуска) обсуждались актуальные проблемы революции и Гражданской войны (Е. Яшнов, Н. Устрялов), экономического развития России (Г. Дикой), современных общественно-политических процессов на родине и за рубежом (Н. Зефиров, А. Бобрищев-Пушкин), внутренней жизни стран Азиатско-Тихоокеанского региона (П. Таубе), международных отношений (Г. Передирий) и др. Публиковались также корреспонденции о положении в России и русских эмигрантских центрах.

В начале 1920-х гг. Устрялов принимает активное участие в творческих объединениях Харбина. Одно из них называлось «Общество писателей и журналистов». На заседаниях общества, которые происходили еженедельно в четверг, заслушивались доклады, обсуждались художественные новинки, происходили дискуссии на литературные и общественно-политические темы. Участниками общества были профессора-юристы Н.В. Устрялов, Г.К. Гинс, Е.Х. Нилус, писатели, поэты, журналисты Е.И. Щировская (первый председатель общества), С. Алымов, Л. Арнольдов, Т. Баженова, С.И. Гусев-Оренбургский, С. Скиталец и др. Общество играло видную роль в культурной жизни Харбина и всей дальневосточной русской эмиграции. В конце 1922 г. значительная часть членов общества (в том числе Устрялов) влилась в состав литературно-художественного кружка при Харбинском коммерческом собрании. Кружок был организован несколькими месяцами раньше (в конце июля 1922 г.) с целью «оживления культурной жизни…, путем взаимных литературно-артистических встреч, устройства вечеров, спектаклей, концертов, студий…». В него входили местные литераторы, художники, музыканты, артисты, всего около 100 чел. Кроме публичных вечеров и спектаклей, по субботам кружок устраивал закрытые вечера. На них с чтением своих произведений выступали литераторы, с докладами – профессора Н.В. Устрялов, Л. Кожеуров и др. [2].

Так, 28 октября 1922 г. на вечере, посвященном памяти А. Блока, участники кружка с огромным вниманием прослушали выступление Устрялова о творче-

стве поэта. По словам докладчика, вся поэзия Блока пронизана темой Родины, России. «В мире звуков, открывшихся ему, неумолчно и явственно звучал на музыку переложенный лик России. – говорил Устрялов собравшейся аудитории. – Среди душевных изломов и надрывов, столь характерных для его творчества…, мотивы России дышали всегда очищающе и оздоровляюще… И что бы ни случилось с ней, чем бы ни билось ее буйное своенравное, из противоречий сотканное сердце, – душа поэта полна ею и в сердце его отзывается каждое биение ее сердца…» [11].

Устрялов в поэзии Блока находит отголоски своих дум и настроений. Они также проникнуты страстной любовью к многоликой Руси (прошлой и настоящей, богатой и нищей, деревенской и городской, буйной и кроткой, религиозной и безбожной) и верой в ее особое предназначение на земле. Публицист ценит поэта за то, что его сердце всегда с Россией, с ее радостями и горестями.

За то, что он своим творчеством приблизился к разгадке души России – мятущейся, противоречивой, раздвоенной. За неизменную любовь Блока к родине. «Вслед за Достоевским, вскрывшим «две бездны» русской души, вслед за Вл. Соловьевым, учившим о «темном корне» лучших плодов бытия, Блоку, – замечает докладчик, – доступны, внутренне близки все противоречия, заложенные Богом в душу России. Прикованный к ней, сам чувствующий ее в своей собственной душе, он влюблен во все изгибы ее духовного существа, во все изломы ее природы» [11].

Таким образом, начальный период жизни Н.В.Устрялова в Харбине характеризуется его активной публицистической, издательской и культурной деятельностью. Он сотрудничает в качестве публициста с редакциями городских газет, предпринимает попытки организации собственных печатных изданий, активно участвует в заседаниях литературно-художественных объединений и культурной жизни города.

Список источников

1. Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. Шанхай. 1937. № 1.
2. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940. Т.2. Периодика и литературные центры. М., 2000.
3. Предисловие // Русская жизнь. 1922. Вып. 1.
4. Розенберг В.А. Русская зарубежная периодическая печать // Русская зарубежная книга. Прага. 1924. № 1.
5. Устрялов Н. Перелом // Вестник Маньчжурии. 1920. 1 февраля.
6. Устрялов Н. Интервенция // Новости жизни. 1920. 24 февраля.
7. Устрялов Н. Перспективы // Новости жизни. 1920. 18 марта.
8. Устрялов Н. Союзники и мы // Новости жизни. 1920. 20 апреля.
9. Устрялов Н. О верности себе // Новости жизни. 1920. 4 мая.
10. Устрялов Н. Лик века сего // Окно. 1920. № 1.
11. Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1927.
12. Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай, 1930.

УДК 947.085+951.096

Сергеев О.И.

КАЗАЧЬЕ ТРЕХРЕЧЬЕ И ЯПОНСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ВЛАСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ*

В статье рассматриваются события, предшествовавшие Второй мировой войне и ее начальному периоду, повлиявшие на судьбы российских казаков-эмигрантов в Китае, в том числе в Трехречье. Отмечаются попытки милитаристских сил Японии использовать казаков в борьбе против СССР. Японцы пытались сформировать военные подразделения из числа казаков-эмигрантов, что не принесло реальных результатов. Японцев также привлекало развитие казачьего хозяйства в Трехречье. Они планировали заселить эти земли японскими колонистами, с использованием опыта казачьего освоения региона. Эти планы также потерпели крах.
Ключевые слова: Вторая мировая война; Китай; Трехречье; казачья эмиграция; японские оккупанты.

Sergeev O.I.

KAZACHYE TRYOHRECHYE AND THE JAPANESE OCCUPATION AUTHORITIES IN THE NORTHEASTERN CHINA

The article deals with events preceding the World War II and its initial period, which influenced the fate of Russian Cossacks-emigrants in China including in Tryoxrech'e. There have been attempts of the militaristic forces of Japan to use the Cossacks in the struggle against the Soviet Union. The Japanese tried to form military units from among the Cossacks-emigrants that have not produced tangible results. The Japanese also attracted the development of the Cossack economy in Tryoxrech'e. They planned to settle in this land of the Japanese colonists, using the experience of Cossack exploration of the region. These plans also failed.
Keywords: the World War II; China; Tryoxrech'e; Cossack emigration; the Japanese occupiers.

Захват Маньчжурии Япония планировала задолго до начала реальной агрессии. Уже в 20-х гг. XX в. японские геополитики пытались доказать «право Японии на континентальную агрессию», утверждая, что их нация «самой историей призвана нести японский дух всем другим народам азиатского континента». Ставший в апреле 1927 г. премьером правительства Танака Гиити рассматривал Маньчжурию и Корею как «буферную зону между Японией и Россией» [8, с. 108].

17 сентября 1931 г. японские войска спровоцировали военное столкновение в районе китайского города Мукден и к вечеру 19 сентября захватили его и ряд других городов и железнодорожных станций к северу от Мукдена. В результате боевых действий японский план был успешно реализован, и 3 января 1932 г. войска империи, захватив город Цзиньчжоу, завершили оккупацию Маньчжурии и приступили к ее освоению. 1 марта 1932 г. была опубликована декларация, объявившая, что «согласно воле 30-миллионного населения Маньчжурия разрывает отношения с Китайской Республикой и создается государство Маньчжоу-Го» [8, с. 116].

В ходе реализации оккупационных планов Япония обратила внимание на российский эмигрантский контингент, в том числе казачий. При этом учитывался уникальный опыт российских казаков как в освоении новых территорий

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президиума. Проект № 15-1-9-008.

в сложнейших условиях, так и в обороне новых земель. Такой опыт казаки-эмигранты накопили и в зарубежье, включая Китай.

Основная масса казаков-эмигрантов в Китае появилась в 1917–1930-х гг. Общая их численность в этой стране в 1920-х гг., по нашим данным, превышала 25 тыс. чел. По месту выхода из России эмиграция включала в основном казачество Забайкальского, Амурского, Уссурийского, Иркутского, Енисейского войск, т.е. казачество Дальнего Востока и Восточной Сибири. Казаки, вынужденные эмигрировать из войск Европейской России, оказались в расселении преимущественно в странах Европы. В Китае таковых были лишь единицы. Наибольшая концентрация казачьей эмиграции в Китае отмечалась в полосе КВЖД (прежде всего в Харбине), в районе Барги (включая Трехречье), в Шанхае, Тяньцзине и ряде других мест.

В отличие от других стран, в Китае казакам удалось создать самобытные традиционные казачьи поселения – станицы, которые успешно существовали в течение длительного периода. Эти станицы казаки основали на территориях, примыкающих к бывшей Забайкальской области России. Обширные приграничные китайские земли, на которых поселились казаки, пустовали и нуждались в интенсивном заселении и хозяйственном освоении.

Стали развиваться старые поселки, строились новые, в том числе в Трехречье. В результате в начале 20-х гг. XX в. из 80 тыс. чел. населения Баргина на долю коренного, в основном кочевого, приходилось около 39 тыс. чел. (т.е. 48 %), русских – около 23 тыс. (28,75 %) и китайцев – около 18 тыс. (22,5). По отдельным районам Барги, местах основного расселения российских эмигрантов, их доля составляла: в поселках приречья Аргуни – 34%, в прижелезнодорожной полосе – 54 %, в Трехречье – 91 %. Таким образом, регион явился уникальной с точки зрения истории российской эмиграции территорией, где концентрация этой группы населения была чрезвычайно велика, а в отдельных районах составляла абсолютное большинство жителей.

Хозяйственно-экономический комплекс, сложившийся под влиянием определенных природно-географических, территориальных, политических и демографических факторов, создавал объективные условия для формирования специфики быта, характера и форм общения людей, воспитания и развития потомков местного казачества. Этот специфический казачий опыт внимательно изучали японские власти, проводя многочисленные экспедиции, полевые исследования, документальные изыскания.

Один из современных японских историков, Игауэ Нахо, провела колоссальную работу, собирая японские материалы и источники, касающиеся казаков-эмигрантов: «Трехречье было для местных властей, Квантунской армии, ЯВМ, военной жандармерии и «Кевакай» (Маньчжурское императорское Общество согласия) предметом для постоянного изучения. Исследования перечисленных служб и ведомств носили административно-прикладной характер и проводились с целью выяснения налогового и мобилизационного потенциала этого района». Например, целью исследований Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии и Токийского императорского университета в районе Трехречья было определение в интересах японских колонистов-переселенцев оптимальной модели земледелия в районах с холодным климатом» [6, с. 85, 86].

Как выяснила Игауэ Нахо, по результатам исследований Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии составило и опубликовало ряд докладов, в том числе открытый доклад «Жилье и повседневная жизнь русских в Трехречье на севере Маньчжурии», который поступил в свободную продажу (остальным публикациям был присвоен гриф «Секретно»). В опубликованном докладе «особый интерес представляют данные о состоянии индивидуальных хозяйств ... Трехречья, такие как сумма уплаченных налогов, площадь сельскохозяйственных

угодий, виды и поголовье домашнего скота, запасы кормов, дров и лесоматериалов». По результатам полевых исследований июня 1936 г. опубликованы статистические данные, включавшие в себя, помимо указанных выше, сведения о 45 хозяйствах деревни Верх-Кули» [6, с. 87].

В период с декабря 1940 по январь 1941 г. сотрудниками Бюро была комплексно обследована деревня Верх-Кули и собраны подробные сведения обо всех 163 русских хозяйствах этой деревни. Итоговый доклад состоял из трех частей, в первой дается анализ полученных данных, во второй – запись анкетного опроса глав трех хозяйств, в третьей – сводные статистические данные, в частности по хозяйствам Бочкарёва, Полоротова и Черныха, которые отвечали на вопросы о жизни и хозяйстве в русском Забайкалье, переселении в Трехречье, хозяйственной жизни деревни Верх-Кули. Статистика третьего раздела доклада включает в себя такие данные: краткая история семьи, возрастной состав, занятость, площадь сельскохозяйственных угодий семьи (по состоянию на 1938–1940 гг.), основная производимая продукция, количество лошадей и коров, поголовье домашнего скота и птицы, количество строений, сельскохозяйственный инвентарь и т.д. Игауэ Нахо подчеркивает, что доклады по итогам проведенных Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии в три этапа исследований дополняют друг друга и дают возможность подробно узнать о самой большой деревне Трехречья – Верх-Кули [6, с. 87-88].

Этот поселок был основан казаками, бежавшими в 1918 г. из Забайкалья. В начале здесь насчитывалось не более 43 дворов, но затем их количество увеличивалось и на ноябрь 1940 г. составляло 180 дворов, в том числе 163 русских и 17 китайских. Общее население 1205 чел., в том числе 1077 русских, которые имели в хозяйстве 3358 голов крупного рогатого скота, 1233 лошади, 4007 овец, 910 коз, 249 свиней. Основным занятием русского населения являлось земледелие (128 дворов), различные промыслы (плотники – 3 двора, жестянщики – 1), торговля (3 двора). Кроме того, в деревне работал ветеринар, два учителя, водитель трактора, секретарь сельской администрации. 23 двора составляли сельскохозяйственные работники по найму. По происхождению большинство жителей являлись выходцами из Забайкальской области (146 дворов) и некоторых других районов Дальнего Востока: из Амурской области – 2 хозяйства, из Приморской – 1. Остальные представляли Владимирскую губернюю – 1, Вятскую – 1, Пермскую – 7, Уральскую область – 1, Оренбургскую – 1, Акмолинскую – 2, Ферганскую – 1. Сразу осели, после побега из Советского Союза, в Верх-Кули 75 дворов, а остальные после различных переездов (от 1 до 6). С семьями в поселок прибыло 83 хозяйства, количество членов семьи от 2 до 18; остальные – 80 домохозяйств первоначально составляли переселившиеся одиночки. Некоторые привели с собой большое количество скота (например, с одним хозяйством прибыло 30 лошадей, 70 коров, 220 овец), другие скота не имели [5, с. 7, 9, 16-17].

В 1940 г., по данным японских исследователей, земледелием в поселке Верх-Кули занималось 128 семей, среди сельхозкультур почти 48 % составляла пшеница, около 45 % – овес, значительно меньше – ячмень (примерно 6 %), 1 % в земледелии составлял картофель, 0,2 % – другие овощи, возделывались в небольшом количестве и иные культуры. Поля обрабатывались, наряду с тягловой силой (лошади, волы), тракторами, которых имелось 5 единиц. Среди других сельскохозяйственных орудий имелись зерновые сеялки, плуги, бороны, жатки, молотилки, веялки мукомолки [5, с. 31-59].

Важнейшим, на наш взгляд, является следующий вывод Игауэ Нахо: «Что же хотело выяснить Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии... Прежде всего, это сельское хозяйство и уклад жизни в районе Трехречья... Японских исследователей привлекла... модель казачьих хозяйств, в которых основным занятием было животноводство, но при этом они рационально занимались меха-

низированным земледелием. На такой обособленный уклад жизни казачьих общин, как отмечалось в «Докладе о предварительном обследовании сельских поселений района Трехречья провинции Северный Синань», оказывали серьезное влияние атаманская система управления, иерархическая структура общины, система найма и занятости, различия в причинах и времени поселения» [6, с. 88-89].

И далее Игауэ Нахо продолжает: «…целью японских исследований сельских поселений Трехречья было привлечение японских переселенцев в этот район... В 1938 г. Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии подготовило и издало «Доклад о предварительном обследовании пригодных для японских переселенцев-колонистов территорий провинции Северный Синань и Восточный Синань». В нем использовались сведения, собранные в районе Трехречья... Приводились конкретные расчеты, по которым в Трехречье на площади 188 тыс. га возможно было организовать 4699 хозяйств японских переселенцев-колонистов. В этом докладе указывалось, что так как численность населения Трехречья составляет 9557 чел., а площадь сельскохозяйственных угодий – 20 тыс. га, то в случае переселения в этот район указанного в расчетах числа японских переселенцев-колонистов, ситуация в этом районе изменится коренным образом». При этом авторы доклада подчеркивали, что хозяйства японских переселенцев-колонистов целесообразно обустраивать по русской модели, предполагающей животноводство и земледелие с использованием тягловой силы животных» [6, с. 89].

Столь масштабным планам освоения японскими переселенцами земель Северо-Востока Китая не суждено было сбыться. Как указывает российский исследователь Г.П. Белоглазов, попытки «официальных властей основать поселения японских колонистов в сельских районах СВК были не очень успешными, однако большие участки земель приобрели японские колонизационные организации и компании «Общество развития Маньчжурии», «Общество освоения Маньчжурии» и др.» [2, с. 14-15]. В 1945 г. примерно 10–15 % обрабатываемых земель находилось в собственности японских поселенцев и земельных компаний, а также у правительства Маньчжоу-Го [2, с. 14].

Игауэ Нахо, в свою очередь, также подчеркивает, что в 1940-е гг. японская программа переселения в Маньчжурию, в связи с ухудшавшимся положением страны во время Второй мировой войны, практически полностью заглохла. Невелико было и число поселений японских колонистов в районе Хулун-Буира, включавшегося в себя Трехречье, что было также обусловлено значительной удаленностью этого района от Японии. «Но сельские хозяйства японских переселенцев в этом районе имели свои отличия от других поселений японских колонистов. Эти отличия полностью совпадали по своей сути с предложениями Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии о внедрении и применении способов хозяйствования казаков Трехречья» [6, с. 90].

Характеризуя хозяйства японских колонистов в Трехречье, Игауэ Нахо отмечает, что с 1930-х гг. в Трехречье существовало два японских крестьянских хозяйства, которые назывались «Ферма «Кева» Трехречья» и «Ферма «Кеда» Трехречья». Первое было создано в 1933 г., вначале дела в нем шли не очень гладко, но в 1935 г. его преобразовали в сельскохозяйственный кооператив. В 1938 г. насчитывалось 4 члена кооператива и 7 наемных рабочих из числа китайцев и русских, а площадь сельскохозяйственных угодий составляла около 260 га. Обработка земли велась под руководством русского Чегодаева из деревни Верх-Кули. «Ферма «Кеда» Трехречья» была основано в 1936 г. Окабэ Исао и его единомышленниками, а к 1938 г. была построена и «Ниси-но фурусато» (Малая родина на Западе). В 1938 г. все участники «Фермы «Кеда» Трехречья», состоявшей из пяти хозяйств общей площадью сельскохозяйственных угодий в 100 га, перевезли яз Японии свои семьи. Кроме того, 11 семей «Ниси-но фурусато» занялись строительством домов и разработкой целинных земель. Способы хозяйствования

на «Ферме «Кедо» Трехречья» были точно такими же, как в русских хозяйствах Трехречья. Как описывает сам Окабэ, он, перед тем как основать собственное хозяйство, в течение года жил в русской семье в деревне Драгоценка и изучал не только способы возделывания земли, но и пищу, одежду, поэтому в своем хозяйстве японцы жили в избах, спали на кроватях, употребляли в пищу молоко, как русские [6, с. 90-91].

Позднее, в 1940 г. Добровольческий корпус колонистов в Маньчжурии открыл учебный центр – «Синаньский лагерь тренировки пионеров-осваивателей». Этот лагерь являлся одним из учреждений японской организации «Добровольцы для освоения Маньчжурии и Монголии», которая отправляла многочисленных японских юношей в Маньчжоу-Го с целью хозяйственного освоения земли и одновременно укрепления местной обороны. Лагерь действовал в Трехречье с 1940 по 1945 г. Только за два года в лагере прошли обучение около 300 молодых переселенцев. В последующем они основали в Трехречье три поселения колонистов – «Кохуку», «Кокэй» и «Ямато». Начальником этого центра был назначен Окабэ Исао, обучавший переселенцев русскому (казачьему) способу хозяйствования. Однако большое количество японцев, особенно крестьян-переселенцев, даже в районах с холодным климатом, продолжали сохранять привычный для них образ жизни [6, с. 91].

Наряду с изучением хозяйственного опыта российских казаков-эмигрантов, японские оккупационные власти оценивали мобилизационные возможности этой категории населения. Они рассматривали казаков как надежных помощников в охране границы и возможных союзников в случае вторжения в Советскую Россию.

К началу 40-х гг. XX в. на территории Трехречья проживали 1494 русские эмигрантские семьи (данные по 15 поселкам). Эти семьи включали 8449 чел., из них 4491 мужчина, 3958 женщин. Наиболее заселенными являлись поселки Верх-Кули, Верх-Ургa, Драгоценка, Дубовая. Центром Трехречья была Драгоценка. В ней находилось множество китайских лавок, филиалы японских торговых компаний, торгово-промышленная фирма «И.Я. Чурин и К». Здесь же располагалось казачье станичное правление, отделения Бюро российских эмигрантов и Японской военной миссии, а в годы войны – расквартирован гарнизон Квантунской армии [1, ф. 830, оп. 1, д. 193, л. 69].

Все взрослое мужское население Трехречья состояло на учете Военного отдела Бюро по делам российских эмигрантов. Население было разделено на две категории: родившиеся в период с 1908 по 1926 г. входили в состав «волонтеров», а с 1888 по 1907 г. – в группу «ополченцев». И «волонтеры», и «ополченцы» подвергались ежегодному медицинскому осмотру и, за исключением признанных непригодными к военной службе, находились под контролем Бюро. На военном учете в начале 40-х гг. XX в. состояли 2022 казака. По поселкам они располагались следующим образом. Наибольшее число состоящих на военном учете мужчин было в Верх-Кули (312), Верх-Урге (288), Драгоценке (285), Дубовой (233), что касается офицеров в составе казачьих бригад, то их было больше в Драгоценке (19), Верх-Кули (10), Дубовой (7). Наибольшее число молодежи проживало в Верх-Урге (120 «волонтеров» в казачьих полках), Верх-Кули (90 «волонтеров»), Тулунтуе и Ключевой (по 50 «волонтеров») [1, ф. 830, оп. 1, д. 193, л. 70].

Все взрослое мужское население от 17 до 55-летнего возраста, способное носить оружие, было распределено между воинскими частями (Сунгарийский, Русский отряд, Казачий отряд в Хайларе, Пограничный полицейский отряд) и организациями, носящими военный характер (Особый отряд военной миссии, Захинганская казачья бригада). В воинских частях и организациях казаки в той или иной степени проходили военное обучение и получали «политическое образование» в духе указаний и принципов Японской военной миссии.

В 1937 г. из русских эмигрантов был сформирован отряд, дислоцируемый на станции «2-я Сунгари» недалеко от Харбина. Командовал отрядом японский полковник Асано, поэтому служащих в этом отряде называли асановцами. Призыв в отряд состоял из 450–500 новобранцев, в том числе из Трехречья. Уже в 1938 г. отряд участвовал в боях против корейских партизан. В 1939 г. часть этого отряда, состоявшую, главным образом, из трехреченских казаков, перебросили в район боевых действий на реке Халхин-Гол [9, с. 94-95].

Наряду с отрядом Асано были созданы и другие подразделения, в том числе во главе с казачьим полковником И.А. Пешковым. Воинов этого отряда, мобилизованных в основном из Трехречья, именовали пешковцами. Судьба этих подразделений была весьма трагична. В ходе окончания войны многие из них были арестованы советскими войсками, а некоторые расстреляны самими японцами [9, с. 95-96, 98-99].

Японцы внимательно изучали военную обстановку на границе с Советским Союзом и оценивали моральный дух эмигрантского приграничного населения. В июле 1942 г. в Токио была издана книга Икэда Гэндзи «Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком», в которой освещалась ситуация в Маньчжурии, в Квантунской армии и на маньчжуро-советской границе. Автор начал поездку в сентябре 1941 г. и завершил в январе 1942 г. [7].

Книга позволяет оценить планы Японии как в отношении Советского Союза, так и войны на Тихом океане – как ее именовали японцы «Великой восточноазиатской войны». Кроме того, в ней иллюстрируется положение населения приграничных районов Маньчжурии, в том числе и российских эмигрантов в Трехречье.

Описывая казачьи поселения в Трехречье, Икэда Гэндзи отмечает: «Казаки использовали с давних времен сложившуюся систему административного управления во главе с атаманами, при которой администрация как в центре, так и на местах осуществляла организационное и культурное руководство территорией» [7, с. 26].

Очень интересные факты касаются казачьей молодежи Трехречья, ее подхода к военной службе. Икэда Гэндзи подчеркивает: «Они себя считали казаками... и гордились этим».

Икэда Гэндзи провел своеобразный опрос среди казачьей молодежи. На вопрос об отношении казаков к власти Сталина был получен ответ: «С момента революции, осуществленной Коммунистической партией, режим стал очень сильно преследовать казаков. Коммунистическая партия уничтожила большую часть из нас, наших предков, дедушек и бабушек, наших родителей, братьев и сестер, близких родственников, поэтому сталинский режим – это наш противник, который казаки должны ненавидеть». Отсюда заветное желание казаков: «Свергнуть сталинский режим и возродить монархию». А вот ответ на вопрос, каким образом можно его свергнуть: «Сталинский режим, вероятно, будет удален и разрушен, если по нему будут нанесены удары с запада – Германией, а с востока – японо-маньчжурскими войсками».

Икэда Гэндзи высказал опрашиваемым мнение, что если сталинский режим будет свергнут, а Германия будет прочно удерживать Ленинград, всю зону Москвы, районы Украины, то в будущем Россия вряд ли сможет стать великой державой. На что молодые казаки отвечали: «Если ... Германия не возвратит оккупированные территории, то мы вернем их силой» [7, с. 28-32].

Отраженное в книге Икэда Гэндзи мнение о моральном духе и настроениях в казачьей среде Трехречья подтверждается современниками в газетных заметках. Это и описание бытового уклада, и поддержание воинских традиций: «Трудно сказать, есть ли разница в условиях жизни казачества с периодом мирного време-

ни, когда казаки были у себя на Родине, в родных казачьих станицах. Нравы, обычаи и обрядность принесены во всей полноте из родных казачьих станиц и соблюдаются с присущей казачьей природе строгостью» [3]. Торжественно, красочно и лихо отмечались войсковые праздники. По всей видимости, одно из последних подобных торжеств прошло 4 июня 1944 г. в Трехречье, в честь традиционного войскового праздника казачьих войск Забайкальского, Уссурийского и Амурского, падавшего на пятую неделю Великого поста. Местная газета отмечала: «Чтобы сохранить обычаи и традиции отцов и дедов и поощрить молодую казачью смену... конный пробег и лихую казачью джигитовку было решено организовать в станице Драгоценка...» [4].

Август 1945 г. оказался очень жестоким для многих российских эмигрантов, начались репрессии со стороны соответствующих советских структур. Трехречье стало неузнаваемым, многодетные семьи, лишившись хозяев, быстро разорялись, хозяйства пришли в упадок, «появились неуверенность, безотчетный страх, неприязнь и подозрительность». «Много зла принесла и новая китайская власть... Некомпетентные аппаратчики подвели край к последней черте. Кончилось тем, что в 1955–56 гг. русские были насильственно выселены из района» [9, с. 102]. Так трагически завершилась история казачьего Трехречья.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Белоглазов Г.П. Аграрная реформа в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай). 1945–1949 гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 199 с.
3. Захинганский голос. 1943. 25 апреля.
4. Захинганский голос. 1944. 9 июня.
5. Игауэ Нахо. Доклад по исследованию форм ведения сельского хозяйства русскими крестьянами в Трехречье. Опыт перевода. Токио: Университет Тюо, 2014. Титул IX. 96 с.
6. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сел в Хулун-Буйре (Трехречье) в Маньчжуо-Го // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 81-93.
7. Икэда Гэндзи. Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком. Токио: Компания «Асахи Симбунся», 1942. 223 с.
8. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во. 1989. 350 с.
9. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94-103.

УДК 94 (47+57)

Сумская А.Г., Тимофеев А.Н.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А.П. БАКШЕЕВ: УТОЧНЕННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАГРАДЫ И ЗНАКА НА ФОТОГРАФИИ ПЕРИОДА МАНЬЧЖОУ-ДИ-ГО

Идентифицированы награда и знак на фотографии генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева периода Маньчжоу-Ди-Го. Впервые публикуется фотография членского знака общества «Кёо-Ва-Кай», приводится описание знака и краткие сведения о самом обществе, в том числе из личного архива Г. Пермякова и китайских источников. Для сравнения дается изображение флага общества «Кёо-Ва-Кай» и государственного флага Маньчжоу-Ди-Го.

Ключевые слова: генерал-лейтенант Алексей Бакшеев; китаист Георгий Пермяков; Маньчжоу-Ди-Го; общество «Кёо-Ва-Кай»; Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии; орден Святого Георгия.

Sumskaya A.G., Timofeev A.N.

LIEUTENANT-GENERAL A.P. BAKSHEEV: REFINED IDENTIFICATION OF THE AWARD AND THE SIGN ON THE PHOTO OF THE MANCHZHOU-DI-GO PERIOD

The article provides the identification of an award and a badge on the photo of General-Lieutenant A. P. Baksheev, the photo belonging to the period of Manchukuo. There is the first publication of a membership badge of the Kio-Va-Kai Society, together with the badge description and a summary of the society, inter alia from the personal files of G. Permyakov and some Chinese sources. The picture of the Kio-Va-Kai Society flag and the state flag of Manchukuo are given to be compared.
Keywords: General-Lieutenant A.P. Baksheev; the sinologist Georgy Permyakov; Manchukuo; the Kio-Va-Kai Society; the Bureau of Russian Emigrants in Manchuria; the Order of St George.

На конференции 2014 г. впервые была представлена фотография генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева[*] периода Маньчжоу-Ди-Го (фото[**]). При подготовке публикации авторы исходили из того, что в Манчьжоу-Ди-Го не допускалось ношение наград, полученных во время службы в Российской императорской армии, и дали предположительную идентификацию награды на груди (слева) и знака на воротнике кителя (слева) [4, с. 77-83], основываясь на знаках и наградах, представленных в книге А.М. Буякова [3, с. 130].

В настоящее время, благодаря консультациям А.М. Буякова и любезно предоставленной им фотографии членского знака общества «Кёо-Ва-Кай», стала возможной уточненная идентификация.

Как выяснилось, ношение наград, полученных во время службы в Российской императорской армии, в Маньчжоу-Ди-Го не только допускалось, но и приветствовалось японскими властями, а ношение членского (не наградного!) знака было обязательным для всех руководителей и начальствующих лиц.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на фотографии, на груди у Бакшеева, орден Святого Георгия 4-й ст. на Георгиевской ленте, полученный 06.11.1916 «за то, что 2-го июля 1915 года, командуя сотней, атаковал совместно с другими сотнями 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска в спешном строю позиции, занятые неприятелем у д. Мокржец. Находясь под артиллерийским и действительным ружейным и пулеметным огнем неприятеля, Есаул Бакшеев стремительно ворвался в окопы, подавая сотне пример храбрости, и, выбив неприятеля, захватил с боя два действовавших пулемета и пленных» [5, с. 41-42].

На воротнике кителя (слева), согласно полученным сведениям, – членский знак общества «Кёо-Ва-Кай» (в некоторых источниках название дается, как «Кио-Ва-Кай»), фотография которого представлена ниже.

---

[*] А.П. Бакшеев – председатель бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ, 22.08.1935–1938), с 1938 г. – начальник Захинганского бюро БРЭМ в Хайларе, с 20.12.1940 – начальник Союза казаков на Дальнем Востоке.

[**] Фото 14 х 22 из семейного альбома дочери Бакшеева Марии (в замужестве – Шараповой, г. Красноярск). Дата на фотографии отсутствует, предположительно снимок сделан в период с 1938 по август 1945 г.

Краткое описание знака общества «Кёо-Ва-Кай». Знак круглой формы диаметром 20 мм и толщиной 2 мм. Изготавливался из латуни, лицевая сторона покрывалась эмалью разных цветов, которые соответствовали цвету полос государственного флага. Крепление булавочного типа. Носился на левой стороне груди, на лацкане пиджака или на кончике воротника. Знак не являлся наградным, а лишь указывал на членство в обществе. Три иероглифа на лицевой стороне знака читаются по-японски «Кёо-Ва-Кай» и означают:

1-й иероглиф 協 (Кёо) – согласие (отметим, что в отечественной историографии распространен вариант написания «Кио», что не совсем правильно);

2-й иероглиф 和 (Ва) – Япония, мирный (2 значения);

3-й иероглиф 会 (Кай) – общество.

Членский знак общества «Кёо-Ва-Кай» [1]. Фотография А.М. Буякова. Публикуется впервые

Флаг общества «Кёо-Ва-Кай» [8]

Пять цветов на знаке и флаге символизируют единство народов, населяющих Маньчжоу-Ди-Го: желтый – маньчжуров, красный – японцев, синий – ханьцев, белый – монголов, черный корейцев. Последовательность цветов от центра к периферии: желтый (поле знака и флага), красный, черный, белый, синий. Различие цветов на представленных изображениях, полагаем, объясняется различиями условий фотосъемки и неизбежными погрешностями цветопередачи, связанными с настройками монитора и возникающими при конвертировании файлов.

Государственный флаг Маньчжоу-Ди-Го / Государство Маньчжурия (приводится для сравнения) [9].
Последовательность цветов на государственном флаге несколько отличается. На желтом поле горизонтальные полосы разных цветов (сверху вниз): красный, синий, белый, черный.

На знаке иероглифы изображены в стилизованном виде в целях повышения технологичности при крупносерийном производстве.

Краткая справка об обществе «Кёо-Ва-Кай» (Варианты перевода названия на русский язык: Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи / Общество единения народов Маньчжурской империи / Содружество наций / Общество согласия (гармонии). По-китайски переводилось в разных звучаниях: Си-Хэ-Хай, Сихэхуэй и – более распространенное – Се-Хэ-Хой). Было создано 25 июля 1932 г. в г. Синьцзяне через несколько месяцев после образова-

ния государства Маньчжоу-Ди-Го. Формально общественная, а по сути – государственная организация. Основные задачи общества: проведение мероприятий по уничтожению и ликвидации воздействия господствующей военной власти предшествующего правительства; развитие экономики для обеспечения мирной жизни, труда и благополучия населения страны; ликвидация воздействия коммунистической пропаганды и капиталистической системы; усиление у населения страны национального самосознания и идеологии Кёо-Ва-Кай; воспитание у населения уважения к различным религиям и верованиям, поднятие духа мирного сотрудничества, развитие дружественных отношений с другими нациями и государствами [10]. Главной целью создания общества была провозглашена «помощь Ниппон (Японии, по терминологии того времени) в борьбе с англосаксонским миром и агрессией Коминтерна» [6, с. 552-555]. Китайская энциклопедия представляет общество как «псевдо-националистическое, организованное японскими фашистами в Северо-Восточном регионе, оккупированным Квантунской армией. Членами общества были в основном военные, политические чиновники-марионетки и местная элита. Марионеточная организация, деятельность которой была направлена на борьбу с коммунистическим правительством и антияпонским вооруженным движением, заявляла себя как «беспартийное движение» и «национальное движение». Основным видом деятельности была антикоммунистическая пропаганда в рядах молодежи» [11]. Известный китаист Георгий Пермяков, сам проживавший в Маньчжоу-Ди-Го и наблюдавший обстановку «изнутри», характеризует Кёо-Ва-Кай, как «неофашистскую партию, главной целью которой было привитие китайцам симпатии к Японии и насаждение антикоммунизма и ненависти к СССР» [2].

Аппарат Кёо-Ва-Кай состоял из центрального и местных бюро и их отделений. Высшим органом Кёо-Ва-Кай был «Всеманьчжурский съезд Кёо-Ва-Кай». Общество являлось, по сути, частью государственного аппарата, в котором состояли все служащие государственных учреждений, чины армии, флота и полиции, руководители БРЭМ и других организаций. По данным Усова, в начале 1930-х гг. общество насчитывало чуть более 275 000 человек, в начале 1940-х гг. – около 1 338 000 человек, из них около 3000 – русских эмигрантов. На протяжении всего своего существования общество сохраняло антикоммунистическую направленность [7, с. 52-56]. Фактически прекратило существование с момента оккупации Маньчжурии советскими войсками, т.е. с августа 1945 г., официально – с момента подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии (02.09.1945).

Авторы выражают искреннюю благодарность А.М. Буякову (г. Владивосток), любезно предоставившему фотографию, краткое описание членского знака общества «Кёо-Ва-Кай» и сообщившему другие важные сведения о принципах и правилах ношения наград и знаков периода Маньчжоу-Ди-Го, благодаря чему стала возможной уточненная идентификация, а также Н.Ф. Ивановой и Н.В. Калабиной, Д.Н. Клоковой (все г. Красноярск) и Л.Г. Капустину (г. Муром) за предоставленные сведения и помощь при подготовке материалов.

Список источников

1. Личный архив А.М. Буякова (г. Владивосток).
2. Личный архив А.Г. Сумской (г. Хабаровск).
3. Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае. Владивосток: Русский остров, 2005. 216 с.
4. Кривченко Л.А., Тимофеев А.Н. Генерал-лейтенант А.П. Бакшеев и судьбы его потомков (дополнение к биографическим справочникам) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы междунар. науч. конф., 6-8 октября 2014 г. / отв. ред. С.М. Дударенок; Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. 534 с.

5. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биограф. справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011. 672 с.
6. Путеводитель по фондам Государственного архива Хабаровского края и его филиала в городе Николаевске-на-Амуре. Т. 1. 2006. 614 с.
7. Яковкин В.Е. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. 320 с.
8. URL: http://naslednik-dv.livejournal.com/2016/ 03/28/.
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 26.03.2016).
10. URL: https://vk.com/wall-46793822_1791 (дата обращения: 26.03.2016).
11. URL: http://baike.baidu.com/link?url= (дата обращения: 26.03.2016).

УДК 94 (47+57)

Тимофеев А.Н.

АТАМАН ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА И ЕНИСЕЙСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ В ХАРБИНЕ ТЯЛШИНСКИЙ АЛЕКСЕЙ НИКАНОРОВИЧ (РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ)

На основе архивных документов и сведений, полученных от прямых потомков, выполнена реконструкция биографии, которая представляет в настоящее время наиболее полную и достоверную версию биографии А.Н. Тялшинского.
Ключевые слова: атаман Алексей Тялшинский; Енисейское казачье войско; Зарубежная казачья станица в Харбине; Первая мировая война; Гражданская война; лагерь «Краслаг»; лагерь «Озерлаг»; г. Черногорск.

Timofeev A.N.

TALSHINSKY ALEXEI NIKANOROVICH: ATAMAN OF THE YENISEI COSSACK ARMY AND THE YENISEI FOREIGN COSSACK STANITSA IN HARBIN (RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY)

On the basis of archive documents and data received from the direct descendants there is Tyalshinsky's biography reconstruction representing now the most complete and authoritative version.
Keywords: the ataman Alexei Tyalshinsky; the Yenisey cossack host; the Yenisey foreign cossack stanitsa in Kharbin; The First World War; The Civil War; the camp «Kraslag»; the camp «Ozerlag»; the town of Chernogorsk.

Тялшинский (в некоторых документах Тялш**е**нский) Алексей Никанорович (16.03.1888 (по паспорту – 16.02.1888) [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 11, 12, 25]. г. Петрозаводск Олонецкой губернии – 20.02.1956, г. Черногорск, Хакасская автономная обл. Красноярского края [3]. Полковник Русской Императорской Армии. Участник Первой мировой (19114–1918) и Гражданской (1918–1920) войн. Православного вероисповедания, по убеждениям – монархист.

Родился в семье священника, экономa Олонецкой духовной семинарии. Окончил Петрозаводское духовное училище по 2 разряду (1905) [14], Олонецкую духовную семинарию (1912), Николаевское кавалерийское военное училище по 1 разряду (г. Петроград; поступил 04.02.1916 на правах вольноопределяющегося и 01.02.1917 окончил). Смотритель приюта мальчиков им. Н.В. и А.В. Протасьевых ведомства Императрицы Марии в г. Петрозаводске (1912), по ведомству М.В.Д. – младший чиновник для особых поручений в г. Киеве при Ковенском губернаторе, камергере двора Е.И.В. И.Д. Грязеве (1913-1914), чиновник при Главноуполномоченном по устройству беженцев с прифронтовой полосы VI района –

Варшавской, Курской губерний и Области войска Донского (1915) [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 1, 1а, 2, 6, 14, 14 об.]. Призванный на военную службу в качестве ратника ополчения 2-го разряда [7, с. 140], зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища (4.02.1916), после окончания которого Высочайшим приказом произведен в хорунжие (старш. с 01.02.1916), выехал на фронт в Яссы, в Уссурийский казачий полк Уссурийской казачьей дивизии. На 25.01.1917 унтер-офицер [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 137, 137 об.], младший офицер 2-й сотни (19.02.1917), делопроизводитель полкового суда (11.04.1917), вр.и.д. полкового адъютанта (09.07.1917). В августе 1917 г. с сотней енисейских казаков откомандирован в распоряжение штаба 3-го кавалерийского корпуса (командир корпуса – генерал-майор П.Н. Краснов). На сентябрь 1917 – младший офицер конвойной сотни [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 2 об., 3; 6, с. 115-122] при штабе 3-го конного корпуса. На 09.12.1917 [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 137, 137 об.] – в распоряжении начальника Уссурийской конной дивизии генерал-майора Б.Р. Хрещатицкого. В действующей армии находился с 19.02.1917 по 09.12.1917. С 23.12.1917 по 05.03.1918 – в Красноярском отдельном казачьем дивизионе, в боевом составе которого выбыл в станицу Таштыпская Минусинского уезда 18.01.1918. 3-м Большим кругом избран помощником войскового атамана (протокол от 15.02.1918). За непризнание Советской власти и активное выступление против нее 5 марта [14, с. 140] арестован и заключен в Минусинскую тюрьму, откуда переведен в Красноярскую тюрьму и приговорен Военно-революционным трибуналом к смертной казни [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 135-136 об.] (расстрел назначен на вечер 18.06.1918) [7, с. 19]. В день выступления Чехословацкого корпуса освобожден из тюрьмы енисейскими казаками (18.06.1918). Состоял на службе в I Енисейском казачьем полку, исполняя должность заведующего военным отделом при Войсковом управлении Енисейского казачьего войска (17.08.1918–22.08.1919). В июне 1918 г. вступил во временное исполнение обязанностей атамана войска. 4-м Большим кругом был избран председателем войскового управления (08.08.1918), а 17.08.1918 вторично вступил во временное исполнение обязанностей атамана. В первой половине сентября 1918 г., еще в чине хорунжего, приказом по войскам Иркутского военного округа главным начальником округа полковником Элерц-Усовым был временно утвержден атаманом ЕКВ [6, с. 222-227].

Произведен в сотники Приказом Сибирской армии о военных чинах от 23.09.1918 [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 135-136]. С 20.02.1919, после избрания 5-м Большим кругом, исполнял должность войскового атамана на законном основании [14, с. 140-141; 8, с. 24-30; 11, с. 76-83] и был признан в должности Сибирским правительством. Командующий отдельным отрядом против большевиков в г. Енисейске (12.03.–3.04.1919) и наблюдающий за ходом боев при подавлении большевистского восстания в Ачинском уезде (05.04.–19.04.1919). 6-м Чрезвычайным большим кругом представлен к производству в чины: подъесаула, есаула, войскового старшины, полковника и командирован слушателем в Академию генерального штаба за счет войска с сохранением содержания по должности войскового атамана [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 135-137 об.; 1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 29] (документы, подтверждающие факт обучения в АГШ, не обнаружены. Прим. А.Т.). С начала марта 1920 г. – в Маньчжурии (г. Харбин), куда прибыл из Владивостока через Гензан, Мукден, Синьзян. Род занятий в Харбине: случайные заработки (1921–1922), полицейский 1-го участка на Пристани (1922–1924), билетер на автобусе (1925), заведующий бензинным пунктом агентства «ТЕКСАС» (1926–1927), заведующий бензинным пунктом агентства «Стандарт – Ойл и Ко» (1929–1936), служащий в Нефтяном союзе (1936–1940), заведующий курсами по изучению японского языка (1939–1944), преподаватель древних языков в Духовной семинарии (1941–1944) [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 1, 1а, 7, 13, 14 об., 15 об., 25].

Неоднократно переизбирался атаманом Енисейской станицы Союза казаков в г. Харбине [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 10; 10, с. 275].

Общественная работа: начальник Модягоуского городского участка российского сектора (1942–10.03.1944, возможно, до самого ареста), почетный советник при Зарубежной Енисейской станице. В Харбине проживал по адресам: Модягоу, ул. Сербская, 9, кв.3 (1934), ул. Приютская, 29, кв. 4 (1939) [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 25 об.].

Награды, знаки отличия и признательности

За отличия в делах против неприятеля командующим Уссурийского казачьего полка полковником Н.А. Пушковым был представлен к наградам: ордену Святой Анны 4 ст. с надписью: «За храбрость» и орденом Святого Станислава 3 ст. с мечами и бантом.

6-м Войсковым чрезвычайным большим кругом ЕКВ (19.08.1919, г. Красноярск) представлен к награждению орденом первых степеней «Освобождение Сибири» [2, ф. 40215, оп. 1, д. 69, л. 135-137 об.].

Кроме того, 6 августа 1919 г. 6-й Чрезвычайный большой круг ЕКВ:

- постановил в Войсковом правлении повесить портрет А.Н. Тялшинского;
- в знак благодарности за особые заслуги войску преподнес золотые часы с надписью «6-й Чрезвычайный большой круг почетному казаку Тялшинскому»;
- вручил грамоту следующего содержания:

«Грамота 6-го Чрезвычайного большого круга Енисейского казачьего войска в г. Красноярске 19 августа 1919 года.

Провожая своего батьку сотника Алексея Никаноровича Тялшинского в военную академию, 6-й Чрезвычайный большой круг Енисейского казачьего войска с искренней признательностью помнит великие заслуги его перед казачеством и истерзанной родиной Сибирью в деле ее освобождения от засилья врагов большевиков. В знак особой благодарности и признательности круг жалует глубокоуважаемого сотника Алексея Никаноровича Тялшинского званием почетного казака Енисейского казачьего войска» [Воспроизведено по правилам современной орфографии. Прим. А.Т.].

Некоторые ответы А.Н. Тялшинского на вопросы анкет БРЭМ с оценками прошлого и пожеланием на будущее:

- Подданный Российской империи со дня рождения, ходатайство о получении советского гражданства не возбуждал.
- Полное отрицание советской власти.
- Принимали ли участие в Гражданской войне – горячее участие.
- Ранение незначительное, на здоровье не отразилось.
- Ордена и знаки отличия – нет.
- По какой специальности хотели бы работать – по гражданскому ведомству [1, ф. Р-830, оп. 3, д. 48430, л. 1, 6, 12 об., 15 об., 16, 25 об.].

Судьба после 1945 г. В августе 1945 г. органами СМЕРШ арестован в г. Харбине и депортирован в СССР. В ноябре 1945 г. Приморским военным трибуналом осужден по ст. 58-2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы (за вооруженное восстание с целью захвата власти). С декабря 1945 г. – в «Краслаге» (пгт. Нижний Ингаш Нижнеингашского района Красноярского края). 30 марта 1949 г. – этапирован в особый лагерь МВД «Озерлаг» (ст. Тайшет Иркутской обл.) [12; 13]. Срок отбыл полностью. Освободившись в ноябре 1955 г., прибыл в г. Черногорск (Хакасская автономная область Красноярского края), где к тому времени проживал старший сын Георгий, вместе со своей семьей приехавший из Китая в СССР на подъем целинных и залежных земель. Умер от сердечной недостаточности 20 февраля 1956 г., не прожив на свободе и трех месяцев. После отпевания похоронен на старом городском кладбище г. Черногорска.

Близкие родственники и потомки. Отец Тялшинский Никанор Иванович (? –?), мать Тялшинская Александра Федоровна (? – после 1928 г.), брат Тялшинский Василий Никанорович (? – ?), сестра Тялшинская Клавдия Никаноровна (? – ?). Жена - Тялшинская Лидия Федоровна (урожд. Новицкая; 26.03.1894, г. Камышин Саратовской губ. – 02.01.1977, г. Сидней, Австралия, пох. на Руквудском кладбище (англ. – Rookwood Cemetery). Сыновья: Георгий (05.12.1920, г. Харбин – 14.10.1991, г. Черногорск Хакасской автономной области Красноярского края, пох. на старом городском кладб.) и Федор (23.12.1922, г. Харбин – 08.01.2005, г. Сидней, пох. на Руквудском кладбище). Жена старшего сына Георгия в первом браке – Елена Константиновна (урожд. Петровская; ок. 1920 – 29.09.2014, Сидней, Австралия), во втором - Нина Павловна (урожд. Чукова; 1924 г.р.). Дети Георгия Алексеевича Тялшинского: от первого брака – Вера (род. г. Харбин, КНР), от второго брака – Алексей (род. 24.09.1953, г. Сиань, КНР), Илья (род. 02.08.1955, г. Абакан Хакасской автономной области Красноярского края), Лариса (род. 14.10.1957, г. Черногорск Хакасской автономной области Красноярского края). Жена младшего сына Федора – Антонина Яковлевна (урожд. Кондратенко), сын – Валерий Тялшинский (англ. Tialshinsky; род. 16.02.1960, г. Сидней, Австралия).

Автор благодарит за уточнения и помощь при подготовке статьи: Любовь Анатольевну Кривченко (г. Хабаровск), Леонида Геннадьевича Капустина (г. Муром), Юрия Ивановича Гончарова (г. Барнаул), особо – Владимира Александровича Паршукова (г. Ульяновск) за идентификацию некоторых казаков, участвовавших в работе 6-го Войскового чрезвычайного круга (фото 3), а также прямых потомков Алексея Никаноровича Тялшинского, предоставивших генеалогическую информацию и фотографии из семейных архивов: Ларису Георгиевну Громакову (урожд. Тялшинскую; пос. Усть-Абакан, Республика Хакасия), Веру Георгиевну Лушникову (урожд. Тялшинскую) и Валерия Федоровича Тялшинского (оба – Австралия).

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Российский государственный военный архив.
3. Семейный архив Л.Г. Громаковой.
4. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом войскового правления К.И. Лаврентьевым / под ред. Н.Н. Князева. Харбин: Изд. Енисейской зарубежной казачьей станицы, 1938.
5. Зов казака. Харбин. 1938. № 1.
6. Паршуков В.А. Беспорядки в Енисейском казачьем войске // Архивный вестник: информационно-методический историко-краеведческий журнал Министерства государственно-правового развития Омской области. 2013. № 20.
7. Паршуков В.А. На Петроград! // Сибирский исторический альманах. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск, 2011. Т. 2.
8. Паршуков В.А. Постановления 5-го Большого круга Енисейского казачьего войска, состоявшегося 15-21 февраля 1919 года // Сибирский исторический альманах. Гражданская война в Восточной Сибири. Красноярск, 2010. Т. 1.
9. Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. [б.м.]. Изд. Collectors Book, 2008.
10. Справочник - список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск: Архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю, 1950.
11. Шекшеев А.П. Алексей Никанорович Тялшинский: атаман Енисейского казачьего войска. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016, № 1 (6).
12. Шекшеев А.П. Атаман Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Хакасия. 2012. 14 марта.
13. URL: http://eniseycossaks.listbb.ru/ viewtopic.php? f=12&t=92.
14. URL: http://www.petergen.com/bovkalo/ duhov/petrozdu.html.

УДК 94(47).084.6

У Яньцю

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ И ДИСКУССИЯХ РОССИЙСКИХ ДИАСПОР

Российские эмигранты, жившие в Китае в первой половине XX в., находились под действием двух юрисдикций – российского и китайского государств. Цель данной статьи – исследование правового положения российской эмиграции в Китае в первой половине XX в.
Ключевые слова: российские эмигранты; правовое положение; сеттльмент.

U Yantsu

THE NATIONAL QUESTION AND NATIONAL PROBLEMS IN THE SCIENTIFIC PAPERS AND DISCUSSIONS OF THE RUSSIAN DIASPORAS

In the early 20th century, the Russian nationals who lived in China need to obey the lawsboth the Russian and the Chinese. This passage is aimed at studying the legal status of Russian nationals in the early XX century.
Keywords: the russian nationals; legal status; rent.

Одним из «камней преткновения» многоликой российской постреволюционной эмиграции был национальный вопрос. Он будоражил сознание как русской эмигрантской общественности, так и представителей разных этнических групп, оказавшихся в изгнании. И это не было случайным. Самый сложный, самый запутанный вопрос общественно-политической жизни дореволюционной России продолжала горячо обсуждать русская интеллигенция, оказавшаяся за границей. Ведь, как писал профессор-эмигрант И.А. Ильин, «личный духовный опыт философа в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом родного народа; ему удается выработать этот опыт и мобилизовать его осуществить тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа».

Значительную часть беженцев, с одной стороны, составляла образованная русская интеллигенция, воспитанная в национальных традициях, которая сохраняла чувство духовной общности с Родиной, сопричастности к русскому языку и культуре. С другой стороны, в изгнании оказалась огромная этнически многослойная масса нерусских эмигрантов, которая была настроена не только антисоветски, но и активно участвовала в антирусских движениях. Как и белоэмигрантов, этих людей материально подпитывали правительства и националистические организации разных стран.

Что ждет русскую нацию и ее духовную жизнь в будущей освобожденной России? Как отзовется на судьбах русского и других народов страны национальная политика большевиков? Эти и другие вопросы волновали тех и других. Крайние, особенно украинская, польская и прибалтийские, эмигрантские группировки, воодушевленные вильсоновской концепцией «Каждой нации свое государство», ратовали за раскол великой России и стремились получить независимость.

Умеренная эмигрантская общественность внимательно следила за происходившими в СССР событиями. Первые успехи в восстановлении народного хозяйства, положительное воздействие НЭПа на стабилизацию обстановки в стране

заставляли задумываться многих противников советской власти, в том числе умеренных сменовеховцев, евразийцев и др.

Среди причин наметившегося в СССР подъема умеренные эмигранты выделяли и меры большевиков в области национальной политики. Об этом писали из Харбина кадет Н.В. Устрялов, писатель В.Н. Иванов и др. Они, как и многие другие эмигранты, воспринимали образование СССР как восстановление целостности России. Этот факт имел положительный резонанс на фоне распавшейся на несколько государств Австро-Венгерской империи.

Украинские же националисты в эмиграции выступали за самостийную Украину, что могло спасти их от большевистского гнета. Общее настроение всей украинской диаспоры за рубежом выразил 21 марта 1921 г. бывший гетман Украины генерал П.П. Скоропадский: «в тот момент, когда Украина находится в борьбе за свое право на жизнь и не имеет ниоткуда поддержки, говорить о федерации с Великороссией, которая существует и имеет значительно меньше шансов существовать в данное время как народ, живущий действительно своей жизнью, своим умом, это толкало свой родной край в пропасть, от которой его можно было удержать, и потому эту точку зрения я нахожу лишенной моральной подкладки» [2, с. 69].

Идею сепаратизма поддержало правое крыло польской колонии Харбина и Шанхая, другие националистические группировки в Маньчжурии и на севере русского Китая. «Тюрко-татарские народы едины, – писал идеолог независимости государственности всех тюркоязычных народов России Г. Исхаки, – но русские делят их на татар, башкир, узбеков, мещеряков, киргизов, казахов и т.д.» [3, с. 71]. Вообще, татаро-мусульманская диаспора в эмиграции держалась особняком, не вступая в тесные контакты с представителями других национальных колоний. Ее лидеры призывали иноверцев бороться с Советской Россией и сформировать на ее развалинах мусульманско-тюркские регионы нового государства. Основная идейно-политическая деятельность мусульманской диаспоры в Китае развивалась вокруг пропаганды идеи самостоятельного тюрко-татарского государства «Идель-Уральский штат» с включением в него российских территорий, населенных татарами, башкирами и другими националистами мусульманского вероисповедания. Со страниц своих газет и журналов, издававшихся в Шанхае и Харбине, лидеры татарской диаспоры призывали и к вооруженной борьбе с большевиками.

Часть харбинской группы эмигрантов, в числе которых были министры бывшего белогвардейского Сибирского правительства, представляла сибирских областников сепаратистов. Она выступала за полное отделение Сибири от России и переключения ее в «схему» азиатских государств вплоть до союза с Японией.

Один из лидеров шанхайской группы областников И.Н. Шендриков в опубликованной в 1928 г. брошюре «Чего хотят областники-сибиряки» писал: «Они стремятся в данный момент создать Сибирское государство, независимое от СССР» [1, с. 128-129].

«Шанхайская заря» и другие издания дальневосточной эмиграции констатировали интерес эмиграции к областническим идеям, отмечая возможность «образования Сибирского государства от Тихого океана до Урала включительно» и «освобождения России под лозунгом «Через свободную Сибирь в свободную Россию». Подобные заявления признавались многими эмигрантскими деятелями более реалистичными, чем прежние намерения эмиграции организовать «поход на Москву». Заявления областников вызвали дискуссии в среде эмигрантской интеллигенции. В частности, свою оценку этим высказываниям дала украинская эмигрантская пресса.

Комментируя эти оценки, один из лидеров областников М.П. Головачев в интервью харбинской газете «Заря» заявил, что «со стороны сибирской идеи

отношение в настоящий момент к украинскому движению должно быть самое благожелательное, ибо стоя на точке зрения отделения Сибири от сегодняшней Москвы на основе чисто национальных, экономических и даже патриотических соображений, сибиряки понимают, что и на Украине могут действовать из тех же побуждений». М.П. Головачев настаивал, что создание сибирского буфера на Дальнем Востоке создаст преграду распространения коммунизма в Азии. Позднее свои идеи он развил в брошюре «Украинцам-сибирякам», вышедшей в Харбине в 1929 г. Дискуссия о сибирском сепаратизме продолжалась и в последующие годы.

В июне 1930 г. в харбинской русско-китайской газете «Гунь-Бао» была опубликована статья украинского националиста Льва Галицкого «Украина и Сибирь», в которой автор заявил о необходимости образования «самостоятельной сибирской державы в форме соединенных штатов от Урала до Тихого океана», подчеркнув при этом важность «совместной борьбы Сибири и Украины с остальной Россией». В статье он развил свои соображения о необходимости выделения районов, занятых преимущество украинцами, в особые самоуправляемые области «со своим собственным правительством» [11, с. 406-408].

Оппонентом Л. Галицкого и других сибирских и украинских сепаратистов выступал крупнейший публицист российского зарубежья, русский религиозный философ Г.П. Федотов. В своей статье «Будет ли существовать Россия», опубликованной в 1930 г., он резко критикует «угрожающий сепаратизм, раздирающий тело России», и его пропаганду отдельными эмигрантскими кругами. «Россия становится географическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой». Анализируя современную ему ситуацию, Г.П. Федотов констатирует, что «с Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнет наступать Китай, и тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской республике – легкой добыче Японии» [12, с. 496].

Критикуя украинский и сибирский сепаратизм, Г.П. Федотов предупреждает об опасности и татарского сепаратизма, «мечтающего о Казани как столице Евразии».

Украинские, татарские и другие национал-сепаратисты в своих неудачах обвиняли русских, российскую Республику Советов. Лишь немногие представители национальной интеллигенции пытались трезво и объективно оценить случившееся. Они признавали, что народ не пошел за ними из-за их собственных просчетов. Так, украинский писатель В.К. Винниченко признавал: «И не русское советское правительство выгнало нас с Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого русские советские войска не могли бы занять ни одного уезда на нашей территории».

Острым и дискуссионным был национальный вопрос для еврейской интеллигенции, составлявшей значительную часть российской культурной эмиграции. Не случайно Харбин называли в 1920–1930-е гг. крупнейшим сионистским центром. Здесь, как и в других городах Маньчжурии, а также в Шанхае, Тяньцзине и Циндао кипели страсти, шли споры о будущем еврейской нации. В отличие от других национальных диаспор, эти споры не переходили в острую открытую борьбу, а проходили в дискуссиях, на страницах газет журналов, вечерах и собраниях. Хотя евреи в эмиграции чувствовали себя более комфортно, чем в царской России, вместе с тем, против них нередко случались нападки хулиганского действия и провокации антисемитов, похищение богатых евреев, нападения хунхузов. Кроме того, несмотря на отсутствие законных оснований, представителям советских органов в полосе отчуждения КВЖД удавалось чинить всевозможные препятствия еврейским эмигрантским организациям. С еврейской общиной борьба велась в духе проходившей в СССР антирелигиозной и антисионистской

кампании. В своих воспоминаниях руководитель еврейской общины А.И. Кауфман приводит один пример такого рода. «В 1937 г. еврейская и сионистская общественность решила устроить большой концерт еврейской музыки… Готовившийся вечер…» вызвал огромный интерес еврейского и нееврейского населения Харбина, все билеты были проданы в течение двух дней, но концерт не состоялся, под нажимом советского «союза профсоюзов», обвинившего устроителей в контрреволюции и сионизме [9, с. 228].

Как отмечает профессор В.В. Романова, еврейская община в Маньчжурии, как и в других центрах русской эмиграции Китая, основное внимание в своей деятельности уделяла вопросам повседневной жизни, она стояла в стороне от всех других проблем либо обращалась к ним в той степени, в какой они затрагивали интересы евреев. Как общественная структура города Харбина, она всегда живо откликалась на все общественные нужды, но не вмешивалась в политическую борьбу. Община, не вникая глубоко в политические дискуссии, которые постоянно сопровождали общественную жизнь эмиграции, выражала свое отношение к ним лишь в контексте евразийских проблем.

Осуждая политику коммунистов по отношению к сионизму, гонения на иврит, закрытие синагог и репрессии в отношении раввинов, община вместе с тем неизменно отмечала проводимую в Советском Союзе борьбу против антисемитизма. Все попытки перетянуть еврейскую общину в тот или иной политический лагерь эмиграции встречали противодействие. Когда в одной из харбинских газет появилась статья некоего Смирнова, который, желая «защитить» евреев от обвинений в приверженности к большевизму, утверждал, что евреи всегда были и остаются на стороне Белого движения, журнал «Еврейская жизнь» поместил следующий ответ: «Вовсе не нужно разделять точку зрения большевизма или быть в рядах коммунистов, даже более того, можно негодовать против гонений, ни на чем не основанных гонений на еврейский язык, но нельзя отрицать фактов… Советская власть борется с антисемитизмом, жестоко наказывая погромщиков». Статья заканчивалась словами: «Нет, господа Смирновы, с вами нам не по пути». Наряду с этим, община всегда дистанцировалась от советских организаций, действовавших на КВЖД.

Однако неправильным было бы считать всю еврейскую общину слабо участвующей в политической жизни. В условиях японской оккупации Маньчжурии с 1931 г. община вынуждена была приспосабливаться к новому режиму. Еврейские организации, в такой же мере, как и все остальные эмигрантские объединения в Маньчжоу-Ди-Го, могли существовать только при условии абсолютной лояльности к японским военным властям и выполнения их распоряжений.

Выражение такой лояльности со стороны еврейской общины не являлось только следствием японского давления. В условиях, когда евреи стали подвергаться жесточайшим преследованиям в Германии и других странах Европы, Япония, несмотря на союзнические отношения с Германией, не поддержала политику антисемитского геноцида, более того, принимала беженцев-евреев из Европы. Идеологическая работа японских властей среди населения Маньчжурии строилась на основе внедрения прояпонской ориентации, пропаганды идей объединения всех наций и народностей Маньчжоу-Ди-Го с целью установления «нового порядка в Восточной Азии» и борьбы с коммунизмом. Каждое общественное объединение, получившее разрешение на легальную деятельность, должно было в той или иной степени выражать свою поддержку этим принципам.

Так, состоявшиеся в Харбине три съезда еврейских общин Востока Азии обратились ко всем евреям Дальнего Востока с призывом «сплотить свои ряды и вместе с другими народностями оказать активное содействие развитию молодого государства Маньчжоу-Ди-Го и всемерную поддержку японской империи в создании сферы совместного процветания народов Великой Восточной Азии».

В целом японские хозяева Маньчжурии демонстрировали лояльное отношение к национальным традициям и обычаям всех населявших ее народов. На территории Маньчжоу-Ди-Го мирно сосуществовали различные религиозные конфессии, крупные этнические группы имели свои национальные организации. Интересы россиян, принадлежавших к различным национальным группам, представляли Украинская национальная колония, Национальный совет евреев Восточной Азии, Грузинская национальная колония, Национальное армянское общество, Тюрко-татарская духовная национальная община. Как следовало из официальных документов, национальные группы были объединены вокруг Бюро по делам эмиграции на равных основаниях.

Создавая условия для сохранения этнокультурной целостности российской эмиграции, японские власти стремились противопоставить национальную идею идеологии Коминтерна.

Но вернемся к еврейской диаспоре. Большинство исследователей российской эмиграции, изучая общественную жизнь евреев, приходят к выводу о том, что они в своей массе, как и русские эмигранты, были толерантны и терпимо относились к представителям других национальных диаспор. В.В. Романова отмечает, что условия жизни в Харбине со временем сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связан с Россией и русской культурой, он обрел возможность свободно изучать культуру, язык, историю и традиции собственного народа. Харбинские евреи в основном были зажиточными и отличались достаточно высоким образовательным и культурным уровнем. Отличаясь культурной и религиозной толерантностью, они, как правило, не ассимилировались и проявляли приверженность к национальным ценностям и традициям, в числе которых филантропия и солидарность стояли в ряду важнейших. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у харбинского еврея развитое чувство собственного национального достоинства и готовность его отстаивать. В целом харбинские евреи по своей ментальности значительно отличались от тех евреев царской России, которые являлись жертвами погромов. Это было особенно очевидным в 1930–1940-е гг., когда община не только вела антинацистскую пропаганду и оказывала посильную помощь беженцам из Европы, но и давала отпор, в том числе физический, членам местной Русской фашистской партии, созданной в 1931 г. К.В. Родзаевским.

Национальная идея, национальные проблемы России волновали и эмигрантов-сменовеховцев. «Харбинский мыслитель» Н.В. Устрялов и его единомышленники на страницах газет и журналов, в студенческих аудиториях и в переписке вели дискуссии о сущности национализма, выступали адептами национал-большевизма, спорили с идеологами европейского и азиатского фашизма. Они внимательно следили за решением национального вопроса в СССР, призывали сотрудничать с Советской властью во имя будущей великой России. Это сотрудничество, по словам Н.В. Устрялова, необходимо с учетом ближней и отдаленной во времени перспективы, поскольку большевики смогли восстановить российскую государственность, хотя и в новой форме и на иной социальной основе. «Великий Октябрьский сдвиг со дна всколыхнул океан национальной жизни, учинил пересмотр всех ее сил, произвел их учет и отбор». Большевики цементируют страну во имя мировой революции, подчеркивал Н.В. Устрялов в сборнике «Смена вех», а русские патриоты – ради единой России.

В книге «В борьбе за Россию» Н.В. Устрялов в рамках политической философии пытается сформировать русскую национальную идею, в основе которой лежала формула: национал-патриотизм, эволюционизм, великая государственность и русская культура. Данная русская идея, ставшая теоретическим фундаментом «сменовеховства», требовала пересмотра взглядов российской интелли-

генции на природу революции. Суть революции, по Устрялову, в отрицании западной модели развития для России, заложенной еще Петром.

В статье «Политическая доктрина славянофильства» он приводит мысль о том, что возможным следствием революции явится создание единого мощного славянского государства. Подчеркивая славянофильскую идею самобытности исторического развития России, Н.В. Устрялов указывал, что ни в одной стране мира не было столь внушительных революций… Из «интернационалисткой Октябрьской революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания». Как и евразийцы, Устрялов был убежден, что большевики, оказавшись у власти, превратятся в националистов, ставящих превыше всего интересы России.

Устрялов и его единомышленники выступили инициаторами необычного для того времени призыва к соотечественникам – объединить усилия (несмотря на идеологические разногласия) во имя России, не разрушать ее, а обустраивать, пусть даже при наличии большевистской власти. Возрождение России должно проходить, считали сменовеховцы, в ее прежних границах. «Первое и самое главное, – подчеркивал Устрялов в известном сборнике «В борьбе за Россию», – собирание и восстановление России как великого и единого государства». Он последовательно выступал за «собирание» земель, позитивно оценивал деятельность большевистского руководства по восстановлению государственности и укреплению власти центра на всей территории бывшей империи, даже несмотря на то, что эта власть была коммунистической. Отстаивая лозунг «великой и неделимой России», дальневосточные сменовеховцы были принципиально против всякого буфера, отделяющего «окраину от великой родины». Поэтому они активно выступали за безусловную ликвидацию Дальневосточной республики.

Взгляды Н.В. Устрялова поддерживал Ю.Н. Потехин, который также был не согласен с крайне правыми сепаратистами эмиграции, утверждавшими, что национальные цели и ресурсы России большевики приносят в жертву интернационалу. Как раз наоборот: народ постоянно перерабатывает интернациональную власть, приспосабливая ее к своим потребностям, заставляя служить национальным целям. Это особенно проявилось во внешней политике Советской власти. Европа прислушивается к голосу Москвы, потому что московское правительство имеет широкое влияние на рабочие массы Запада, растет влияние России и на Востоке.

Дискуссии о национальном строительстве будущей России продолжались в эмиграции все 1920-е гг. Однако в европейском зарубежье эти споры во второй половине 1920-х гг. несколько стихают после прекращения выпуска газеты «Накануне». В дальневосточном русском зарубежье они продолжаются благодаря активной публицистической и общественной деятельности Н.В. Устрялова и его харбинских единомышленников.

Устряловские статьи в газетах и журналах Харбина и Шанхая продолжали вызывать острые дискуссии в белоэмигрантской среде. Их оппонентами выступали А.Ф. Керенский, Петр Струве, другие деятели политической эмиграции [10, с. 116].

«Основная тенденция современности, – пишет Н.В. Устрялов в одной из своих статей, подготовленной к восьмой годовщине революции, – может быть охарактеризована как национализация Октября. Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется. И обратно: советы национализируются… Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения…» [13, с. 213-214].

«…Национализация Октября, – продолжает Устрялов, – заметна не только в свете внутренних процессов, но и в сфере внешнеполитической. Всемирно-исторические и интернациональные программные цели Октябрьской революю-

ции под движением разных обстоятельств уходят на второй план. Налицо «стабилизация капитализма» на Западе. Активность внешней политики Москвы перенесена с Запада на задачи советской внешней политики – национальное пробуждение колониальных народов Востока.

Что касается национального государственного строительства в собственной России (после образования СССР и консолидации наций и народов), то здесь, замечает Н.В. Устрялов, также видна «национализация Октября», хотя и весьма своеобразная. Это не есть реставрация старой, императорской России. Идет культурно-национальное оживление народов России. Интернационализм сосредоточивается там, где ему и быть в данном случае надлежит: в сфере государственности. Москва – объединяющий государственный центр, и она зорко стоит на страже. Ученые различают государственную нацию от нации в культурном смысле, а эту последнюю – от национальности. На наших глазах формируется советская государственная нация, поскольку исторически и политически советизм есть русская форма, образ российской нации. Таким образом, в большевистской национально-государственной политике Н.В. Устрялов не видит никакой угрозы для русской нации в рамках Советского Союза, она органично и естественно доминирует в ходе российского исторического процесса.

Такая позиция харбинского профессора по национальному строительству России вызвала резкое неприятие в различных кругах эмигрантской многонациональной общественности. Его критикуют русофобы, представители русских монархических партий, лидер Русской фашисткой партии В.К. Родзаевский и другие правые, выступившие против принципа самоопределения наций и предоставления независимости национальным меньшинствам. На него «набросились» польские, украинские, грузинские и другие националистические издания, выходившие в Париже, Берлине, Праге, а также в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Разжигая национализм и русофобию, они продолжали отстаивать лозунг независимости их наций от великодержавной России.

Так, украинская газета «Дальний схід» критикует харбинского профессора за пособничество Советам, в переходе его на позиции национал-большевизма, в предательстве интересам белой эмиграции. Ему угрожают не только на бумаге, но и физической расправой. К чести Николая Васильевича, он не скатывается на оголтелую критику своих оппонентов, а пытается аргументированно отстаивать свои убеждения. Последовательный государственник и патриот России, Н.В. Устрялов был первым из российских политических деятелей, оказавшихся в изгнании, выступил с идеями гражданского мира. Он призывает «засыпать ров» Гражданской войны, объединить все нации и народы России вокруг общих традиционных национальных ценностей – Отечества, государства, державности, патриотизма. Он был убежден в том, что основой успеха страны является сильное государство, патриотический дух народа и национальное единство.

Делегаты съезда российского зарубежья, состоявшегося в Париже в 1926 г., полемизируя со сменовеховцами, нападают на большевиков, которые утратили национальные чувства и выступили по отношению к России как враждебная «внешняя сила». Они упразднили не только былое наименование страны, но и ее традиционную внутригосударственную структуру. Что касается пропагандировавшегося коммунистами интернационализма, то он на внутрироссийской почве свелся к искусственному взращиванию мелких народностей и культивированию их языков. Гегемония России почти для всех своих народов была счастливой судьбой, поскольку дала им возможность приобщиться к всечеловеческой культуре, каковой являлась культура русская. «Но подрастающие дети, усыновленные нами, не хотят знать вырастившей их школы и тянутся кто куда – к Западу и к Востоку, к Польше, Турции или к интернациональному геометрическому месту, – то есть к духовному небытию», – пишет Г.П. Федотов.

«Поразительно, – отмечал он далее, – среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он одному жалуется на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух – к опасности, угрожающей его национальному бытию» [13, с. 174]. Причину этого странного «омертвения» русских Г.П. Федотов видел в усталости народа, для нескольких поколений которого «вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни». В дальнейшем же, как отмечали и умеренные эмигранты, национальное содержание русского демократического движения оказалось выхолощенным советской демократией.

Формирование советской культуры понималось некоторыми эмигрантами-учеными как процесс размывания ее русского национального компонента. Наблюдавшееся параллельно с развитием национальных культур нерусских народов, оно не могло, по их мнению, не подогревать в России – СССР сепаратистских тенденций. Появлявшиеся время от времени в прессе материалы о националистических проявлениях в большевистской партии и о прямых актах борьбы с Советской властью (вооруженные антисоветские выступления в 1920-е гг. в Карелии, Чечне и Грузии, массовое разоружение чеченских формирований, Тунгусское восстание на северо-востоке России, антиколхозные восстания в центре России, басмачество в республиках Средней Азии) давали основание говорить о наличии на родине центробежных движений и не могли не тревожить сторонников унитаризма. «Никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России, – писал по этому поводу в статье «Будет ли существовать Россия?» Г.П. Федотов. – За одиннадцать лет революции зародились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под кровом интернационального коммунизма в рядах самой КП складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России». То есть сепаратизм рассматривался как прямой результат национальной политики большевиков.

Национальный вопрос, национальные проблемы России поднимали в своих трудах и дискуссиях евразийцы, представляющие одно из общественно-политических течений российской послереволюционной эмиграции [6, с. 126-132]. Оно возникло после Гражданской войны и существовало до конца 1930-х гг.

Евразийцы стремились обосновать свои концепции, политические выводы широкими историко-философскими, нравственно-религиозными, государственно-правовыми теориями. Это касалось, в том числе, и острого, актуального для российской общественной жизни национального вопроса.

Общим настроением и мироощущением, объединяющим всех евразийцев, рассеянных в эмиграции от Парижа до Шанхая, было антизападничество. Убежденным антизападником был князь Н.С. Трубецкой. Он одним из первых показал хищническую природу европейской цивилизации в трилогии «Обоснование национализма». Главным содержанием первого тома его трилогии стала критика культурного европейского эгоцентризма. Второй и третий тома назывались «Об истинном и ложном национализме» и «Русская стихия».

Первая мировая война, затем революция и Гражданская война несколько помешали осуществлению этих творческих планов Н.С. Трубецкого, но основные идеи трилогии легли в основу первого евразийского сборника.

Евразийцы, выдвигая в качестве абсолютной ценности независимость и самостоятельность России в условиях угрозы превращения ее в колонию Запада, ясно понимали роль и значение самобытной национальной культуры в деле возрождения России. Отстаивая необходимость сохранения и развития национальной культуры, евразийцы утверждали, что русская национальная культура не-

мыслима без православия. Благодаря Русской православной церкви произошло обрусение и оправославление татарщины. Н.С. Трубецкой писал, что «чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига».

В книге «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой обосновал концепцию многолинейности всемирно-исторического процесса, вмещающегося в отрицание всего многообразия и самобытности национальных культур. Положительное значение его работы состояло в отрицании европоцентризма как ложного взгляда на процесс развития мировой истории. Тема культурно-исторических типов и многолинейности исторического процесса явилась исходной идеей, содержащей в себе ядро общеисторической концепции евразийцев. В дальнейшем Н.С. Трубецкой на основе сравнительного изучения языков и культур сформулировал закон многообразия национальных культур, выражающий самую сущность социального организма. Он считал, что «попытка уничтожить национальное многообразие привела бы к культурному оскуднению и гибели», что задача интеллигенции романо-германских народов состоит в том, чтобы, освободившись от болезни обезьянничания, предрассудков европоцентризма, бороться всеми силами за сохранение и развитие своей самобытной национальной культуры. Отметив начавшийся процесс европеизации в Японии, Трубецкой заметил, что в ней заимствования у романо-германцев умерялись «здоровым инстинктом национальной гордости и приверженностью к историческим традициям».

Играя заметную роль в развитии общественного сознания русской эмиграции, евразийцы проповедовали мысль о том, что русский народ и народы России не являются ни евразийцами, ни азиатами, они – конгломерат, детище разных цивилизаций.

Евразийство призывает все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур. Большевики, утверждает Н.С. Трубецкой, в этом вопросе преследуют прямо противоположные цели. Они только играют на националистических настроениях и самолюбиях азиатских народов и рассматривают эти чувства лишь как средство для поднятия в Азии социальной революции, которая должна не столько упразднить экономическое засилье «цивилизованных» держав, сколько способствовать водворению коммунистического строя, с той особой «пролетарской культурой», которая, по существу, «антинациональна и построена на самых отрицательных элементах той же европейской цивилизации, доведенных до карикатурной крайности. Под личиной поощрения азиатского национализма в большевизме скрыто то же нивелирующее, «цивилизаторское» культуртрегерство, и причем в гораздо более радикальной форме, чем у романо-германских колониальных империалистов».

«Не к созиданию подлинно национальных культур, преемственно связанных с историческим прошлым, а к национальному обезличению и разрушению всяких национальных основ, к интернационализации жизни хотят большевики привести свой народ и все народы мира. Как интернационалисты они вынуждены искать органичные формы общественной жизни и оживлять старые традиции русских… – пишет Л.П. Карсавин. – Но будучи оживленными, они преобладали в СССР интернациональными и потому имели нерусский характер» [5, с. 153]. Антибольшевистскую позицию евразийцев в национальном вопросе поддерживает и великий русский философ Н.А. Бердяев, который считал, что большевики, способные признать национальные права евреев и поляков, чехов и ирландцев, не были готовы признать права русских. Поэтому они «утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском и многих других».

Идеи евразийцев о национальной культуре, национальном строительстве вызывали критику как консервативного, так и демократического крыла российской эмиграции, русские националисты считали их идеи вредными и противостоящими идее русского национального православного государства. С подозрением относилась к евразийским идеям татаро-мусульманская диаспора, боясь преобладающей роли православия в будущей православной евразийской державе. Антисемиты также были настроены против высказываний евразийцев, считая их чрезмерно космополитическими. Сионисты же, напротив, видели в идеях евразийства опасность русско-мусульманского альянса и возможность создания единого фронта против евреев.

В дальневосточной эмиграции в 1920-1930-е гг. активизировались разного толка монархические группы, объединения, имеющие откровенно националистический характер. Так, в Шанхае, Харбине, Тяньцзине действовали «кружки белой идеи», филиалы Патриотической ассоциации русской молодежи и другие. На страницах своих газет и журналов («Возрождение», «Искра» и т.д.) они печатали статьи, воспевавшие русский национализм. Главной идеей этих публикаций было объединение праворадикальных этнических групп под эгидой русского освободительного национального движения. В Харбине и Шанхае работал Союз младороссов, главный центр которого находился в Париже.

Курировал дальневосточных младороссов А.А. Вонсяцкей, который во время поездки в Европу был принят А. Гитлером и Розенбергом. Он также имел встречи с руководителями русского освободительного национального движения в Париже.

Крайне правые националисты группировались вокруг газеты «Возрождение», тираж которой в 1925 г. достиг 20 тысяч экземпляров. Хоть и с опозданием, эта газета доходила и до Китая. Программа этого издания определялась как поддержка националистической политики русской эмиграции, стремление установления в России диктатуры фашистского типа. Видных эмигрантских деятелей националистической направленности объединял и журнал «Santinell», в выпуске и распространении которого в Китае активное участие принимал Б. Суворин. Путешествуя по Востоку, Суворин внимательно изучал опыт авторитарных режимов Азии. В качестве журналиста он выступал сотрудником «Нового времени», а также собственником двух эмигрантских журналов «Время» и «Шанхайская Заря». Будучи убежденным националистом-монархистом, он пытается осуществить эту идею на Дальнем Востоке с помощью японцев.

В 1920–1930-е гг. в печати, на собраниях, в клубах, студенческих аудиториях Харбина и других городов Маньчжурии шли горячие споры и дискуссии о перспективах национальной революции в России с участием представителей русских фашистов. По вопросу о нации русские фашисты занимали особую позицию. Их идеологи Г.В. Тараданов и В.В. Кибордин в изданной в Харбине в 1934 г. «Азбуке фашизма» рассматривали нацию как политэтническое содружество. В России, считали авторы «Азбуки», существует не русская, а российская нация, как духовное единение русских людей на основе создания исторической судьбы, общей национальной культуры, традиций и т.д.… Все народы России представляют из себя единый национальный организм. «Зажигая» эмигрантскую молодежь фашистскими идеями, ссылаясь на «политический пример» нацистов Италии, Германии, руководители русской фашистской партии в Маньчжурии К.В. Родзаевский, А.П. Покровский и другие праворадикальные эмигранты, сотрудничавшие с японцами (генерал В.Д. Косьмин), призывали к идейной и вооруженной борьбе против «иудомасонов» Коммунистического интернационала и установления фашистской диктатуры в России.

Интерес значительного числа эмигрантской молодежи Маньчжурии к идеологии фашизма был неслучаен. Как отмечают О.И. Кочубей и В.Ф. Печерица, это было связано со следующими факторами.

Во-первых, в 1920-е гг. появилась «мода» на фашизм, возник интерес к нему во всем мире, особенно среди молодежи. Тогда понятие «фашизм» еще не было скомпрометировано последующими военными событиями и фашистским режимом Гитлера.

Во-вторых, на идеологию, структуру и политику Русской фашисткой партии сильнейшее влияние оказали итальянские, германские фашисты, а после оккупации Маньчжурии японцами – и японские фашисты. Так, по мнению лидера Русской фашистской партии в Маньчжурии К.В. Родзаевского, универсальность итальянского фашизма российские фашисты видели в том, что «фашизм дает общие начала для коренной перестройки государства на новых основах и что его доктрина, создавая национальное мировоззрение, отвечает факту нарождения нового национализма во всем мире».

В-третьих, среди русских эмигрантов, особенно враждебно настроенных против Советской власти, на рубеже 1920–1930-х гг. идут лихорадочные поиски новых социальных концепций, новых организационных и идейных форм борьбы с советским режимом. Эмигрантская молодежь считала монархический государственный строй изжившим себя, а коммунистические идеи, в силу чужеродности их для России, – неприемлемыми для страны.

Либеральные и эсеро-меньшевистские организации в эмиграции проявляли бездействие, надеялись на «внутренние силы» в России. Среди основной массы эмиграции они были непопулярны, малочисленны.

Поэтому идеология и политика фашизма, с их внешней привлекательностью, отвечали интересам радикально настроенной эмигрантской молодежи. Потерпев неудачу в попытке уничтожить Советскую власть в 1920-е гг. «традиционными методами» и формами борьбы, они сделали ставку на открытую фашистскую диктатуру, которая может привести к победе. Заразительным был пример Бенито Муссолини в Италии, как и быстрое продвижение к неограниченной власти Гитлера в Германии, и т.д.

Не случайно поэтому в Маньчжурии велась активная идеологическая и организаторская работа руководства РФП по привлечению в нее новых молодых членов. Эмигрантов, особенно пытливую, интересующуюся молодежь, привлекали регулярно проводимые фашистами различные мероприятия. Была выбрана весьма удачная и популярна форма работы – Русские клубы, где систематически проводились политические обзоры о перспективах фашистского движения, диспуты о еврейской проблеме, о масонстве, о роли молодежи в современном мире.

Недовольство старшим поколением, обиды за проигранную Гражданскую войну и утерянную Родину привели младшее поколение эмиграции к поиску новых путей борьбы, к разработке новых идеологических теорий и созданию новых политических организаций, способных вести такую борьбу [7, с. 10-12].

Интересную точку зрения на зарождение такого «феномена», как русский фашизм в Маньчжурии, дает американский историк и критик, знаток русского зарубежья Эдуард Штейн. «Создание этого «феномена» трагически обосновано: отчужденность эмигрантских колоний от окружающего мира, невозможность вернуть невозвратимое – родную Землю, полнейшая зависимость от его величества случая, господство прошлого над настоящим, будущим, создавали в психике вакуум, который, в свою очередь, шел к Канносу, к безграничной фантазии».

С началом оккупации Маньчжурии японцами начинается сотрудничество руководства РФП с японскими органами [8, с. 49]. Сам начальник японской военной миссии в Харбине генерал Ринзо Андо был покровителем русских фашистов. Его крайняя антибольшевистская позиция была известна уже давно. Еще во

время Гражданской войны на Дальнем Востоке он состоял советником при штабе атамана Г.М. Семенова. Активно покровительствовал местным русским фашистам и тогдашний военный министр Японии генерал Араки.

При покровительстве и поощрении японских властей фашисты Харбина постепенно распространяли свою пропагандистскую и практическую деятельность по всей Маньчжурии, пытались создать ячейки в других городах Китая и в других странах. Их успехи позволили претендовать уже на некий «международный статус».

Расширялась издательская деятельность РФП. Сначала выходили листовки, затем появился ежемесячный журнал «Нация», выходивший в Шанхае, а вслед за ним – ежедневная «Наша газета», вскоре переименованная в «Наш путь». С сентября 1933 г. ее редактировал сам руководитель партии К.В. Родзаевский. Это был открытый фашистский партийный орган, придерживавшийся крайне антисемитских позиций. Кроме того, редакция выпускала несколько отдельных приложений: «Авангард», «Наша смена», они были ориентированы на молодежь; «Русский железнодорожник» предназначался служащим КВЖД.

Фашистская печать с ее серьезными статьями, анализом внутреннего и международного положения СССР привлекала читателей. У партии был свой гимн «Вставайте с нами, братья…» на музыку «Преображенского марша», а также использовался российский национальный гимн «Боже, царя храни». В православном соборе Харбина было освящено знамя партии, введена строгая черная форма одежды. На левой руке была повязка с черной свастикой на ярко-оранжевом круге, над свастикой было изображение двуглавого орла, который должен был символизировать неотрывность русского фашистского движения от истории России. Резким выбросом вверх руки и громким возгласом «Слава России», на манер гитлеровцев, русские фашисты приветствовали друг друга.

В эмигрантской среде в целом было негативное отношение к русским фашистам. Вместе с тем даже в демократическом ее крыле были те, кто если не оправдывал их, но и не критиковал. Так, под сильным впечатлением от фашистской идеологии оказался Н.В. Устрялов. В изданной в 1928 г. в Харбине книге «Итальянский фашизм» он анализировал его истоки, сущность и возможные пути эволюции, сравнивал его с русским большевизмом. Обе эти идеологии он считал порожденным кризисом государственных форм XIX в. В 1933 г. в книге «Германский национал-социализм» он ставил нацизм в один ряд с фашизмом и большевизмом.

Фашистские идеи в эмиграции разделяла и часть крайне правых монархистов, выступающих, как и прежде, за «единую и неделимую Россию». Уже с начала 1920-х гг. у крайне правых русских, зараженных великодержавным шовинизмом, установились тесные связи с германскими фашистами, а в начале 1930-х гг. – с японскими нацистами. Члены российского общевойскового союза в Шанхае и Харбине изучали теорию и практику национал-социализма. На собраниях и митингах, в печати они нападают на евреев, коммунистов. «Достается» от них и умеренной демократической эмиграции – кадетам, октябристам.

В докладе, сделанном весной 1932 г. в Харбине одним из идеологов Дальневосточного русского монархического союза В.Ф. Ивановым «В поисках государственного идеала», подчеркивалась близость русских монархистов с национал-социалистами: «В борьбе с врагами России и всего человечества, мы, русские, желаем Гитлеру и его партии полного и блестящего успеха…» [4, с. 34].

Социал-демократические организации (члены меньшевистской партии в Харбине), либерально-демократические группы в своей печати выступают против выпадов крайне правых монархистов. Критикует их и умеренный монархист В.В. Шульгин. Побывав зимой 1925–1926 гг. в Ленинграде, Москве, Киеве, он при-

знавал: «Россия встает… Я ожидал увидеть умирающий русский народ, а вижу несомненное его воскрешение…»

Как мы уже отмечали выше, национальный вопрос, национальные проблемы остро и болезненно обсуждались среди украинских националистов. Практически все украинские комитеты и организации за рубежом, в том числе и в Китае, противником номер один считали Советскую власть, идентифицируемую ими с русской, «московской» властью, и выдавали себя за поборников подлинных интересов украинского народа.

Однако трезвомыслящая элита украинской колонии понимала, что украино-русская конфронтация мешает нормальному общению выходцев из России. На состоявшихся и в Европе (Праге, 1925 г.), и в Харбине (1928 г.) встречах представителями украинской и русской диаспор предпринимались попытки примирения. Цель состоявшихся дискуссий заключалась в поиске условий и обоснований русско-украинского сближения.

Несмотря на то, что первые беседы и дискуссии прошли в корректных тонах, скоро стала очевидной их бесплодность для обеих сторон. Позиция украинцев воспринималась русскими как определенно сепаратистская, русские же в глазах украинцев отличались «московским центризмом».

Большинство украинских колонистов не считали нужным связывать будущее украинской эмиграции с судьбами русской диаспоры. Поиск врагов Украины, конечно, не замыкался на русских. В их число включались евреи и другие национальные меньшинства.

Конечно, эмигрантские представления о прошлом и политическом будущем Украины не были абсолютно однозначными. Их диапазон отражал не только многообразие прошлого политического опыта носителей сепаратистской идеологии, но и многовариантные представления о конечных результатах борьбы за «самостоятельность»: от идеи украинской монархии в форме гетманства до идеи демократической украинской народной республики [2, с. 25].

Популярными среди украинских сепаратистов были идеи профессора М. Грушевского. Его книги и брошюры большими тиражами переиздавались в Харбине и Шанхае и имели большой резонанс в украинской диаспоре. Все они были посвящены проблеме обеспечения украинского суверенитета и объединены общим названием «Хтотакіукраінці і чого вони хочуть».

Определяя задачи борьбы за независимость Украины, профессор Грушевский считал, что необходимые стадии культурного самоопределения его народом уже пройдены. Очередной же задачей он выдвигал становление украинской государственности в виде широкой автономии в рамках ее этнографических границ, но в составе Российской Демократической Республики. Он призывал прекратить борьбу с Советской Россией, отказаться от тактики вооруженных восстаний. Естественно, идеи и призывы профессора М. Грушевского были подвергнуты нападкам со стороны правых украинских националистов. Критикуя позицию М. Грушевского, крайне ярый националист Д. Донцев в книге «Национализм» утверждал, что нация, желающая господствовать (а именно таковой он считал украинскую нацию), должна иметь и соответствующую психику народа-господина. И далее: «Желающая жить национальная идея должна откровенно заявить о своем конечном идеале обладания властью как против внешних, так и против внутренних сил, сковывающих ее энергию» [2, с. 121]. Ему оппонирует украинский историк и публицист Стефан Томашевский. «Украинцам необходимо» лелеять не государственный идеал, а только национальный. Эти два понятия не схожи, пока мы не станем настоящей (хотя и безгосударственной) нацией, до тех пор излишне и даже вредно гоняться за государственным идеалом.

Анализируя полемику украинских сепаратистов, следует отметить, что за все годы эмиграции идеологи и лидеры украинской эмиграции так и не сумели

выработать какой-либо стройной, теоретически осмысленной национальной идеи. Они не сумели подняться выше личных амбиций и распрей, которые на протяжении десятков лет раскалывали украинскую колонию. И лишь на нескольких «пунктах» сходились все. И прежде всего на идее сепаратизма, ставящего конечной целью завоевание и обеспечение суверенности Украины, ее экономической и культурной самостоятельности в отрыве от Москвы, создание независимого украинского государства.

Итак, обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что национальный вопрос, национальные идеи и национальная политика в общественно-политической жизни многоликой российской эмиграции Китая занимали особое место.

Национальные процессы, развивавшиеся в СССР в 1920–1940-е гг., будоражили эмигрантское общественное мнение. Различные эмигрантские издания время от времени давали собственную оценку национальному строительству в Советском Союзе, принятым в 1924 и 1936 гг. конституциям СССР. Так, умеренная демократическая эмиграция считала необходимым и впредь, т.е. после освобождения от большевизма, сохранить зафиксированные в советском основном законе положения о правовом равноправии наций. В то же время она не скрывала опасений, связанных с украинскими, польскими и другими сепаратистскими проявлениями, чреватыми при определенном стечении обстоятельств развалом России.

Представители той части российской диаспоры, которая обладала русским самосознанием, выступили против сепаратизма, разлагавшего общность трех ветвей единого, по их мнению, восточно-славянского народа, они резко критиковали политику сибирского областничества, пытавшегося отторгнуть Сибирь от России. На страницах демократических эмигрантских изданий они критиковали украинских, польских, грузинских и других националистов, пытавшихся расколоть Россию, растащить ее по национальным квартирам.

Особенно рьяно ратовали за «самостийную Украину» крайне правые украинские националисты. Антирусская и антироссийская тенденции достаточно четко просматриваются в издаваемых ими журналах и газетах. Авторы многочисленных статей вели постоянный поиск врагов Украины, и этот поиск не замыкался на русских. В их число включались евреи и другие национальные меньшинства, по отношению к которым рекомендовались «твердые корректирующие меры».

Иной была позиция по национальному вопросу правого крыла российской эмиграции фашистов и монархистов. Так, пропаганда идеи единой российской нации была объявлена программной задачей русского фашистского движения, а также ряда крайне правых монархических организаций и младороссов. Это нашло отражение в трудах и речах их лидеров и идеологов.

Следовательно, исследование трудов и содержания дискуссий, проходивших в рядах многоликой российской эмиграции по национальному вопросу и национальному строительству, свидетельствует о том, что оказавшиеся волею судеб вне родины представители интеллигенции и политики разных национальностей не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок, происходивших в 1920–1940-е гг. и в СССР, и в эмиграции перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий в оценке таких сложных вопросов, как нация, национальный вопрос, национальная идея.

Список источников

1. Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.
2. Дороченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.

3. Гайнетдинов Г.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы: исторический очерк. Набережные Челны, 1997.
4. Иванов В.Ф. В поисках государственного идеала. Харбин, 1932.
5. Карсавин Л.П. Европа в России (наброски евразийской идеологии) // Логос. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн. 2. Российский духовный опыт. СПб., 1992.
6. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Евразийство: иллюзии, упования, надежды // Исход и возвращение…: русская эмиграция в Китае в 1920–1940 гг. Владивосток, 1998.
7. Окороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002; Онегина С.В. Русские фашисты // Родина. 1992. № 11–12.
8. Онегина С.В. Крах расчетов и иллюзий // Кентавр. 1995. № 5.
9. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений. Красноярск, 2001.
10. Романовский В.К. Сменовеховство в дальневосточном зарубежье // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 1986.
11. Современные записки. 1930. № 43.
12. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: док. и мат-лы. М., 1999.
13. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1.

УДК 373.31

Цю Маньли

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА В НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ И КИТАЕ

В статье рассматривается проблема образовательного дискурса в начальном образовании. Выявляются сущность и специфика образовательного дискурса применительно к системе начального образования на основе российских и китайских учебников по родному языку.
Ключевые слова: сущность; специфика; образовательный дискурс; начальное образование.

Tsu Mangli

THE EDUCATIONAL DISCOURSE SPECIFICITY IN THE ELEMENTARY EDUCATION IN RUSSIA AND CHINA

In this paper it is examined the problem of educational discourse in primary education. The essence and specificity of the educational discourse are reveled in relation to primary education on the basis of Russian and Chinese textbooks in the native language.
Keywords: essence; specificity; educational discourse; primary education.

Стратегия развития современной системы начального образования связана со следующими целевыми установками

Во-первых, начальное образование интерпретируется как средство развития ребенка для дальнейшего функционирования в обществе, его включения в социальное и культурное поле.

Во-вторых, начальное образование является средством стимулирования «личностного роста» (саморазвития), реализующим развитие внутреннего (творческого) потенциала индивида, создание его индивидуальности.

Таким образом, проблемой современной системы начального образования является необходимость совмещения ряда стратегий: воспроизводства социальной структуры общества, воспитания субъектов культуры и формирования уникальной, творческой, самостоятельной и свободной личности.

В данных условиях образовательный дискурс может применяться как адекватное когнитивное и коммуникативное средство, репрезентирующее идеалы (профессиональные, культурные, экзистенциальные) образования и конструирующее идентичности (профессиональные, социокультурные, личностные) учащихся начальных классов.

Цель нашего исследования – выявить сущность и специфику образовательного дискурса применительно к системе начального образования.

1. Сущность образовательного дискурса в научно-прикладном аспекте. Существуют несколько определений понятия «дискурс». Из научной литературы известно, что дискурс – это текст в совокупности с экстралингвистическими, то есть прагматическими, социокультурными, психологическими, лингвокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Что же касается понятие «дискурс» в педагогическом контексте, О.Л. Михалева предлагает понимать его как «способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности»» [5]. То есть дискурс является способом, который и упорядочивает реальность, и видит отражающий и проектирующий мир.

Начальное образование охватывает детей в возрасте 6–10 лет, это специфический характер объекта образования, поэтому образовательный дискурс для них является особым типом образования [7, с. 12]. Под образовательным дискурсом в данном исследовании понимается регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, направленная на трансляцию, воспроизводство и регуляцию определенных ценностей, знаний, навыков и моделей поведения.

По мнению Липаева, образовательный дискурс используют как средство социального воспитания, оно тесно связано с развитием речевой культуры педагога и школьников, «так как именно овладение родным языком, гибкое его использование в зависимости от ситуации, целей, задач участников коммуникации способно оптимизировать процессы социализации ребенка» [7, с. 43].

Основой образовательного дискурса в начальной школе являются непедагогические тексты, используемые в качестве объекта анализа и интерпретации в процессе учебной коммуникации (художественные произведения, фрагменты повседневной речи). Все они могут выступать в качестве инструмента или средства учебно-воспитательной коммуникации для учащихся начальных классов. Это объясняется необходимостью формирования разносторонней компетентности младших школьников и задачами интеграции индивида в широкий социокультурный контекст.

Достаточно обширный пласт текстов составляют собственно педагогические тексты, описывающие, нормирующие и моделирующие практическую учебно-воспитательную деятельность в начальной школе. К таким текстам следует отнести как признанные в педагогическом сообществе работы ученых, воспитателей и всех тех, кто непосредственно вовлечен в педагогическую деятельность, так и узкоспециализированные тексты предписывающе-контролирующего ха-

рактера, регулирующие деятельность педагогов (учебные планы, памятки учителю, методические рекомендации, характеристики уроков, отчеты о работе классных руководителей и кураторов, профессиограммы, протоколы педагогических собраний) [3, с. 342].

В образовательной дискурсной практике реализация текстов тесно связана с ее контекстами, главным образом, в силу того, что она предполагает непосредственное диалогичное взаимодействие адресанта-учителя и адресатов-учащихся начальных классов, а также качественное изменение сознания и опыта индивидов.

Эффективность образовательного дискурса, в том числе эффективность учебно-познавательной и педагогически-воздействующей деятельности учащихся начальной школы, связана, в первую очередь, с ситуационным и экзистенциальным контекстами дискурсной практики. Ситуационный контекст образовательного дискурса четко ограничен временем, закрепленным за учебным процессом, и местом, где происходит соответствующий процесс. В то же время, неверным было бы утверждение о том, что институционализированная ситуация взаимодействия учителя и ученика в полной мере детерминирует легитимность образовательно-педагогических действий.

Таким образом, социализация и инкультурация, как базовые ориентиры образовательного дискурса, актуализируются не только в учебной аудитории и не только в строго отведенное для этого время. Можно утверждать, что образовательный дискурс актуализируется там и тогда, где возникают интеракции «учитель – ученик» и происходит целенаправленная трансляция опыта. В этом отношении ситуационный контекст образовательного дискурса непосредственно связан с его коммуникативным параметром.

2. Основные особенности образовательного дискурса в начальном образовании. Образовательные дискурсные практики в начальной школе реализуются в самых разнообразных коммуникативных формах и процессах. К ним относятся:

- различные типы педагогического коммуникативного взаимодействия (например, монологи, диалоги и иные формы речевого взаимодействия между учителем и младшими школьниками);

- использование текстового материала в образовательно-педагогических целях (учебники, методические пособия, хрестоматии, биографии и иные письменные и устные тексты);

- описания «прикладных» педагогических моделей.

Выбор формы и процесса осуществления дискурсной практики в начальной школе в значительной степени обусловливается тем, какие когнитивные операции предполагается актуализировать и какой коммуникативной и когнитивной подготовкой обладает адресат – учащийся начальной школы. Иными словами, адресанту образовательного дискурса необходимо не только активизировать когнитивные процессы, которые предполагают формализованную работу с информацией, но актуализовать уже имеющиеся у учащегося начальной школы знания, его мотивы, интересы, желания; а коммуникативные ситуации моделируются в соответствии с когнитивным опытом и познавательными процессами учащихся как объектами образовательного воздействия. При этом необходимо понимать, что коммуникативные и когнитивные процессы не находятся в отношениях доминирования и подчинения друг по отношению к другу, они принципиально взаимосвязаны и неразделимы – это есть важнейшая черта любой дискурсной практики.

Спецификой образовательного дискурса в начальной школе является то, что действия адресанта моделируются в зависимости от когнитивных особенностей адресата – младшего школьника. Эта особенность указывает на высокую

степень интеракциональности дискурсной образовательной практики, которая неизбежно строится на принципах взаимодействия и обратной связи.

Образовательный дискурс в начальной школе отличает также открытость интенций и коммуникативного плана адресанта, что эксплицирует связь между текстами и высказываниями. Эта особенность объясняется необходимостью максимального облегчения когнитивной репрезентации учащимися начальной школы коммуникативных ситуаций. Открытость и в то же время жесткая структурированность дискурса выражается, в частности, в открытой репрезентации учителем целей и задач урока, конечного результата лекции (например, с помощью таких выражений, как «сегодня вы узнаете...», «на нашем уроке мы разберем с вами...» или с помощью таких речевых актов, как интеррогативы и ассертивы). Общая прагматическая и семантическая связность педагогического текста предполагает использование метакоммуникативных средств – аннотаций, ключевых слов, краткого содержания, выводов. В этом отношении адресат – учащийся начальной школы образовательного дискурса всегда осведомлен о коммуникативно-интеракциональной (прагматической) позиции адресанта (учителя) и об «общей логике» его речи; ученик всегда знает, что он должен узнать и какие знания собирается передать ему учитель. Со своей стороны, адресант также имеет четкий коммуникативный план, все его высказывания подчиняются общей задаче коммуникативной ситуации. Эти особенности указывают на метакоммуникативный характер дискурса образования: в ходе дискурсной практики коммуниканты не только сообщают нечто, но и сообщают о самих сообщениях [6, с. 186-187].

Можно выдвинуть предположение о том, что существенными факторами формирования образовательного дискурса в начальной школе являются:

а) научность;

б) точность;

в) связность, последовательность, завершенность;

г) доступность информации;

д) богатство, разнообразие, чистота речи;

е) выразительность [8, с. 22].

Кроме того, с точки зрения В.И. Карасика, «основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)» [1]. Участниками подобного дискурса выступают непосредственно учитель и учащийся начальной школы как представители образовательного процесса, а также родители. Именно первым двум принадлежит первостепенная роль в общении; они могут выступать как в роли продуцента (создателя высказывания), так и являться реципиентом (воспринимающим текст дискурса).

В целях достижения конечного результата важно учесть вербальное поведение обоих участников коммуникации. Однако превалирующая роль в процессе информационного обмена принадлежит говорящему (адресанту). Его коммуникативные возможности призваны способствовать презентации его (т.е. адресанта) как языковой личности. Это является условием качественного кодирования смысла высказывания и адекватного восприятия учащимся начальной школы [2, с. 76-79].

По результатам проведенного исследования специфику образовательного дискурса в начальном образовании можно представить следующим образом:

1. Образовательный дискурс обладает автономностью как тип дискурса в силу объективной преемственности социокультурного опыта, то есть в силу, с одной стороны, действий индивидов, передающих знания, идеи, ценности, и, с другой стороны, действий и усилий познающих индивидов. В этом смысле образовательно-педагогический дискурс «есть» там, где происходит интеракция между учителем и учеником и где осуществляется познание. Собственно, нали-

чие этих двух условий обусловливает и цели дискурса, которые принципиально зависят от особенностей когнитивных процессов учеников и характера учебно-воспитательного взаимодействия, и его тексты, и предметную область.

2. Проблема образовательного дискурса выражается в поиске и реализации адекватных когнитивных и коммуникативных средств, репрезентирующих (профессиональные, культурные, экзистенциальные) идеалы образования и конструирующих (профессиональные, социокультурные, личностные) идентичности.

3. Эффективность образовательного дискурса в начальной школе связана с противоречием между индивидуально-личностными интенциями, способностями, мироощущением, опытом и унифицирующим характером «институционального действия образования».

4. Образование ставит целью обучить учащегося начальной школы не только определенным ценностям, знаниям, навыкам, но и быть артикулирующим объектом, снабжает его необходимыми текстами и формирует навыки их воспроизводства, легитимирует его право на выражение некоторого мнения в рамках доступного и оправданного дискурса.

Таким образом, данному виду дискурса в начальном образовании принадлежит роль обучения, общения, формирования языковой личности.

Список источников

1. Карасик В.И. О типах дискурса. URL: http://ruslang.isu.ru/education/ discipline/philology/disrurs/material/material2/ (дата обращения: 20.11.2016).
2. Карасик В.И. Семиотика ритуального дискурса // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике, праве. 2015. С. 76-79.
3. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. 2015. С. 337-353.
4. Липаев А.П. Речевые средства социального воспитания: педагогический дискурс // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер.: Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2007. № 2. Т. 13. С. 43-46.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Театральная библиотека. URL: http://lib.vkarp.com/2013/12/22/михалева-о-л-политический-дискурс-спо/ (дата обращения: 09.12.2016).
6. Петрова В.А. Дискурс о дереве при ознакомлении с природной и социальной средой и в литературном образовании в начальной школе // Успехи современного естествознания. 2011. № 8. С. 186-187.
7. Сюе Шань. Текущие условия преподавания практических навыков для детей в начальном образовании / Северо-Восточный педагогический университет. 2012. С. 53 （薛娜 小学教育专业学生教学实践能力的现状研究 / 东北师范大学. - 2012年， 53页。）
8. Чжу Цзин Применение педагогического дискурса в начальном образовании / Шаньдунский педагогический университет. 2013. С. 49 (朱静 教学实践在小学教育中的应用研究 / 山东师范大学. -2013年, - 49页。)

УДК 94(47).084.6

Че Чуньин

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ КОЛОНИИ В КИТАЕ

В статье анализируется благотворительная деятельность русской эмиграции в Китае в послереволюционный период. Благотворительное движение русских эмигрантов в Китае было насыщенным и разнообразным, оно строилось на опыте и традициях дореволюционной российской филантропии и милосердия. Эта деятельность осуществлялась по следующим направлениям: духовная поддержка в православных храмах, медицинская и медико-социальная помощь – поддержка инвалидов, призрение – помощь сиротам, престарелым, трудоустройство нуждающихся, выдача денежных пособий малоимущим, организация жилья и питания, правовая помощь.
Ключевые слова: беженцы; благотворительная деятельность; Маньчжурия; общественная и частная благотворительность; русские колонии в Китае; филантропия; Харбин; Шанхай; эмигранты.

Che Chunyin

CHARITABLE ACTIVITY OF THE RUSSIAN COLONY IN CHINA

The article analyse the charitable activities of the Russian emigration in China in the post-revolutionary period. Charity movement of Russian emigrants in China were rich and varied, it was based on experience and pre-revolutionary Russian traditions of philanthropy and charity. This activity was conducted in the following areas: spiritual support in the Orthodox churches, medical and medico-social assistance – support for people with disabilities, charity – assistance to orphans, the elderly, employment for the needy, cash transfers to the poor, organizing housing and food, legal assistance
Keywords: refugees, charity; Manchuria; public and private charity; the Russian colony in China; philanthropy; Harbin; Shanghai; expats.

Благотворительные движения в русском зарубежье – одна из самых ярких страниц всей филантропической истории России. По оценкам историков, никогда больше, ни до, ни после, подобное движение не достигло такого размаха и такой глубины гуманности и бескорыстия. Само понятие «благотворительность» относится к среде общественного служения, общественной активности, и ее инициатором выступила передовая часть русской интеллигенции, которая первая организовывала сбор денежных средств, оказывала медицинскую и другую помощь нуждающимся эмигрантам.

Кроме общественной благотворительности в русском Китае широкое распространение получила частная благотворительность, когда отдельные предприниматели, меценаты и просто состоятельные эмигранты жертвовали нуждающимся свои денежные и материальные средства.

Многие организационные формы, тактика и стратегия благотворительной деятельности, возникшие в Маньчжурии, Шанхае и других русских колониях Китая, были заимствованы из опыта российской филантропии и милосердия. Широкое распространение получила практика патронажа состоятельных лиц над благотворительными организациями. Так, например, руководство КВЖД поддержало создание Русско-китайского приюта для детей-подкидышей. Приют был создан по инициативе супруги управляющего дороги Камиллы Альбертов-

ны Хорват, председательницы Харбинского благотворительного общества. Приют открывал двери для детей разных национальностей [6, с. 28].

К началу 1920-х гг., когда в Маньчжурию хлынула очередная волна русских эмигрантов, здесь уже сложились вполне определенные традиции благотворительной деятельности, которые продолжались весь эмигрантский период. При этом активность благотворителей никогда не угасала, она оказалась не только востребованной, но и необходимой. Это было связано, прежде всего, с ростом эмигрантского населения Харбина и других городов за счет беженцев, чей жизненный уровень был низок, а степень адаптации – незначительна [6, с. 28].

С дореволюционных времен дело благотворительности оставалось почетным и глубоко уважаемым. Продолжали свою деятельность Харбинское благотворительное общество с его детскими приютами и Родительский комитет харбинских коммерческих училищ, Общество защиты детей, открывшее приют «Ясли» и др. Все эти довольно крупные общественные организации с обширными программами имели годовые бюджеты в несколько десятков тысяч рублей и существовали главным образом за счет членских взносов частных лиц, единовременных крупных пожертвований, а главное, за счет средств, полученных от устраиваемых периодически благотворительных базаров, балов, выставок, концертов и т.д. Выручка от этих мероприятий составляла основную статью поступления средств для благотворительности [6, с. 28]. Во главе харбинской благотворительности стояли дамы-патронессы, занимавшие высокое общественное положение в городе – жены высших служащих КВЖД: К.А. Хорват, П.С. Хилковых, М.И. Кошкарова, М.И. Югович, О.Л. Гинце, Г.Н. Павлевская и др. [6, с. 29].

Известным благотворительным учебным заведением Харбина в 1920-е гг. был приют-училище «Русский дом», организованный Иверским братством. По своему характеру он был близок российским военно-морским училищам и кадетским корпусам. «Маленькими матросиками» называли харбинцы за матросскую форму питомцев «Русского дома». Русские женщины, работавшие здесь, прививали любовь к родине, природе, ко всему русскому у 100 воспитанников этого учреждения [1, ф. 830, д. 30, оп. 1, л. 108].

Разнообразную благотворительную деятельность проводил Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), организованный в 1923 г. Он вел регистрацию эмигрантов, выдавал необходимые справки для получения паспорта или вида на жительство, помогал безработным в поисках работы. Беженцам оказывалась бесплатная медицинская помощь, нуждающиеся получали продукты и денежное пособие [1, д. 30, оп. 1, л. 32]. Члены комитета организовывали горячие обеды для ночлежки на Трамвайной улице Харбина, где ютились 100 мужчин, 30 женщин, 10 детей [1, ф. 118, д. 115, оп. 1, л. 57].

Регулярно ХКПРБ проводил благотворительные вечера, концерты, базары, лотереи. Выручка от этих мероприятий ежегодно составляла около 20 000 рублей. На эти деньги устраивались рождественские елки для детей-сирот и детей из беднейших эмигрантских семей. Каждый год на елке бывало по 150 детей российских эмигрантов [12, с. 15].

Благотворительная деятельность ХКПРБ активизировалась после событий в Трехречье (1930 г.), когда тысячи беженцев оказались в Маньчжурии.

По данным С.И. Лазаревой, О.И. Сергеева и Н.Л. Горкавенко, только к 1931 г. члены ХКПРБ дали приют для 808 человек и выдали 30 893 хлебных пайков и столько же порций горячей пищи. Членами Дамского кружка было роздано пострадавшим 7056 предметов одежды и 1556 пар обуви [1, ф. 830, д. 263, оп. 1, л. 1, 2].

В 1932 г. ХКПРБ предоставил кров и пищу пострадавшим от наводнения. Они получили 649 хлебных пайков [15, с. 20-21].

Общественная и частная благотворительность, а также разнообразная медицинская помощь нуждающемуся эмигрантскому населению Маньчжурии продолжились и в последующие годы.

На 1 января 1935 г. в Маньчжурии насчитывалось уже 12 действующих общественных благотворительных организаций, среди которых наиболее известными были приют-училище «Русский дом», общество «Патронат» М.Н. Юзефович, Русский общественный комитет.

Самое активное участие в этих общественных благотворительных организациях приняли женщины. Они создавали дамские кружки, которые помогали нуждающимся. Среди них самым популярным был Дамский кружок при ХКПРБ. Члены кружка проводили сборы вещей, которые распределялись между нуждающимися, обслуживали столовые, питательные пункты, заботились о детях беженцев.

Новая волна благотворительной деятельности в Маньчжурии развернулась в 1940-е гг. «Война за Великую Восточную Азию» отрицательно сказалась на хозяйственной системе Маньчжоу-Ди-Го. Уже в 1941–1942 гг. была затруднена работа промышленных предприятий, торговли, административных структур, сократились финансовые поступления в Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). А это, в свою очередь, привело к уменьшению размеров помощи нуждающимся слоям населения. Все вопросы, связанные с помощью нуждающимся, перешли в руки благотворительных организаций [6, с. 37].

Наряду с общественной и частной благотворительностью в русском Китае широкое распространение получила церковная благотворительность. Для эмигрантов, большинство из которых были верующими людьми, помощь и милосердие со стороны церкви были наиболее важны. В первую очередь церковь помогала изгнанникам морально, своим примером укрепляя духовные силы беженцев, будила у них стремление к милосердию. Помимо этого, РПЦ, как, впрочем, и другие национальные конфессии, помогала страждущим и неимущим эмигрантам материально.

Масштабная благотворительная деятельность проводилась настоятелями приходов и храмов Маньчжурии, где была сосредоточена основная масса эмигрантов из России. Так, при крупных храмах образовались церковно-благотворительные братства и кружки, оказывающие посильную помощь неимущим, больным, престарелым. Благотворительный комитет успешно работал при Харбинской епархии. Помимо Дома милосердия, устроенного архиепископом Нестором, здесь были созданы такие учреждения, как Русский дом, приют-убежище имени митрополита Мефодия в корпусном городке, Ольгинский приют при женском монастыре.

Разнообразная духовная и практическая помощь оказывалась страждущим, больным и престарелым эмигрантам и их детям братством «Нечаянные радости» при кафедральном Свято-Николаевском соборе. Денежные средства, продукты, одежду братья отдавали тому, у кого неожиданно случалась беда.

В докладе о церковно-благотворительной деятельности Харбинской епархии 28 июня 1928 г. говорилось: «…имея в виду, что деятельность духовенства не должна ограничиваться только обучением и наставлением во истину православной веры и нравственности, но и должна являть примеры практического применения означенных истин христианских. Принимая это во внимание, правящий архиепископ делал неоднократные распоряжения через Епархиальный совет об открытии в каждом приходе благотворительных учреждений, которые бы удовлетворяли насущную нужду страждущих христиан, живущих в эмиграции. В этих же целях правящим архиепископом предложено организовать при Епархиальном совете Общий епархиальный благотворительный отдел, представителем которого состоял бы сам Высокопреосвященный Владыка и членами которо-

го кроме Епархиального совета в полном его составе являлись бы представители от каждого церковного благотворительного учреждения г. Харбина. В задачи этого объединяющего благотворительного органа должна входить забота о расширении благотворительной деятельности в епархии и создании в Харбине наиболее солидного благотворительного учреждения, которое бы удовлетворяло существующую нужду эмиграции. К числу намеченных учреждений призвано первейшей необходимостью устройство в самом ближайшем времени в г. Харбине приюта, в котором бы нашли для себя покой и прибежище всякого рода несчастные беспризорные, обездоленные и безработные люди, которые ныне, благодаря отсутствию подобных приютов, часто подвергаются преждевременной смерти, замерзая на улице. А затем и сама жизнь подскажет этому объединенному учреждению, на что особенно благотворительным организациям следует обратить внимание и что возможно общими силами осуществить в будущем» [8, с. 9].

Разнообразную благотворительную деятельность осуществляли служители Иверской церкви в Харбине. Штат Иверского прихода состоял из настоятеля Митрофана, протоирея Н. Вознесенского, протоирея С. Брадучана, дьякона П. Маковеева и псаломщика Е.Н. Сумарокова. Кроме того, к этой церкви были приписаны игумен Арсений, протоирей М. Коровин, священник П. Яхно, священник И. Пыжов, дьякон М. Авсеньев, дьякон Е. Савченко-Бельский. Материальное благополучие прихода во многом поддерживалось церковным старостой П.П. Шевченко [8, с. 9].

Для бедствующих эмигрантов здесь в 1933 г. серафимовская народная столовая и другие благотворительные комитеты и организации устраивали бесплатные обеды, кружечные сборы, лотереи, концерты, спектакли. В Харбине был организован приход для престарелых, больных, детей. Дети в приюте обучались ведению хозяйства. В программе обучения обязательным был Закон Божий. При церкви работал благотворительный кружок, в задачи которого входила выдача пособий к праздникам Рождества и Святой Пасхи. О масштабе благотворительности Иверской церкви говорит тот факт, что с 1933 по 1942 г. народной столовой этой церкви было отпущено 856 054 бесплатных или дешевых обеда для малоимущих эмигрантов [2, с. 309].

Активной благотворительностью занимался Казанско-Богородицкий мужской монастырь. При нем работала народная больница имени доктора В.А. Казем-Бека, отдавшего свою еще молодую жизнь ради спасения юной пациентки. Исключительная личность врача-гуманиста снискала к нему любовь и чувство неоплатной благодарности со стороны всех слоев населения Харбина. Безвременная смерть этого замечательного врача дала новый толчок делу создания в Харбине благотворительных общественных больниц. В короткие сроки на пожертвование врачей православной церкви, предпринимателей и благотворительных организаций было построено два новых здания: одно – под больницу, в другом располагались аптека и амбулатория [12, с. 15-16].

Деньги на возведение знаменитого храма Софии Премудрости Божьей пожертвовал известный в Харбине предприниматель, владелец чайной фирмы И.Ф. Чистяков*.

При храме работало Софийское приходское похоронное бюро. Едва ли нужно говорить, какое значение имело для беднейшего населения города такое учреждение. Если не на катафалке, то хоть на дрогах и в простом гробу, но с крестом на нем по православному обычаю совершалось погребение безродных или неимущих людей [14, с. 30].

* Кроме церкви благотворительностью и меценатством в Харбине и других городах русского Китая занимались многие купцы, промышленники, представители интеллигенции.

Всесторонняя помощь нуждающимся эмигрантам была организована монастырями. При них создавались бесплатные столовые, больницы, аптеки. А в горах Ляошаня, по данным исследователя Г.В. Прозоровой, был даже открыт санаторий, предназначенный для детей и малоимущих больных [9, с. 156].

Повседневную духовную и материальную поддержку больным и малоимущим Харбина оказывали монахи Казанско-Богородицкого мужского монастыря [5, с. 166-167] и Покровская женская община матушки Руфины. Приехав из Владивостока в 1921 г., матушка Руфина при поддержке Харбинского архиепископа Мефодия открыла отделение Владивостокской женской обители. Через 4 года успешного развития обитель переросла в Богородице-Владимирский женский монастырь, который славился не только чудесными исцелениями больных с помощью знаменитой обновленной иконы Владимирской Божией Матери, но осуществлял материальную поддержку паствы [8, с. 10].

После возникновения конфликта на КВЖД в 1929 г. в Харбине появились беженцы и дети-сироты. Стараниями матушки Руфины при обители был открыт приют Святой княгини Ольги для девочек-сирот. За время пребывания за границей обитель приютила, воспитала и подготовила к жизни около 600 девочек [6, с. 31]. В 1935 г. по благословению епископа шанхайского Иоанна игуменья Руфина открыла отделения Харбинской женской обители в Шанхае и приют для сирот.

Сострадание и милосердие были характерны для большинства священнослужителей Русской православной церкви в Китае. В Харбине и в других городах православным духовенством были открыты и освящены дома милосердия, ставшие оазисами высокой духовности, центрами, куда стремились попасть тысячи русских эмигрантов.

Великий русский художник Н.К. Рерих пишет по этому поводу: «Каждый раз, когда посещаешь Дом милосердия, он всегда восхищает меня своею действительностью. Только подумайте, в такое трудное время, как сейчас, когда всюду слышится лишь жестокосердное упразднение и урезывание, в наши страшные дни благое строительство Дома милосердия не замирает. Когда люди думают лишь потом, как бы уже бывшее просуществовало, тогда Дом милосердия готовится открыть двери для новой помощи. Поистине, можно преклониться перед неустанной благой энергией духовного хозяина Дома милосердия архиепископа Нестора. Если и в дни такой неслыханной разрухи и ущерба можно все-таки преодолевать препятствия и строить, то в этом явлен необыкновенный пример созидательства, которое так сочетается с истинной духовностью. И молодые побеги растут около Дома милосердия как верный дозор священной твердыни. И только печется духовный хозяин о детях и престарелых и обо всех нуждающихся. Его глубокая мысль живет среди великих миротворческих задач, всюду объединяя, заживляя и внося радость. И еще проникновеннее заботится владыка Нестор и обо всем духовном хлебе» [11]. 17 мая 1936 г. на участке Дома милосердия состоялось освящение часовни – памятника венценосным мученикам императору Николаю II и королю Александру I. Часовня была построена по проекту инженера М.М. Осколкова. А.А. Хисамутдинов пишет об этом: «Часовня возвышается перед церковью, увенчанная широким куполом в виде шапки Мономаха. Перед часовней с улицы находится чугунная ограда, украшенная художественными литыми медными двуглавыми орлами – даром полковника С.Д. Иванова от Русского шанхайского волонтерского полка и К.Э. Мецлера от Русского эмиграционного комитета в Шанхае. Эти орлы украшали прежде Российское императорское генеральское консульство в Шанхае как стражи русской славы на рубеже дальневосточных стран. Над входом в часовню простирает свои царственные крылья огромный двуглавый орел. На колонных постаментах справа и слева у входа в часовню возвышаются императорские и королевские короны – венцы царственных страдальцев, которые сменили они на мученические венцы. Об этом

мученическом избранничестве государей вещают слова церковной молитвы, начертанной над входом в часовню: «Вселенная приносит и, Господи, Богоносныя Мученики» [16, с. 296].

В Тяньцзине, где также сформировалась большая община русских эмигрантов в 1930 г., Русское братство открыло Дом милосердия им. Серафима Саровского для престарелых и хронических больных. При нем существовала церковь Святого Серафима Саровского. Русское братство в Тяньцзине содержало кладбище, церковно-приходскую школу, больницу и большую библиотеку, которой заведовала М.П. Козулина [13, с. 24].

Активно занимались благотворительностью священники храмов и приходов Шанхая. Например, в Воскресенской домовой церкви во имя святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, женой известного «белого» генерала М.К. Дитерихса, Софией Эммануиловной в 1925 г. был открыт приют для детей-сирот, позже работал детский сад для детей эмигрантов [3, с. 335].

Благотворительность через ее различные формы, в том числе через приходское попечительство о бедных, проявлялась в деятельности священнослужителей Свято-Богородицкой церкви в Убежище престарелых женщин. Эта церковь была создана в мае 1934 г. с благословения епископа китайского и пекинского Виктора. Церковь находилась в Убежище престарелых женщин на рут Эрве де Сийес. Инициатором строительства церкви был дамский благотворительный комитет во главе с С.И. Марковой [3, с. 335]. В праздничные дни в этот маленький, уютный храм стекалось много молящихся. Сюда же приходили учащиеся общежития Коммерческого училища при Русском православном братстве [3, с. 335]. Настоятелем Свято-Богородицкой церкви был протоирей Александр (Паевский). На частные пожертвования был построен кафедральный собор во имя Божией Матери Споручницы грешных (Свято-Богородицкий собор) в Шанхае. С 1 мая 1933 г. по 15 февраля 1936 г. велось его строительство, и за это время только Дамский комитет по сооружению собора, возглавляемый В.С. Принц, собрал 36 153 дол. А всего на строительство этого собора было затрачено свыше 150 тыс. дол., собранных в виде частных пожертвований [4, с. 46].

На строительство этого гражданского собора отозвались многие русские эмигранты. Среди них были не только священники, но и предприниматели, художники, артисты, военные [3, с. 340].

Так, А.А. Рейер за свой счет организовал забивание свай для фундамента, эта работа оценивалась в 15 тыс. дол. Другой жертвователь А.И. Гесс построил за свой счет часть крыши и изъявил желание безвозмездно установить электрическое освещение в храме. Другие русские эмигранты тоже пожертвовали большие суммы для церкви. Архитектором кафедрального собора был знаменитый русский художник Я.Л. Лихонос. Техническое инженерное наблюдение за постройкой вел Б.Ф. Зинзалов [3, с. 340].

По воспоминаниям русских шанхайцев, много добрых бескорыстных дел было на счету священнослужителей других храмов и небольших приходов Шанхая. Личным примером, активной подвижнической деятельностью заражал и священников, и простых мирян святитель Иоанн, епископ Шанхая [8, с. 13]. «Этот человек, – писал о нем митрополит Антоний, – является каким-то чудом аскетической стойкости и строгости в наше время всеобщего духовного расслабления». В декабре 1934 г. по его предложению был создан Шанхайский комитет по организации приюта для бедных русских детей. Был открыт приют святителя Тихона Задонского для сирот и детей. С 24 февраля 1935 г., в разные годы в нем находилось до ста детей. Содержался приют на общественные пожертвования, русские преподаватели вели занятия безвозмездно. Комитет приюта подчинялся епископу Иоанну. Часто он сам собирал больных и голодных детей с улиц Шанхая. Позже, в 1949 г., он лично способствовал тому, чтобы все воспитанники при-

юта были эвакуированы на Филиппины, а затем в США. Также по инициативе Иоанна Шанхайского были построены госпиталь, дом для престарелых, общественная столовая, женская гимназия [8, с. 13].

С годами Иоанн Шанхайский стал местно чтимым чудотворцем: русские эмигранты описывали случаи чудотворного исцеления тяжелобольных после молитв епископа Иоанна; больных и страждущих он посещал в любое время суток в больницах, тюрьмах, госпитале для умалишенных [10, с. 44].

Трудные условия жизни эмигрантов активизировали подвижническую деятельность Русского благотворительного общества в Шанхае, а затем и появление большого числа других: Общества помощи неимущим учащимся, Общества Белого цветка (Лиги борьбы с туберкулезом), Центрального благотворительного комитета во главе с архиепископом Симоном, Убежища для престарелых и одиноких женщин им. архиепископа Симона [7, с. 191].

В феврале 1923 г. группа эмигрантов под руководством Д.И. Казакова создала Русское православное братство. Его целью была объявлена «религиозно-нравственная проповедь морали и воспитание прочих национальных качеств» для духовного единения русской колонии. Братство создало и содержало госпиталь, Коммерческое училище и приют [7, с. 191].

В 1930 г. была учреждена Лига русских женщин – как благотворительная и культурно-просветительная организация. В сферу забот Лиги входило трудоустройство женщин, для чего было создано Бюро труда. Работали курсы рукоделия, прикладного искусства, английского языка. В декабре 1932 г. Лига открыла начальную школу и детский сад, а осенью следующего года школа была преобразована в женскую гимназию, которую возглавила С.Э. Дитерихс. К середине 1930-х гг. в гимназии обучались 65 девочек, из них четверть получала бесплатное образование. Ежегодные рождественские базары женских рукоделий давали средства для проведения благотворительных елок для бедных детей [4, с. 64-66].

Некоторые организации Шанхая оказывали материальную поддержку и помощь только своим членам. Например, Союз служивших в российских армиях и флоте был одним из самых крупных эмигрантских союзов в Шанхае (600 членов). Он оказывал помощь неимущим русским военнослужащим и их семьям: обустроил общежития для одиноких военных, общежития для семейных, а также обеспечил бесплатное питание им; оказывал медицинскую помощь и помощь в погребении умерших, помогал найти работу; наконец, для удовлетворения духовных потребностей членов союза открыл Свято-Николаевскую военно-походную церковь [3, с. 43].

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: благотворительная деятельность русской эмиграции Китая в послереволюционный период была насыщенной и разнообразной. Она строилась на опыте и традициях дореволюционной российской филантропии и милосердия. Эта деятельность осуществлялась по следующим направлениям:

- духовная – моральная поддержка и утешение в православных храмах;
- медицинская помощь больным эмигрантам;
- медико-социальная помощь инвалидов;
- призрение (помощь сиротам, престарелым);
- трудоустройство нуждающихся;
- выдача денежных пособий малоимущим;
- организация жилья и питания;
- правовая помощь (юридические консультации).

Опыт благотворительного движения, накопленный русской эмиграцией в Китае в 1920–1940-е гг., уникален, он может быть востребован и в наши дни, и не только в России, в Китае, но и во всем мире, где ощущается острый дефицит

милосердия, сострадания и участия в чужой судьбе, где мало взаимопонимания и взаимовыручки. Его надо осмысливать, пропагандировать и применять.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Великая Маньчжурская империя (к 10-летнему юбилею). Харбин, 1942. 309 с.
3. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. 335 с.
4. Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. 74 с.
5. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011. 167 с.
6. Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии: краткие очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996. 228 с.
7. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007. 391 с.
8. Печерица В.Ф. С верой в Бога и Отечество… участие православной церкви в благотворительной деятельности русской эмиграции в Китае // Берега. 2013. Вып. 17. С. 9-19.
9. Прозорова Г.В. Русская православная церковь за границей в дальневосточном зарубежье // Россияне в АТР. Сотрудничество на рубеже веков: мат-лы I междунар. конф., 24–26 сентября 1997 г. Кн. 2. Владивосток, 1999. С. 156-176.
10. Рассеяны, но не расторгнуты // Приложение к журналу «Восточный базар». 2001. № 6. С. 44-45.
11. Рерих Н.К. Дом милосердия // Русский Харбин. М., 1998.
12. Рубеж. 1929. № 24. С. 15-18.
13. Русские в Китае. Исторический обзор. Шанхай. М., 2010. 224 с.
14. Русский Харбин. М., 1998. 230 с.
15. Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. 221 с.
16. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния русских в Китае. Владивосток, 2000. Ч. 1. 296 с.

УДК 94(510.1)

Яхимович С.Ю.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАНЬЧЖУРИИ (1920–1930-е гг.)

Статья посвящена вопросам идентификации колонии советских граждан в социальном пространстве на китайской территории 1920–1930-х гг., о ее месте и связи с дальневосточной ветвью российского зарубежья. Сам феномен и уникальное положение советской колонии придают данной проблеме дискуссионный характер, и предлагаемая статья призвана уточнить авторскую позицию по заявленной теме.

Ключевые слова: Маньчжурия, советская колония, эмиграция, идентификация, инокультурная среда, социальное пространство.

Yahimovich S.Yu.

THE PROBLEM OF THE IDENTIFICATION OF THE SOVIET COLONY IN THE SOCIAL SPACE OF MANCHZHURIA (1920-1930)

Article is devoted to questions of identification of a colony of the Soviet citizens in social space in the Chinese territory 1920 - 1930, about its place and communication with a Far East branch of the Russian abroad. The phenomenon and unique position of the Soviet colony, gives to the given problem debatable character, and offered article is called to specify an author's position on the declared theme.

Keywords: Manchuria, the Soviet colony, emigration, identification, outside of cultural environment, social space.

Усилия СССР по закреплению политико-экономических интересов в Маньчжурии увенчались подписанием советско-китайских соглашений в мае и сентябре 1924 г. По данным соглашениям, помимо всего прочего, на Китайско-Восточной железной дороге могли работать только граждане СССР и Китая [5, с. 344, 461]. Этот фактор предопределил быстрый рост уже имевшейся в Харбине и бывшей полосе отчуждения КВЖД многочисленной колонии советских граждан. К моменту перехода Китайско-Восточной магистрали под руководство первого советского управляющего А.Н. Иванова в октябре 1924 г. только служащими дороги – гражданами СССР стали около 5,5 тыс. чел. [2, ф. 17, оп. 67, д. 53, л. 146]. Русский персонал дороги стремился сохранить высокооплачиваемую работу, солидные социальные гарантии и получить стабильный правовой статус, связывающий их с родной страной.

Вплоть до 1950-х гг. советская колония в Маньчжурии прошла несколько фаз развития, но самый высокий период ее истории приходится на время совместного советско-китайского управления КВЖД в 1924–1935 гг., когда ее структура и характер имели ярко выраженное своеобразие. Особое значение проблеме придет тот факт, что советская колония в Маньчжурии существовала бок о бок с российской эмиграцией в условиях инокультурной среды. Это состояние колонии советских граждан вызывает ряд вопросов, связанных с ее идентификацией в окружавшем социальном пространстве на китайской территории, в частности взгляды на связь с дальневосточной ветвью русского зарубежья, место советского сообщества в российском зарубежном мире. Отвечая на эти и другие вопросы, исследователи предлагают свое видение проблемы, в результате чего все еще слабо изученная в отечественной историографии советская североманьчжурская колония приобретает различную характеристику.

Настоящий доклад ставит своей целью уточнение авторской позиции по проблеме, учитывая некоторые критические замечания коллег, носящие спорный характер. Тем более, что эти замечания вызваны неточностью цитирования работ автора или поверхностной трактовкой предложенных им формулировок. Так, исследование М.В. Кротовой существенно расширило информативное поле по проблеме советской колонии. В тексте своей диссертации, имеющейся в свободном доступе сети Интернет, и автореферате [6; 7], ссылаясь на с. 15 нашего автореферата [11], она отмечает следующее: «… представляется неубедительным вывод автора о том, что советская колония была «искусственным образованием», созданным «по решению и под руководством партийно-советского аппарата», и представляла собой «своеобразный идеологизированный анклав в инокультурной среде» [6, с. 11]. Однако указанные цитируемые фразы являются вырванными из контекста тезисов, изложенных сразу на нескольких страницах нашего автореферата. Тем, не менее, несмотря на эту неточность цитирования, сформулированное М.В. Кротовой предложение вполне отражает точку зрения автора данного доклада, но еще раз требует разъяснений.

Идентифицировать советскую колонию в социальном пространстве Маньчжурии можно с нескольких позиций. В первую очередь необходимо сказать, что природа самой колонии была синкретичной, так как это сообщество сложилось из трех сегментов – русских старожилов КВЖД (профессионалы-железнодорожники, прибывшие для работы с семьями задолго до революции 1917 г.), русских эмигрантов, пожелавших по разным причинам получить советский паспорт, и командированных из СССР специалистов (в основном теснейшим образом связанных с партийными органами и спецслужбами).

Колония была сформирована и затем стремительно свернута исключительно по инициативе высшего советского руководства. Длительных естественных причин и движений, связанных с ее появлением, не было, поэтому следует отметить так называемый «искусственный» характер колонии, возникший благодаря акту политической воли лидеров СССР. Термин «искусственное образование» по отношению к советской колонии подчеркивает быстроту ее создания, в основе чего лежали не обстоятельства эволюционного характера формирования, а жесткая политическая установка советских руководителей. Это отчетливо видно из изданной переписки полпреда СССР в Китае Л.М. Карахана с Г.В. Чичериным и И.В. Сталиным [8], из партийных отчетов большевистской организации в Маньчжурии [1, ф. П-2, оп. 1, д. 51, л. 6-11; 2, ф. 17] и всей логики советской внешней политики в Китае начала 1920-х гг. Колония должна была стать (и стала) плацдармом для советского политико-экономического влияния в Северо-Восточном Китае.

Причины принятия советского гражданства были различными. Для значительной части россиян в Маньчжурии это были меркантильные интересы. Однако мотивация перехода в советское гражданство была связана не только с денежным благополучием, но и с искренними симпатиями к СССР, пересмотром взглядов по отношению к нему (принципиальных людей было достаточно много в обоих лагерях). Не все измерялось деньгами – значительная часть российской диаспоры отказывалась брать как советские, так и китайские паспорта, а большинство советских граждан остались в гражданстве СССР во время конфликта 1929 г. несмотря на репрессии местных властей. При этом партийные органы, бывшие здесь на нелегальном положении, и профсоюзы смогли установить разными методами относительно жесткий контроль над колонией и осуществлять идеологическую обработку новых советских граждан. Эти меры должны были выработать у последних лояльность к СССР и его политике в регионе. В случае игнорирования советских позиций основным рычагом давления была угроза увольнения (сокращение штатов и т.п.) с работы, что лишало средств к существованию в Маньчжурии с огромным уровнем безработицы среди проживавших там россиян. Подобный стиль управления был взят в самом начале формирования советской колонии и недвусмысленно прослеживался, например, в письме одного из ее «отцов-основателей» Л.М. Карахана к Г.В. Чичерину: «… русские служащие сейчас преданы нам больше, чем какому-либо другому правительству, ибо они понимают, что любой из них при малейшем подозрении вылетит с дороги (КВЖД – *С.Я.*) без разговоров, причем они понимают также, что, вылетев с дороги, они погибли, ибо в Советской России они устроиться не смогут, а за границей и без них достаточно всяких эмигрантов» [8, с. 243]. Отмечая множество недостатков и перегибов в деятельности большевистского руководства советской колонией, тем не менее, думается ошибочно принижать роль партийного аппарата в контроле и его влияние на совграждан в Маньчжурии, особенно через общественные организации. Даже активное противодействие этому влиянию местных китайских властей не смогло его устранить.

Несмотря на то, что многие россияне вынужденно брали советские паспорта, для неоднородной эмигрантской среды они стали ассоциироваться с советской властью и вызывали негативные эмоции (оскорбительные прозвища «редиски», «совы» и т.п.), а иногда и открытую вражду. Переход части советских граждан обратно в эмигрантское состояние или принятие китайского гражданства далеко не всегда означали «радушный» прием для перебежчиков, ко многим из них продолжали относиться с настороженностью или с пренебрежением (особенно в период обострения политического противостояния и нагнетания шпиономании в Маньчжурии). Эти и другие обстоятельства способствовали обособлению обеих колоний, отсюда некоторая вынужденная замкнутость советского со-

общества под контролем коммунистов. Данное обстоятельство придает советской колонии черты анклава, но не в географическом, а в политико-идеологическом смысле. Невзирая на это, территориально ее члены сосуществовали рядом с российскими эмигрантами, русскими, принявшими китайское гражданство, и этническим китайским массивом, что особенно показательно просматривалось в крупнейшем русском городе полосы отчуждения – Харбине, где были районы, преимущественно заселенные китайцами, советскими гражданами или эмигрантами, но это не носило характера закрытых границ. Более того, люди не только свободно перемещались по городу, они вместе трудились на предприятиях, обучались в учебных заведениях, посещали одни и те же места досуга и т.п.

Что касается «инокультурной среды», то имеется в виду иная, чуждая культура китайской цивилизации, на территории которой появились и «островок русского мира» эмиграции, и советская колония. Разница культур и менталитета очевидна. Для подавляющего большинства китайского населения россияне (эмигранты и совграждане) были и оставались иностранцами, отношение к которым со времен восстания ихэтуаней мало изменилось. Даже переход в китайское гражданство или благоволение китайских властей к белоэмигрантам не менял мнения. В этом одно из главных отличий дальневосточной ветви российского зарубежья от европейской: в Европе русской эмиграции культурная среда была близка, а адаптация и интеграция в иностранные общества прошли быстрее. Советская североманьчжурская колония, как и эмигрантская, находилась в той же ситуации, в той же инокультурной среде.

Наконец, бóльшая часть членов советской колонии генетически были связаны с русским дальневосточным зарубежьем, и только процесс оптации в 1924–1925 гг. вывел их в самостоятельное образование, расколов российскую диаспору на два мира – советских граждан и эмигрантов (появились также русские, принявшие китайское гражданство). Хотя усилиями большевиков советское сообщество со временем все больше втягивалось в конфронтацию с эмигрантами, тесное соседство и разнородные контакты двух колоний делали рубеж между ними относительно открытым (так, часть советских граждан массово перешли обратно в эмигрантское состояние в 1929 и 1935 гг.).

Еще одна неточная трактовка касается положения, высказанного Я.Л. Писаревской и поддержанного автором о том, что после продажи КВЖД Советским Союзом Маньчжоу-Ди-Го в 1935 г. и репатриации большинства советских граждан в СССР, колония перестала существовать в прежнем качественном состоянии [9; 11]. М.В. Кротова со ссылкой на этот тезис пишет: «Можно оспорить утверждения Я.Л. Писаревской и С.Ю. Яхимовича, что к концу 1935 г. после реэмиграции в СССР многочисленная советская колония в Северной Маньчжурии перестала существовать» [6, с. 11], и также: «Даже при отсутствии точных данных о количестве советских граждан после 1935 г., сведения об оставшейся тысяче или 2,5 тыс. советских граждан в Маньчжурии к 1939 г. выглядят сомнительными» [7, с. 308], исследователь считает их сильно заниженными.

О том, что советская колония совсем перестала существовать после репатриации (процесс реэмиграции шел параллельно) 1935 г., ни у Я.Л. Писаревской, ни в нашей работе не говорится. На наш взгляд, оспаривать здесь абсолютно нечего. Думается, что подобное суждение может быть развеяно при более пристальном и полном прочтении текстов работ. Речь идет о том, что колония советских граждан сильно сократилась численно (примерно до 2,5 тыс. чел. к началу 1940-х гг. с учетом мнения других исследователей, архивных материалов [3, ф. 1562, оп. 20. д. 57. л. 1-2 об.; 4, с. 32; 10, с. 211]). Но, главным образом, не столько по масштабам, сколько по своей социально-политической структуре и целям существования, определявшимися руководством СССР, она не походила на ту советскую колонию, которая была в Северной Маньчжурии в 1924–1935 гг.

Кроме того, контролирующие ее и организующие партийные органы (Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б), Северо-Маньчжурский комитет ВЛКСМ, секретная база Далькрайкома партии и др.) были ликвидированы в 1935–1936 гг. после основной репатриации совграждан. Сильно поредевшая советская колония, не привязанная более к КВЖД, находившаяся в откровенно враждебном к СССР государстве с военно-полицейским режимом, функционировать на прежнем уровне просто не могла ни количественно, ни качественно. Немало советских граждан в 1935–1937 гг., спасаясь от японо-маньчжурских властей, перебрались в более спокойную Китайскую Республику (в основном в Шанхай). Настоящее возрождение североманьчжурской колонии происходит под влиянием советских побед в Великой Отечественной войне и после прихода Красной армии в Маньчжурию, что значительно повлияло на рост авторитета СССР среди эмигрантов. Но это уже ближе к середине 1940-х гг.

Советская колония в Маньчжурии была уникальным явлением в истории российского зарубежья, хотя в чистом, классическом виде частью его не является, так как это понятие связывают в основном с эмигрантским сообществом. Поэтому вопрос с идентификацией колонии советских граждан в социальном пространстве Маньчжурии остается сложным. Тем не менее, нам думается, что скорее можно говорить о некоем роде «советского зарубежья» (массовость – до 50 тыс. чел. [1, ф. 849, оп. 1, д. 23, л. 2], запланированная долгосрочность, как минимум 60-летнего пребывания [5, с. 459-460]), выведенного из русского зарубежья, пребывавшего с ним в одной социокультурной среде и почти полностью неожиданно репатриированного на Родину через десятилетие в связи с резкой сменой международно-политической ситуации вокруг КВЖД. Дальнейшее исследование места и роли сообщества советских граждан в Маньчжурии значительно увеличит представления об истории всего русского зарубежного мира.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Российский государственный архив социально-политической истории.
3. Российский государственный архив экономики.
4. Аблажей Н.Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Новосибирск, 2008. 47 с.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924 г.). М.: Изд-во полит. лит., 1963. 760 с.
6. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 46 с. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/12/Автореферат-МВКротова. pdf (дата обращения: 08.07.2016).
7. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.): дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 536 с. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/12/Диссертация-Кротова.pdf (дата обращения: 08.07.2016).
8. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923–1926 г. / сост., отв. ред.-сост., авт. предисл. А.И. Картунова; гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Наталис, 2008. 704 с.
9. Писаревская Я.Л. Российская эмиграция Северо-Востока Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция (середина 1920 – середина 1930-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 23 с.
10. Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М.: СП «Слово», 1992. 441 с.
11. Яхимович С.Ю. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924–1935 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2012. 26 с.

Раздел 3. Российский Дальний Восток и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: история, культура и современные проблемы

УДК 94(571.6)

Агапов В.Л.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ХАБАРОВСКАЯ ЧАСТНАЯ ПРЕССА

Статья посвящена периодической печати Хабаровска периода Первой мировой войны. Дана характеристика ведущих частных газет «Приамурье» и «Приамурская жизнь». Проанализирована тематика прессы 1915 и 1916 гг. Показано, что ни в «Приамурье», ни в «Приамурской жизни» нельзя обнаружить широкой постановки общественных задач. Причинами этого являлись низкое качество самих газет и цензура, которая значительно ограничивала возможности прессы по освещению не только военных событий, но и вопросов внутренней жизни. Однако даже и в этом положении газеты отразили на своих страницах кое-что из подлинных проблем, волновавших российское общество накануне революции.
Ключевые слова: Первая мировая война; Российская империя; Дальний Восток; Хабаровск; общественное мнение; периодическая печать; «Приамурье»; «Приамурская жизнь»; К.К. Куртеев; Н.А. Лисин; И.Л. Миллер.

Agapov V.L.

THE FIRST WORLD WAR AND THE KHABAROVSK PRIVATE PRESS

The article deals with periodicals of Khabarovsk during the World War I. It presents the characteristics of the leading private newspapers «Priamur'e» and «Priamurskaya zhizn'» and analyzes their themes for 1915 and 1916. It has been shown that it can not be found a wide formulation of social tasks neither in «Priamur'e» nor in «Priamurskaya zhizn'». The reasons for this were censorship and the low quality of the newspapers themselves. However, even in this position some of the real problems exciting the Russian society on the eve of the Revolution were reflected on their pages.
Keywords: World War I; Russian Empire; Far East; Khabarovsk; public opinion; newspapers; «Priamur'e»; «Priamurskaya zhizn'»; I. Miller; K. Kurteev; N. Lisin.

Историки дальневосточной печати конца XIX – начала XX в. И.Г. Стрюченко и Т.В. Прудкогляд выделили три периода в истории ее развития:

1. Зарождение печати на Дальнем Востоке, которое Т.В. Прудкогляд называет «этапом накопления сил – создания основ экономики и культуры региона» (1865 – середина 90-х гг. XIX в.);

2. Формирование системы печати (1895–1907 гг.), причем в этом периоде выделяются этапы 1895–1904 и 1905–1907 гг.;

3. Социально-экономический и культурный подъем (1907 – февраль 1917 г.) [9–11]. Последний период рассмотрен только в работах Т.В. Прудкогляд.

Десятилетие 1907–1917 гг. традиционно делится на два этапа. Первый этап, до вступления России в Первую мировую войну (июнь 1907 г. – июль 1914 г.), характеризуется такими показателями: состояние мира внутри страны и на международной арене; активное реформирование всего государственного и общественного устройства России; прогресс в экономике и культурном строительстве. В русле этих качественных показателей развивался и Дальний Восток, особенно его южная часть. Состояние русской, да и всей российской культуры с 1907 г. по июль 1914 г. Т.В. Прудкогляд описывает следующими словами: шоковое состояние, вызванное кровавым разгулом стихийных сил революции 1905–1907 гг.; кризис, который заполнил собой все культурное пространство и нашел свое выражение в публикации в 1909 г. сборника «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» и дискуссиях, разгоревшихся в печати вокруг идей его авторов. Второй этап (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) характеризуется вступлением России в войну и тем тяжелым бременем, который она наложила на всю страну, ее экономику, на все ее физические и духовные силы. Экономическое ослабление страны и оскудение жизни народа, с одной стороны, и с другой – расшатанность традиционализма, множественная дробленность на мелкие осколки культурных сил народа с еще больше остротой, чем раньше, поставили вопросы: куда идти, каким путем двигаться из этого затянувшегося и осложненного участием в войне кризиса? [9, с. 95] Именно эта проблематика дальневосточной прессы в кризисный для страны и общества исторический момент накануне революции, по сути, и является нашим объектом исследования.

В качестве примера выбрана периодическая печать г. Хабаровска, второго по численности населения города Приморской области. По данным приморской статистики, на 1 января 1914 г. население Владивостока составляло 99 265 чел., Хабаровска – 55 838, Никольск-Уссурийского – 36 993 [8, с. 7]. Во время Первой мировой войны в Хабаровске выходило три газеты. Одна из них была официальной («Приамурские ведомости»), две – частными («Приамурье» и «Приамурская жизнь»). В нашей статье проанализированы публикации именно этих двух последних.

«Приамурье». Газета политическая, общественная и литературная. Выходила в Хабаровске в 1906–1917 гг. сначала 3 раза в неделю, с 1907 г. – ежедневно. Издатель: Товарищество «Приамурье» (1906–1908 гг.); с № 471 – А.П. Сильницкий (1908 г.); с № 2395 – Н.А. Лисин (1914–1917 гг.). Редакторы: Л.А. Сильницкая (1906 г.); с № 77 – А.П. Сильницкий (1906–1908 гг.); с № 471 – М.И. Петрова (1908–1911 гг.); с № 1336 разновременно: К. К. Куртеев (1911–1913 гг.); А.Н. Шагин (1911–1913 гг.); Н.С. Арефьев (1913 г.); И.К. Емельянов (1913–1914 гг.); Н.А. Лисин (1914–1916 гг.); П.И. Жеребцов (1915–1916 гг.); с № 3028 – М.И. Петрова (1916–1917 гг.) [3].

В 1913 г. охранное отделение считало, что «Приамурье» «наиболее распространенная и осведомленная из краевых газет. В настоящее время вокруг газеты концентрируется вся либеральная интеллигенция Хабаровска. Этой именно газете принадлежит инициатива проведения в Государственную Думу депутата от Приморской области Русанова, бывшего ее постоянного сотрудника. Издается на средства Емельянова. Способствует последнему выгодно устраивать коммерческие дела» [1, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 19].

Редактором «Приамурья» в 1911–1913 гг. был дворянин Константин Константинович Куртеев (1882–1937 гг.). Он вырос в Сибири, где его отец – тоже Константин Константинович – отбывал ссылку. Работал экономистом, был кассиром городской управы Благовещенска. В начале 1900-х гг. являлся сотрудником «Амурской газеты», «Благовещенска», «Голоса окраины» и других благовещенских газет. В 1906 г. исполнял обязанности редактора газеты «Голос окраины». В 1907 г. переехал в Хабаровск, где в 1911–1913 гг. редактировал газету «Приамурье» [13, с. 218–220]. Претендуя на оппозиционность, она время от времени

вступала в конфликт с властями, так что редакторы «Приамурья» нередко получали административные штрафы и аресты. В этом вскоре убедился и сам Куртеев. Постановлением военного губернатора Приморской области от 2 ноября 1911 г. он был подвергнут аресту на 3 месяца и с 6 ноября отбывал заключение в тюрьме [1, ф. 1, оп. 1, д. 4481, л. 29]. В марте 1912 г. характеризовался хабаровским полицмейстером как человек, по убеждениям принадлежащий к партии левых [1, ф. 1, оп. 1, д. 4481, л. 6]. В 1913 г. характеристика Куртеева (в приложении к докладу начальника Владивостокского охранного отделения) изменилась на чуть ли не прямо противоположную: «К. Куртеев. Бывший народный учитель. Некогда примыкал к С.Р. Постепенно, сделался оппортунистом. Человек весьма осторожный. Любит «пущать революцию» за чужой счет, то есть провоцировать других резким выступлением в газете, будучи сам в тени. На последнем, происходившем в Москве, съезде деятелей повременной печати, присутствовал в качестве делегата от дальневосточных газет. Года два назад ему было брошено в печати («Приамурская жизнь») обвинение в том, что он, состоя служащим Хабаровского музея, присвоил себе золотые монгольские монеты. В обвинении этом Куртеев не оправдался» [1, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 19–20]. Обвинения в «оппортунизме» не были лишены оснований, потому что, согласно собственному прошению, с 7 января 1914 г. бывший «левый» К.К. Куртеев был определен на государственную службу по ведомству Министерства внутренних дел и зачислен в штат канцелярии Приамурского генерал-губернатора временным редактором «Приамурских ведомостей» [6, 23.01.1914]. Эту должность он и занимал до закрытия газеты после Февральской революции 1917 г.

С 9 сентября 1913 г. кресло редактора «Приамурья» занял сам владелец газеты екатеринбургский мещанин Иосиф Каллистратович Емельянов [1, ф. 1, оп. 1, д. 4481, л. 79, 81]. В 1914–1917 гг. официальным редактором – издателем «Приамурья» вместо И. К. Емельянова являлся Н.А. Лисин.

Во время Первой мировой войны газета выходила ежедневно, на листах большого формата, в каждом номере было 4–6 полос, из них 1-я и 4-я или 1-я и 5–6-я – рекламные. Текст на 2–3-й полосах напечатан в 6 колонок. В 1914 г. подписная цена составляла 7 руб., цена с доставкой – 8, в другие города – 9. Цена за номер – 5 коп. Подписка стала немного дороже, чем в 1906 г., зато розничная цена уменьшилась вдвое. Тираж «Приамурья» к 1916 г. оценочно мог быть чуть больше 4000 экз. [1, ф. 1, оп. 2, д. 2482, л. 25].

«Приамурская жизнь», ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходила в Хабаровске в 1909–1917 гг. Редактором-издателем являлся томский мещанин Исаак Леонтьевич Миллер (1884 – после 1940 г.) [3].

И.Л. Миллер родился в Томске. В 1909 г. вместе с отцом Леонтием Михайловичем начал издавать в Хабаровске газету «Приамурская жизнь», взяв в аренду деревянный флигель и типографию товарищества «Голос Востока». Впоследствии он обзавелся собственной типографией, издал одно из первых библиографических изданий г. Хабаровска – «Хабаровскую справочную книжку» на 1909 г., состоял членом Хабаровского общественного собрания, председателем Сибирского землячества и литературно-драматического общества. В своей типографии он небольшими тиражами по 200–400 экз. печатал свои пьесы «Догорели огни», «Кадриль», «Гримаса женщины». Однако славу (и основной доход) Миллеру приносило издание газеты.

В приложении к докладу начальника Владивостокского охранного отделения (1913 г.) о «Приамурской жизни» сказано так: «Издается и редактируется Миллером – евреем по происхождению. Миллер лет 5–6 тому назад состоял в Томске сотрудником тамошних прогрессивных газет. Явился в край с небольшими сбережениями. В настоящее время состояние его исчисляется многими тысячами. Умеет всем «угодить». Газету ведет в духе так называемой «желтой прес-

сы». Шантажирует обывателей. Пускается в разные темные аферы, вроде антрепризы над «труппой» оставшихся не у дел евреев – оперных певцов. На страницах газеты горячо защищаются интересы еврейства вообще и приамурских евреев в частности. Пишет чрезвычайно «осторожные», но, тем не менее, всегда тенденциозные маленькие фельетоны. Подписывается «Невидимка». Помощников своих по редакции меняет очень часто» [1, ф. 1, оп. 7, д. 1368, л. 20а]. Согласно словарю И. Ф. Масанова, также его псевдонимами были «Капитан Гвоздичкин», «Кузьмин», «Ольгин, И.», «Старый театрал». На газетном рынке Хабаровска «Приамурская жизнь» занимала нишу «желтой» прессы.

С началом Первой мировой войны во всю силу заработала цензура. Заявление военного министерства, опубликованное в «Приамурских ведомостях» на четвертый день войны, 22 июля 1914 г., гласило: «Сим объявляется населению империи о необходимости общих усилий к сохранению в полной тайне всего, что касается выполняемых ныне военных мероприятий... Осведомление населения в пределах возможности о переживаемых и предстоящих военных событиях исторической важности возложено на Главное управление Генерального штаба. Общество должно смириться с краткостью и вероятной скудостью тех сведений, которые будут сообщаться, находя удовлетворение в том, что приносимая таким отношением жертва вызывается военной необходимостью...» [6, 22.07.1914].

Таким образом, власти стремились изъять тему войны из публичного обсуждения и заставить газеты ограничиться перепечатками официальных сообщений. Позже, в 1915 г., официозный публицист Н.М. Португалов призывал «писателей и публицистов по военным и морским вопросам» «помолчать», отложить свои рассуждения до конца войны, «дабы не быть жалкими и смешными» [4, 10.09.1915].

На описание военных действий в газетах был фактически наложен запрет. Почти единственным способом познакомить читателей с происходящим на фронте стала публикация писем солдат. Особенно много таких писем появлялось в «Приамурье». Поначалу в них можно было прочесть что-то вроде «На позициях встретил нашего К., который мне сообщил, что Э.Г. убит: ему оторвало снарядом обе ноги. Из наших хабаровцев Н.Ч. убит, Валя З. попал в плен, брат его, Коля, сошел с ума, а старший, Иннокентий, убит...» [7, 22.03.1915] или «Здесь так привыкаешь к мысли, что будешь убит, что уже не думаешь о смерти. Я теперь верю, что здесь можно поседеть. Кругом раненые, убитые, куски тела, разорванного снарядами, кровь – ужас!..» [7, 1915, 4 апреля]. Однако затем под влиянием цензуры газеты старались избегать кровавых подробностей. Вместо непосредственных свидетельств участников под видом «писем с войны» стали публиковаться пропагандистские корреспонденции якобы с фронта, в которых солдаты «привыкли к боевой обстановке», ни в чем себе не отказывают [7, 09.04.1915], полны «воодушевления, веры и беспредельной надежды на победу», «весело, свободно и радостно ожидают наступления» [7, 06.01.1916], а «немец» «выдыхается» и победа близка [7, 03.05.1915].

Совершенно другой характер носили публикации хабаровских газет, посвященные проблемам внутренней жизни. Редактор «Приамурской жизни» И.Л. Миллер – увлеченный театрал – первым обратил внимание на влияние войны на культуру. 6 января 1915 г., ссылаясь на «Утро России», он писал, что в России возникла «своеобразная эпидемия – графомании в области драматургии»: «Все теперь пишут пьесы на военные темы». Однако эти пьесы оценивались невысоко. «В этом потоке графоманской макулатуры ни одного проблеска художественного, ни одной живой литературной строки. Все представляет собой лубочного характера вещи с удивительно однообразным содержанием. Лица, которым по обязанности приходится теперь читать эти пьесы, с ужасом отзываются о литературной стороне этих произведений, порожденных великой войной» [5, 06.01.1915]. В статье

«Батальная драматургия» из номера «Приамурской жизни» от 18 января рассказывалось, как за сочинение военных произведений взялись актеры. Автор очень низко оценивал военные фильмы: «Позор Германии» Дальского, «Реймский собор» Ге, «За кулисами войны» Глаголина, – и делал вывод, что «война рождает героев», но никогда хороших драматургов» [5, 18.01.1915].

Редакция «Приамурской жизни» критически относилась к патриотизму, охватившему русское общество в начале войны. 10 января 1915 г. в статье «Война и бойкот немецких товаров» газета отмечала, что «бойкотистское движение очень популярно среди русского купечества»: «В столичных и провинциальных газетах настойчиво печатается в формате объявлений призыв московского купечества бойкотировать немецкие товары». Автор публикации задавался «вполне естественным» вопросом, «не скрывается ли под призывом московского купечества и обслуживающих его интересы органов печати, кроме патриотических целей, и другие, может быть, более низменные» – желание избавиться от конкуренции со стороны германских фирм и германских товаров [5, 10.01.1915].

Роль торгово-промышленных классов в развитии социально-экономического кризиса в стране часто анализировалась на страницах «Приамурья». 14 мая 1915 г. Н.С. Арефьев писал в «Приамурье» в статье «Борьба с дороговизной» о росте цен на муку, вину за который возлагал на продавцов [7, 14.05.1915]. 19 мая он отмечал, что «за время войны жизнь значительно вздорожала без всяких естественных причин»: «Сокращение спроса вследствие отбытия воинских частей и уменьшения вывоза при прежнем размере производства должны были вызвать обратное явление – падение цен на продукты. И повышение их... может найти объяснение лишь в самой беззастенчивой спекуляции, в соглашении торговцев и искусственном устранении с рынка значительной части продуктов». Автор – видный деятель партии эсеров – видел выход из положения в создании уездного комитета по снабжению города предметами первой необходимости [7, 19.05.1915]. Н. Арефьев говорил о неэффективности борьбы с дороговизной, поскольку повязанные с торговцами хабаровская и владивостокская управы ведут ее плохо: «На днях в Хабаровск прибыло целых две баржи с мясом. Несмотря на это, цена на мясо нисколько не упала» [7, 22.05.1915]. Сведения о «сильном вздорожании жизни» приходили также и из других регионов [7, 24.05.1915].

Освещалась в «Приамурье» и борьба властей с дороговизной. Газета сообщала, что «12 мая областным Приморским по крестьянским делам присутствием постановлено закупить для нужд по продовольствию населения до 50000 пуд. пшеницы» [7, 27.05.1915], что «Постановлениями военного губернатора Приморской области на четырех владельцев хлебопекарен в г. Никольске за повышение цен на печеный хлеб наложен на каждого штраф в размере 100 руб.» [7, 27.05.1915].

Однако все эти меры не давали эффекта. 9 октября 1915 г. «Приамурская жизнь» писала: «В городе прекратилась в продаже писчая бумага. Некоторые учреждения уже испытывают бумажный голод. Афишная бумага также приходит к концу. Белая газетная бумага ожидается не ранее половины ноября, а оберточной бумаги, на коей сейчас печатаются газеты, на рынке небольшое количество, при том она у китайцев ежедневно повышается в цене» [5, 09.10.1915]. В этом месяце «Приамурская жизнь» печаталась на серой оберточной бумаге коричневого цвета. Из экономии на плохую бумагу были вынуждены перейти и другие издания. В статье «Бумажный голод» газета рассказывала: «Бумажный голод» все острее ощущается газетными изданиями, особенно в провинции. Все худосочнее становятся провинциальные газеты, переходящие с полутора листа на лист, с листа – на пол-листа и даже четвертушку. «Одесские новости» прекратили бесплатный обмен своих выпусков с другими изданиями. Большая газета формата столичных, «Киевская мысль», выходит на одном листе, на котором даже убористым петитным шрифтом нельзя поместить и половину нужного ин-

формационного материала. Жалуются на бумажный кризис «Астраханский листок» и, вообще, все газеты Поволжья. Совсем отощал ярославский «Голос». Появился целый ряд газет, печатающихся на цветной бумаге: «Уфимский вестник», «Калужский курьер», «Смоленский вестник» печатаются на коричневой бумаге, «Северное утро» (Архангельск) – на розовой. Но и это печатание на бумаге всех цветов радуги не долговечно. Скоро и эта возможность иссякнет, если не будут приняты меры к своевременной доставке газетной бумаги. Так с другого конца подтачивается существование печатного слова...» [5, 10.10.1915]. Именно к этому периоду войны относится Циркуляр Главного управления по делам печати № 12985 от 23 декабря 1915 г., содержавший просьбу разъяснить редакторам газет необходимость экономии бумаги, для чего следует сократить объем изданий или периодичность выхода [1, ф. 702, оп. 7, д. 89, л. 305].

Тем временем, в газетной хронике сообщалось: «На базаре все дорожает не только с каждым днем, но и часом. Передают, что и мука повышается в цене» [5, 09.10.1915]. В фельетонах «Приамурья» вся вина за это возлагалась на купцов, которые назывались «героями лихолетья»: «В настоящую тяжелую годину, когда обыватель последним делится с доблестными воинами, купцы и жертвуют за счет обывателя». На благотворительность, открытие лазаретов и санитарных поездов и т.п. они, по собранным газетой сведениям, тратят деньги из сверхприбылей, полученных от непомерного увеличения цен на свои товары [7, 12.12.1915]. В частности, про местных мукомолов газета писала, что они «ничтоже сумняшеся продолжают чинить над обывателем немецкие зверства...» [7, 15.12.1915]. Итог же подводила статья «Пора сознать», опубликованная в «Приамурье» 28 февраля 1916 г.: «Дороговизна всюду и во всем. Спекуляция, нажива идет рука об руку с выколачиванием трудового рубля из рабочего, небогатого класса. Какая-то вакханалия с «заколачиванием» презренного металла рвет и распускает темные, мрачные, цепкие крылья...» [7, 28.02.1916]. О дороговизне и спекуляции регулярно писали обе хабаровские частные газеты, но статьи и фельетоны «Приамурья» отличались большей склонностью к обобщениям, чем заметки «Приамурской жизни».

Частные хабаровские газеты враждовали друг с другом. Редакторы подавали друг на друга в суд и обменивались фельетонами, напоминающими «Южные журналисты» В. Дорошевича. 11 февраля 1915 г. И.Л. Миллер обвинял редактора «Приамурья», «ветеринарного фельдшера Лисина», в том, что тот, «потеряв надежду на увеличение интереса к своей газете, упавшей во мнении общества, не надеясь уже поправить свои убыточные издательские дела, с горя отдал газету в руки двух пьяных людей, которые, доходя до белой горячки, не ведают, что творят... Лисинские молодцы... чуть ли не ежедневно клевещут на нас, распространяя ложь и показывая этим свое удивительное хамство... Запрещение продажи водки и переход на спирт низкого качества делает, очевидно, свое дело, и разнузданность этих господ дошла за последнее время до апогея» [5, 11.02.1915]. Удивительно, но как раз развитие пьянства в России было одной из проблем, постоянно занимавших редакцию «Приамурья». Этой проблеме в газете было посвящено много разнообразных по содержанию публикаций, регулярно появлявшихся на протяжении всей Первой мировой войны.

30 мая 1915 г. в «Приамурье» была напечатана заметка «Контрабанда»: «За май месяц задержано стражей таможни и акцизного управления более 200 ведер контрабандного спирта и масса других предметов» [7, 30.05.1915]. 2 сентября в статье «Судьба благих пожеланий» констатировалась неудача борьбы с пьянством в Хабаровске: «В самом деле, несмотря на все меры, принимаемые администрацией, размеры пьянства нисколько не сокращаются, ибо взамен закрытого кабака ничего не дано народу». Газета цитировала одного из гласных городской думы, заявившего, «что наш народ в настоящее время пьет даже больше того, чем

он пил раньше. Раньше он пил водку, а теперь пьет спирт чистый и разбавленный водой и напивается хуже прежнего. Раньше он сидел и пил в кабаках, а теперь он пьет на толкучках, в столовых и даже на улицах...» [7, 02.09.1915]. В статье «По вопросу о борьбе с пьянством» рассказывалось, как приамурские крестьяне грабят и убивают контрабандистов спирта, пользуясь тем, что те не смогут заявить об этом в полицию: «В августе с.г. в одной из окрестных деревень г. Хабаровска крестьяне отобрали у контрабандистов изрядное количество спирту, поделили его и пьянствовали целых три дня, и остались все очень довольны» [7, 10.09.1915]. 18 сентября газета напечатала заметку: «Новое обязательное постановление», в которой говорилось о штрафах 3000 рублей или заключении на 3 месяца за изготовление, приобретение, сбыт и хранение предметов, приспособленных для тайной перевозки спирта [7, 18.09.1915]. Однако, как и в случае борьбы с дороговизной, ничего не помогало, и в опубликованной «Приамурьем» 3 октября заметке «Алкоголизм на Амуре» отмечено, что «официальное запрещение торговли крепкими напитками не дало существенных результатов в деле насаждения трезвости среди сельского населения Амурской окраины». Анкетирование, проведенное канцелярией Приамурского генерал-губернатора, показало, что в «одной из деревень Иманского уезда Приморской области» «из населения в 250 человек не употребляющих в деревне спиртные напитки оказалось только 10 человек (считая в том числе и подростков)...» [7, 03.10.1915].

О распространении алкоголизма писали и другие дальневосточные газеты (особенно часто – Никольск-уссурийская «Уссурийский край»). Из всех этих публикаций складывалось впечатление, что объявленное в начале войны правительством оздоровление нации не состоялось и что в провинции, особенно в сельской местности, народ спивается почти поголовно, что приводит к еще большему обеднению населения, а также и к широкому развитию преступности.

Говоря о дальневосточной прессе 1907–1917 гг., Т.В. Прудкогляд называет ее характерными чертами: «мелкотемье, скольжение по поверхности проблем, серость, низкий этический уровень» [9, с. 141]. Если говорить о хабаровских газетах периода Первой мировой войны, с этим выводом во многом можно согласиться. Ни в «Приамурье», ни тем более в «Приамурской жизни», относившейся к «желтой» прессе, нельзя обнаружить широкой постановки общественных задач. Дороговизна, спекуляция, распространение пьянства, криминальная хроника – наиболее часто встречающиеся в газетных публикациях темы. Причиной этого отчасти являлось низкое качество самих газет. Чтобы понять, насколько это было характерно для Дальнего Востока, можно вспомнить, что «Приамурские ведомости» – официальный орган генерал-губернатора – отличались еще меньшей публицистичностью и вместо статей и фельетонов заполнялись преимущественно постановлениями генерал-губернатора и губернаторов, сведениями о назначении, переводе и увольнении чиновников и казенными объявлениями [2]. Другой причиной была цензура, которая значительно ограничивала возможности газет по освещению не только военных событий, но и вопросов внутренней жизни. Не будет поэтому преуменьшением сказать, что в прессе 1914 – февраля 1917 гг. показан только некий отзвук событий и явлений в жизни Российской империи накануне революции. Однако даже и в этом отзвуке видно кое-что из подлинных проблем, волновавших российское общество накануне революции. В поздних публикациях обоих газет видно предчувствие перемен, на пороге которых оказалась Россия. В конце 1916 г. «Приамурская жизнь», публикуя материалы о заседаниях и декларациях Государственной Думы и Государственного Совета и о совсем не верноподданнических речах депутатов, сообщала, что положение в стране тяжелое, власть лишилась последней опоры, и что «все прозрели» [5, 11.12.1916].

Опыт, полученный И.Л. Миллером за время издания «Приамурской жизни», впоследствии пригодился ему в эмиграции в Китае. В 1921–1925 гг. он был редактором русскоязычной газеты «Рупор» (Шанхай), в 1925–1928 гг. – редактором издававшейся М.С. Лембичем газеты «Шанхайская заря», а в 1928–1937 гг. – газеты «Наша заря» (Тяньцзинь). Возвратившись в Шанхай, издавал и редактировал газету «Шанхайский рупор», первый номер которой вышел в свет в апреле 1938 г. По словам Чжао Юнхуа, своим изданиям Миллер смог придать живой и бойкий характер, нравившийся публике [12]. Дата смерти Миллера неизвестна.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
2. Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время Первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016. № 3 (41). С. 25–34.
3. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: ГПБ, 1958–1961.
4. Газета «Дальний Восток» (г. Владивосток).
5. Газета «Приамурская жизнь» (г. Хабаровск).
6. Газета «Приамурские ведомости» (г. Хабаровск).
7. Газета «Приамурье» (г. Хабаровск).
8. Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток: Тип. Приморского областного правления, 1915.
9. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917): монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 240 с.
10. Прудкогляд Т.В. Печать Дальнего Востока России как фактор культуры (1907 – февраль 1917 гг.) / РАН, Дальневост. отд-ние; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 76 с.
11. Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы Первой русской революции (1895–1907 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 240 с.
12. Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская газетная группа «Заря» и ее деятельность в Китае в первой половине XX в. // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/node/1118 (дата обращения: 05.07.2016).
13. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков: к 155-летию образования Амурской области / сост., ред., вступ. Ст. А.В. Урманова [и др.]. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

УДК 94(47).085.5

Анисимов А.Л., Цветков И.Б.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ РСФСР В 1926–1929 гг.

В статье рассматривается процесс реформирования финансовых органов в связи с образованием 4 января 1926 года Дальневосточного края.

Ключевые слова: процесс реформирования финансовых органов; Дальневосточный революционный комитет; Дальневосточный исполнительный комитет; Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика; Совет народных комиссаров; Дальневосточный край; гербовый сбор; рентное обложение; местные налоги; сельхозналог.

Anisimov A.L., Tsvetkov I.B.

REFORMING OF THE FAR EASTERN FINANCIAL BODIES OF THE RSFSR OF THE USSR IN 1926-1929

This article deals with the process of reforming financial bodies in connection with the formation of the year January 4, 1926 the Far Eastern edge..
Keywords: the process of reforming financial bodies; the Far Eastern Revolutionary Committee; the Far Fasten Executive Committee; the Russian Soviet Federative Socialist Republic; the Council of people's commissars; the Far Eastern Krai; stamp duty; local taxes; locale taxes; agricultural tax privileges.

4 января 1926 г. Постановлением Президиума ВЦИК «Об образовании и районировании Дальневосточного края» был образован Дальневосточный край (ДВК). В связи с переходом от губернского и уездного деления на окружную и районную систему были определены округа и районы и установлены их границы.

Управление уполномоченного Наркомата финансов на Дальнем Востоке было преобразовано в финансовый отдел при исполнительном комитете Дальневосточного краевого совета, а вместо губернских финансовых отделов при окружных исполнительных комитетах были созданы окружные финансовые отделы: Владивостокский, Николаевский, Сретенский, Амурский, Зейский, Камчатский, Сахалинский и Читинский. В 1930 г., в связи с образованием Восточно-Сибирского края, Сретенский окружной финансовый отдел был выведен из подчинения Далькрайфо, затем из него вышли Читинский и Зейский финотделы.

30 января 1926 г. Дальревком принял постановление о ликвидации всех отделов и аппаратов уездных исполкомов. В постановлении делалось исключение для уездных финансовых отделов, которые сохранялись до 1 апреля того же года. Это было сделано в целях «распоряжения кредитами по уездному бюджету и для заканчивания отчетности по местному бюджету и по ликвидации уездов» [3, с. 249].

На основании «Инструкции о порядке организации окружных исполнительных комитетов и ликвидации губернских и уездных исполнительных комитетов» Дальревкома к 1 апреля должны были быть упразднены все уездные исполкомы с их отделами. Все их функции передавались окружным и районным исполкомам, а до образования окружных исполкомов – губернским. Окружные бюджеты, составленные соответствующими финотделами, принимались губисполкомами как ориентировочные и вносились на утверждение окружных съездов Советов [3, с. 250-255].

Инструкция определяла штаты окружных финансовых отделов (окрфо). Управление финансами состояло из заведующего окружным финансовым отделом (окрфо) и помощника заведующего окрфо. Окружной финансовый отдел включал в себя семь подотделов: общий (5 чел.), налоговый (60 чел.), местных финансов (13 чел.), контрольно-бухгалтерский (17 чел.), приходно-расходная касса (52 чел.), налоговых доходов (4 чел.), кредитная инспекция (1 чел.).

Налоговый подотдел складывался из управления (2 чел.) и отделов: учетно-инструкторского (5 чел.), прямых налогов (8 чел.), косвенных налогов (4 чел.), сельскохозяйственного налога (3 чел.), наружного налогового надзора (25 чел. — по фининспекциям и 13 чел. — по инспекции косвенных налогов).

Подотдел местных финансов состоял из руководства (2 чел.) и двух отделений: сметного (7 чел.) и счетного (4 чел.). Контрольно-бухгалтерским подотделом руководил 1 человек. В подотделе имелось два отделения: бухгалтерское (5 чел.) и контрольное (11 служащих и 1 руководитель, из них 5 человек работали по гос-

бюджету, 3 человека — по местному (окружному) бюджету и 2 человека — по районному бюджету).

Приходно-расходной кассой руководили 2 чел. В ее состав входила касса (10 чел.), операционная бухгалтерия (26 чел.), окладное счетоводство (7 чел.) и сторожевая охрана (7 чел.).

Всего штат окружного финансового отдела насчитывал 167 чел. [2, с. 162-167].

По предложению заведующего крайфо Р.М. Лидемана Президиум Далькрайисполкома постановил организовать при крайфо Краевую комиссию по даче заключений о сложении недоимок свыше 1000 руб. с государственных и кооперативных организаций и свыше 300 руб. – с частных лиц [1, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 313].

В 1926 г. крайисполком обсудил проект Положения о местных финансах РСФСР. В своем постановлении он внес ряд предложений:

1. Снять с местного бюджета расходы на борьбу с безработицей, на пенсии инвалидам войны, по содержанию Краевого земельного управления и подотделов в округах лесного хозяйства, землеустройства и мелиорации и др.

2. Ввиду особых условий Дальневосточного края предусмотреть в Положении особые права Далькрайисполкома, а именно: отчисления от местных средств в части доходов по эксплуатации лесов, рыбных промыслов в морских водах и от государственного промыслового налога по ДВК должны распределяться по округам непосредственно Далькрайисполкомом в соответствии с местными нуждами округов. Часть средств от этих доходов Далькрайисполком мог отчислять в краевой бюджет для покрытия расходов по нему и в фонд регулирования.

3. Исключить какие-либо ограничения и нормы исчисления размеров отчислений в фонд регулирования от госпромналога и надбавок к госналогам, предоставив установление размеров отчислений непосредственно Крайисполкому и др. По поручению крайисполкома крайфо должен был дать НКФ РСФСР заключение по проекту Положения о местных финансах РСФСР на основе постановления Далькрайисполкома [1, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 132 об.].

В начале 1926 г. управление УНКФ провело частичное обследование налоговой работы Приморской губернии. Крайисполком на основании этой проверки вынес решение предложить Приморскому ГФО и ГИК как можно скорее изжить замеченные недостатки в налоговой работе, упорядочить кампанию по сельхозналогу, ликвидировать недоимки всех прямых налогов и сборов. Принять меры к ликвидации текучести кадров налогового аппарата и к пополнению личного состава наружного аппарата. Особое внимание нужно было обратить на необходимость своевременного и полного сбора сельхозналога.

С 1 апреля 1926 г. при крайфо организовались комиссии по промысловому и подоходному налогам, по гербовому сбору, по рентному обложению, по местным налогам и по сельхозналогу. Заместителями председателя во всех налоговых комиссиях назначались помощники уполномоченного Наркомата финансов Мартынов и Конокотин. Представителями от крайфо в организуемые налоговые комиссии стали Мартынов и заведующий налоговым подотделом Корнеев, кандидатами к ним – Конокотин и консультант налогового подотдела Жигалкин [1, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 47].

Обсудив доклад крайфо и заключение Дальплана, Президиум Далькрайисполкома утвердил план работы крайфо на 1926–1927 гг., обратив особое внимание крайфо на необходимость бездоимочного поступления налоговых и неналоговых доходов как государственного, так и местного значения; на усиление работы по реализации госзаймов; на усиление работы финансового контроля по наблюдению за проведением в жизнь мероприятий по режиму экономии; по развитию и укреплению вкладной операции в низовой системе сельскохозяйственного кредита; по урегулированию операций по ДВК [1, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 308].

Курс, взятый правительством СССР на индустриализацию страны, поставил новые задачи перед финансовыми органами. Правительство понимало, что проблема индустриализации — это, прежде всего, проблема изыскания средств для ее проведения, проблема наличия капиталов в государственной казне. Одним из способов решения этой проблемы стал поиск максимального удешевления государственного аппарата, поэтому было необходимо провести реорганизацию финансовых органов страны. В то же время, необходимо было укрепить этот аппарат, сделать его максимально гибким, подвижным, способным правильно ориентироваться в экономических мероприятиях советской власти и неукоснительно проводить их в жизнь, проявляя инициативу во всех своих звеньях. Разумеется, это затрагивало и аппарат финансового отдела Далькрайисполкома. Встал вопрос о реорганизации финансовых органов.

12 мая 1927 г. Коллегия Наркомата финансов РСФСР заслушала доклад Федорова «О реорганизации финаппарата». В целях выделения наибольших средств на нужды социалистического строительства, приближения госаппарата к массам, а также укрепления финаппарата и улучшения качества его работы, коллегия постановила провести целый комплекс мероприятий по расширению прав и функций низового финаппарата; значительному упрощению номенклатуры по государственным и местным бюджетам; пересмотру объемов работ финорганов; упрощению системы учета и форм отчетности; реформе кассового устройства и бухгалтерии по государственным и местным бюджетам; качественному укреплению налоговой инспектуры по прямым налогам и пересмотру сети и объема работы налоговой инспекции по косвенным налогам; пересмотру объема работ финорганов по неналоговым доходам в сторону устранения излишней и второстепенной работы, особенно в области учета, с усилением их работы по активному участию в вопросах хозяйственного строительства и контроля ведомств и учреждений, администрирующих неналоговые доходы; пересмотру объема работы валютных ячеек (кредитной инспекции) в направлении усиления влияния финорганов на работу кредитных учреждений на местах; значительному сокращению и удешевлению штата финорганов с направлением освободившихся средств на повышение квалификации основных групп финработников.

В основу реорганизации местного финаппарата были положены следующие основные принципы: максимальное сокращение звеньев подчиненности внутри финаппарата; установление в подотделах финорганов непосредственной связи ответственных исполнителей с руководителями; сокращение числа должностных наименований сотрудников с отменой наименований должностей, не связанных с непосредственной ответственностью за определенную часть работы финоргана; введение бригадного (группового) метода работы; рационализация отдельных операций согласно разрабатываемым в НКФ РСФСР предложениям.

В связи с этим коллегия поручила Главной финансовой инспекции до 15 июля 1927 г. изменить трехстепенное деление финорганов (республиканские, краевые, областные или губернские) на двухстепенное; упразднить внутреннее подразделение финорганов окружного и уездного значения на подотделы (в крупных округах допускалось деление на подотделы только при согласии в каждом случае ГФИ); расформировать общие подотделы в финорганах республиканского, областного, губернского и окружного значения, образовав Управление делами (с возложением на последние выполнение делопроизводственных и хозяйственно-обслуживающих функций) и местные фининспекции (с возложением на них всей организационной работы по подчиненным финорганам); слить в финорганах республиканского, краевого, областного, губернского и окружного значения подотделы сметно-кассовый и местных финансов в один бюджетный подотдел (отдел); сократить утвержденный ЦИК на 1926–27 бюджетный год штат внутреннего аппарата местных финорганов в среднем до 25 %.

Принимая во внимание имевшие место случаи перестройки местного финаппарата без разрешения НКФ РСФСР, коллегия признала необходимым срочно издать особое распоряжение НК РКИ и НКФ РСФСР, которое запретило бы производство каких-либо изменений финаппарата без разрешения НКФ РСФСР.

В связи с проводимой НКФ РСФСР работой по реорганизации местного финаппарата Коллегия НКФ попросила Коллегию народного контроля РСФСР, во избежание параллелизма, отказаться от проведения аналогичной работы по финаппарату РСФСР, ограничившись проверкой результатов работы Наркомфина РСФСР в указанной области [1, ф. 389, оп. 18, д. 2, л. 77-78].

В конце мая 1927 г. Коллегия НКФ РСФСР обсудила эти вопросы и приняла ряд решений. Местным органам власти было предписано провести следующие мероприятия. В отношении наружного налогового аппарата необходимо было максимально использовать все доходные возможности для усиления средств государства. Налоговые доходы играли решающую роль в доходной части единого бюджета. Поэтому от состояния и качества наружного налогового аппарата, прежде всего, зависело выполнение доходной части бюджетов. Кроме того, налоговая политика имела исключительно важное значение в деле регулирования отношений между государством и частным капиталом, и в этом деле немаловажную роль должен был играть налоговый аппарат. Но состояние наружного налогового аппарата вызывало тревогу НКФ, о чем свидетельствовали судебные процессы над рядом руководителей наружных финансовых органов. В связи с этим НКФ предлагали создать такие условия работы и жизни сотрудников наружного налогового аппарата, которые гарантировали бы их от разложения. Кроме того, предписывалось проводить тщательный отбор личного состава, который бы обеспечил как их достаточную экономическую грамотность, так и полное соответствие требованиям, предъявляемым к ответственным работникам Советского государства.

Для обеспечения первой задачи руководителям местных финансовых органов за счет сокращения внутреннего финансового аппарата «произвести значительное улучшение положения наружного аппарата по прямым налогам»: к 1 октября 1927 г. увеличить заработную плату финансовым инспекторам, их помощникам, финагентам и заведующим конторами фининспекторов по прямым налогам. Учитывая, что основной частью плательщиков акцизов являлись государственные и кооперативные предприятия, которые за последнее время улучшили свою производственную технику, коммерческую отчетность, стали более исправными плательщиками акциза, это позволяло в значительной мере упростить надзор за производством и выпуском подакцизных предметов, установить представление отчетности непосредственно надналоговым подотделам ГФО и отказаться от постоянного присутствия агентов косналога на предприятии, заменив их периодическими внезапными ревизиями. Это позволяло пересмотреть нагрузку на косвенных инспекторов. Освобождение средств от сокращения числа косвенных инспекторов позволит направить часть средств на улучшение материального положения работников наружного косвенного надзора.

Решая задачу качественного улучшения состава финорганов, необходимо было использовать лиц, оканчивавших вузы. Они должны были в первую очередь направлены на работу в качестве финагентов. По мере приобретения ими необходимых навыков и практического опыта, они должны были выдвигаться на должности помощников финансовых инспекторов. Необходимо было провести проверку личного состава, не ломая поспешно при этом наружный налоговый аппарат. Могла быть сокращена одна штатная единица на участке.

Второе место в доходной части единого бюджета занимали неналоговые доходы. Здесь также необходимо было значительно качественно укрепить основную группу работников по неналоговым доходам за счет количественного со-

кращения аппарата. Работа валютных ячеек приобретала особое значение, т.к. вопросы организации кредита народного хозяйства имели решающее значение для индустриализации страны. Необходимо было обратить особое внимание на контроль за деятельностью государственных, кооперативных и частных кредитных организаций. Для этого необходим был минимальный, но абсолютно надежный аппарат в валютных ячейках. Поэтому все сказанное в отношении необходимости улучшения материального положения и более тщательного подбора финансовых инспекторов распространялось и на валютных инспекторов. О решении Коллегии НКФ местные финорганы были извещены секретным циркулярным письмом наркома финансов РСФСР Н. Милютина от 24 мая 1927 г. № 63-Ц [1, ф. 389, оп. 18, д. 2, л. 72-76].

9–10 марта 1929 г. заседание I пленума Дальневосточного краевого исполкома Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов утвердило заведующих краевыми отделами. Заведующим крайфо стал член Далькрайисполкома Р.М. Лидеман. Он вошел и в состав Президиума ДКИК [1, ф. 137, оп. 4, д. 7, л. 1 об.].

27 августа 1929 г. Президиум Далькрайисполкома заслушал представление крайфо о реформировании районных финансовых частей в крае. В соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР о введении в штаты районных исполкомов районных инспекторов и телеграфным распоряжением НКФ РСФСР от 16 августа 1929 г. № 220-М-1668-М оклады заведующим районными финансовыми частями, районным инспекторам, районным инструкторам и районным финансовым инспекторам-инструкторам устанавливались не ниже, чем ставки членов президиума районных исполкомов.

Окрисполкомам предлагалось распределить указанные должности по штатам входящих в состав округов РИК с учетом мощностей районов и объема работ, с одновременным упразднением в этих районах должностей счетоводов по налоговой части.

С 1929–1930 гг. содержание районных финансовых отделений передавалось на окружные бюджеты.

Расходы, появившиеся в связи с реформированием районных финансовых частей, должны быть возмещены за счет выявления новых доходных источников. Штат районных исполкомов должен быть укомплектован из «наиболее квалифицированных и классово-выдержанных работников».

Во исполнение Постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. ДКИК принял решение о реорганизации Дальсельбанка в краевую контору Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативно-колхозного банка. Все отделения Дальсельбанка и сельскохозяйственные кредитные союзы подлежали немедленной ликвидации. Все активы и пассивы Дальсельбанка и его отделений передавались Всесоюзному сельскохозяйственному кооперативно-колхозному банку и зачислялись на единый баланс.

В 1930 г. в связи с изменениями в административно-территориальном делении края начинается новый этап реорганизации структуры финансового управления на советском Дальнем Востоке.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Бюллетень Дальневосточного революционного комитета. 1926. № 4.
3. Бюллетень Дальневосточного революционного комитета. 1926. № 8.

УДК 94(20)

Анисин А.Л., Витрук Г.К.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА РОССИИ: ОТ ОСМЫСЛЕНИЯ – К ПРАКТИКЕ

В статье ставится проблема поиска путей восстановления духовного единства России через реализацию инфраструктурных проектов. Формулируется задача преодоления раскола патриотического сознания на «красных» и «белых» через творческое осмысление трагического опыта XX в. Основой обретения духовного единства народа должна стать развитая в русской философии идея соборности. Эта идея представляет собой не только уникальное духовное достояние России, но и способна иметь всемирно-историческое значение.
Ключевые слова: соборность; духовное единство России; культурное сотрудничество; инфраструктурные проекты.

Anisin A.L., Vitruk G.K.

THE RESTORATION OF SPIRITUAL UNITY OF RUSSIA: FROM COMPREHENSION TO PRACTICE

The article raises the problem of finding the ways to restore the spiritual unity of Russia through the implementation of infrastructure projects. The task of overcoming the division of patriotic consciousness in the Red and the White through the creative interpretation of the tragic experience of the 20th century is formulated. The idea of sobornost, developed in the Russian philosophy, should be the basis of the spiritual unity of the people. This idea is not only the unique spiritual heritage of Russia, but also is able to have the world-historical significance.
Keywords: sobornost; spiritual unity of Russia; cultural cooperation; infrastructure projects.

Патриотическая мысль и реальная практическая деятельность, ориентированная на идеалы патриотизма, всегда были необходимой основой исторического развития России. Особенно остро востребованы патриотические ценности в современной геополитической ситуации. Обращение к ним является необходимым ответом российского общества на вызовы современности, на растущее с каждым днем давление на Россию извне. Однако, как можно наблюдать, патриотизм понимается весьма по-разному разными политическими силами. Мало кто из политиков не апеллирует к историческому наследию России, и каждый из них говорит о ее благе, о ее интересах. Но очень разную Россию мы порою любим: кто царскую, кто демократическую, кто советскую, а кто и вовсе выдуманную. Патриотизм В. Жириновского весьма отличается от патриотизма Г. Зюганова или А. Кудрина, да и среди участников нашей конференции наверняка есть разные патриоты. И все-таки позвольте выразить уверенность, что именно на почве любви к России и ее реальной истории, и только на почве служения ее интересам мы можем обрести исторические перспективы развития.

Главная и очень болезненная проблема патриотического сознания заключается в неизжитом идейном расколе на «красных» и «белых». Для кого-то дореволюционная история России представляется только предисловием к истории советской, в этом предисловии они, конечно, видят и победы, и великие имена, но для них все это – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Настоящая история начинается для них с 1917 г., Родина для них – Советский Союз. Эта Родина оказалась, если не разрушена совсем, то сильно искалечена, по

их мнению, горбачевскими и ельцинскими реформами и нуждается сейчас в восстановлении.

Для других же дорога именно традиционная Россия, которая стала великой державой вовсе не в XX в., а уже, как минимум, с XVIII в., которая сыграла всемирно-историческую роль уже в XIII в., защитив Европу от монгольского разорения, которая и непосредственно перед революцией 1917 г. имела огромный материальный и духовный потенциал исторического развития и этот потенциал достаточно успешно реализовывала. Для них трагедия 1917 г. означает победу внутренних и внешних врагов России, для них коммунистическая власть чужда хоть под знаменем Ленина-Сталина, хоть в хрущевском и в брежневском варианте. В советской истории они, конечно, видят и достижения, и великие имена, но для них все это – заслуги народа, реализованные «не благодаря, а вопреки» коммунистическому руководству. История России, с их точки зрения, оказалась, если не прервана, то, как минимум, исковеркана XX веком и нуждается теперь в восстановлении.

Необходимость восстановления, таким образом, очевидна для всех патриотически настроенных людей, спор идет только о том, что же именно необходимо восстанавливать: Российскую империю или Советский Союз? Думается – ни то, ни другое. В восстановлении нуждается Россия, понимаемая во всей ее исторически сформированной духовной полноте – Россия вся, как она есть.

Это целостное понимание нашей Родины предполагает, что настоящие истоки всех впечатляющих побед Советского Союза заключены в многовековой истории России, что свою историческую силу «советская цивилизация» черпала из материальных и духовных ресурсов цивилизации российской, которой она себя поначалу резко противопоставляла, но продолжением которой она все-таки была. С другой стороны, это целостное понимание России невозможно без осмысления ее трагического и великого опыта XX в., без признания того факта, что советский период нашей истории есть «плоть от плоти» российской цивилизации, неотъемлемая ее часть.

Целостный взгляд на Россию не означает оправдания всего, что было в ее дореволюционной истории, как и оправдания всего содержания советской действительности. Нам надо осознать всю историю нашей Родины, как именно нашу историю, как наши беды и победы, как наши достижения и падения. Именно о таком восприятии Родины писал А.С. Пушкин: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал» [2, с. 309].

Для обретения этого целостного видения России нам вместе необходимо не только определить внутреннюю суть ее многонационального единства, но и выработать наиболее эффективные формы олицетворения этого содержания в материальной, социально-экономической сфере.

Обе революции XX века, в начале и в конце его, явились, конечно, следствием глубоких духовных кризисов, сопровождавшихся каждый раз идейным расколом общества. Только духовное единство народа способно обеспечить устойчивость политических, экономических и социальных институтов. Для обозначения этого глубинного единства людей, являющегося духовной основой общества, в русской философии было выработано понятие «соборности».

Соборность, по мысли великого русского мыслителя А.С. Хомякова, есть свободное единство в любви, созидаемое общей верой и общим служением. Соборное единство – это не коллективизм, подчиняющий личность интересам общности, это, конечно, и не индивидуализм, рассматривающий общее дело лишь как средство устройства собственной индивидуальной жизни. Идеал со-

борности предполагает преодоление отчуждения людей друг от друга, преодоление разрыва между общественными и частными интересами, преодоление, совершаемое через духовное единение в любви и вере.

Идея соборного единства представляет собой, с одной стороны, уникальное духовное достояние России, но с другой стороны, эта идея имеет универсальный смысл и способна иметь всемирно-историческое значение. Именно это качество русского духа обеспечило освоение огромных территорий России. Пусть неосознанное, но впитанное с детства, оно же позволило беженцам Гражданской войны не просто влиться в разные культуры многих народов, но способствовало творческому росту культур и экономик этих стран. И всеми достижениями советского периода мы обязаны русскому духу, соборному в своей основе.

Одной из важнейших задач конференции «Владивосток – точка возвращения» является актуализация соборного потенциала русского духа в различных сферах нашей жизни на основе накопленного по всему миру исторического опыта. Это задача предполагает не только научную мысль, но и воплощение различных аспектов соборности в реальных проектах, в том числе инфраструктурных. Системное решение этой задачи на личностном и общественно-государственном уровне предполагает следующие шаги:

- дать определение идее соборности Русского мира, имеющей как религиозные, так и светские предпосылки;

- обеспечить глубокое содержательное освоение идеи соборности общественным мировоззрением, осуществить раскрытие смысла этой идеи как общественно значимой ценности;

- разработать пути и формы практической реализации культурно-созидательного потенциала идеи соборности, в том числе в экономически состоятельных инфраструктурных проектах.

Первые две задачи должны стать одним из приоритетных направлений научной работы и просветительской деятельности в сфере образования. Третья задача, по нашему убеждению, может и должна реализовываться параллельно с этим теоретическим осмыслением, руководствуясь этим осмыслением и помогая ему.

Движение по этому пути будет способствовать появлению новых направлений и школ научной деятельности как внутри ДВФУ, так и на уровне межвузовской и международной кооперации. Ряд инициатив и пилотных проектов, разработка которых уже сегодня способна существенно повысить роль ДВФУ в жизни Приморского края и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, будут рассмотрены в данной статье.

Архитектура и градостроительство всегда являлись мощными формами выражения народного духа. Академик Д.С. Лихачев отмечал, что при необъятной территории и многообразии национальных культур «каждый город хранит свою особую красоту и вместе с тем в чем-то общую для всех. Каждое село имело свое лицо. Огромное разнообразие и какое-то высокое единство… И эти «идеи красоты» и духовной высоты – общие при всей многоверстной разобщенности. Да разобщенности, но всегда взывавшей к соединению» [1, с. 12].

Инфраструктурные проекты во Владивостоке способны сыграть важную объединяющую роль в строительстве новой России. Новая целостная Россия нуждается не только в возвращении потомков беженцев Гражданской войны, но и главным образом – в возрождении совместными усилиями высокой духовной наполненности архитектурных форм. Инфраструктура различного прикладного назначения может и должна быть претворена в духовно значимые объекты, оказывающие благотворное воздействие на жизнь многих людей.

Рассмотрим возможности воплощения качеств соборности в пилотные инфраструктурные проекты восстановления духовного единства России во Владивостоке.

1. Соборность – как цель исторического достижения симфонии, согласованности светской и духовной властей.

Проект «Соборная площадь России во Владивостоке».

Исторически Владивосток является лицом России на Тихом океане, и центральная площадь города – наглядное тому подтверждение. Здесь с одной стороны высится здание администрации Приморского края как символ состоявшейся вертикали власти. Напротив него – недострой Спасо-Преображенского собора как образ духовного состояния общества в деле спасения и преображения России. А между ними, как во главе угла, памятник борцам за власть Советов, под ногами которых валяется опрокинутый герб России с поверженным Георгием Победоносцем на груди.

Для формирования достойного лица России на Тихом океане необходимо центральную площадь преобразовать – создать новый архитектурный образ, посвященный не 70-летнему историческому отрывку, а цельности всей истории России как в прошлом, так и в будущем.

Площадь нужно дополнить скульптурной композицией, посвященной нашему возвращению к историческим национальным ценностям и возвращению на Родину потомков беженцев Гражданской войны. Архитектурный ансамбль площади должен утверждать восстановление духовного единства России.

Какой образ будет олицетворять центральная фигура этой композиции – лучше всего определить в ходе международного конкурса скульпторов и архитекторов. Между двумя скульптурными композициями может быть расположена карта мира, на которой будут отмечены страны, принявшие беженцев Гражданской войны. И, конечно же, необходимо завершить строительство Спасо-Преображенского собора.

В результате центральная площадь получит новый образ, олицетворяющий многие аспекты соборного мироустройства, первостепенным из которых является симфония, согласованность духовно-нравственных ценностей светской и духовной властей в единстве с народом – историческим носителем и воплотителем этих ценностей в жизни.

2. Соборность – как единство и постоянное развитие мирового культурного достояния.

Проект «Меркурий». Формирование международной сети библиотек Президентов мира – инфраструктуры безопасной сети Интернет.

Идея многополярного мира, являющаяся определенным выражением идеала соборности на уровне мировой политики, предполагает в качестве своей основы взаимную культурную открытость стран и народов, опору во взаимных отношениях не столько на военно-промышленный комплекс, но, прежде всего, на взаимное просвещение и познание.

Поэтому целесообразно сформировать под эгидой сотрудничества Президентов разных стран международную сеть библиотек как просветительскую инфраструктуру развития человеческого капитала на основе уважения культуры каждого народа. Сегодня Интернет, к сожалению, стал инструментом не только получения полезной информации, но и распространения экстремистских идей, вплоть до организации цветных революций. Библиотеки Президентов мира позволят создать сеть безопасного Интернета, к которой можно подключить не только вузы и школы, но и органы государственной и муниципальной власти.

Мы предложили бы назвать этот проект «Меркурий». Ведь Меркурий – это не только бог торговли. И в западной, и в азиатско-конфуцианской традиции он символизирует мудрость и разумность. Образ Меркурия показывает, что фунда-

мент экономических успехов закладывается в библиотеке как инфраструктуре познания культур других народов.

Основной принцип организационной структуры проекта «Меркурий» – культурно-территориальный: каждая страна имеет свой зал, где собраны ее достижения в области литературы, живописи, музыки, кино; каждый зал обслуживается коренным носителем данной культуры.

Способ реализации: международный проект многостороннего частно-государственного партнерства.

Первую Тихоокеанскую библиотеку Президентов мира лучше всего построить во Владивостоке на территории ДВФУ в районе фуникулера, где сейчас стоит памятник русским святителям Кириллу и Мефодию. Это вершина Голубиной пади, все улицы которой исторически носят имена видных деятелей русской культуры.

3. Соборность – как взаимное обогащение бизнеса и культуры.

Культурно-рекреационный кластер, включающий два основных проекта:

- «Россия – земля соборная», этнопарк;

- «Океан сотрудничества», комплекс культурно-туристских центров стран АТР, ЕАЭС, ЕС.

Краткое содержание проектов.

Проект «Россия – земля соборная», этнопарк.

Место расположения: остров Русский, бухта Новик.

Основная идея: олицетворение исторического опыта России в деле мирного созидательного сотрудничества разных народов и культур.

Способ реализации: частно-государственное партнерство регионов России.

Плановый результат:

- повышение туристской привлекательности регионов России для туристов из стран АТР;

- преобразование острова Русский в бренд-образ России и ее регионов.

Проект «Океан сотрудничества», комплекс культурно-гостиничных центров стран АТР, ЕАЭС, ЕС.

Место расположения: остров Русский, бухта Новик, полуостров Саперный.

Основная идея: синтез культур и экономик Запад – Восток, каждая гостиница включает в себя национально-культурный центр своей страны.

Способ реализации: международное частно-государственное партнерство.

Строительство и обслуживание центра осуществляется коренными носителями культуры.

Плановый результат:

- формирование мировоззрения и среды обитания мирного сотрудничества многих народов;

- народная дипломатия и развитие человеческого капитала;

- повышение качества регионоведения в ДВФУ, подготовка специалистов с практическим опытом разработки и реализации международных инфраструктурных проектов.

Архитектурная, культурная, социальная уникальность инфраструктуры на основе соборного единства и развития своеобразия культур обеспечивает высокую рентабельность кластера, его инвестиционную эффективность.

По международным меркам – это небольшой инфраструктурный проект. Но его реализация даст значительный эффект развития человеческого капитала стран-участниц как в научной, так и социальной сферах жизни. Накопленный русским зарубежьем опыт и знание специфики разных стран может стать существенным вкладом в успех общего дела.

В материальной сфере – всего лишь локализация малого и среднего ресторанно-гостиничного и туристского бизнеса. Но объединение усилий многих

стран для успеха общего дела обеспечивает глобальную капитализацию в нематериальной сфере.

Приобщение к соборности Русского мира даст мощный творческий импульс собственного развития разных народов. Это самый главный геополитический результат культурно-рекреационного кластера на острове Русский.

Решение многих практических задач (оформление общественной инициативы, разработка технического задания для конкурса архитекторов, информационное сопровождение проекта и т.д.) воплощения духовного единства России в инфраструктурные проекты требует постоянной работы на условиях общественно-государственного партнерства. Учитывая значительную духовную составляющую проектов, оптимальной формой такой работы является благотворительный фонд. Это готовая форма общественно-государственного партнерства не только в масштабе России, но и на международном уровне.

4. Соборность – как единство материального и духовного аспектов на пути научного познания мира.

Присвоение ДВФУ имени отца Павла Флоренского.

Многие ученые мирового уровня признавали невозможность познания истины материального мира без изучения его духовных аспектов. Наиболее образно это выразил Альберт Эйнштейн в 1941 г.: «наука без религии хрома, религия без науки слепа» [3, с.109].

Духовность – это четвертое измерение или фактор его силы в нашем трехмерном материальном мире. Поэтому не противопоставление, а изучение взаимодействия материального и духовного мира – это главный вектор развития современной науки. Целенаправленно включившись в решение всего круга задач этого направления, формируя вокруг него традиции своих научных школ, ДВФУ способен в кратчайшие сроки войти в список ведущих мировых университетов.

Одним из существенных факторов формирования нового образа университета является его имя. С одной стороны, оно показывает выбранное направление своего развития, с другой – служит маяком этого направления в повседневной деятельности студентов и преподавателей, помогая тем самым хранить верность заявленным принципам.

Отец Павел Флоренский – русский Леонардо да Винчи, Ломоносов современности – является олицетворением такого соборного единства научного и религиозного познания мира.

Физик и богослов, химик и поэт, математик и искусствовед, электротехник и философ, историк и изобретатель, священник и разработчик программы ГОЭРЛО – он признан уникальным явлением в истории отечественной и мировой культуры и науки.

Олицетворяя трагизм и величие Русского мира в XX в., он даже в ГУЛАГе продолжал свою научную и духовную деятельность.

Формируя новый образ и традиции ДВФУ, следует помнить слова священника Павла Флоренского о том, что традиция, «…поднимая на высоту, достигнутую человечеством, … высвобождает энергию … к новым достижениям, к новым творческим взлетам» [3, с. 86].

Конечно, присвоение ДВФУ имени отца Павла Александровича Флоренского – это большой аванс всему научно-преподавательскому и административному составу университета. Но активное участие ДВФУ в деле восстановления духовного единства России вселяет уверенность в том, что этот аванс окупится с большой пользой для всех участников этого процесса.

В начале XX в. под прикрытием лозунга «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» на деле развернулась братоубийственная война. В результате произошел раскол духовного единства Русского мира. Эти социальные изменения оказали глобальное влияние на процессы во многих странах мира.

Век спустя, становясь на путь целостного понимания человека и мира, исходя из нерасторжимого единства духовного и материального бытия, единства людей, основанного на взаимной любви, единства глубокой мысли и благого дела, мы способны оказать не меньшее глобальное воздействие на мировые процессы под лозунгом «Россия соборная – территория созидательного сотрудничества народов мира!».

Во Владивостоке закончилась активная фаза идейной и вооруженной борьбы. Значит, здесь нам и начинать возрождение утраченного духовного единства России, воплощая на практике завещанную миссию Русского мира. Продолжая мысль Фёдора Достоевского, с уверенностью можно сказать: «Воплощение соборной красоты спасет мир!».

Для актуализации исторической идеи соборности как сокровенной сути духовного единства Русского мира, продвижения ее в общественное мировоззрение и формирования на ее основе уникального образа новой России, обеспечивающего инвестиционную эффективность (экономическую привлекательность) этого образа, целесообразно осуществление следующих шагов:

1. Дать определение понятия «соборность», включающее в себя его религиозные и светские аспекты.

2. Деятельность Министерства образования и науки Российской Федерации по реформированию системы образования и научной деятельности направить на практическое воплощение аспектов соборности как гуманитарно-исторического фундамента русского мировоззрения.

3. Включить раскрытие аспектов понятия «соборность» в перечень тем научно-учебной работы ВУЗов России.

4. Организовать ежегодный общероссийский конкурс рефератов среди школьников «Россия – земля соборная» с предоставлением льготных условий поступления лауреатов конкурса в профильные вузы страны, обеспечением их федеральными, губернаторскими стипендиями на период обучения.

5. Для решения юридических, организационных и иных задач разработки, продвижения и реализации инфраструктурных проектов, воплощающих духовные аспекты соборного мировоззрения, учредить благотворительный фонд.

6. В преддверии 100-летия Октябрьской революции активизировать усилия научного сообщества, общественности, органов государственной власти по преобразованию центральной площади Владивостока в «Соборную площадь России» и включению данного проекта в соответствующие государственные программы / подпрограммы.

7. Для обеспечения очевидности основных принципов внутренней и внешней политики России утвердить 2018 год в России Годом Георгия Победоносца – как покровителя воинства и крестьянства в качестве государственного символа защиты мирного труда.

8. Включить в перечень тем научно-исследовательской деятельности вузов России разработку основных управленческих, социально-экономических, культурно-политических и технологических аспектов концепции проекта «Меркурий» – сети библиотек президентов мира как инфраструктуры сети безопасного Интернета. На основе лучших проработок провести презентацию проекта в качестве бренд-проекта Нового банка развития БРИКС в рамках Третьего Восточного экономического форума в 2017 г.

9. Утвердить основной идеей концепции развития острова Русский преобразование его в бренд-образ России, включающий в себя культурно-рекреационный кластер на основе проектов «Россия – земля соборная» и «Океан сотрудничества».

10. Включить в перечень тем научно-учебной деятельности соответствующих школ и кафедр ДВФУ разработку различных аспектов концепции междуна-

родного культурно-рекреационного кластера на острове Русский и определения перспективных результатов его реализации проектов «Россия – земля соборная» и «Океан сотрудничества» в социально-экономической, культурной, международной финансовой и политической сферах. Презентацию концепции кластера как инфраструктуры формирования острова Русский в качестве бренд-образа России провести в рамках Третьего Восточного экономического форума в 2017 г.

11. Представителям русского зарубежья в странах АТР, ЕС включиться в продвижение и реализацию формирования бренд-образа соборной России. Максимальной эффективностью будет участие русских соотечественников за рубежом в строительстве культурно-гостиничных центров стран своего проживания в рамках проекта «Океан сотрудничества», бухты Новик, острова Русский при предоставлении государственных гарантий Российской Федерацией.

12. Для утверждения основного направления преодоления проблем развития современной науки и формирования нового образа ДВФУ, решающего актуальные задачи исследования взаимодействия материального и духовного аспектов нашего мира, присвоить университету имя отца Павла Флоренского.

Список источников

1. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 2004. 654 с.
2. Пушкин А.С. П.Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 г. // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1962. 487 с.
3. Флоренский П.А. Священные Моленные иконы преподобного Сергия // У водоразделов мысли. Париж, 1985. 399 с.
4. Эйнштейн А. О религии. М., 2010. 144 с.

УДК 342.9+908

Бакшутов С.Н.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИЛИЦЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1991-2011 гг.

В статье рассматриваются основы воспитательной работы в сфере профессионального милицейского образования на Дальнем Востоке России в 1991–2014 гг. Обобщаются особенности организации воспитания курсантов и слушателей. Анализируются основные направления воспитательной деятельности в процессе подготовки профессиональных кадров для системы МВД.

Ключевые слова: воспитательная работа; милицейское образование; подготовка кадров; Дальний Восток; Россия.

Bakshutov S.N.

EDUCATIONAL WORK IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL MILITIA TRAINING IN THE RUSSIAN FAR EAST IN 1991–2011

The article deals with educational work in the sphere professional militia of education on the Russia's Far East in 1991–2011. Organization features of educational work of cadets and listeners is summarizes. The main directions of educational activity in the course of professional training for the Interior Ministry is analyzed

Keywords: educational work; militia education; Personnel Education and Training; Far East; Russia.

Одной из важнейших задач высшего учебного заведения является эффективная организация воспитательной деятельности. В 1991–2011 гг. воспитательная работа в Дальневосточном юридическом институте МВД России была направлена на формирование у сотрудников, профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей института высоких профессиональных, гражданских и морально-психологических качеств, повышение общей культуры, укрепление служебной дисциплины и законности, успешное решение задач по подготовке специалистов для органов внутренних дел.

Организация воспитательной работы в институте осуществлялась в соответствии Программой воспитательной работы с курсантами и слушателями Дальневосточного юридического института МВД России [3]. Данная программа охватывала этапы профессиональной ориентации, профессионально-психологического отбора кандидатов на учебу, адаптацию курсантов и слушателей к условиям учебной и служебной деятельности института, развития профессионально значимых качеств учащихся и подготовки выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности.

Координирующие и организационные функции по реализации основных направлений воспитательного процесса осуществляло отделение по воспитательной работе. Организация и проведение воспитательной работы возлагалась на начальников подразделений служебно-боевой подготовки, отделов, кафедр, на заместителей начальников курса по работе с личным составом, отделение психологического обеспечения и профессорско-преподавательский состав.

Для помощи молодым офицерам, вновь принятым на службу в институт, и руководителям, переведенным в институт из практических органов внутренних дел, для адаптации в новых условиях работы в вузе действовал институт наставничества [1; 3].

Важной составляющей воспитательного процесса являлось профессионально-нравственное воспитание личного состава, направленное на формирование у обучающихся гражданской активности, профессиональных и моральных качеств, осознанной ответственности за выполнение своих служебных обязанностей. Задача профессионально-нравственного воспитания решалась путем вовлечения курсантов и слушателей в работу общественных формирований. В состав общественных формирований входили: учебно-воспитательная комиссия, совет младших командиров, старостат, жилищно-бытовая комиссия, культурно-массовый сектор, спортивно-массовый сектор, информационно-пропагандистский сектор, редколлегия, совет кураторов [2; 3].

В системе воспитательной работы положительно зарекомендовал себя опыт института кураторов учебных групп как формы непосредственного и постоянного участия профессорско-преподавательского состава в организации и проведении воспитательной и методической работы с курсантами, слушателями и студентами института [3]. Основными формами работы преподавателей-кураторов являлись: индивидуальные беседы в процессе встреч с личным составом курируемых групп; оказание практической помощи при подготовке к занятиям, участие в работе научных кружков; профилактическая работа с нарушителями служебной дисциплины, слабоуспевающими курсантами и другие.

В институте активно работала общественная редакция институтской газеты «Курсантский вестник» [3]. В ее состав входили творческие представители всех служб и служебно-боевых подразделений. Традиция издания «Курсантского вестника» была поддержана и курсантами Якутского филиала. Именно на его страницах была опубликована информация о проекте «Патриоты России» курсанта 4 курса Якутского филиала ДВЮИ МВД России М. Овсянникова, участника Всероссийского форума «Селигер» – уникального молодежного проекта, которому не было аналогов ни в России, ни в мире [1].

В рамках федеральной программы патриотического воспитания молодежи, институт и его филиалы осуществляли шефство над шестью детскими домами: МОУ «Школа – интернат № 2», г. Хабаровск; ГОУ «Детский дом № 2», г. Уссурийск; ГОУ «Детский дом № 2», г. Владивосток; детский дом «Берегиня», г. Якутск; Городской специализированный дом ребенка, г. Якутск; ГОУ «Детский дом № 2», г. Южно-Сахалинск. Курсанты участвовали в организации концертов, оказывали помощь в подготовке к занятиям и решении бытовых вопросов. Проводили праздники и индивидуальные беседы [1; 3].

В воспитательной работе активно использовался принцип состязательности. Среди служебно-боевых подразделений проводились смотры-конкурсы на лучшее подразделение, конкурсы художественной самодеятельности и стенной печати, спортивные праздники [3].

На основе комплекса культурно-массовой работы действовали творческие коллективы института, проводились конкурсы красоты «Мисс ДВЮИ МВД России». Курсанты и слушатели участвовали в работе духового оркестра, вокально-инструментального ансамбля, танцевальной студии, вокально-хоровой студии. Ежегодно проводились фестивали КВН [3]. Например, в марте 2009 г. команда КВН института приняла участие в III фестивале Тихоокеанской лиги КВН Международного союза КВН ТТО «Амик» и по результатам конкурсного гала-концерта вошла в Тихоокеанскую лигу КВН Международного союза КВН ТТО «Амик». В развитии КВН-движения активное участие принимала команда института «Сборная МВД».

Эффективное сотрудничество было налажено с Комитетом по молодежной политике и туризму администрации г. Хабаровска, ветеранскими организациями вуза и УВД по Хабаровскому краю, городскими общественными объединениями. Совместные мероприятия проводились с Краевым молодежным социальным медико-педагогический центром «Контакт» и краевым центром «Анти-СПИД» [3].

В соответствии с планом мероприятий Комитета по делам молодежи города Владивостока курсанты и слушатели филиала ежегодно принимали участие в городском фестивале «Студенческая весна» [2]. Участвовали в номинациях конкурсов: вокального мастерства, патриотической песни, авторов-исполнителей «Студенческие струны», а так же социального плаката «Твой глоток жизни», нацеленного на профилактику наркомании и ВИЧ-инфекции в молодежной среде города. Курсанты филиала (Рытова Ю.В., Черноус С.А.) стали лауреатами студенческого конкурса «Мисс и мистер студенчество». Курсанты и слушатели филиала участвовали в фестивале Приморского КВН; праздничных мероприятиях, посвященных Дню города, Дню молодежи и других мероприятиях, организованных администрацией г. Владивостока.

Курсанты Владивостокского филиала активно включались в различные студенческие мероприятия: городскую молодежную программу «Профилактика наркомании и ВИЧ-инфекции в молодежной среде», городской студенческий конкурс вокального мастерства «Восхождение», конкурс литературных заметок «Как живется тебе, студент?». Традицией стало участие курсантов в конкурсе «Виват, Гаудеамус!» в честь международного Дня студента.

Курсантами очного отделения филиала был создан духовой оркестр. Большой популярностью пользовался курсантский вокально-инструментальный ансамбль «Менталитет». Активно работала команда КВН, занимающая призовые места на различных конкурсах [5, с. 105-106].

В целях духовно-нравственного и культурного воспитания личного состава института постоянное взаимодействие осуществлялось с представителями Хабаровской епархии Русской православной церкви. Представители епархии принимали участие во всех памятных мероприятиях института: торжественных церемониях выпуска и принятия присяги, в открытии мемориального комплекса на

его территории, посвященного курсантам института, погибшим при исполнении служебного долга. Курсанты ДВЮИ участвовали в Свято-Димитриевских образовательных чтениях [6].

Сотрудники и курсанты института принимали участие в конкурсах МВД России «Открытый взгляд», «Доброе слово», «Лучшая комната воспитательной работы», «Лучшая комната истории». Помимо этого обучающиеся активно привлекались к организации торжественных мероприятий и концертов, посвященных Дню защитника Отечества, Международному женскому дню, Дню следствия, Дню Победы, Дню знаний, Дню уголовного розыска, Дню милиции и другим [3].

В институте сложились свои традиции и ритуалы. Учеба в вузе у первокурсников начинается с прохождения курса «молодого бойца», который заканчивается торжественным принятием присяги, клятвой на верность Родине и народу. Для курсантов всех поколений принятие присяги − одно из самых важных событий в жизни. Традиционными в институте стали и такие торжественные ритуалы, как вручение служебных удостоверений первокурсникам, вручение офицерских погон слушателям выпускных курсов, выпуск молодых специалистов. На них приглашались руководители Дальневосточного федерального округа, Хабаровского края и города, духовенство, руководство комплектующих органов, ветераны. Ежегодно 9 мая курсанты Дальневосточного юридического института участвовали в праздничном параде, посвященном Дню Победы.

В институте действовали формирования, имеющие непосредственное отношение к его общественной деятельности: рота оперативного реагирования и комендантский взвод, взвод охраны знамени института, группа почетного караула, линейные, пожарная команда вуза. По многолетней традиции курсанты и слушатели активно участвовали в мероприятиях, социально значимых для Хабаровска и горожан. Они охраняли общественный порядок во время проведения общегородских субботников, в новогодние и другие праздники на площадях и в парках, в местах большого скопления людей [3].

Курсанты и слушатели всегда вносили и по сегодняшний день вносят свой вклад в борьбу с преступностью, проявляя при этом исключительное мужество. В 2009 г. на территории вуза был открыт мемориальный комплекс в память о курсантах, погибших при исполнении служебного долга, где увековечены имена рядового милиции П.В. Попова − курсанта института, погибшего в 2003 г. при оказании помощи пострадавшим от преступных посягательств, награжденного орденом Мужества (посмертно); рядовых милиции В.А. Кузнецова и А.С. Соловьева − курсантов Южно-Сахалинского филиала, погибших в 2007 г. при охране общественного порядка и безопасности; рядового юстиции Е.А. Домбровского − курсанта Владивостокского филиала, погибшего в 1998 г. при оказании помощи пострадавшим от преступных посягательств, награжденного орденом Мужества (посмертно) [1].

Во Владивостокском филиале открыта Аллея памяти в честь сотрудников, погибших при исполнении служебного долга – Героя России подполковника В.И. Марченко и курсанта Е.А. Домбровского. Установлено шефство над захоронениями погибших при исполнении служебного долга сотрудников ОВД на Морском кладбище, где регулярно к Дню памяти и скорби силами курсантов, слушателей и студентов филиала проводились субботники. В дни памятных дат возлагались цветы к мемориальной доске, открытой в филиале в честь Героя России В.И. Марченко, а так же гирлянды цветов к Вечному огню и к памятнику погибших при исполнении служебного долга сотрудников УВД Приморского края [2].

Руководство института проявляло особое внимание к членам семей своих сотрудников и курсантов, погибших при исполнении служебного долга, оказывало им материальную поддержку.

В 2003 г. по инициативе Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск МВД совместно с другими общественными организациями была учреждена премия «Честь и доблесть». Это премия общественного признания труда людей, которые добросовестно, мужественно, порой ценой собственной жизни, отстаивали законность и правопорядок, права и свободы граждан. Ее лауреатами стали и представители Дальневосточного юридического института. В 2007 г. премия в номинации «За гуманизм и великодушие» была вручена начальнику учебного отдела института полковнику милиции В.А. Шломе.

Лауреатами премии в номинации «За интеллектуальный вклад в защиту законности и правопорядка» стал в 2008 г. начальник кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД Н.М. Тюкалова; в 2010 г. − ученый секретарь ученого совета института К.А. Волков; в 2011 г. − начальник кафедры физической подготовки В.А. Серебрянников.

В июне 2011 г. торжественная церемония вручения наград общественной премии «Честь и доблесть» сотрудникам органов внутренних дел и внутренних войск МВД России по Дальневосточному федеральному округу состоялась на базе Дальневосточного юридического института МВД России. Лауреатом в номинации «За преданность профессиональному и общественному долгу, верность ветеранскому движению» стал главный специалист направления работы с ветеранами Дальневосточного юридического института МВД России подполковник милиции в отставке В. Н. Цыганов [3].

В апреле 2011 г. ветеранской организации института исполнилось 20 лет. У истоков ее создания стоял полковник внутренней службы А.А. Мостяев − человек с трудной и интересной профессиональной биографией. Он окончил Хабаровскую специальную среднюю школу милиции, прошел путь от инспектора уголовного розыска до начальника районного УВД. Затем четыре года исполнял интернациональный долг в Афганистане, возглавлял антитеррористическое спецподразделение «Кобальт», награжден орденом Красной Звезды, 15 медалями. С 1989 г. работал начальником кафедры тактико-специальной подготовки Хабаровской высшей школы милиции. На заслуженном отдыхе раскрылся его литературный талант: Анатолий Алексеевич написал несколько интересных книг о работе дальневосточной милиции и выполнении сотрудниками МВД интернационального долга в Афганистане [7, с. 166]. Значительный вклад в работу совета ветеранов внесли полковник милиции в отставке А.Т. Быстров и подполковник милиции в отставке В.Н. Цыганов [1].

К 2011 г. ветеранская организация насчитывала более двухсот человек, работала в тесном контакте с руководством института. Ветераны организовали десятки встреч с учащимися вуза, присутствовали на всех памятных вузовских мероприятиях, проводили «уроки мужества», рассказывая о героических страницах прошлого, своей работе в милиции, о том, как зарождались и развивались добрые традиции института.

Проработав много лет с молодежью, ветераны и сами сохраняли молодость души, творческую активность. Полковник милиции в отставке Я.А. Посков в возрасте 62 лет защитил кандидатскую диссертацию, организовывал встречи курсантов и слушателей с ветеранами уголовного розыска Хабаровского края. Ни одна презентация книг А.А. Мостяева не проходила без участия учащихся вуза. Ветеран кафедры физической подготовки В.В. Макашин, который был участником показательных выступлений на московской Олимпиаде-80, подготовил для института цикл панно о ритуалах древних Олимпийских игр. Большой вклад в работу с молодежью внесли Э.И. Воронин, А.Е. Сопунов, В.Г. Сапожников и др. [6].

Умело применяя практический опыт, был требовательным и грамотным руководителем, квалифицированным и творческим преподавателем З.А. Муравич (начальник Владивостокского УКП ХОЗО Омской высшей школы милиции

МВД СССР 1971 − 1987 гг.). Совмещал административную должность с преподаванием – в течение ряда лет вел уголовное право. Обладал колоссальной энергией и знаниями. В 1987 г. подполковник милиции З.А. Муравич вышел на пенсию, однако и после этого неоднократно делился своим жизненным опытом с курсантами и слушателями, преподавателями филиала [8, с. 232-236].

Значительный вклад в воспитание курсантов и сохранение традиций внесли начальники В.Г. Лагута (1989−1991 гг., 1993−2000 гг.) и А.Я. Соколовский (1991−1993 гг.), возглавлявшие ВОЗО ХВШ МВД РСФСР, ВФ ХВШ МВД России, ВФ ЮИ МВД России, и другие руководители и сотрудники института и филиалов [4; 7].

Во Владивостокском филиале традиционными стала организация выставок художественного творчества, проведение выездных информационно-пропагандистских концертов, участие в гала-концертах фестиваля самодеятельного художественного творчества УВД края «Солдатам правопорядка посвящается» и ежегодном фестивале авторской песни «Малиновый кант» под патронажем УВД по Приморскому краю. В 2004 г. при участии курсантов и преподавателей филиала был проведен сбор средств на возведение православной часовни и мемориального комплекса в память о сотрудниках ОВД Приморья, погибших при исполнении служебного долга [5, с. 104-105].

Сотни уникальных документов, фотографий и экспонатов собраны в комнате истории Дальневосточного юридического института МВД России. Хранится здесь и Книга памяти института, подготовленная в 2008 г. Она повествует о сотрудниках и курсантах вуза, погибших при защите Отечества в годы войны и в мирное время при исполнении служебного долга [3].

В качестве меры морального поощрения сотрудников за добросовестное исполнение служебных обязанностей, успехи в служебной и трудовой деятельности практиковалось занесение на Доску почета сотрудников и работников института. В целях совершенствования системы воспитательной работы и эффективного использования мер поощрения и морального стимулирования лучшие сотрудники и курсанты института заносились в Книгу почета института. Принято решение о создании фонда наградного оружия [3].

В соответствии с приказом МВД России от 14 августа 2009 г. № 637 «О геральдическом обеспечении в системе МВД России» в Дальневосточном юридическом институте был разработан и введен в действие геральдический знак [1].

Таким образом, в сфере подготовки профессиональных кадров для системы МВД важное значение имела организация воспитания курсантов и слушателей. Дальневосточный юридический институт МВД России выступал не только как крупное учебное, научное заведение, но и воспитательный центр, где шел процесс становления характера будущего специалиста, выработка таких профессиональных качеств, как личная ответственность за судьбу Отечества, верность присяге, служебному долгу, готовность к самопожертвованию.

Список источников

1. Музей Дальневосточного юридического института МВД России.
2. Текущий архив Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.
3. Текущий архив Дальневосточного юридического института МВД России.
4. Бакшутов С.Н. Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России: история и современность // Образование, наука и практика в деятельности по обеспечению прав граждан и борьбе с преступностью (к 45-летию образования Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России), г. Владивосток, 12 ноября 2015 г. Хабаровск: Изд-во ДВЮИ МВД России, 2016. С. 20-24.

5. Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России / сост. К.П. Захаров, С.А. Синенко., Н.А. Шабельникова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 116 с.
6. Нарративное интервью с В.Н. Цыгановым от 20.02.2016.
7. На самых дальних рубежах. Хабаровск: Издат. дом «Приамурские ведомости», 2011. 176 с.
8. Шабельникова Н.А. Истоки становления Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России (1970–1987 гг.): Зиновий Абрамович Муравич – руководитель, преподаватель, наставник // Образование, наука и практика в деятельности по обеспечению прав граждан и борьбе с преступностью (к 45-летию образования Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России), г. Владивосток, 12 ноября 2015 г. Хабаровск: Изд-во ДВЮИ МВД России, 2016. С. 232-236.

УДК 821.161.1

Бибик Е.Е.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ АБОРИГЕНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КНИГАХ А.В. ЕЛИСЕЕВА «В ТАЙГЕ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДАЛЕКОМ ВОСТОКЕ)», «ПО БЕЛУ СВЕТУ»*

Целью данной работы является соотношение художественного и этнографического аспектов в образе Тунли. Актуальность работы обусловлена активным вниманием современных исследователей к творчеству дальневосточных этнографов, в произведениях которых тесно сплетены научный и художественный тексты. Исследование этого вопроса позволяет проследить этапы становления литературы, посвященной этнографии Дальнего Востока, а также специфику этнографических разысканий.
Ключевые слова: природа Дальнего Востока; коренные народы Дальнего Востока; быт и этнография русских переселенцев; уссурийская тайга; маньчжуры.

Bibik Ye.Ye.

THE ARTISTIC IMAGE OF THE FAR EASTERN NATIVE IN THE BOOKS AFTER A.V. ELISEEV «IN THE TAIGA (FROM MEMORIES OF THE FAR EAST)», «AROUND THE WORLD»

The aim of this work is the relation of artistic and ethnographic aspects in the image of Tongli. The relevance of the work due to the active interest of modern researchers to the work of the Far Eastern ethnographers, in the works which are closely interwoven scientific and artistic texts. The study of this question allows us to trace the stages of development of the literature on the ethnography of the Far East, to trace the specifics of ethnographic studies.
Keywords: nature of the Far East; indigenous peoples of the Far East; life and ethnography of Russian immigrants; the Ussuri taiga; the manchus.

Этнографические разыскания XIX в. способствовали развитию дальневосточной этнографии: научной и художественной. Географические открытия на Дальнем Востоке XIX – начала XX в., связанные с ними политические миграционные процессы послужили мощному притоку людей разных интересов. В их числе были ученые-этнографы, сформировавшие впоследствии мощный корпус

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

трудов по научной этнографии. Причиной тому явились не только особенные природные условия еще не виданной им земли, а также то, что русский Дальний Восток с давних времен был местом встречи разных этносов, языковых культур. Его фронтирное положение породило особые межэтнические, межсоциальные, межрелигиозные отношения. Уже почти два столетия Дальневосточный регион служит богатейшим источником, в котором ученые находят обширный материал для исследования, а литераторы черпают вдохновение.

Большинство путешествий совершается с конкретной целью, имеет инвентарное и финансовое сопровождение и поддержку [5, с. 258]. Людей, отправляющихся в подобные походы, мы обычно называем путешественниками. Но есть еще и такие, кто уходил лишь на энтузиазме, без средств передвижения, – землепроходцы. К их числу можно смело отнести российского врача Александра Васильевича Елисеева, вдохновленного «загадочными тайнами дальневосточной природы, образами ее таежных обитателей». Он исследовал природу Дальнего Востока, проживая с представителями коренных народов этой территории. Все ближе познавая особенности таежной жизни, А.В. Елисеев начал познавать истоки собственной этничности.

Как правило, изначально научная деятельность исследователя А.В. Елисеева предопределялась государственными интересами. Так, А.В. Елисеев, автор книг «По белу свету» и «В тайге», был причислен для особых поручений к Министерству внутренних дел Российской империи, при этом состоял врачом при Главном военно-медицинском управлении [2, с. 53]. Выполнение государственных заданий производилось в прочной связи с изучением дальневосточной природы, нравов и обычаев местного населения. Проживая вплотную с представителями коренных народов Дальнего Востока, русский исследователь делил с ними трудности и опасности таежной жизни.

Родные и друзья называли А.В. Елисеева «перекати-поле». Ему не сиделось на месте. Вернувшись из очередного путешествия, он сразу же начинал готовиться к следующему походу и большую часть своей беспокойной жизни провел в пути. Но А.В. Елисеев никогда не был праздным туристом. Он ставил перед собой определенные научные цели. Тщательно готовясь к каждой экспедиции, он изучал многочисленные источники, а в дороге вел путевой дневник и делал всевозможные зарисовки.

Талантливый литератор, он описывал свои впечатления в живых и ярких очерках, которые создали ему широкую известность, и в то же время, давали средства для новых путешествий. Вся его кладь обычно умещалась в заплечном мешке. Частенько ему приходилось ночевать под открытым небом, терпеть жажду и голод, испытывать тяжелые лишения, встречать в пути неожиданные опасности. Но исключительная сила воли, железная выдержка, неприхотливость и выносливость приводили его всегда к намеченной цели. А.В. Елисеев в любой стране стремился попасть в самую гущу народа, познакомиться с жизнью разных племен, с местными нравами и обычаями.

Автора привлекала история взаимоотношений русских и китайцев, поэтому он решает отправиться за русскую границу и изведать изнутри жизнь и особенности соседнего народа.

В книге очерков «По белу свету» присутствует изображение быта и этнографии русских переселенцев и амурских аборигенов. Автор поднимает ряд проблем: социальная неустроенность переселенцев, тоска по родине, психологическая адаптация на новом месте. А.В. Елисеев осознает высокую историческую миссию народного переселения: «В русском трезвом оседлом поселении заключается вся задача поддержания русского имени честно и грозно на берегах Великого океана». Вера Лукницкая в своей повести «Пусть будет земля. Повесть о путешественнике А.В. Елисееве» отмечает серьезные намерения исследователя по

изучению Дальнего Востока: «И я узнал, что из Одессы во Владивосток регулярно с 1883 года идут такие вот переполненные пароходы с переселенцами. До Суэцкого канала все шло хорошо: ребятишки резвились, люди устраивались, как могли, основательно, знакомились между собой, сдружились; мужики гадали, что такое Дальний Восток и Приморье. Никто из них ничего не знал о тех краях, о том, как сложится их жизнь там. Многие подходили с вопросами, водятся ли там звери и птицы, откуда в том краю русские, богато ли живут? И всякое другое спрашивали. Тогда я решил собрать всех вместе и рассказать им все, что я сам знаю о Дальнем Востоке. Я с удовольствием наблюдал, что самочувствие большинства прекрасное, и отметил, что русские люди легче других переносили зной и качку. Многие даже не снимали тяжелой национальной одежды, оставались в армяках, зипунах, поддевках. Скрылся из глаз Порт-Саид, а я, наработавшись за день в порту – заготавливал на первые две недели пути продовольствие, – отдыхал, стоя до поздней ночи у борта и любуясь поразительным эффектом электрического свечения нашего парохода, которое озаряло тихие воды узкого канала и мертвую пустыню по обоим берегам его. Проплывали канал медленно, чуть не сутки. У меня было время подумать, как подоходчивее рассказать об Амурском крае, о Дальнем Востоке, обо всем, что интересовало их.

Утром Елисееву предстояла публичная лекция. Народу на эту лекцию набилось полным-полно. Рассказывать поначалу не давали – засыпали наперебой вопросами. И, оглядев растерянных своих подопечных, подумал Елисеев тогда о русском мужике, который отродясь не бил даже зайца в своей деревне, но приживется на переселении и, перекрестившись, будет бить царя тайги – тигра, а медведя не сочтет и зверем лютым. И никакой манза с ним не потягается ни в силе, ни в ловкости, ни в храбрости. И все вопросы, которые мужика так беспокоят сейчас, сами собой прояснятся, улягутся. И начнет он трудиться до упадка сил на далекой нашей окраине, и составит русским духом своим и русской культурой тот краеугольный камень, на котором будет покоиться великая Россия. В русском оседлом поселении и в будущей сибирской дороге заключается вся задача поддержания русского имени «честно и грозно» на берегах Великого океана. И потому жертвы при таком переселении небесполезны и даже оправданы» [6].

В очерке «В тайге» (путешествие А. Елисеева по Уссурийскому краю) присутствует описательность, документальное и публицистическое начало, раскрыт художественно-философский образ природы. Здесь представлены три сюжетно-композиционные линии очерка: поэтический пейзаж Уссурийской тайги, рассказы об охоте на тигра, образ китайца Тунли. Самой главной проблемой очерка является вопрос о взаимоотношениях человека и природы, понимание писателем всеобщей связи живого на земле, органичного сосуществования человека и природы. В произведении наблюдается продолжение традиций русского охотничьего рассказа в сценах охоты и рассказах о проводнике Тунли. Охота на тигра – центральный сюжетный эпизод очерка. Символичен образ тигра, тигр как олицетворение самой природы, ее стихийной силы. Образ аборигена дальневосточной тайги Тунли олицетворяет собой «природного» человека.

В четвертой главе книги «По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света» мы знакомимся с жизнеописанием бродячих маньчжуров, которые встречаются на пути путешественника А.В. Елисеева. Исследователь Дальневосточного края в глухой Уссурийской тайге находит небольшую фанзу, лесную избушку, где располагаются десятки представителей кочевого населения: «Фанза была очень тесна и грязна и притом лишена даже тени уютности или комфорта. Кое-как сколоченная из дубовых досок, с земляным полом, дымящимся очагом и грязными деревянными скамейками вроде нар, она давала приют целому десятку китайцев».

Лесные бродяги встретили путешественника со всеми почестями, освободив путнику самое лучшее место в фанзе. Там же А.В. Елисеев познакомится со своим будущим проводником и верным товарищем, воспоминания о котором останутся до конца жизни А.В. Елисеева и найдут отражения в его литературных работах. Это был старик Тунли. С этим человеком путешественник А.В. Елисеев проведет в дебрях Уссурийской тайги несколько ярких и полных опасностей недель. Тунли станет проводником Александра Васильевича по владениям богдыхана.

Автор называет охотника «интересной и оригинальной личностью». Тунли – реальный человек, который сопровождал А.В. Елисеева в небольшой период его странствий по Уссурийской тайге, но сумевший вызвать искренние чувства опытного исследователя: «Тунли представляет образец того любопытного и вымирающего типа лесного бродяги» [2, с. 51].

Тунли – это не просто носитель знаний о тайге, но и своего рода источник знаний о веками накопленных культурных ценностях, традиций маньчжурского народа. В этом человеке собраны различные качества – доброта, преданность, смелость, трудолюбие, отзывчивость, скромность. «Хитрость китайца, чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца и ловкость тигра… Человек и зверь соединились в нем, но зверь не заглушил человека» [2, с. 51]. Старый ловец зверей был, прежде всего, человеком, он не мог пройти мимо чужого горя, был отзывчивым к нуждам ближнего, кто бы это ни был – свой или русский человек.

Это человек, абсолютно отдаленный от цивилизации. Он надежный и верный товарищ, всегда готовый подставить плечо под тяжелую ношу, первым шагнуть по неизвестной тропе. А в тяжелую минуту – поддержать, ободрить, вселить уверенность.

Автор рассказывает нам, что Тунли провел свою жизнь одиноким. Кроме леса, зверей и бродячих манз ничего в мире не знал и не видел Тунли. Вся жизнь его протекла в тайге, в сообществе и борьбе с дикими зверями и в беседах с бродячими земляками, которые по воле судьбы покидали равнины Китая и уходили в горы и леса пограничной Маньчжурии.

Через образ Тунли мы можем проследить культурные традиции маньчжурского этноса, так как А.В. Елисеев отмечает, что Тунли по своему происхождению – маньчжур. По словам Тунли, представители его народа были великолепные охотники, могли неделями выслеживать зверя в тайге. Доказательством этому может служить случай, произошедший с А.В. Елисеевым в тайге, а именно многодневная охота на хозяина тайги – тигра, которая закончилась неудачей, тигр как будто испытывал охотников, запутывая следы и уходя все дальше в дебри тайги.

Еще одна особенность местного населения раскрывается при разговоре с Тунли, а именно – жадность и желание разбогатеть во что бы то ни стало, порой приводящие к плачевным последствиям.

Во время слежки за тигром А.В. Елисеев узнал от старого охотника, что край этот богат россыпями золотого песка. Интересны истории, связанные с его добычей: «На берегах Золотой Патахезы, на том месте, где старому бездомному манзе вместе с товарищами удалось найти золотой песок, старик И-Таи, отец Тунли, построил себе крепкую фанзу. Несколько лет хорошо шли дела старого манзы, целые мешки с золотым песком хоронил он в подполье своей фанзы, думая уже воротиться на дорогую родину и там заняться торговлей, для которой он и предназначал сына. Но черный рок тяготел над стариком: завистливый товарищ убил его и сделал нищим сына, которому в наследство, вместо золота, осталась лишь старая фанза» [1, с. 7].

Также Тунли рассказывал своим собеседникам о занятиях маньчжуров, а именно о сельском хозяйстве. Сельским хозяйством, по мнению Тунли, зани-

мался почти каждый, причем особенной популярностью среди выращиваемых культур пользовались суходольный рис, гречиха, ячмень, овес.

Особым мастерством отличается кулинария проводника Елисеева, с которым путешественник мог познакомиться, изучая дальневосточный край: «Без хлеба и без соли сделал он рис и похлебку, и куски закопченного мяса, а затем и незабываемой вкусноты чай… Эти моменты были всегда одними из самых приятных в течение дня».

Внимание автора привлекает и внешнее облачение своих проводников. Это была короткая кофта с узкими манжетами, надетая на длинную рубаху с поясом на талии, чтобы удобнее было ездить верхом и охотиться. Особо выделялась прическа – коса на затылке, которая олицетворяла символ маньчжурского происхождения.

Помимо охоты, которая приносила неплохой доход, маньчжуры занимались поисками женьшеня, за корни этого чудодейственного растения можно было заработать приличные деньги. Не все русские знали о волшебных свойствах этого растения, а вот коренное население знало. Сам А.В. Елисеев поспешил купить у Тунли два корня женьшеня, чтобы на себе испытать его чудотворное действие.

А.В. Елисеев за время тесного пребывания с Тунли и его товарищами прикипел к ним душой, считал их своими верными друзьями, но когда вернулся на русскую территорию, услышал от казаков нелицеприятные выражения в адрес своих спутников по тайге: «И к чему ты связался с ними? Беда с таким народом очутиться одному в тайге. Оборони тебя Бог! Кому-кому, а уж манзе ты не доверяй никогда… И кто тебя надоумил с этими тремя разбойниками пойти одному в тайгу, да и как они тебя не тронули – ума не приложу… Я с недоумением слушал эти непонятные мне речи».

Тунли – образ собирательный. Через него автор раскрывает читателю национальные, культурные и бытовые знания маньчжуров. Прощание с Тунли для А.В. Елисеева было очень трудным и грустным. Старый проводник навсегда остался в сердце исследователя как верный друг и соратник. Александр Васильевич долго уговаривал старого китайца отправиться с ним дальше исследовать Дальний Восток, но Тунли отказался, поясняя это тем, что русские казаки не любят манз и считают их хунхузами. Они навсегда расстались в Полтавском станичном округе, оставив самые добрые вспоминания.

Именно А.В. Елисеев впервые в дальневосточной литературе представил образ аборигена дальневосточной тайги, олицетворяющего собой «природного» человека. Вслед за ним будут создавать такие образы другие писатели: В. Арсеньев – Дерсу Узалы, Н. Байков – Тун Ли, М. Пришвин - Лувена, которые продолжат типологический ряд образов «природных» людей, созданных в русской литературе.

Список источников

1. Елисеев А.В. В тайге (из воспоминаний о далеком Востоке). СПб.: Тип. П.П.Сойкина, 1891.
2. Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света. 2-е изд. Т. 1-4. СПб., 1901–1904.
3. Забияко А.А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронтира в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010.
4. Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII–начала XX вв. // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. С. 9-35.
5. Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: эмигрантский и советский текст 20-40-х гг. XX века // Традиционная культура Востока Азии. 2014. № 7.
6. Лукницкая В. Пусть будет земля (Повесть о путешественнике А.В. Елисееве). URL: http/www.geografia.ru.eliseev.html (дата обращения: 19.11.2016).

УДК 94

Бучко Н.П., Кулешов Д.С.

ЯКУТСКАЯ АВАНТЮРА ГЕНЕРАЛА А.Н. ПЕПЕЛЯЕВА

В статье рассматривается один из заключительных эпизодов Гражданской войны в России – выступление военного экспедиционного отряда генерала А.Н. Пепеляева в Якутию. В ходе этой акции белые силы ставили перед собой задачу, уничтожив большевистские силы, закрепиться в регионе и сформировать плацдарм для начала активных действий против советской власти. Планы пепеляевцев не были реализованы благодаря действиям большевиков.
Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; Белое движение; белая армия; военная экспедиция; военное противоборство.

Buchko N.P., Kuleshov D.S.

YAKUT GAMBLE OF GENERAL A.N. PEPELJAEV

The article considers one of the final episodes of the Civil War in Russia, the movement of military expeditionary force of General A.N. Pepeljayev to Yakutia. During this process the white army planned to destroy Bolsshevik forces and then to consolidate their position the region and set up a springboard for the active offensive against the Soviet power. Pepeljayev's plans failed due to the actions of Bolssheviks.
Keywords: Civil war; the Soviet power; White movement; white army; military expedition; military confrontation.

Исследование истории Гражданской войны и установления советской власти в России невозможно без рассмотрения роли военно-политических кругов антисоветских сил в эскалации вооруженного конфликта в стране. В этой связи представляется достаточно актуальным рассмотрение деятельности военных руководителей антибольшевистского движения на востоке России, последнем очаге белой борьбы. В ней не последнее место занимал генерал А.Н. Пепеляев, ставший одним из заметных военных руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке России, относившийся к сформировавшейся в белом лагере «новой военной элите» [4, с. 87].

Свою военно-политическую карьеру в Белом движении А.Н. Пепеляев начал в составе подконтрольной военному ведомству правоэсеровского Временного правительства автономной Сибири, созданной в феврале 1918 г. томской подпольной военной организации, в составе которой было около 700 человек. Во главе нее был промонархически настроенный полковник Н.Н. Сумароков, сам подполковник А.Н. Пепеляев выполнял в организации обязанности начальника штаба [1, ф. П-144, оп. 1, д. 365, л. 272]. В докладе Деловому кабинету генерала Д.Л. Хорвата один из организаторов аналогичной группы в Семипалатинске И.А. Зубарев-(Давыдов) отмечал, что в сформированной структуре ее управление возлагалось на руководителя группы, начальника штаба, начальника мобилизационного отдела и начальника контрразведки. В составе группы складывались ячейки из офицеров и добровольцев из числа гражданских лиц [2, ф. Р-720, оп. 2, д. 49, л. 18–29].

После успешного переворота в Томске 27 мая 1918 г., совершенного при поддержке чехословаков, Пепеляев в июне 1918 г. стал командовать 1 Средне-Сибирским корпусом Сибирской армии, сформированной Западно-Сибирским комиссариатом.

С приходом к власти в ноябре 1918 г. адмирала А.В. Колчака к тому времени уже генерал-майор А.Н. Пепеляев в целом поддержал идею военной диктатуры. Однако это не мешало ему придерживаться политических взглядов, которые строились на идеях автономии Сибири и эсеровской политической программы [10, с. 46, 67]. Не был генерал и ярым сторонником участия в Гражданской войне в России иностранных войск, считая, что их участие в войне может нанести ущерб государственному суверенитету страны [10, с. 57]. В условиях нараставшего с лета 1919 г. кризиса колчаковского режима, связанного в своей части и с военными поражениями белой армии на западном фронте, генерал Пепеляев предлагал провести политические преобразования в системе власти. В их череде Верховный правитель адмирал А.В. Колчак должен был созвать Учредительное собрание, решить вопрос о передаче земли крестьянам, ввести всеобщую трудовую повинность, реализовать выдвигаемые рабочими требования экономического характера, призвать в армию представителей интеллигенции и ввести для «невоенных» слоев населения специальные налоги [4, с. 121–122].

В декабре 1919 г. генерал А.Н. Пепеляев по договоренности со своим братом В.Н. Пепеляевым, в то время возглавлявшим по Указу Верховного правителя правительство, выступил с ультимативной просьбой к А.В. Колчаку о созыве Земского собора, поддержанной 1-й Сибирской армией [11, с. 146, 148].

После поражения колчаковского режима А.Н. Пепеляев эмигрировал в Маньчжурию, однако не оставил идеи белой борьбы с советской властью в России. Причины поражения белых сил в Сибири Пепеляев и его сторонники видели в крайне реакционной внутренней политике установившегося на востоке России антисоветского режима. Она оттолкнула, по мнению генерала, народ, озлобленный акциями карательных отрядов, насаждавших на местах террор и разорение, от власти.

Сохранившие после 1920 г. свое влияние в Приморье белые власти стремились реанимировать антисоветское движение в регионах, для чего предпринимали попытки восстановить фронт военного противостояния с советской властью на местах.

Антисоветское восстание в Якутии в марте 1922 г., возглавляемое эсерами при опоре на местных националистов, завершилось победой антибольшевистских сил. В результате этого сложившаяся в Якутской области власть постаралась заручиться поддержкой меркуловского Временного Приамурского правительства, которое 30 марта 1922 г. своим указом включило регион в состав территории правительства [5]. Во главе «новой» якутской власти встал эсер П.А. Куликовский. Находясь во Владивостоке, Куликовский при поддержке областников обратился к Пепеляеву с просьбой занять должность командующего всеми вооруженными силами Якутии и возглавить экспедицию Сибирской добровольческой дружины. А.Н. Пепеляев принял это предложение в надежде поднять бело-зеленый флаг областников над всей Сибирью [14, с. 130]. В основе своей отряд насчитывавший около 720 чел., был сформирован из бывших офицеров и солдат белой армии, находившихся в Приморье и маньчжурском Харбине [6, с. 19].

В ночь с 29 на 30 августа 1922 г. первые корабли с 533 дружинниками направились в Аян, а 21 сентября за ними последовали еще 187 человек [6, с. 23]. Реальное положение дел на Охотском побережье свидетельствовало лишь об определенной поддержке белых идей среди части местного населения. Оценив создавшуюся обстановку, при поддержке местных имущественных кругов, генерал Пепеляев направил свой отряд к Нелькану, намереваясь впоследствии проникнуть в глубь Якутии. Для поддержки своих действий среди местного населения 7 сентября 1922 г. он провел совещание в Аяне с представителями национальных якутских представителей и купечества, на котором было заявлено, что вся полнота власти в регионе находится в руках управляющего Якутской областью, коим

на тот момент был П.А. Куликовский. Для налаживания деятельности местных органов власти был сформирован совет из общественных представителей области. По решению проведенного совещания все военные формирования переходили в подчинение генералу А.Н. Пепеляеву [3, с. 90]. После сентябрьского совещания, проведенного Пепеляевым, было организовано и проведено еще несколько встреч военного руководства с представителями местной буржуазии, местных органов власти и национальной верхушки, на которых военные заявляли о бедственном положении вверенных им частей и высоком патриотическом настрое войск [9, с. 120–127].

30 декабря 1922 г. на I Всеякутском учредительном съезде Советов было отмечено, что успешная и быстрая ликвидация повстанчества в Якутии стала возможной в результате резкого изменения военно-политической линии советской власти, которая предоставила автономию Якутии, проявила гуманизм по отношению к плененным повстанцам, отменила трудовые мобилизации и конфискации, а введение НЭПа расширило торгово-экономические возможности населения. Эти факторы способствовали переосмыслению взглядов национальной интеллигенции и всего населения. В то же время белогвардейское вторжение генерала А.Н. Пепеляева, по мнению съезда, уже не представляло серьезной опасности, поскольку сочувствие и активная помощь населения были сосредоточены на стороне Якутской АССР. Учредительный съезд подверг суровому осуждению те незначительные группы бывших повстанцев, которые продолжали участвовать в авантюре А.Н. Пепеляева, и последний раз призвал всех прекратить бессмысленную борьбу с советской властью, гарантируя личную неприкосновенность всем сдавшимся участникам повстанческих и пепеляевских отрядов [7, с. 10].

Первоначальные военные успехи Пепеляева, связанные с захватом Нелькана и Амги, прекратились после активизации военных действий со стороны частей Красной армии. В начале марта 1923 г. ими была освобождена Амга [14, с. 269–270].

Отступавшие белые части возвратились в Нелькан, где генерал А.Н. Пепеляев собрал так называемый «тунгусский съезд», на котором присутствовало около двадцати человек. На съезде генерал в качестве причин поражения своего похода назвал, прежде всего, отсутствие реальной поддержки местного населения и не налаженное обеспечение похода. В своем выступлении Пепеляев заявил, что в его планы входила только борьба с большевизмом. К началу мая 1923 г. основная часть пепеляевского отряда сосредоточилась в Аяне. В планах руководства отряда была эвакуация основных сил за границу. Но и этим намерениям белых не суждено было сбыться.

По решению Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальревкома в апреле 1923 г. во Владивостоке главнокомандующим И.П. Уборевичем был издан приказ о формировании Охотско-Аянского экспедиционного отряда. Созданное из Второго Нерчинского полка Первой Забайкальской дивизии формирование насчитывало 800 человек. Командование отрядом было поручено С.С. Вострецову [8, с. 593, 599]. 24 апреля 1923 г. экспедиционный отряд направился в Охотск. В результате полуторамесячного плавания корабли «Индигирка» и «Ставрополь» с бойцами подошли к одной из бухт Охотска, а 4 июня 1923 г. десант Нерчинского полка в пешем порядке отправился к городу. В ходе короткого боя Охотск был взят. В плен было захвачено более полусотни белогвардейцев, которых на пароходе вместе с трофеями и частью отряда отправили во Владивосток. 17 июня отрядом Вострецова был окружен Аян, в результате были пленены 103 офицера с генералом А.Н. Пепеляевым и 230 солдат [8, с. 599–600].

Необходимо отметить активное участие коренного населения региона в разгроме остатков пепеляевцев. Для предотвращения бегства и укрытия остатков белогвардейских формирований за границу революционный комитет Удско-

Кербинского уезда поставил задачу уполномоченному ГПУ А.Н. Липскому разбить отряды белых, мобилизуя местных охотников и перевозочные средства [1, ф. П-358, оп. 1, д. 7, л. 148]. Сформированный отряд численностью около 60 чел. выдвинулся в направлении вероятного движения остатков белых групп. В сложных таежных условиях, при отсутствии запасов продовольствия Липский принял решение о формировании летучих отрядов из числа туземного населения, как наиболее адаптированных к суровым условиям. В ходе проведенной операции были ликвидированы группы белогвардейцев под руководством полковника Степанова. Взята в плен группа из нескольких человек, в которой были начальник тыла отряда Пепеляева полковник Н.Ф. Шнапперман и личный адъютант генерала поручик Л.Я. Малышев [15, с. 62, 63]. После пленения генерала Пепеляева в июне 1923 г. около 80 якутов и 1500 тунгусов из его экспедиции рассеялись по территории Охотского, Аяно-Нельканского, Удско-Чумиканского и Алданского районов, заселенных в основном туземцами.

Курс новой экономической политики, смена отдельных советских работников, прекращение террора меняли взгляды населения к советской власти, что способствовало скорейшему складыванию вооруженных подразделений (партизанских, заградительных отрядов) для борьбы с остатками белогвардейских формирований. Предоставление широкомасштабных амнистий бывшим повстанцам стимулировало население к переходу на сторону власти. Ослабление повстанческих сил нанесло удар по организаторам свержения советской власти на востоке страны.

Находясь в плену, А.Н. Пепеляев заявил о своем раскаянии, отметил результаты новой власти и призвал всех, кто находился за пределами страны, вернуться на Родину и прекратить вооруженную борьбу [12].

С 15 января по 3 февраля 1924 г. во Владивостоке на заседании Военного трибунала 5-й Красной армии генерал А.Н. Пепеляев и ряд его сподвижников были приговорены к расстрелу, а остальные бывшие белогвардейцы – к различным срокам заключения [3, с. 299–318].

После приговора Пепеляев обратился в письме с просьбой о помиловании к Председателю ЦИК СССР М.И. Калинину, и высшая мера наказания была заменена генералу на десять лет тюрьмы. После продолжительных мытарств по тюрьмам в 1935 г. А.Н. Пепеляев был освобожден. Он стал работать плотником в Воронеже. Однако в августе 1937-го его вновь арестовали и направили в Новосибирск по обвинению в создании контрреволюционной организации. 14 января 1938 г. А.Н. Пепеляев в Новосибирске был расстрелян [13]. Так закончился жизненный путь некогда славного представителя возрождавшейся в горниле Гражданской войны русской армии, которая попыталась сыграть решающую роль в установлении новой власти в России, но не смогла решить эту задачу в силу неспособности реально оценить характер происходивших на тот момент в стране масштабных перемен.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
3. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. Ч. II. Кн. 2: Разгром пепеляевской авантюры: сб. док. и мат-лов / сост. В.Н. Чемезов [и др.]. Якутск: Якутское книжное издательство, 1962. 393 с.
4. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922): монография. Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 256 с.
5. Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 12 апреля.

6. Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины, со вступительной статьей Василия Логинова. Харбин: б.и., 1933. 218 с.
7. Всеякутские Съезды Советов: документы и материалы 1922–1937 гг. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1972. 376 с.
8. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Т. 3. Кн. 1. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
9. Из истории Гражданской войны в Якутии в 1922 г. // Красный архив. 1937. № 3 (82). С. 119–135.
10. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь (Прага). 1928. № 4. С. 36–68.
11. Последние дни колчаковщины: сб. док. Центрархива. М.: ГИЗ, 1926. 332 с.
12. Путь. 1923. 31 июля.
13. Российская газета. 2014. 14 января.
14. Строд И. В якутской тайге. Якутск: Кн. изд-во, 1973. 360 с.
15. Фетисов А.П. Сквозь льды и тайгу. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1968. 72 с.

УДК 947(571.6): 930.2

Ващук А.С.

ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ 1960-х – 1991 гг. В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Историография проблемы представлена как процесс изучения понимания предшественниками своих научных задач в конкретно-исторических условиях позднесоветского времени, как совокупный итог исследования региональной истории с учетом ограничивающих объективных и субъективных факторов времени и используемой методологии. Выявлены основные черты процесса познания советского прошлого в Дальневосточном регионе. Выделены этапы и рассмотрены концептуальные подходы. Определены основные направления и специфика дальневосточной тематики, дискуссионные вопросы в региональной истории. Дана характеристика процесса смены концептуальных подходов и проблемного поля на фоне отношений интеллектуалов и власти. Новизна статьи заключается и в том, что сформулированные предшественниками выводы сопровождаются презентацией новых трактовок в понимании современными историками. Представлена рефлексия дальневосточных историков на теорию модернизации, а также на трактовку дискуссионных вопросов в международной проблематике.
Ключевые слова: историография; Дальний Восток; советский период; концепции; формационная методология; модернизационная парадигма; Центр – регион; историческая кратология; политическая регионалистика.

Vashchuk A.S.

THE HISTORY OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1960s – 1991 IN THE COVERING OF NATIVE RESEARCHERS

Historiography of the problem is represented as a process of studying forerunners' understanding their scientific tasks in the concrete-historical conditions of late-Soviet time as a total combinations of studying research of regional history with consideration of limited objective and subjective factors of Time and methodology being used. There revealed the basic features of the cognition process of the Soviet Past in the Far Eastern region. There singled out stages and considered concept approaches. There defined the principal trends and the specificity of the Far Eastern theme, issues under discussion in the regional history. There is given the characteristic of the

process of change concept approaches and problem field in the context of relations between intellectuals and power. The novelty of the article is in new conclusions being formulated by forerunners are accompanied with presentation new interpretations in understanding contemporary historians. There represented consideration of Far Eastern historians on the theory of modernization and also on the interpretation of the issues under discussion in international problems.
Keywords: historiography; Far East; Soviet period; concepts; formation methodology; modernization paradigm; Center-Region; historical crathology; political regional studies.

Специфику современной ситуации в области историографического жанра справедливо определили авторы проекта «Исторические исследования в России: тенденции последних лет»: «Современному исследователю, несмотря на все разнообразие форм внутрицеховой коммуникации, скорее всего, придется быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин» [54, с. 12; 55, с. 9]. В контексте этой посылки воспользуемся приемом, введенным в историографический анализ И.М. Савельевой [96]. Анализ литературы ведется в рамках вопросов, выполняющих концептуальную роль. Что из того нового, что составляет современное проблемное поле позднесоветского дальневосточного прошлого, основано на концепциях, подходах, возникших и получивших распространение в отечественной или зарубежной исторической науке в последние 20 лет? Каким образом объясняют современные исследователи советскую историю второй половины XX в., в том числе Дальнего Востока, в отличие от предшественников? Что понимается по-новому и о чем не могли говорить предшественники раньше? Какие исследовательские позиции перешли в литературу наших дней?

Цель данной статьи – определить основные характеристики процесса познания советского прошлого в Дальневосточном регионе. В число задач входит: анализ концептуальных подходов, вектора смены проблемного поля, характера отношений интеллектуалов и власти, а также характеристика использования современными авторами достижений предшественников и новизна трактовки.

Изучение дальневосточной истории в 1960–1980-е гг. и проблемы переходного периода к новым концепциям. Анализ концепций исследований истории советского Дальнего Востока уже предпринимался ранее [27; 34]. Этот исследовательский опыт и опубликованный литературный багаж позволяют выделить 1960–1980-е гг. как первый этап историографического осмысления заявленной проблемы. Тогда историки были объединены единой формационной методологией, историописание прошлого шло по пути только расширения тематики. Точка отсчета исследований по дальневосточной истории второй половины XX в. – 1967 г. – официальное утверждение Бюро Отделения АН СССР проекта подготовки «Истории Дальнего Востока». То есть, обращение историков к началу изучаемого периода произошло еще во времена, когда советская система развивалась, но уже был пройден этап, получивший название «оттепели», историки еще не знали термина «застой» и тем более «перестройка». Существовавший методологический подход к историческому процессу, основанный на формационной теории, закономерностях и особенностях, экономической детерминации происходивших событий, идеологических и экономических преимуществах социалистической формации, определял все публикации историков, независимо от территориальных и хронологических рамок, выбора объекта и предмета исследования. Работ, отражавших события 1960-х гг., было незначительное число, в основном статьи, диссертации [8; 12; 20; 96; 113]. Выполнение проекта «История Дальнего Востока» коллективом ИИАЭ ДВНЦ АН СССР стимулировало внимание

к новейшей советской истории, и результаты проявились уже 1970-е гг. [70]. Были подготовлены макеты десятой и одиннадцатой книг «Истории Дальнего Востока» [59; 60] и заложены основные тематические направления изучения новейшей истории региона: социально-экономическое [2; 112] (историки шли по стопам экономистов), политическое направление [4; 49] (отражалось трудами, в которых ключевым понятием, естественно, была роль местных партийных организаций, комсомола по развитию отдельных отраслей и предприятий и также в воспитании трудящихся). Тогда же сформировалась социально-демографическая проблематика: обеспеченность трудовыми ресурсами предприятий региона, система подготовки кадров, которая включала особенности общественных отношений советского типа [15; 16; 59].

Историки, обобщая местный положительный опыт, одновременно выделяли отдельные недостатки в организации труда, в частности, в социалистическом соревновании, порой ставили вопрос о причинах невыполнения производственных планов. Но в целом на выходе дальневосточная литература мало чем отличалась от общесоюзной по набору типичных источников, их интерпретации и созданию идеализированного сообщества и партийных организаций. В макетах, диссертациях [79] были получены первые обобщенные данные о развитии официальной культуры и советского образа жизни дальневосточников.

В 1970–1980-е гг. актуализируется тема хозяйственного освоения региона. Хотя приоритет в этой исследовательской инициативе принадлежал сибирским историкам, тем не менее, данный комплекс идей очень быстро был воспринят дальневосточными авторами. Внедрению идеи в работы историков много сил отдал А.П. Деревянко [43; 44]. К тому же распространение этой концепции было продиктовано социально-политическими реалиями тех лет [56, с. 36-74] и тема стала доминирующей в дальневосточной литературе, что продолжалось в постсоветское время – 1990-х гг. [58; 77; 110, 112]. Невозможно не отметить большую роль отечественных историков в создании источникового багажа по истории строительства БАМа. Сегодня этот историко-литературный багаж мы можем использовать как репрезентативный коллективный источник для понимания места и роли региона в цивилизационной и геополитической динамике, а также для анализа менталитета политической элиты Центра и региона, но учитывая тот фактор, что тогда приоритетом для политиков была проблема обеспечения государственной безопасности. В целом в рамках хозяйственного освоения продолжали развиваться отраслевая история и количественное измерение социально-демографического прошлого [94], особенно много писали о проблемах пополнения региона трудовыми ресурсами. В 1980-е гг. появились публикации, раскрывающие социально-культурные портреты дальневосточного отряда рабочего класса и крестьянства, усилился аспект критики обеспеченности квалифицированными кадрами производства, а также ряда негативных тенденций в организации социалистического соревнования. Был сделан акцент на социальные структурные изменения, а также перемены в культурном и образовательном уровне населения и в материальном благосостоянии дальневосточников – рабочих [86]. Это отражало усиление внимания гуманитариев к проблеме простого советского человека. Однако постановка такого вопроса, как выявление социального расслоения и многослойного культурного и духовного состояния дальневосточного сообщества, еще не могла быть обозначена учеными. К ней исследователи стали подходить только в годы перестройки.

Благодаря введенным историками тех лет документам, современные исследователи, используя методы исторической кратологии и политической регионалистики, сегодня делают вывод о том, что однопартийная партийная советская система в регионе находилась «на оси порядка и изменении» [106, с. 109]. То есть ресурс однопартийной системы представлял право мобилизации любых других ресурсов в регионе [56]. В трудах советских исследователей зародилась методика

сравнения статистических данных по линии средних показателей социально-экономического и демографического развития по стране и в пределах дальневосточных территорий. Наличие таких различий предшественники относили к разряду дальневосточной специфики. Сегодня же мы делаем вывод: это имманентная черта советской системы, и ее преодоление стало двигателем индустриального освоения и социального развития по унифицированному пути. На современном этапе не потеряли своей актуальности многие сведения, зафиксированные в работах советского времени. Например, это информация об административно-территориальном устройстве, о демографических и производственных характеристиках городов 1960–1970-х гг. и поселков городского типа, подтверждающая особенности процесса позднесоветской индустриализации как отражения модернизационного вектора в Дальневосточном регионе страны. Отражением доминирования формационной методологии было рассмотрение дальневосточного общества на основе движения от социализма к развитому социализму: обобщение положительного опыта и недостатков, ряда негативных явлений. Считалось, что в будущем они могут быть преодолены.

Отличительная черта публикаций по дальневосточной истории 1970–1980-х гг. – это усиление внимания ученых к выявлению международной обстановки и подтверждение влияния геополитического фактора на региональную историю. Этот исходный тезис в последующие десятилетия, в том числе и постсоветской литературе, становится одним из доминирующих. Оценка развития событий шла по таким основным аспектам: ставился вопрос о сближении КНР с США и Японией, анализировалась борьба СССР за ослабление международной напряженности в зоне стран Тихого океана, дружественная политика СССР по отношению к Вьетнаму [13, с. 294; 60, с. 5, 11-44; 101, с. 154; 107].

Литература 1960 – начала 1980-х гг. уже имеет историографическое осмысление [25; 90, с. 93], и специалистами подмечено, что труды предшественников при всем своем богатстве источников, на основе которых они выполнены, содержат только те стороны дальневосточной истории, которые нужны были для доказательства преимуществ социализма, и освещены только грани жизни, контролировавшиеся партийной властью. Важно подчеркнуть, что предшественники в своем анализе советского прошлого отражают лишь уровень понимания и объяснения возникавших отдельных трудностей в советском обществе, в том числе на Дальнем Востоке, а не полноценную историческую картину. Анализ работ историков 1970–1980-х гг. заставляет нас по-новому поставить вопрос к уже опубликованным и вновь выявленным источникам, в частности, говорить о механизме взаимодействия, основанного на сакральности партийного принципа руководства территорией по всем направлениям. В рамках современного познавательного горизонта главный аспект проблемы – это вопрос о трансформации власти, с учетом вектора ее самовоспроизводства и самоприспособления. И первые шаги по анализу данного механизма уже были сделаны нами [31, с. 136-148; 56, с. 36-198].

Одним из главных аспектов историографического анализа дальневосточного прошлого является оценка исследовательского опыта историков, трудившихся в годы гласности, реформ М.С. Горбачева [28]. В качестве предварительного вывода можно отметить, что в концептуальном смысле коренного прорыва в осознании советских реалий, в том числе и дальневосточных, тогда не произошло, но были подготовлены для него значительные предпосылки.

Спецификой перестроечного дискурса стало появление термина «застой». Сегодня мы понимаем, что это – идеологическое клише. Употребил его впервые Горбачев на 27-м съезде, и связан такой прием оценки времени с попыткой провести ревизию советского опыта, с мерами по дезавуированию брежневского периода [92, с. 24]. Введение в исторический текст термина «застой» инициировало появление концепции так называемого «коммунистического реформизма», кото-

рая явилась также идейно-историческим обоснованием реформаторских инициатив М.С. Горбачева. Теоретический посыл, как известно, исходил из незыблемости «коммунистической идеи», «верности социалистическому выбору», при этом «перестройка» рассматривалась как продолжение «дела Октября», возвращение к «ленинским истокам». В этом контексте присутствовала терминология «деформации социализма», конкретные же импульсы реформ связывались с выявившимися пороками «административно-командной системы», вылившимися в «предкризисное состояние» (а не социализма как такового). Дальневосточные историки активно цитировали сборники статей, издававшиеся в серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм» [52]. Другим ориентиром для местных авторов оказалась публицистика, она смогла наиболее остро отреагировать на волновавшие общество проблемы. В 1987–1990 гг. благодаря публицистике широко обсуждались белые пятна советской истории (это статьи Ю.Н. Афанасьева, И.И. Клямкина, Н.П. Шмелева, В.И. Селюнина, Г.Н. Ханина, Г.Х. Попова, А.А. Ципко, А.А. Нуйкина, Р.А. Медведева, О.Р. Лациса и др.), но в меньшей степени обсуждались региональными историками злободневные темы современности.

В целом период конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. для дальневосточной литературы можно определить как переходное время к новому познавательно-исследовательскому этапу. На общем публикаторском буме литературы «о белых пятнах» в отечественной советской истории дальневосточные исследователи сохраняли тематическую специфику, а центром их изучения оставался ИИАЭ ДВНЦ АН СССР – ДВО РАН. Одной из последних книг в рамках формационной методологии была выполнена коллективная монография по истории дальневосточного крестьянства [69, с. 295-370], основу презентации периода 1960–1980-х составил анализ производительных сил в сельской местности. Продолжалось изучение отраслевой истории [48] и развивалось социально-демографическое направление [17; 18; 24; 29; 99]. Историки, исследуя социальную структуру населения Дальнего Востока, пытались показать ее профессионально-отраслевую специфику, качественные изменения в составе сельского населения. Но тезис о советском обществе как политическом, в основе которого лежала политическая стратификация, был поднят только в начале XXI в. на базе методологического прорыва в политологической и социологической литературе [74, с. 40-49].

Постсоветские исследования региональной истории. Исследовательская ситуация в отечественной исторической науке уже в определенной степени охарактеризована в работах российских ученых, что позволяет нам подробно не останавливаться на общих проблемах и дискуссионных аспектах по позднесоветскому периоду. В работах А.Д. Сахарова, А.А. Искандерова, А.Т. Тертышного и А.В. Трофимова, В.Г. Согрина и др. [53; 83; 98; 102; 104] выделены главные направления исследований и даны важнейшие характеристики концептуального плюрализма. Для понимания новых подходов к историографическому наследию огромное значение имеют идеи исследовательского проекта, реализованного под руководством Г.А. Бордюгова [53; 54]. Хотя и раньше историки активно обращались к политической истории, тем не менее, предложение Г.А. Бордюгова и Д.А. Андреева использовать категорию «пространство власти» в историческом тексте [3] расширяет познавательные возможности. Авторам удалось проанализировать исследовательский процесс в 2000-е гг. в рамках заявленной властью новой идеологии, отразить ее влияние на условия и проблемы изучения прошлого. Это значит, что при анализе региональной историографии необходимо учитывать значимый фактор: в плюралистическом многообразии была и будет идеологическая окраска советского прошлого, причем с противоположных полюсов.

На таком познавательном сложном фоне усиливалось состояние неудовлетворенности формационной методологией при объяснении регионального прошлого, что сопровождалось распространением новых концепций. Среди них

можно выделить концепции «геополитической и цивилизационной динамики» в азиатском историческом пространстве [1, с. 489-587], а также концепт, который базируется на определении характера исторической миссии Дальнего Востока в российской истории [32]. Другое направление рождалось под влиянием либерально-рыночных идей: советское прошлое измеряется только параметрами рыночных отношений. Представители такого направления ориентируются на идеи зарубежных авторов [108, с. 13-14, 15, 17, 224-227]. Так, в 1990-е гг. в литературе наблюдалась идейная капитуляция перед тенденциями кризиса и территориального распада страны: в научных кругах настойчиво начинала пропагандироваться мысль о необходимости «сжатия» используемого территориального российского пространства в целях эффективности управления и получения определенного толчка цивилизационного развития [105]. Однако большинство отечественных историков избежали влияния этого теоретического посыла, сосредоточив внимание на интерпретации исторических источников в формате концепции модернизации.

В современной литературе нет единства ни в определении самого понятия «модернизация общества», ни в характеристике модернизационного подхода к изучению исторического процесса в России. Но большинство отечественных авторов (В.В. Согрин, В.В. Алексеев, В.А. Красильщиков, О.О. Лейбович и др.) рассматривают реформы, влиявшие на политические и экономические изменения и социальную динамику, в контексте специфики российской модернизации [25]. Начиная с середины 90-х гг. XX в. и по сегодняшний день модернизационная парадигма определяет содержание многих трудов макроисторического характера и по конкретной тематике. Интерпретация позднесоветской истории на базе теории модернизации смогла «объединить» историков, исследовавших разные аспекты. Часть исследователей считает, что модернизация носила очевидный военно-политический характер, но в то же время она не смогла решить многих задач классической модернизации и имела в СССР свои социальные последствия [1, с. 510-550].

При анализе конкретного социально-экономического материала регионального уровня эта идея присутствует довольно часто [81]. Авторы заметили, что советский строй «законсервировал» некоторые социально-экономические явления на Дальнем Востоке, которые попадают под признаки традиционности общества, например, экстенсивный тип производства, и некоторые структуры быта и др. [22, с. 8]. В работах по социальной истории были сформулированы новые выводы: модернизация 1960–1980-х гг. способствовала разрушению аскетического образа жизни и формированию на территории патерналисткого менталитета [31, с. 193], она способствовала возникновению нового типа и качества жилья [36; 37; 114], развитию высшего технического образования на Дальнем Востоке и новых форм подготовки квалифицированных кадров, обучения молодежи в области профтехобразования [7; 82]. В литературе можно обнаружить и другой новый вывод: позднесоветская модернизация в Дальневосточном регионе проявилась в реформировании управления народным хозяйством, к концу советской эпохи образовался бюрократический рынок. Социально-экономическая модернизация начиналась в центре и постепенно вовлекала в свою орбиту восточные территории [63, с. 202; 67]. Однако этот процесс не всегда оборачивался коренными изменениями в материальном положении дальневосточников, включая вновь прибывавшее население [31, с. 88-189; 61, с. 27-83]. В дальневосточной литературе был обозначен новый подход к исследованию реализации социальной политики в регионе, речь идет об утверждении концепции анализа развития и кризиса распределительных отношений. Советская модель социальной политики функционировала, но меняясь в условиях продолжения экстенсивного пути развития региона [31, с. 88-189].

Отличительной чертой дальневосточной исследовательской школы в 2000-е гг. стало расширение тематического поля в понимании сложной картины дальневосточного социума за счет ранее малоизученных аспектов, которые вообще не могли появиться в советской литературе даже в годы перестройки. Таким аспектом стало изучение специфики появления предпринимательской деятельности в условиях горбачевских реформ на Дальнем Востоке. Приоритет в изучении этой проблемы принадлежит Л.А. Моисеевой [84, с. 18-39]. К новым проблемам, поднятыми дальневосточными авторами, можно отнести ретроспективный анализ состояния общества в регионе сквозь призму криминальной составляющей [45; 56, с. 217-263; 71; 73; 109]. Введенные авторами новые характеристики дальневосточного социума значительно углубляют наши знания о специфике трансформации советского общества в 1970–1980-е гг.

Историографический анализ литературы о Дальнем Востоке выдвинул на повестку дня вопрос определения характера культуры в регионе. Как известно, выдвинутая Л.Е. Бляхером концепция «проточной культуры» [10; 11, с. 91] привлекла к себе внимание многих исследователей. Рамки статьи не позволяют подробно дискутировать с философом, позволим себе лишь кратко обозначить нашу позицию, опираясь на мнение Ю.Н. Ковалевской [62]. Движение населения с запада на восток в условиях унификации культурных ценностей, внедрения принципов соцреализма в советский период может служить определенным аргументом, подвергающим сомнению вывод о «проточной культуре». Своеобразие дальневосточной тематики все-таки строилось на базе общей культурной доминанты, и ее в позднесоветский советский период можно определить через формулу «дальневосточная культура – это культура территории смысла».

В первом 15-летии XXI в. подтверждены выводы, которые появились еще в советской литературе: важнейшая составляющая региональной истории – это постоянное пополнение трудовых ресурсов за счет миграционных потоков [72, с. 266-267; 89]. Анализ роли миграций в региональном процессе стал многоаспектным в результате изучения этнического компонента [19, с. 11-186; 33, с. 215; 39; 75, с. 246-274; 88]. Но в отечественной литературе по-прежнему доминирует экономический подход: преобладают публикации о привлечении иностранной рабочей силы как необходимое условие трудообеспечения [40; 46, с. 73-91; 47; 87]. В условиях глобализации историю миграций стали вводить не только в русло «национальной истории», но и формат концепции международных отношений [57, с. 17-69, 75].

В 2000-е гг. в изучении истории советского Дальнего Востока важнейшую познавательную функцию выполняет концепция национальной безопасности в регионе, в ее рамках исследовались особенности сохранения роли России в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и вектора развития российской цивилизации в этом же регионе [38, с. 238-275; 80; 85].

Внимание к Дальнему Востоку постоянно проявляется со стороны исследователей-международников, хотя отдельно регион в литературе рассматривался редко, преимущественно сквозь призму двусторонних или многосторонних отношений СССР со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии или по особым дискуссионным вопросам. В этом плане можно отметить книгу об отношениях России и Китая [93], в которой специально выделен раздел «Россия и Китай в условиях трансформации и модернизации». В данном обзоре ограничимся лишь отдельным примером из истории изучения межгосударственных отношений, который в силу дипломатических обстоятельств сегодня является «щекотливым» и особо не дискутируется историками, но при этом имеет свои «белые пятна». Это события на Даманском (1969), оставившие свой след в истории советско-китайских отношений. Н.П. Рябченко считает, что события подробно отражены

в китайских публикациях*, в которых распространена так называемая «концепция отложенных историей проблем». Надо сказать, что в отечественной литературе отношение к такой научной позиции ученых из КНР можно определить как рационально-сдержанное: «Справедливое и рациональное решение вопросов, оставленных историей и касающихся границ и территорий подразумевает прежде всего признание партнером Китая допущенной в отношении него в прошлом «несправедливости», в результате которой он потерял часть «своей» территории, и если не возвращения ему хотя бы чисто символической части «утраченной территории», то признания себя в той или иной форме «территориальным должником» Китая», – пишет Е.Д. Степанов [103, с. 115]. Ученые Дальнего Востока участвовали в дискуссии по территориальному вопросу в рамках отношений СССР/ Россия – Япония, которая выявила отсутствие единства по территориальному вопросу [6; 64].

Если говорить о новизне изучения внутренней региональной политики и в целом дальневосточного сообщества, то в последние десять лет период позднесоветской истории у дальневосточных историков пользовался незначительной популярностью. Эту тенденцию подтвердила региональная конференция 2013 г. (Владивосток) [100]. Как исключение можно отметить работы историков по Северо-Востоку и Сахалину (И.Д. Бацаев, В.Г. Зеляк, В.В. Щеглов) [9; 50; 111, с. 73-97], а также серию статей, раскрывающих портреты политических лидеров на Сахалине [42, с. 245-363; 65].

Специфика постсоветской литературы – обращение к проблеме эволюции советской модели властных отношений в контексте концепции «Центр — регион». Наиболее распространенными теоретическими конструкциями в трудах гуманитариев, изучающих проблемы перестройки, явились положения, разрабатываемые исторической кратологией [41, с. 111]. Именно власть в современной объяснительной схеме остается центральным субъектом исторического процесса в целом и перестройки в частности. Важно заметить, что их обращение к эвристическим возможностям исторической кратологии сочеталось с привлечением методов политической науки. Например, Е.В. Буянов [23, с. 10-31, 89] использовал теорию трансформации региональных элит и акцентировал внимание на их роли в реализации перестроечных реформ с учетом приобретения новых качеств и статуса в пространстве власти. А.С. Ващук пришла к выводу, что в 1980-е гг., особенно в период перестройки, как в центре, так и в регионе вызревали предпосылки для дальнейшего и сильнейшего бюрократического взрыва и наступления кризиса социальной политики советского типа. Это происходило по мере эволюции партноменклатурной элиты [30, с. 461]. Другой подход в дальневосточной литературе зарождался на базе политической регионалистики. В ее формате оттачивалась концепция политико-административных взаимоотношений Центра и Дальневосточного региона в годы перестройки. Одним из первых авторов был М.Ю. Шинковский [111]. А.Е. Савченко обратил свое внимание на методологическое значение трудов Ч. Тилли для исследования взаимоотношений Центра и регионов России в 1985–1990-х гг. [97, с. 25]. Ему удалось развить тезис о взаимосвязи кризиса партийных «первичек» с кризисом потребительского общества

* А.П. Рябченко, анализируя работу Линь Цзюнь. Чжун Су Гуаньси «Китайско-советские отношения. 1689-1989». Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1989 (с. 184), делает вывод: «Он высказывает лишь несколько общих суждений по пограничному вопросу. Полагает, что столкновения явились следствием длительного откладывания пограничной проблемы, расхождения точек зрения Москвы и Пекина в ходе переговоров и напряженной обстановки в районе границы, возникшей, по его мнению, в результате размещения здесь большого количества советских войск» [95].

в регионе (тенденция доминирования потребительских мотиваций над трудовыми).

В 2000-е гг. исследователи начинают работать по направлению «власть и общество» на Дальнем Востоке, ориентируясь как на концепцию политической модернизации, так и на теорию гражданского общества. В публикациях представлены различные аспекты «политического участия и социализации граждан», но особое внимание авторов концентрировалось на становлении партий, общественных и религиозных организаций, и в этом русле происходит изучение перестройки на Дальнем Востоке, а сам процесс анализируется как неотъемлемая составляющая российской политической системы. В литературе показаны «ростки» демократического движения [5; 14; 76]. Так, Е.В. Буянов связывает возникновение неформальных политизированных групп на юге Дальнего как с общим влиянием перестроечных процессов в СССР, так и с развитием общественных конфликтов регионального уровня [21; 23, с. 10-31, 89]. В региональной литературе утверждается мнение о том, что неформальное движение на Дальнем Востоке не имело исторической традиции и не сумело сформировать принципы преемственности [35]. Например, А.П. Коняхиной удалось проанализировать общественные настроения и тематику гражданского участия во второй половине 1980-х в Дальневосточном регионе и сделать вывод о быстром исчерпании в конце 1980-х гг. потенциала демократии в регионе [66–68].

Важно сказать еще об одном наблюдении, которое характеризует выход историографии на новый методологический уровень. С конца 1990-х гг. стала оказывать влияние на творчество историков социальная и культурная антропологии [51; 78]. А с исчезновением советской системы на исследовательской повестке дня возникли новые вопросы: степень контролируемости идеологии в регионах [26], генезис неофициальной культуры – самодеятельного театра, бардовского и рок-движения в регионе. Модернизационный подход стал дополняться элементами социальной антропологии, в частности о «цене», которую «платили» государство и население за промышленное освоение Дальнего Востока (И.Д. Бацаев, В.Г. Зеляк) [9; 50]. Однако за пределами исследовательского поля все еще оставалась проработка вопросов отношения населения к региональному курсу и социальной политике распределительного типа, способы адаптации, в том числе и выходящие за рамки советских норм и законов.

Таким образом, обращение к анализу литературы советского периода позволяет определить основные ориентации и ценности эпохи через их рефлексию гуманитариями. Историографическое наследие – это визитная карточка состояния науки и положения историков в системе идеологии. В советский период были поставлены такие вопросы к дальневосточной истории, которые были важны партийному государству, в том числе и о целях политической безопасности, сохранении советской системы. Постсоветский период оказался очень важным для развития отечественной исторической науки, он подготовил серьезную базу для комплексного знания о дальневосточном сообществе, об экономическом социальном и культурном обустройстве населения в условиях государственной собственности. Работы предшественников позволят акцентировать внимание на тех аспектах, которые не были включены в пространство официального исторического знания. Имеющийся историографический багаж позволяет сегодня развернуть постановку такой проблемы, как трансформация дальневосточного сообщества, политических структур и хозяйственного уклада, сравнить процессы в годы стабилизации и в периоды советских реформ. На долю историков начала XXI в. выпало решение научной задачи – гуманизировать региональную историю, в том числе через изучение проблемы отношений общества и власти.

Список источников

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. Алтунин А.В. Развитие авиации на Северо-Востоке СССР (1926–1965 гг.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1967. 316 с.
3. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 160 с.
4. Андрусова Т.К. Деятельность Приморской партийной организации по повышению культурно-технического уровня рабочего класса: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1970. 305 с.
5. Арчаков М.К. Становление и деятельность самодеятельных неформальных общественно-политических организаций и движений в Приамурье во второй половине 1980-х гг. // Амурская область: история и современность: мат-лы всеросс. науч.-практ. конф. (Новиковские чтения). Благовещенск, 2008. Ч. 1. С. 214–217.
6. Афонин Б.М. Россия и Япония: Долгий путь к мирному договору // Вестник ДВО РАН. 2005 .№ 4. С. 20–29.
7. Балдин С.С. Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке России XIX–XX вв. / отв. ред. А.Т. Мандрик. Владивосток: Дальнаука, 2007. 439 с.
8. Балицкий В.Г. КПСС – организатор перехода малых народов Крайнего Северо-Востока РСФСР от патриархально-общинного строя к социализму: дис. … канд. ист. наук. М., 1965. 310 с.
9. Бацаев И.Д. Агропромышленный комплекс Северо-Востока России. 1954–1991 гг. (Этапы развития, особенности, эффективность). Магадан: Дальневост. отд. Сев.-Вост. науч. центр. СВКНИИ, 2001. 145 с.
10. Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.
11. Бляхер Л.Е., Зеликова Ю.А. Культурные особенности экономического трансграничного взаимодействия (на примере Хабаровска и Санкт-Петербурга) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 90–103.
12. Богацкий П.И. Деятельность Хабаровской партийной организации по повышению культурно-технического уровня рабочей молодежи. (1959–1965 гг.): дис. … канд. ист. наук. Л., 1968. 306 с.
13. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения (1945–1977 гг.). М.: Мысль, 1977. 582 с.
14. Бородатов А.В. Деятельность неформальных и политизированных общественных объединений в Амурской области в 1988–1991 гг. // Вестник Амурского государственного университета (Благовещенск). 2009. Вып. 46. С. 43–46.
15. Борчанинова В.Е. Возрастание связи научной и производственной интеллигенции в Приморье в годы коммунистического строительства (1959–1970 гг.) // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917–1975 гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 72– 77.
16. Борчанинова В.Е. Совершенствование производственных отношений в колхозной деревне Дальнего Востока в условиях развитого социализма в СССР (1961–1981 гг.) // Осуществление ленинского кооперативного плана на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 108–115.
17. Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60–80-е гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1992. 176 с.
18. Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40–60-е гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1991. 63 с.
19. Бугай Н.Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI в.). М.: Гриф и К, 2007. 360 с.
20. Бурятов Б.Н. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по подъему культуры трудящихся (1959–1965 гг.) (по материалам Хабаровской краевой и Сахалинской областной парторганизаций): дис. … канд. ист. наук. М., 1966. 316 с.
21. Буянов Е.В. Возникновение и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока (конец 80-х–90-е гг. XX в.): историография проблемы в российских и региональных исследованиях. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9531/N52_2.pdf (дата обращения: 10.01.2015).

22. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х—90-е гг. XX в.): автореф. … д-ра ист. наук. Владивосток, 2003. 35 с.
23. Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988–1995). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
24. Васильева Е.В. Научная интеллигенция Дальнего Востока СССР (60-е – середина 80-х гг.). Владивосток: Дальнаука,1993. 187 с.
25. Ващук А.С. Актуальные проблемы изучения социальной истории в XX в. // Россия и АТР. 2006. № 2. С. 22–40.
26. Ващук А.С. Инакомыслие в СССР и проявления крамолы на Дальнем Востоке (1960–1970-е гг.) // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 3. 2008. С. 181–189.
27. Ващук А.С. История Дальнего Востока в советский период: концепции 60–90-х годов // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2. С.12–23.
28. Ващук А.С. Перестройка на Дальнем Востоке в освещении российских исследователей // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 41-53.
29. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке в 50–70-е годы (историография проблемы). Владивосток, 1991. 36 с.
30. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945–конец 80-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. 463 с.
31. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
32. Ващук А.С. Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: исследовательский опыт // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. № 52. С. 303–322.
33. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Дудченко Г.Б. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 225 с.
34. Ващук А.С., Рябченко Н.П. Историография и методология // Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Т. 3. Кн. 4. История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 9–34.
35. Владимиров Д.А. Политическое участие и роль некоммерческих организаций в демократических преобразованиях в Приморье конца XX и начала XXI в.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2010. 282 с.
36. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
37. Власов С.А. Капитальное и жилищное строительство на Дальнем Востоке (50—80-е годы XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 2. Благовещенск, 2000. С. 491-497.
38. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений России и Китая. М.: МОНФ, Ин-т Дальнего Востока ДВО РАН, Центр «Россия и Китай», 1999. 408 с.
39. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
40. Гельбрас В.Г. Китайская реальность в России. М.: Муравей. 2001. 319 с.
41. Голечкова О. Феномен власти: новые проблемы и подходы // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 111-144.
42. Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск: арх. отдел администрации Сах. обл., Гос. архив Сах. обл., 2000. 392 с.
43. Деревянко А.П. Инженерно-технические кадры Дальнего Востока (1959–1965 гг.): М.: Наука, 1978. 150 с.
44. Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974 –1982 гг.). Исторический опыт. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. 152 с.
45. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края (1953–1968 гг.). Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2008. 188 с.
46. Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока (1858–2008). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 290 с.

47. Дудченко Г.Б. Китайская, вьетнамская и северокорейская миграция на юге Дальнего Востока России в 80—90-е годы XX в.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 262 с.
48. Ежеля У.В. История развития железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке России (1961–1985 годы): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1992. 179 с.
49. Загороднюк Г.Ф. Деятельность КПСС по дальнейшему развитию трудовой активности рабочего класса в годы семилетки (1959–1965 гг.) (по материалам практик организаций Хабаровского края). Владивосток, 1970. 296 с.
50. Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горно-промышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 466 с.
51. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М.: ИЦ «Россия молодая» 1993. 200 с.
52. Иного не дано. Серия: Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1988. 680 с.
53. Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 7–9.
54. Исторические исследования – II. Семь лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2003. 560 с.
55. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 584 с.
56. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн.1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
57. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегия обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2014. 224 с.
58. Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. третий: Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2000. 536 с.
59. История Дальнего Востока СССР. Кн. 10. Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1959–1970). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1979. 290 с.
60. История Дальнего Востока СССР. Кн.11. Советский Дальний Восток в период совершенствования развитого социалистического общества в СССР (1971–1979 гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1979. 289 с.
61. Книги о Дальнем Востоке: библиограф. указ. 2012 год. Вып. 2 (апрель – июнь) / сост. Л.В. Снисаренко. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2013. 140 с.
62. Ковалевская Ю.Н. Культура Дальнего Востока: мат-лы к книге «Общество и власть на Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (Т. 3. Кн. 5. История Дальнего Востока России)»: рукопись // Текущий архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. 2016.
63. Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: была ли модернизация на Дальнем Востоке? Владивосток: Дальнаука, 2010. С.245.
64. Кожевников В.В. Кризис в российско-японских отношениях: причины и последствия // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 122-131.
65. Колесников Н.И. Они правили областью. Южно-Сахалинск: Сахал. центр документации новейшей истории, 1995. 170 с.
66. Коняхина А.П. К истокам гражданского общества на Дальнем Востоке России: от человека недовольного к человеку действующему // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 174–179.
67. Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке России. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38–55.
68. Коняхина А.П. Формирование гражданского общества на российском Дальнем Востоке: «Демократическое движение за перестройку» // Перестройке 25 лет. Историческая память современной России: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 180–185.

69. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.
70. Крушанов А.И. Историческая наука на Дальнем Востоке в период развитого социалистического общества в СССР (1959–1975 гг.) // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917–1975 гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 3–24.
71. Крушанова Л.А. Закон «о тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 122–128.
72. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х—1970-е гг.): монография / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 268 с.
73. Крушанова Л.А. Особенности криминальной ситуации на советском Дальнем Востоке (1960–1991гг.) // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 66-79.
74. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
75. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: в 3 кн. Кн. 2. Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2010. 336 с.
76. Кузьмина М.А. Комсомольск-на-Амуре: конец двадцатого века. История демократического движения в эпоху политических потрясений. Кн.1. Комсомольск-на-Амуре, 1998. 136 с.
77. Кулакова И.Ф. Возрастание роли КПСС в сфере материального производства в период строительства коммунизма в СССР (на материалах Дальнего Востока 1959–1965 гг.) // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917– 1975 гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 25–37.
78. Куприянов А.И. Ментальное измерение истории // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153-160;
79. Курилова Л.А. Высшая школа на Дальнем Востоке в период развитого социалистического общества в СССР (1966–1975): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1980. 316 с.
80. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX в. – начало XXI века). М.: Восток–Запад, 2005. 390 с.
81. Лисицына Л.С. Развитие легкой промышленности на юге Дальнего Востока СССР (середина 1940-х — середина 1970-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 23 с.
82. Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России (середина 60-х — 80-е годы XX в.). Владивосток: ДВГТУ, 2002. 160 с.
83. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в. Вып. 2. Томск, 2003.
84. Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. 401 с.
85. Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С.72-80.
86. Норицина А. Ф. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по решению жилищной проблемы в 1959–1965 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1970. 245 с.
87. Островский П.Ю., Симоненко Н.Н. Миграция как фактор развития и использования трудового потенциала региона (на примере Дальнего Востока России). Хабаровск: ДВГУПС, 2011. 131 с.
88. Переселенческое общество азиатской России: миграции пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX – XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
89. Пискунов С.А. Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего Востока СССР (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 218 с.
90. Платонова Н.М. Актуальные проблемы историографии развития промышленного комплекса российского Дальнего Востока (1991 – начало 2000-х гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2011. Вып. 9. С.93.
91. Полецкий В.А. Деятельность КПСС органов народного контроля в период развертывания строительства коммунизма (1956 – 1965 гг.) (на материалах Сахалинской области): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 233 с.
92. Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Горба-

чева М.С. // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 г.: стенограф. отчет. М.: Изд-во полит. лит., 1986. С. 23-121.
93. Россия и Китай: опыт и потенциал приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. 204 с.
94. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
95. Рябченко Н.П. Китайские ученые о советско-китайских отношениях и СССР периода с 60-х гг. по 1991 г.: рукопись // Текущий архив социально-политических исследований. 2016 г.
96. Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53.
97. Савченко А.Е. История административно-политических отношений Центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х –1990-е годы): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
98. Сахаров А.Д. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3–20.
99. Слабнина Л.А. Материальное благосостояние рабочих Дальнего Востока: 1946–1960 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1992.
100. Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 334 с.
101. Современные международные отношения и внешняя политика Советского Союза М., 1974. 336 с.
102. Согрин В.В. 1985–2005 гг.: Перипетии исторического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20—34.
103. Степанов Е.Д. Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН, 2007. 243 с.
104. Тертышный А.Г., Трофимов А.В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории // Социальные трансформации российской истории: докл. междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 2-3 июля 2004 г. М., 2004. С. 571-584.
105. Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23-33.
106. Турен А. Возвращения человека действующего: очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
107. Фролов А.В. Развитие советско-китайских приграничных отношений на Дальнем Востоке СССР: 1949–1969 гг.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 221 с.
108. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя: просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Науч.-образов. форум по междунар. отношениям, 2007. 327 с.
109. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы: монография. М.: Проспект. 144 с.
110. Шестопалов А.П. Аграрная политика КПСС и ее осуществление на Дальнем Востоке в условиях развитого социализма (1965–1986 гг.) // Аграрная политика КПСС на Дальнем Востоке (1960–1986 гг.): межвузов. сб. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987. С. 3–13.
111. Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 336 с.
112. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX в. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. 149 с.
113. Юркевич А.И. Пищевая промышленность в хозяйственном комплексе Дальневосточного экономического района: дис. … канд. экон. наук. М., 1968. 264 с.
114. Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1940-х – первая половина 1960-х гг.): дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2011. 250 с.

УДК 94(100)"1914/19"

Виноградов П.В.

ВЛАДИВОСТОК В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных документов исследуется деятельность порта Владивостока в годы Первой мировой войны. Рассматривается комплекс мероприятий по развитию инфраструктуры порта, направленных на принятие и обработку военно-стратегических грузов, получаемых от союзников по Антанте.
Ключевые слова: Владивостокский порт; заграничные поставки военного имущества; грузооборот.

Vinogradov P.V.

VLADIVOSTOK IN THE MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN EMPIRE WITH THE ALLIES DURING THE FIRST WORLD WAR

The article examines the activities of the port of Vladivostok in the First World War. We consider a set of measures for the development of port infrastructure aimed at acceptance and processing of military and strategic goods received from the Entente allies.
Keywords: Vladivostok port; foreign deliveries of military equipment; cargo turnover.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война обнажила глубокий кризис в снабжении русской армии предметами военного имущества. Армия, промышленность и правительство оказались не подготовленными к затяжной и крупномасштабной войне. Поэтому российскому правительству уже с самого начала войны пришлось прибегать к систематическим закупкам материальных ресурсов у союзников по Антанте и США. С началом Первой мировой войны Черное и Балтийское моря превратились в зоны активных боевых действий, относительно безопасное судоходство по ним стало невозможным. Использование Мурманского порта исключалось в то время, так как строительство Мурманской железной дороги к 1914 г. не было завершено. Босфор был закрыт вступлением в войну Турции на стороне Германии. Воюющая Россия очутилась почти в полной изоляции от союзных стран Антанты [8, с. 30].

Главными пунктами, куда стали доставляться приобретенные за рубежом товары, стали Архангельск и Владивосток.

Порт Архангельска был не приспособлен в техническом отношении для разгрузки большого количества судов. Только с началом войны местные и центральные власти в экстренном порядке стали принимать меры по строительству новых, временных причальных и складских территорий. Большую проблему представляла и вывозка доставленных грузов из порта. Железная дорога по своей пропускной способности и подвижному составу совершенно не соответствовала требованиям времени. В связи с этим уже в первую навигацию в порту Архангельска скопилось большое количество грузов. Британский военный атташе, отмечая затаренность порта, так описывал ситуацию со складированием грузов: «Медь, свинец, алюминий, резина и уголь и не менее 700 автомобилей в разобранном виде в деревянных ящиках, которые в большинстве своем лежали на открытом воздухе» [11, с. 356].

Кроме этого для судов, идущих в Архангельск, существовала опасность быть потопленными немецкими военными судами, подводными лодками или быть подорванными на минах, выставленных немецкими эсминцами. Так, в навигацию 1915 г. германский вспомогательный крейсер «Метеор» скрытно поставил между Иоканьгой и островом Сосновец 285 мин банками по 27–30 в каждой. В результате на немецких минных заграждениях 29 мая 1915 г. погиб английский пароход «Арндаль». Вскоре подорвались и затонули еще несколько транспортов. Появление минной опасности привело к резкому сокращению союзных перевозок и заставило российское командование принять срочные меры для защиты судоходства на Севере и сформировать особую флотилию для охраны торговых судов.

Все это вынуждало правительственные инстанции искать иной альтернативный порт, который мог бы принимать военно-стратегические грузы от союзников. Таким портом стал Владивосток, несомненным достоинством которого являлось абсолютно безопасная транспортировка стратегических грузов из США и Японии, поток которых с каждым месяцем все увеличивался. В 1914 г. сумма заказов только интендантского ведомства в Японии составляла 32,3 млн руб., а в США – около 20 млн руб. К 1915 г. экспорт товаров только из США составлял сумму в 60 млн дол., а к 1916 г. удельный вес США в импорте в Россию составлял более 60 % [9, с. 25].

Уже в конце 1914 г. губернатор Приморской области А.Д. Сташевский в своем докладе, направленном в Петроград, отмечал, «что Владивосток как транзитный пункт для грузов, идущих из-за границы на театр военных действий при помощи благоприятной тарифной политики, может стать одним из величайших в мире транзитных портов» [5, с. 92].

С началом Первой мировой войны Владивосток приобрел особое значение для поставок в Россию американских, японских, а также китайских грузов. За годы войны экономическое сотрудничество с США стало играть исключительно важную роль для Российской империи. Американские фирмы стали главными поставщиками хлопка, шерсти, стрелкового оружия, патронов, пороха взрывчатых веществ, автомобилей, паровозов, железнодорожного, а также производственного оборудования. Роль порта Владивостока была незаменима в зимнее время, когда Владивосток оставался единственным открытым для внешней торговли портом.

Однако, несмотря на то, что Владивосток был единственным портом на Дальнем Востоке, приспособленным для международной торговли, развитие его портовой инфраструктуры не отвечало современным требованиям. Начиная с 90-х гг. XIX в., неоднократно разрабатывались проекты реконструкции и развития порта, которые так и оставались лишь проектами. Только в 1909 г., после поездки на Дальний Восток министра финансов В.Н. Коковцева, дело реконструкции порта сдвинулось с мертвой точки. Проект капитального расширения Владивостокского порта был составлен в 1912 г. инженером Е. Гезехусом и одобрен Техническим советом Министерства торговли и промышленности в октябре того же года. План развития порта предполагал ряд мероприятий, которые к 1920 г. должны были увеличить его грузооборот до 2 млн 260 тыс. тонн в год. Проектная смета расходов на модернизацию порта составляла сумму более 6 млн руб.

При разработке программы развития порта исходили из минимальных цифр увеличения грузооборота. Что же касалось более широкого развития порта, то если бы последующие годы показали, что к этому имеются все основания, дальнейшее увеличение причальных линий в порту могло бы быть отнесено к работам второй очереди [4, ф. 702, оп. 2, д. 815, л. 5.]. Основываясь на анализе статистических данных грузооборота за 5 лет – с 1907 по 1911 г., предполагали

в первую очередь развитие экспорта грузов, в частности таких, как соя и лесоматериалы.

Согласно плану, предполагалось осуществить следующие мероприятия. Постройку так называемой «Министерской набережной», расположенной на севере бухты Золотой Рог. Данная причальная линия должна была состоять из каменной кладки, оборудованной причальными трубами, стремянками и охранными рампами. Общая длина набережной должна была составить 646 погонных метров и глубина – 10 метров. Постройка городской набережной, примыкающей к Коммерческой набережной, общей протяженностью в 115 погонных метров. Постройка на южном берегу бухты Золотой Рог набережной и складов для угольных и лесных материалов, с рыбным молом общей протяженностью причальных линий 1335 погонных метров и площадью 76 тыс. квадратных метров. Развитие самой инфраструктуры порта путем поставок нового портового оборудования – кранов, прокладка рельсовых путей, электрификация причалов. Однако реализовывать его уже пришлось в условиях войны, существенно корректируя заложенные в нем мероприятия. К 1914 г. были исполнены работы лишь по строительству Коммерческой набережной и небольшого участка каменной набережной на полуострове Шкота.

Необходимо отметить, в предвоенные годы, несмотря на слабое развитие портовой инфраструктуры, грузооборот порта неуклонно рос. Так, если в 1908 г. грузооборот порта составлял 409,5 тыс. тонн, то уже к 1912 г. – 1 млн 260 тыс. тонн. При этом до начала войны Владивостокский порт имел преимущественно экспортную направленность, ввоз товаров уступал вывозу. В 1913 г. общий грузооборот порта составил 1 млн. 469 тыс. тонн, из которых 513 тыс. тонн приходилось на импорт и 956 тыс. тонн на экспорт. Основными экспортными товарами являлись соя, лес и пиломатериалы, рыба, икра, цинковая и серебрено-свинцовая руда. Такая номенклатура грузов не требовала оснащение порта специальными причальными набережными, портовым оборудованием и складскими помещениями, необходимыми для размещения крупногабаритных и тяжелых грузов. Узким местом Владивостокского порта оставался и вопрос перевозки грузов. Основная масса товаров ввозилась и вывозилась из порта на судах под иностранным флагом. Корабли российского Добровольного флота, курсировавшие на линии Одесса – Владивосток и приходившие в Приморье всегда с полным грузом, уходили в обратный рейс почти пустыми. Однако с началом Первой мировой войны порту Владивостока пришлось кардинальным образом изменить свою деятельность, а местным и центральным властям принимать экстренные меры по форсированной модернизации порта.

Работа самого порта в годы войны отличалась некоторыми особенностями по сравнению с мирным временем, которые заключалась в следующем.

Произошло резкое увеличение грузооборота порта, к которому он не был приспособлен, за счет приемки большого количества громоздких, габаритных и тяжелых грузов, необходимостью длительного хранения доставленных грузов как на территории самого порта, так и в окрестностях города в связи с недостаточной пропускной способностью железных дорог. И наконец, острой нехваткой транспортных судов и тоннажа, что диктовало необходимость быстрой, а где-то даже спешной разгрузки прибывающих в порт пароходов в ущерб логистическим и технологическим процедурам.

Перед властями встали две проблемы, которые им пришлось решать в ходе войны. Первая – это экстренное развитие инфраструктуры порта в целях принятия прибывающих из-за границы грузов. Вторая – это переработка и отправка из порта и города доставленных грузов.

В декабре 1914 г. по указанию Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности во Владивостоке произошло заседание междуведом-

ственного совещания по выработке мероприятий, способных увеличить возможности порта по приемке иностранных грузов. Результатом работы совещания стало решение об экстренном строительстве 6-ти временных причалов на территории будущей Министерской набережной и полуострова Шкота (Эгершельд), о постройке дополнительных складских помещений, прокладке железнодорожной ветки к ним, об оснащении их весовым оборудованием и электрификации таможенных пакгаузов. Общая сумма затрат на данные мероприятия исчислялась в 525 тыс. руб. [4, ф. 702, оп. 3, д. 469, л. 26]. Проведением данных мероприятий, которые планировалось реализовать в течение 3-х месяцев, предполагалось довести грузооборот порта до 130 тыс. тонн в год. Повторное заседание совещания, рассмотрев возможные варианты расширения портовой территории, констатировало, что дополнительно можно обустроить две причальные линии в районе Эгершельда и Амурском заливе. А также построить две пристани в виде пирсов из понтонов на южной оконечности полуострова Шкота. С учетом оборудования новых складских помещений на Эгершельде и Первой речке необходимо было выделить сверх планируемой суммы еще 520 тыс. руб. [4, ф. 702, оп. 3, д. 469, л. 33].

В интервью газете «Далекая Окраина» главный инженер порта Е.Н. Гезехус оптимистически заявлял, что с – «<…> осуществлением перечисленных сооружений пропускная способность порта увеличится приблизительно на 6 млн *(100 тыс. тонн – прим. автора)* пудов в месяц» [2]. Все работы по экстренному оборудованию порта предполагалось завершить в течение 4-5 месяцев.

С конца 1914 г. в порту начинается активное строительство. Прежде всего, принимаются меры по расширению причальных набережных для приема большого количества океанских пароходов. Основная территория порта был разгружена от мешавших многочисленных судов каботажного плавания, для которых были выстроены две новые гавани в Амурском заливе.

На полуострове Шкота оборудуется специальная территория с пятью причалами для принятия военных грузов, паровозов и железнодорожного оборудования, поставляемых из США. Была проложена отдельная железнодорожная ветка до района Первой речки, где были обустроены мастерские по сборке прибывших из США вагонов [4, ф. 32, оп. 1, д. 37, л. 1].

Протяженность причальной линии порта была увеличена в два раза и составляла 7680 погонных метров. Из них 1485 погонных метров представляли из себя каменные стенки, которые позволяли производить разгрузку крупногабаритных грузов с помощью кранов непосредственно на береговые складские площади. На береговые откосы приходилось 4140 погонных метров, которые использовались для разгрузки мелких катеров и шаланд; 1963 погонных метра принадлежали к типу плавучих и представляли из себя понтоны, соединенные с берегом деревянным мостиком, в результате чего борт парохода отстоял от бровки набережной на 16 метров [4, ф. 32, оп. 1, д. 32, л. 68]. Данный тип причалов позволял производить разгрузку только мелкими партиями и вручную.

Масштабным явилось строительство крытых складских помещений. Их основная масса возводилась в быстрой спешке, поэтому они содержали массу технических недостатков. При их строительстве портовые власти решали главную задачу – обеспечение сохранности грузов от воздействий окружающей среды, поэтому иные факторы, такие как наличие удобных подъездных путей, вопросы прочности конструкций, пожарной безопасности, приносились в жертву главной цели. Склады возводились не только вдоль причалов, но и вообще где только можно было складировать грузы [4, ф. 32, оп. 1, д. 32, л. 8]. К 1917 г. площадь крытых складских помещений составляла 74 716 кв. м., что позволяло разместить 124 367 тонн груза. Были увеличены открытые складские территории, площадь которых

равнялась 20 048 кв. м, что позволяло разместить 29 333 тонны груза [4, ф. 32, оп. 1, д. 32, л. 7].

В годы войны Владивостокскому порту пришлось принимать и обрабатывать две категории грузов: частные и специализированные – военные. Причем в условиях войны данной категории грузов отдавался приоритет в разгрузке, обработке и вывозке с территории порта и города.

В номенклатуре товаров, помимо традиционно ввозимых до войны, появились и новые, импорт которых диктовался условиями военного времени. К ним относились в первую очередь связанные с военной промышленностью – селитра, бертолетова соль, каучук, копра, цветные металлы. Для интендантских нужд армии ввозилась обувь и кожи для ее выделки, так как на всем протяжении войны вооруженные силы страдали от дефицита обуви. Увеличились объемы и традиционно импортируемых товаров, которые в условиях военного времени стали необходимы для армии и промышленности. Это, в первую очередь, хлопок и изделия из него, а также различные металлы и промышленное оборудование.

Из военных грузов во Владивосток ввозилось в первую очередь стратегическое сырье, в частности для производства взрывчатых веществ, и лишь во вторую очередь – готовые военные грузы, как, например, артиллерийские снаряды, винтовки, порох и динамит для артиллерийского управления. Ввозились и довольно редкие и даже экзотические грузы – кокосовое масло и шеллак. Шеллак, например, использовался в пиротехническом производстве для изготовления сигнальных огней и патронов.

Невозможность оперативного вывоза грузов приводила к постепенному затариванию территории порта, города и пригорода различными товарами. Особой остроты эта проблема достигла в 1916 – начале 1917 г., когда наладились систематические поставки военно-технического имущества из-за границы. Только военных грузов, не считая частных, в период с ноября 1916 г. по май 1917 г. должно было прибыть 176 163 тонны [3, ф. 1139, оп. 1, д. 74, л. 122]. Это ставило вопрос о хранении и вывозе грузов в критическое положение. С учетом находившихся грузов, к маю 1917 г. во Владивостоке должно было находится 355 456 тонн различных грузов, за этот же период КВЖД могло вывезти чуть более 221 тыс. тонн грузов. Поэтому к маю 1917 г., по предварительным подсчетам, в городе и окрестностях оставались не вывезенными 134 319 тонн разнообразных грузов [3, ф. 1139, оп. 1, д. 74, л. 122].

Таким образом, если приемку грузов в порту удалось организовать, то их вывозку наладить не удавалось, и многие товары в течение длительного периода времени лежали мертвым грузом в портовых и городских складах, ожидая очереди на вывозку и приходя порой в полную негодность.

Современник так описывал ситуацию: «…все, что прибывает в порт, – от тюков с бязью до деталей грузовиков, сбрасывается на землю и укрывается брезентом. За городом горы армейского снаряжения, оно мокнет, ржавеет, портится, гниет. Чего здесь только не увидишь: винтовки, миллионы боевых патронов, подводная лодка, автомобильные детали, обувь, медные и свинцовые слитки» [6, с. 105].

Масштабы затаривания порта и количество скопившихся грузов может проиллюстрировать такой интересный факт. После событий февраля–октября 1917 г. все правительства, оказавшиеся у власти в Приморье, активно пополняли собственную казну за счет продажи скопившегося за годы войны имущества.

Так, Приморская областная земская управа с апреля 1920 г. планомерно, посредством комиссии по реализации грузов, ликвидировала последние по ценам, выгодным для нее, а затем через «Центросоюз», которым руководили большевики, отправляла в Советскую Россию. Было продано и отправлено 7372 тонны меди, 2457 тонн хлопка и селитры, 4920 тонн резины и др. [7, с. 88-89]. Сменившая

Земскую управу Временное Приамурское правительство также активно с сентября по август 1922 г. распродавало посредством торгов разнообразное имущество, доставленное за годы войны. На железнодорожных станциях Первая речка и Угольная находилось более 15 тыс. комплектов для сборки паровозов «Декапот», 38 тыс. комплектов для сборки 50-тонных вагонов и 88 тыс. комплектов для сборки двухосных вагонов, не считая прочего железнодорожного имущества, привезенного из США, и уже собранных вагонов во владивостокских мастерских [1, ф. Р-730, оп. 9, д. 36, л. 5]. После установления советской власти паровозы, вагоны и железнодорожное имущество значительно пополнили и усилили не только дальневосточные, но и сибирские железные дороги.

Таким образом, Владивосток стал ключевым пунктом в системе военно-технического сотрудничества между Российской империей и союзными государствами. От уровня развития инфраструктуры порта, от работы и деятельности его служб и организаций зависела как степень эффективности сотрудничества между Россией и ее союзниками, так и функционирование многих предприятий военной промышленности и в конечном итоге боеспособность и оснащенность Вооруженных сил страны. Владивосток приобретает важное международное положение в системе транспортных связей в лагере Антанты, наряду с Архангельском. На межсоюзных совещаниях, посвященных проблемам транспортировки и перевозки военно-технических грузов, всегда рассматривались вопросы работы Владивостокского порта. От уровня его развития и результативности в принятии и обработке грузов в конечном итоге зависели объемы поставок материальных ресурсов в Россию. Благодаря включению Владивостокского порта в систему военно-технического сотрудничества за короткий промежуток времени были проведены мероприятия, расширившие материальную базу порта, значительно повысившие возможности портовой инфраструктуры. Достаточно отметить, что в 1916 г. грузооборот порта составил в 2 млн 600 тыс. тонн – цифры, которую планировалось достигнуть по плану развития порта только к 1920 г. Это стало возможным благодаря огромному вкладу государства в развитие порта – закупке портового оборудования, строительству новых и реконструкции старых причальных линий, сооружению новых складов, прокладке большой протяженности рельсовых путей. Безусловно, в условиях дефицита времени многие мероприятия делались наспех, без соблюдения советующих регламентов и правил, что приводило к ошибкам и недочетам, однако главную задачу по приспособлению порта к обработке больших объемов грузов выполнить удалось.

Значение Владивостока в снабжения российской армии военно-техническим имуществом можно выявить, сравнив грузооборот Архангельского и Владивостокского портов за годы войны. Если сравнивать номенклатуру товаров, доставленных в порты Белого и Японского морей, то в Архангельск поступали не только стратегические материалы, а в первую очередь сугубо военные грузы – оружие и боеприпасы. Во Владивосток же, кроме поставок оружия, главным образом поступало стратегическое сырье (цветные и черные металлы, порох, копра), станки и производственное оборудование, а также большинство заказов Министерства путей и сообщений. Всего же за годы войны во Владивостокский порт было доставлено 4 236 545 тонн различных грузов, а вывезено 3 272 881 тонн. В итоге, суммарный грузооборот порта составил 7 509 426 тонн [4, ф. 32, оп. 1, д. 32, л. 64]. Интересно, что грузооборот другого порта, который служил нашими главными морскими воротами в европейской части, – Архангельска составил за годы войны 10 229 977 тонн. Из которых 4 463 290 тонн приходилось на вывоз и 5 826 687 тонн на ввоз [10, с. 84]. Разницу в общем количестве грузооборота в пользу Архангельска можно объяснить тем, что данные по Архангельскому порту приводят совместно с другим портом Белого моря – Романова-на-Мурмане, а также тем, что через порт Архангельска вывозились товары во Фран-

цию и Великобританию и другие государства Европы, которые являлись нашими главными экспортными партнерами. Кроме того, во Владивосток грузы из США стали доставляться в конце 1915 г., а основная масса – в 1916-1917 гг., когда американские фирмы начали выполнять свои обязательства и предоставлять продукцию по контрактам, заключенным в 1914-1915 гг.

Таким образом, за годы Первой мировой войны порт Владивостока стал одним из главных пунктов, через которые ввозились военно-стратегические товары для армии и промышленности. Поэтому правительство царской России вкладывало значительные финансовые и материальные средства в модернизацию инфраструктуры Владивостокского порта.

Несмотря на то, что в результате войны план реконструкции порта существенно скорректировался, Владивостокский порт был модернизирован кардинальным образом. Это позволило Владивостоку принимать значительные объемы грузов, переориентировав свою деятельность с экспорта грузов на их импорт. За годы войны во Владивостоке сложились предпосылки для его дальнейшего развития в последующие десятилетия, а центральные власти осознали важность Владивостока и Дальневосточного региона для экономического и социального развития страны в целом.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Государственный архив Приморского края.
3. Российский государственный архив Военно-морского флота.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
5. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
6. Исиит Бенджамин. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917–1919 гг. Владивосток, 2013. 392 с.
7. Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. Владивосток, 1992. 201 с.
8. Мищенко В.Ф. Информационный бюллетень «Из истории строительства и развития КВЖД» М., 1976. 130 с.
9. Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957. 203 с.
10. Трошина Т.И. Великая война и северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012. 347 с.
11. Knox A. With the Russian army 1914-1917. London: hutchinson & co. paternoster row. 1921. Vol. I.

УДК 947; 088(571.63)

Власов С.А.

РЕФОРМА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИМОРСКОГО КРАЯ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются основные тенденции реформы жилищно-коммунального хозяйства Приморского края. На первом этапе за счет приватизация жилья ставилась задача сформировать класс собственников, способных полностью возмещать все затраты по оплате услуг и содержанию своего жилища. Установлено, что добиться 100%-го восполнения затрат на жилищно-коммунальные услуги не удалось. Выявлено, что наиболее сложные и финансово затратные проблемы (модернизация инфраструктуры, ликвидация ветхого и аварийного жилья) решались при участии федеральной власти.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; реформа; приватизация жилья; рост тарифов; субсидии; ликвидация аварийного жилья.

Vlasov S.A.

THE REFORM OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES OF THE PRIMORSKY KRAI: TENDENCIES, PROBLEMS, PROSPECTS

The article analyzes the main trend in the reform of housing and communal services of Primorye territory. At the first stay the task was due privatization to form a class of owners who can fully reimburse the cost of paying for the services and maintenance of the dwelling. It is found that to achieve 100% fill for housing and communal services are not able to cost. It was revealed that the most difficult and financially costly problems (modernization of infrastructure, the elimination of old and dilapidated housing) were solved with the assistance of the federal government.
Keywords: housing and municipal servicesБ reform; housing privatization; tariff growth; subsidies; elimination of emergency housing.

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является производителем и поставщиком услуг для населения, обеспечивая их жилища теплом, электроэнергией, водой, газом, санитарной очисткой, своевременным ремонтом. Выполняя функции по обслуживанию жилья, ЖКХ играет важную роль в социальной политике, поскольку затрагивает интересы населения, формирует качество жизни, культуру быта и образа жизни, определяет социально-политическую ситуацию, как по всей стране, так и на отдельных территориях. От работы системы ЖКХ зависит во многом кредит доверия, выдаваемый населением власти, а стало быть, и политическая стабильность в обществе.

Особую роль играет жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке, где остро стоит проблема закрепления трудовых ресурсов и, следовательно, необходимость обеспечения людей нормальными условиями проживания в сложных природно-климатических условиях. Среди всех регионов Дальневосточного федерального округа особое место занимает Приморский край: это самая заселенная территория, с большим числом городов и поселков городского типа, где ЖКХ играет важную роль в жизни людей. Исходя из этого, нами была поставлена цель – на примере Приморского края показать тенденции реформы ЖКХ, выявить (отразить) проблемы, сопутствующие ее реализации, и обозначить дальнейшие перспективы развития.

Реформа ЖКХ в Приморском крае началась после того, как были приняты Федеральные законы «О приватизации жилищного фонда в Российской федерации» (1991 г.), «Об основах федеральной жилищной политики» (1992 г.). На начальном этапе реформы ставилась задача за счет приватизации жилья создать класс собственников жилых помещений, которые будут самостоятельно (без участия государства) решать вопросы по содержанию своего жилища, оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), капитальному ремонту.

До начала приватизации (в 1990 г.) в Приморском крае в личной собственности граждан находилось 4,490 млн кв. м жилой площади, что составляло 13,5 % от всего жилого фонда края (33,143 млн кв. м) [10, с. 186]. В 1990-е гг. приватизация жилья приняла массовый характер, о чем свидетельствуют данные табл. 1. [10, с. 23; 11, с. 128].

Таблица 1

Приватизация жилищного фонда
в Приморском крае в 1991–1999 гг.

Показатель	1991	1992	1993	1995	1998	1999
Число приватизированных жилых помещений	586	42214	129703	24526	13750	15267
Общая площадь приват. жил. помещ., тыс. кв. м	25,3	2034,9	6135,2	1116,6	605,2	681,1

Массовая приватизация и новое строительство значительно изменили структуру жилищного фонда. В результате за десять лет реформ (к 2000 г.) в частной собственности оказалось почти 60 % всего жилищного фонда Приморского края. По состоянию на 2000 г. весь жилищный фонд Приморского края составлял 37,9 млн кв. м, в частной собственности (включая приватизированное жилье) находилось 22,5 млн кв. м (59,3 %), муниципальной – 12,1 млн (31,9 %), государственной – 2,7 млн (7,1 %), общественной и смешанной – 0,6 млн кв. м (1,6 %) [8, с. 10].

Приватизация жилья не привела к ожидаемым результатам, она не решила основных проблем ЖКХ, наоборот породила массу новых. Закон о приватизации дал возможность гражданам стать собственниками своего жилья, владеть, управлять и распоряжаться им. Но приватизация жилищного фонда не сформировала эффективного собственника, принимающего на себя все бремя ответственности за содержание, эксплуатацию и ремонт жилья. Сознание жителей края не изменилось, они, став собственниками жилья, психологически, по менталитету оставались квартиросъемщиками государственного жилищного фонда. Владея жильем, люди не были готовы полностью оплачивать услуги по его содержанию.

24 декабря 1992 г. был принят Закон «Об основах федеральной жилищной политики», согласно которому провозглашался принцип полного (100 %) возмещения затрат на коммунальные услуги, содержание и ремонт жилья за счет платежей граждан, т.е. была сделана попытка постепенно перейти на самоокупаемость ЖКХ. Предполагалось, что переход к бездотационному функционированию жилищно-коммунальной сферы будет завершен в течение пяти лет, к 1998 г. [1, с. 108]. В дальнейшем (в 1997 г.) этот срок был продлен до 2003 г.

Первые годы после принятия этого закона в Приморском крае наблюдались высокие темпы роста тарифов на услуги ЖКХ: в 1993 г. – в 16 раз, в 1994 г. – в 11, в 1995 г. – в 3,8 раза [8, с. 4]. Ежегодный рост тарифов был обусловлен рядом факторов, таких как: непоследовательное и несистемное осуществление реформирования ЖКХ, несовершенство законодательных актов и правоприменительной практики, преобладание на рынке коммунальных услуг локальных монополистов, отсутствие стимулов к снижению издержек у субъектов хозяйствования.

Рост тарифов привел к тому, что население края оказалось не в состоянии нести такую финансовую нагрузку. Высокие тарифы и низкие доходы населения не позволили перейти на 100%-ную оплату ЖКУ потребителями. Перевод ЖКХ на самоокупаемость и самофинансирование, в условиях стремительного снижения уровня жизни значительной части населения, галопирующей инфляции, невыплаты заработной платы объективно не мог дать быстрых позитивных результатов. Удалось лишь частично восполнить себестоимость расходов на ЖКУ (долю затрат в эксплуатационных издержках предприятий ЖКХ на жилищно-коммунальные услуги) за счет населения и довести их в Приморском крае до 40 % [4, с. 97].

Тарифная политика 1990-х гг. показала, что необходимо ее дальнейшее совершенствование для достижения баланса между финансовыми потребностями предприятий ЖКХ (самоокупаемости) и платежеспособностью потребителей.

Неспособность приморцев самостоятельно решать текущие коммунальные проблемы поставила вопрос о создании механизма социальной защиты населения от резкого повышения цен на коммунальные услуги. Поэтому рост платы за жилье и коммунальные услуги происходил одновременно с принятием мер по социальной защите населения, которая в соответствии с действующим законодательством осуществлялась в основном в виде:

- субсидий (компенсаций) на оплату жилищно-коммунальных услуг, предоставляемых малообеспеченным гражданам (в основном имеющим доход на уровне ниже величины прожиточного минимума);

- льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, предоставляемых населению независимо от материального положения (установленных по категориальному и профессиональному признаку).

Жилищные субсидии были установлены тем же Законом «Об основах федеральной жилищной политики». В соответствии с ним субсидии стали осуществляться за счет местных бюджетов и являлись дополнительным источником дохода домохозяйств. Однако система предоставления жилищных субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг по существу не создавала условий для практической реализации принципов адресной социальной помощи и обеспечения социальной справедливости, поскольку она содержала положения, определяющие право на получение таких субсидий вне зависимости от уровня доходов семей.

Все это вызвало необходимость внесения изменений и дополнений в действующий Закон «Об основах федеральной жилищной политики». В апреле 1997 г. по Указу Президента РФ была принята «Концепция реформы жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации», согласно которой предусматривались меры по совершенствованию механизма предоставления жилищных субсидий гражданам [6, с. 27-28].

Для поддержки малообеспеченных семей в Приморском крае были созданы специальные службы по выплате субсидий для оплаты жилищно-коммунальных услуг (включая ведомственные предприятия, предоставляющие гражданам субсидии на оплату ЖКУ). Субсидии получали семьи, в совокупном доходе которых расходы на ЖКУ превышали 22 % семейного бюджета.

С сентября 1998 г. Госкомстат России стал учитывать число семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, и ее размеры. По Приморскому краю мы располагаем статистическими данными с 2000 по 2014 г., что позволяет проследить динамику роста числа семей, получающих субсидии, и выяснить, насколько успешно решалась задача по переводу ЖКХ на самофинансирование и самоокупаемость (см. табл. 2 [12, с. 170-171; 13, с. 282-285]).

Таблица 2

Предоставление жителям Приморского края субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг в 2000–2014 гг.

Показатель	2000	2005	2010	2014
Число семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, тыс.	22,5	142,5	69,8	61
Число семей, получающих субсидии, в процентах от общего числа	3,0	18,4	9,4	7,8
Средний размер субсидии (руб.)	74	831	1184	1454
Доля семей, получающих субсидии в ДФО	11,4	17,2	10,4	8,2
Доля семей, получающих субсидии в РФ	7,7	11,9	7,3	6,1

Анализ таблицы показывает, что в Приморском крае «пик» получения субсидий пришелся на 2005 г. Данные в процентном отношении по ДФО и РФ показывают, что это было общероссийской тенденцией. В дальнейшем доля семей, получающих субсидии, стала снижаться, что свидетельствует о том, что, с одной стороны, правительство стало контролировать рост тарифов на ЖКУ, а с другой стороны, доходы россиян стали постепенно увеличиваться (в том числе жителей края) и число семей, обращающихся за субсидиями, сократилось. В Приморском крае в 2014 г. число семей, получающих субсидии, сократилось в 2,3 раза по сравнению с 2005 г.

Субсидии и льготы сделали услуги ЖКХ доступнее для потребителей Приморского края и помогли им справиться с ростом тарифов на ЖКУ. Но отрасль так и не перешла на самоокупаемость, поскольку помимо тех, кто не мог оплачивать ЖКУ из-за низких доходов, осталась проблема своевременной оплаты других потребителей за ЖКУ. Постоянно существующая задолженность за ЖКУ стал повсеместным явлением.

Самую большую категорию неплательщиков составляют социально значимые учреждения, отключение которых невозможно, – это поликлиники, больницы, школы, детские сады и т.д. Второй категорией неплательщиков являются организации, отключение которых может привести к «неблагоприятным экологическим последствиям» для граждан. Третьей категорией является население.

Необходимо отметить, что долги учреждений (юридических лиц) возникают зачастую не по вине их руководителей, а из-за финансовой необеспеченности со стороны федеральных и региональных властей. Долги населения связаны как с низкими доходами граждан, так и с высокими ценами на услуги ЖКХ. Граждане оказались психологически не готовы тратить значительную часть своих доходов на оплату ЖКУ, в сознании многих продолжали жить стереотипы советского времени, когда «коммуналка» обходилась намного дешевле. Согласно подсчетам, произведенным в 2013 г., 60–70 % россиян не платят вовремя за услуги ЖКХ, но лишь у 5–7 % из них реально нет на это денег [5].

Несвоевременная оплата ЖКУ породила проблему нехватки средств, результатом чего стала практика, когда планово-предупредительный ремонт объектов ЖКХ полностью уступил место аварийно-восстановительным работам. Инженерная инфраструктура стареет, ветшает, приходит в негодность. Неприемлемо высокий уровень физического и морального износа инженерной инфраструктуры приводит к значительным непроизводственным потерям энергии, воды и других видов ресурсов, которые покрываются за счет повышения тарифов на ЖКУ. Складывается порочная ситуация, при которой неплатежи потребителей не позволяют модернизировать инфраструктуру, а устаревшая инфраструктура побуждает повышать тарифы.

Проблема изыскания финансовых средств для модернизации коммунальной инфраструктуры являлась одной из главных в реформе ЖКХ. Помимо нее еще одной финансовой задачей, которую предстояло решить, стала проблема изыскания финансовых средств для капитального ремонта жилья, ликвидации ветхого и аварийного жилого фонда. В 1990-е гг. капитальный ремонт не производился, резко упали объемы нового жилищного строительства – все это ускорило темпы старения и выбытия существующего жилья. Из-за физического износа часть его оказалась в неудовлетворительном состоянии и перешла в категорию ветхого и аварийного жилого фонда. Долгое время этой проблеме не уделялось должное внимание как в Приморском крае, так и в целом по всей России.

В начале 2000-х гг. в Приморском крае 962 тыс. кв. м жилой площади было признано ветхим и аварийным, в том числе 162 тыс. кв. м были аварийными, т.е. жизни и здоровью людей, проживающих в них, имелась постоянная угроза. Однако для решения проблемы выделялись символические средства. Так, за четыре

года (2004–2007 гг.) на ликвидацию аварийного жилья и переселение граждан было выделено 140 млн руб. из федерального и 190 млн руб. из краевого бюджета [3], т.е. в среднем за год чуть более 80 млн руб.

Ситуация стала меняться после того, как в законодательстве произошли изменения. 1 марта 2005 г. вступил в действие новый Жилищный кодекс, согласно которому капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме должен проводиться за счет собственников жилищного фонда. 21 июля 2007 г. был принят Федеральный закон «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». Фонд создавался как некоммерческая организация, осуществляющая функции по предоставлению финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям на капитальный ремонт многоквартирных домов (МКД) и переселения граждан из аварийного жилья.

Создание фонда привело к тому, что в реформе ЖКХ спектр важных, приоритетных проблем расширился. Власти всех уровней обратили пристальное внимание на переселение граждан из аварийного жилфонда, капитальный ремонт МКД. Приморскому краю в 2008–2012 гг. для реализации программы капитального ремонта МКД и переселения граждан из аварийного жилья из средств фонда было выделено 6,47 млрд руб., еще 1,97 млрд руб. поступило из краевого бюджета. Это позволило капитально отремонтировать 1780 многоквартирных домов, предоставить 2399 новых квартир людям, жившим до этого в аварийных помещениях [9].

26 сентября 2013 г. Правительство РФ приняло Распоряжение «Об утверждении комплекса мер, направленных на решение задач, связанных с ликвидацией аварийного жилищного фонда». Согласно этому документу, во всех субъектах РФ был составлен перечень (список) жилых домов, призванных аварийными (по состоянию на 1 января 2012 г.), количество проживающих в них граждан. Все данные были направлены в правительство, и согласно им утверждены четкие показатели по общей площади аварийного жилья и количеству граждан, которых необходимо расселить до 1 сентября 2017 г. Для Приморского края они определены так: 131,23 тыс. кв. м аварийного жилого фонда, из которого необходимо расселить 8,4 тыс. чел. [2].

Одним из сдерживающих факторов эффективного проведения реформ в ЖКХ является нехватка квалифицированных кадров, прежде всего специалистов – управленцев среднего звена. За годы реформ значительно возросла численность различных организаций, управляющих объектами недвижимости, – это товарищества собственников жилья, управляющие компании, что увеличило спрос на специалистов по управлению многоквартирными домами. Для решения кадровой проблемы мэрия Владивостока была вынуждена в 2011 г. организовать школу «Управдом», где все желающие могут пройти обучение бесплатно по специальной программе. За пять лет работы школы «Управдом» обучение в ней прошли более трех тыс. чел. [7].

В январе 2016 г. премьер-министр Д.А. Медведев заявил, что утверждена Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2020 г. Среди ключевых направлений реализации стратегии – формирование активных и ответственных собственников помещений в многоквартирных домах. Кроме того, стратегия направлена на развитие предпринимательства, усиление конкурентной среды и привлечение частных инвестиций в сферу ЖКХ, совершенствование системы отношений между собственниками МКД, управляющими организациями и ресурсоснабжающими предприятиями, а также в целом на повышение энергетической эффективности отрасли. Реализация Стратегии развития ЖКХ до 2020 г. позволит повысить комфортность условий проживания, будет способствовать модернизации объектов ЖКХ, переходу на принцип использова-

ния наиболее эффективных технологий, обеспечению доступности МКД для инвалидов и других маломобильных групп населения. Все вышеуказанные задачи предстоит решить и в Приморском крае.

Список источников

1. Об основах федеральной жилищной политики: федеральный закон от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 (ред. от 22.08.2004) // Жилищное законодательство: сб. норм. актов и док. М.: СПАРК, 1996. С. 52-310.
2. Об утверждении комплекса мер, направленных на решение задач, связанных с ликвидацией аварийного жилищного фонда: распоряжение Правительства РФ от 26 сентября 2013 г. № 1743. URL: http://files.stroyinf.ru (дата обращения: 08.07.2016).
3. Верецкая Ю. Ветхого жилья станет меньше // Известия. 2008. 11 июня.
4. Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток: Примкрайстат, 1999. 310 с.
5. Две трети россиян не платят за услуги ЖКХ. URL: http://gkhprim.ru/news (дата обращения: 21.07.2016).
6. Жилищно-коммунальная реформа: документы и комментарии. М.: Социальная защита, 1997. 160 с.
7. Кудинов В. Школа «Управдом» во Владивостоке // Золотой Рог. 2015. 2 июня.
8. Об отдельных аспектах хода реформы в жилищно-коммунальном хозяйстве в Приморском крае в 2000 г. (комплексный доклад). Владивосток: Примкрайстат, 2001. 26 с.
9. Почти три тысячи приморцев справили новоселье. URL: http://gkhprim.ru/news (дата обращения: 20.04.2016).
10. Приморский край в 1993 г.: стат. ежегодник. Владивосток: Примкрайстат, 1994. 244 с.
11. Приморский край на рубеже третьего тысячелетия: стат. сб. Владивосток: Примкрайстат, 2001. 279 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 г.: стат. сб. М.: Госкомстат, 2002. 863 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015 г.: стат. сб. М.: Госкомстат, 2015. 1266 с.

УДК 94:908

Волгина Т.Л.

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Статья посвящена становлению детской психиатрической помощи в Приморском крае. Дается обоснование необходимости создания психиатрической службы в Приморье в конце XIX в., связанное с преобладанием в то время мужского населения, с тяжелыми условиями быта, труда и повсеместным пьянством, которое часто приводило к возникновению психических расстройств.

Ключевые слова: Приморский край; психиатрическая служба; детская психиатрия; история становления психиатрии; детской психиатрии в Приморском крае.

Volgina T.L.

THE FORMATION OF PSYCHIATRIC SERVICES FOR CHILDREN IN PRIMORSKY KRAI

The article is dedicated to creation of children's psychiatric service in Primorsky region. The author explains the necessity necessity of creating psychiatric service in Primorsky region in the end of the 19th century due to dominance of male population, poor standard of living and general alcoholism which often caused mental disorders. First asylum was found in Ussuriysk in 1904.

***Keywords*:** Primorsky region; psychiatric service; children's psychiatry; history of psychiatry establishment; history of children's psychiatry in Primorsky region.

Психиатрической службе Приморского края России в 2017 г. исполняется 113 лет, специализированной детской психиатрической службе – 57 лет, стационарной детской психиатрической помощи города Владивостока – 26 лет.

Для истории страны – это небольшой срок, для истории региона, освоение которого Россией началось чуть более 150 лет назад, – срок значительный.

Период, в течение которого в Приморье уже существовала психиатрическая больница, но при этом не оказывалась специализированная психиатрическая помощь детям, может показаться чрезвычайно долгим, если не учитывать общее развитие мировой психиатрии в целом. При анализе источников, описывающих становление психиатрии, можно установить, что детская психиатрия как отдельная научная и практическая медицинская область знания возникла, по сравнению со взрослой психиатрией, достаточно недавно.

Ю. Каннабих в своей книге [4] указывает, что первое отделение для душевнобольных впервые было открыто в 854 г. в городе Каире при многопрофильной больнице. Известный египетский психиатр Ахмед Окаша на XIII конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации, который состоялся в сентябре 2005 г. в городе Каире, озвучил другую версию, восточную, – Багдад, 705 г. [1].

Во многих источниках встречаются сведения о том, что первое специализированное психиатрическое учреждение в Европе возникло в Германии в 1326 г., вблизи города Эльбинг, либо, по другой версии, – в 1409 г. в Испании в г. Севилье.

История становления детской психиатрической службы неразрывно связана с историей общей психиатрии, и самое интенсивное ее становление приходится на вторую половину XIX в. В 1855 г. в госпитале Бисетра, в нескольких километрах от центра Парижа, открывается первое детское психиатрическое отделение. А в 1856 г. французский психиатр Помье защищает первую диссертацию о психических расстройствах у детей. Первая монография о детских психических расстройствах была написана также французским психиатром Берканом в 1864 г. [3, с. 19]. Началом же современной детской психиатрии считается конец XIX в., когда в Германии была опубликована первая книга по детской психиатрии Х. Эммингхауза (1887) «Психические расстройства детского возраста» [4].

В России рождение детской психиатрии как самостоятельной науки относится к началу XX в., несмотря на то, что научный интерес к детским психическим болезням наблюдался уже в начале XIX в., а первое лечебно-педагогическое учреждение для умственно отсталых и эпилептиков в России было открыто в 1854 г. Ф. Плацом в Риге. В 1908 г. в г. Санкт-Петербурге известным к тому времени отечественным психоневрологом, учеником знаменитого психолога-экспериментатора, основоположника психодиагностики В. Вундта, В.М. Бехтеревым был создан Психоневрологический институт с детским отделением при нем [3, с. 23].

Если вернуться к истории становления детской психиатрии Приморского края, то следует остановиться на некоторых исторических вехах развития психиатрической службы в целом. Несмотря на рано возникшую потребность в психиатрической помощи военному и гражданскому населению Приморья, становление ее проходило неравномерно.

В первое десятилетие со дня основания порта Владивосток помощь больным с психическим расстройствами практически не оказывалась. Специфика города-крепости повлияла на то, что это время в Приморье преобладало мужское население, состоящее в основном из военных и рабочих. Неустроенность быта, оторванность от Большой земли, от родственников, тяжелый физический труд приводили к повсеместному пьянству, нередко способствовали развитию алкоголизма, что, в свою очередь, нередко приводило к развитию острых психозов. Пьянство было рас-

пространено и среди интеллигенции. Вот как об этом писал посетивший в 1890 г. Владивосток А.П. Чехов: «Местная интеллигенция, мыслящая и немыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет нещадно, грубо и глупо, не зная места» [7, с. 30].

В некоторых источниках указывается о значительном росте показателей официальной статистики распространенности нервно-психических расстройств среди военных Дальнего Востока по сравнению со средним показателем данной патологии «в войсках империи» (2,7 и 0,9 % соответственно). По другим, не официальным данным, показатель распространенности нервно-психическими расстройствами среди военных Дальнего Востока доходил до 6,7 % [6, с. 19].

В 1872 г. в г. Владивостоке открылся военно-морской госпиталь, который оказывал медицинскую помощь военным, в том числе и с душевными заболеваниями [2, с. 96]. Гражданскому населению Приморской области уже в 80-е гг. XIX в. психиатрическая помощь оказывалась в больницах военного ведомства и Главного тюремного управления [5, с. 19].

Первая психиатрическая лечебница, обеспечивающая специализированной психиатрической помощью гражданское население всей Приморской области и располагавшая по началу всего 15-ю койками, была открыта в городе Никольск-Уссурийский (ныне город Уссурийск) 15 декабря 1904 г. по инициативе населения города и при содействии общества Красного Креста. В Приморскую область того периода входили, кроме самого Приморья, Хабаровский край, Магаданская, Камчатская и Амурская области, поэтому к июлю 1913 г. произошло увеличение коек до 68 [8, с. 3].

После открытия в 1904 г. в г.Уссурийске психиатрической больницы, долгое время, вплоть до 1940 г., она оставалась единственным стационарным учреждением края, куда при острой необходимости госпитализировались больные с различными психическим расстройствами со всех уголков Приморья.

В 1940 г. в г. Владивостоке при городской больнице (ныне – ГУЗ «Краевая клиническая больница № 1») было открыто первое стационарное психиатрическое отделение на 25 коек, которое к 1965 г. расширилось до 150 коек. Заведовали отделением Т.И. Жамкова, А.И. Бабич, а также Л.П. Маркова, впоследствии много лет возглавлявшая психиатрическую больницу, открытую в 1965 г. С 1953 по 1965 г. психиатрическую помощь оказывали в психоневрологическом диспансере, который в дальнейшем при реструктуризации был переподчинен психиатрической больнице.

Детская специализированная психиатрическая стационарная помощь в Приморском крае начала оказываться лишь в 1960 г. [8, с. 4] (по другим данным – в 1961 г.) [9, с. 12] в г. Уссурийске на базе Краевой психиатрической больницы, где было открыто детское отделение (отделение больницы № 15) на 40 коек. Там же впервые появляется возможность амбулаторного получения детской психиатрической помощи при диспансерном отделении.

Первым заведующим детским стационарным отделением Краевой психиатрической больницы стала врач Ярошенко (Боботкова) Александра Максимовна. Талантливый организатор, прекрасный специалист, Боботкова А.М. возглавляла детское отделение до 1974 г., организовывала (1955 г.) и позже возглавляла (1979–1987 гг.) работу врачебно-трудовой экспертной комиссии [9, с. 12]. После переезда во Владивосток Боботкова А.М. много лет, уже после выхода на пенсию, работала детским психиатром специализированных коррекционных образовательных учреждений, продолжая передавать свои знания, опыт и оптимизм молодым врачам-психиатрам. За свой труд Боботкова А.М. была удостоена звания «Заслуженный врача СССР».

С 1974 г. (за исключением периода 1978–1980 гг.) заведующим детским отделением стала Щедрина Ольга Владимировна, которая возглавляет отделение по настоящее время.

С 1978 по 1980 г. Ольга Владимировна трудилась врачом-психиатром в ведущем на тот момент в области детской психиатрии учреждении страны – детской

клинике Института психиатрии Академии медицинских наук СССР (с 1981 г. – Всесоюзный научный центр психического здоровья АМН СССР, ныне – ФГБНУ «Научный центр психического здоровья)» в г. Москве под руководством известного детского психиатра, доктора медицинских наук, профессора М.Ш. Вроно. Возглавлял Институт психиатрии психиатр с мировым именем, доктор медицинских наук, академик АМН СССР А.В. Снежневский.

По возвращении в г. Уссурийск Щедрина О.В. вновь возглавила детское психиатрическое отделение и вскоре была назначена краевым внештатным детским психиатром. Неоднократно училась на курсах повышения квалификации в ведущих психиатрических учреждениях страны. Высокий профессионализм, энергичность, оптимизм, высокая гражданская ответственность заставляли врача Щедрину О.В. выполнять эти, по сути общественные обязанности, долгие десятилетия. Помимо деятельности заведующей отделением, врачом-психиатром, краевым внештатным специалистом, Щедрина О.В., обладая глубокими знаниями в области психиатрии, судебной психиатрии, многие десятилетия работает судебным врачом-психиатром Отделения амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы. Щедрина О.В. – заслуженный врач СССР.

Вместе с Щедриной О.В. в детском отделении много лет проработала психиатром Яцуценко Елена Александровна, впоследствии – заместитель главного врача больницы по лечебной работе, главный врач, а в настоящее время – заведующая отделением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы.

Более чем 30 лет, вплоть до 1991 г., Краевая психиатрическая больница № 1 оставалась единственным в Приморском крае медицинским учреждением, оказывающим детскому населению края квалифицированную стационарную психиатрическую помощь. Многие ошибочно полагают, что стационарная психиатрическая помощь детскому населению в г. Владивостоке стала оказываться в 1992 г. Однако еще летом 1991 г., благодаря совместным усилиям заведующего кафедрой психотерапии, наркологии при Институте повышения квалификации врачей Владивостокского государственного медицинского института (ВГМИ), доктора медицинских наук, профессора Леонида Петровича Яцкова и главного психиатра департамента здравоохранения администрации Приморского края кандидата медицинских наук Геннадия Александровича Небогатикова открылось первое в истории г. Владивостока детское психиатрическое отделение на базе детской больницы № 5 Первореченского района. До этого года дети города имели возможность получать лишь амбулаторную психиатрическую помощь в диспансерном отделении городской психиатрической больницы, где работало пять детских психиатров (по одному врачу на один район города, из расчета – 1 врач на 50 000 детского населения). Помощь детскими психиатрами оказывалась в районных детских поликлиниках.

Поначалу открывшееся отделение называлось отделением пограничной психической патологии, сюда принимались дети с неврозами, заиканием, энурезами и т.п. Второе отделение больницы № 5 некоторое время продолжало выполнять функции соматического отделения.

2 февраля 1992 г. на базе детской больницы № 5 была открыта первая в истории г. Владивостока детская психиатрическая (психоневрологическая) больница. Первым главным врачом стал Артамонов Максим Николаевич, закончивший лечебный факультет ВГМИ в 1986 г., прошедший клиническую ординатуру на кафедре психиатрии и до этого возглавлявший стационарное наркологическое отделение в наркологическом диспансере города Владивостока. Ныне – главный врач ГУЗ «Краевая психиатрическая больница» г. Владивосток.

Первым заведующем отделения, а затем, с 1992 г., и первым заместителем главного врача по лечебной работе была назначена кандидат медицинских наук Волгина Татьяна Львовна, в настоящее время – доцент кафедры психиатрии и неврологии Тихоокеанского государственного медицинского университета. Вол-

гина Т.Л. окончила в 1986 г. педиатрический факультет ВГМИ, прошла в 1988 г. подготовку по наркологии при ВГМИ и в 1989 г. – по психотерапии в НИИ психиатрии им. Бехтерева в г. Ленинграде. В 1991 г. находилась на служебном прикомандировании в детском отделении краевой психиатрической больницы г. Уссурийска у Щедриной О.В.

Поскольку больнице нужны были квалифицированные кадры, в 1991–1992 гг. пять врачей больницы (Московская Е.А., Волгина Т.Л., Кузнецова Л.Н., Оропай И.В. и Гребенщикова И.В.) прошли общее усовершенствование на кафедре детской и подростковой психиатрии Уральского института усовершенствования врачей в г. Челябинске, возглавляемой известным детским психиатром Н.Е. Буториной.

В 1993 г. начался процесс создания амбулаторной психиатрической службы и завершился уже в 1994 г. при новом главном враче больницы Оропай (Базановой) Инге Витальевне (ныне – детский психиатр ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Приморскому краю») и заместителе главного врача по лечебной работе кандидате медицинских наук Покоеве Александре Ивановиче, в настоящее время возглавляющем территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по Сахалинской области в г. Южно-Сахалинске. Много лет главным врачом детской психиатрической больницы работала Гребенщикова И.В. – в настоящее время заведующая филиалом Краевого противотуберкулезного диспансера в г. Находке.

В дальнейшем на базе детской психиатрической больницы было открыто детское реабилитационное отделение. В 2002 г. больница была переименована и стала называться «Детская психиатрическая больница г. Владивостока», в 2005 г. в связи с реорганизацией психиатрической службы в Российской Федерации стала называться «Краевая детская психиатрическая больница».

Таким образом, более чем тридцать лет детское стационарное психиатрическое отделение при Краевой психиатрической больнице в г. Уссурийске было единственным в Приморском крае. С 1991 г., после открытия в г. Владивостоке детского отделения пограничных состояний, а с 1992 г. – больницы, у жителей краевого центра появилась возможность обследовать и лечить детей, страдающих психической патологией различного уровня, в пределах города.

В настоящее время в г. Владивостоке ведется строительство новой психиатрической больницы на 550 мест, в которой планируется открыть несколько отделений, в том числе и детское психиатрическое отделение. Это дает надежды на перспективу дальнейшего развития детской психиатрической службы в Приморском крае.

Список источников

1. XIII Всемирный конгресс по психиатрии: отчет // Независимый психиатрический журнал. 2005. № 4. С. 75.
2. Григоренко Г.Ф. История Владивостокского военно-морского госпиталя. Владивосток, 1985. Цит. по: Драматические страницы истории медицины Приморья // Тихоокеанский медицинский журнал. 2007. № 4. С. 96-98.
3. Исаев Д. Н. Психопатология детского возраста: учебник для вузов. СПб.: СпецЛит, 2001. 463 с.
4. Каннабих Ю. История психиатрии. Л.: Гос. мед. изд-во, 1928. URL: http://www.medklassika.ru/kannabix_1928/ (дата обращения: 30.11.2016).
5. Михалев П.В., Алмазкина М.П. Некоторые сведения о развитии гражданской и военной психиатрии на Дальнем Востоке // Региональные аспекты психического здоровья / под ред. В.Я Семке, Л.П. Яцкова. Владивосток, 1991. С. 19-24.
6. Михалев П.В., Долматова Л.С. К вопросу распространения пьянства, алкоголизма и другой алкогольной патологии среди населения Дальнего Востока во второй половине XIX века // Вопросы психоневрологической помощи: сб. работ, посвящ. 75-летию Приморской краевой психиатрической больницы / под общ. ред. Л.П. Яцкова. Владивосток, 1982. С. 18-20.

7. Шолох Е. На одну даму – пять кавалеров: штрихи к портрету города нашенского 1897 г. // Конкурент. 2007. № 19. С. 30.
8. Шмелев А.А. История развития Приморской краевой психиатрической больницы №1 // Вопросы психоневрологической помощи: сб. работ, посвящ. 75-летию Приморской краевой психиатрической больницы / под общ. ред. Л.П. Яцкова. Владивосток, 1982. С. 3-6.
9. Щедрина О.В. Детское отделение ГУЗ ПКПБ № 1 // К 100-летнему юбилею психиатрической службы Приморского края. Уссурийск, 2004. 24 с.

УДК 94(47).084.9

Дворецкая Т.А.

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1960-е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье речь идет о любительских театральных коллективах, а также народных театрах, которые являлись важным элементом в системе культурно-просветительских учреждений юга Дальнего Востока. Анализируется творческая деятельность театральных коллективов, делается вывод о высоком уровне работы, что вывело их за рамки обычных самодеятельных кружков и позволило называться народными театрами.
Ключевые слова: любительский театр; любительская театральная культура; юг Дальнего Востока России; художественная самодеятельность; народный театр.

Dvoretskaya T.A.

AMATEUR THEATRICAL CULTURE IN THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1960s – THE FIRST HALF OF THE 1980s: THE MAIN DEVELOPMENT TENDENCIES

In this article we are talking about amateur theatre groups, as well as folk theatres, which were an important element in the system of cultural-educational establishments in the Russian Far East. Analyzes the creative activities of theatre groups, the conclusion about the high level of work, which brought them beyond the usual amateur clubs and allowed to be called folk theatres.
Keywords: Amateur theatre; amateur theater culture; southern Far East of Russia; art performances; folk theatre.

В 1960-е гг. любительскому театру уделялось большое внимание со стороны государства и средств массовой коммуникации, так как на него возлагались надежды относительно воспитания молодежи и пропаганды политического строя. Прежде чем приступить к исследованию основных тенденций развития любительской театральной культуры на юге Дальневосточного региона, необходимо раскрыть само понятие самодеятельности и ее содержание, а также понятие самодеятельного театра.

Художественная самодеятельность – непрофессиональное художественное творчество народных масс в области изобразительного и декоративно-прикладного, музыкального, театрального, хореографического и циркового искусств, киноискусства, фотографии и др. [2, с. 52].

Художественная самодеятельность – одна из форм народного творчества. Она включает в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, народные театры) или в одиночку (певцы, чтецы, музыканты, танцоры, акробаты и др.)

Самодеятельные коллективы возникали при клубах, домах (дворцах) культуры, фабриках, заводах, учебных заведениях, воинских частях, колхозах, совхозах, на транспорте и т. д. [2, с. 23].

Работу клубного самодеятельного коллектива непосредственно организовывал его руководитель, осуществляющий набор участников, планирование и проведение учебно-воспитательной и концертно-исполнительской деятельности. Руководитель был обязан регулярно проводить учебные занятия продолжительностью не менее трех часов. Органом общественного самоуправления являлось общее собрание участников, которое избирало совет коллектива.

Коллективам художественной самодеятельности, осуществляющим активную деятельность по коммунистическому воспитанию, имеющим высокий идейно-художественный уровень репертуара и исполнительского мастерства, учебно-воспитательной и творческой работы, присваивали звание «Народного самодеятельного коллектива».

Художественная самодеятельность играла большую роль в деле эстетического воспитания трудящихся. Обогащение художественной сокровищницы социалистического общества достигалось на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства.

Устраивались смотры, фестивали. Благодаря развитию комплексного подхода к организации самодеятельного творчества, усиливалась взаимосвязь клубной художественной самодеятельности с художественной самодеятельностью трудовых учебных коллективов.

К концу 1950-х гг. сложился довольно значительный круг коллективов, по уровню своему стоящих значительно выше обычных самодеятельных кружков. Такие коллективы называли народными театрами [12, с. 2].

Любительский театр – это коллектив людей, влюбленных в искусство, но не являющихся профессионалами. Следовательно, свободных от всех традиций, в том числе и устаревших, и при том наиболее восприимчивых к новому.

Как правило, это коллектив людей, которые приходят в репетиционный зал из цеха, лаборатории, со строительства, поистине из гущи жизни. К примеру, в состав театральной труппы Владивостокского телевизионного театра входили А. Кучерчук, Л. Кузнецова, Л. Красносельская – педагоги, Т. Шелудкова, Ю. Беззубик, Л. Красотина – студенты, В. Нефедова – медсестра, В. Кошелев – такелажник, Ю. Гусельников – шофер [5, 12.06.1961].

В народном кукольном театре Комсомольска-на-Амуре под руководством супругов Богорад наравне со «старичками-кукловодами», опытными исполнителями – воспитательницей детсада Людмилой Самсоновой, слесарем Павлом Черняковым, мотористкой Усмановой, машинисткой Марией Прокопьевой – Харьковой, крановщицей Никифоровой – трудились и молодые участники коллектива [7, 23.12.1962].

В театре завода «Радиоприбор» участвовали люди разных профессий и возрастов: инженер Е. Петров, слесарь А. Зацепин, инспектор управления Т. Жидких, монтажница М. Гвоздикова, ученик Ермоленко [5, 12.02.1981].

Примечательно, что любительский театр не являлся профессией, поэтому люди, занимающиеся этим видом искусства, помимо основной работы должны были изыскивать для него отдельное время.

Как сообщалось в газете «Боевая вахта», «с утра на заводе, в гостинице, школе человек трудился весь день. А вечером он идет в клуб, где его ожидает очередная репетиция. Это его стихия, его страсть» [3].

«В Дземгинском народном театре Комсомольска-на-Амуре собрались именно такие любители театрального искусства», – отмечают зрители… – и не удивительно, что этим коллективом поставлены уже «Годы странствий» Арбузова, «Стряпуха» Сафронова, «Нашествие» Леонова» [7, 1960]. Газета «Молодой

дальневосточник» писала: «В 1961 г. дземгинцы вынесли на суд общественности результаты своего большого труда: пьесу М. Шатрова «Именем революции» [6, 14.06.1961].

Создать образ Владимира Ильича удавалось далеко не каждому даже большому актеру. И вот участнику драмкружка шоферу Михаилу Кузьмину поручают эту большую и ответственную роль. Начались дни упорных репетиций. Итог работы – зрительский зал тепло приветствовал правдивую и искреннюю игру артиста. Согласно статье в газете «Молодой дальневосточник» за 1961 г. этот спектакль «Именем революции» – важный экзамен. Выдержан он с честью. Вся постановка оставила цельное впечатление своей собранностью, добротностью. Спектакль волновал, побуждал к размышлениям. Большая заслуга в этом опытного режиссера, педагога Александра Антоновича Скоромникова [6, 14.06.1961].

В 1960-е гг. любительские театры юга Дальнего Востока России стали одним из важнейших средств эстетического и культурного воспитания, прежде всего, сельского населения, так как, по статистике, около половины спектаклей любительские театры показывали сельскому зрителю, в основном на выезде [7, 23.12.1962].

В 1961 г. исполнилось 25 лет со времени основания театра Дальневосточного военного округа. «Семь месяцев в году театр проводит на гастролях. Из двадцати пяти лет, пятнадцать мы были в пути», – вспоминал художественный руководитель театра, заслуженный артист РСФСР А.С. Ларский и продолжал: «… наши гастрольные труппы выступали в самых разных дальних уголках Приморского и Хабаровского краев, Забайкалья, на Сахалине, Камчатке, Иркутске, в Китае, Корейской Народно-Демократической Республике» [5, 14.11.1962].

В любительских театрах, куда люди приходили не для заработка, а исключительно из любви к творчеству, движимые стремлением создать новые художественные ценности, были благоприятные возможности для творческого процесса и высокой этической атмосферы. Но, несмотря на это, в тот период существовали проблемы, которые мешали участникам коллектива обращаться к качеству спектаклей.

В 1960-е гг. сложилась такая ситуация, когда происходило накопление количества любительских театров и их спектаклей, когда редко задумывались о художественных задачах, а гнались, в основном, за производственными планами. Примечательным примером здесь является деятельность Владивостокского телевизионного театра. 12 июля 1961 г. во Владивостокском телевизионном театре состоялась премьера спектакля «Здравствуй, Катя!» [5, 12.07.1961]. Пьеса М. Львовского по своим достоинствам, как отмечали критики, была далеко не безупречна, но несла в себе актуальную, нужную зрителю, особенно молодежному, проблематику.

«Береги чистоту и ясность своего мировоззрения смолоду!», «Будь непримирим в идейной борьбе и к своим собственным недостаткам», «Умей жить, любить трудиться красиво» – вот те заповеди, которые были провозглашены в спектакле «Здравствуй, Катя!». Они были услышаны зрителями, об этом свидетельствовали их отзывы. Но одно это не решало дела. Требовалась большая внутренняя мыслительная и эмоциональная подготовленность [6, 14.06.1961].

«Сцена лишена внутреннего смысла и ясной цели и потому внешне неорганизованна, пестра; актер вступает в противоречие с текстом пьесы и снижает идейное звучание роли; самодеятельный театр, борющийся за звание народного, – одно из примечательных явлений культурной жизни наших дней», – отмечал режиссер театра М. Львовский [5, 12.06.1961].

В 1962 г., на третий год своего существования, Владивостокский телевизионный театр получил звание «народного». За это время театр представил 16 спектаклей и поставил 6 инсценировочных рассказов. Работа театра строилась так, чтобы она приносила участникам радость творчества, помогала в работе

и учебе. Ведь творческий процесс создания спектакля – это хорошая школа для тех, кто любил театр в себе, а не себя в театре. Руководитель театра, народный артист РСФСР Николай Семенович Колесников, опытный педагог и большой мастер сцены распределял роли так, чтобы в процессе работы над ролью развивались творческие возможности и природное дарование исполнителя [5, 07.09.1962].

Такой метод сказался на результате: участники телевизионного народного театра Григорий Девятинин, Юрий Коломеец и Владимир Скороходов в 1963 г. были приняты на театральный факультет Дальневосточного педагогического института искусств [5, 14.11.1962].

Постепенно накапливался опыт. В процессе репетиций исполнители знакомились с основными принципами системы Станиславского, осваивали технику сценического движения, мастерство современного актера. Приобретенные исполнительские навыки позволили перейти к постановкам таких больших многоплановых спектаклей, как «Якорная площадь» Штока [5, 09.03.1963].

Таким образом, в 1960–е гг. в городах юга Дальнего Востока наблюдалось стремление ряда коллективов превратиться, по существу, в полупрофессиональные театры, старающиеся, прежде всего, ставить больше премьер и показывать побольше спектаклей [12, с. 3].

Именно поэтому многие любительские театры, едва появившись на свет, стали потребителями и распространителями сценических штампов. Актеры играли приблизительных, обобщенных персонажей: военных, аристократов, революционеров и т.д., не видя в своем персонаже ни капли индивидуальности.

Получив заветный статус «народный», театры начинали сдавать позиции: к примеру, народный театр Дальзаводского Дома культуры им. Ильича за 1967 г. поставил ряд спектаклей слабых по своему содержанию [6, 05.05.1967]. «Теряли свою былую славу боевых пропагандистов подлинного искусства и некоторые другие народные театры – драматические при Тетюхинском Доме культуры горняков и при Находкинском Дворце культуры моряков», – отмечалось в газете «Красное знамя» за 1968 г. [5, 24.11.1968].

Все это происходило оттого, что вопросы развития любительских театров часто рассматривались сами по себе, вне общих проблем движения и роста театральной культуры в целом. Отсюда также возникла попытка рассматривать любительские театры чуть ли не в качестве исключительной формы театрального искусства, которой принадлежит будущее.

И все же, несмотря на все проблемы, нужно отметить, что любительское театральное искусство в городах юга Дальнего Востока России к концу 1960-х гг. стало более зрелым, спектакли более удачными, режиссеры были если не профессионалы, то теоретически подкованы.

Показательным примером является история создания кукольного театра в Комсомольске-на-Амуре. Первыми организаторами кукольного театра в Комсомольске-на-Амуре были супруги Антонина Ивановна и Семен Иосифович Богорад. С.И. Богорад был хорошо знаком с принципами работы кукольного театра и сумел увлечь школьников. Ребята сами сделали куклы, сшили костюмы, соорудили ширму [7, 23.12.1962]. Серьезные искания, настоящая творческая увлеченность привлекли и взрослых участников художественной самодеятельности, которые обратились с просьбой организовать кукольный театр для взрослых. Когда в конце 1950–х гг. разнеслась весть о создании самодеятельных народных театров, энтузиасты–любители кукольных представлений решили тоже бороться за это почетное звание. Так, в обязательствах Дворца культуры появился пункт: создать народный театр кукол.

Затем родилась мысль выехать на гастроли в ближние города – Николаевск-на-Амуре и Совгавань, в отдаленные поселки, завершить поездку показом своих спектаклей в краевом центре [7, 23.12.1962].

От выступления к выступлению росла уверенность участников в пользе их творческой работы, росло их мастерство, повышалось качество спектаклей. И наконец, в 1962 г. кукольный театр вызвали на смотр театральных коллективов. После просмотра нескольких спектаклей комиссия дала высокую оценку кукольникам, присудив им диплом первой степени, а Хабаровский краевой совет профессиональных союзов присвоил коллективу звание народного театра кукол [3]. Это был первый народный кукольный театр не только на Дальнем Востоке, но и в Российской Федерации. Ставились спектакли: «Ночь перед Рождеством» Сперанского (по Гоголю): «По щучьему велению» Тараховской, «Приключения Незнайки» Носова, «Рыжник» Гащеля, «Божественная комедия» А. Штока [7, 23.12.1962].

Еще одним примером являлся Биробиджанский народный театр, работавший в драматическом жанре. В 1969 г. он отмечал юбилей. Возвращаясь к истокам, режиссер театра вспоминал, что в 1957 г. небольшая группа любителей театрального искусства решила организовать драматический кружок: «Мы и не думали тогда называться театром… во-первых, нас было мало, всего 13 человек, во-вторых, не было опыта и даже хорошего помещения, где бы можно было проводить репетиции. И уж, конечно, не могло быть речи о костюмах и декорациях. Долго выбирали пьесу, остановились на спектакле В. Розова «В поисках радости». Репетировали в областном музее, ведь Дворца культуры тогда не было. Работали с увлечением. Спектакль удался. Воспрянув духом, мы взялись за вторую серьезную работу – «Барабанщицу» А. Салынского. За этой работой последовали спектакли «Орфей спускается в ад» Уильямса, «Женитьба Бальзаминова» А.Н. Островского и много других. Со спектаклем «Женитьба Бальзаминова» мы выступали в Кремлевском дворце съездов на Всероссийском смотре народных театров, где стали лауреатами конкурса» [1].

Немаловажным для развития самодеятельного искусства в дальнейшем на юге Дальневосточного региона являлись различные конференции, которые проводились с участием заслуженных артистов и работников культуры центральной части страны.

27 октября 1965 г. в Биробиджанском Дворце культуры начала работу творческая конференции режиссеров народных театров Восточной Сибири и Дальнего Востока, которую проводило Министерство культуры РСФСР, Центральный дом народного творчества и Всероссийское театральное общество [4].

Участники конференции заслушали доклад старшего инспектора отдела художественной самодеятельности Министерства культуры РСФСР Л.И. Заславской об итогах второго Всероссийского смотра народных театров и задачах театра в связи с подготовкой к 50-летию советской власти. Главный режиссер Центрального дома народного творчества им. Н.К. Крупской А.М. Давиденко рассказал о принципах формирования репертуара народных театров. С большим вниманием собравшиеся выслушали доклад заслуженного деятеля искусств РСФСР Николая Васильевича Никольского – «Работа режиссера с исполнителями» [4].

Нужно отметить, что все усилия не оказались напрасными – они приводили к росту самодеятельных театральных коллективов и их развитию.

Информация, содержащаяся в газетах периода 1960–х гг., дает нам возможность проанализировать основные тенденции развития театрального любительства на юге Дальнего Востока России на примере Приморского края.

К концу 1960–х гг. на территории Приморского края действовало 8 народных и более 300 самодеятельных коллективов, объединяющих почти 15 тыс. любителей театрального искусства [5, 10.11.1969].

Рабочие, колхозники, служащие, специалисты промышленности, сельского хозяйства, люди науки, преподаватели и учащиеся отдавали свой досуг художественному творчеству [5, 05.03.1966].

Каждый из театральных коллективов, особенно народные театры, искали собственные пути в большое искусство, постепенно обретая свое творческое лицо. Всех объединяло стремление внести в массы трудящихся коммунистические идеи, языком сценического искусства разговаривать с товарищами по труду о самых насущных вопросах, волновавших их в то время.

Только за 1966 г. народные театры Приморского края показали свыше 300 спектаклей и обслужили около 300 тыс. тружеников города и села [10, с. 3].

Смотр народных самодеятельных театров и театральных коллективов Приморского края являлся составной частью Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства, посвященного 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Он показал, как возрос идейно-художественный уровень театральной самодеятельности, и вызвал новый подъем творческой активности любителей театрального искусства [6, 05.05.1967].

В репертуаре самодеятельных театров 1960-х гг. преобладали пьесы советских драматургов, произведения русских классиков. Предпочтение отдавалось тем, которые глубоко и содержательно показывали жизнь советского общества того времени, пьесам, в которых раскрывались лучшие качества советского человека, его героическое начало, высокая гуманность [6, 06.09.1967].

Особенно заслуживают внимание народный театр Дворца культуры им. Ильича г. Владивостока, народный театр «Юность» г. Уссурийска, драматический коллектив Дворца культуры угольщиков г. Артема, народный театр Дворца культуры моряков г. Владивостока, народный театр села Ново-Покровка Красноармейского района. В этих театрах произошли большие изменения в росте театральной культуры, актерском мастерстве, в техническом оформлении.

Тщательная продуманность каждой детали становилась все более характерной чертой для спектаклей народных театров. Как отмечали критики любительской театральной сцены, «с большим вкусом, пониманием жанра поставил спектакль А. Галиева «Игла и штык» режиссер В. Мартынов (Дворец культуры им. Ильича г. Владивостока)» [5, 11.06.1968], … «хорошей творческой удачей можно считать оформление спектаклей «На рассвете» О. Сандлера, «Алеко» С. Рахманинова (художник В. Прокуров, Дворец культуры моряков г. Владивостока), «Солдат и Ева» Е. Борисовой Артемовского драматического коллектива» [5, 03.11.1969].

Однако, несмотря на положительные итоги смотра, также было отмечено и немало недостатков в работе народных театров, в руководстве ими со стороны отделов культуры, отделения ВТО и профессиональных театров.

При общем благополучном репертуаре приходилось сталкиваться с фактами явной нетребовательности к драматическому материалу. Нередко силы коллектива затрачивались на преодоление схематизма и мелодраматизма пьес такого типа, как «Была ли Атлантида?» И. Луковского, «Зовут голубые дали» И. Ларева [5, 16.11.1969].

Имелись и такие режиссеры народных театров, которые не учили самодеятельного актера правильной игре на сцене, довольствовались штампами наигранности. Например, в спектакле И. Луковского «Была ли Атлантида?» (режиссер А. Мжельская, село Хороль) не было «главных узловых моментов… не создана атмосфера, в которой происходит пьеса» [10, с. 3].

Всероссийский смотр самодеятельных коллективов подтвердил, что в условиях самодеятельности возможно создание стабильных театральных коллективов, работающих систематически, регулярно показывающих спектакли жителям своего города, поселка, ведущих при этом определенную гастрольную работу.

Анализируя отзывы о любительской театральной культуре в периодической печати, можно сделать вывод, что в 1960–е гг. об ошибках и недостатках в работе народных театров говорилось меньше, чем об их достоинствах, так как

надо было, поддержав все хорошее и ценное, утвердить, отстоять право этих коллективов на жизнь в искусстве.

В 1970-е гг. сильно изменился характер работы любительских театров, критерии оценок. Пусть самая серьезная, но «отстраненная» трактовка классики, не соотнесенная впрямую с современностью, с глубоко личными наблюдениями и впечатлениями артистов, оставляла зрителя безучастным и холодным [12, с. 4]. Одной лишь непосредственностью уже было никого не удивить, разве только родственников и хороших знакомых. Любительские театры 1970-х гг. обнаруживают стремление освободиться от трактовки, рожденной чужим мышлением, найти и воплотить собственное, живое и соответствующее окружающей жизни восприятие того или иного произведения [8, с. 203]. В это время любительские театры определяли свою функцию следующим образом: высказаться в образах по поводу всех сторон жизни.

Специфичность любительского театра как явления в 1970-е гг. можно обнаружить и в том, что с помощью искусства познание мира массами стало действенным. Огромное количество людей включалось в этот процесс, познавало себя в творчестве. Цель многих коллективов 1970-х гг. – создать некий «театр общения», где зритель должен участвовать почти на «равных» с актерами [12, с. 5].

Избежать дидактики, толкнуть разум и чувства зрителя не только к деятельности, но к определенным выводам, сделанным самостоятельно в результате увиденного в театре, – такая тенденция была свойственна многим любительским театрам в 1970-е гг.

Важным в это время было и понимание того, что любительское театральное искусство резко отличается от профессионального, и любая попытка достичь профессионального уровня обернется скорее плагиатом, чем качеством спектакля и собственным пониманием поставленной проблемы. Важным явилось и понимание того, что отдельный любительский коллектив отличался не только от профессионального театра, но и от любого другого самодеятельного коллектива, так как придерживался стилевых норм местности, в которой он функционирует, то есть самодеятельное искусство этнографично.

В 1970-е гг. любительским театрам, прежде всего, нужны были квалифицированная помощь и профессионально-требовательная оценка их работы в связи с тем, что возросли как уровень любительских коллективов, так и требования публики к ним. Новым свидетельством внимания партии к развитию художественной культуры советского народа является решение ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, коллегий Министерства культуры СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Государственного комитета Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию «О проведении первого Всесоюзного фестиваля художественного самодеятельного творчества трудящихся» (1975) [9, с. 73]. Такие фестивали предполагалось проводить раз в 5 лет. Первый фестиваль (1975–1977) был посвящен 60-летию Октябрьской революции [2, с. 111].

В 1970–е гг. в Приморском крае наблюдался, в сравнении с прошлыми годами, количественный и качественный рост народных театров. Объединив около тысячи артистов-любителей, пятнадцать профсоюзных народных коллективов только в этом году дали многие сотни высокохудожественных концертов. Хорошо зарекомендовали себя сельские народные театры драмы: Ольгинский, Октябрьский, Пограничный.

В июне 1974 г. завершился традиционный смотр самодеятельных театральных коллективов «Театральная весна–74». Были отмечены спектакли коллективов Домов культуры им. Ильича Дальзавода, «Горняк» Дальнегорска, завода «Радиоприбор», Дворца культуры угольщиков г. Артема, что свидетельствует о высокой требовательности самодеятельных исполнителей к драматургическому материа-

лу. «Как показал смотр, многим коллективам сегодня под силу постановка больших и сложных пьес, требующих умного, вдумчивого прочтения и мастерского сценического воплощения. Так, например, народный театр Дома культуры им. Ильича Дальзавода показал спектакль по пьесе Б. Черенева «Рабочая хроника» в постановке режиссера С. Гришко. Спектакль с большой достоверностью раскрыл взаимоотношения поколений в рабочей семье», – отмечал зритель [5, 24.07.1974].

Интересна судьба актрисы театра Евгении Андреевны Шалудиновой, в прошлом электросварщицы. Совсем юной пришла она в драматический коллектив. Общение с миром искусства обязало ее по-новому взглянуть на окружающую действительность, заставило учиться.

Е.А. Шалудинова окончила техникум, стала техником-технологом, затем инженером. Но не ослабевало ее увлечение искусством. Десятки самых разнообразных ролей сменила она более чем за 25-летний период работы в народном театре, ролей больших и маленьких, главных и эпизодических. В каждой она находила что-то новое, свое. Увлечение переросло в любовь, в потребность постоянно совершенствоваться, работать над собой, над ролью, систематически изучать драматургическую литературу. В начале 1970-х гг. Е.А. Шалудинова стала директором Дворца культуры им. 50-летия Октября, ведущей актрисой народного театра [6, 22.05.1971].

Отличительной чертой в развитии любительского театра на юге Дальнего Востока России стало то, что в репертуаре народных театров ведущее место стали занимать пьесы и музыкальные произведения советских драматургов и композиторов, отражающие героико-патриотическую тему современности, военные и трудовые подвиги советских людей [7, 04.01.1970].

После специального постановления коллегии Министерства культуры РСФСР приобретала некоторую планомерность шефская деятельность профессиональных театров. Начиная с 1970-х гг., профессиональные театры имели подшефные народные театры, которым должны были оказывать помощь, давать творческие консультации. Но зачастую подобное шефство носило формальный характер. Например, театр им. М. Горького шефствовал в начале 1970-х гг. над народным театром Красноармейского района и посылал для консультаций сегодня одного «попавшегося под руку» свободного от спектаклей актера, завтра – другого [5, 02.11.1972]. Такая шефская помощь мало способствовала творческому росту самодеятельных артистов.

Также в качестве недостатков в 1970–е гг. указывалось отсутствие творческих встреч, конференций, которые бы содействовали развитию самодеятельного театрального искусства, выявляли проблемы в деятельности. Газета «Красное знамя» писала: «Не используются в полной мере такие формы работы, как творческие встречи коллективов, обсуждение спектаклей со зрителями. Не проводятся в крае творческие конференции по проблемам развития театральной самодеятельности. Не слишком деятельное участие принимают члены краевого отделения Всесоюзного театрального общества, ссылаясь на большую занятость» [5, 24.07.1972].

Проблемой было также оформление спектаклей и подбор костюмов. Наглядный тому пример: отсутствие декораций в значительной степени снизило впечатление от неплохого спектакля Дома культуры Дальнереченского деревообрабатывающего комбината [5, 24.07.1974].

В 1970-е гг. возникают споры по поводу сущности, задач и целей любительского театра. Появились две основные точки зрения. Первая доказывала: цель любительского театра – воспитать и духовно обогатить участников коллектива в процессе создания спектакля, то есть важен не результат, а процесс. Вторая точка зрения была противоположна первой и абсолютизировала конечный результат – качество спектакля [12, с. 6].

Но в обоих случаях не принималась в расчет главная особенность деятельности любительских театров в этот период: предрасположенность к новизне, к самым разнообразным исканиям, экспериментам.

Споры разрешились только в 1980-е гг., когда пришли к выводу о взаимосвязанности этих двух функций: социально-воспитательной и художественно-творческой, ведь для любительского театра неразрывны процесс и результат. При всей обязательности художественной функции, без которой вообще нет театра, работа самодеятельного драматического коллектива, в первую очередь, определялась его социально-воспитательной деятельностью. Но социальное и творческое формирование коллектива осуществлялось в процессе работы над спектаклем и показа его зрителю.

Чем успешнее этот процесс был, тем более высокие творческие задачи может ставить и решать театр, тем лучше будут его спектакли.

К примеру, обычный самодеятельный театр завода «Радиоприбор» к 1980-м гг. стал народным, заслужил звания лауреата Всесоюзного и Всероссийского фестивалей самодеятельного творчества трудящихся, лауреата премии приморского комсомола.

Творческому росту помогал требовательный зритель. Традиционными стали встречи со зрителем. В цехах, где работали участники самодеятельного театра, рабочие высказывали свои пожелания. В 1973 г. он получил звание «народный» за спектакль А.Н. Островского «Поздняя любовь». Также в этот год почетный член народного театра А.А. Присяжнюк получил звание народного артиста СССР. Всего за 15 лет театр показал 700 спектаклей, 260 из них – на селе [5, 21.07.1981]. Большое внимание развитию коллектива уделяли администрация, партийная, профсоюзная и комсомольская организации, считая театр «цехом культуры завода». Наградой за творческие успехи стало присвоение режиссеру З.П. Савалюк почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР [5, 12.02.1981].

Амурзетский народный театр в 1981 г. праздновал 20-летний юбилей. «В режиссерской, – отмечает корреспондент краевой газеты, – где все стены в дипломах и афишах, можно проследить весь долгий путь становления коллектива… «Не было ни гроша, да, вдруг алтын», «Игла в штык», «Когда опаздывают поезда», «Остров Афродиты», «Круглый стол с острыми углами» [7, 10.09.1981].

В состав труппы входили: администратор гостиницы Г.Ф. Расторгуева, педагог И.С. Гребенникова, начальник районного отделения «Союзпечати» Е.С. Айзенштат, клубный работник А.Г. Зубанев, а также десятки людей других профессий. «Жить без сцены я уже не могу», – признавалась Е.С. Айзенштат, участвовавшая в самом первом спектакле … «и не только для меня театр стал праздником на всю жизнь. Несколько лет назад от нас ушел Ефим Звеняцкий. Сейчас он один из ведущих артистов Приморского краевого драматического театра имени Максима Горького». Из проблем, волновавших театр, вспоминала, что у народного по статусу театра нет штатного художника, осветителя, гримера и костюмера. «Все делается своими руками» [7, 10.09.1981]. Однако, как отмечали зрители и критики, оформлению спектаклей можно было позавидовать.

В итоге главная установка существования и развития любительского театра юга Дальнего Востока России первой 1980-х гг. делалась на то, что «все делаем сами». Для самодеятельных артистов ни реквизита, ни декораций, ни костюмов, ни осветительной и иной аппаратуры никто не производил. Что сумели добыть или выпросить – тому и были рады. Вся мебель, все декорации, все костюмы – дело рук участников любительского театра.

В 1980-е гг. задумались также и об оценке результатов работы любительских театров в ходе различного рода смотров, конкурсов, фестивалей, так как существовавшая система была несовершенна. Остро ставился вопрос и о подготовке

руководящих кадров (который возник еще в конце 1960-х, но так и не был решен) [8, с. 203].

В это время возникло серьезное противоречие между участниками любительского театрального движения и его руководством (администрацией домов культуры и методических органов): для первых важны были качество спектакля, уровень творческого процесса, они стремились к глубокому и серьезному постижению искусства и пытались реализовать себя в художественном творчестве, вторые же были ориентированы, в основном, на формальные показатели работы, их устраивал «средний» уровень коллективов, выполняющих все требования инструкций, участвующих во всех мероприятиях домов культуры.

Подводя итог, нужно отметить, что, начиная с 1960–х гг. XX в., Советское государство активно содействовало удовлетворению духовных запросов городских и сельских тружеников: начиная с 1960–х гг., возросла сеть культурно-просветительских учреждений, укрепилась их материальная база.

В начале 1970–х гг. только в Приморском крае прибавилось три городских, два сельских дворца и дома культуры, около 70 клубов преобразованы в дома культуры. Таким образом, в крае не осталось населенных пунктов, которые не имели бы стационарного центра культуры или не обслуживались передвижным. Данная тенденция наблюдалась и в других районах юга Дальнего Востока России.

Любительские театральные коллективы, а также народные театры являлись важным звеном в цепи культурно-просветительских учреждений.

В той ситуации, когда в мире обострилась идеологическая борьба между социализмом и капитализмом, народные театры и другие учреждения культуры призваны были еще больше активизировать свою работу по идейному воспитанию трудящихся, полнее удовлетворять их эстетические запросы, особенно в отдаленных районах. И спрос с таких самодеятельных коллективов был такой же, как и с профессиональных.

На протяжении исследуемого периода на юге Дальнего Востока России наблюдался не только количественный, но и качественный рост любительских театральных коллективов, постепенно становившихся «народными». Перед народными театрами стояла важная задача дальнейшего углубления и расширения своей деятельности. Если театры не выполняли эту задачу, партия действовала через Краевое управление культуры.

Каждый участник художественной самодеятельности, каждый член народного театра – боец партии на фронте идеологического и эстетического воспитания трудящихся – в таком русле развивалась политика Советского государства в отношении любительского театрального искусства в СССР и на юге Дальнего Востока России, в частности, до второй половины 1980-х гг. Уже к концу 1970-х – началу 1980-х гг. работники культуры обозначили некоторые кризисные моменты и проблемы в развитии провинциального самодеятельного театра, но пока продолжала проводиться централизованная государственная политика в отношении провинциальных театральных коллективов, эти моменты оставались незамеченными. Ситуация обострится позже в связи с децентрализацией управления культурой и переходом театров к финансовой независимости.

Советская идеология, ориентированная на обслуживание государства, на протяжении нескольких десятилетий требовала от деятелей искусства единомыслия и утверждения безоговорочных социалистических ценностей. Искусство, как профессиональное, так и самодеятельное, выступало частью тотального идеологического воздействия, направленного на решение программных социально-политических и конкретных народнохозяйственных задач. Оно призвано было играть особую роль в формировании мировоззрения советского человека, его идейной убежденности.

Централизованное управление культурой выдвигало перед всеми творческими коллективами единый комплекс социокультурных и производственных задач. Театры, подобно прочим учреждениям культуры, декларировали одни и те же цели. Соответственно, существовали они на основе одной организационной модели – стационарного репертуарного театра. Каждый театр вынужден был приспосабливать универсальный организационный механизм к специфическим условиям. Сделать это в провинции было не просто.

Приходилось манипулировать плановыми показателями, лозунгами, статистическими отчетами. Тем самым создавалась иллюзия, что каждый театр способен с одинаковым успехом решать комплекс социальных, художественных и культурно-просветительских задач. Последовательное утверждение планового, творческого, производственного и экономического существования театральных коллективов завершилось распространением на них в конце 1960-х гг. действия Положения о социалистическом государственном предприятии. Принципы и методы планирования деятельности театрально-зрелищных предприятий, заложенные в этом документе, просуществовали до так называемого «перестроечного периода» – до конца 1980-х гг. [11, с. 26].

Список источников

1. Амурская правда. 1969. 13 апреля.
2. Бакланова Т.И. Организация и научно-методическое обеспечение художественной самодеятельности. М., 1992.
3. Боевая вахта. 1962. 30 декабря.
4. Биробиджанская звезда. 1965. 27 октября.
5. Газета «Красное Знамя» (г. Владивосток).
6. Газета «Молодой дальневосточник» (г. Хабаровск).
7. Газета «Тихоокеанская звезда» (г. Хабаровск).
8. Ильясова Р.Х. Народное художественное творчество: любительский театр XVIII–XX вв. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.
9. История культуры Дальнего Востока России XVII–XX веков: учеб. пособие. Владивосток, 1998.
10. Народные театры Приморья. Владивосток, 1968.
11. Осипова Э.В. История театральной культуры Дальнего Востока России (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2012.
12. Слободянюк Н. И. Динамика развития любительского театра в России с 60-х годов до настоящего времени // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3 (36).

УДК 348

Дударёнок С. М., Островская О.П.

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В 40–50-е гг. XX в.

Статья посвящена причинам миграции христиан веры (пятидесятников) на Дальний Восток России, отмечается, что данная миграция обусловлена рядом причин и факторов, среди которых особенности демографического и конфессионального освоения региона; политические и религиозные процессы, протекавшие в религиозной сфере после Великой Отечественной войны и некоторые конфессиональные особенности самого пятидесятничества.

Ключевые слова: миграция; христиане веры евангельской; Дальний Восток России; практика пророчеств; государственно-церковные отношения.

Dudarjonok S.M., Ostrovskaya O.P.

THE REASONS FOR THE PENTECOSTAL PEOPLE'S MIGRATION TO THE FAR EAST IN THE 40–50s OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the causes of migration of Christians of faith (Pentecostals) to the Russian Far East. It states that this migration is attributed to several reasons and factors, some of which are demographic and confessional development of the region, political and religious processes happening in the religious sphere after World War II and some Jewish peculiarities of the Pentacostal movement itself.
Keywords: migratio; Christians of Evangelical fait; the Russian Far Eas; the practice of prophecie; State-church relations.

Пятидесятничество, как особая разновидность христианства, появилась в США в последней четверти XIX в. и организационно оформилось в начале XX в. Отсюда это движение распространилось в Канаду и Южную Америку, в Европу и на другие континенты. В сегодняшнем мире пятидесятничество является одним из наиболее динамично развивающихся христианских течений. Это самая крупная протестантская церковь, насчитывающая около 600 млн чел. и уступающая по численности среди христианских церквей лишь Римско-католической церкви [17, с. 77].

На Дальнем Востоке России в настоящее время христиане веры евангельской (пятидесятники) (ХВЕ)* и по численности религиозных объединений, и по динамике роста общин также занимают лидирующие позиции, что ставит перед исследователями задачу выявить причины миграции пятидесятников в Дальневосточный регион в 40–50-е гг. прошлого века.

По мнению В.И. Франчука, автора книги «Просила Россия дождя у Господа», пятидесятнические церкви на Дальнем Востоке России существовали еще в начале 1920-х гг. Он ссылается на найденную им в архиве брошюру, написанную миссионером Николаем Ивановичем Пейсти, который нес миссионерское служение в 1920-х гг. на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Китае. В этой брошюре В.И. Франчука заинтересовал рассказ, который говорил о событиях далекого 1919 г.

«*В городе Зима, неподалеку от Иркутска находилась одна баптистская церковь. И в результате того, что Дух Святой сошел на многих членов этой церкви, они получили крещение Духом Святым и начали говорить на незнакомых языках. Поскольку это движение стало распространяться, руководящие братья баптистской деноминации решили собрать специальную конференцию с целью выработать какой-то план, как убить это движение. Так как я не был членом их церкви, я не присутствовал, когда они обсуждали этот вопрос, но на своем заседании они пришли к заключению, что хорошо бы сделать специальное собрание, на котором «людей говорящих на языках» привести «к здравому смыслу». Я был приглашен выступить против говорения на иных языках на этом собрании и объяснить «более правильно», как они думали, вопрос в отношении крещения Духом Святым. В своей проповеди я, конечно, ничего не мог сказать против говорения на иных языках. Я только мог сказать им, что это пробуждение от Бога и поэтому говорение на иных языках является понятием вполне Библейским. Я рассказал им, что сам пережил такое в моей жизни. Поскольку братья относились ко мне с большим уважением, они не захотели от меня отвернуться.*

После того, как я уехал из Иркутска, мне сказали, что вся церковь в Зиме, численностью триста членов, получила Крещение Духом Святым» [20, с. 72-73].

* ХВЕ – одно из направлений в современном пятидесятничестве, возникновение которого связывают с деятельностью И.Е. Воронаева (Н.П. Черкесова), ХВЕ является самой распространенной пятидесятнической церковью в Российской Федерации.

По мнению В.И. Франчука, «это событие не могло иметь никакого непосредственного отношения в И.Е. Воронаеву, который в это время был в Нью-Йорке. Но это была та самая церковь, которую Воронаев создал в свою бытность в Сибири! И она переживала то же самое, что и Воронаев в Нью-Йорке – в то же самое время!» [20, с. 73]: эти церкви и в Сибири, и на Дальнем Востоке появились независимо от проповеди И.Е. Воронаева. Вполне возможно, что и дальневосточные общины баптистов и евангельских христиан были захвачены общероссийским движением Пятидесятницы, однако таких общин было единицы и они не оказывали значительного влияния на процессы развития евангельского движения на российском Дальнем Востоке.

Организованные же общины и группы верующих пятидесятников (христиан веры евангельской - ХВЕ) начинают распространяться на Дальнем Востоке России в 1940–1950-е гг. в связи с массовой миграцией сюда верующих, в результате которой к середине 1950-х гг. Дальний Восток России становится одним из центров отечественного пятидесятничества.

Вопрос о причинах данной миграции неоднократно поднимался в исторической и религиоведческой литературе, но так и не был решен окончательно. Нам представляется, что массовая миграция верующих пятидесятников на Дальний Восток России обусловлена рядом причин и факторов, среди которых можно выделить: *во-первых*, особенности демографического и конфессионального освоения региона; *во-вторых*, политические и религиозные процессы, протекавшие в религиозной сфере после Великой Отечественной войны; *в-третьих*, некоторые конфессиональные особенности самого пятидесятничества. Рассмотрим эти причины подробнее.

Особенности демографического и конфессионального освоения региона. Говоря об особенностях конфессионального освоения региона, необходимо отметить его *поликонфессиональность* и *толерантность.*

Как известно, дальневосточные земли обживались людьми с самыми разнообразными вероисповедными корнями. Население региона из-за своей отдаленности пребывало практически вне сферы полноценного религиозно-идеологического влияния православной церкви. По причине недостатка священнослужителей, храмов, трудностей повседневной жизни в осваиваемом регионе происходило ослабление православных традиций. Дальний Восток, по мнению ряда исследователей, при сложившемся многообразии вероисповеданий, отличался высокой степенью толерантности [19, с. 5], что во многом было обусловлено необходимостью привлечения в регион «активного и успешного колонизационного элемента».

Государственные органы в период дореволюционного освоения Дальнего Востока находились в двойственной ситуации. Как и везде, православная церковь пользовалась всемерной поддержкой со стороны советской власти, но, когда ее интересы вступали в противоречие с потребностями хозяйственного освоения края, властные структуры отстаивали последние.

То есть, если в других регионах страны *поликонфессиональность* часто проявляется как следствие утраты религиозной однородности, то на Дальнем Востоке России формирование разноплановой религиозной среды происходило изначально. Историческая природа конфессионального разнообразия на дальневосточных территориях заключалась в том, что в регионе не столь основательно была развита поддержка и протекторат доминирующей конфессии. Эпоха освоения дальневосточных окраин активизировала ускорение и усиление конфессиональной дифференциации. Поликонфессиональность на Дальнем Востоке по своему типу можно определить как эволюционную, исторически сложившуюся, которая формировалась на протяжении нескольких десятилетий в процессе раз-

вития обособленной культурной территории, ассимиляции и укоренения различных конфессиональных групп.

Властные структуры и государственные учреждения Дальневосточного региона на практике имели опыт деятельности в поликонфессиональной среде. На протяжении длительного времени религиозная ситуация отличалась отсутствием напряженности и противопоставления одной конфессии другим. В результате поликонфессиональность, как норма общественной жизни, и разнообразие церквей, как региональная традиция, явились привлекательными факторами для появления в общем перечне дальневосточных конфессий христиан веры евангельской. Сосуществование различных церквей – важнейший фактор для выбора региона, как наиболее приемлемого для жизни. Безусловно, поликонфессиональность стала одним из привлекательных факторов для миграции христиан веры евангельской на Дальний Восток.

Помимо поликонфессиональности, важным фактором при выборе направления миграции пятидесятников на Дальний Восток России становится фактор *толерантного отношения* к действующим на территории региона религиозным конфессиям.

Проблема религиозной терпимости всегда вызывала особое внимание верующих. Это жизненно важный для них вопрос мирного сосуществования в обществе. Толерантное отношение способствовало привлекательности региона в качестве места проживания и деятельности, так как традиции веротерпимости и мирного сосуществования различных конфессий укоренились здесь достаточно глубоко. Дальневосточные территории, в силу особенностей своего развития, отличались отсутствием ярко выраженной дискриминации протестантских конфессий. В региональной религиозной истории редко фиксировались конфликты на религиозной почве и факты жесткой социальной конкуренции в среде верующих; не наблюдалось столкновения идеологий и мировоззрений. Для пятидесятников, чья адаптация в дальневосточных условиях происходила достаточно легко, характерно использование такого шанса для расширения своей социальной базы. Реализация принципов толерантности на фоне поликонфессиональности региона оказала в этом вопросе значительное влияние.

Говоря об особенностях *демографического освоения* региона, необходимо отметить, что основная масса дальневосточного населения образована миграционным путем. С начала освоения регион являлся реципиентом как спецконтингентов принудительных миграций, так и волн добровольного переселения. Миграционный фактор является одним из наиболее значимых в формировании поликонфессиональности религиозного пространства российского Дальнего Востока.

Учитывая, что российское пятидесятничество возникло в южных и западных регионах страны, первые его представители появлялись на дальневосточных территориях не иначе как миграционным способом.

Немалая часть первых пятидесятников фиксируется среди насильственно перемещенных лиц, чему способствовала особенность Дальневосточного региона как одного из «активных полигонов реализации политики насильственных миграций». Факты появления пятидесятников среди осужденных замечаются еще в довоенный период, но основной миграционный поток пятидесятников, который привел к организации дальневосточных общин, начинается в 1940–1950 гг. По данным Е.Н. Чернолуцкой, «в послевоенный период на Дальний Восток было завезено значительно больше принудительных мигрантов, чем в 1930-е гг.», отличием этого периода было не только увеличение численности принудительных мигрантов, но и усложнение структуры этой категории населения [21, с. 450].

Исследование данных об образовании первых дальневосточных общин пятидесятников позволяет сделать вывод, что формирование основного миграционного потока пятидесятников совпадает по времени с периодом наиболее ин-

тенсивной миграции российского населения на Дальний Восток. Именно в 1950-е гг. регион переживает период максимального подъема миграций как массового явления. На этот период советского времени приходятся наибольшие количественные значения, когда дальневосточная миграция достигала своего пика. В значительной степени восточное направление миграции того времени объяснялось послевоенной активизацией политики обеспечения региона трудовыми ресурсами. Кроме того, с середины 1950-х гг., с завершением репрессивной политики, в стране прекращается масштабное применение подневольного труда заключенных. Дальневосточным предприятиям приходится переходить к вольному типу рабочей силы. Рост населения Дальнего Востока в это время происходит наиболее быстрыми темпами. На дальневосточные территории направлялось мощное движение миграционных потоков, привлекая мигрантов возможностью трудового и социального устройства. Прибрежное расположение региона, наиболее удобное, с точки зрения пятидесятников, для возможностей эмиграции, являлось также немаловажным фактором для выбора Дальнего Востока в качестве места постоянного места жительства.

Таким образом, одними из значимых исторических предпосылок, послуживших образованию дальневосточных общин пятидесятников, явились *устойчивые миграционные традиции Дальнего Востока* и миграционная политика государства.

Среди причин, способствующих миграции пятидесятников на территорию Дальнего Востока России, следует выделить *политические и религиозные процессы, протекавшие в религиозной сфере страны после Великой Отечественной войны.*

Непосредственной причиной движения пятидесятников на восток явилась ситуация, сложившаяся в Советском Союзе в 1940–1950 гг. в отношении этой конфессии.

Взаимоотношения власти и религиозных организаций, возобновленные в годы Великой Отечественной войны, привели к подписанию в августе 1945 г. объединительного соглашения пятидесятников с другими легально действующими протестантскими конфессиями. Однако объединение баптистов и евангельских христиан с пятидесятниками, как справедливо замечает Р.Н. Лункин, было искусственным, навязанным сверху, что не могло не привести в итоге к определенным последствиям.

По условиям Августовского соглашения (19-27 августа) 1945 г. пятидесятники не только должны были войти во Всесоюзный союз евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ)*, но и отказаться от некоторых элементов своей культовой практики, в том числе от «говорения на языках».

Некоторые церкви пятидесятников сохранили в Союзе свою самостоятельность, но чаще всего возникли общие баптистско-пятидесятнические церкви.

Отношения между пятидесятниками и представителями других конфессий в объединенном Союзе было довольно сложным. Немаловажную роль здесь сыграло то, что при объединении ведущее положение в ВСХЕБ заняли в основном евангельские христиане. Они, естественно, стали насаждать свое понимание сущности основных догматов и особенностей культовой практики; в руководство республиканскими, областными и общинными организациями стремились провести своих единоверцев. Это вызвало резкий протест в конце 1940-х гг. со сторо-

* Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов был создан в октябре 1944 г. в результате объединения Всероссийского союза евангельских христиан и Союза русских баптистов в один союз, со Всесоюзным советом как руководящим органом. В августе 1945 г. было принято совместное соглашение пресвитеров ВСХЕиБ и руководства общин христиан веры евангельской по объединению общин. В 1947 г. ВСЕХиБ был переименован во Всесоюзный союз евангельских христиан-баптистов (ВСХЕБ).

ны руководителей пятидесятников, которые во главе с епископом А.И. Бидашей из г. Пятихатки Днепропетровской области взяли курс на выход своих единоверцев из данного объединения и создание самостоятельных религиозных групп, что, естественно, не устраивало власть.

В 1948 г. поступательный характер развития государственно-церковных отношений, начавшийся во время войны, приостанавливается. Общины и лидеры пятидесятников в 1940–1950-х гг. переживают новый всплеск *преследований в отношении верующих*. Их обвиняют в сектантстве и фанатизме, в сотрудничестве с оккупантами и в антисоветской деятельности. В западных регионах страны, в местах традиционного проживания пятидесятников возобновились аресты и административное давление на верующих, вызывая у них естественное стремление – скрыться от репрессий.

«Спасаясь от преследования, верующие-пятидесятники стремились найти на территории Дальнего Востока относительную религиозную свободу», тем более, что их единоверцы, отбывшие срок или находящиеся на поселении, относительно «свободно» вели в Дальневосточном регионе в 1940-х гг. религиозную жизнь: общины и группы пятидесятников неформально признавались местными властями, пресекались только открытые публичные богослужения. Уход «от широкомасштабных преследований» в качестве первоочередной цели миграции указывают и сами пятидесятники, надеявшиеся на возможность затеряться среди большого количества мигрантов многоконфессионального региона.

В обстановке начавшихся преследований со стороны властей и стремления руководства ВСХЕБ заставить верующих отказаться от некоторых особенностей своей культовой практики привели к тому, что верующие-пятидесятники посчитали, что сохранить в чистоте догматическую практику и существующий уклад религиозной жизни можно только уклоняясь от взаимодействия с официальными церковными структурами и властью [3, ф. Р-1359, оп. 3, д. 5, л. 16-17]. Религиозные общины уходили в подполье, всячески скрывали свое существование, используя в этих целях переселение на окраины страны.

Региональные исследования указывают на прямую связь активного процесса миграции пятидесятников на территорию советского Дальнего Востока с тем, что «значительная часть пятидесятников Советского Союза либо не желала входить в состав Всесоюзного союза евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ), либо не была удовлетворена своим положением в данном Союзе». На практике, стремление сохранить самостоятельность «от продавшихся властям пресвитеров ВСЕХиБ» позволяло руководству общин легко убедить верующих в необходимости переезда на Дальний Восток. *Отдаленность Дальневосточного региона* привлекала верующих в качестве своеобразного убежища от действий властей, особенно активных в центре страны.

К концу 1940-х гг. количество общин и групп пятидесятников, действующих на всей территории региона, значительно возросло. В 1948–1950 гг. возникли группы верующих-пятидесятников в селах Новопокровка и Незаметное, в поселках Тетюхэ, Кировский и в городе Иман (сейчас Дальнереченск) Приморского края [2, ф. Р-1578, оп. 1, д. 60, л. 9].

Никаких репрессивных мер по отношению к членам этих религиозных групп в конце 1940-х гг. не применялось. Представители партийных организаций и органов власти пытались «перевоспитать» верующих.

Пятидесятничество было новым для региона вероучением, в значительной степени общины складывались за счет мигрантов, а не постоянного населения. В результате властные органы не имели полной картины распространения пятидесятничества в регионе. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов (СДРК) по Хабаровскому краю Б. Гребенников в одном из отчетов писал по

этому поводу: «Считаю, что эта секта нами пока абсолютно не изучена, точно мы не знаем, где и сколько их есть…» [3, ф. Р-1359, оп. 3, д. 2, л. 15].

Немаловажным фактором для активизации миграций в пятидесятнической среде послужили общие *политические изменения в стране,* вызванные сменой высшего руководства после 1953 г. С началом некоторой политической либерализации после смерти И.В. Сталина зафиксировано «оживление религиозного движения» [15, с. 160-161]. В результате массового возвращения из лагерей на свободе оказались особенно активные лидеры пятидесятников, и некоторые из них после освобождения оседали на дальневосточных территориях [1, ф. 114, оп. 1, д. 1605, л. 12-13].

Решающим для российских пятидесятников оказался 1956 год, ставший периодом активизации действий и стремлений развить собственную конфессиональную деятельность [16, с. 321-322]. Это было время пика и расширения пятидесятнического движения, проведения нелегального съезда и попыток восстановить самостоятельный центр. Однако в 1957 г. ориентировки на самостоятельное легальное развитие конфессии пятидесятников были пресечены, и последовала очередная волна арестов [16, с. 352-362]. Со стороны органов власти был совершен ряд действий, свидетельствующих об ужесточении политической позиции государства по отношению к пятидесятникам. Таким образом, *политическая оттепель и окончание сталинского периода репрессий* вначале спровоцировали рост активности пятидесятнических групп, затем вновь вернули их к необходимости изоляции. Эти события заставили общины пятидесятников избрать соответствующую поведенческую тактику, при которой переезд на окраину страны являлся своеобразной реакцией на происшедшие политические изменения.

Третья группа причин миграции пятидесятников на Дальний Восток России имеет отношение к *конфессиональным особенностям самого пятидесятничества.* Среди них особое значение имеет миссионерская и эсхатологическая направленность пятидесятнического вероучения, практика пророчеств и возможность развиваться на основе родственных протестантских конфессий. Данные особенности вероучения и культовой практики пятидесятничества неоднократно отмечались исследователями как причины мощного потенциала движения и роста данной конфессии.

В характеристике пятидесятничества заметно выделяется присущее ему *стремительное территориальное распространение.* Протестантские церкви стабильно демонстрируют высокую динамику прироста, при этом пятидесятнические церкви общепризнанно относятся к самым быстрорастущим, как при возникновении, так и в настоящее время. К примеру, по данным доктора философии и истории Джеффри Б. Вебба, показатель роста пятидесятнических церквей в США за первое десятилетие XXI в. достигает 18 % [7, с. 262]. Это же качество пятидесятничества отмечает российский исследователь М.И. Одинцов, говоря о его «стремительном распространении в мировом масштабе», при котором это движение «не могло пройти мимо России» [17, с. 86]. Высокие темпы движения достигаются благодаря активной миссионерской направленности, как важному компоненту общей «парадигмы пятидесятничества» [11, с. 84].

В условиях России *миссионерская активность* также сыграла ведущую роль в распространении вероучения в пределах страны. Отмечая агрессивное миссионерство как одну из главных черт пятидесятничества, Р.Н. Лункин подчеркивает, что первые пятидесятники, «даже не успев укрепиться» в столице, «стали посылать миссионеров в разные регионы России» [12, с. 79]. Распространение пятидесятнических общин на восток было связано с деятельностью южного, «воронаевского» направления. «Общины воронаевцев, благодаря организационному таланту их лидера, …начали появляться на Урале, в Средней Азии и в Сибири» [12, с. 84]. *Поступательное движение по территории России* характерно для деятель-

ности российских пятидесятников. Трудности политического характера приостанавливали это целенаправленное продвижение лишь на некоторое время. В результате, представители пятидесятнического вероучения в массовом порядке появились на восточных окраинах страны в 1940–1950-х гг. XX в., постепенно заняв свое место в религиозном пространстве российского Дальнего Востока.

Ключом к распространению пятидесятничества в Дальневосточном регионе послужила такая его специфическая особенность, как *способность развиваться на базе родственных протестантских конфессий*, особенно баптистов и евангельских христиан. Изначально, с момента возникновения, как в США, так и в других странах, «в пятидесятничество переходили верующие из остальных протестантских конфессий» [18, с. 162]. Этот принцип распространения своего вероучения успешно и повсеместно использовался и российскими пятидесятниками. Пятидесятники вели активную миссионерскую политику среди верующих других протестантских направлений, подводя под свои действия твердые богословские основания. Сознавая свою некоторую элитарность, они имели стойкое убеждение, что спасение христиан из других протестантских конфессий зависит от принятий ими основных положений пятидесятничества, в первую очередь крещения Святым Духом.

К моменту организации первых общин пятидесятников на дальневосточной территории (1940-е гг. XX в.) лидерами по интенсивности распространения своего учения в регионе являлись протестантские церкви, в частности баптисты, евангельские христиане и адвентисты [13, с. 84]. Таким образом, на Дальнем Востоке была развита база для целенаправленной проповеди пятидесятниками своего учения в евангельской среде. После принятия пятидесятничества несколькими верующими, например, из евангельских христиан, практика глоссолалии (говорения иноязыками) распространялась в их семьях, и нередко встречались случаи перехода в пятидесятничество практически всей общины [6, с. 151]. В таких условиях использование ресурса других протестантских конфессий облегчило продвижение пятидесятничества по дальневосточным территориям и явилось еще одним фактором, способствующим его распространению.

К конфессиональным факторам, способствующим продвижению пятидесятников на восток России, относятся также особенности догматической платформы пятидесятничества, среди которых выделяется наличие эсхатологических настроений. В развитых религиях эсхатологические установки являются одними из основополагающих и значимых в деятельности религиозных общин.

Эсхатологическая направленность составляет сущностную характеристику христианской религиозной составляющей, в том числе и пятидесятнической [4, с. 25]. Напряженный апокалиптизм и эсхатологизм свойственен всем пятидесятникам [11, с. 89]. При этом именно у них он стал важным доктринальным положением, оказывающим влияние на повседневную деятельность. Понимание церкви и ее задач соединяется в пятидесятничестве с четкой эсхатологической перспективой. На этом фоне атеистическая государственная политика на протяжении всего советского периода истории традиционно воспринималась российскими пятидесятниками как предвестие последних времен. «Эсхатологические доктрины 30-х годов… оказали значительное влияние на идеологию пятидесятников послевоенного времени» [12, с. 91]. Стремление встретить грядущий конец света в соответствующем месте, в том числе «на краю земли», у восточных границ страны, для преследуемых властями верующих вполне объяснимо. Эта причина миграции пятидесятников на восток страны настолько очевидна, что отмечалась в средствах массовой информации при ведении идеологической пропаганды. В антирелигиозной статье приморской краевой газеты, например, отмечалось, что в целях миграции на Дальний Восток лидерами общин «была умело исполь-

зована лежащая в основе пятидесятничества проповедь близости второго пришествия, конца света и тысячелетнего правления Христа» [10].

Эсхатологическими ожиданиями в значительной степени были обусловлены *эмиграционные настроения* в среде дальневосточных пятидесятников [2, ф. 1578, оп. 1, д. 87, л. 67-71]. На эту связь также указывает Р.Н. Лункин, подчеркивая, что призыв к выезду пасторы обосновывали двумя причинами. «Во-первых, в преддверии скорого конца света Дальний Восток – «конец земли» будет тем местом, с которого и начнется Второе пришествие, и во-вторых, многие пятидесятники полагали, что, собравшись там, легче добиться от властей разрешения» выехать в США [12, с. 105]. Данные акценты послужили основой для формирования особого диссидентского мировоззрения дальневосточной диаспоры пятидесятников, движение пятидесятников на восток и образование самой дальневосточной диаспоры в немалой степени происходило под знаковым образом конца света и подготовки к нему.

Среди конфессиональных факторов в продвижении пятидесятничества на Дальний Восток особую роль сыграла религиозная *практика пророчеств,* как инструмент управления поведением общины [8, с. 166]. Исключительная роль пророчеств в жизни общин свойственна догматической конструкции пятидесятничества в целом, поскольку пророчества рассматриваются верующими как непосредственные указания на ближайшее будущее [5, с. 40-41]. Конкретные пророчества могли содержать непосредственные указания на необходимость переселения на восток страны [2, ф. 1578, оп. 1, д. 87, л. 135]. При этом необходимость передвижения, следуя пророческим указаниям, формировалась в среде российских пятидесятников на протяжении ряда предшествующих лет. Один из инициаторов массовой миграции пятидесятников на Дальний Восток в своих воспоминаниях сообщал, что вера в Исход сохранялась в его общине «с 1945 года, когда впервые имели о том пророчества» [6, с. 198]. Мотивационной установкой в данном случае, в первую очередь служила практика пророчеств, среди которых особое место занимало «пророчество» о «корабле-ковчеге», которого следует ожидать на дальневосточной земле [14, с. 40-41].

В тесной связи с указанными факторами стоит *кочующий образ жизни*, который стали вести общины российских пятидесятников в период гонений, не задерживаясь на одном месте более двух-трех лет. Подобное поведение общин в тот период отмечалось в качестве характерной черты данной конфессии [9, с. 19]. К примеру, путь одной из общин лежал из Киргизии в 1950 г. в Кемерово, оттуда в 1952 г. в Барнаул, а затем в сентябре 1957 г. на Дальний Восток [8, с. 166-167]. Кочующие семьи и общины российских пятидесятников оседали на дальневосточных землях, пользуясь сочетанием пророчеств, эсхатологических установок и благоприятных условий в религиозной ситуации региона.

Таким образом, процесс постепенной миграции верующих к окраинам страны привел к образованию в советском периоде дальневосточной диаспоры традиционного направления пятидесятничества, сосредоточенной в регионе. Показательный факт содержится в выступлении на совещании ВСЕХиБ 21–24 августа 1959 г. в г. Москве. При обсуждении работы по объединению пятидесятников Марин С.И. сообщает, что во время поездки в г. Фрунзе нашел их небольшое количество, так как почти все по пророчеству выехали на Дальний Восток [20, с. 567-568].

Объективные причины миграции российских пятидесятников на восток отражают историческую закономерность этого процесса и предполагают воздействие всего комплекса рассмотренных факторов. Анализ общей совокупности причин позволяет сделать вывод, что на процесс продвижения пятидесятников на Дальний Восток в 1940–1950-е гг. оказывали влияние: особенности демографического и конфессионального освоения региона; политические и религиозные

процессы, протекавшие в религиозной сфере после Великой Отечественной войны и конфессиональные особенности самого пятидесятничества.

Список источников

1. Государственный архив Амурской области.
2. Государственный архив Приморского края.
3. Государственный архив Хабаровского края.
4. Акулова И.С. Эсхатология в религиозном мировоззрении // Религиоведение. 2008. № 1.
5. Граждан В.Д. Вероучение и мораль пятидесятников. М.: Знание, 1989.
6. Дементьев А. АВЕН-ЕЗЕР: евангельское движение в Приморье. 1898-1990 годы. Владивосток: Русский остров, 2011.
7. Джеффри Б. Вебб. Христианство. М.: АСТ, Астрель, 2010.
8. Дударенок С.М. «Дело» находкинских пятидесятников: движение за эмиграцию, или Борьба за сохранение религиозных практик // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 10. СПб., 2014. С. 166-183.
9. Кольцов Н.В. Кто такие пятидесятники? М.: Знание, 1965.
10. Красное знамя. 1977. 15 сентября.
11. Куропаткина О.В. Неохаризматизм: часть пятидесятничества, или Новое религиозное движение? // Религиоведение. 2008. № 2.
12. Лункин Р.Н. Вероучение и социальная деятельность пятидесятников в России: дис. … канд. филос. наук. М., 2005.
13. Мурыгина Е.А. Баптистские общины в поликонфессиональной структуре Дальнего Востока: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2008.
14. Мячин Ф. Мой разрыв с сектантами-трясунами: рассказ бывшего проповедника. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1958.
15. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009.
16. Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой…». История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб.: Рос. объединение исследователей религии, 2012.
17. Одинцов М.И. Зарождение пятидесятнического движения в США на рубеже XIX–XX вв. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 4. М.: РОИР, 2007.
18. Ревуненкова Н.В. Протестантизм. СПб.: Питер, 2007.
19. Сердюк М.Б. История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии. Владивосток, 2006.
20. Франчук В.И. Просила Россия дождя у Господа. Т. 2. Киев, 2002.
21. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советский Дальний Восток в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.

УДК: 947.081/.083(571.6)

Заколодная А.С.

ВОПРОСЫ ПОДБОРА КОЛОНИЗАЦИОННОГО ЭЛЕМЕНТА В РАБОТАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ АВТОРОВ

В статье рассматриваются взгляды дореволюционных исследователей на вопросы подбора колонизационного элемента для Дальнего Востока России. Сравнивается отношение авторов к результатам казачьей и крестьянской колонизации. Особое внимание обращено на предъявляемые исследователями критерии отбора переселенцев.

Ключевые слова: переселение; колонизация; казачество; крестьянство; изучение; российский Дальний Восток.

Zakolodnaya A.S.

THE ISSUES OF SELECTION OF THE COLONIZATION ELEMENT IN THE WORKS OF PRE-REVOLUTIONARY AUTHORS

The article discusses the views of pre-revolutionary researchers on the selection colonization of the item to the Far East of Russia. Compares the attitude of the authors to the results of the Cossack and peasant colonization. Special attention is paid n to the requirements of the researchers selection criteria for resetllemets.
Keywords: resettlement; colonization; the Cossacks; peasants; research; the Russian Far East.

Вопросу подбора колонизационного элемента для Дальнего Востока уделялось достаточно много внимания. Для государства важно было, чтобы здесь сформировалось население, максимально отвечающее поставленным стратегическим задачам. Необходимость обезопасить край от посягательств со стороны иностранных государств, главным образом Китая, во многом определяла выбор контингента переселенцев. Именно поэтому одними из первых сюда были перевезены казаки. Была создана линия казачьих поселений, расположенных на определенном расстоянии друг от друга. Однако принудительно переселенные на Дальний Восток казаки не оправдали возложенных на них надежд. Казачьи станицы в печатных изданиях чаще всего описываются как бедные селения с нищими жителями, полностью зависящими от правительственной помощи. Поэтому и казаки чаще всего предстают сословием, не отвечающим задачам колонизации.

Так, по мнению И.В. Мевиса, «амурское казачество представляет весьма скудный элемент в деле развития края» [16, с. 62]. Г. Алябьев считал, что казачество является худшим колонизационным элементом, ленивым и не стремящимся сделать что-нибудь для того, чтобы изменить свое положение. В разных станицах размер обрабатываемого земельного надела на душу населения (казачьего) колебался от 0,19 до 0,91 дес. и в среднем составил 0,54 дес. [3, с. 98]. Качество обработки наделов у казаков было очень низким: «…казаки чрезвычайно лениво производили расчистку. …Распахав кое-как землю, едва разбросав ее глыбами, казак кидает семена и закрывает их бороною; затем все уже считается сделанным. …казачье поле не всякий сможет отличить с первого разу, оно до такой степени бывает обыкновенно покрыто всякими другими растениями и травами, что всегда при виде его раздается вопрос: есть ли это просто луг, на который случайно занесены семена хлебных растений, или заброшенное поле, на котором сорные травы не успели еще окончательно заглушить ростки хлебных растений?» [3, с. 99]. Естественно, что урожаи хлеба получаются небольшими, недостаточными для обеспечения семьи хлебом на весь год, и единственным выходом из этой ситуации было получение казенного пайка. Дома казаков – еще одно явное доказательство лени казаков: «Черные, дурно сколоченные избы, с полуразвалившимися крышами и заклеенными берестою и бумагою окнами… везде вы увидите следы недостатка, апатии, грязи, неряшества и отсутствие всякой хозяйственности» [3, с. 104]. В издании «Амур и Уссурийский край» утверждалось, что переселившиеся крестьяне сумели создать самостоятельные земледельческие хозяйства, казаки же, наоборот, превратились в безнравственное, зависимое от казенных пособий население, привыкшее «враждебно смотреть на новый край» [4, с. 91, 127]. В конечном итоге настаивалось на необходимости переселения только крестьян, так как «казаки завели здесь худые нравы. И поныне пьянство сильно свирепствует у них» [4, с. 137].

В официальных отчетах гражданских чиновников также последовательно проводилась мысль: казаки не могут быть колонизаторами края. Так, побывав-

ший на Дальнем Востоке чиновник особых поручений при Министерстве финансов ст. сов. Слюнин считал, что крестьяне, а особенно религиозные сектанты (молокане) гораздо лучше зарекомендовали себя. В Амурской области автор наблюдал следующую картину: с одной стороны, «мы видим жалкие поселки амурских казаков, длинные станицы из старых завалившихся изб, без всяких следов домовитости и зажиточности, а с другой – вы любуетесь обширными хозяйствами, сотнями десятин запашек, большим скотоводством и полным достатком молокан» [2, ф. 560, оп. 28, д. 1108, л. 76]. В отчете он указал, что хозяйство казаков «ведется плохо, небрежно, земля обрабатывается первобытными орудиями, тогда как большинство крестьян уже перешло к усовершенствованным способам и орудиям, почему и урожаи казачьих поселков везде ниже крестьянских и переселенческих» [2, ф. 560, оп. 28, д. 1108, л. 76, 77 об., 78].

Большинство исследователей признавали, что полученный результат во многом объяснялся не столько качествами казаков как колонистов, сколько самим способом переселения. Только основанная на добровольном принципе переселения крестьянская колонизация дала положительные результаты. Е.Т. Смирнов, сравнив итоги казачьего и крестьянского переселения, успешным считал лишь последнее [18, с. 379-380]. Такой результат он объяснял разницей в подходах к организации и проведению переселения: крестьянам была предоставлена свобода выбора мест поселения, казакам нет [18, с. 379]. Схожей точки зрения придерживался и Ф. Волгин. По его мнению, разительные отличия в достатке и уровне жизни крестьян и казаков сформировались под влиянием условий, в которых они оказались. Казаки были переселены в регион принудительно, «по жребию», они «совершенно не были подготовлены к колонизации края, совсем не знали новых условий жизни, которая их ожидала» [7, с. 134-136]. Выбранные под поселения поля и деревни затоплялись водой, поэтому «их хозяйство идет не особенно успешно. Постоянные неудачи могли ослабить энергию самых сильных. Оттого и внешний вид большинства станиц производит на путника грустное впечатление» [7, с. 135].

Интересна точка зрения С. Коржинского. Она во многом отличается от мнения большинства авторов. Он считал, что многие из казаков оказались в крае не по своему желанию, при переселении «были стесняемы и в количестве скота, и количестве хлеба, которое можно было взять с собою», неудачно были выбраны места под поселения, неожиданные разливы реки «затопляли поля и деревни переселенцев, сносили избы, только что поставленные стога сена, портили хлеб и вообще производили полное разорение или по крайней мере наносили большой ущерб неустановившемуся хозяйству колонистов» [15, с. 17-18]. Сравнив «отношение к земле и принципы ведения хозяйства» у крестьян и казаков, автор пришел к выводу, что они были одинаковыми. Однако казак ассоциировал себя, прежде всего, в качестве военного человека: «для него земледелие представляет нечто побочное не потому, что служба отнимала уже слишком много времени, но потому, что, так сказать, развертывает иные жизненные перспективы. Смотря на себя как на человека «казенного», он не относится так горячо к хозяйству, как крестьянин [15, с. 30-31]. С. Коржинский отдавал должное трудолюбию казачьего населения, признавая его «большие заслуги по колонизации края, которая была сопряжена с огромными трудностями» и считал, что «казак все-таки покоряет природу и расчищает почву для будущих поколений» [15, с. 38-39].

Особенно остро проблема подбора колонизационного элемента встала при решении спора, возникшего вокруг земельного отвода Духовского. С начала XX в. эти территории предполагалось передать для крестьянской колонизации, так как, по утверждению статс-секретаря Кривошеина, «колонизационные мероприятия … не могут быть поставлены на вполне прочные и планомерные основания, пока указанные земли не будут плотно заселены русскими людьми» [1, ф. и-13,

оп. 1, д. 1, л. 16]. Предполагалось, что заселение этой территории пройдет быстро и без особых затрат со стороны правительства, так как здесь уже были «удобные пути сообщения и рынки сбыта». Генерал-лейтенант Поливанов, наоборот, настаивал на сохранении этих земель за казаками. Каждая из сторон, Комитет по заселению Дальнего Востока и представители Военного министерства, обосновывали свою позицию, доказывая большую пригодность «своего» сословия для выполнения задач колонизации.

В Комитете по заселению Дальнего Востока, ссылаясь на результаты проведенного в 1908 г. хозяйственно-экономического обследования 111 казачьих и 111 крестьянских поселков, считали, что крестьянская колонизация обладает рядом преимуществ. Крестьяне, имея надел в 2 раза меньше казачьего, содержали почти столько же скота (5,5 голов в крестьянском хозяйстве и 5,8 в казачьем), засевали в 2 раза больше (12,7 дес. в крестьянском хозяйстве и 6,4 дес. в казачьем), обрабатывали почву лучше, получали больший урожай с десятины земли (45 пуд. в крестьянском хозяйстве и 37 пуд. в казачьем), огородничество было развито лучше (площадь огорода у крестьян – 0,57 дес., у казаков – 0,22 дес.) [1, ф. и-13, оп. 1, д. 1, л. 7, 31]. Кроме того, в комитете обращали внимание на размеры колонизационного потока каждого из сословий: желающих переселиться на Дальний Восток среди крестьян было гораздо больше. В качестве итога подчеркивалось: если позволить крестьянам селиться на землях отвода Духовского, то плотность населения на этих приграничных территориях вырастет в 4-5 раз, так как средний размер крестьянского душевого земельного надела равнялся 10-12 дес., а казачьего – 50 дес. [1, ф. и-13, оп. 1, д. 1, л. 32]. Казаки были не в состоянии обработать такой большой надел личным трудом, сдавали его в аренду корейцам и китайцам, что не отвечало интересам государственной безопасности. Среди чиновников Главного управления землеустройства и земледелия было широко распространено мнение, что казаки являются «ненадежным элементом в смысле колонизационном: казаки земледелием не занимаются и в большинстве или сдают свои земли в аренду, или нанимают батраков – корейцев и китайцев» [2, ф. 560, оп. 28, д. 1108, л. 29, 65 об.]. Поэтому крестьянская колонизация была предпочтительней казачьей как в экономическом отношении, так и в стратегическом [1, ф. и-13, оп. 1, д. 1, л. 17-17 об.].

С данной позицией не был согласен представитель Военного министерства генерал-лейтенант Поливанов. Он старался доказать необходимость сохранения земель отвода Духовского исключительно для заселения их казаками, подчеркивая, что казачья колонизация может дать те же результаты, что и крестьянская. Генерал-лейтенант Поливанов настаивал, что размер возможного казачьего колонизационного потока занижен. Так, население некоторых казачьих войск в Европейской России страдало от малоземелья и при определенной помощи со стороны правительства было готово переселиться в Приамурье, Военное министерство имело данные о нескольких сотнях семей из пяти войск Европейской России, намеревающихся переселиться на Дальний Восток [1, ф. и-13, оп. 1, д. 1, л. 19]. Он настаивал, что при схожих условиях хозяйства казаков не уступают крестьянским по уровню экономического развития. В хозяйствах крестьян площадь обработанной земли и размер урожая были выше, но казаки имели больше скота, сена и побочных заработков, то есть «одно до известной степени компенсировалось другим» [1, ф. и-13, оп. 1, д. 1, л. 20]. В конечном итоге каждое из ведомств осталось при своем мнении.

Однако, несмотря на то, что крестьянской колонизации отдавалось предпочтение, большинство исследователей выступали за необходимость отбора желающих переселиться.

Так, при подготовке к открытию морских перевозок крестьян в Южно-Уссурийский край был определен и круг лиц, переселение которых считалось

предпочтительным и отвечающим военно-стратегическим задачам. Обеспокоенное планами Китая начать заселение приграничных с Россией территорий, правительство поставило своей целью укрепить влияние на вновь присоединенных землях. Поэтому в качестве колонизационного элемента было выбрано крестьянство. Именно переселение крестьян с одной стороны даст ряд новых деревень и увеличит плотность населения, а с другой — сократит расходы государства на армию. В своих выступлениях перед представителями различных министерств и ведомств Д.Г. Анучин неоднократно подчеркивал, что рост крестьянского населения будет способствовать росту производства сельскохозяйственных продуктов, что в конечном итоге позволит сократить расходы на содержание войск [2, ф. 391, оп. 1, д. 24, л. 67 об., 68], так как уже существующий «сравнительно слабый приток населения существенно понизил стоимость содержания стоящих в крае войск, благодаря открывшейся возможности часть продовольствия приобретать на месте по ценам, значительно дешевейшим, чем цены, в которые продовольствие обходилось при доставке кругом света» [17, с. 149].

При этом был проведен первоначальный отбор среди желающих приехать в Южно-Уссурийский край. Военный губернатор Приморской области считал, что наилучшим переселенческим элементом будут великорусы, «предприимчивые по природе и при том заключающие в своей среде значительный процент представителей кустарной промышленности, а также хуторяне из бывших малороссийских казаков, привыкшие жить отдельными усадьбами...» [17, с. 16]. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, на основании предоставленных ему сведений о почвенно-климатических условиях, полагал, что в Южно-Уссурийский край необходимо отправлять переселенцев из приморских частей прибалтийских губерний для заселения морского побережья, что же касается «внутренних местностей, то, сколько известно, почва в них состоит в значительной степени из чернозема, а потому и переселенцы туда должны быть вызваны из черноземных губерний», с наибольшим числом жителей [17, с. 147, 154-155].

Таким образом, в основу отбора переселенцев были положены определенные критерии: совпадение или максимально возможная схожесть природно-климатических условий места выселения с условиями Южно-Уссурийского края и наличие определенных качеств, таких как самостоятельность и инициативность. Кроме того, предпочтение отдавалось семьям с большим количеством трудоспособных мужчин, что впоследствии привело к диспропорции полов в крае. Недостаток женщин в дальнейшем создаст трудности при создании семей. Однако впоследствии оказалось, что прошедшие отбор семьи казеннокоштных переселенцев отвечали только последнему критерию. Многие прибывшие за счет государственных средств крестьяне оказались бедняками, переставшими заниматься сельским хозяйством и зарабатывавшими себе на жизнь отхожими промыслами.

А.М. Беркенгейм также выступал за то, чтобы переселение разрешалось только крестьянам, обладающим достаточными средствами. По сделанным автором расчетам, требовалось не менее 700 руб. на первоначальное устройство. Однако помимо материальных средств, решившиеся переехать крестьянские семьи должны удовлетворять еще одному критерию – «обладать достаточно высокой энергией и предприимчивым духом, должны верить в добрые результаты предпринятого ими переселения» [6, с. 47]. По мнению А.М. Беркенгейма, до 1890-х гг. переселялись «только наиболее сильные – и по своему составу, и по средствам, и по личной энергии – семьи», после, с 1890-х гг., состав переселенческого потока резко меняется, в нем начинают преобладать слабые как в материальном, так и в моральном отношении крестьяне. А.А. Кауфман полагал, что наилучшим колонизационным элементом является «тип переселенца-пионера», рассчитывающего только на свои силы, не надеющегося на поддержку со стороны государ-

ства, обладающего как определенным материальным достатком, так и нравственными качествами [14, с. 27].

Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатор Б. Иваницкий полагал, что успех колонизации во многом определяется правильным подбором переселенцев. С течением времени работы по образованию земельных участков все дальше и дальше отодвигались к тайге. Сенатор настаивал на запрещении выходцам из степных губерний России, хозяйственный уклад которых не отвечал требованиям местности, переселяться на Дальний Восток [10, с. 38, 40].

Заведующий переселенческим делом в Приморском районе С.П. Шликевич также выступал за отбор колонизационного элемента. Приамурский край нуждался в переселенческих семьях с «большой рабочей силой», способных самостоятельно оплатить свой проезд в вагоне III класса [21, с. 110]. При этом необходимо учитывать имеющиеся у крестьян сельскохозяйственные знания и опыт, поэтому земельный колонизационный фонд необходимо ограничить территорией, которая бы отвечала имеющимся у переселенца навыкам. Однако, по мнению С.П. Шликевича, в Приамурском крае больше существует возможностей для развития промышленной колонизации, так как «легко и быстро добываемые богатства в виде золота, леса, рыбы здесь превалируют над теми богатствами, которые могут быть извлечены из почвы земледельцем, и допускают накопление лишь путем долгого и упорного труда», кроме того «представители капитала» образованны, быстрее приспосабливаются к местным условиям, чем крестьяне. Поэтому в Приамурском крае, делает заключительный вывод автор, «право первенства принадлежит капиталистической промышленности, а не земледельческому труду» [21, с. 125]. Вообще схожие точки зрения появлялись и раньше. Так, Д. Афанасьев считал, что Дальний Восток нуждается в тех, кто способен заниматься торговлей, морскими промыслами. Поэтому он настаивал на необходимости «развить в массе народа желание освоиться с океаном, привить к его пониманию все разнообразие знаний морского дела» [5, с. 42, 74]. При этом он не отрицал земледельческой колонизации края, однако полагал, что переселенцы должны попадать в схожие с местами выхода условия: «при отправлении переселенцев на Амур следует обращать внимание на местности, из которых они взяты, и сообразно их навыку, для большего успеха распределять по степным и лесным полосам» [5, с. 72]. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской также полагал, что на Дальнем Востоке помимо крестьян неплохие шансы для благополучного устройства здесь имеет промысловое население, занимающееся рыбным и горным промыслами [9, с. 78].

Многие исследователи желали видеть переселенца, способного быстро адаптироваться к новым условиям ведения хозяйства, перенимать иноэтничные способы обработки почвы. Однако зачастую этого не происходило, поэтому большинство авторов были склонны упрекать переселенцев в невежестве и отсутствии инициативы. Так, Д.И. Шрейдер считал главными препятствиями на пути к освоению новых приемов ведения хозяйства русским крестьянином инертность, любовь к рутине, антипатию к новшествам, отсутствие предприимчивости и в значительной степени «темноту и беспросветное невежество» последнего [22, с. 341,391]. За «неразвитость ума и отсутствие хозяйственной заботливости и вдумчивости о будущем» упрекала крестьян-переселенцев О.Н. Хмелева [20, с. 104-105]. Недостатком знаний, низким уровнем интеллектуального развития и отсутствием инициативы объяснял слабое развитие сельского хозяйства в Амурской области и В.П. Врадий [8, с. 25].

Во многом эти упреки были справедливы, крестьяне действительно отказывались использовать корейские и китайские сельскохозяйственные методы и приемы. Тем не менее, на наш взгляд, вряд ли изначально можно было бы рассчитывать на то, что люди, привыкшие к определенному образу жизни и системе

хозяйствования, годами воспроизводившие и считавшие ее эффективной, откажутся от своих привычек. Особенно в новом месте, где все так разительно отличалось от того, к чему они привыкли и где обращение к традициям рассматривалось как что-то постоянное и неизменное. Ждать от малообразованных крестьян широты взглядов, готовности перенимать новое у азиатского населения, тем более, что в российском обществе того времени было распространено мнение, что «желтолицый брат» стоит гораздо ниже по уровню развития культуры [11, с. 16].

Один из немногих, кто выступал за переселение наименее состоятельных крестьян, был А. Исаев. Он призывал чиновников не препятствовать переезду крестьян в новые регионы, а, наоборот, способствовать и помогать тем, кто особенно нуждался в этом. К этой категории он относил крестьян, которые имели «надел меньше двух десятин на наличную мужскую душу в черноземных губерниях и меньше 3½ – в нечерноземных» [13, с. 13]. Широкая и продуманная система поддержки переселенцев, как в пути, так и на местах позволит, по мнению автора, улучшить материальное положение беднейших слоев населения, тем самым увеличит количество налогоплательщиков, приносящих в казну доход [12, с. 142, 149]. Ф.М. Уманец выступал за предоставление права переселяться всем желающим, по его мнению, общество может самостоятельно выбрать тех, кто «действительно нуждается в эмиграции и в то же время способен преодолеть сея трудности. Люди, с помощью народного инстинкта и здравого смысла, сами разберутся, кому можно и кому не следует переселяться» [19, с. 193].

Таким образом, большинство исследователей выступали за предварительный отбор переселенцев. Наиболее подходящим колонизационным элементом для Приамурского края, по их мнению, была крестьянская семья, способная на собственные средства приехать в край и приобрести все необходимое для первоначального устройства. Предпочтение отдавалось семьям с большим количеством мужчин трудоспособного возраста. При этом природно-климатические условия родины переселенцев должны быть схожи с природно-климатическими условиями Приамурского края, для достижения наиболее быстрой адаптации к жизни на новом месте. Немаловажным представлялось и наличие определенных нравственных качеств у переселенцев, таких как самостоятельность, инициативность, трудолюбие. Однако в большинстве своем переселенцы всеми названными качествами не обладали. Многие крестьянские семьи, составляющие основу переселенческого движения, не имели достаточных материальных средств, с трудом адаптировались к новым для них условиям жизни.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Российский государственный исторический архив.
3. Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1872. 115 с.
4. Амур и Уссурийский край. М.: Тип. И.Д. Сытина и К°, 1885. 144 с.
5. Афанасьев Д. Амурский край и его значение. СПб., 1863.
6. Беркенгейм А.М. Переселенческое дело в Сибири. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнарева, 1902. 62 с.
7. Волгин Ф. Амур. Природа и люди Амурского края. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896. 148 с.
8. Врадий В.П. Географический, этнографический и экономический очерк Амурской области. СПб.: Тип. Тренке и Фисно, 1908. 33 с.
9. Всеподданейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893,1894 и 1895 годы. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895. 172 с.
10. Иваницкий Б. Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу Товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909. 137 с.

11. Иллич-Свитыч Д. Дальневосточная Украина. Киев: Тип. Император. ун-та св. Владимира акц. о-ва печ. и и зд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1905. 37 с.
12. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А.Ф. Цирзенлиг, 1891. 192 с.
13. Исаев А.А. Переселенческое дело с начала 80-х годов. СПб.: тип. М. Меркушева, 1895. 16 с.
14. Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М.: Народное право, 1906. 37 с.
15. Коржинский С. Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии. Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1892. 66 с.
16. Мевес И.В. Три года в Сибири и в Амурской стране // Отечественные записки. 1863. № 7. С. 60-90.
17. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. II. Переселение кругосветным путем. Общие основания. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1883. 213 с.
18. Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск: Тип. канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1899. 214 с.
19. Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. Спб.: Б.и., 1884. 242 с.
20. Хмелева О.Н. Правда об Уссурийском крае и его обитателях под редакцией бывшего агронома при Приамур. генерал-губернаторе Н.А. Крюкова. М.: Тип. МГ Волчанинова и К°, 1899. 120 с.
21. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. СПб.: Тип. В.О. Киршбаума, 1911. 112 с.
22. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1897. 468 с.

УДК 94(470)(571.6):343.8

Кораблин К.К. , Дударёнок С.М.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Статья посвящена проблемам реализации уголовно-пенитенциарной политики Российского государства, проводимой царским правительством во второй половине XIX – начале XX столетий и направленной на решение важнейшей стратегической задачи по заселению, хозяйственному и экономическому освоению восточных окраин страны каторжными и ссыльнопоселенцами. В работе отмечается, что помимо добровольного переселенческого движения (крестьянство, казачество, горожане, рабочие, запасные солдаты и др.), царское правительство стало осуществлять принудительную колонизацию Восточной Сибири и Дальнего Востока путем водворения на новые земли лиц, совершивших государственные и уголовные преступления.
Ключевые слова: Российская империя; Восточная Сибирь; Дальний Восток; исполнение наказания; тюремная система; каторга; ссылка; каторжные; ссыльнопоселенцы.

Korablin K.K., Dudarjonok S.M.

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE PENITENTIARY COLONIZATION OF THE EASTERN OUTLINE DISTRICTS OF RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX – THE EARLY XX CENTURY)

The article is devoted to the problem of implementation of criminal-penitentiary policy of the Russian state, conducted by tsar's government from the end of XVI till early XX centuries and directed to the solving of the most important problems on

settlement and economic development of the eastern outskirts of the country by means of convicted to the exiles and penal servitude people. It's mentioned in the article that apart from the voluntary migration (by the peasants, the Cossacks, the citizens, the workers, reserved soldiers and others), the tsar's government realized the forced colonization of the Eastern Siberia and the Far East by people perpetrated some lesemajesties and criminal offenses.
Keywords: The Russian Empire; the Eastern Siberia; the Far East; penalty execution; prison system; penal servitude; exile; convicts; exiles.

Огромные территории России, находящиеся на востоке страны, всегда считались ее далекой окраиной. Наличие большого пустующего пространства, относительно низкая плотность населения, малочисленность коренных жителей, низкая эффективность земледельческого труда, суровость климата не способствовали нормальному социально-экономическому развитию этих территорий. Царское правительство рассматривало Сибирь и Дальний Восток, прежде всего, как районы сбыта готовой продукции, источник сырьевых ресурсов, зону сельскохозяйственной и промысловой колонизации. Официальная правительственная политика была направлена на создание и укрепление здесь административно-чиновничьего и военно-полицейского аппарата, призванного обеспечивать интересы России на востоке страны.

До прихода русских Сибирь была слабо заселена. На конец XVI в. число ее коренных жителей составляло чуть более 215 тыс. чел. В XVII – начале XVIII в. на этой территории проживало не многим более 236 тыс. чел. В 40–60-х гг. XVII в. завершилось присоединение к России Забайкалья и Приамурья. Вновь обретенная территория была велика, но заселена достаточно слабо. На каждого из проживавших здесь жителей приходилось в среднем 40 кв. км. К концу XVII в. Восточная Сибирь и Дальний Восток окончательно вошли в пространство государства Российского [17, с. 67–68; 74–75].

Основная часть населения этой территории состояла из малочисленных коренных народов (ненцы, селькупы, манси, ханты, алтайцы, обские татары, тувинцы, якуты, буряты, нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, эвенки, эвены и др.), проживавших здесь испокон веков. Этническая пестрота сказывалась на всем комплексе социально-экономических отношений. Формы хозяйственной жизни у аборигенов были весьма многообразными. У некоторых народов назревал скачок к аграрной цивилизации, а часть других его уже совершила. В присоединенных территориях имела место как присваивающая экономика (охота, рыболовство, собирательство), определяющая основной образ жизни коренного населения, так и производящая (мотыжное, а затем плужное земледелие, скотоводство).

До русской колонизации здесь преобладала территориально-соседская община, происходило становление классового общества, а зарождающаяся частная собственность постепенно разрушала первобытнообщинные (родовые) отношения. При достаточно сильных пережитках родового строя набирало силу имущественное расслоение среди членов рода. Постепенно в размеренную жизнь коренного населения с его сложившимися устоями, обычаями и традициями стали проникать новые явления. Это было, прежде всего, связано с расширяющимися контактами с другими культурами, с Югом, Востоком, а особенно с Западом, с крепнущим и набирающим силу Московским государством [17, с. 52].

В 90-х гг. XVI в. на восток двинулся поток добровольных и вынужденных переселенцев – крестьян «по прибору» и «по указу», «гулящих» и «беглых» людей, посадских, казаков, стрельцов, купцов, торговцев, священников, царских чиновников, военных, каторжных, ссыльных и др. Из беглых и вольных поселенцев складывалось население новых сел и деревень. На городских посадах селился ма-

стеровой, ремесленный и торговый люд. Русские люди продвигались на восток с ошеломляющей быстротой.

Приращение территории России и легитимизация царской власти на новых географических пространствах продолжались и в XIX в. После подписания Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров в состав Российской империи окончательно вошла южная часть Дальнего Востока. Начиная с 1861 г. царское правительство стало всячески поощрять заселение Амурской и Приморской областей.

Для страны это было переломное время. В 1861 г. было отменено крепостное право, вслед за которым последовали и другие буржуазные реформы – финансовая (1862–1866 гг.), земская и судебная (1864 г.), городская (1870 г.), военная (1864–1874 гг.), реформа МВД (1861–1880 гг.), народного просвещения и печати (1863–1864 гг.), тюремная (1879 г.). Проводимые царским правительством преобразования способствовали дальнейшему социально-экономическому и политическому развитию России, преодолению ее отсталости от передовых европейских государств. На местах заработали институты местного (земского и городского) самоуправления, общество получило всесословный независимый суд, современную армию, полицию, систему народного просвещения, печать, значительно сократился открытый и грубый произвол царских чиновников в полиции, суде, цензуре, образовании. Реформы создали благоприятные условия для развития торговли, промышленности, финансов, образования, здравоохранения, судебной системы.

Прежде всего, реформы явились серьезным толчком для развития капиталистических отношений. Бурное развитие капитализма в России постепенно меняло социальную структуру и облик сословий, формировало новые социальные группы – буржуазию и пролетариат. Однако доминирующее положение в экономике страны по-прежнему занимало сельское хозяйство, основу которого составляли помещичье землевладение и малопроизводительный принудительный труд крепостных крестьян. Россия все больше отставала от передовых европейских государств под угрозой превращения во второстепенную региональную державу.

Тенденцию к ухудшению имела и внутренняя политическая ситуация в стране. Острая необходимость скорейшей отмены крепостного права свидетельствовала о том, что повсеместно крестьянство отказывалось платить налоги, нести повинности, захватывало помещичьи земли, жгло имения, объявляло себя свободным. Так, например, в 1858 г. в Екатеринославской губернии несколько десятков тысяч помещичьих и казенных крестьян объявили себя свободными. В Черниговской губернии это сделали крестьяне помещика Ярошевицкого. С подобными требованиями выступали крестьяне Харьковской, Полтавской и других губерний Украины и России. Ежегодно росло число крестьянских волнений (в 1826–1834 гг. – 145, в 1845–1854 гг. – 348, в 1855–1860 гг. – 474) [5, с. 6], увеличивалось количество лиц, совершивших государственные преступления (1884–1890 гг. – 535 чел., 1901–1903 гг. – 2599 чел., 1906–1912 гг. – 5052 чел.) [18, с. 274].

В 1872 г. в составе Сената было учреждено «Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах» как орган высшего суда по политическим преступлениям. В Особом присутствии в 1870-х гг. рассматривались самые резонансные процессы над народовольцами (дело «долгушинцев» (июль 1874 г.), дело о демонстрации на площади Казанского собора 6 декабря 1876 г. (декабрь 1876 г.), «процесс 50-ти» (1877 г.), «процесс 193-х» (октябрь 1877 г. – январь 1878 г.), дело «первомартовцев» (26–29 марта 1881 г.), процесс над первой рабочей организацией – Южно-российский союз рабочих и др.).

Политические процессы, как правило, завершались приговорами к смертной казни, отправкой на каторжные работы, в ссылку, либо заключением

в тюрьму. За период с 1872 по 1881 г. в Особом присутствии в ускоренном порядке было рассмотрено до 60 политических процессов (в 1874 г. – 3, в 1875 г. – 5, в 1876 г. – 11, в 1877 г. – 15, в 1878 г. – 17, с 1879 по 1881 г. – 9) [10, с. 265].

В конце 1881 г. общее число тюрем в России (не считая полицейских арестных помещений) достигло 767. К январю 1882 г. количество содержащихся в них осужденных составило 93 108 чел. [7, с. 13].

Количество заключенных в местах лишения свободы на 1 января 1883 г. составляло 101 518 чел., на 1 января 1884 г. – 87 696 чел., на 1 января 1885 г. – 94 488 чел., на 1 января 1886 г. – 99 973 чел. В течение 1883 г. в тюрьмы поступило 671 750 осужденных (583 514 мужчин и 88 236 женщин), в 1884 г. – 705 237 (613 957 мужчин и 91 280 женщин), в 1885 г. – 703 254 (608 183 мужчины и 95 071 женщина). Прибавляя к этим цифрам число осужденных, остававшихся в местах лишения свободы на 1 января каждого года, получается, что общее количество заключенных в 1883 г. составляло 795 860 чел., в 1884 г. – 815 501 чел., в 1885 г. – 821 994 чел. В течение 1886 г. в места лишения свободы прибыло 686 760 чел., выбыло – 680 855 чел. На 1 января 1887 г. в местах заключения оставалось 105 878 чел. Таким образом, среднее ежедневное количество осужденных, содержавшихся в российских тюрьмах только в одном 1886 г., составляло 99 741 чел. [4, с. 68].

Повсеместно в европейской части России тюрьмы были переполнены арестантами. Тюремные здания были старой постройки, в помещениях царили теснота, грязь, сырость, антисанитария. Отчет Главного тюремного управления за период с 16 июня 1880 г. по 1 января 1882 г. указывал на то, что переполнение тюремных помещений к имеющемуся количеству мест составляло более 24 %. По некоторым местностям переполнение достигало катастрофических размеров. Так, например, в Петраковской губернии на одно место в тюремной камере приходилось 5,2 арестанта, в Сувалкской – 2,7, в Седлецкой и Оренбургской – 2,6, в Саратовской – 2,5, в Симбирской – 2,3.

В отчете Самарского губернского попечительного о тюрьмах комитета за 1862 г. обращалось внимание на то, что «во всех тюрьмах средним числом содержалось ежедневно 1246 арестантов, по кубическому содержанию воздуха (2 куб. саж. на чел.) могло быть размещено в этих тюрьмах не более 673 человек. Переполнение порождало эпидемические болезни среди арестантов, нередко угрожая заразою и свободному населению» [8, с. 38].

Рост революционных настроений и социальной напряженности в обществе и, как следствие, увеличение в тюрьмах пенитенциарного контингента заставляли царское правительство предпринимать срочные меры по «переселению» избыточного количества осужденных подальше от промышленных центров европейской России в огромные необжитые пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока.

По данным Главного тюремного управления, в период с 1861 по 1898 г. в Сибирь и на Дальний Восток было сослано 543,8 тыс. чел., включая членов их семей, добровольно последовавших за ними. На 1 января 1898 г. на всей территории Сибири и Дальнего Востока, включая остров Сахалин, находилось 298 577 ссыльных, не считая членов их семей (см. таблицу).

Количество ссыльных в Сибири и на Дальнем Востоке, 1898 г.

Регион	Количество ссыльных	В процентном отношении
Томская губерния	106 093	35,53
Тобольская губерния	38 334	12,83
Енисейская губерния	51 019	17,13
Иркутская губерния	71 800	24,01
Забайкальская область	14 395	4,82
Якутская область	5177	1,73
Амурская область	679	0,23
Приморская область	2177	0,71
Остров Сахалин	8963	3,01

Для сравнения: на 1 января 1898 г. общее количество каторжных, отбывавших наказание на острове Сахалин, составляло 10 688 чел.

Регистрационный учет всех ссыльных и членов их семей был налажен лишь в 1882 г. С этого времени по 1898 г. в Сибирь было отправлено 148 032 ссыльных (не считая членов их семей). За ними последовало 81 043 члена их семей. По различным категориям ссыльных показатели их численности были следующими: административно-ссыльные – 77 158 чел. (52,1 %), ссыльно-поселенцы – 46 002 (31,1 %), сосланные на водворение – 21 652 (14,6 %), сосланные на житье – 3220 (2,2 %). Основная масса ссыльных (более 77 тыс. чел., т.е. 93,7 %) были лица, высланные как на основании судебных приговоров, так и во внесудебном порядке (по приговорам сельских и мещанских обществ), а остальные 6,3 % – лица, отправленные в ссылку за совершение политических преступлений.

В Восточную Сибирь[*], как правило, направлялись преступники, приговоренные судом к каторжным работам, а также к ссылке на «срочное» или «вечное» поселение. Не все ссыльные жили в отведенных для них местах. Большинство по прибытии, получив паспорт на отлучку для заработков, уходили и редко возвращались назад. Характерной особенностью ссылки был высокий процент беглых. На 1 января 1898 г. в «безвестной отлучке» находилось от 22,6 % ссыльных Енисейской губернии до 84,8 % – в Приморской области[**] [14, с. 23–25].

---

[*] Восточно-Сибирское генерал-губернаторство (генерал-губернаторство Восточной Сибири, 1822–1884) было образовано Указом императора Александра I «О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления» от 26 января (7 февраля) 1822 г. (ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 28892). Инициатором раздела Сибирского генерал-губернаторства (1803–1821) был его последний генерал-губернатор М.М. Сперанский (1819–1821).

В результате было образовано два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское (с центром в Тобольске, затем в Омске) и Восточно-Сибирское (с центром в Иркутске). В состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства входили: Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления. В 1850–1860-х гг. в его составе находились три административных области: Забайкальская, Амурская и Приморская. Все они управлялись из Иркутска. Центр Забайкальской области находился в Чите, Приморской – в Николаевске-на-Амуре, Амурской – в Благовещенске. 6 июня 1884 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было разделено на Иркутское и Приамурское. 2 июня 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было преобразовано в Иркутское.

[**] Приморская область была образована 31 октября 1856 г. в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Николаевске-на-Амуре, в которую входили Камчатка, Охотское побережье, Анадырско-Чукотский край, Приамурье, Сахалин, Курильские острова. Первым военным губернатором области стал П.В. Казакевич.

В 80-х г. XIX в. ссыльные из европейской части России, Сибири и Забайкалья стали регулярно направляться на Дальний Восток – в Амурскую, Приморскую области, Южно-Уссурийский край. В 1894 г. их удельный вес в отдельных местностях был весьма высок: в Николаевске – 20,2 %, в Хабаровске – 13,1 %, во Владивостоке – 3,5 %. Интересно, что численность ссыльнопоселенцев была самой высокой в Хабаровске, хотя существовали ограничения при поселении их в крупных административных центрах [19, с. 71].

К 1900 г. в Приамурском крае* проживало более 35 тыс. ссыльных, из них только в Приморье – 4 тыс., т.е. 1,4% населения области [11, с. 65].

Отправка партий ссыльнокаторжных на Дальний Восток осуществлялась двумя способами – по суше и по воде. В общих чертах это выглядело следующим образом:

– от Перми до Тюмени сухопутным трактом (пешком или на подводах);

– от Тюмени до Томска водным трактом (на пароходах или на баржах);

– от Томска до Иркутска сухопутным трактом (пешком или на подводах);

– от Иркутска через Байкал (на баржах или на пароходах) в летнее время, а в зимнее – пешком или на подводах. Кроме того, существовал еще и так называемый «кругоморской путь», проходивший по берегам Байкала, которым пользовались в определенное время года;

– от восточного берега озера Байкал до верхнего течения реки Амур сухопутным трактом (пешком или на подводах);

– по реке Амур водным трактом (на баржах, паузках** и пароходах).

Указанный путь движения арестантских партий из европейской части России на Дальний Восток был довольно труден и продолжался от 6–8 мес. до 1–2 лет. Помимо уже названного существовал и другой маршрут – по морю (пароходами из Одессы на остров Сахалин). Основная часть осужденных, отправляемых этим путем, должна была отбывать каторгу на острове. Перевозка ссыльнокаторжных на Сахалин осуществлялась на судах Добровольного флота, специально оборудованных под содержание таких «путешественников». Количество ссыльнокаторжных, отправленных на Дальний Восток морским путем, было довольно значительным. Например, в 90-х гг. XIX в. ежегодно на Сахалин доставлялось от 1100 до 1300 арестантов. Морской путь был более коротким и занимал примерно 1,5–2 мес., но, в силу разных причин, он мог растянуться и на более длительное время.

Передвижение ссыльнокаторжных более интенсивно осуществлялось в летний период, в осенне-зимний период большие партии арестантов накапливались в пересыльных тюрьмах и централах*** – в Тюмени, Томске, Красноярске, Иркутске и некоторых других, ожидая либо начала навигации на сибирских и дальневосточных реках, либо когда дороги и трактовые пути будут готовы к нормальному функционированию.

Препровождение осужденных обеспечивали специальные воинские части – местные или конвойные команды, которые имелись во многих городах Сибири и Дальнего Востока и подчинялись военному командованию. Одной из повинностей местного населения, проживавшего в притрактовой полосе, было выделение

---

* Приамурское генерал-губернаторство было образовано 6 июня 1884 г. с центром в Хабаровке. В его состав вошли Амурская, Приморская, Забайкальская области и остров Сахалин. Первым генерал-губернатором был назначен А.Н. Корф.

** Паузок – речное несамоходное деревянное беспалубное судно малой грузоподъемности, с плоским днищем, предназначенное для перевозки грузов по мелководью.

*** Централ – крупная тюрьма центрального подчинения, т.е. находившаяся в непосредственном подчинении Главного тюремного управления (Рижский, Орловский, Владимирский, Александровский и др.).

для арестантских партий подвод для перевозки больных и багажа и выделение сельской стражи, которая должна была осуществлять охрану этапных и полуэтапных помещений, в период пребывания в них пересылаемых лиц.

В годы массовых революционных волнений, когда поток ссыльнокаторжных заметно возрастал и имеющихся конвойных команд было явно недостаточно, военное командование выделяло для этих целей подразделения регулярной армии и казачьи части, однако делало это с большой неохотой, так как видело в этом отрицательные последствия, поскольку к охране или сопровождению «преступного элемента» привлекались воинские подразделения, не имевшие специальной подготовки.

В конце 90-х гг. XIX в., в ходе эксплуатации уже частично построенной Сибирской железной дороги, был существенно изменен не только способ пересылки ссыльнокаторжных, но сам маршрут их следования. Администрация Сибирской железной дороги имела в своем распоряжении несколько десятков специальных вагонов, предназначенных исключительно для перевозки арестантов. Одними из первых осужденных, доставленных в Восточную Сибирь таким образом, были члены Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса [2, с. 72–74].

С принятием закона от 6 января 1886 г. № 3447 «О занятии арестантов работами и распределении получаемых от сего доходов» повсеместно осужденные стали привлекаться к различным видам работ – строительным, землеройным, сельскохозяйственным, механическим, железнодорожным, ремонтным, погрузочно-разгрузочным, столярным, сапожным, портняжным, ткацким и т.п. До этого арестантские работы, кроме как на каторге и в арестантских ротах, ничем не регламентировались. Закон допускал эксплуатацию труда заключенных частными подрядчиками и самой администрацией тюрьмы. Та и другая система использования арестантского труда нередко превращала осужденных в настоящих рабов.

Циркуляры Главного тюремного управления, вышедшие в 80-е гг. XIX в. (от 25 апреля 1886 г. № 13; от 3 марта 1888 г. № 6; от 14 декабря 1888 г. № 21; от 25 июня 1889 г. № 16 и др.) уточняли условия арестантского труда как внутри тюремных помещений, так и вне пределов тюрьмы. Относительно видов арестантского труда внутри тюремных помещений Главное тюремное управление рекомендовало производить следующие виды работ: плетение из ниток веревок, а из проволоки – корзин; изготовление предметов быта из соломы и разных волокон; ремонт щеточных изделий; пошив одежды, мешков, обуви и т.п. С 1902 г., когда в составе Главного тюремного управления было открыто специальное отделение по организации труда осужденных, в тюрьмах начали вводиться и более сложные виды арестантских работ с применением ткацких машин фабрично-заводского типа.

Опираясь на американский и европейский опыт ведения пенитенциарного дела, царские чиновники пришли к выводу о необходимости использования огромного «людского потенциала» тюремного ведомства для заселения, хозяйственного и экономического освоения бескрайних пустующих территорий, расположенных в восточной части страны. Дешевый труд осужденных использовался исключительно при постройке жилищ, проведении дорог, рубке лесных просек, добыче золота, руды, угля и т.п.

Начиная с мая 1910 г. по январь 1916 г. труд ссыльнокаторжных стал применяться на строительстве Амурской железной дороги, где было занято 2500–3000 заключенных. За это время ими было заработано 4 269 305 руб. 10 коп., из которых в доход тюремного ведомства было перечислено 289 603 руб. 23 коп. На покрытие издержек по ведению указанных работ было отнесено более 3 млн руб. [9, с. 67].

Еще раньше, 7 июля 1894 г. на работы по постройке Иркутского участка Сибирской железной дороги из Александровской центральной каторжной тюрьмы был отправлен первый отряд осужденных в количестве 67 чел. В течение

июля 1894 г. на железнодорожные работы из этой же тюрьмы было отправлено 270 чел., в августе 1894 г. – 105 чел., в сентябре 1894 г. из Иркутского тюремного замка было отправлено 100 чел. и из Александровской центральной каторжной тюрьмы – 9 чел. Итого в работах по строительству железной дороги принимало участие 516 арестантов.

Ссыльнокаторжные трудились под конвоем надзирателей, количество которых составляло 8–13 чел. на 250–350 заключенных. Размер ежедневной рабочей нормы каждого осужденного составлял 0,383 куб. сажени* грунта, однако в летне-осенний период (с 1 мая по 10 октября) ее размер увеличивался до 0,5 куб. сажени. За работу по выемке или отсыпке 1 куб. сажени грунта при укладке полотна железной дороги была установлена плата в размере 2 руб. 30 коп. За одну десятину** вырубленного на участке строительства леса была установлена плата в размере 40 руб., а за одну десятину выкорчеванных пней – 60 руб. Из общего количества заработанных средств (19 828 руб. 27 коп.) в среднем один осужденный ежедневно получал 1 руб. 5,9 коп. [15, с. 118–120].

В связи с бурно развивающимся железнодорожным строительством постепенно стало изменяться и направление использования труда ссыльнокаторжных, который находит новое практическое применение не только при выполнении грунтовых работ, но и при прокладке железнодорожных путей. Рабочих рук на строительстве крайне не хватало. По отзывам чиновников, осуществлявших руководство ссыльнокаторжными при прокладке Уссурийской железной дороги, «...означенные команды принесли делу начала работ по постройке неоспоримую пользу...» [6, с. 153].

Указ о начале строительства Уссурийского железнодорожного пути был подписан императором Александром III 17 марта 1891 г. Возвращаясь из Японии, наследник царя – цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), который в это время путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку, 19 мая 1891 г. во Владивостоке заложил «первый камень» в строительство великого рельсового пути. По поводу состоявшегося торжественного мероприятия Александр III писал цесаревичу Николаю: «…знаменательно участие Ваше в начинании предпринимаемого мною сего истинно народного дела, да послужит новым свидетельством душевного Моего стремления облегчить сношения Сибири с прочими частями империи и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, живейшее Мое попечение о мирном его преуспеянии...» [16, с. 29–30].

Строительство Уссурийской железной дороги велось в период с 1891 по 1897 г. Производство работ было возложено на воинские подразделения расквартированных здесь частей, а также на вольнонаемных рабочих, прибывших из центральных губерний России. Однако немалую часть работ выполняли и ссыльнокаторжные, отправленные на строительство дороги с острова Сахалин и организованные в специальные железнодорожные арестантские команды. В строительных работах в 1891–1897 гг. принимало участие до 1,5 тыс. подневольных рабочих [12, с. 43]. Им отводились наиболее трудные и скалистые участки дороги. Для выполнения тяжелых грунтовых работ сюда направлялись только физически крепкие, выносливые и здоровые арестанты.

Ежедневно на 250–300 осужденных тюремное ведомство выделяло от 8 до 13 надзирателей. Конвоирование арестантов к месту проведения работ осуществлял военный караул. Питание производилось из общего котла (утренний чай, горячий обед, вечерний чай и ужин). Ежедневно каждый во время обеда получал не менее 1 фунта (409,5 г) мяса, а во время ужина – не менее 3-х золотников (1 зол. = 4,26 г), т.е. 1,54 кг хлеба, 100 г крупы, 205 г овощей. На ужин также выдавалось 100 г

* Кубическая сажень – старая русская единица измерения объема, равная 9,7127 м^3.

** Десятина – старая русская единица измерения площади, равная 10 925,4 м^2.

риса или другой крупы, 21 г сала. До наступления холодов хлеба выдавалось по 3 фунта каждому, а со второй половины сентября – по 4 фунта. Порция красного вина составляла 0,01 ведра и выдавалась от 3 до 4-х раз в месяц, в основном в праздничные и воскресные дни. Питание одного осужденного обходилось российской казне в 5,61 коп.

Утренний чай, обед и вечерний чай приготавливались на месте работ, ужинали – на месте ночлега. Лагерь ссыльнокаторжных находился на 685-й версте строящейся Уссурийской железной дороги. В некоторых пунктах также были построены стационарные лагеря, состоящие из деревянных бараков, помещений для охраны, столовых, бань, наблюдательных вышек. В летний период на строительстве дороги трудилось от 600 до 3 тыс. арестантов (в среднем 1816 чел.) [6, с. 153].

Ссыльнокаторжные рубили лес, выкорчевывали пни, долбили грунт, производили насыпи, строили мосты и т.п. За 1 куб. саж. (1 сажень = 2,13 м) грунта казной выплачивалось 2 руб. 30 коп. Один арестант в среднем зарабатывал в день 2 руб. 5,9 коп. Таким образом, наибольший заработок одного осужденного (при условии выполнения установленной нарядом нормы) в месяц составлял до 50 руб., а наименьший – 7 руб. Работали ссыльнокаторжные артелями по 20 чел. Каждая артель выбирала себе старосту. Ежедневная норма производства работ составляла 0,3 куб. саж. грунта. Рабочий день продолжался с 6 ч утра до 18 ч вечера. При этом на обед и послеобеденный отдых отводилось 2 ч (с 11 до 13 ч дня). В 7 ч 30 мин. и в 16 ч производилась остановка работ для чаепития.

В период организации строительных работ Уссурийская железная дорога была разделена на два участка:

1) Южно-Уссурийский – от Владивостока до станции Муравьева-Амурского (на реке Уссури), или Владивостокско-Графский участок (именно на этом участке железнодорожные арестантские команды выполняли основной объем работ), длиной 378 верст (400,68 км);

2) Северно-Уссурийский – от станции Муравьева-Амурского до Хабаровска, длиной в 340 верст (360,4 км).

Тяжелый арестантский труд использовался не только при строительстве Уссурийской железной дороги, но и при постройке Амурской колесной («Амурская колесуха») и Амурской железной дорог. Строительство Амурской колесной (шоссейной) дороги от Хабаровска до Благовещенска, протяженностью 960–980 верст (около 1 034,8 км), было начато в 1898 г. и закончилось в 1909 г. До 1905 г. в строительстве дороги принимали участие только уголовные преступники, а с 1905 г. – и политкаторжане.

«Амурская колесуха» первоначально строилась силами сахалинских каторжных. Однако с 1904 г. к ним стали добавлять каторжных из Московской центральной пересыльной тюрьмы и Александровского централа (расположенного близ г. Иркутска), Нерчинска, заключенных из местных приамурских тюрем. После 1905 г. Сахалинская каторга была ликвидирована, и к концу строительства основным контингентом, занятым на возведении шоссейной магистрали, были александровские и нерчинские каторжные. В 1907 г. их численность на строительстве достигает максимума – 1,2 тыс. чел. Затем она постепенно стала уменьшаться. К строительству дороги стали привлекаться и вольнонаемные рабочие. Тем не менее, «Амурская колесуха» от начала до конца строилась в основном трудом ссыльнокаторжных. Условия труда на строительстве дороги были настолько тяжелыми, что, по мнению И.П. Дубинского – автора статьи об Амурской колесной дороге в «Сибирской советской энциклопедии», – «она построена… на арестантских костях и полита арестантской кровью» [12, с. 43].

От Иркутска до Сретенска ссыльнокаторжные перевозились по железной дороге, а от Сретенска по реке Амур, на специально приспособленных для перевозки баржах, они прибывали непосредственно на место назначения. Прибыв

к месту производства работ, арестанты распределялись в три крупные партии (команды) – Пашковскую, Сутарскую, Райчихинскую. Каждая команда имела свое место расположения – лагерь. Перемещение лагеря производилось через каждые 20 верст.

С марта по ноябрь ссыльнокаторжные в лагере жили в палатках, а с наступлением холодов перебирались в землянки. Работы заключались в раскорчевке леса, в выборке и отсыпке грунта. За один рабочий день арестанты получали по 12 коп. (однако денежные выплаты были нерегулярными и с постоянными злоупотреблениями в сторону уменьшения оплаты). Со стороны надзирателей и конвоя осужденные постоянно подвергались телесным наказаниям. Так, бывший политкаторжанин А. Виноградов-Бессель в своих воспоминаниях писал: «нас бьют, когда идешь на работу, бьют, идя с работы, во время работы. Бьют и ночью, когда громко говоришь в палатке...» [3, с. 133].

После окончания работ на строительстве «Амурской колесухи», в рамках подписанного в апреле 1910 г. соглашения между военным губернатором Амурской области А.Л. Валуевым и начальником средней части Амурской железной дороги инженером В.В. Трегубовым, 750 ссыльнокаторжных, строивших Амурскую колесную дорогу, были переведены на работы по строительству Амурской железной дороги (от Хабаровска до Благовещенска).

Строительство Амурской железной дороги было начато в 1909 г. после выхода (6 июня 1908 г.) Высочайше утвержденного и одобренного Государственным советом и Государственной думой Закона «О начале сооружения Амурской железной дороги распоряжением казны и за ее счет». Закон устанавливал сроки и утверждал строительную стоимость головного участка Амурской железной дороги. В нем указывалось: «1) разрешить постройку Амурской железной дороги на всем ее протяжении от станции Куэнга Забайкальской железной дороги до города Хабаровска, с ветвями к городу Нерчинску и к реке Амуру у города Благовещенска средствами и распоряжением казны, с началом постройки этой дороги в 1908 г.; 2) утвердить строительную стоимость головного участка Амурской железной дороги протяжением 183 версты на восток от станции Куэнга Забайкальской железной дороги, в сумме 16 млн 99 тыс. 970 руб. без стоимости подвижного состава и его доставки на место работ...» [20, с. 313–314].

28 мая 1910 г. вышел Закон «Об установлении временных правил о заведовании арестантами, привлеченными к работам по сооружению Амурской железной дороги». Согласно распоряжению Главного тюремного управления от 10 ноября 1910 г. № 44, на постройку Амурской железной дороги подбирались арестанты в основном из мест заключения европейской части России. Так, в центральных тюрьмах (в Москве, Орле, Вологде, Самаре) работали специальные медицинские комиссии, которые проверяли общее состояние здоровья осужденных и давали заключение о пригодности их к тяжелому физическому труду. Из центра России (по железной дороге) арестанты перевозились до Сретенска. Затем водным путем (по рекам Шилке и Амуру) на судах Амурского пароходного общества («Юнона», «Ялта», «Варшава») они доставлялись в Забайкальскую и Амурскую области непосредственно к местам производства работ. Речные баржи «Варшава» и «Ялта» одновременно могли перевозить до 500 заключенных каждая, а «Юнона» – всего 250. В 1911 г. только на Западный участок Амурской железной дороги было доставлено 1878 арестантов.

На постройке Амурской железной дороги арестантский труд (в работах принимали участие не только ссыльнокаторжные, но и ссыльнопоселенцы, а также лица, осужденные в исправительные арестантские роты, и другие категории заключенных) стал применяться в 1909 г. со строительства первого ее участка Сковородино – Бурея. На втором участке Бурея – Хабаровск строительство началось в 1914 г. Первый участок Амурской железнодорожной линии был

открыт для движения в 1914 г., второй – в 1915 г. С окончанием строительства Амурского железнодорожного моста (осенью 1916 г.) впервые было открыто сквозное движение поездов по Уссурийской и Амурской железным дорогам.

Руководство и наблюдение за ходом арестантских работ на строительстве Амурской железной дороги было возложено на военных губернаторов Забайкальской и Амурской областей при непосредственном участии инспектора по тюремной части при Приамурском генерал-губернаторе. Для несения караульной службы в местах производства арестантских работ Главное тюремное управление из центральной России откомандировало 274 солдата, 6 офицеров и 333 тюремных надзирателя.

Ввиду тяжести выполняемых работ, осужденным предоставлялись льготы, в том числе и по сокращению сроков наказания. Так, например, Высочайше утвержденным 22 августа 1910 г. Положением Совета министров было установлено: «Предоставить Иркутскому и Приамурскому генерал-губернаторам право сокращать арестантам, участвовавшим в работах по сооружению Амурской железной дороги и отличившимся усердием и безукоризненным поведением, сроки назначенного им судебными приговорами наказания с зачетом 2-х дней, действительно проведенных на этих работах, за 3 дня каторги...» [1, с. 5–6].

Помимо этого, Высочайше утвержденным 30 января 1911 г. Положением Совета министров ссыльнопоселенцам и осужденным исправительных арестантских отделений, принимавшим участие в постройке Амурской железной дороги, предоставлялись следующие льготы: 1) право наниматься на работы в качестве вольнонаемных рабочих; 2) сроки перевода ссыльнопоселенцев в разряд крестьян из ссыльных сокращались из расчета 1 месяц работ за 2 месяца; 3) осужденным в исправительные арестантские отделения срок наказания исчислялся из расчета 2 дня работ за 3 дня заключения.

На выполненные работы Главным тюремным управлением были установлены следующие расценки: 1) за добычу 1 куб. саж. обыкновенного грунта – 1 руб. 20 коп. (ежедневное задание для одного осужденного составляло 0,44 куб. саж.); 2) за 1 куб. саж. скального грунта, добытого вручную, – 2 руб. 50 коп. (ежедневное задание составляло 0,21 куб. саж.); 3) за 1 куб. саж. скального грунта, добытого в результате взрывных работ, – 4 руб. 50 коп. (ежедневное задание составляло 0,12 куб. саж.). Не выходившие на работу по различным причинам арестанты (например, по болезни) находились на повседневном тюремном довольствии (20 коп. в день).

Кроме работ по выборке и отсыпке грунта, арестанты занимались заготовкой шпал из древесины местных пород, изготовлением и обжигом кирпича, разработкой земельных участков под огороды, покосом травы и заготовкой сена, пошивом и починкой одежды, а также ремонтом обуви. Так, в 1911 г. осужденными было заготовлено 66 тыс. шпал, засажено картофелем, капустой, редиской, луком и другими овощными культурами до 15 дес. (1 дес. = 1,09 га) земли.

Питание одного арестанта составляло 35–40 коп. в день (ежедневно они получали: 1 фунт мяса; 48 зол. капусты; 12 зол. суповых круп и 2 зол. крупчатки; 0,06 зол. лаврового листа; 0,12 зол. перца; 1 зол. уксуса; 1 зол. лука; 10 зол. соли). Кроме того, на ужин они получали 48 зол. гречневых круп и 6 зол. топленого сала, хлеба черного – 2 фунта и белого – 1 фунт. Таким образом, один арестант получал в день 4570 калорий.

Рабочий день начинался в 5 часов утра, после подъема арестанты пили чай с белым хлебом, затем выходили на работы, которые длились до 11.30–12.00 ч дня. С 12 до 14 ч – обед и отдых. С 14 до 16 ч снова работы, а с 16 до 16.30 – вечерний чай. В 19 ч вечера работы заканчивались, арестанты ужинали, выходили на прогулку, а в 20–21 ч вечера запирались в бараках на ночной отдых. Таким образом,

в течение одних суток арестанты работали в среднем 11 часов. В воскресные и праздничные дни работы не производились.

Работы по строительству железной дороги осуществлялись в условиях вечной мерзлоты, топких болот, непроходимых лесов, скалистых откосов, бурных горных рек, сносивших при наводнениях все построенные временные деревянные мосты и насыпи. На 100 арестантов приходилось 40 надзирателей и 300 конвойных солдат.

В сезон строительных работ в 1911 г. на западном участке строительства Амурской железной дороги находилось 1800 осужденных, а на среднем участке дороги между станциями Талдан и Ульмин – 2800. В среднем на строительстве всех участков Амурской железной дороги было занято до 5 тыс. осужденных [13].

Подводя итог, отметим, что в связи с присоединением к России огромных, необжитых, богатых природными ресурсами территорий, расположенных на востоке страны, начинается процесс их активного освоения. Колонизация приобретенных географических пространств определялась, с одной стороны, внутренними потребностями государства, а с другой – внешнеполитическими причинами, в том числе, необходимостью обеспечить военную защиту осваиваемых территорий.

Помимо добровольного переселенческого движения (крестьян, казачества, горожан, рабочих, запасных солдат и др.), царское правительство, взяв на вооружение опыт зарубежных государств, стало осуществлять принудительную колонизацию Восточной Сибири и Дальнего Востока путем административного водворения на новые земли государственных крестьян, а также лиц, совершивших государственные и уголовные преступления.

Рассматривая каторгу и ссылку как одну из форм колонизации отдаленных территорий, царская администрация широко использовала дешевый, но малоэффективный труд каторжных и ссыльнопоселенцев с целью заселения, хозяйственного и экономического освоения малонаселенных, необжитых, богатых природными запасами восточных окраин страны.

В целях дальнейшей ресоциализации осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений, труд ссыльнокаторжных широко применялся тюремным ведомством не только в ремесленном, ткацком, сельскохозяйственном, механическом, столярном, сапожном, портняжном и т.п. производстве, но и при строительстве таких стратегически важных объектов, как Уссурийская и Амурская железные дороги, Амурская колесная (шоссейная) дорога. Несмотря на то, что масштабы арестантских работ были несоизмеримы по отношению к тем, которые производились на Сахалинской каторге, однако прокладка железнодорожного и шоссейного пути к Тихому океану имела для России огромное геополитическое, военно-стратегическое и социально-экономическое значение.

Список источников

1. Арестантские работы при сооружении Амурской железной дороги. СПб., 1912. 162 с.
2. Баяндин В.И. Организация пересылки ссыльных в восточные районы Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 35-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., г. Благовещенск, 22–27 июня 1993 г. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. 195 с.
3. Винградов-Бессель А. Амурская колесная дорога // Былое. 1917. № 3 (25).
4. Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Уголовные наказания в России (история законодательства и практики его применения): монография. Домодедово: РИПК работников МВД России, 1997. 102 с.

5. Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века: учеб. пособие. Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1973. 66 с.
6. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1896. 172 с.
7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: соч. в 5 т. 3-е изд. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. Т. 3 (1870–1900). 430 с.
8. Детков М.Г. Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы: учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. 88 с.
9. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М.: Интерправо, 1994. 119 с.
10. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России: пособие для учителя. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. 395 с.
11. История российского Приморья: учеб. пособие для 8–9-х классов общеобразовательных учреждений всех типов / отв. ред. В.Л. Ларин; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1998. 248 с.
12. Ковальчук М.А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России (середина XVII – начало XX вв.): монография. Хабаровск: ДВГУПС; ДаДор, 2005. 165 с.
13. Кораблин К.К. Исторический опыт пенитенциарной колонизации восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX века) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая междунар. науч. конф., 12–14 октября 2016 г.: программа и тезисы / отв. ред. С.М. Дударёнок. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 160; Он же. Каторжане и ссыльнопоселенцы на строительстве Уссурийской и Амурской железных дорог (вторая половина XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2007. № 14. С. 18–21; Он же. Каторжане на строительстве Транссиба // Россия и АТР. 2005. № 1 (47). С. 48–53; Он же. Каторжане и ссыльнопоселенцы на строительстве Уссурийской и Амурской железных дорог (вторая половина XIX – начало XX в.) // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: мат-лы междунар. симпозиума, 18–19 мая 2005 г.: в 3-х т. Т. 2. Хабаровск: ДВГУПС, 2005. С. 27–30; Он же. Каторжане на строительстве Восточного участка Транссибирской железнодорожной магистрали (к 100-летнему юбилею Транссиба) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2001. № 1. С. 107–111.
14. Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX века: учеб. пособие. М.: Академия МВД России, 1996. 60 с.
15. Об арестантских работах на Сибирской железной дороге // Тюремный вестник. 1895. № 3. С. 114–152.
16. Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892. 31 с.
17. Олех Л.Г. История Сибири: учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005. 360 с.
18. Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: ВЮЗИ, 1961. 303 с.
19. Позняк Т.З. Динамика сословного состава городов Приморской области в конце XIX – начале XX века // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 35-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., г. Благовещенск, 22–27 июня 1993 г. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. 195 с.
20. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. 28. № 30423.

УДК 316.346.32-053.6

Крупа Т.А.

ВЛАДИВОСТОК – ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье молодежь рассматривается как трудовой ресурс, мигрирующий из сельских местностей и малых городов с низкой производительностью экономики в более развитые районы. Речь идет о русских студентах, которые воспринимаются как внутренние мигранты, добровольно поменявшие место жительства в связи с обучением. Выясняется главная мотивация для молодых людей при переезде на жительство в г. Владивосток.
Ключевые слова: Владивосток; внутренняя миграция; молодежь; образование; перемена места жительства; студенты; социальная среда.

Krupa T.A.

VLADIVOSTOK – THE POINT OF ATTRACTION FOR STUDENTS

In the article the youth as a work force migrating from rural areas and small towns with low economic productivity in more developed areas. We are talking about the Russian students who are treated as internal migrants, voluntarily changed their place of residence in connection with training. It turns out the main motivation for young people when moving on a residence in Vladivostok.
Keywords: Vladivostok; internal migration; youth; education; relocation; students; social environment.

Город Владивосток выглядит очень привлекательно для молодежи, для приезжих из Приморского края и других регионов Дальнего Востока, а также для иностранцев. Привлекает живописная природа, наличие моря, высокая концентрация образовательных организаций, а также учреждений в сфере культуры и досуга.

Желание получить образование во Владивостоке для молодежи обусловлено серьезными переменами в промышленной структуре Приморья. Молодые специалисты востребованы в реализации крупных технологических проектов: нефтеналивного терминала в бухте Козьмино, завода по сборке автомобилей «Соллерс», новых судоверфей по ремонту и строительству современных грузовых и пассажирских кораблей, завода компании «Роснефть» по производству химических полимеров, строительства морских платформ по добыче газа, производственно-логистического комплекса «Янковский», игорной зоны «Приморье», проекта «Свободный порт – Владивосток» и др.

Выбор профессии для молодых людей связан с переменой места жительства. Переезд 17-летнего молодого человека в большой город не всегда связан с осознанным выбором профессии, иногда это просто желание переехать в крупный город, изменить образ жизни.

В последние годы в вузах г. Владивостока уменьшается доля местных студентов и увеличивается количество приезжих. В данном случае молодежь можно рассматривать как трудовой ресурс, мигрирующий из сельских районов и малых городов с низкой производительностью экономики в более развитые районы. В настоящее время расширилась география студентов, приезжающих учиться в г. Владивосток. Она не ограничивается Приморским краем, а включает в себя Сибирь, Якутию, Сахалин, Камчатку, Хабаровский и Амурский края, несмотря на то, что в некоторых из этих регионов имеются свои профильные вузы. Также

в г. Владивосток в последние годы приезжают учиться иностранные студенты из стран АТР – Китая, Вьетнама, Индии, Малайзии и др. В 2015 г. Доля иностранцев в ДВФУ превысила 13 % от общего контингента обучающихся, а общее число иностранных студентов в вузе достигло 2505 человек, всего в ДВФУ обучаются студенты из 47 стран [5].

В данной статье будет идти речь о русских студентах, которые рассматриваются как внутренние мигранты, добровольно поменявшие место жительства в связи с обучением. Перемена места жительства вполне оправдана врожденной потребностью молодых людей искать достойное применение своим силам и способностям, стремиться к лучшей жизни, профессиональному росту, добиваться больших заработков [6]. Часто решение о миграции объясняется индивидуальными представлениями молодежи о более благополучном положении региона (в данном случае – г. Владивостока).

Студенты как внутренние мигранты в данном случае могут рассматриваться внутри социальной функции миграции, которая заключается в стремлении более полно удовлетворить свои потребности за счет смены места жительства и социально-экономической инфраструктуры принимающего региона, города. Внутренняя миграция студентов в перспективе способствует повышению их жизненного уровня и социального развития. В общем тренде современных миграционных процессов специалистами отмечается высокая доля молодежи, она достигает практически 50 % [9, с. 36].

Для учащейся молодежи характерно добровольное изменение прежней территориальности, несмотря на то, что это влечет за собой временное ущемление их ряда естественно-антропологических прав [3, с. 96].

У приезжих молодых людей можно отмечать нарушение социальной интеграции: из одной социальной и природной среды они переместились в другую и теперь искусственно создают полезные связи на новом месте жительства [2, с. 264]. Этот процесс обозначается адаптацией.

Поменяв место жительства с целью учебы, молодые люди, по существу, на протяжении некоторого периода времени являются маргиналами. В данном случае определение маргинал используется как социологическое понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику.

Целью данной статьи является рассмотрение русской студенческой молодежи в качестве внутренних мигрантов. Автором был проведен опрос студентов по специально разработанной анкете. Выборка включала русских студентов ведущего вуза Владивостока – ДВФУ. На основании случайного отбора, а также используя принцип удобства, для опроса было выбрано 7 студенческих групп инженерных специальностей. Всего опрошено 119 человек.

При анализе анкет было выяснено, что главной мотивацией для молодых людей при переезде в г. Владивосток являлось стремление получить определенную специальность, которая есть только в ДВФУ. Для 10 % ведущей была мотивация, связанная с желанием жить в крупном городе. Примерно столько же студентов много хорошего слышали о Владивостоке, поэтому приехали сюда учиться. Для меньшинства (3 %) мотивация смены места жительства с профессией не связана. Трем процентам опрошенных все равно на кого учиться, лишь бы жить во Владивостоке. Для 30 % опрошенных смена места жительства связана с желанием учиться в ДВФУ, обретением необходимой специальности, факторами престижности и перспективности.

Основная масса опрошенных студентов – жители городов и сел Приморского края, их более половины (54 %); владивостокских студентов меньше – 27 %; удельный вес студентов из других регионов Дальнего Востока ниже – 15 %. При

этом из Хабаровского края – 8 %, Амурской области и ЕАО – 6 %, из Камчатки, Сахалина, Якутии – 5 % [7, с. 51].

Таблица 1

Оценка мотивации студентов при смене места жительства в связи с обучением, %

Выбранная специальность есть только в одном из владивостокских вузов	Хотелось бы жить в крупном городе	Много хорошего слышал(а) о Владивостоке	Все равно на кого учиться, лишь бы жить во Владивостоке	Престижно, перспективно учиться во Владивостоке	Затруднились с ответом
30	10	8	3	12	37

Среди опрошенных, в данном случае студентов, владивостокская молодежь составляет меньшинство – 27 %; приезжих русских студентов большинство – 73 % [7, с. 52].

По окончании обучения не каждый молодой специалист желает вернуться на малую родину. Карьерные перспективы, как правило, многие связывают с жизнью в крупном городе, где больше возможностей для работы и для развлечений, которые массово представлены в инфраструктуре города. Согласно опросу, проводившемуся среди студентов ДВФУ, не планируют вернуться в свой родной город, поселок 23 % опрошенных; 29 % пока не могут однозначно ответить на этот вопрос; 17 % планируют вернуться назад, как правило, это приехавшие из других регионов Дальнего Востока – из Хабаровского края, Сахалина, Якутии.

Владивосток привлекателен с точки зрения отдыха, развлечений, но условия повседневной жизни в нем не всегда комфортны. Ощущение дискомфорта мешает успешной адаптации молодежи к городской среде. Сложный рельеф г. Владивостока, влажный климат, высокая концентрация автотранспорта – это факторы, осложняющие адаптацию молодежи. Для того чтобы обозначить рейтинг факторов дискомфорта, опрашиваемым был предложен открытый вопрос: «В чем вы испытываете дискомфорт, живя во Владивостоке»?

Таблица 2

Рейтинговая оценка уровня дискомфортности во Владивостоке, %

Много людей	Не испытываю дискомфорта	Дороговизна	Климат	Грязь	Рельеф	Транспорт	Пробки
8	13	24	24	28	31	34	70

Как видно из рейтинга, городской транспорт и пробки – наиболее раздражающий фактор для опрошенных. С учетом того, что большинство молодых людей из малых городов и сел Приморского края, где таких проблем практически нет, можно говорить о городских проблемах как факторах, влияющих на процесс успешной адаптации молодежи. Но, тем не менее, несмотря на дискомфорт, Владивосток является для молодежи точкой притяжения в связи с наличием перспектив для развития и профессионального роста.

Перемена места жительства, отрыв от дома для молодого человека, с одной стороны, – желанный фактор, но и стрессогенный одновременно. Долгий отрыв от родного дома, пребывание в казенной обстановке общежития порождает стремление к периодической и маятниковой миграции студентов. Приезжим

студентам был задан вопрос: «Как часто вы ездите домой»? Ответы были следующие: 1 раз в неделю – 18 %; 1 раз в месяц – 23 %; 1 раз в полгода – 23 %; 1 раз в год – 2 % [7, с. 53].

Помимо того, что студенты вовлечены в процесс добровольной внутренней миграции, также характер их перемещений связан с периодической миграцией между сессиями (в нее вовлечены студенты из других регионов Дальнего Востока) и с маятниковой миграцией, которая носит местный характер и связана с ежедневным перемещением части населения к месту учебы и обратно (в нее вовлечены студенты близлежащих к г. Владивостоку малых городов и сел).

Частые поездки домой осложняют для студента учебный процесс. В связи с частыми отъездами приходится пропускать занятия или отпрашиваться. Приезжие из Приморского края студенты вынуждены лавировать «между двумя расписаниями»: занятий и транспорта.

Современными исследователями отмечается сложность современных миграционных процессов в регионе. Изменяется этническая структура миграции – возросла доля иммигрантов из Средней Азии, которые образуют большие однородные общины на территории Приморского края. С другой стороны, приток мигрантов сегодня для Приморья демографически оправдан, так как он частично возмещает убыль собственного населения и возникающий при этом дефицит трудовых ресурсов [4, с. 157]. Но если до 2013 г. мы привыкли мигрантов видеть только в качестве рабочих и обслуживающего неквалифицированного персонала, то в настоящее время все чаще встречаем их в числе студентов вузов.

В крупных городах России периодически происходят конфликты между представителями молодежи титульной и нетитульной национальностей. Во Владивостоке крупных столкновений такого рода пока не отмечается. В настоящее время большая часть студентов в г. Владивостоке – россияне.

Оценить уровень протестных настроений среди русских студентов по отношению к иностранным мигрантам позволил соответствующий вопрос: «Как вы относитесь к иностранным мигрантам, живущим во Владивостоке?»

Таблица 3

Оценка отношения опрошенных к мигрантам, %

Равнодушно	Отрицательно	Резко отрицательно	Нормально	Хорошо	Нет ответа
37	24	14	13	2	10

Тенденция наполнения студенческого сообщества нерусскими народами отчетливо видна в последние 6 лет (во Владивостоке – это китайцы, вьетнамцы, тувинцы, якуты, армяне, азербайджанцы, узбеки, малазийцы, индусы и др.). В 2015 г. в ДВФУ приняли на обучение на 36 % больше иностранных студентов, чем в 2014 г. [5].

Многонациональное население Приморского края в настоящее время насчитывает около 218 национальностей. С годами количество представителей нерусских народов увеличивается, соответственно, появляется больше национальных диаспор, общин и общественных организаций. Общины живут в соответствии со своими традициями и культурой, формируются замкнутые сферы экономической активности, или анклавы, с так называемой этнической экономикой [9, с. 32]. В г. Владивостоке такие анклавы сформировались в сфере торговли, общепита, транспорта. С 2007 г. в крае существует региональная общественная организация «Дружба народов Средней Азии», в которую входят таджики, узбеки, киргизы, казахи [1, с. 27]. Многонациональность Приморья подтверждена наличием большого количества национальных диаспор и общественных органи-

заций: азербайджанская диаспора «Достлуг», армянская диаспора, узбекская общественная организация «Адолат», корейская, китайская диаспоры, киргизская региональная общественная организация «Ынтымак» и др.

Многонациональность Приморья порождает проблему межэтнических отношений. Между коренными жителями и мигрантами наблюдаются социальные, политические, расовые, культурные различия. Возникают противоречия на этнической и религиозной почве, нередко проявляющиеся в конфликтах [8, с. 97]. В данном случае в г. Владивостоке уровень протестных межнациональных настроений, по итогам данного исследования, можно оценить в интервале «ниже среднего» [7, с. 55].

Большинство опрошенных русских студентов – приезжие из малых городов и поселков Приморского края, где иностранцев почти нет. Это подтверждают соответствующие ответы на вопрос: «Много ли иностранных мигрантов в вашем родном городе (поселке)?» Студенты, проживающие в районах Приморского края, отвечают: «У нас нет мигрантов» (25 %); студенты, проживающие в таких регионах, как Амурская область, Хабаровский край, Камчатка, Якутия, ответили: «У нас мало мигрантов» (20 %); студенты, проживающие в малых городах Приморского края, отвечают: «У нас их не много» (20 %); студенты, живущие во Владивостоке, ответили: «У нас много мигрантов» (35 %) [7, с. 55].

Иностранные мигранты сконцентрированы, в основном, в крупных городах. Во Владивостоке увеличение их количества было обусловлено строительством объектов саммита АТЭС 2012 г.

Для молодежи, прибывшей жить и учиться во Владивосток, происходит социальный переход: отсутствие контактов с представителями иностранной молодежи в домашних условиях и вхождение в контакт с иностранцами на новом месте. Можно ли считать такой переход конфликто- и стрессогенным? Для четверти опрошенных студентов контакты когда-либо имели конфликтогенный характер (23 %); 63 % конфликтов с иностранцами-мигрантами не имели; 14 % не дали ответа. При анализе интернет-сайтов было обнаружено только одно упоминание о побоище с участием китайских студентов в мае 2016 г.

В целом, уровень конфликтогенности между русскими и нерусскими студентами во Владивостоке пока можно признать низким. Владивосток – город многонациональный и толерантный в этом отношении.

Итак, в статье были рассмотрены факторы привлекательности г. Владивостока для учащейся молодежи во внутримиграционном контексте.

Большинство опрошенных молодых людей – приехавшие в г. Владивосток студенты. Причина перемены места жительства – обретение перспективной профессии. Ориентация на возвратную миграцию низкая (17 %). Уровень неудовлетворенности внутригородскими условиями – высокий, уровень межнациональной конфликтности – низкий.

Список источников

1. Авдеев Ю.А., Пушкарев С.Г. Об опыте работы общественно-консультативного совета при управлении Федеральной миграционной службы России по Приморскому краю // Приморье: народы, религии, общество. Владивосток, 2010. С. 24-31.
2. Анашкин Ю.И. Система управления адаптацией студентов-первокурсников // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2013. № 3 (100). С.263-271.
3. Воробьева О.А. Проблема адаптации студентов-первокурсников из сельской местности к обучению в колледже // Психология в России и за рубежом: мат-лы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, октябрь 2011 г. СПб.: Реноме, 2011. С. 96-98.
4. Ермак Г.Г. Национально-культурные объединения в системе межэтнических отношений Приморского края // Приморье: народы, религии, общество. Владивосток, 2010. С. 157-172.

5. Иностранные студенты из 47 стран мира поступили в ДВФУ в 2015 году. Пресс-центр ДВФУ URL: https://www.dvfu.ru/news/admission/foreign_students_from_47_ countries_enrolled_at_fefu_in_2015/ (дата обращения: 10.07.2016).
6. Какаева О.М., Донских Г.А., Шупта Н.А. Психолого-педагогические проблемы адаптации студентов-первокурсников // СибАК: заочная науч.-практ. конф. АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 18 февраля 2013 г. URL: www http // sibac.info>index.php/2009-07-01-21-16/6512
7. Крупа Т.А. Молодежь Приморского края в начале XXI века: социологический анализ: монография. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2015. 101 с.
8. Шаховская Л.С., Дубова Ю.И.Управление маркетинговой деятельностью как институциональный процесс: монография. Волгоград, 2013. 123 с.
9. Шаховская Л.С., Кетько Н.В. Оценка мотивации труда наемных работников в условиях рыночной экономики: монография. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2012. 111 с.

УДК 94

Куманев Д. С.

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья посвящена вопросу классификации террористических и экстремистских организаций в странах Юго-Восточной Азии. Автор делает попытку проиллюстрировать спектр террористических организаций и повстанческих групп в странах Юго-Восточной Азии по идеологическому признаку, приводит их примеры.
Ключевые слова: Юго-Восточная Азия; терроризм; экстремизм; радикализм; сепаратизм.

Kumanev D.S.

THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF TERRORIST AND EXTREMIST ORGANIZATIONS IN THE COUNTRIES OF THE SOUTH-EASTERN ASIA

The article is devoted to the classification of terrorist and extremist organizations in the countries of South-East Asia. The author makes an attempt to illustrate the range of terrorist organizations and rebel groups in the countries of South-East Asia on ideological grounds, results of their examples.
Keywords: Southeast Asia; terrorism; extremism; radicalism; separatism.

В конце XX – начале XXI в. в регионе Юго-Восточной Азии действовали и продолжают действовать, по разным оценкам, от 60 до 300 террористических и повстанческих групп и организаций [5, с. 235]. По данным «Глобальной базы данных по терроризму» (The Global Terrorism Database (GTD), с 1991 по 2011 г. ими было совершено 4833 террористических акта и вооруженных нападения [9]. Большинство террористических и повстанческих групп в регионе существуют уже не одно десятилетие.

Особенностью региона Юго-Восточной является и то, что в настоящее время в нем представлен практически весь спектр террористических организаций и повстанческих групп по идеологическому признаку – от крайне левых (как,

например, «Новая Народная армия» (New People's Army) до крайне правых (как, например, «Джамаа Исламия» (Jemaah Islamiya) организаций. Попробуем классифицировать эти организации и охарактеризовать их деятельность по мере их появления.

Радикальные организации, действующие в странах Юго-Восточной Азии, можно классифицировать по нескольким направлениям, исходя из движущих их идей и целей. В первой группе находятся организации левого толка. Во второй группе – организации, которые борятся за отделение – сепаратисты. В третью группу мы выделяем террористические организации, движущей силой которых является религиозный экстремизм.

Начнем с организаций, которые являются сторонниками социалистических идей и активно используют терроризм в своей политической борьбе. К ним, в настоящий момент, относятся на Филиппинах: «Новая народная армия» (New People's Army (NPA), «Бригада Алекса Бонкайо» (Alex Boncayao Brigade (ABB), «Революционная народная армия» (People's Revolutionary Army).

Социалистические идеи нашли широкую поддержку у народов Юго-Восточной Азии в начале XX в. Они сыграли значительную роль в период «национального пробуждения» и борьбы за независимость в молодых государствах Юго-Восточной Азии. Однако прийти к власти и вести страну по социалистическому пути развития и в XXI в. удалось только Социалистической Республике Вьетнам и Лаосской Народно-Демократической Республике. В остальных странах региона коммунистические движения были разгромлены и оттеснены на периферию политического поля. Не имея возможности вести легальную политическую борьбу, они обратились к террористическим методам и создали свои вооруженные отряды боевиков. Наиболее ярко процесс маргинализации коммунистического движения прослеживается на примере Республики Филиппины.

Социалистическое движение на Филиппинах имеет свою богатую историю. Первая Коммунистическая партия Филиппин была создана 26 августа 1930 г. по инициативе Крисанто Эванхелиста и придерживалась идеологии марксизма-ленинизма. Но к середине 1950-х гг. вследствие арестов и вооруженной борьбы с правительством она потеряла почти все руководящее ядро. Поэтому в 1956 г. было принято решение о переходе к мирным средствам борьбы. Это вызвало недовольство прокитайски настроенных активистов. В 1967 г. они были исключены из партии и, решив продолжить вооруженную борьбу, создали свою Коммунистическую партию Филиппин, которая больше придерживалась идеологии маоизма и была политически ориентирована на Пекин.

Коммунистическая партия Филиппин (Communists Party of the Philippines – CPP) была образована 26 декабря 1968 г. на учредительном съезде, который прошел в провинции Пангасинан на севере Филиппин. Ее основателем и лидером до настоящего времени является Хосе Мария Сисон [1, с. 327]. Партию еще называют Коммунистической партией Филиппин идей Мао Цзэдуна.

29 марта 1969 г. партия создала свое вооруженное крыло – «Новую народную армию» (New People's Army – NPA), которая первоначально состояла из бойцов Хукбалахап – подразделения и воевало против японской оккупационной армии на Филиппинах во время Второй мировой войны, а потом являлось вооруженным крылом просоветской «Коммунистической партии Филиппин», созданной Крисанто Эванхелиста.

Начав военные операции с севера страны в 1969 г. «Новая народная армия» воюет в 69 из 81 филиппинской провинции. По разным оценкам, от рук маоистов за эти годы погибло более 40 тыс. чел. Начало 80-х гг. считается пиком активности Коммунистической партии Филиппин и «Новой народной армии», чьи силы оценивались в тот момент в 25 тыс. боевиков [3, с. 134].

Однако распад Советского Союза привел к кризису левых движений по всему миру в конце XX в. Коммунистической партии Филиппин и ее руководителю Хосе Мария Сисону пришлось предпринимать меры, чтобы сохранить партию и ее приверженность вооруженной борьбе, учитывая тот факт, что внутри партии все 1980-е гг. шла острая дискуссия по вопросам соотношения массовой и вооруженной борьбы. Чтобы спасти ситуацию в 1991 г., Сисон опубликовал текст «Вновь подтверждая наши основные принципы и исправляя ошибки», в котором призывал вернуться на классические маоистские позиции. Однако часть организации не признала этого текста и была исключена.

Вышедшие из состава Коммунистической партии Филиппин организации стали основой для формирования «Революционной рабочей партии Филиппин» (РРПФ). Ее вооруженным крылом стала группа «Бригада Алекса Бонкайо» (Alex Boncayao Brigade (ABB), действовавшая в Маниле, которая еще в 1984 г. откололась от «Новой народной армии». Основной причиной разрыва был спор о месте ведения боевых действий. Alex Boncayao Brigade настаивала на том, что боевые действия стоит перенести в город, в то время как «Новая народная армия» всегда воевала только в сельской местности.

В 2001 г. ячейка на острове Минданао вышла из РРПФ в связи с разногласиями по ряду политических вопросов, образовав «Революционную рабочую партию Минданао» (РРПМ). Вооруженным крылом новой партии на острове стала «Революционная народная армия». РРПМ встала на троцкистские позиции и поддерживала отношения с Четвертым интернационалом.

В июле 1994 г. был образован «Национальный демократический фронт» (National Democratic Front – NDF) Филиппин. Хосе Мария Сисон задумывал его как попытку создания легального политического крыла своей партии, расширения идеологического поля и вовлечения новых организаций в политическую и вооруженную борьбу с центральным правительством. Коммунистическая партия Филиппин составила основу «Национального демократического фронта».

8 сентября 2002 г. Коммунистическая партия Филиппин и «Новая народная армия» были включены в список террористических организаций Государственным секретарем США в соответствии с разделом 219 «Закона об иммиграции и гражданстве» (Immigration and Nationality Act) [7].

Правительство Филиппин не раз хотело примириться с повстанцами. Так, 5 сентября 2007 г. президент Филиппин Глория Арройо подписала «Прокламацию об амнистии» 1377 членов Коммунистической партии Филиппин, «Новой народной армии» и других коммунистических повстанческих групп и их головной организации «Национального демократического фронта». Однако вооруженная борьба этих организаций до сих пор продолжается.

Следующая идеологическая основа экстремистских организаций в Юго-Восточной Азии сложилась в 60-х годах XX в. и была связана с сепаратистскими тенденциями во вновь образовавшихся полиэтничных государствах.

К сепаратистам, использующим террористические методы в борьбе с центральным правительством, мы можем отнести на южных Филиппинах: «Национальный фронт освобождения Моро» (Moro National Liberation Front – MNLF); в Индонезии: «Движение за свободный Ачех» (Free Aceh Movement – GAM), «Движение за свободное Папуа» (Free Papua Movement – OPM), «Республика Южная Малукку» South Maluku Republic – RMS); в Бирме: «Национальный союз Кая» (Kayin National Union – KNU); в Таиланде: «Единый фронт за независимость Патани» (United Front for the Independence of Pattani), «Национальный революционный фронт» (Barisan Revolusi Nasional – BRN).

Эти организации борятся за идентичность этнической или религиозной группы в своих многонациональных странах, за сохранение своей самобытности

и получение независимости или, как минимум, автономии от центрального правительства в своих государствах.

Корни таких конфликтов лежат в колониальном прошлом Юго-Восточной Азии. Проникновение в эту часть света португальцев в начале XVI в. открыло путь европейцам для торговли, а впоследствии и колонизации этих мест. Англия, Франция, Испания, Голландия, Португалия, США имели здесь колонии. Единственной страной в Юго-Восточной Азии, которая смогла избежать колонизации, был Сиам (ныне Таиланд). Приход европейцев и раздел ими региона на сферы влияния разрушил связи азиатских и африканских государств, поломал налаженную систему торговли, привел к упадку некогда сильных султанатов и королевств [3, с. 85].

Во время периода колонизации европейцы заложили основу для одного из самых сильных современных конфликтов в регионе – этнического. Активно осваивая природные богатства Юго-Восточной Азии, развивая экспортно-ориентированные сельскохозяйственную и добывающую промышленности, они в большом количестве завозили в свои колонии дешевую рабочую силу из Китая и Индии. В результате такой политики в этническом составе колоний китайцы и индусы составили значительную часть населения. Кроме того, европейские государства, устанавливая границы своих колоний, искусственно разделили этнические группы, которые впоследствии оказались в составе разных государств (например, малайцы Индонезии, Малайзии, Таиланда и Филиппин) [8, с. 64].

После Второй мировой войны в регионе начался процесс деколонизации, который привел к появлению в Юго-Восточной Азии самостоятельных государств. Однако в процессе обретения независимости, который для стран региона был очень тяжелым и зачастую кровавым, обострились и сепаратистские настроения в этнически однородных штатах и провинциях разных стран региона. Для молодых государств Юго-Восточной Азии на первом этапе стояла сложная задача не потерять целостность государства, не допустить в них межэтнического конфликта и гражданской войны. С этой целью правительства этих стран стали проводить активную национальную политику. Процесс обретения собственной идентичности, построение государства-нации занял несколько десятилетий и не всегда был успешным, а в таких странах как Бирма, Малайзия, Индонезия, Филиппины он продолжается до сих пор [2, с. 112].

Основной тенденцией конца XX – начала XXI в. стало увеличение радикально настроенных исламистских организаций, выступающих с позиций религиозного фундаментализма и использующих терроризм в целях политической борьбы с оппонентами. На южных Филиппинах это следующие организации: «Группа Абу Сайяф» (Abu Sayyaf Group – ASG), «Исламский фронт освобождения Моро» (Moro Islamic Liberation Front – MILF), «Исламские вооруженные силы Бангсаморо» (Bangsamoro Islamic Armed Forces – BIAF), «Исламское движение Раджи Солиамана» (Rajah Soliaman Islamic Movement – RSIM); в Индонезии: «Фронт защитников ислама» (Front Pembela Islam – FPI) / The Islamic Defenders Front – IDF), «Джемаа Исламия» (Jemaah Islamiyah – JI), «Моджахеды Ласкар» (Laskar Mujahidin – LM).

Все эти организации объединяет стремление создать исламское государство в районах проживания мусульман на Малайском архипелаге.

Среди причин, способствующих столь стремительному распространению исламизма в мусульманском мире с начала 1980-х гг., отмечают провал политики построения национальных государств в постколониальных странах. Аппеляция к религии сменила аппеляцию к национальному самосознанию. В странах, где этническое и религиозное меньшинство оказалось менее успешно в социально-экономической сфере, оно обратило свое внимание к религиозным ценностям, пытаясь найти в них основу своего существования. Самые радикальные последо-

ватели исламизма вставали на путь вооруженной борьбы и создавали экстремистские и террористические организации для воплощения своей политической программы.

После окончания войны в Афганистане в 1980-х гг., в которой поддерживаемые США моджахеды сражались с советскими войсками, в Юго-Восточной Азии стали появляться новые предпосылки для расширения терроризма в регионе. Возвращение из Афганистана в свои страны вчерашних моджахедов послужило основой к созданию исламистских террористических групп в странах Юго-Восточной Азии и способствовало новому витку насилия в регионе [4, с. 122].

Афганский опыт занимает центральное место в развитии радикальных исламистских группировок в Юго-Восточной Азии. Большинство мусульманского населения государств Юго-Восточной Азии (по оценкам, 230 млн мусульман) являются носителями умеренных и терпимых взглядов и готовы сосуществовать с другими религиозными группами в рамках светского государства. Однако радикальный религиозный призыв из таких стран, как Саудовская Аравия, Пакистан и Афганистан, был обращен к мусульманскому меньшинству и нашел своих сторонников в Юго-Восточной Азии. Многие будущие лидеры радикальных исламистских групп Юго-Восточной Азии отправились воевать или обучаться военному делу в Афганистан в 1980-е гг. Кроме того, многие будущие боевики из Юго-Восточной Азии учились в медресе (религиозных школах) за рубежом, например в Пакистане, где учат более строгой интерпретации ислама.

Появление масштабного и радикального исламистского сопротивления в Афганистане в 1980-е гг. также добавило новое измерение мусульманскому сепаратизму в Юго-Восточной Азии. Местные сепаратистские группы теперь смогли получить идеологическую поддержку и финансовую помощь от хорошо финансируемых международных исламских движений. В Юго-Восточной Азии до 1980-х гг. уже было несколько местных мусульманских сепаратистских движений, в частности, на юге Таиланда, а также давнее сопротивление в индонезийской провинции Ачех и, особенно, в южной части Филиппин. В то время как конфликт в Афганистане оказал сравнительно небольшое влияние на ситуацию на юге Таиланда или в провинции Ачех, он имел большое влияние на ситуацию на юге Филиппин, где исламские радикалы нашли таким образом источники поддержки и финансирования своей деятельности.

Социально-экономические факторы способствовали дальнейшей поддержке радикальных исламистских группировок в регионе. Усилия, направленные на достижение автономии исламского меньшинства, часто либо отвергались центральным правительством, либо были реализованы неэффективно. Азиатский финансовый кризис, начавшийся в 1997 г., также оказал давление на региональные органы власти, и расходы в таких важнейших областях, как образование, были ограничены. Это привело к росту влияния религиозных школ. Кроме того, хорошо финансируемые исламистские радикальные движения смогли оказать финансовую поддержку как своим сторонникам, так и членам их семей (например, в случае гибели в бою). Это в значительной мере относилось к тем, кто находился в отдаленных и экономически отсталых районах.

Географический фактор в Юго-Восточной Азии всегда способствовал проницаемости границ, а слабый иммиграционный контроль и коррумпированная система управления способствовали почти беспрепятственному перемещению людей и ресурсов между странами региона. Например, в Малайзии до недавнего времени не требовалось виз ни для кого из мусульманских стран, являющихся членами Организации исламских стран (ОИС). Филиппины имеют слабую иммиграционную систему и открыты для иностранцев, которые хотят вступить в брак с гражданином Филиппин и, тем самым, эффективно изменить свою идентичность.

Также существуют давние торгово-экономические связи между Юго-Восточной Азией и Ближним Востоком и Южной Азией, многие из них находятся за пределами традиционных финансовых каналов и не всегда контролируются правительствами. Это способствует неконтролируемым финансовым поступлениям из стран Ближнего Востока и Южной Азии радикальным группировкам в регионе.

Таким образом, экстремистские и террористические организации в странах Юго-Восточной Азии по времени своего появления и по идеологическим основам своей деятельности находились в фарватере общемирового исторического процесса. Своей экстремистской деятельностью они убедительно доказывали ошибочность политики правящих кругов по вытеснению их на периферию политического процесса в своих странах, что неминуемо приводило к маргинализации этих движений и усилению вооруженной борьбы.

Список источников

1. Сумский В.В. Фиеста Филипина: реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе: в 2 кн. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2003. 527 с.
2. Border Breakthrough, 1998; Surin Set to Seek Malaysian Help in Curbing Terrorists, 1998.
3. Chalk P., Rabasa A., Rosenau W., Piggott L. The Evolving Terrorist Threat to Southeast Asia. A Net Assessment. National Defense Research Institute. 2009. URL: http://www.rand.org
4. Chalk Peter. The Evolving Dynamic of Terrorism in Southeast Asia // Terrorism and Political Violence. Vol. 10. No. 2. 1998. 122 p.
5. Country Reports on Terrorism 2009. United States Department of State Publication. Office of the Coordinator for Counterterrorism. 2010.
6. Country Reports on Terrorism 2011. United States Department of State Publication. Office of the Coordinator for Counterterrorism. 2012. URL: http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2011/index.htm
7. Foreign Terrorist Organizations. URL : http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm
8. L'islam en Asie, du Caucase a la Chine. Ouvrage coordonne par Andree Feillard. Paris, 2001.
9. The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). A Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security based at the University of Maryland. URL: http://www.start.umd.edu/gtd/

УДК 93 (379.851)

Куманева И.П.

СТАНОВЛЕНИЕ ТУРИЗМА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена обзору основных событий, повлиявших на становление туризма как самостоятельной отрасли после распада Советского Союза. Обозначается блок проблем и вопросов, возникших в годы перестройки, а также способы их решения уже в более позднее время посредством реструктуризации исполнительной ветви власти и принятия ряда нормативных актов. Подчеркивается, что несмотря на то, что в условиях тяжелой политической и экономической обстановки существенно пришла в упадок почти вся система хозяйствования, туризм как отрасль была сохранена, предпринимались попытки систематизировать внутриотраслевые отношения, сократить уровень разобщенности между участниками процесса.

Ключевые слова: история туризма; перестройка; постперестроечный период; государственный аппарат; туристская политика.

Kumaneva I.P.

THE DEVELOPMENT OF TOURISM AS AN INDEPENDENT INDUSTRY IN THE YEARS OF PERESTROIKA AND AFTER PERESTROIKA PERIOD

The article is devoted to review the main events that influenced the formation of tourism as an independent industry sector after the collapse of the Soviet Union. Appears as is an array of problems and issues that arose during the restructuring years, and the ways of their solution at a later time by restructuring the Executive branch and the adoption of several normative acts. It is emphasized, despite the fact that in the conditions of difficult political and economic situation has significantly deteriorated almost all the economic system, tourism as an industry was saved, attempts were made to systematize the intra-industry relationships, to reduce fragmentation between participants in the process.
Keywords: history of tourism; restructuring; post-restructuring period; the state machine; the tourism policy.

Туризм как сложная система относится к комплексному межотраслевому объекту государственного управления. Государственное управление в сфере туризма принято рассматривать как часть социально-экономического управления, которое осуществляется воздействием государства на определенные институциональные формы туризма, на органы исполнительной власти [10].

С началом перестройки в середине 1980-х гг. происходили значительные социальные, экономические, политические, а также идеологические перемены. Основными характерными чертами перестройки можно назвать поднятие вопросов о собственности и характере производственных отношений. В перестроечный период молодая власть не достигала особых договоренностей и унификации в принятии решений на уровне государственного аппарата, поэтому в данный период времени не приходилось говорить о появлении туристского бизнеса в России. При всем этом, со временем новый небольшой виток в развитии получили виды детского и школьного туризма, непростое экономическое положение страны в конце 1980-х гг. сказывалось на содержании и обветшании гостиничного фонда, санаторно-курортных учреждений, материально-технической базы. Переход на новую систему хозяйствования все никак не удавался, что способствовало наращиванию пропасти между регионами страны и увеличению дефицита товаров [7].

Необходимость перехода на качественно новый этап развития вызывала потребность в коренной перестройке туризма в целях обеспечения полноценной массовости и доступности туристских программ и маршрутов каждому гражданину страны. По данным председателя ВЦСПС С.А. Шалаева, к началу 1990-х гг. уровень удовлетворения туристско-экскурсионными потребностями у населения составлял 8 % [1, ф. 5451, оп. 82, д. 35, л. 38]. Такое положение дел подталкивало директивные органы к осуществлению серьезных изменений механизма организации и управления, преодолению бюрократических элементов, усилению координации действий государственных, общественных, туристских органов на национальном и местном уровнях.

По мнению ВЦСПС, выведение туризма на новый уровень управления – необходимый шаг. Переход на этот уровень должен был быть осуществлен за счет совместной и заинтересованной кооперации государственных и общественных организаций, призванных интенсивно развивать туристско-экскурсионное дело и международный туризм в стране. Предложенные ВСЦПС идеи были основаны на кооперативной основе сотрудничества, действие которой должно было сломать сложившуюся разобщенность, ведомственную автономность центральных туристских организаций, устранить неразвитость территориальной структуры туризма.

Столь сложная обстановка внутри страны подталкивала органы власти к выработке определенных административно-правовых мер в области туризма, выраженных прежде всего в создании базового законодательства и в определении стратегии развития с целью достижения оптимально полезного эффекта в этой сфере. Опираясь на нормативно-правовой процесс в его историческом аспекте, мы можем сделать выводы о степени влияния результатов деятельности правительства, а также о факторах, регулирующих уровень этого влияния.

Первым шагом к самоопределению туристской отрасли стала экономическая реформа 1988 г., которая законом об общих началах предпринимательства разрешала расширение самостоятельности предприятий, хозрасчет и самофинансирование [2, ф. 976, оп. 1, д. 309, л. 180]. Следствием реформы стало мгновенное появление первых туристических фирм коммерческого характера. При отсутствии других законов и сводов правил, регламентирующих предпринимательство, развитие туристских предприятий шло наугад. Главной проблемой в этот период оставалось то, что старые социалистические правила переставали работать, а новые еще не были созданы в полном объеме.

В Постановлении 1989 г. ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по финансовому оздоровлению экономики страны» отмечается, что итоги работы за последние 15 лет свидетельствуют об определенных положительных результатах в социально-экономическом развитии страны. Однако коренного перелома в повышении эффективности производства в стране не произошло [1, ф. Р-9612, оп. 3, д. 2111, л. 139]. Становится очевидным, что действия правительства не подразумевали гармоничного развития туристской отрасли, поэтому не происходило укрепление единого туристского пространства в рамках страны.

Решение о перестройке сферы иностранного туризма практически выразилось в том, что с середины 1989 г. Государственный комитет по иностранному туризму (Госкоминтурист) СССР был ликвидирован. Отметим, что одновременно с ликвидацией Госкоминтуриста СССР из государственного бюджета была исключена статья расходов на развитие туризма.

Политический и экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. заставил государство пересмотреть свою политику в отношении туристской отрасли. В целях разработки и осуществления государственной политики развития международных туристских связей СССР было принято предложение государственной внешнеэкономической комиссии бюро Совета министров СССР по социальному развитию о создании Совета по иностранному туризму при Совете министров СССР. Задачей Совета по иностранному туризму должно было стать обеспечение единства применяемых в стране стандартов туристского обслуживания и координация деятельности предприятий и организаций сферы иностранного туризма, значительное укрепление материально-технической базы, расширение сети туристских маршрутов и развитие инфраструктуры инотуризма, проведение работ по реконструкции и реставрации памятников истории, культуры, природных объектов, расширение советского туризма за границей [1, ф. 5451, оп. 163, д. 1104, л. 26-30].

Стоит отметить интересную деталь: указанный проект по запуску работы Совета иностранного туризма был направлен председателю межреспубликанского экономического комитета И. Силаеву, но потерян его помощником. Все последующие обращения к помощнику довести до завершения проект к положительному результату не привели [1, ф. 5451, оп. 163, д. 1104, л. 208 об.]. В целом вопрос был закрыт Постановлением Госсовета СССР от 14 ноября 1991 г. «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР». Указом Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» Совет по иностранному туризму СССР должен был быть передан в ведение Министерства экономики

и финансов РСФСР. Совет по иностранному туризму так и не приступил к работе в связи с неотрегулированной работой системы власти, а также с происходящими событиями в августе 1991 г.

Впоследствии не все представители туристского рынка были согласны с созданием отдельной структуры по иностранному туризму. Большая часть задач Совета совпадала с задачами и планами деятельности ЦСТЭ ВЦСПС, которые работали исключительно по профсоюзной линии на внутренних направлениях. Потребность в едином координационном и контролирующем органе была очевидна для большинства участников образовывающегося рынка.

Помимо внутренних запросов представителей сферы туризма волнения по вопросу структурных трансформаций и изменений в государственной политике в туризме выражали представители посольств дружественных стран. Ломка старой системы иностранного туризма в СССР вызвала обеспокоенность у многих партнеров вплоть до предположений об ослаблении дружественных связей СССР. По мнению многих западных экспертов по туризму, Советскому Союзу могли бы потребоваться годы на восстановление утраченных деловых связей [1, ф. 5451, оп. 163, д. 1104, л. 121].

Начиная с 1992 г. были попытки определить формы исполнительной власти для туристской отрасли. На базе Министерства культуры РФ было создано новое Министерство культуры и туризма РФ, послужившее отправной точкой для консолидации всех задач по внутреннему, въездному и выездному туризму в стране [3].

В то же время однозначность в идентификации места туризма в рамках рыночной экономики не наступала. Данная неопределенность и длительный процесс создания новых структур тормозили формирование системы органов управления туризмом в регионах. Помимо этого, сложная внутриполитическая обстановка в России могла сорвать туристские сезоны 1992–1993 гг., 1993–1994 гг. Множественные подтверждения нарастающего кризиса в системе управления туризмом можно найти в письмах начальника Главного управления по иностранному туризму при Совете министров РСФСР (Главинтурист) Б.Н. Темникова, президента Национальной туристской ассоциации (НАТ) России И. Коновалова, президента Российской ассоциации туристических агентств (РАТА) В. Ремизова, ректора Российского международного института туризма (РМИТ) В.А. Квартальнова [1, ф. 10200, оп. 4, д. 3178, л. 35–38; д. 3747, л. 17–18; д. 9896, л. 21].

В связи с ожидаемым созданием нового органа управления туристской отраслью ими были внесены предложения и доводы по реформированию государственного управления туристской отраслью. Ведущими участниками туристской деятельности отмечалась единая характеристика состояния системы управления туризмом – ведомственно-вертикальный принцип себя не оправдал. Все участники разрозненной дискуссии сходились во мнении, что приверженность бюджетно-бюрократической модели привела туризм к параличу. В частности, В.А. Квартальнов отмечал, что две трети объектов материально-технической базы были выведены из строя, а объем услуг в расчете на одного человека стал «буквально ничтожным» – в несколько тысяч раз меньше [1, ф. 10200, оп. 4, д. 3178, л. 35, 37].

Со стороны начальника Главинтуриста РСФСР Б.Н. Темникова предложения по грядущей трансформации выглядели скромнее. В частности, он обращал внимание зампредседателя Правительства РФ А.Н. Шохина на немалые временные ресурсы, которые будут затрачены в разгар туристского сезона 1993 г. на создание будущего Комитета по туризму, разработке его положения, структуры, подбор кадров. В сложившейся ситуации полагалось целесообразным поручить еще действующему Главинтуристу продолжить выполнение возложенных на него функций до окончательного создания новой структуры [1, ф. 10200, оп. 4, д. 3747, л. 18].

Несмотря на множество выраженных недовольств со стороны общественных и образовательных организаций, через год туризм был административно выведен в отдельный коллегиальный орган – Комитет Российской Федерации по туризму (Роскомтуризм) [1, ф. 5451, оп. 163, д. 1104, л. 107, 9]. Созданному органу власти средства выделялись только по защищенным статьям сметы расходов и в конце года на частичное погашение задолженности на содержание загранпредставительств. С появлением отдельного органа, отвечающего за протекающие процессы в туризме, стали обозначаться определенные задачи и цели, что было само по себе уже достижением. Основной и одной из главных задач Комитета являлась организация и координация иностранного и внутреннего туризма [1, ф. 5451, оп. 163, д. 1104, л. 2-5].

Пока проходили структурные формирования органов исполнительной власти в сфере туризма, страна все же была задействована в туристском процессе, который не останавливался ни на день. Охватившие страну идеи демократизации способствовали тому, что многие турфирмы занимались разными направлениями, всем и сразу, не особо различая разницу между туроператорской и турагентской деятельностью. Вышедшая в 1993 г. первая газета туристского рынка России «Туринфо» становится зеркалом, отражающим процессы, проходящие внутри отрасли. Так, в пилотном номере газеты отмечается, что на международной выставке в Берлине «Россия была представлена хуже многих развивающихся стран. Не было ни общего стенда, ни общей туристской политики. В результате проиграли все, ведь для западных партнеров отсутствие государственной поддержки и хотя бы примитивных форм координации туристской деятельности весьма показательно» [9, с. 2].

Вместе с тем следует признать, что к концу 1992 г. и к моменту передачи дел Роскомтуризму была закончена работа Министерства культуры и туризма над проектом закона о туризме, проектом положения о создании системы сертификации и лицензирования туристской деятельности в РФ, проектом Положения о Федеральном совете по туризму [1, ф. 10200, оп. 4, д. 3747, л. 26].

Федеральный закон об основах туристской деятельности должен был быть рассмотрен в 1993 г. [11, с. 344]. Но ввиду нарастающего конфликта между Верховным Советом и Президентом, прошедших кровавых событий 3–4 октября 1993 г., проекты документов рассмотрены не были.

Частая смена структурных элементов туристской администрации повлекла за собой еще одну волну недовольств со стороны туристских компаний. А именно, отсутствие блока по туризму в правительственной программе экономических реформ, исчезновение соответствующей строки из федерального бюджета, трудности с оформлением заграничных паспортов, повышение визовых сборов за въезд в Россию, скандальный характер массовой приватизации гостиничного хозяйства, отсутствие единой системы лицензирования и сертификации, ослабленный туристический потенциал, слабая материально-техническая база, кадровый голод, отсутствие Федеральной программы. В масштабах государства общественность волновали проблемы более глобального характера – изменения геополитической обстановки, инфляции, экономического кризиса, снижения уровня жизни населения, а также криминогенной обстановки в ряде регионов страны. Президент РАТА В. Ремизов отмечал в своем письме к председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину, что «государство ведет себя чрезвычайно небрежно» по отношению к формирующемуся рынку туристских услуг [1, ф. 10200, оп. 4, д. 9896, л. 21].

В таких обстоятельствах Комитет РФ туризму просуществовал до середины 1994 г., когда на его базе был утвержден новый орган исполнительной власти – Государственный комитет по физической культуре и туризму [4]. В последующем комитет взял на себя обязанности по сохранению и оптимизации деятельно-

сти курортов и санаториев, образовав, таким образом, новую структуру в виде Государственного комитета РФ по развитию физической культуры, туризма и санаторно-курортного дела (ГКРФ) [1, ф. 10200, оп. 4, д. 8594, л. 55].

В целом, следует отметить, что, несмотря на сложные политические и экономические обстоятельства и всплеск недовольств со стороны участников туристской отрасли, работа по усовершенствованию, развитию и укреплению туризма в стране шла. Прежде всего это выражалось в принятии ряда документов, послуживших основой для выстраивания последующей работы ГКРФ. Среди этих документов можно отметить указы Президента РФ «О дополнительных мерах по развитию туризма в Российской Федерации и об упорядочивании использования государственной собственности в сфере туризма» (в нем было заявлено о признании одной из приоритетных задач государства – всемерная поддержка развития туризма в Российской Федерации) и «О реорганизации и развитии туризма в Российской Федерации», а также другие законодательные акты [1, ф. 10200, оп. 5, д. 6377, л. 42-45; 8, с. 147; 6].

Таким образом, большая работа, проведенная предшественниками Государственного комитета РФ по развитию физической культуры, туризма и санаторно-курортного дела и самим комитетом, участниками туристской отрасли приблизила момент принятия Федеральной целевой программы «Развитие туризма в Российской Федерации» и, конечно, первого Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Принятые документы, безусловно, не решили всего множества проблем, существовавших в туристской отрасли, но образовали фундамент для государственного регулирования туристической деятельности, выявили новые направления развития туризма в России, представили интересы России на международной арене.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Государственный исторический архив Сахалинской области.
3. Об образовании Министерства культуры и туризма Российской Федерации: указ Президента РФ от 27 марта 1992 г. № 311 // Собрание законодательства РФ. 1992. № 15. Ст. 784.
4. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 года № 1109: указ Президента РФ от 3 августа 1994 г. № 1583 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 15. Ст. 1711.
5. О председателе Комитета Российской Федерации по туризму: указ Президента РФ от 18 февраля 1993 г. №232 // Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102021698
6. О реорганизации и развитии туризма в Российской Федерации: указ Президента РФ от 22 декабря 1995 г. № 1284 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. Ст. 5137.
7. История туризма в деталях // Туринфо. 2004. 12-19 октября. URL: http://tourinfo.ru/node/16233 (дата обращения: 25.08.2014).
8. Маринин М.М. Туристские формальности и безопасность в туризме. М., 2004.
9. Николаев И. Международная туристическая биржа // Туринфо. 1993. 15-29 апреля.
10. Писаревский Е.Л. Административно-правовое обеспечение безопасности туризма в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 466 с.
11. Путрик Ю.С. Формирование и развитие государственной политики в области туризма в Российской Федерации в 1991-2009 годах: дис. … д-ра ист. наук. М., 2010. 544 с.

УДК: 378+325.252:338.124.4(470)

Макаренко В.Г.

«УТЕЧКА УМОВ» ИЗ СФЕРЫ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК СЛЕДСТВИЕ СИСТЕМНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1990–2016 гг.)

Обобщены материалы об эмиграции российских ученых, преподавателей и студентов в годы системного социально-экономического кризиса. Установлено, что основными факторами «утечки умов» в 1990-е гг. стала нестабильность социально-политической ситуации во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, в том числе и в науке, культуре, образовании, а также резкое ухудшение положения в экономике, характеризующегося очередным экономическим спадом.
Ключевые слова: эмиграция российских ученых; 1990-2016 гг.; основные этапы и факторы.

Makarenko V.G.

«BRAIN LEAKAGE» FROM THE SPHERE OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIA AS A RESULT OF SYSTEMIC SOCIO-ECONOMIC CRISIS (1990-2016)

Summarized materials about the emigration of Russian scientists, teachers and students in the years of the system of social and economic crisis. It was found that the main factors of «brain drain» in the 1990s. became unstable socio-political situation in all spheres of public life and society, including science, culture, education, and a sharp deterioration in the economy, it is characterized by the next economic downturn.
Keywords: emigration of Russian scientists; 1990-2016; the main steps and factors.

Термин «утечка умов», характеризующий феномен эмиграции ученых и инженеров из Великобритании в США, введен в научный оборот в 60-х гг. XX в. в целях отграничения от другой, традиционной формы межгосударственной мобильности людей – эмиграции работников физического труда [1].

В российской науке и образовании процесс эмиграции работников, преподавателей и студентов, выехавших за рубеж для постоянного проживания или временной работы (учебы), стал объектом многочисленных междисциплинарных исследований (историков, политологов, экономистов, социологов, демографов) в начале 1990-х гг., когда в 1993 г. Государственная Дума приняла закон о свободе выезда и въезда в Россию для всех категорий граждан независимо от их этнической, политической, религиозной и иной принадлежности [1].

Необходимо отметить, что «утечка мозгов» существует во всех странах. Центрами притяжения «утечки мозгов» являются такие страны, как Америка, Япония, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания и Скандинавские страны [3]. Для России данная проблема весьма актуальна. Она вызывает особую обеспокоенность российских государственных деятелей, политиков, широкой научно-образовательной общественности, имеет большое научное и практическое значение; важна и с точки зрения национальных, государственных интересов, поэтому постоянно освещается в средствах массовой информации, в специальной научной литературе.

Российский научно-образовательный потенциал как национальное достояние, в условиях перехода страны к рыночной экономике, с расширением демо-

кратии и разрушением «железного занавеса», закономерно стал одним из немногих конкурентоспособных российских товаров [1].

На современном этапе важнейшим государственным приоритетом в России является формирование инновационной экономики на основе широкого использования современных технологий, достижений отечественной и зарубежной науки и образования. Эта задача не может быть решена без достаточного количества высококвалифицированных специалистов самых разных областей знаний, которые продолжают эмигрировать из РФ.

В качестве основных причин исследователи чаще всего выделяют экономические (низкая заработная плата, хронические трудности с приобретением жилья, неудовлетворительная система организации науки, низкий уровень развития социально-бытовой инфраструктуры и материальной оснащенности научных исследований) [6].

На формирование негативной ситуации во всех сферах жизнедеятельности российского общества, в том числе и в сфере науки и высшего образования, оказал влияние дефолт 1998 г., глубокий системный социально-экономический кризис 2008–2009 гг. Недостаточное государственное финансирование науки и высшего образования в 1990–2000-е гг. закономерно привело к снижению качества подготовки специалистов, объемов и результатов научной работы в научно-исследовательском и образовательном секторе страны, явились причиной массового оттока высококвалифицированных кадров за рубеж.

В сложившихся условиях кадровая проблема современной российской науки и высшего образования становится одной из центральных, требует объективного научного исследования, имеет важное практическое значение. В перспективе, считают некоторые ученые, возможен «кадровый коллапс» в данной сфере [6], в связи с тем, что крайне не хватает кадров среднего возраста [3], численность которых значительно сократилась в годы перестройки из-за низкой зарплаты. В результате, в настоящее время нет преемственности в научно-образовательной деятельности.

Изучение исторического опыта, выявление основных факторов и причин эмиграции российских ученых, преподавателей и специалистов, научный анализ, систематизация и научное обобщение имеющихся материалов по данной проблеме будут способствовать разработке научных и практических рекомендаций для корректировки государственной политики в сфере современного российского высшего образования и науки.

Одним из ярких проявлений кризисной ситуации в области российской науки и высшего образования является массовый отток высококвалифицированных специалистов, в том числе и подготовленных на Дальнем Востоке [4, с. 50], в зарубежные страны, начавшийся в конце 1980-х гг. По данным руководителя Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН А.Г. Аллахвердяна, численность ученых в России с 1989 по 2005 г. сократилась в 2,9 раза – с 1 млн 119 тыс. чел. до 381 тыс. чел. [5].

В период с 1999 по 2001 г. наблюдалась приостановка оттока научных кадров, но с 2002 г. начался его новый этап, но менее интенсивный, чем в начале 1990-х гг. Большая часть ученых, оставшихся в России, под воздействием финансового фактора перешла в сферу бизнеса. Однако и в настоящее время преимущественно молодые научные сотрудники и выпускники вузов, в том числе и дальневосточники, уезжают за границу [4, с. 50; 5]. Российский социум традиционно привык считать интеллектуальный потенциал страны национальным достоянием и с большим трудом вынужден был свыкнуться с его регулярным оттоком в страны Европы, Северной Америки, Северо-Восточной Азии, Южной Америки, Австралии и даже Африки. Страны-реципиенты, на которые приходится значительная доля российской интеллектуальной эмиграции, – это Герма-

ния, США, Израиль. В 1992–1996 гг. на них приходилось более 85 % российских ученых, прибывших на постоянное место жительства или на временную научную работу [1].

По данным А.Г. Аллахвердяна, в 1992–1996 гг. наибольшее число научных работников эмигрировали на постоянное жительство в США (41,7 %). Это почти столько же, сколько в Германию и Израиль вместе взятые. По численности «безвозвратной эмиграции» российского профессорско-преподавательского состава лидирует Германия (35,0 %), далее следуют США (26,6 %) и Израиль (23,5 %) [1].

По «временной эмиграции» российских ученых лидером-реципиентом выступают США. В 1996 г., согласно результатам исследования Е.Ф. Некипеловой, из 4084 российских исследователей, временно работавших за рубежом (по «контракту», «обмену», «приглашению»), 1083 исследователя работали в США (26,6 %), в Германии – 700 (17,1 %). Третье место занимает Франция (9,25 %), Израиль на 10-м месте [1].

Однозначно установлено, что основными факторами «утечки умов» в 1990-е гг. стала нестабильность социально-политической ситуации во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, в том числе и в науке, культуре, образовании, а также резкое ухудшение положения в экономике, характеризующегося очередным экономическим спадом [1].

Согласно оценкам экспертов, прямые и косвенные потери из-за безвозвратной эмиграции российских ученых за рубеж весьма ощутимы не только для духовного, но и для экономического потенциала России. «По подсчетам экспертов ООН, проведенным еще в середине 70-х гг. (XX в. – *В.М.*), отъезд одного специалиста с высшим образованием отнимал у страны-донора примерно 300 тыс. дол. По недавним же подсчетам американских социологов, стоимость подготовки одного высококвалифицированного специалиста научно-технического профиля обходится в сумму около 800 тыс. дол.» [1]. США ежегодно принимают сотни тысяч эмигрантов из разных стран, но особое предпочтение отдают высококвалифицированным специалистам. Так, в 1980-х гг. в США въехало 1,5 млн чел. с высшим образованием. В настоящее время в США 11 млн эмигрантов – специалистов различного профиля; они зарабатывают около 240 млрд дол. в год. При этом платят налоги в размере 90 млрд долл. Для сравнения, США тратят ежегодно на социальное вспомоществование эмигрантам 5 млрд дол. Очевидно, что отдача эмигрантов даже в чисто денежном выражении весьма показательна. Неизмеримо выше оценивается вклад, который вносят эмигранты-ученые в развитие американской науки и системы высшего образования [1].

Анализ эмиграционных намерений ученых, их установки и мотивы, определившие принятие решения об отъезде за границу, позволили исследователям выделить отдельные факторы эмиграции (индивидуально-психологические, социально-организационные), в том числе и фактор исторически сложившейся практики организации науки в России. Эмпирическим материалом послужили откровенные интервью российских эмигрантов-ученых. Один из них – ведущий научный сотрудник Швейцарского Федерального технологического института в Цюрихе, профессор Университета штата Нью-Йорк и профессор МГУ химик Артем Оганов. Он уехал из РФ в 1998 г., когда «зарплаты были пятьдесят долларов в месяц, это нереально было для существования. …Я решил уехать. Сейчас времена изменились» [3]. Массовый отток специалистов сократился. «Осталась когорта очень хороших ученых в России, но их мало, очень мало. Большинство хороших русских ученых, к сожалению, работают за границей. На одного хорошего русского ученого, работающего в России, я могу назвать двадцать имен ученых того же класса, работающих за границей. …Это катастрофическое явление» [3]. По мнению А. Оганова, «Российская наука сейчас абсолютно обескровлена. А это, в свою очередь, влияет на образование, на подготовку студентов, ас-

пирантов. Российские аспиранты очень часто сырые. Студенческое образование с первого по пятый курс дают у нас еще все-таки очень хорошее. Качество (подготовки – В.М.) стремительно падает, если катавасия еще будет продолжаться лет десять, то никакого качества не останется. А в аспирантуре ребятам не дают возможности работать, распрямить крылья, ребята выходят часто неуверенные в себе, подавленные системой, руководителями, отсутствием перспективы, материальной неустроенностью» [3]. Неслучайно после окончания вуза, при отсутствии гарантированного распределения и трудоустройства до 45 % выпускников российских вузов, в том числе и дальневосточных [4, с. 50], ориентируются на поиск работы и обустройство за рубежом. За пределы Дальнего Востока в массовом порядке выезжает наиболее образованная и динамичная часть молодежи [4, с. 50]. В сложившейся в российской науке и высшем образовании ситуации для них это наиболее приемлемая альтернатива [3].

В то же время, исторический опыт и практика обустройства российских ученых за рубежом не совсем однозначны. Так, по оценкам А. Оганова, «к российским ученым-эмигрантам там «относятся свысока». Русских недолюбливают по историческим, политическим причинам, железный занавес, холодная война, коммунизм, капитализм, маккартизм, все эти «измы». К русским относятся плохо еще из-за русофобии, которая тянется с девятнадцатого века. Многие на Западе считают русских неким таким быдлом… Но в то же время русские ученые, конечно, котируются. К нам относятся как к квалифицированной, но дешевой рабочей силе. Сейчас это отношение, впрочем, меняется. Когда в 90-е годы русские ученые массированно уехали из России, большинство устроились очень плохо. Их зажимали, давали маленькие зарплаты, впроголодь буквально держали, – все это было. В конце 90-х и начале 2000-х ситуация меняется» [3] в лучшую сторону.

По мнению А. Оганова, «западная научная система очень жесткая. Это система на выживание. Люди начинают работать аспирантами. Аспирант – это фактически раб: платят мало, работать нужно много. После аспирантуры становятся младшим научным сотрудником, это так называемый постдок, временная позиция. Вы работаете пару лет, если вы работаете очень хорошо, вам контракт могут продлить еще на пару лет, если вы работаете плохо – все, ваша карьера закончена. Но если вы работаете хорошо, это еще не значит, что у вас все будет благополучно. Вам нужно бороться за место под солнцем. Многие люди в этой борьбе проводят всю жизнь. Очень мало, кому достаются профессорские позиции. Но даже когда вам достается профессорская позиция, борьба не заканчивается. Вам дают младшего профессора. Вы должны шесть лет проработать как младший профессор, добиваясь места под солнцем. Если вы это делаете безуспешно, вам не продляют контракт и вас увольняют. Но если вы это делаете успешно, тогда вам дают постоянную позицию. Постоянную позицию люди получают, в лучшем случае, в возрасте 35–40 лет» [3].

Таким образом, отъезд и обустройство российских ученых за рубежом имеет «и плюсы, есть и минусы. На Западе нашему образованию доверяют, а кандидатской диссертации – нет» [3]. «Плюсы вот какие. Хорошие условия жизни, не только зарплата. Дом. Хорошие условия работы, новейшее оборудование, доступ к электронным библиотекам. Возможность легкого выезда на конференции. Интеграция в мировую науку. Российская наука еще со времен железного занавеса отрезана от мировой науки. Русские ученые публикуются в журналах, которые никто не читает. В журналах на русском языке. Русские ученые часто ездят на конференции, но в Россию почти никто из иностранцев не ездит. Российская наука варится в своем соку, и это очень губительно. Сейчас начинает появляться очень хорошее оборудование в России, но, к сожалению, мало людей, которые могут на нем работать. В России сейчас кризис с кадрами, часто берут людей совершенно случайных на довольно высокие позиции. Язык общения в русской

научной среде русский, а в международной – английский. Большой процент русских ученых не готов к интеграции в международную среду, потому что они не знают английского» [3]. В России у молодых ученых-аспирантов нет содержательной мотивации результативного научного труда, т.к. у их научных результатов тут же «находятся много «соавторов» [3]. В российской научной среде сложились определенные, непотопляемые, так называемые родственные, или кумовские, научные кланы [3], сдерживающие полноценное развитие науки.

По оценке А. Оганова, российской науке и высшему образованию, стране в целом оттоком российских ученых на Запад нанесен «колоссальный вред. Его нельзя исчислить никакими деньгами. И поэтому все инвестиции, которые сейчас необходимы для того, чтобы этот процесс вспять повернуть, будут легкой ценой» [3]. России, чтобы сохранить свои позиции, престиж, авторитет и их улучшить как великой мировой державе, необходимо быть интеллектуальным лидером. «Промышленность, экономика, даже военная индустрия, они все завязаны на интеллект. Тут недостаточно качать нефть. Тут нужно шевелить мозгами» [3]. Но при этом мы являемся свидетелями ежегодного снижения качества подготовки специалистов, «уровень культуры падает. Ученые часто пишут с ошибками» [3].

По инициативе руководителей Российского государства в настоящее время принимается ряд мер для исправления ситуации и остановки «утечки мозгов». «Впервые с 90-х годов у нас начали публиковать научную литературу. Переиздали Ландау-Лившица и так далее, появляются гранты для молодых ученых, довольно щедрые. Появляются даже гранты для эмигрировавших ученых, чтобы они проводили несколько месяцев в году в России. Появляются гранты для полного возвращения русских ученых» [3]. По мнению экспертов, эти меры «довольно эффективны», но их недостаточно. «Нам нужно заниматься агрессивным возвращением русских ученых с Запада и нам нужно идти дальше. Я считаю, что возвращать только русских ученых с Запада было бы ошибкой. России нужно максимально заинтересовать самых лучших западных, японских, китайских ученых, сделать для них работу в России привлекательной» [3]. «Утечку мозгов нельзя скомпенсировать только возвращением русских ученых. Потому что все не вернутся. Я думаю, вернется половина русских ученых, если им дать хорошие условия. Другую половину мы уже никогда не вернем. Чтобы победить в гонке интеллекта в мире, чтобы стать по-настоящему интеллектуальной державой, нам необходимо привлечь все самое лучшее» [3].

По мнению экспертов, проблема «утечки мозгов» существует и на Западе и стоит «почти так же остро, как и в России. Этой слабостью западной научной системы Россия может воспользоваться. Россия может привлечь западных ученых, предоставив им достаточно выгодные условия» [3]. Так поступили Великобритания и Китай: дали возможность своим ученым выехать за рубеж, а потом самых успешных вернули назад на выгодных условиях. «Сейчас очень активно ученых возвращает Китай. Они не только возвращают китайцев, но привлекают иностранцев. …Около шестидесяти процентов нынешних китайских академиков – это репатрианты» [3].

В плане наиболее оптимальной организации науки и высшего образования в РФ А. Оганов отдает предпочтение их совмещенной деятельности в едином учреждении, так, как это выстроено в Европе и в США [3], т.е. предлагает систему организации престижных научно-образовательных систем – «оазисов» по американскому образцу.

Анализ имеющихся материалов и экспертных оценок позволяет выделить этапы, причины эмиграции российских ученых, а также основную мотивацию их отъезда. Первый этап приходится на май 1990 г. В многочисленных исследованиях эмиграционных процессов начала 1990-х гг. отмечалось, что «в системе мотивов, обусловливающих отъезд советских граждан за границу, к числу первосте-

пенных относятся такие факторы материального порядка, как низкая зарплата и социально-бытовая неустроенность» [1]. Однако спустя некоторое время, при повторных социологических опросах выяснилось, что на первом месте в качестве основных причин оказались факторы научно-организационного характера: «Низкое качество научно-экспериментальной аппаратуры» (1-е место) и «Недооценка обществом роли фундаментальной науки, престижа труда ученого» (2-е место) [1].

На втором этапе (январь 1995 г.) рассматривалась иерархия мотивов эмиграционных намерений научных сотрудников. На первом месте оказались факторы материального порядка, затем «Низкий уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей», далее «Низкий качественный уровень научной аппаратуры» [1]. Если факторы неудовлетворенности уровнем «политической стабильности» и «нравственно-психологической атмосферы» для естественников были среднезначимыми (соответственно 6-е и 7-е места), то для гуманитариев они оказались в первой тройке (2-е и 3-е). Эксперты считают, что это свидетельствует об особой чувствительности ученых-гуманитариев к морально-политическим характеристикам общества, как к ведущим мотивообразующим факторам эмиграции [1].

На третьем этапе (июнь 2003 г.) фактор эмиграционных намерений «Низкий уровень материального вознаграждения труда ученого» сместился с 1-го места (в 1995 г.) на 2-е (в 2003 г.), в то время как фактор «Низкий качественный уровень научной аппаратуры и материалов для проведения экспериментальных работ», наоборот, переместился со 2-го (в 1995 г.) на 1-е (в 2003 г.). Это свидетельствует об увеличении со второй половины 1990-х гг. числа благотворительных научных фондов, гранты которых стали дополнительным фактором вознаграждения труда российских ученых [1].

По данным недавнего совместного исследования Высшей школы экономики (РФ) и Центра международного высшего образования Бостонского колледжа (США), из 28 стран только в России у ученого высшего ранга – доктора наук, профессора – заработная плата значительно меньше, чем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (например, в 20 раз ниже, чем в Анголе). На первом месте по оплате труда доктора наук, профессора (в порядке убывания) Нигерия, Эфиопия, Индия, ЮАР, Малайзия, Колумбия, Бразилия, Турция, Аргентина, Италия, Саудовская Аравия, Канада, Израиль, Великобритания, Мексика, Германия, Австралия, Казахстан, Латвия, США, Китай, Чехия, Нидерланды, Франция, Япония, Армения, Норвегия, и замыкает список Россия [2].

Таким образом, основными факторами эмиграции российских ученых и специалистов в 1990–2016 гг. являлись политико-экономическая стабильность общества и возможность улучшения материального положения.

Список источников

1. Аллахвердян А.Г., Семенова Н.Н., Юревич А.В. Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. 2005. URL: http://scibook.net/podgotovka-rabota-dissertatsionnaya/naukovedenie-novyie-tendentsii-razvitii.html (дата обращения: 06.09.2016).
2. Где мы? Как обстоят дела с наукой в России? URL: trv-science.ru/uploads 03.11.2015 (дата обращения: 26.11.2015).
3. Как остановить «утечку мозгов» из России? URL: https://lenta.ru/conf/oganov/ (дата обращения: 01.06.2016).
4. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избранные статьи и доклады. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.
5. Россия за последние 20 лет потеряла 740 тыс. ученых. URL: http://news.mail.ru/society/1476627/ (дата обращения: 08.11. 2007).
6. Честный разговор об итогах реформы образования. URL: http://www.pravmir.ru/vladimir-mironov-ob-obrazovanii (дата обращения: 03.11.2015).

УДК 93/94

Милежик А.В.

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЛАСТЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье рассмотрены отдельные вопросы учреждения и деятельности Дальневосточного наместничества и Особого комитета по делам Дальнего Востока в период с 1903 по 1905 г. Особое внимание уделено разработке и обсуждению проектов экономического развития Дальнего Востока в условиях существования управления на особых основаниях – Дальневосточного наместничества.
Ключевые слова: Особый комитет по делам Дальнего Востока; Дальневосточное наместничество; император Николай II; Е.И. Алексеев; А.М. Безобразов; А.М. Абаза; Русско-японская война 1904–1905 гг.

Milezhik A.V.

THE PROBLEM OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE AREAS OF THE FAR EASTERN GOVERNORSHIP IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF THE SPECIAL COMMITTEE ON THE FAR EAST AFFAIRS

The article considers some issues of establishment and activities of the Far Eastern Viceroyalty and a Special Committee for the Far East in the period from 1903 to 1905. Special attention given to the development and discussion of projects of economic development of the Far East in the conditions of existence of control on the special bases the Far Eastern Viceroyalty.
Keywords**:** A Special Committee for Far East; Far Eastern Viceroyalty; Emperor Nicholas II; E.I. Alekseev; A.M. Bezobrazov; A.M. Abaza; the Russian-Japanese war of 1904–1905.

Учреждение 30 июля (12 августа) 1903 г. наместничества на Дальнем Востоке во главе с вице-адмиралом Е.И. Алексеевым значительно изменило внешнеполитическую и внутриполитическую ситуацию в регионе. Наместник становился главным начальником Дальневосточного края, через которого должны были решаться дела всех местных учреждений, независимо от их ведомственного подчинения.

Как указывалось в Указе об учреждении наместничества, «сложные задачи управления на восточных окраинах побуждают Нас (Николая II – авт.) озаботиться устроением власти, действием коей обеспечивалось бы мирное преуспевание сего края и неотложное удовлетворение местных нужд» [2, ф. 702, оп. 1, д. 416, л. 1].

Существует мнение, что, учреждая Дальневосточное наместничество, с подчинением его Особому комитету по делам Дальнего Востока (далее – Комитет) под председательством царя, Николай II удовлетворял свое желание – вернуть лицо самодержавию [5, с. 446].

Такой важный государственный вопрос, касавшийся ведения многих ведомств, был решен Николаем II, опираясь лишь на мнение приближенных к нему в тот период лиц. Разработкой административной реформы на Дальнем Востоке по сути занимались частные лица, находившиеся вне ведомств, не имевшие соответствующей компетенции и самое главное – не отягощенные какой-либо ответственностью.

В частности, одним из инициаторов и разработчиков реформы административного управления российским Дальним Востоком был не безызвестный статс-секретарь А.М. Безобразов – идейный вдохновитель активизации политической и экономической экспансии России в Восточной Азии.

В августе 1903 г. статс-секретарь А.М. Безобразов представил наместнику Е.И. Алексееву разработанные совместно с министром внутренних дел В.К. Плеве предложения по организации управления на Дальнем Востоке. Во главе должен был стоять Особый комитет под председательством Николая II. Учреждение такого комитета было предрешено резолюцией Николая II на журнале межведомственного совещания 7 (20) мая 1903 г.: «Дела Дальнего Востока, требующие совместного обсуждения ведомств, должны быть и впредь соображаемы в Особом совещании, подобно настоящему. В Моем отсутствии председательствовать в нем старшему из членов; управление же делами возлагаю на Свиты Моей контр-адмирала Абаза» [1, ф. 568, оп. 1, д. 137, л. 48].

В состав Комитета по делам Дальнего Востока, по мнению А.М. Безобразова, должны были войти руководители заинтересованных ведомств. Помимо членов Комитета по должности в его состав А.М. Безобразов предлагал себя и контр-адмирала А.М. Абазу. Делопроизводство проходило через управляющего Комитета и особую канцелярию. Наместник должен был работать непосредственно с Комитетом [6, с. 404]. Проект А.М. Безобразова и лег в основу Положения об Особом комитете по делам Дальнего Востока от 30 сентября (13 октября) 1903 г.

В состав Комитета под председательством Николая II входили: министр внутренних дел, министр финансов, министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством и другие особы, по усмотрению императора призываемые. Наместник на Дальнем Востоке также являлся членом Комитета и должен был участвовать в его заседаниях во время пребывания в Петербурге. В ведении Комитета находились: 1) дела по устройству управления Дальним Востоком и его финансированию; 2) дела, касающиеся промышленного и торгового развития края; 3) предложения наместника Дальнего Востока относительно введения новых и изменения действующих во вверенном ему крае постановлений; 4) предложения наместника относительно распространения в наместничестве законов и распоряжений министров и главноуправляющих; 5) дела, для решения которых требуется соглашение наместника с министрами, и дела, разрешение которых превышают власть наместника. Дела на рассмотрение Комитета вносились либо по распоряжению Николая II, либо по представлениям министров и наместника на Дальнем Востоке [2, ф. 702, оп. 1, д. 416, л. 133].

По сути, Комитет должен был выполнять функцию объединенного правительства, когда это касалось дальневосточной политики, но без исполнительных функций.

К обсуждению государственных дел в Комитете Дальнего Востока могли привлекаться лица, не состоявшие на государственной службе, но являвшиеся специалистами по тем или иным вопросам или имевшие представление о местных условиях. Подразумевалось, что тем самым будет установлена связь между «законодательной и вообще государственной работой правительственного органа с действительными потребностями края» [3, с. 173]. В результате в состав членов Комитета были назначены контр-адмирал А.М. Абаза, статс-секретарь А.М. Безобразов, члены Госсовета В.П. Череванский и Э.В. Фриш.

Управляющий делами Комитета контр-адмирал А.М. Абаза имел право присутствовать в Государственном Совете, Комитете министров, Комитете Сибирской железной дороги, когда там рассматривались вопросы, напрямую или косвенно касавшиеся Дальнего Востока. Управляющий делами Особого комитета был одновременно и начальником его канцелярии.

В канцелярию поступали дела по внутреннему управлению Дальневосточным наместничеством: дела сметные, торговли и промышленности, по устройству и улучшению путей сообщения, по земельному устройству и обеспечению хозяйственного быта населения, общеадминистративные и судебные и т.п. В числе дел, прошедших через канцелярию Особого комитета, следует отметить восстановление с 1 (14) мая 1904 г. в Приамурском крае порто-франко, отмененное по представлению министра финансов с 1 (14) января 1901 г. Канцелярия занималась также подготовкой материалов для законодательных работ по учреждению наместничества. Участие канцелярии в переписке по делам политическим и дипломатическим было совершенно незначительным [3, с. 174–175].

Основная работа канцелярии была связана с разработкой проекта управления Дальневосточным наместничеством. 24 ноября (7 декабря) 1903 г. результаты работы Порт-Артурской комиссии по выработке проекта Положения об управлении областями Дальнего Востока были представлены в Комитет. После ознакомления с этим проектом Николай II выразил недовольство даже тем небольшим вмешательством ведомств, которое там присутствовало. 19 декабря 1903 г. (1 января 1904 г.) наместнику было предписано по всем вопросам обращаться лично к Николаю II либо к управляющему делами Комитета Дальнего Востока. Тем же указом из представителей ведомств создавалась комиссия под руководством министра внутренних дел В.К. Плеве (являвшегося также вице-председателем Комитета Дальнего Востока) для рассмотрения проектов по устройству управления, разработанных в Порт-Артуре.

О своем несогласии с полным отстранением министерств от управления Дальним Востоком сразу же заявили министры иностранных дел, финансов, и военный министр. А.Н. Куропаткин считал, что передача всех дел военного ведомства в Особый комитет «мало исполнимо» [4, с. 61].

Вопросы разработки экономической программы для Дальнего Востока обсуждались в комиссии, образованной по указанию Николая II, под председательством члена Госсовета графа А.П. Игнатьева. В состав комиссии вошли: член Госсовета действительный тайный советник В.П. Череванский, товарищ министра земледелия и государственного имущества тайный советник П.Х. Шванебах и управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока контр-адмирал А.М. Абаза. Кроме того, к участию в работе комиссии были приглашены помощник управляющего делами Комитета Дальнего Востока тайный советник Н.Г. Матюнин и отставной гвардии полковник В.М. Вонлярлярский. В этом первоначальном составе комиссия в период с 13 (26) января по 10 (23) февраля 1904 г. провела несколько заседаний [3, с. 181–182].

После начала войны с Японией на обсуждение был поставлен вопрос, своевременно ли продолжать работу комиссии. Имелось в виду то, что исход войны мог значительно изменить политическую обстановку. После обмена мнениями было решено продолжить заседания комиссии на том основании, что дело, при всей своей сложности, допускало обсуждение некоторых принципиальных вопросов.

Комиссия выработала программу вопросов, подлежащих обсуждению по финансированию промышленных и хозяйственных предприятий России в зарубежных местностях Дальнего Востока. Так как состав комиссии практически полностью состоял из сторонников А.М. Безобразова, то в программу был включен вопрос об организации торгово-промышленного общества с достаточными средствами как для управления существующими предприятиями.

27 февраля (12 марта) 1904 г. по повелению Николая II в состав комиссии был назначен министр финансов В.Н. Коковцов. С его участием состоялись два заседания комиссии 10 (23) и 24 мая (6 июня) 1904 г. На этих заседаниях министр финансов высказался против проекта А.М. Безобразова об образовании правительственного, под частным флагом, центрального общества, по примеру Socie-

ties fermieres. Вместо этого В.Н. Коковцов предложил: введение ограниченных льгот в таможенной, тарифной, налоговой, кредитной сферах; устранение некоторых формальностей образования компаний; отказ от нетерпимости к иностранцам и евреям, привлекая тем самым их капиталы. После этих мероприятий дать возможность самостоятельному развитию частных предприятий. Главные возражения министра финансов сводились к следующему: «1) В России нет для подобных предприятий ни людей, ни капиталов... 2) Явится опасность, что от русской казны станут требовать постоянные крупные жертвы. 3) Кроме того, сомнительна и сама возможность располагать концессией, не владея на правах полной собственности зарубежными местностями» [3, с. 183]. И, наконец, В.Н. Коковцов вообще усомнился в выгоде ведения дела для привилегированной компании, так как примеры подобных иностранных компаний, по его мнению, были недостаточно в этом отношении убедительными. Таким образом, В.Н. Коковцев, исходя из необходимости экономии государственных средств в условиях войны, практически полностью отверг проект создания привилегированной компании.

Контр-адмирал А.М. Абаза высказал свое несогласие с мнением В.Н. Коковцова о невозможности найти источник для покрытия расходов, производившихся в пределах наместничества Дальнего Востока. Управляющий Комитетом Дальнего Востока выступил в поддержку проекта А.М. Безобразова. По мнению А.М. Абазы, предприимчивость тормозилась в России законами и еще более порядками, «обставляющими всякое торгово-промышленное предприятие такими формальностями, при которых оказывается невозможным работать». Образование привилегированного общества могло бы быть наилучшим способом увеличения доходов наместничества. В качестве удачного примера он приводил опыт существования Ост-Индской компании.

Управляющий Комитетом Дальнего Востока считал, что в пределах наместничества имелось широкое поле для предприимчивости. Под эгидой общества можно было бы объединить русский и иностранный капиталы. Не следовало бояться также участия казны в оборотах общества. По мнению А.М. Абазы, если «общество образовывалось бы исключительно на частные средства, то доходы его проходили бы мимо казны, чем не достигалась бы и цель образования самого общества. К тому же издержки казны, в случае образования общества, были бы незначительными по сравнению с ежегодным расходом в 40–60 млн руб., ныне приплачиваемых на Дальнем Востоке. Образование особого централизованного органа облегчает для предпринимателей способ создания предприятий, а в этом одном уже лежит залог успеха» [3, с. 183].

На основании всех вышеперечисленных соображений управляющий делами Комитета Дальнего Востока полагал, что совещание должно было наметить те пути, которыми было бы обеспечено извлечение доходов для казны из природных богатств наместничества, что, по его мнению, было возможно только с помощью образования особого привилегированного общества с предоставлением ему права открытия филиалов для эксплуатации края и с непременным участием в оборотах его казенных средств. В результате дебатов к единому мнению так и не пришли.

На совещании 24 мая (6 июня) 1904 г. обсуждение было продолжено. Министр финансов В.Н. Коковцов и тайный советник П.Х. Шванебах считали единственно возможной формой экономического развития окраины привлечение туда частных капиталов путем предоставления предпринимателям разных льгот. В любом случае заметного облегчения для казны не будет. Граф А.П. Игнатьев и тайный советник В.П. Череванский признали желательным образование из выдающихся представителей отечественной промышленности и торговли особого главного общества, без какого-либо участия казенных средств, с предоставлением

ему права учреждения филиалов общества (Societes fermieres). Они, таким образом, выступали за несколько усеченный вариант проекта А.М. Безобразова.

А.М. Абаза в свою очередь настаивал на участии в проектировавшемся обществе «русской казны, с целью дать возможность русскому правительству иметь фактический и действенный надзор за тем, чтобы частные, как русские, так и иностранные капиталы, привлекались и работали… соответствуя государственным интересам России». Основная мысль заключалась в том, что «центральное общество должно быть правительственным главным образом в политических целях, а затем для возмещения расходов казны и управления краем» [3, с. 186]. Вследствие такого явного разделения мнений комиссия так и не пришла к окончательному варианту проекта экономической программы Дальнего Востока.

В дальнейшем еще одна попытка обсуждения экономической программы была сделана в начале 1905 года. 4 (17) января генерал-лейтенант Шведов, председатель Российского общества востоковедения, обратился к контр-адмиралу А.М. Абазе с письмом, в котором выразил полную готовность Общества «приносить посильную пользу в разработке вопросов и вообще поручений Комитета и тем самым, в мере сил, содействовать успеху русского дела на Дальнем Востоке» [3, с. 176–177]. Осуществляя одно из основных положений Особого комитета, заключавшееся в привлечении к работе лиц, имевших представление о нуждах Дальнего Востока, А.М. Абаза охотно пошел навстречу желанию Общества востоковедения принять участие в разработке программы экономического развития этого края.

18 (31) января 1905 г. А.М. Абаза обратился к Обществу востоковедения с предложением высказать свои соображения по вопросам «устроения хозяйственной жизни русского Дальнего Востока» [3, с. 177] При этом А.М. Абаза просил учитывать, что война с Японией может в значительной степени изменить условия, в «которых России приходится действовать до сего времени». Кроме того, было бы «желательным, чтобы при обсуждении предлагаемых ниже вопросов принималось во внимание, что на наместничество Дальнего Востока могут выпасть различные задачи: или ему придется считаться с соседними Маньчжурией и Кореей, как с элементами независимыми, или же принять их в сферу своего влияния и даже руководства» [3, с. 177–179]. То есть, даже в январе 1905 г., после ряда поражений русской армии и флота на Дальнем Востоке, в Петербурге не оставляли надежды на реализацию амбициозных довоенных планов.

Управляющего Комитетом Дальнего Востока интересовало: «1) Какой строй финансово-экономического управления наиболее отвечает выполнению задач наместничества Дальнего Востока для наилучшего обслуживания русских интересов: следует ли придерживаться существующих приемов на наших окраинах, или отдаленность и особые местные условия Дальнего Востока вызывают необходимость децентрализации. 2) Какие средства могут быть рекомендованы: а) для возможного уменьшения административных расходов государства по надзору за эксплуатацией естественных богатств в наместничестве и б) для более успешного и выгодного, как для казны, так и для предпринимателей, использования естественных богатств и ресурсов края. 3) Желательно ли сосредоточить общее руководство всеми учреждениями местной хозяйственной жизни в наместничестве, и если желательно, то наметить, в каком виде должно выражаться такое общее руководство, чтобы оно не стесняло развитие деятельности различных местных предприятий. 4) Следует ли держаться охраны русских предприятий от конкуренции иностранцев путем препятствия последним развивать свою деятельность в областях наместничества и в соседних странах, или же в интересах развития промышленности, торговли и культуры на Дальнем Востоке – идти свободно и широко на привлечение в край иностранных предпринимателей и капиталов, в целях поднятия общего уровня его благосостояния и косвенного уменьшения на него расходов метрополии. Если первое, то какие меры могут охранить интере-

сы русской промышленности как местной, так и Европейской России. Если второе, то в какой мере следует дать простор частному почину и частной деятельности в крае, и в какие отношения должна быть поставлена частная предприимчивость к наместничеству и иностранные предприятия к русским» [3, с. 177–179].

Постановка таких вопросов в начале 1905 г. говорит о том, что даже по прошествии значительного времени с момента учреждения Дальневосточного наместничества основные принципы его экономического развития так и не были сформулированы.

Для того, чтобы ответы на поставленные вопросы были по возможности более определенными, Обществу было предложено высказаться об имевшемся плане А.М. Безобразова. По проекту А.М. Безобразова, необходимость введения новых хозяйственных порядков вызывалась особыми условиями наместничества – не только географическими и бытовыми, но и политическими. Высказывалось мнение, что одними русскими предприятиями и капиталами обойтись на Дальнем Востоке невозможно и что российские бюрократические порядки способны служить, скорее, помехой для всякого дела, чем поддержкой.

Ответа на запросы управляющего Комитетом по делам Дальнего Востока от Общества востоковедения так и не последовало. Однако факты связи Комитета Дальнего Востока с Обществом востоковедения были обнародованы в печати с приведением критических замечаний. Переписка контр-адмирала Абазы с Обществом востоковедения рассматривалась многими как стремление группы высокопоставленных лиц монополизировать все богатства Маньчжурии.

Комитет по делам Дальнего Востока так и не был созван в полном составе. В основном делами Комитета занимались А.М. Абаза, Н.Г. Матюнин и наместник Е.И. Алексеев. Комитет по сути был надуманной структурой в центральном бюрократическом аппарате. Возможно, что реальная цель учреждения Комитета и наместничества заключалась не в скорейшем решении насущных проблем областей Дальнего Востока, а в легализации деятельности сторонников А.М. Безобразова.

Напряженная международная обстановка, усугубленная Русско-японской войной 1904–1905 гг., не способствовала решению экономических вопросов. Кроме того, предложенные проекты хозяйственного развития областей Дальневосточного наместничества были встречены руководством ведомств, прежде всего министром финансов, весьма критично. Недоверие объясняется во многом тем, что проекты представлены были в первую очередь группой А.М. Безобразова. Кроме того, в проектах учреждения экономических обществ явно прослеживался личный меркантильный интерес лиц, близких к А.М. Безобразову и А.М. Абазе. И самое главное, представленная экономическая программа во многом была ориентирована на освоение просторов Маньчжурии и Кореи, а не на развитие собственно российских территорий Дальнего Востока.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
3. Материалы о русско-японских переговорах // Архив статс-секретаря А.М. Безобразова и др. Б.м. Б.г.
4. Ремнев А.В. Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой русской революции // Революция 1905-1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 52-66.
5. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 608 с.
6. Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке: мат-лы науч. конф., 4-5 марта 2003 г. Владивосток, 2003. Ч. 1. С. 402-409.

УДК 94(271)

Муратов М.А.

ПОВТОРНОЕ ВВЕДЕНИЕ РЕЖИМА ПОРТО-ФРАНКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1904 г. – ВТОРОЙ ШАНС ДЛЯ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена повторному введению режима беспошлинной торговли, его влиянию на развитие торговли и производства в регионе. Одной из задач, на решение которой было направлено ужесточение таможенного режима, было желание правительства защитить отечественных производителей, обеспечить прибыль купцам из европейской части России, доходы которых значительно выросли после введения полного таможенного обложения. Но из-за начавшейся Русско-японской войны данный способ снабжения региона был невозможен, поэтому правительство вернулось к режиму беспошлинной торговли, который благотворно повлиял на развитие региона. Данный факт и подвергается в статье анализу.
Ключевые слова: Дальний Восток; торговое предпринимательство; таможенная политика; порто-франко.

Muratov M.A.

REINTRODUCTION OF PORTO-FRANKO REGIME IN THE FAR EAST IN 1904 – THE SECOND CHANCE FOR COMMERCIAL ENTERPRISE

Article is devoted to repeated introduction of the mode of duty-free trade, its influence on development of trade and production in the region. Government`s desire to protect domestic manufacturers, to provide profit to merchants from the European part of Russia whose income has considerably grown after introduction of full customs taxation was one of tasks to which solution toughening of customs regulations has been directed. But because of the begun Russian-Japanese war this way of supply of the region was impossible therefore the government has returned to the mode of duty-free trade which has well influenced development of the region. This fact is also exposed in article to the analysis.
Keywords: Far East; trade business; customs policy; porto-franco.

В 1901 г. был отменен режим беспошлинной торговли на Дальнем Востоке. И даже несмотря на то, что предприниматели и купцы были заранее извещены об этом решении, он принес многим очень большие неудобства. Большая часть купцов решила приготовиться очень просто – если товары будет привозить дороже – значит надо привезти их больше сейчас, пока это дешево. И из-за подобных действий в 1901 г. Дальний Восток был завален товарами, которые просто не мог переварить ввиду малого количества населения. Некоторые купцы из-за этого разорились, другие понесли убытки, так как в товар были заморожены деньги, нужно было оплачивать места хранения, охрану, выплачивать кредиты, взятые под этот товар, который не мог быть быстро реализован [3, с. 62]. Соответственно, 1902–1904 годы – это годы спада торговли. Многие игроки ушли с рынка, государство же само не могло обеспечить должное количество товара надлежащего качества, к которому привыкли избалованные дешевым импортом дальневосточники. Предпринимателям стало невыгодно возить товары, которые, из-за неудовлетворительной работы таможни, не могли конкурировать с товарами, привезенными из Одессы судами Доброфлота. Вот только качество товара, привезенного из России, не всегда удовлетворяло местных жителей, которые, например,

привыкли пахать землю немецкими плугами, привезенными фирмой «Кунст и Альбертс», и готовы были за любые деньги покупать достойный товар [4, с. 197]. Примерно такая же ситуация происходит сейчас с введением протекционистских пошлин на иномарки и регулярные нападки на «правый» руль, вот только местное население никак не соглашается пересесть на новые «Лады», а продолжает пользоваться проверенными японскими автомобилями.

Увеличившийся привоз отечественных товаров на Дальний Восток с одновременным введением льготных железнодорожных тарифов от центра к периферии также подтвердил прогноз фритредеров относительно цели отмены свободной торговли. Финансовые доходы буржуазии Европейской России от возросших поставок на Дальний Восток выросли более чем в четыре раза [7, с. 200].

После закрытия режима порто-франко в 1901 г. Владивосток стал терять позиции международного торгового порта. Южнее находился порт Дальний, в котором режим свободной торговли не отменялся, а со строительством КВЖД и ЮКЖД товарооборот только увеличивался [7, с. 32]. Но это были хоть и арендованные, но зарубежные территории. Дальний Восток же в целом и Владивосток в частности стали хиреть, территории, на которых иностранный капитал занимал до двух третей всего финансового оборота, стал неинтересен зарубежным игрокам, они стали выводить деньги из региона, что пагубно сказалось на экономическом состоянии этой территории [6, с. 117].

Были и сторонники сохранения режима свободной торговли. В основном это были предприниматели, которые в 1901 г. многое потеряли от введения таможенного регулирования. Они воочию столкнулись с некомпетентностью и медлительностью работников таможни. «Опыт действия таможен в Приамурье уже доказал, что они даже… не оправдывали расходов на свое содержание… Дальний Восток… требует для… своего дальнейшего развития освобождения от всяческих пут и уз, а не наложения их… Порто-франко есть необходимое условие для жизни Приамурского края, а отнюдь не прихоть и не роскошь». Их противники возражали: что сохраняя в крае режим свободной торговли, «мы… собственными руками облегчим экономическое завоевание его иностранцами, в особенности японцами» [1, ф. 1276].

Однако японские фирмы не были крупнейшими в регионе. Основными дельцами были две фирмы – «Чурин и Ко» и «Кунст и Альбертс». Причем крупнейшим торговым домом был именно русский «Чурин и Ко», сделавший бизнес на торговле товарами из Китая. «Кунст и Альбертс» же специализировались на товарах из Европы, причем многие идеи этого торгового дома не имели аналогов в Европе на момент воплощения в жизнь на Дальнем Востоке [5, с. 13].

Неизменным спутником политики таможенного протекционизма на Дальнем Востоке на рубеже XIX и XX вв. была контрабанда, которая оказывала отрицательное воздействие как на экономику региона, так и на нравственное состояние его жителей. Введение таможенного обложения на Дальнем Востоке в условиях практически неохраняемой границы привело к развитию вдоль русско-китайской границы тотальной контрабанды спиртного и потребительских товаров. Из-за этого и без того не высокое качество поставляемого товара из Китая снизилось еще сильнее, так как никто не обеспечивал надлежащие условия хранения нелегального груза [7, с. 57].

Радостная новость последовала за, казалось бы, горьким событием. Из-за начала Русско-японской войны государство вынуждено было ввести режим беспошлинной торговли на многие виды товаров, так как Транссибирская магистраль была занята военными, а гражданское население все так же нуждалось в еде и прочих товарах, на которые пропускной способности Транссиба просто не хватало, а доставлять грузы морем судами Доброфлота было очень рискованно.

Практически сразу же на Дальний Восток хлынула волна дешевых товаров. Хоть это и было рискованным мероприятием, желающих пойти на риск было очень много. Например, «Кунст и Альбертс», знаменитый торговый дом на Дальнем Востоке, организовал несколько рейсов судов для доставки товаров, невзирая на опасность, что говорит о высокой доходности этого мероприятия [6, с. 119].

Увеличился товарооборот с Китаем, в основном за счет выхода из тени контрабандистов, которым стало проще и безопаснее возить товар легально, нежели рисковать своими деньгами и товаром.

За счет удешевления товаров резко увеличился товарооборот, жизнь горожан стала легче и лучше, а жизнь предпринимателей била ключом [2, с. 3]. У них появилась возможность заниматься благотворительной деятельностью, огромное развитие в этот период получили такие сферы жизнедеятельности, как образование, наука, культура. Компании «Чурин и К°», «Кунст и Альбертс» и многие другие смогли оставить после себя наследие, которым мы до сих пор гордимся как достоянием нашего региона. Гоголевская (она же Горьковская) библиотека, Восточный институт и многие другие заведения смогли появиться именно благодаря получению выгод предпринимателями от режима порто-франко. Они послужили примером для многих компаний того времени, задавая тон в кадровой политике, в социальном обеспечении работников, ведь далеко не у каждой компании в европейской части России была собственная электростанция, теннисный корт, кегельбан [7, с. 80]. Грамотная социальная политика − оплачиваемый отпуск на родину с оплатой билетов. Эффективная организация производства, следствием которой стало создание новых рабочих мест, создание условий для обеспечения сделок (логистика, оформление, проведение и т.д.).

Обилие иностранных товаров заставило отечественных производителей улучшать качество своей продукции, так как завоевать искушенный дальневосточный рынок для них было не простой задачей. Во многих случаях потребители предпочитали более дорогой и, в то же время, более качественный иностранный товар вместо его дешевого отечественного аналога, который был значительно хуже или куда менее удобен в эксплуатации.

То есть режим свободной торговли, введенный в одном регионе, способен оздоровить экономическую ситуацию в стране в целом, улучшить качество выпускаемой продукции, так как выдержать конкуренцию с дешевыми иностранными товарами может только продукт, сравнимый по своим характеристикам с объектом конкуренции.

После окончания войны, в которой стала видна слабость Дальнего Востока в оборонительном плане, железная дорога еще долго была заполнена военными грузами, поэтому сразу отменить режим беспошлинной торговли государство не могло. И это время можно действительно назвать золотым временем для торгового предпринимательства на Дальнем Востоке. Активно строились новые магазины в самых удаленных уголках Приамурья и Приморья, порты были полны привозивших горы товаров судов, возводились огромные здания складов, богатело население и развивался регион.

В 1909 г. режим порто-франко был повторно отменен. Таможенные сборы собирались не со всех групп товаров. Так, товары первой необходимости, такие как хлеб, картошка, горох, бобы, овощи, соль, мясо, скот, сельхоз- и промышленные орудия, стройматериалы, металлы, уголь, асфальт, пошлинами не облагались. То есть товары, которые было либо тяжело доставить, либо их не хватало на обеспечение нужд европейской части России, либо же которыми регион себя пока не мог обеспечить на месте. Режим такого таможенного обложения просуществовал до революции 1917 г. [6, с. 119].

Сравнительные результаты развития местной промышленности в периоды порто-франко и таможенного обложения убедительно демонстрируют более

мощное стимулирующее воздействие на этот процесс системы свободной торговли. Рост производства на Дальнем Востоке в период порто-франко после Русско-японской войны был почти в 1,5 раза выше, чем в период протекционизма перед Первой мировой войной. Более чем четырехкратный рост привоза на Дальний Восток отечественных товаров после окончательной отмены порто-франко свидетельствует о безусловном достижении буржуазией Европейской России своих целей на Дальнем Востоке. Темпы развития региона были принесены в жертву ее финансовым интересам.

Ввиду сложившейся геополитической ситуации в стране в 1904 г., царское правительство смягчило таможенное обложение импортных товаров, так как само не могло обеспечить регион необходимым объемом поставок, и этим предоставило купцам и торговым предпринимателям еще один шанс, которым, как мы считаем, они смогли с успехом воспользоваться, приумножить свои состояния и улучшить жизнь Дальнего Востока. И даже повторная отмена режима порто-франко уже не смогла фатально повлиять на стремительное развитие региона, так как за это время был накоплен капитал и учтены ошибки 1901 г.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив.
2. Беляева Н.А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004. 51 с.
3. Беляева Н.А. Порто-франко в системе российской таможенной политики (к 150-летию введения порто-франко во Владивостоке) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 55-64.
4. Деег Л. Кунст и Альбертс. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Владивосток: Издат. дом Дальневост. фед. ун-та, 2012. 396 с.
5. Казарян Э.Э. Русский Дальний Восток в системе российской и мировой торговли на рубеже XIX-XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н.Новгород, 2006. 28 с.
6. Романова Г.Н. Порто-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока россии и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX — начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 110-122.
7. Устюгова О.А. Торговля на юге Дальнего Востока во 2-й половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 228 с.

УДК 947.084:333.332(571.63)

Позняк Т.З.

КВАРТИРНЫЙ КРИЗИС ВО ВЛАДИВОСТОКЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена деятельности городского самоуправления по разрешению квартирного кризиса во Владивостоке в годы революции и Гражданской войны. С середины 1916 г. во Владивостоке стали остро ощущаться нехватка жилья и рост цен на жилые и прочие помещения. С вводом в город войск интервентов и с увеличением потока беженцев квартирный кризис приобрел характер апокалипсиса. Переписка городского головы с обывателями и командующими войсками свидетельствует о нарастающем недовольстве населения реквизициями помещений военными, действием в городе одновременно множества властей, которые считали себя никому неподотчетными и неподвластными. Весь период органы городского самоуправления предпринимали массу усилий по решению проблемы, однако большинство из них не увенчались успехом.

Ключевые слова: революция 1917 г.; Гражданская война; Владивосток; городское самоуправление; история повседневности; квартирный кризис.

Poznyak T.Z.

HOUSING CRISIS IN VLADIVOSTOK DURING THE REVOLUTION IN 1917 AND THE CIVIL WAR

The article is devoted to the activities of the city self-government to resolve the crisis of flats in Vladivostok during the Russian Revolution 1917 and Civil War. The Vladivostok's citizens became acutely felt the lack of housing and the rise in prices for residential and other premises since 1916. The intervention and increase the flow of refugees has led to the further development of the crisis apartment. It acquired the nature of the apocalypse. Correspondence of the mayor with the townsfolk and commanders testifies to the discontent of the population of the military requisitions. The municipality had taken a lot of effort to solve the problem, but most of them failed.
Keywords: the Russian Revolution of 1917; the Civil War; Vladivostok; the municipality; history of everyday life; the apartment crisis.

Первая мировая война, революция и Гражданская война коренным образом изменили повседневную жизнь населения России. В этот период остро встают проблемы выживания в условиях гиперинфляции, дефицита продовольствия и товаров первой необходимости, угрозы жизни из-за боевых действий и репрессий в условиях нестабильности политической ситуации и перехода власти от одних политических сил к другим и пр. Одной из таких проблем стала нехватка жилых помещений в городах.

Во Владивостоке в первый год после начала Первой мировой войны численность населения уменьшилась из-за мобилизации запасных нижних чинов и ополченцев, снижения притока азиатских мигрантов, оттока рабочих на родину и пр. Если на 1 января 1914 г. гражданских жителей числилось 99 265 чел, то на 1 января 1915 г. – 65 728 чел., а по переписи 15–18 сентября 1917 г. – 111 706 чел.; еще 25 тыс. человек составлял гарнизон [4; 5, с. 36–37; 7, прил. 1; 8, прил. 1].

Начало квартирного кризиса во Владивостоке относится к 1916 г. В период между Русско-японской и Первой мировой войной территория под городской застройкой выросла за счет Куперовской пади, Ново-Корейской, Рабочей и Нахальной слободок, дачных пригородов, с начала 1916 г. процесс прироста населения и захвата застройкой новых земель ускорился, строительство жилья не успевало за быстро растущей потребностью, что привело к росту цен и острой нехватке жилых помещений.

Рост цен на жилые и прочие помещения не был сугубо местным явлением, а наблюдался по всей территории Российской империи, 27 августа 1916 г. правительство было вынуждено издать закон, запрещавший повышение оплаты за жилые помещения [9, с. 1].

В ноябре 1916 г. Владивостокская городская комиссия о пользах и нуждах на заседании городской думы предложила в качестве одного из путей решения проблемы перенаселенности и нехватки квартир «отвлечение части городских жителей из непосредственных пределов городской территории» и поселение их в пригородах – «2-я Речка», «Седанка», «19 верста», «Океанская» и «26 верста» («Сад-город»). Для этого необходимо было создать условия: постоянное, удобное и быстрое сообщение пригородов с городом, быстрое движение пригородных поездов, устройство остановочной платформы и распространение пригородного тарифа как для разовых, так и сезонных билетов до ст. Угольная (30 верста) на разъезд 26 версты, где начал развиваться особый дачный пункт – «Сад-город»; удешевление ученического тарифа на железнодорожный транспорт, включая поездки в пригород; открытие учебных заведений и почтового отделения; установление с пригородами телефонного сообщения, оборудование «на первое

время на каждой станции особых телефонных будок, откуда желающие могли бы разговаривать с городскими абонентами за особую плату» [1, ф. 28, оп. 1, д. 490, л. 8-11 об.]. Городская дума согласилась с предложением и возбудила соответствующие ходатайства, не все из этого перечня, правда, было выполнено.

Февральская революция 1917 г. и дальнейшие политические катаклизмы усугубили экономические проблемы, инфляция сменилась гиперинфляцией, поток беженцев увеличился, все это не способствовало смягчению квартирного кризиса. Домовладельцы по всей стране, и во Владивостоке также, пользуясь повышенным спросом, требовали «непомерной квартирной платы», квартиронаниматели в условиях постоянного роста цен на все потребительские товары были не в состоянии оплачивать жилье и задерживали оплату, мировые суды были завалены взаимными тяжбами [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 1].

5 августа 1917 г. Временное правительство издало Постановление «Об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения», которое отменяло действие предыдущего закона 27 августа 1916 г. Оно устанавливало предельные цены на квартирные помещения, койки и углы с принадлежностями (отопление, освещение, меблировка и пр.) и без них в городах и селениях. За помещения, сдаваемые внаем по письменному договору, нормальной признавалась цена, установленная в последнем договоре, заключенном до 19 июля 1914 г.; за прочие квартирные помещения – плата, установленная за пользование ими к 19 июля 1914 г. с причислением процентов – от 15 до 45 %. Городским думам дали право образовывать примирительные жилищные камеры в составе председателя и не менее четырех членов из домовладельцев и нанимателей квартир в равном числе, председатель избирался городской думой. На них возлагался надзор за исполнением постановления, привлечение виновных в его нарушении к ответственности, рассмотрение споров между «наймодавцами» и «нанимателями» относительно размеров платы и по прочим спорным вопросам, предварительное установление наемной платы за помещение по ходатайству наймодавцев и пр. [9, с. 1-13].

Взаимное недовольство домовладельцев и квартиронанимателей привело к их самоорганизации, созданию союзов и обществ, призванных защищать права и интересы той и другой стороны. Союз квартиронанимателей был создан во Владивостоке весной 1917 г., Союз домовладельцев – в августе-сентябре 1917 г. [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 30, 40г].

В марте 1917 г. городская дума в целях демократизации была пополнена представителями обществ и союзов, а в ходе выборов 18 июля 1917 г. 84 места из 101 заняли гласные от блока Совета рабочих и солдатских депутатов и социалистических партий. Но, несмотря на такой состав, думское большинство не могло проводить политику только в интересах беднейших слоев населения, а вынуждено было учитывать и интересы домовладельцев – плательщиков налогов, определенную роль играло и отсутствие единства и в рядах левых сил [3, с. 87-108; 6, с. 162].

Для решения квартирного вопроса городское самоуправление применяло постановление Временного правительства от 5 августа 1917 г., а также изобретало собственные способы, призванные хоть как-то исправить ситуацию. При городской думе существовала жилищная комиссия из гласных, занимавшаяся выработкой нормативных документов, нормировкой цен на жилые помещения и под конторы, гостиничные номера, контролем и учетом жилья, обследованием жилого фонда, распределением помещений, но неправомочная разрешать споры между квартиронанимателями и домовладельцами. Этим целям должна была служить примирительная камера (далее – ПК), созданная на заседании городской думы 25 сентября 1917 г. из четырех представителей от Союза квартиронанимателей и четырех – от Союза домовладельцев, а также председателя, на эту должность дума избрала эсерку М.А. Илговскую [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 1 об.]. Однако процесс создания камеры затянулся из-за вопросов финансирования и сроков

работы, смета ее была утверждена только до конца 1917 г., что вызвало недовольство ее членов, отказывавшихся работать на временной основе. На организационном процессе сказывались и разногласия между гласными разной партийной принадлежности. На заседании думы 24 октября 1917 г. некоторыми гласными была высказана критика в адрес М.А. Илговской, и она сразу же подала заявление об освобождении ее от должности председателя ПК, но фракция эсеров в думе уговорила ее остаться [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 46, 233].

Этим создание и преобразования структур, призванных решать «квартирный вопрос», не ограничилось. 1 октября 1917 г. Особое совещание по жилищному вопросу постановило пополнить жилищную комиссию при городской думе представителями от исполкома и военной секции Совета рабочих и солдатских депутатов, инженерного ведомства, ЦК флотилии, исполкома военного порта, военного ведомства, Союзов домовладельцев и квартиронанимателей, солдаток и при участии областного комиссара [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 5 об.].

На заседании Объединенной жилищной комиссии (ОЖК) 3 ноября 1917 г. в ее составе было создано Квартирное бюро и утверждены штаты и их содержание. Обилие органов, зачастую дублирующих друг друга, не помогало решению проблемы. Знакомство с документами того времени создает стойкое ощущение, что вместо реальных дел превалировало создание структур, их бесконечные заседания, принятие постановлений, которые населением попросту игнорировались. Например, на заседании ОЖК 24 ноября 1917 г. заведующий Квартирным бюро Миропольский доложил, что большинство постановлений комиссии – о выработке нормального договора, о предоставлении квартиры бывшего коменданта крепости под школу Эгершельдского района, переустройстве крепостной гауптвахты под ночлежный дом, сборе сведений о пустующих квартирах – не проводятся в жизнь [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 44 об.].

Прекрасной иллюстрацией своеобразного своеволия и протестного поведения населения было отношение домовладельцев к одному из постановлений думы. Предметом разногласий домовладельцев и квартиронанимателей был вопрос о ремонте сдаваемых помещений. Он обсуждался на заседании думы 9 октября 1917 г. В преддверии зимы и в условиях нехватки дров и угля всех заботил вопрос: кто должен был делать ремонт и утепление помещений, заботиться об отоплении? Квартиронаниматели требовали, чтобы это делали квартировладельцы, не поднимая при этом цен на аренду, последние же стремились минимизировать свои издержки по содержанию жилья и не желали нести дополнительные расходы. 9 октября 1917 г. в думе большинством голосов (10 «за» и 3 «против») был утвержден проект обязательного постановления № 186 «О производстве ремонта в жилых помещениях», опубликованный 12 октября 1917 г. Согласно ему, домовладельцы обязаны были произвести текущий ремонт жилых помещений, главной целью которого было сохранение тепла в помещениях – исправление дверей, застекление окон, конопатка стен, исправление крыш, ремонт отопительных приборов и пр. [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 11]. 31 октября 1917 г. председатель правления Союза квартиронанимателей Иван Стариков писал городскому голове А.Ф. Агареву, что домовладельцы не спешили исполнять постановление о ремонте, хотя срок истекал 1-го ноября, а отопительный сезон начался «минимум уже полмесяца», «ибо холода в этом году, к сожалению, начались ранее половины октября». Правление Союза квартиронанимателей получило от горожан «пока до 300 письменных и устных заявлений» о неисполнении постановления. Стариков предсказывал катастрофическое развитие ситуации: мировые судьи, и так «переобремененные работой», не смогут разобрать все дела в кратчайшие сроки, в результате «… добрая половина граждан гор. Владивостока перемерзнет или, в крайности, переполнит больницы, а большинство детей их, может быть, переселится на Покровское кладбище». Он предупреждал о возможности «нежела-

тельных эксцессов, которые могут быть между потерявшими всякое терпение нанимателями жилых помещений и домовладельцами, тем более что последние, по какому-то наитию, в массе осложняют жилищный вопрос, помимо невыполнения ремонта, еще невыдачей нанимателям … вторых, зимних оконных рам» [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 25-26]. Домовладельцы категорически не хотели брать на себя обязанности по ремонту, не боясь даже штрафов, налагаемых мировыми судьями, ибо предвидели, что в условиях загруженности судов, наказание, возможно, и не последует.

Городские власти изобретали и другие способы, могущие, по их мнению, хоть как-то разрешить «квартирный кризис». В сентябре 1917 г. на заседании думы было предложено сдавать горожанам в аренду городские земли для строительства домов. Земли разделили на две категории: 1) в 4 городском участке – Голубиной пади и Первой Речки – имелось 160 свободных и годных к застройке участков и могли быть сданы 100; 2) в районе Второй речки имелось 90 участков, могли быть сданы 80. Для предотвращения спекуляций и скупки земель управа предложила не допускать на торги лиц, которые уже владели или арендовали участок городской земли, и их жен; не сдавать больше одного участка одному лицу, в течение первого года на участке должно быть возведено хотя бы одно жилое помещение, участок давался без права переаренды [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 9 об.].

В начале октября 1917 г. на совместном совещании городской управы с правлением Союза солдаток, где решался вопрос об организации отпуска солдаткам дров и угля по уменьшенным ценам, городской голова А.Ф. Агарев предложил «для частичного решения квартирного кризиса … приспособить под квартиры казармы», но главное – «подвести квартиры под продукты потребления, для реквизиции излишка». Он считал, что «в городе существуют обширные квартиры по 8 комнат, занимаемые одним-двумя лицами» и эти излишки необходимо реквизировать, с ним не согласился юрисконсульт. Тогда городской голова предложил обсудить в думе ходатайство «перед Временным правительством о предоставлении городскому самоуправлению права держать на учете жилые помещения и свободные из них, если они не будут отданы под квартиры добровольно, отдавать в принудительном порядке» [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 4]. Это предложение обсудили на заседании городской управы при участии областного комиссара Временного правительства и решили предварительно провести анкеты, оповестить население о принудительном отчуждении квартир, созвать совещание учреждений [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 4 об.].

Тем не менее, уже 9 октября 1917 г. дума постановила просить Временное правительство разрешить реквизицию помещений. Городской голова отправил в Петроград на два адреса – министру внутренних дел и Председателю Совета Республики телеграммы: «Ввиду чрезвычайно острой квартирной нужды Владивостокская городская дума на заседании 9 октября сочла необходимым просить Временное Правительство издать закон, предоставляющий городу право издания обязательного постановления о квартирном максимуме одна комната на человека. Помещения для лиц определенной профессии: врачи, адвокаты и другие, также кухня, прихожая исключаются, для двух детей до 10 лет – одна комната, дети старше этого возраста считаются за взрослого. Превышение этого максимума дает городу право реквизиции помещений для отвода нуждающимся. Прошу срочно внести вопрос на рассмотрение Правительства. Положение серьезно» [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 12].

Временное правительство вскоре было свергнуто, и городская дума не дождалась запрашиваемого закона и издала постановление на свой страх и риск [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 64 об.]. В источниках пока не выявлено сведения о том, сыграли ли какую-либо роль в принятии постановления о реквизициях декреты и постановления СНК по жилищному вопросу, но, скорее, это было веяние вре-

мени, общее полевение населения, настроения экспроприаций, желание «все поделить» и кризисная ситуация с жильем.

В годы Гражданской войны положение осложнилось дальнейшим ростом населения за счет еще большего притока беженцев, скоплением в городе огромного числа войск, нестабильностью политической ситуации и сменой власти. С введением в город войск интервентов квартирный кризис приобрел характер апокалипсиса. Городские власти с трудом справлялись с потоком жалоб на занятие частных жилых помещений и зданий общественных организаций военными.

Положение гражданских беженцев в городе было ужасающим, они были вынуждены жить в заброшенных товарных и пассажирских вагонах, стоявших в беспорядке по обеим сторонам железной дороги, и на железнодорожном вокзале. На вокзале беженцы спали на холодном полу в нечеловеческих условиях [2, с. 251]. Немного больше повезло тем беженцам, которые прибыли в город в 1916 г. Часть из них разместили на верхнем этаже крепостной гауптвахты по ул. Посьетской. Когда военным понадобилось это здание для своих нужд, они долго и настойчиво пытались выселить беженцев. 13 сентября 1918 г. командующий войсками Приморской области попросил городское самоуправление освободить здание гауптвахты от жильцов [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 44 об., 102]. Однако попытки попечителя ночлежного дома Петра Цикуля изыскать помещения для переселения беженцев не увенчались успехом, а жильцы и не желали переселяться. В декабре 1918 г. военные вновь подняли вопрос об освобождении гауптвахты. В письме П. Цикуля во Владивостокскую городскую Комиссию общественного призрения от 23 декабря 1918 г. весьма красноречиво описывается ситуация с беженцами: «… верхний этаж бывш. главной креп. гауптвахты занят в настоящее время 43 семействами, которые распределяются на 1) беженцев – 20 семейств, 2) семейств, более или менее обеспеченных и могущих подыскать себе помещение и за более дорогую плату, нежели та, которая взимается с них теперь – 5; 3) абсолютно бедных (нищие, калеки и проч.) семейств – 18. Всего во временном ночлежном доме имеют приют до 200 душ. Мною неоднократно предлагалось обитателям этого ночлежного дома переселиться в свободные бараки бывшего Работного дома на 8-й Рабочей улице, но никто никогда не выражал желания переселиться, а некоторые жильцы определенно заявили о намерении своем переждать зиму, после чего и будут решать вопрос о переселении, так как помещения бывш. Работного дома … очень холодны из-за неисправности печей. … Нужда в городе в Ночлежном доме – острая: вокзал переполнен людьми, спящими на холодных каменных плитах пола, причем там очень много малолетних детей, жизни которых грозит опасность. … должен, кстати, заметить, что в большей части населения Временного Ночлежного дома замечается тенденция прочно укрепиться в здании бывшей главн. креп. гауптвахты, которая отстоит недалеко от центра города и вблизи мест выгрузки на станции ж.д., пристани Добровольного флота и проч. для чего, например, все запаслись железными печками и даже согласны, отчасти, приобретать каменный уголь за свой счет, лишь бы только их оставили в этом здании, почему выселение, или расселение произошло бы не безболезненно…» [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 220 об.]. Переписка о переселении беженцев из здания гауптвахты и вокзала продолжалась до конца марта 1919 г. [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 216-219, 22-223]. Пока не выявлено данных, проливающих свет на ее окончательное решение.

Но главной проблемой с осени 1918 г. и в 1919 г. стало размещение в городе войск. Если солдаты войск интервентов в основном размещались на окраинах – в казармах на Второй речке, на Эгершельде, в Гнилом углу, в бухте Горностай, на Русском острове [2, с. 248-249, 252], то командование и штабы занимали здания в центральной части города, офицеры селились на частных квартирах. Сентябрь 1918 г. прошел под знаком бесчисленной переписки городских властей с домо-

владельцами о недовольстве реквизициями, об обращении в суды, и с командованием войск о свершившихся выселениях [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 104, 118, 126]. Под военные реквизиции попадали и здания общественных организаций, и конторы, и жилье обывателей. Городская дума и управа, вынужденные лавировать между интересами обывателей и требованиями союзного командования войск, находились в сложнейшем, почти безвыходном положении. Переписка городского головы с командующими войсками красноречиво свидетельствует о нарастающем недовольстве населения реквизициями помещений военными, действием в городе одновременно множества властей, которые считали себя никому неподотчетными и неподвластными. Командование каждого отряда иностранных войск действовало самовольно в интересах собственных офицеров и солдат, не обращая внимания на недовольство городских властей, других командующих, домовладельцев, населения города [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 104, 118, 124].

Военные, остро нуждаясь в помещениях для размещения войск, часто совершенно не церемонились с гражданскими лицами, когда-то трудившимися в их ведомстве и жившими в их помещениях. Они просто уведомляли о предстоящем выселении, которое в условиях совершенно отсутствия в городе пустых квартир и приближения зимы было равносильно холодной смерти. Управа была завалена письмами отчаявшихся горожан, взывавших к жалости, с просьбой посодействовать в поисках жилья или не выселять из квартир [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 138 об.]. В условиях «квартирного кризиса» обыватели демонстрировали самые разнообразные практики выживания, одни сдавали от себя излишки снимаемой площади за повышенную плату, тем самым способствуя росту цен на жилье, другие – когда им грозило выселение, следуя принципу «своя рубашка ближе к телу», указывали на соседа, у которого, по их мнению, было больше излишков, третьи – собирали соседей и силой отстаивали свое жилье, препятствуя действиям судебных приставов и милиции, четвертые ругали жилищные органы и предлагали свои варианты решения проблемы [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 144 об., 157-158, 164 об., 244 об.].

19 октября 1918 г. Городская управа утвердила очередное положение о нормировке цен, за ним последовало Обязательное постановление Командующего Вооруженными силами Приморской области, запретившее «сделки домовладельцев, арендаторов, суб-арендаторов, комнато- и угол-сдавателей, как с русскими, так и с иностранными подданными по сдаче внаймы, аренду и т.д. жилых торгово-промышленных помещений по чрезмерно высоким ценам» [1, ф. 28, оп. 1, д. 783, л. 177 об.].

Однако квартирный кризис так и не был разрешен ни в 1919, ни в 1920 гг. Даже несмотря на вывод части войск интервентов из города, население его продолжало расти за счет беженцев, и в 1919 г. в городе насчитывалось 180 тыс. жителей, в 1921 г. – 220 тыс., а по данным адресного стола – более 250 тыс. [1, ф. 28, оп. 1, д. 729, л. 3]. Положение изменилось только с массовым отъездом белых войск и части гражданского населения, когда в октябре 1922 г. красные войска подошли к городу, но это была уже другая история в жизни города и страны.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
2. Иситт Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917-1919 гг. / пер. с англ. С. Панич. Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн.1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
4. Красное знамя. Владивосток, 1917. 7 ноября.
5. Мухачев Б.И. Александр Краснощеков: историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 284 с.

6. Мухачев Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 – июле 1918 гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сб. науч. тр. Владивосток, 1998. Т. III. С. 158-168.
7. Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. 130 с., прил.
8. Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1915. 106 с., прил.
9. Постановление Временного правительства от 5 августа 1917 г. «Об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения». Томск, 1917. 15 с.

УДК 94/93

Романова И.И.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУКОТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В ВЕДУЩИХ МУЗЕЯХ РОССИИ

В статье рассматривается история формирования коллекций чукотских материалов в ведущих музеях России.
Ключевые слова: Чукотка; экспедиции; коллекции материалов; музеи.

Romanova I.I.

HISTORY OF FORMATION OF CHUKOTKA COLLECTIONS IN THE LEADING MUSEUMS OF RUSSIA

This article deals with the history of the collections of Chukotka materials in the leading museums of Russia.
Keywords: Chukotka; expedition; collection materials; museums.

Чукотка – самобытный регион, его изучение привлекало многих исследователей, которые в ходе работы зачастую занимались сбором естественно-научных материалов и объектов материальной и духовной культуры региона. Данная статья преследует цель рассмотреть историю формирования коллекций чукотских материалов в ведущих музеях России. Необходимо отметить, что это далеко не полный обзор коллекций, поскольку не все музеи опубликовали содержание своих фондовых собраний и сбор материалов продолжается.

Со второй четверти XVIII в. – конца XIX в. шло активное всестороннее научное изучение территории Чукотки, на Крайнем Северо-Востоке собирались первые музейные материалы.

Первые научные сведения о Чукотке появились в связи с работой здесь участников Первой (1725-1730 гг.) и Второй (1733-1743 гг.) Камчатских экспедиций под руководством В. Беринга, которые описали побережье Чукотки, положили начало сбору ценных историко-этнографических материалов о народах, проживающих на этой территории. В конце XVIII в. географическими и этнографическими исследованиями на Чукотке занимались И. Биллингс, К. Мерк, первый ученый-чукча Н. Дауркин. Гавриилом Сарычевым были проведены первые археологические изыскания на Чукотке. В книге «Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» он подробно описал природу и быт населения Северо-Восточной Азии [4].

Морские экспедиции первой половины XIX в. Ф.П. Врангеля, Ф.Ф. Матюшкина, Ф. К. Гека и других исследователей внесли большой вклад в географическое описание Чукотки, изучение аборигенных народов. К сожалению, дальнейшую судьбу собранных в ходе экспедиций коллекций проследить трудно. Лишь

небольшая часть попала в музеи Санкт-Петербурга, Владивостока и Москвы, как, например, гравированный клык с отпиской Николая Дауркина 1791 г., находящийся в фондовом собрании Государственного исторического музея. Совершенно удивительный экспонат – моржовый клык, покрытый надписями об экспедиции под руководством Иосифа Биллингса. Это, пожалуй, одно из самых необычных писем в коллекции музея. Жизнь Николая Дауркина была полна удивительных приключений, он много путешествовал, и во многом знаниями о Чукотке, Аляске и островах Берингова пролива географы XVIII–XIX вв. обязаны именно ему. Именем Николая Дауркина даже назван полуостров на Чукотке. Ученые полагают, что в момент, когда необходимо было составлять очередной отчет об успехах экспедиции, под рукой у путешественника оказалась только колотушка, на которой он и вырезал свое послание. Интересно, что в письме упомянут еще один исследователь – сотник Иван Кобелев, чью фамилию автор стер, по-видимому, поссорившись с ним.

В настоящее время мы располагаем точными сведениями лишь об одной коллекции, собранной в период первых экспедиций. Так, среди собраний Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева представлена коллекция, посвященная народам Крайнего Северо-Востока, сформированная в 1885 г. шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком (54 единицы хранения). «В коллекцию входят материалы, относящиеся как к приморским чукчам, так и к азиатским эскимосам. Они довольно полно характеризуют занятия приморских чукчей и азиатских эскимосов – морской зверобойный промысел, охоту и рыболовство. Уникальными являются предметы одежды и снаряжения воина. Кроме того, особого внимания заслуживают две деревянные эскимосские маски с острова Ратманова. Хорошо представлено в коллекции косторезное искусство» [6, с. 6-7].

Впоследствии на Чукотке материалы первых экспедиций ни разу не экспонировались, и далеко не все коллекции каталогизированы и введены в научный оборот.

Целенаправленное формирование музейных коллекций на территории Чукотки начинается после образования в 1888 г. в составе Приамурского края новой самостоятельной административной единицы – Анадырской округи. Первый окружной начальник Леонид Францевич Гриневецкий наряду с другими указаниями получает от губернатора Приморской области (с 1886 по 1897 гг.), впоследствии Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, задание собирать материалы о жизни коренных народов, проживающих в округе [1, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 228].

За годы пребывания на Чукотке Л. Ф. Гриневецкий создал довольно обширную коллекцию. В нее вошли материалы по этнографии ламутов, чуванцев, чукчей, образцы декоративно-прикладного искусства. Активную помощь в сборе материалов оказал Гриневецкому краевед-самоучка, первый учитель Марковской церковно-приходской школы чуванец Афанасий Ермилович Дьячков. Скоропостижная смерть Леонида Францевича в мае 1891 г. прервала формирование коллекции. Предметы, упакованные в деревянные ящики, были морским путем отправлены во Владивосток, где находилось руководство Приамурского генерал-губернаторства. Материалы, собранные Л.Ф. Гриневецким (74 единицы хранения), поступили в фондовое собрание Приморского музея им. В.К. Арсеньева в 1892 г. «Коллекция разнообразна по составу материалов, основную часть составляют предметы быта и одежда. Особо следует отметить предметы, характеризующие косторезное искусство. Уникальным является деревянный амулет-охранитель с полиэйконическими (антропоморфным и зооморфным) изображениями» [6, с. 7].

Необходимо отметить, что часть коллекции Л. Ф. Гриневецкого была возвращена из Владивостока в фонды Чукотского окружного краеведческого музея (ныне Музейный центр «Наследие Чукотки») в 1939–1940 гг. и стала в нем первым собранием этнографических предметов конца XIX в. Среди переданных материалов представлена эвенская женская одежда, обильно украшенная мозаичными орнаментами и вышивкой бисером; предметы быта и утварь коренных жителей, проживавших по берегам реки Анадырь. Наиболее ценными признаны два произведения косторезного искусства – скульптурная композиция «Каюр на собачьей упряжке» и гравированное украшение – единственные в коллекции музея образцы зарождающегося в конце XIX в. косторезного промысла прибрежных чукчей и эскимосов. К сожалению, документы о передаче коллекции не сохранились, и работникам обоих музеев предстоит уточнить сведения об экспонатах.

Работу Л. Ф. Гриневецкого по сбору этнографических коллекций продолжил другой начальник Анадырской округи, служивший в этой должности с 1895 по 1898 г., – Николай Львович Гондатти, впоследствии Приамурский губернатор (с 1911 по 1917 г.). Он расширил территорию комплектования материалов, собрав экспонаты не только о жизни эвенов, чуванцев, чукчей, но и эскимосов, коряков, в ходе своей длительной поездки из села Марково (среднее течение р. Анадырь) до села Уэлен (побережье Берингова пролива). В 1898 г. экспонаты вошли в фондовое собрание Кунсткамеры (СПб., ныне МАЭ), их общее число составило 1896 единиц хранения. Подробное описание и научный анализ материалов, собранных Н.Л. Гондатти, сделал В. Г. Богораз. Он каталогизировал и описал коллекцию в работе «Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее императорской Академии наук» (СПб., 1901). За научную деятельность Н. Л. Гондатти был награжден золотой медалью памяти Бэра [2, с. 1].

Еще один руководитель Чукотки активно занимался сбором музейных коллекций на территории региона – начальник Анадырской округи с 1898 по 1907 г. Н.П. Сокольников. Уникальную косторезную коллекцию из 1055 предметов по заказу этнографического отдела Русского музея (ныне РЭМ – Российский этнографический музей, СПб.) в 1904-1907 гг. собрали Н.П. Сокольников и Г.А. Борисов. Подробное описание коллекции дано Е.П. Орловой в работе «Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость» [3]. В этом собрании уже представлены и резная скульптура из клыка моржа, и гравированные клыки.

Статский советник Н.П. Сокольников был с 1904 г. корреспондентом этнографического отдела Русского музея, иногда он сам помогал описывать собранные коллекции и привлекал к сбору других краеведов. Так с 1904 по 1907 г. совместно с доктором Н.В. Слюниным он собрал большую коллекцию мелкой пластики из клыка моржа. Продолжал формировать коллекции Н.П. Сокольников и с 1907 г., когда стал начальником уезда Командорских островов.

Всего Н.П. Сокольникову удалось собрать свыше 2 600 предметов по культуре чукчей, коряков, эвенов, эскимосов, кереков, чуванцев и алеутов, которые хранятся в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). Его жена Евдокия, имевшая чуванско-корякское происхождение, помогала ему в налаживании контактов с местным населением, в сборе и обработке материала. Ценными памятниками алеутской культуры в коллекциях являются деревянные головные уборы охотников на морских животных, одежда из птичьих шкурок и кишок морских животных, плетенные из травы, игрушки. Уникальны также корякская погребальная одежда, культовые маски, женские лечебные головные повязки.

Надо отметить, что Николай Павлович Сокольников, в целом, собрал коллекции, состоящие из тысяч этнографических и биологических экспонатов, хранящиеся в крупнейших российских музеях (РЭМ, Зоологический музей МГУ, Зо-

омузей ЗИН РАН, ГДМ). Так, в Дарвиновском музее хранятся 60 тушек и 22 чучела птиц из сборов Н.П. Сокольникова.

Первая специализированная и довольно полная коллекция, посвященная косторезному искусству Чукотки, начала формироваться Интегралцентром в начале 1930-х гг. для Загорского (с 1991 г. Сергиево-Посадского) Государственного историко-художественного музея-заповедника. Активное пополнение материалов продолжалось музеем до 1970-х гг., а в 1995 г. издан каталог этой интересной коллекции. В ней содержатся косторезные изделия, начиная с конца XIX в. Произведения 1920–1930-х гг. являются основной ценностью собрания и представлены многогранно: круглой скульптурой, рельефной резьбой и гравировкой по кости, рисунками мастеров и детей и др. К сожалению, во время Великой Отечественной войны часть коллекции была утрачена. Наиболее значительным пополнением было поступление большой группы произведений 1950-х гг. из собрания Ивана Петровича Лаврова, работавшего в эти годы художественным руководителем Уэленской косторезной мастерской. В настоящее время коллекция Сергиево-Посадского музея по чукотско-эскимосскому искусству насчитывает 1856 предметов.

В конце 1940-х гг. начинается сбор археологических коллекций на территории Чукотки. Его ведет археолог С.И. Руденко, и предметы поступают в фондовое собрание РЭМа.

С 1955 г. активные археологические раскопки в регионе проводит Николай Николаевич Диков. Он, будучи директором Чукотского окружного краеведческого музея с 1955 по 1960 г., обнаружил множество неолитических стоянок, древнеэскимосских поселений и могильников. Большинство находок, после отъезда Н.Н. Дикова в Магадан, были перевезены туда в музей СВКНИИ ДВО РАН. Большая коллекция археологических материалов с Чукотки собрана Магаданским областным краеведческим музеем. Ее комплектовали и сам Н.Н. Диков, и его ученики, в частности, тогда сотрудник музея М.А. Кирьяк-Дикова.

С 1953 по 1992 г. Чукотский автономный округ находился в составе Магаданской области, и, естественно, областной музей в это время сформировал разносторонние коллекции с территории Чукотки – таксидермические, этнографические, исторические, материалы изобразительного и косторезного искусства.

Большой интерес к формированию чукотских коллекций у российских музеев наблюдается в 1970–1990-х гг. Во многих российских музеях Москвы (ГМВ, ГИМ, ГМСИР), Санкт-Петербурга (Русский музей, РЭМ), Сибири и Дальнего Востока (Сахалин, Хабаровск, Магадан, Владивосток, Екатеринбург и др.) в эти годы формируются фондовые собрания косторезного искусства Чукотки. Они очень интересны, но достаточно статичны.

В 1970–1980-х гг. продолжил собирательскую деятельность в Чукотском районе Российский этнографический музей (РЭМ, СПБ). Состоялись две комплексные палеоэтнографические экспедиции, возглавляемые директором Государственного музея этнографии народов СССР Д.А. Сергеевым. Им вместе с участником экспедиции Б.З. Гамбургом было собрано около 800 предметов по культуре азиатских эскимосов и приморских чукчей. Значительный интерес в собранных коллекциях представляют единственный в стране полный комплекс предметов морского зверобойного промысла и изделия мастеров косторезной Уэленской мастерской. Сергеевым Д.А. также были начаты раскопки Эквенского могильника, и в собрание музея поступили и археологические материалы.

В 1970–1990-е гг. комплектование коллекций по народам Чукотки успешно продолжило следующее поколение сотрудников РЭМа, бережно использовавших традиции и опыт старших. Заведующий отделом В.В. Горбачева и И.В. Куликова, чукчанка по национальности, собрали коллекцию по культуре чукчей. Ими было приобретено свыше 600 предметов, среди них яранга – традиционное жилище

чукчей, уникальные приборы для добывания огня, одежда шаманки. В середине 2000-х гг., после новых экспедиций, под руководством Горбачевой В.В. собрание этнографических материалов с Чукотки было пополнено новыми экспонатами.

С 1987 г. археологические раскопки в Чукотском районе (поселение Эквен, Эквенский могильник, поселение Пайпельгак) проводит Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока (руководитель – К.А. Днепровский). Часть собранных коллекций находится в Музейном центре «Наследие Чукотки» (550 экспонатов) и в фондах районного музея в селе Лаврентия, но большинство артефактов с раскопок пополнило фондовое собрание Государственного музея Востока (ГМВ) – около пяти тысяч предметов.

Кроме этого, в ГМВ, благодаря собирательской работе бывшего директора Чукотского окружного музея Ю.А. Широкова и М.М. Бронштейна, сформированы интересные коллекции по этнографии и искусству коренных народов Чукотки.

Достаточно активно, на протяжении многих лет, работает в Провиденском районе археологическая экспедиция Российского НИИ культурного и природного наследия (руководитель – С.В. Гусев), собранные материалы частично хранятся в музее института, частично переданы в собрание ГИМа (Москва).

Представлен далеко не полный обзор чукотских коллекций в ведущих музеях России, сотрудники нашего музея продолжают работу в этом направлении.

Список источников

1. Государственный архив Магаданской области.
2. Могилянский Н. Предисловие к очерку материального быта оленных чукчей. СПб., 1901.
3. Орлова Е.П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964.
4. Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802.
5. Фисина А.К. Чукотское и эскимосское искусство XIX-XX вв. Каталог из собрания музея. М., 1995.
6. Этнографические коллекции по народам Крайнего Северо-Востока Азии в музее им. В.К. Арсеньева. Владивосток, 1990.

УДК 94(20)

Самойленко П.Ю.

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМИДЖА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

В статье проводится анализ современных проблем коммуникативного продвижения российского Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион в рамках так называемого «Разворота на Восток». В публикации внимание уделяется таким аспектам, как коммуникативные ресурсы, кросс-культурные особенности восприятия массовой информации, экономические аспекты деятельности медиа, и ряду других факторов.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Азиатско-Тихоокеанский регион; «Разворот на Восток»; коммуникативные проблемы; средства массовой информации.

Samoilenko P.Yu.

MODERN COMMUNICATION ISSUES IN PROMOTING THE IMAGE OF THE FAR EAST IN THE ASIA PACIFIC REGION

Article deals with the problems of imaging and communicative development and progress of Russian Far East to Asia-Pacific in condition of so called Eastern Turn of Russian foreign policy. In article author analyses mass media, information resources, cross-cultural features cognitiving mass-information in countries of Asia-Pacific, economical peculiarities of media processes and other factors.
Keywords: Russian Far East; Asia-Pacific; Eastern Turn; communicative problems; mass-media.

В сентябре 2015 г. во Владивостоке состоялся Восточный экономический форум (ВЭФ), проведение которого стало логичным продолжением ранее заданной повестки – расширения влияния России на Азиатско-Тихоокеанский регион и развития сотрудничества с его странами [2].

Развивая отношения со странами АТР, Россия сталкивается с рядом информационных вызовов, без адекватного ответа на которые ей вряд ли удастся достичь поставленных целей, прежде всего – в рамках развития инициатив во внешнеэкономической деятельности. Главной стратегической задачей на сегодняшний день является развитие сотрудничества в формате как минимум двух параллельных дорожек – внешнеполитической и внешнеэкономической, поскольку только в таком случае будут созданы условия для полноценной интеграции России в АТР [5].

К очевидным коммуникативным проблемам, которые сохраняются в сфере внешнеэкономической деятельности на российском Дальнем Востоке, следует отнести следующие:

- неоднозначное восприятие иностранными инвесторами, в особенности в части опасений нестабильности в вопросах развития и гарантий инвестиций;

- отсутствие единой стабильной системы информирования стран АТР и СВА и их бизнес-кругов о происходящем на Дальнем Востоке России, подтверждением чему является отсутствие активизации собственных корреспондентов иностранных СМИ в ДФО [3].

Соответственно, к первоочередным имиджево-коммуникативным задачам, стоящим перед Россией и ее Дальним Востоком как крупным мегарегионом, в настоящее время необходимо отнести следующие:

- создание устойчивого позитивного инвестиционного имиджа Дальневосточного федерального округа;

- создание позитивного туристского образа региона;

- формирование информационного «пула» уникальных для интегрированного в АТР российского мегарегиона составляющих, таких как туристско-рекреационные комплексы, памятники истории и культуры и места туристского показа, регулярно проводимые значимые международные мероприятия и мероприятия с международным участием;

- создание экономической основы для международного сотрудничества в рамках Дальнего Востока, а также форматов иных «дорожек» сотрудничества, например, культурного, гуманитарного и т.д. [8].

Основными препятствиями интеграции регионов ДФО в АТР остаются сырьевой характер и слабость их экономики, отсутствие реальных достижений в развитии туристских проектов. К примеру, на сегодняшний день во Владивостоке до сих пор окончательно не достроены и не введены в строй две пятизвездочные гостиницы Hyatt, которые первоначально должны были быть сданы

в эксплуатацию еще в 2012 г. и ориентированы на туристов и бизнес-делегации стран АТР. До конца не ясны перспективы выхода на полноценный уровень работы игорной зоны в пригороде Владивостока.

Основными причинами, сдерживающими развитие сотрудничества и привлечение инвестиций на Дальний Восток России, на сегодняшний день являются следующие:

- высокие транспортные и энергетические затраты;
- узкий рынок труда, высокая стоимость рабочей силы;
- слабая конкурентноспособность местных производств;
- необходимость существенных финансовых вложений и инвестиций (так называемые «длинные деньги») для развития совместных производств [3].

Весьма показательными и важными для формирования решения об основных коммуникативных путях продвижения России в АТР следует признать следующие данные опроса иностранных инвесторов, которые являются маркерами наиболее актуальных проблем.

К типичным информационно-имиджевым проблемам, установленным путем опроса иностранных инвесторов и бизнесменов, можно отнести следующие (рис. 1).

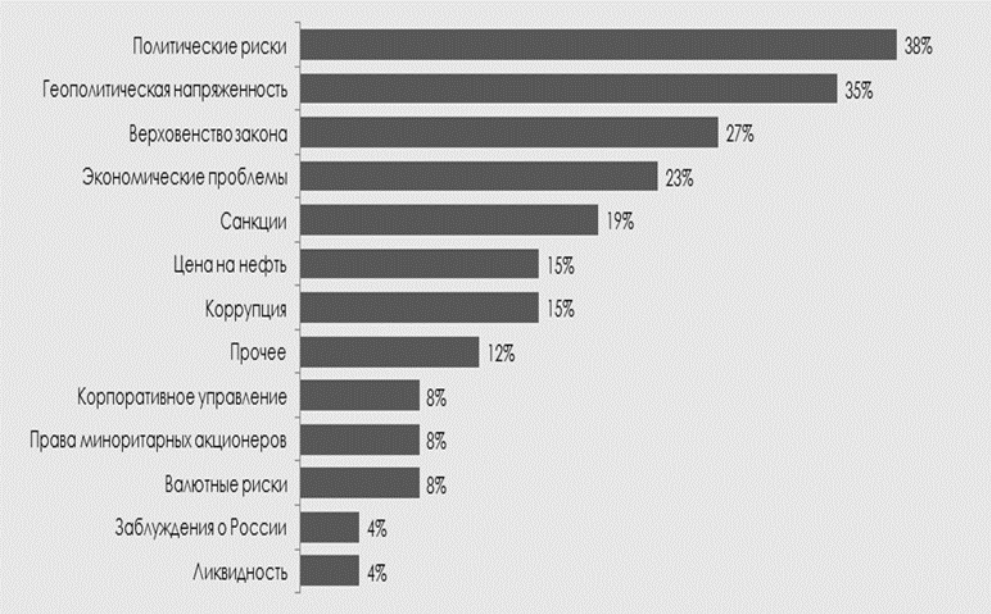

Рис. 1. Опасения зарубежных инвесторов
(данные портала Detail Communications)

Находящиеся в «топе» проблемы привлечения инвестиций, такие как «геополитическая напряженность» и «санкции», на практике более характерны для западных регионов России, в то время как Дальний Восток тут находится в более выигрышной позиции. Страны АТР, присоединившиеся к антироссийским санкциям, к примеру, Япония, де-факто не предпринимают серьезных усилий, направленных на блокирование российской экономической активности, а в большей степени сконцентрированы на так называемых санкционных списках российских чиновников и крупных бизнесменов. В то же время такие показатели, как «цена на нефть» и «верховенство закона», являются по сути характерными для восприятия иностранцами российской действительности в целом, а значит, опять же, в имиджевом плане не ухудшают позиции регионов ДФО.

Говоря о необходимости усиления информационно-имиджевой политики России в АТР, в том числе после первого ВЭФ в 2015 г., следует говорить о пер-

спективах привлечения интереса азиатских партнеров к происходящим на Дальнем Востоке России событиям. Следует отметить, что при этом необходимо учитывать азиатский менталитет, одним из базисов которого является практическая ориентированность проектов и стремление получить перспективные выгоды [7].

К числу перспективных тем, которые необходимо учитывать при ведении информационной политики в рамках Тихоокеанской России, следует отнести следующие [4] (рис. 2).

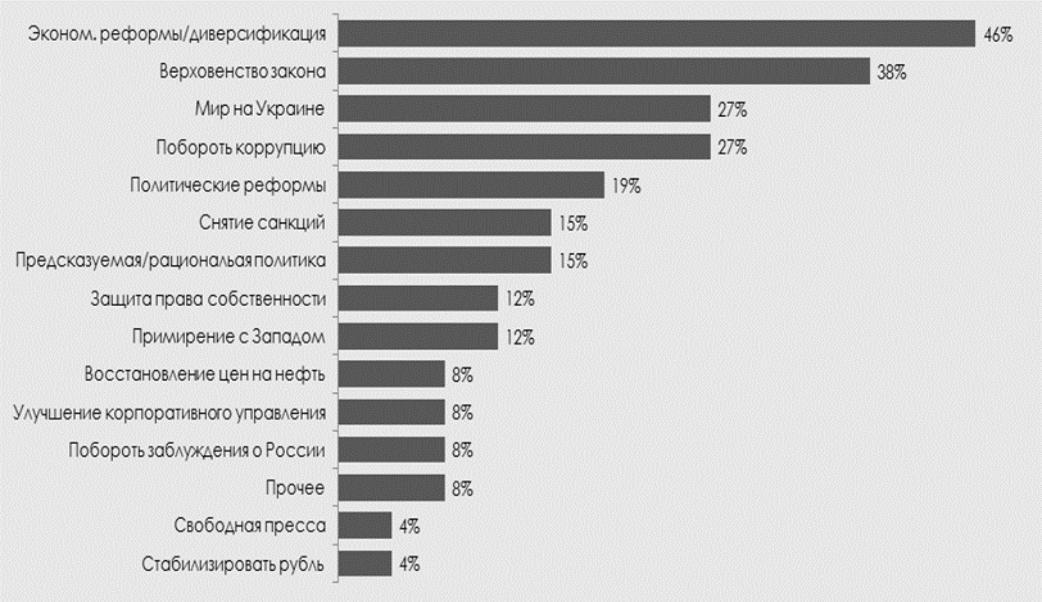

Рис. 2. Ожидаемые улучшения в экономике
(данные портала Detail Communications)

Анализ показателей данного исследования позволяет говорить о том, что ряд ключевых категорий, таких как «Мир на Украине», фактически не имеют к Дальнему Востоку отношения, в то время как, например, «Экономические реформы и диверсификация» в реалиях «Разворота России на Восток» получают воплощение в создании особых инвестиционных режимов именно на Дальнем Востоке России – речь, прежде всего, идет о проектах ТОСЭРов и порто-франко. В эту же категорию можно отнести «предсказуемую, рациональную политику», поскольку по сути эти действия российского руководства ориентированы именно на решение подобных задач [1; 10].

Также интересен анализ привлекательности отраслей российской экономики для иностранных инвесторов, который имеет применительно к Дальнему Востоку свои особенности (рис. 3).

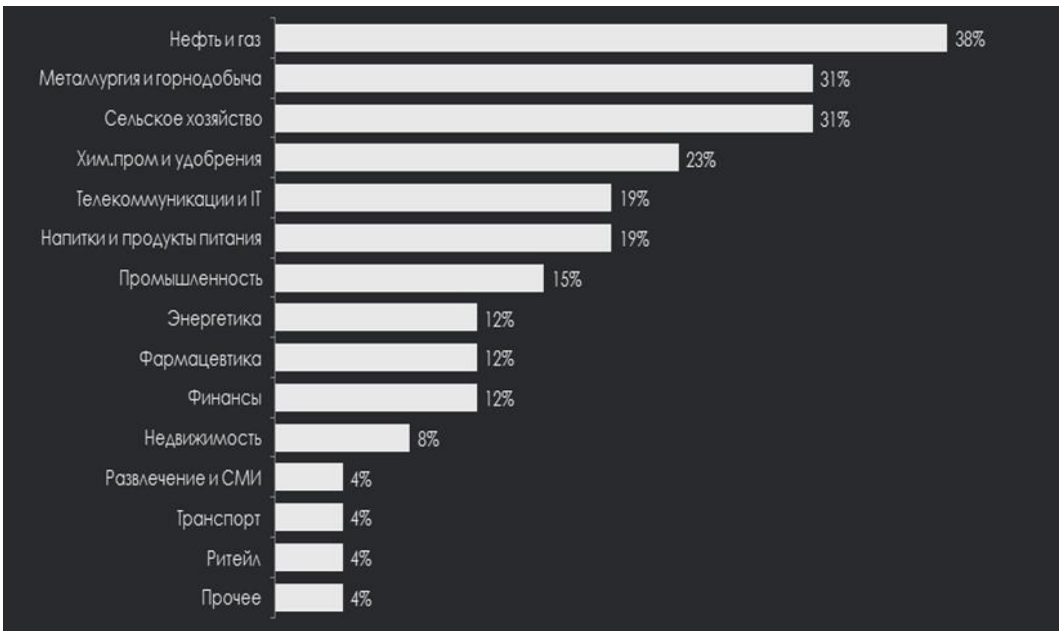

Рис. 3. Привлекательность отраслей
(данные портала Detail Communications)

Анализ перспективных, с точки зрения иностранных бизнесменов, направлений российской экономики также показывает, что такие ключевые категории, как «нефть и газ», «сельское хозяйство», «энергетика», имеют на Дальнем Востоке неплохой потенциал. Очевидные сложности в действительности с позицией «телекоммуникации и IT», поскольку по качественным показателям информационной инфраструктуры регионы ДФО ощутимо отстают от стран СВА и АТР.

Основными препятствиями интеграции регионов ДФО в АТР, которые в том числе получили освещение в средствах массовой информации, остаются сырьевой характер и слабость экономики в регионах федерального округа, отсутствие реальных достижений в развитии туристских проектов, а также и коррупционные скандалы, связанные с крупными руководителями и политиками на Дальнем Востоке и в Приморском крае.

Соответственно, первоочередными задачами (при соответствующей информационной и имиджевой поддержке) являются следующие:

- развитие инфраструктуры в регионах ДФО, прежде всего ориентированной на развитие реального сектора экономики;
- снижение затрат, связанных с организацией и функционированием бизнеса;
- создание налоговых и прочих льгот для инвесторов;
- структурные изменения в региональной экономике в целях повышения ее инновационности.

Существенную роль в таких процессах должны сыграть средства коммуникации, прежде всего – средства массовой информации региона, на которые ложится «нагрузка» по созданию соответствующего информационного климата, формированию позитивного имиджа региона и брендинга его ключевых территорий, например, Владивостока.

Сегодня проблемы реализации так называемого «Восточного вектора» обусловлены отсутствием скоординированной информационной политики при продвижении товаров и услуг. Ярким примером является Китай, который в настоящее время стал основным российским партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на благоприятную рыночную конъюнктуру и политическую волю руководства обоих государств к развитию полномасштаб-

ного взаимовыгодного сотрудничества, на сегодняшний день результаты этого сотрудничества в абсолютном выражении остаются достаточно скромными. При этом одной из основных проблем является отсутствие скоординированной рекламной и PR-политики России по продвижению своих товаров. Это ощущается как на уровне интегрированных в сотрудничество с северо-восточными провинциями КНР российскими регионами Дальнего Востока, так и на федеральном уровне.

Например, по итогам девяти месяцев 2016 г. Китай стал главным покупателем российских продуктов, его доля в структуре российского экспорта составляет 10,8 %. При этом 70 % объема приходится на товары с минимальной долей обработки (мороженую рыбу и сою), и только 30 % занимает продукция пищевой промышленности. Это составляет сумму около 300 млн дол. – сотые доли процента от всей импортной продукции, потребляемой в КНР [9].

При этом небольшой перечень товаров российского производства, которые стабильно пользуются спросом в Азии, и особенно в Китае (отдельные виды продуктов питания, ювелирные изделия, спрос на которые только вырос благодаря девальвации рубля к юаню и другим валютам региона), пока все равно не получает массового продвижения и растущих высокими темпами продаж.

Например, в прошлом году Китай в 2,5 раза увеличил потребление российского шоколада и вышел по этому показателю на второе место в мире. Однако даже при столь благоприятной конъюнктуре рынка, Китай не дотянул до уровня Казахстана, который потребляет российского шоколада еще больше, и это при том, что население Казахстана в 70 раз меньше, чем КНР [9].

Китайский рынок для России является серьезным показателем того, что нужно многое менять в позиционировании и страны, и ее продукции. Аспектов много – это и необходимость изменения рецептуры продуктов питания, и изменение нейминга товаров с учетом особенностей культурного восприятия, и языковые аспекты, а также четкая рекламная, маркетинговая, имиджевая политика при выводе отечественных товаров на внешние рынки.

Эксперты считают, что необходимо выработать единую стратегию позиционирования российских продуктов на внешних рынках. Наиболее очевидной выглядит ставка на экологичность российской продукции, однако единый, запоминающийся и в хорошем смысле вирусный лозунг (типа «Российские продукты – самые экологически чистые в мире») пока отсутствует, а в одиночку экспортеры, вынужденные считать каждую копейку, с пиаром такого уровня справиться не могут. Без сложных маркетинговых стратегий, обеспеченных финансовыми ресурсами, нам светит занять нишу не экологических товаров премиум-сегмента, а продукции эконом-класса для желающих купить «импортное, но подешевле [9].

Помимо традиционных торговых аспектов, Россия может эффективно использовать для своего позиционирования в АТР и СВА иные преимущества – логистические, технические, военно-морские и так далее.

Например, в настоящее время ведется активное обсуждение проблемы реализации арктических проектов, при этом указанный вопрос представляет собой целый комплекс взаимосвязанных проблем – начиная от военно-стратегических и заканчивая проблемами торгового мореплавания, развития береговой инфраструктуры и использования Северного морского пути (СМП) как альтернативы евроазиатским торговым путям через Индийский океан.

У России в вопросах освоения Арктики есть как очевидные преимущества, так и существенные проблемные точки. При этом очевидно, что адекватное информационное сопровождение процессов реализации Арктических проектов должно привести к усилению позиции России и защите ее национальных интересов, прежде всего в аспекте международного сотрудничества.

На сегодняшний день неоспоримыми преимуществами России в вопросах освоения Арктики являются:

- наличие ледокольного флота, в том числе единственного в мире атомного ледокольного флота;

- наличие условий для наращивания военного присутствия в регионе, в том числе с целью обеспечения безопасности грузоперевозок, повышения степени антитеррористической защищенности и в иных целях, связанных с проблематикой международной безопасности;

- наличие «опорных» точек в виде портов на побережье вдоль СМП, которые могут быть развиты и превращены в современные узловые точки береговой инфраструктуры, но пока не являются активными [11].

Необходимо отметить, что существенную роль в освоении Арктики могут сыграть не только северные регионы России, но и дальневосточные. Именно здесь на сегодняшний день находится «точка входа» для потенциальных азиатских инвесторов, а также магистральное начало торговых морских путей из АТР в Европу через СМП, при этом многие страны АТР, такие как Китай, Япония, Республика Корея, в открытую заявляют свои интересы по арктической проблематике.

При этом именно информационно-имиджевая поддержка будет являться важнейшим условием успешности подобных проектов с международным участием, поскольку оценка упоминаемости проектов в медиа-пространстве и публичной позиции властей является одним из существенных критериев оценки для инвесторов.

Таким образом, общая экономическая конъюнктура, прежде всего девальвация рубля по отношению к мировым валютам в 2015–2016 гг., дает хорошие возможности для развития внешнеэкономического сотрудничества в рамках Дальнего Востока.

Вместе с тем, как сами происходящие события, так и их освещение в медиа зачастую создают не позитивный, а, напротив, негативный контекст происходящего. Именно создание устойчивой позитивной «информационной повестки» происходящего в ДФО может стать успешным путем реализации «Восточного вектора» – конечно, при условии, если новости будут основаны на реальных, позитивных для международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности фактах. При этом России необходимо использовать как свое политическое влияние в регионе, так и современные информационные коммерческие и имиджевые коммуникации, создавая устойчивые стереотипы восприятия России, дальневосточных внешнеэкономических проектов и национальной продукции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона вообще и Северо-Восточной Азии в частности.

Список источников

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_172962/
2. Восточный вектор внешней политики России. URL: http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html
3. Ерошенко С.С., Дьяков В.И. Правовое и политическое положение России в АТР. Владивосток, 2011.
4. Опрос инвесторов: Россия в 2015 году. URL: http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vosprijatie-rossii-ekonomika-fondovyj-rynok-v-2015/
5. «Поворот на Восток» ради будущего России. URL: http://www.pravda.ru/districts/fareast/19-07-2015/1267415-levintal-0/
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/47173

7. Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: «Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы» URL: http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html
8. Самойленко П.Ю. Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена – регионоведческие исследования. 2014. № 2.
9. Сладкая сила. URL: http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html
10. Улучшение инвестиционного климата в России. Агентство стратегических инициатив (АСИ). URL: http://asi.ru/investclimate/
11. Фролов И.Э. Освоение российской зоны Арктики: проблемы воссоздания транспортной и военной инфраструктур. URL: http://institutiones.com/general/2792-osvoenie-rossiiskoi-zony-arktiki.html

УДК 94(47)

Синиченко В.В.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА И ЕЕ РОЛЬ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется деятельность чиновника по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе в годы Первой мировой войны. Делается вывод, что, во-первых, чиновник по дипломатической части координировал деятельность российских консулов и местных правоохранительных служб в отношении иностранных подданных, пребывавших на территории Восточной Сибири. Во-вторых, чиновник по дипломатической части активно интересовался положением дел в прилегающей к Иркутскому генерал-губернаторству Монголии. Он не только собирал сведение о монгольских делах для доклада генерал-губернатору, но и изыскивал с сибирской общественностью средства на содержание в Урге пророссийски настроенных вооруженных подразделений.
Ключевые слова: чиновник по дипломатической части; Иркутский генерал-губернатор; канцелярия; администрация; консул; турецкий подданный; Кашгар; Монголия; монгольская бригада; российские инструкторы; новобранцы; китайцы.

Sinichenko V.V.

DIPLOMATIC OFFICE OF THE IRKUTSK GOVERNOR-GENERAL AND ITS ROLE IN THE POLITICS OF THE STATE DURING THE FIRST WORLD WAR

In article activities of the official for a diplomatic part at the Irkutsk governor general in the years of World War I. The conclusion is drawn that, first, the official by a diplomatic part coordinated activity of the Russian consuls and local law-enforcement services concerning the foreign citizens staying in the territory of Eastern Siberia. Secondly, the official by a diplomatic part was in a situation in Mongolia, adjacent to the Irkutsk general governorship, actively interested. The official not only collected data on the Mongolian affairs for the report to the governor general, but dug up with the Siberian public resources on contents in Urge of the pro-Russian armed divisions.
***Keywords*:** the official by a diplomatic part; the Irkutsk governor general; office; administration; the consul; the Turkish citizen; Kashgar; Mongolia; the Mongolian crew; the Russian instructors; recruits; Chinese.

Важную часть краевой администрации составляла канцелярия генерал-губернатора. Помимо правителя канцелярии главными лицами здесь были делопроизводители, которые возглавляли отдельные направления деятельности канцелярии. К ведению первого делопроизводства относились бухгалтерские дела, второго – хозяйственные дела. Третье ведало делами городского и инородческого управлений. В функции четвертого входили дела по судебной, полицейской и тюремной части [3, с. 54-55].

Каждое из подразделений в той или иной степени участвовало в проведении миграционной политики России. Бухгалтерия принимала паспортно-визовый сбор, полицейская и судебная часть карала мигрантов за правонарушения, инородческое управление следило, чтобы китайские торговцы не вели дел с инородческим населением, межевой инженер-инспектор вел наблюдения за китайским и корейским землевладением и землепользованием, горный инженер наблюдал за применением «желтого» труда на приисках и пр.

Координировал всю эту деятельность чиновник по дипломатической части со своей канцелярией. Чиновник по дипломатической части получал содержание 6000 руб. в год (плюс 1000 руб. – на канцелярские расходы), кроме того, в его руках была сосредоточена вся дипломатическая переписка [2, с. 246-247].

Чиновник по дипломатической части занимался перепиской по делам прибытия китайских и корейских рабочих в край; по работе иностранцев на золотых приисках; по делам о хунхузах – азиатских преступниках; по вопросам иностранных торговцев и промышленников. В обязанности чиновника входило освещение генерал-губернатора по всем политическим вопросам на Дальнем Востоке и в Сибири, составление докладов, поэтому он находился в постоянных сношениях с представителями МИДа, дипломатическими и консульскими представителями на Востоке.

На протяжении 1914-1917 гг. чиновники по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе общались с представителями российских консульств в Маньчжурии и Монголии, вели переписку с 1912 г. с монгольским правительством в Урге.

В ведении чиновника по дипломатической части в 1917 г. находились следующие дела [1, ф. 25, оп. 11, д. 133, л. 34]:

1. Переписка о командировках.
2. Запросы об итальянском консуле.
3. О высылке книг.
4. О сооружении походной церкви.
5. О приезде японского консула.

Переписка по командировкам состояла из телеграмм и счетов.

Так, телеграмма от 5 августа 1917 г. выражала просьбу медицинского ведомства, адресованную чиновнику по дипломатической части, о том, чтобы он посодействовал скорейшему выезду в Ургу врача, командированного иркутским военно-санитарным инспектором в качестве консульского врача. Консульство в Урге просило ускорить приезд этого специалиста в Монголию. Потом была переписка о том, чтобы командировка по линии МИДа была погашена за счет средств военно-санитарной инспекции [1, ф. 25, оп. 11, д. 133, л. 45-47]:

Дело о книгах было вызвано тем, что, по сообщению Министерства иностранных дел, арестованный в феврале 1914 г. русскими властями по просьбе Монгольского правительства в пределах Кобдоского округа и водворенный затем на жительство в Астраханскую губернию главарь «монгольской разбойничий шайки», некий Чжа-Лама, в отношении которого имелось предположение, что он русский гражданин из калмыков или бурят, воспользовался революционной сумятицей, скрылся из Астрахани и пробирался, по сведениям, в Монголию.

Во избежание вторичного появления Чжа-Лама среди пограничного русского и монгольского населения и возможных волнений в пограничных полосах России и Монголии, Министерство иностранных дел России по соглашению с Монгольским правительством просило принять зависящие меры к недопущению Чжа-Ламы в Монголию [1, ф. 25, оп. 11, д. 133, л. 84].

Дело об итальянском консуле в Иркутске было начато 30 января 1917 г. с письма агента Министерства торговли и промышленности России чиновнику по Дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе. В нем говорилось, что японское Министерство земледелия и торговли просило предоставить сведения об итальянском почетном консуле в Иркутске, г. Антонии Михайловиче Донателло или Донателло, на том основании, что он вошел в сношение с японскими коммерческими кругами.

«Ввиду изложенного, – говорилось в письме, – обращаюсь к Вашему Высокородию с покорнейшей просьбою не отказать уведомить меня, по адресу Императорского Посольства в Токио, чем занимается г. Донателло, какой репутацией он пользуется в деловом отношении и можно ли его считать лицом, заслуживающим доверие».

12 февраля 1917 г. чиновник по дипломатической части в ответ на запрос агента Министерства торговли и промышленности в Японии от 30 января за № 40 уведомлял Японское посольство, что итальянский подданный Антоний Михайлович Донателло, проживающий в Иркутске, был итальянским почетным консулом.

По отзыву чиновника, Донателло являлся крупным совладельцем кинематографов в Иркутске, Благовещенске, Харбине и еще некоторых городах Восточной Сибири и Приморья и в деловом отношении пользовался репутацией солидного дельца, заслуживающего полного доверия.

За дела благотворительности, отмечал чиновник, Иркутским генерал-губернатором Донателло представлен по награждению орденом св. Станислава 3 степени [1, ф. 25, оп. 11, д. 133, л. 12]:

В августе 1917 г. Донателло сам участвовал в переписке с чиновником по дипломатической части уже при Краевом комиссаре. Он предоставлял сведения об итальянцах, проживавших в Сибири. В частности, об итальянском подданном Абело Имберти [1, ф. 25, оп. 11, д. 133, л. 50].

Интенсивные контакты полицейских служб, консулов и дипломатической канцелярии Иркутского генерал-губернатора о противоправной деятельности иностранцев отмечены и ранее 1917 г.

Так, согласно информации чиновника по дипломатической части для генерал-губернатора, высший чиновник местной администрации оповещался, что генеральный консул России в Тяньцзине в телеграмме от 26-го января 1915 г. за №27 сообщает о деятельности «нашего врага – турецкого подданного Хамсана Эфенди» [1, ф. 25, оп. 11, д. 112, л. 41].

Генеральный консул уведомлял, что по полученным им из секретного источника сведениям, в Пекине при Германской дипломатической миссии проживал турецкий подданный Хамсан Эфенди. 21 января 1915 г. этот турок с двумя германцами выехал из Пекина в провинцию Юнь-иань (Внутренняя Монголия), чтобы оттуда пробраться до Кашгара (Западный Китай), а затем по русской территории в Бухару с целью вести там антирусскую агитацию [1, ф. 25, оп. 11, д. 112, л. 42].

Из того же источника российский дипломат узнал, что если упомянутым выше лицам удастся в Китае достать соответствующие паспорта, то они вернутся на север Китая и попробуют выехать в Бухару железной дорогой через Калган, Ургу и Сибирь. Затем российским разведчикам удалось установить, что проживавший на территории германской концессии в Тяньцзине турок Гуссейн Ходти был агентом местного германского консульства [1, ф. 25, оп. 11, д. 112, л. 42].

Надо отметить, что проезд турок с поддельными паспортами через русскую территорию в годы войны не был фантастическим мероприятием. Так, ранее Императорская миссия в Пекине ознакомила Иркутского генерал-губернатора с удостоверениями, выявленными начальником 1-го отделения полицейского надзора на территории Китайской Восточной железной дороги от 26 ноября 1914 г. за № 9191. Эти удостоверения являлись наглядным свидетельством слабости паспортного контроля жандармской полиции Забайкальской железной дороги.

Удостоверения эти дали возможность турецким подданным, высланным в Китай из полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги, не только проехать в Россию, но даже проживать в Москве.

В данном случае, имея в виду, что документы эти оказались на руках у армян-торговцев, это не представило особенной государственной опасности; но подобными удостоверениями могли воспользоваться и враги России для своих целей [1, ф. 25, оп. 11, д. 112, л. 87].

По приказанию Главного начальника края чиновник по дипломатической части препроводил для сведения копию секретного предписания Иркутскому, Енисейскому губернаторам и военному губернатору Забайкальской области: «Ссылаясь на отношение свое, касательно деятельности турка Хамсана Эфенди, он же Саид-Хамза, Императорская миссия имеет честь уведомить, что, согласно полученным нашим Генеральным консулом в Тяньцзине сведениям, участники затеянной названным Хамзой экспедиции в Бухару и наши пределы убиты на границе Тибета с Туркестаном, причем погиб и тяньцзинский купец, германский подданный – Миллер, принимавший участие в этой экспедиции. Спасся будто бы только один из участников ее, который, добравшись до пределов Турции, и сообщил об участи этой затеи наших врагов» [1, ф. 25, оп. 11, д. 112, л. 74].

Итак, дипломатический чиновник при Иркутском генерал-губернаторе, а с 1917г. при Иркутском краевом комиссаре, играл роль связующего звена между консульствами России в Китае и Монголии, иностранными консульствами в Иркутске и полицейскими службами, ведущими розыск подозрительных иностранцев в регионе.

Активную деятельность чиновник по дипломатической части развернул и в деле финансирования так называемой «монгольской бригады».

В секретной телеграмме товарища министра иностранных дел на имя управляющего Генерального консульства в Урге от 3 декабря 1914 г. за № 4309 говорилось, что основным инструментом российского влияния в Монголии в этот напряженный для России период военного времени становилась так называемая монгольская бригада, одной из целей организации которой являлось поддержание порядка в стране [1, ф. 25, оп. 11, д. 167, л. 15].

Как свидетельствует секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии от 19 июля 1915 г. за № 122, новое соглашение о монгольской бригаде с 1 августа 1915 г. было подписано сроком на год.

Проект текста второй статьи: «Начальным сроком существование бригады и настоящего соглашения устанавливается 1 августа текущего 1915 года, причем к этому сроку в ряды бригады должны быть зачислены 200 цыриков (рядовых), считая, в том числе, 25 сверхсрочных дарганаров (унтер-офицеров) из состава нынешней бригады. Эти 200 цыриков прослужат в рядах бригады до 1 октября текущего года. 1 сентября текущего года в ряды бригады должны быть зачислены 200 новобранцев по выбору начальника русских инструкторов из призванного Правительством автономной Монголии контингента. Цырики эти должны прослужить в рядах бригады шесть месяцев, то есть до 1 марта 1916 года. 1 октября текущего года должны быть зачислены в ряды бригады 200 новобранцев, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 апреля 1916 года. 1 марта и 1 апреля 1916 года должны быть зачислены тем же порядком в ряды бригады по 200 новобранцев в каждый срок, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 ав-

густа 1916 года. Следовательно, в течение времени с 1 августа 1915 года по 1 августа 1916 года Правительство автономной Внешней Монголии обязывается поставить 800 новобранцев: по 200 человек к 1 сентября, 1 октября 1915 года, к 1 марта и 1 апреля 1916 года» [1, ф. 25, оп. 11, д. 165, л. 36].

Силовой, а не финансовый инструмент постепенно становился основным в политике распространения российского влияния в Монголии. Сокращение российских дотаций привело к тому, что в 1916 г. автономное Правительство Монголии решило упразднить дорого обходившуюся Канцелярию Совета председателя главных начальников, ограничить число монгольских чиновников.

Было решено уменьшить жалованье главным начальникам с 8 до 7 лан в сутки, а их товарищам с 7 до 6 лан (1 лан – это в то время от 1 руб. 45 коп. до 1 руб. 75 коп.) [1, ф. 25, оп. 11, д. 165, л. 39].

Тогда по просьбе Иркутского генерал-губернатора иркутские купцы решили профинансировать содержание казачьей бригады в Монголии [1, оп. 11, д. 165, л. 40].

В секретной телеграмме дипломатического агента в Монголии от 20 июля 1916 г. № 220 говорилось, что ему удалось на деньги регионального купечества организовать постройку казарм в Урге (Улан-Батор) и других помещений для размещения монгольских солдат и русских инструкторов [1, ф. 25, оп. 11, д. 165, л. 45].

Таким образом, чиновник по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе в годы Первой мировой войны не только координировал деятельность дипломатических служб и правоохранительных органов на территории Восточной Сибири, но и вел активную работу по сохранению российского влияния в Монголии, объединив вокруг этой проблемы общественные и предпринимательские круги региона.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области.
2. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного М-ва ин. дел В.В. Граве. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912.
3. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: Приамур. геогр. о-во; Изд-во РИОТИП, 1997.

УДК 312 (571.6)

Ткачёва Г.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В 1922-1941 гг.

В статье на основе архивных источников проанализирована миграционная политика Советского государства в условиях обострения военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выявлены особенности применения политико-доктринальных, правовых и ценностно-идеологических, институционально-организационных и коммуникативных программно-целевых технологий в процессе ее реализации, представлены статистические данные изменения численности и состава населения Дальнего Востока СССР в рамках ускоренной модернизации 1922–1941 гг.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР; модернизация; миграционная политика; миграция; переселение; иммиграция; народонаселение.

Tkacheva G.A.

IMPLEMENTATION OF MIGRATION POLICY IN THE FAR EAST OF THE USSR IN 1922-1941

In the article on the basis of archival sources analyzed migratory policy of the Soviet State in a worsening political and military situation in the Asia-Pacific region. Peculiarities of application of politico-doctrinal, legal and values-ideological, organizational and institutional communication software-targeted technologies in the process of its implementation, there are presented statistical data changes the size and composition of the population in the far east of the USSR under the accelerated modernization of the 1922–1941.
Keywords: Far East of the USSR; modernization; migration policy; migration; migration; immigration; population.

В 1920–1930 гг. защита национальных интересов СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе определила основные направления модернизации восточных территорий. Основные ее положения, впервые сформулированные в Постановлении Совета труда и обороны 17 октября 1924 г., предусматривали «…вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств …» [6, с. 18].

Программно-целевое освоение Дальнего Востока осуществлялось в соответствии с задачами ускоренной модернизации страны на основе краткосрочных и долгосрочных прогнозов размещения добавочного населения с использованием внутренних и внешних миграционных возможностей страны, которые определялись с учетом статистических данных по демографическому и социально-экономическому развитию СССР.

Миграционная политика являлась частью социально-экономических преобразований, затрагивающих сферу народонаселения, труда и занятости. По переписи населения 1926 г., в административных районах Дальневосточного края (ДВК) проживали 1790,6 тыс. чел., в том числе 19,6 тыс. – не указали места рождения, 949,2 тыс. – местные по рождению и 821,8 тыс. – пришлые (из них 168 тыс. корейцев и 72 тыс. китайцев). Учитывая, что за 1897–1920 гг. в регион прибыло приблизительно 447,5 тыс., а выбыло 103,1 тыс. чел., плановыми разработками предполагалось переселить сюда за десять-пятнадцать лет 1,5–2 млн чел., из них 1,3–1,8 млн разместить в сельских районах (16 % мигрируют в городские местности) и 150–200 тыс. – в городах и промышленных центрах. Трудовая и латентная иммиграция должна была увеличить численность корейцев до 204,6 тыс. (5,4 % общей численности населения), китайцев – до 77,5 тыс. (2,1 % населения). Уже к 1932 г. на Дальний Восток должны были переселиться 805 тыс. чел., из них 750–770 тыс. – в южные районы и только 35–40 тыс. – в северные, на Сахалин и Камчатку, что объяснялось финансовыми затратами по устройству переселенцев, которое обходилось здесь дороже примерно в 2– 2,5 раза [3, с. 8, 54–55; 2, ф. 299, оп. 1, д. 11, л. 9; д. 37, л. 3; ф. 1228, оп. 1, д. 114, л. 16 (подсчит авт.)].

Управление миграционными процессами осуществлялось центральными и местными органами исполнительной власти, профильными административными структурами. На основании Постановления СНК РСФСР от 22 августа 1925 г., в г. Хабаровске было открыто Дальневосточное районное переселенческое управление, после образования ДВК – краевое. С ноября 1931 г. по январь 1934 г. руководство осуществлял переселенческий сектор Дальневосточного краевого земельного управления, с 17 февраля 1934 г. по август 1936 г. (после организации Всесоюзного переселенческого комитета) – аппарат уполномоченного Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР, а после его ликвидации – переселенческий отдел НКВД по Дальневосточному краю. В 1938 г. вновь образуются переселенческие структуры при краевых исполнительных органах советской власти, проблемами миграции занимаются плановые, земельные отделы, подразде-

ления здравоохранения, просвещения, отделы кадров предприятий и учреждений [2, ф. 229, оп. 1, д. 20, л. 1, 36-39; д. 37, л. 2; ф. 137, оп. 4, д. 431, л. 76; ф. 553, оп. 1, д. 1, л. 6-16].

Несмотря на общие цели, решаемые в рамках административно-командной системы управления различными ведомствами, между ними существовали различия как по уровню компетенции, так и по функциональным возможностям. Численность мигрантов и иммигрантов, их расселение и адаптация в дальневосточной социально-территориальной общности регулировались политическими, нормативно-правовыми, финансово-экономическими, идеологическими и организационными мерами.

Программы перспективного развития региона предусматривали сначала оптимизацию социального состава населения. Сельскохозяйственное и промышленное переселение формировало трудовые ресурсы, в первую очередь сельского хозяйства, металлообрабатывающей, топливно-энергетической, лесной, рыбной отраслей Дальневосточного края, повышая продовольственную и военно-экономическую безопасность страны. В 1925–1937 гг. по линии сельскохозяйственного переселения (по сведениям переселенческого отдела управления НКВД) в регион прибыло 175,8 тыс. чел. и убыло 65,6 тыс. (37,3 % переселившихся).

Наибольшая миграционная подвижность населения отмечалась с 1925 по 1930 г., когда переселились 147,4 тыс. чел. (возврат 31,4 %), из них 37,5 % переселенцев прежде проживали в Западной, Центрально-Черноземной, Средне-Волжской областях, 12,7 % – в Сибири, 21 % – в административных районах Украины и 19,2 % – в Белоруссии, 5,3 % – в Туркестане и 2,9 % – в Киргизии. В дальнейшем, из-за сокращения социальной базы мигрантов в период коллективизации, количественные показатели централизованного сельскохозяйственного переселения с каждым годом уменьшались, а выбывших – увеличивались, составив почти половину переселившихся, обостряя проблему трудовых ресурсов (см. табл. 1).

Таблица 1

Сельскохозяйственное переселение в районы Дальневосточного края в 1925–1937 гг. (чел.)

Годы	Численность переселенцев, чел.		Финансирование, руб.	
	Прибыло	Выбыло	Безвозвратное	Ссудное
1925/26	12 796	1156	1 037 138	673 700
1926/27	27 989	2600	3 796 695	1 994 200
1927/28	36 271	7219	5 651 364	2 806 100
1928/29	33 160	13 688	4 652 797	3 098 812
1929/30	12 412	8704	6 517 374	5 636 365
4-й квартал 1930	7858	2214	2 785 000	5 575 000
1931	16 834	3791	8 039 662	19 306 126
1932	8234	20 826	3 857 000	16 744 225
1933—1935	4820	88	Финансирование проводилось через колхозный корпус	
1934—1935	4752	764	3 952 000	н/с
1936	194	2215	20 000	н/с
1937	10 318	358	5 324 500	5 338 000
Итого за 12 лет	175 638	65 623	45709123	61 172 523

Источник: ГАХК. Ф. 299 Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Д. 37. Л. 3; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 29. Л. 10, 11.

Проблема продовольственного обеспечения населения региона решалась при помощи коллективных форм объединения хозяйств различных социальных групп, в том числе и военнослужащих. Создание красноармейских колхозов как специфической формы организации сельскохозяйственного производства первоначально планировалось только в восточных районах страны, но уже в середине 1930 г. в различных регионах имелось 176 красноармейских колхозов, в том числе 11 – на Дальнем Востоке

Вербовка красноармейцев производилась командованием и политическим управлением воинских частей, переселенческим отделом в соответствии с утвержденными планами переселения в ДВК. В 1931 г. предусматривалось обустроить 10 тыс. семей демобилизованных воинов в составе 35 тыс. чел. Дали согласие на переселение 12 тыс. семей, но прибыло 5746 семей с 13 435 едоками. Одновременно Постановлением СНК СССР от 19 марта 1932 г. № 36176сс на территории Особой краснознаменной Дальневосточной армии формируется особый колхозный корпус численностью 60 тыс. военнослужащих с последующим обоснованием с семьей после четырех лет службы. К началу 1936 г. за счет его средств переселилось 4820 чел. (выбыло 88 чел.). За 1934–1938 гг. в колхозах Хабаровского края обосновались 2843 красноармейца [2, ф. 553, Оп. 1, д. 16, л. 1; оп. 4, д. 3, л. 160-161].

Красноармейские колхозы, призванные обеспечить сельскохозяйственной продукцией возросшую численность дислоцированных на территории Дальнего Востока вооруженных формирований Рабоче-крестьянской Красной армии, создавались медленно. Плановое переселение почти не проводилось и возобновилось, в относительно широких масштабах, накануне войны, возмещая убыль корейского населения.

В 1939 г. в Хабаровский край переселилось 1984 хозяйства, 1666 колхозников, 318 красноармейцев. К сентябрю 1940 г. в крае обустроилось 3857 семей, в том числе в Амурской области – 1913 семей, ЕАО – 986, в районах, непосредственно подчиненных краю, – 772, на Камчатке – 84 и Сахалине – 102 семьи, прибывших в основном из Украины, Белоруссии, Воронежской и Курской областей РСФСР [2, ф. 553, оп. 4, д. 15, л. 48; д. 16, л. 1, 22, 24; ф. 137, оп. 6, д. 3, л. 53].

В 1938 г. изъявили желание остаться в Приморском крае 1183 мобилизованных красноармейцев, но переселились в Уссурийскую область 772 чел., а в колхозах остались только 386. В 1940 г. в Приморье прибыло 7278 хозяйств переселенцев (6324 семейные, 954 — одиночки) общей численностью 32 884 чел., включая 16932 трудоспособных старше 16 лет. Они были расселены по 384 хозяйствам, но сразу 110 хозяйств-переселенцев покинули край [2, ф. 553, оп. 4, д. 7, л. 128; 1, ф. 131, оп. 2, д. 182, л. 19].

В географии регионов выхода мигрантов и интенсивности миграционных потоков отчетливо прослеживается воздействие экономических и политических детерминант. Вселение в колхозы производилось не компактными группами, с учетом производственной необходимости, а исходя из наличия жилья, часто заброшенного, требующего капитального ремонта, что сказывалось на адаптации переселенцев на новом месте жительства.

Трудовые ресурсы прямо или косвенно определяли пропорции территориальной организации общественного производства. Переселенческое движение дополнялось перемещением населения в районы нового промышленного строительства. В 1929/1930 гг. планировалось переселить из других районов страны в регион 7725 хозяйств с трудоустройством 4 тыс. – в строительных организациях, по 1 тыс. – лесной и рыбной промышленности, 150 – на предприятиях Камчатки, 800 – Сахалина. На 1933 г. план завоза рабочей силы в Восточную Сибирь и ДВК определялся в 84,1 тыс. чел. (сезонный завоз 70,6 тыс. и промышленное переселение 13,5 тыс.), из них большинство предназначались для золото-, нефте- и угледобывающей промышленности. В 1934 г. трудовые ресурсы восточных районов

должны были получить 149,7 тыс. чел. (ДВК – 112,5 тыс., Восточная Сибирь – 34,4 тыс., Якутия – 2,8 тыс.). На предприятия Наркомвоенмора распределялось 45 тыс., Наркомтяжпрома – 38 тыс., путей сообщения – 50 тыс., Наркомвода – 1,2 тыс., гражданавиастроя – 2 тыс. квалифицированных рабочих [2, ф. 1228, оп. 1, д. 149, л. 14; д. 191, л. 4; д. 196, л. 3].

Однако форсированная модернизация с ускоренным переходом к индустриальным технологиям обострила проблему кадров в стране, и переселение рабочих в отдаленные районы со слабой социальной инфраструктурой было сопряжено с большими трудностями. В 1932 г. на Дальний Восток прибыло 120 тыс. рабочих, в 1934 г. – 107 тыс., в годы второй пятилетки, в результате завоза рабочей силы и промышленного переселения – 446,4 тыс. чел., а за три года третьей пятилетки только в Хабаровский край – 616,7 тыс. чел. [2, ф. 137, оп. 4, д. 300, л. 59].

В то же время с 1928 г. по июль 1941 г. города и рабочие поселки Приморского края приняли 1081,7 тыс. чел., но выбыло 778 тыс., или 71,9 % прибывших. В частности, из 28,8 тыс. рабочих, завербованных на Камчатку в 1932–1933 г., 4 тыс. сразу остались во Владивостоке. В 1938 г. 635 астраханских семей согласились переселиться в рыболовецкие колхозы Приморья, 175 – Нижне-Амурской и 165 – Сахалинской областей, 25 – ЕАО, но прибыли на новое место жительство только 437 семей в Приморье и 55 – на Амур [1, ф. 131, оп. 10, д. 1, л. 9 об., 13; д. 5, л. 8, 3, 6; д. 9, л. 12 (подсчит. авт.)].

В сложившихся условиях дальневосточным краевым органам власти было разрешено вести переговоры непосредственно с руководителями союзных наркоматов о направлении необходимых кадров в регион, которые, используя романтические, патриотические порывы, стремились закрепить молодежь. По ориентировочным сведениям, в 1928–1940 гг. на Дальнем Востоке осталось в пределах 39 тыс. бывших военнослужащих, по общественно-политическим призывам прибыло 60 тыс. молодых энтузиастов, в том числе 27 тыс. – по хетагуровскому движению, 6 тыс. – на строительство Комсомольска-на-Амуре [7, с. 19].

В миграционной политике Советского государства 1930-х гг. проявилась этническая составляющая. Так, в 1932 г. на Дальний Восток переселились из стран Западной Европы, Южной Америки и США 742 трудовых иммигранта (441 чел. в составе 148 семей, 301 – одиночек), в том числе 177 чел. из Латвии, Литвы, 90 – Франции, 81 – США, 79 – Палестины, 77 – Аргентины, 64 — Германии, 60 – Бельгии, 42 – Румынии, 38 – Польши, 20 – Данцига, 10 – Бразилии и 4 – Уругвая [2, ф. 299, оп. 1, д. 19, л. 18].

В 1933–1935 гг. из центральных и западных областей СССР в новую административно-территориальную единицу Дальневосточного края (Еврейская автономная область) прибыли 16,7 тыс. чел. еврейской национальности, в 1940 г. – 990 хозяйств, из них 100 – ушли по прибытии, 153 – заселились в еврейские и 32 – красноармейские колхозы, а остальные обосновались в разных населенных пунктах [2, ф. 553, оп. 1, д. 35, л. 75, 76; оп. 4, д. 4, л. 75; ф. 299, оп. 1, д. 34, л. 2].

Резкое повышение иммигрантов из Азиатско-Тихоокеанского региона на территории Дальнего Востока СССР произошло к началу 1930 г. В последующие годы численность выходцев из Маньчжурии неуклонно сокращалась, а численность выходцев из Кореи увеличивалась, составляя от 160 до 180 тыс. чел. корейской национальности и от 50 до 70 тыс. чел. — китайской, не превышая 10 % населения Дальнего Востока (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность иммигрантов в административных границах Дальнего Востока СССР 1923—1937 гг., чел.

Административная единица	Год	Китайцев	Корейцев
Дальний Восток, в т.ч. Приморский край	1923	50 183 37 040	110 480 102 313
Дальний Восток, в т.ч. Приморский край	1926	72 005 43 513	168 009 145 511
Дальний Восток, в т.ч. Приморский край	1929	н/с 42 316	н/с 150 795
Дальний Восток, в т.ч. Приморский край	1932	н/с 32 600	н/с 160 800
Дальний Восток, в т.ч. Приморский край	1937	24 589 н/с	165 165 н/с

Источники: Стат. ежегодник. 1923–1925 гг. Хабаровск, 1926. Ч. 1. С. 22-23; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. М., 1928. Т. 7. С. 54-55, 78-79; Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск; Владивосток, 1932. Табл. А; Приморская область в цифрах. Владивосток, 1933. С. 22-23; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 94.

Социально-ориентированные миграции дополнялись принудительным переселением и выселением, этническими депортациями различных социальных групп, классифицированных как кулацкий элемент, члены антисоветских политических партий, бандитских и белогвардейских формирований, работники иностранных фирм, консульств, КВЖД, иммигранты и члены семей эмигрантов. Так, из районов Дальнего Востока было выселено в Казахстан и Узбекистан 171,8 тыс. корейцев, депортировано в Синьцзин 7,9 тыс. и переселено в Казахстан около 1,4 тыс. китайцев [8, с. 270].

Механическое движение и традиционное расширенное воспроизводство населения с высокой рождаемостью и смертностью, обеспечивало ежегодный прирост населения, превышающий общероссийские показатели. По текущему учету численность населения Дальневосточного края с 1927 по 1936 гг. возросла в 1,7 раза (2481,2 тыс. чел.), причем число городских жителей увеличилось в 2,9 раза (1404,1 тыс. чел.), сельских – в 1,2 раза (1377,1 тыс. чел.). Перепись 1939 г. зафиксировала сокращение населения до 2366,5 тыс. чел. (за счет принудительного выселения), но уже в начале 1941 г. численность увеличилась, составив 2908,1 тыс. чел., в том числе в сельской местности 1477,6 тыс. и городской – 1430,5 тыс. чел.

Первенство принадлежало Хабаровскому краю, где число жителей с 1 мая 1928 г. по 1 января 1933 г. возросло на 21,1 %, с 1933 по 1939 г. – на 81,7 %, с 1939 по 1941 г. – на 19,8 %, а за период с 1926 г. по 1941 г. – на 189% (с 605,2 до 1749 тыс. чел.), в том числе городов — на 424,7 % (с 164,5 до 863,2 тыс. чел.). Самые высокие темпы прироста населения наблюдались в трех районах Колымы – более чем в 32 раза, в основном за счет спецконтингентов; далее шли Сахалинская область – в 9,3 раза; Камчатская – в 4,3; Нижне-Амурская – в 3,6 раза с изначально низкой плотностью жителей и последующим интенсивным экономическим освоением (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность населения Хабаровского края в административных границах на начало 1939 г., тыс. чел.

Административная единица	Год		
	1926	**1939**	**1941**
Амурская область	374,3	448,2	526,5
Нижне-Амурская область	30,8	98,5	109,9
Камчатская область	34,8	132,8	151,8
Сахалинская область	11,8	99,9	110,1
Еврейская область	35,6	108,9	139,3
Районы краевого подчинения	113,3	421,6	541,5
Численность населения без районов Колымы	600,6	1309,9	1579,1
с районами Колымы	605,2	1459,7	1749,0
Население: городское	164,5	693,9	863,2
сельское	440,7	765,8	885,8

Источник: ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 1, 2.

На основании текущих оценок, население Приморского края ориентировочно возросло с 1926 г. по 1 января 1933 г. на 23,7 %, с 1933 г. по 1939 г. – на 14,7 %, с 1939 по 1941 г. – на 27,7 %, а за весь период – на 81,3 % (с 638,9 до 1159,4 тыс. чел.). Следует учитывать, что пределы края насильственно покинуло не менее 15–17 % жителей, проживавших в своем большинстве в сельской местности. По темпам прироста населения Приморье уступало Хабаровскому краю, однако самыми заселенными оставались Уссурийская и Приморская области, сосредоточившие почти 40 % населения региона (см. табл. 4).

Таблица 4

Численность населения Приморского края в административных границах на начало 1939 г., тыс. чел.

Год	Всего населения	Из общей численности населения	
		городское	**сельское**
1926	638,9	173,0	465,9
01.01.1932	836,9	326,8	510,0
01.01.1933	903,0	373,8	529,2
17.01.1939	906,8	467,9	438,9
01.01.1940	1045,6	534,5	511,1
01.01.1941	1159,4	567,6	591,8

На 01.01.1941 имеются данные: городское население 585,4 тыс. и сельское – 625,7 тыс. чел.
Источник: ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 170. Л. 25, 33.

Просматривается зависимость между миграционной емкостью городов и занятостью населения: темпы прироста были выше там, где создавалось больше рабочих мест. Возникает несбалансированность между потребностями и возможностями территорий предоставлять рабочие места и уменьшением количества миграционного потока. Этот разрыв продолжал углубляться и был запрограммирован административно-командной системой управления.

Меры, направленные на закрепление трудовых ресурсов в регионе, почти полностью совпадали с совокупностью мероприятий, повышающих жизненный уровень дальневосточников. С 1932 г. по 1940 г. в сборнике собраний и распоря-

жений правительственных органов было опубликовано 28 постановлений ЦИК и СНК СССР, в которых оговаривался порядок предоставления различных льгот для лиц, проживающих в районах Дальнего Востока. Однако на региональном уровне наблюдалась рассогласованность между декларируемыми и реализуемыми принципами миграционной политики, уровнем профессиональной подготовки кадров, ресурсным обеспечением и требованиями, предъявляемыми внешнеполитическими и внутриполитическими реалиями.

В 1922–1941 гг. реализация миграционной политики на общесоюзном и региональном уровне обусловливалась обострением военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, модернизационными процессами мобилизационного типа, ограничением полномочий местных органов власти в определении перспектив развития региона и приоритетных направлений социально-политических и социально-экономических условий миграции различных социальных групп.

Путем переселения, иммиграции и эмиграции, с использованием принудительных и добровольных методов через централизованные и децентрализованные формы (сельскохозяйственное переселение и организованный набор, общественные призывы, прикомандирование и направление специалистов в порядке перевода, по вызову предприятий, по разнарядке вышестоящих органов) формировались численность и социальный состав населения Дальнего Востока СССР. Применение политико-доктринальных, правовых и ценностно-идеологических, институционально-организационных и коммуникативных программно-целевых технологий регулирования народонаселения обеспечило вовлечение Дальневосточного региона в процессы общесоюзной интеграции.

Список источников

1. Государственный архив Приморского края.
2. Государственный архив Хабаровского края.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7. Дальневосточный край. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. 200 с.
4. Дальневосточный край в цифрах / под ред. Шишлянникова. Хабаровск: Дальгиз, 1929. 281 с.
5. Дальневосточный край в цифрах: справочник / под ред. О.Г. Ира. Хабаровск: Дальгиз, 1932. 264 с.
6. Переселенческое дело: сб. декретов и распоряжений по переселению. М., 1927.
7. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. 111 с.
8. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.

УДК 656.61

Усов А.В.

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСМОРСПАССЛУЖБЫ В 1991-2014 гг.

В статье рассматривается система профессионального обучения дальневосточных подразделений Госморспасслужбы в 1991–2014 гг. Анализируются направления повышения профессионального мастерства и обучения персонала. Обобщаются формы повышения квалификации: тренажерная подготовка, участие в семинарах, совещаниях и конференциях различного уровня (российских и международных).

Ключевые слова: профессионализм; обучение; повышение квалификации; тренажерная подготовка; подразделения Госморспасслужбы; Дальний Восток.

Usov A.V.

THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION OF THE FAR EASTERN DIVISIONS OF THE STATE MARINE RESCUE SERVICES IN 1991-2014

The article deals with professional training system of the branches of the Russia's National Marine Rescue Service on Far East Sea basin in 1991-2014. Ways to improve professional skills and training is analyzed. Are generalized forms of advanced training: simulator training, participation in seminars, meetings and conferences at various levels (Russian and international).
Keywords: skills; training; raising of qualification; simulator training; branches of the Russia's National Marine Rescue Service; Far East basin.

Безопасность Дальневосточного бассейна (морские пространства от Берингова пролива до северо-западной части Японского моря – акватории Берингова, Охотского, Японского морей) обеспечивается за счет наличия профессиональных подразделений, занимающихся практически всем спектром выполнения аварийно-спасательных работ и обеспечения ликвидаций разливов нефти – это Сахалинский, Приморский и Камчатский филиалы ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота». Функции по координации действий всех участников поисково-спасательных операций (ПСО), предусмотренных Международной конвенцией по поиску и спасанию на море (МК САР–79), вне зависимости от их статуса, ведомственной, государственной и национальной принадлежности, осуществляет морской спасательно-координационный центр (МСКЦ) Владивосток с двумя спасательно-координационными подцентрами (МСПЦ) в Южно-Сахалинске и Петропавловске-Камчатском.

В то время, когда человек находится в море, его безопасность обусловлена состоянием всей совокупности технических средств, за счет которых производится транспортировка людей и грузов, а также реализация всевозможных процессов в условиях морского пребывания. Угроза жизни может возникнуть под воздействием разнообразных факторов: ошибки, допущенной судоводителем или судовым персоналом; неточности при проектировании и постройке судна; влиянием неблагоприятных условий, отказом систем и устройств судна.

Спасатели, несмотря на опасность их жизни и здоровью, зачастую в экстремальных условиях спасают суда и грузы, выручают из беды моряков, рыбаков, летчиков, пассажиров транспортных средств, ликвидируют последствия разливов жидких углеводородов [5, с. 5].

Руководитель Федерального агентства морского и речного транспорта А.А. Давыденко, отмечая мужество спасателей и преданность профессии, обратил внимание на то, что: «не привыкли спасатели быть в центре внимания, существует такой парадокс: если они свою работу делают тихо и профессионально, то ее никто не видит. Любые ошибки тут же вызывают бурную реакцию общественности» [3]. Российские морские спасатели за годы безупречной службы показали высочайший профессионализм и верность долгу.

Важное внимание в системе дальневосточной морской спасательной службы уделялось качественному состоянию кадров, определяющемуся:

– профессиональными качествами (эффективность профессиональной деятельности спасателей);

– человеческими качествами (природные способности и личностные особенности спасателей);

– социальными качествами (зависящими от уровня удовлетворения соответствующих потребностей спасателей).

Выделение вышеперечисленных аспектов носит в определенной мере условный характер. Формирование кадрового аппарата подразделений морской спасательной службы Дальнего Востока осуществлялось под воздействием как внешних, так и внутренних факторов, в процессе познания профессиональных навыков и практической деятельности, в сфере самопознания. Важную роль в данном процессе повышения профессионализма имеет целенаправленное воздействие определенной системы обучения.

Повышение профессионального мастерства и обучение работников осуществлялось по следующим направлениям:

– на действующих курсах, организованных в управлениях;

– на курсах по договору с предприятиями и организациями.

Ввиду пополнения предприятий новыми работниками и необходимостью совершенствования профессионального мастерства работающих спасателей, руководством подразделений значительное внимание уделялось их обучению. Повышение квалификации происходило планово. В Сахалинском и Приморском управлениях действовали постоянные курсы по подготовке личного состава к работе на море по спасению судов и людей, ликвидации аварийных разливов нефти. Прививались навыки по борьбе за живучесть судна, оказанию медицинской помощи, охране объекта (судна), в том числе по борьбе с морским пиратством [1].

В качестве положительного опыта по подготовке личного состава дальневосточных морских подразделений к несению службы следует отметить наличие действующего в здании Сахалинского филиала учебного класса (оснащен бассейном и барокамерой), который был создан в 1990-е гг. В настоящее время на его базе продолжают проходить обучение водолазные специалисты под руководством Валерия Хасановича Исакова [8].

Одним из факторов поддержки стабильности коллектива в целом и борьбе с текучестью кадров в частности являлось обучение работников на курсах по договору с предприятиями и организациями. Например, Сахалинское управление заключало и заключает соответствующие договоры с морским образовательным центром в г. Холмске и с Управлением госслужбы по безопасности мореплавания (г. Южно-Сахалинск). Обучение на курсах осуществляется на условиях заключения договора работника с предприятием, где работник обязывается после учебы отработать в управлении не менее трех лет [2].

Базовым центром обучения специалистов морских спасательных подразделений Дальнего Востока в 1990–2000-е гг. являлся Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток). Обучение специалистов проводилось как в рамках индивидуальных программ (для получения соответствующего квалификационного диплома), так и в рамках курсов повышения квалификации.

Одним из основных форм повышения квалификации судового персонала является тренажерная подготовка. Развитие информационных технологий в конце 1990-х – начале 2000-х гг. предопределило рост специализированных тренажерных центров, осуществляющих практическую подготовку специалистов. Тренажерная подготовка на Дальнем Востоке осуществлялась на базе специализированных учебных заведений – Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского и ГМА им. адмирала С.О. Макарова [1].

Возможность адекватного моделирования навигационной и метеорологической обстановки, аварийных ситуаций, отработки взаимодействия экипажа судна с береговыми службами, другими судами расширили применение морских тренажеров как в рамках образовательных стандартов при подготовке специалистов

морских спасательных служб, как и в рамках повышения их квалификации. В 1995 г. Международная морская организация (ИМО) ввела тренажерную подготовку в Международную конвенцию и соответствующий Кодекс о подготовке и дипломировании моряков (ПДНВ-78). Поправки, внесенные ИМО в Конвенцию определили эксплуатационные требования к ряду тренажеров и впервые в международной нормативной практике ввели подготовку и оценку компетентности с помощью тренажеров «для поддержания профессионализма, требуемого частью А Кодекса ПДНФ» [6, с. 215-222; 7, с. 8-13].

Свидетельством того, что эффективная и качественная тренажерная подготовка может стать важным и действенным инструментом повышения безопасности мореплавания, является активное развитие с 2013 г. Учебно-тренировочного центра по подготовке специалистов аварийно-спасательной службы ФБУ «Морспасслужбы Росморречфлота» (г. Москва) и подготовке на его основе специалистов, в том числе для дальневосточной морской спасательной службы. По мнению специалистов, эффективная и качественная тренажерная подготовка может стать важным и действенным инструментом повышения безопасности мореплавания [4, с. 52-57].

Решение важной задачи – повышение профессионального уровня работников дальневосточных морских спасательных подразделений – осуществлялось и в процессе участия в семинарах и конференциях различного уровня, например, семинаре «Вопросы реализации положений главы XI-2 Международной конвенции СОЛАС и Международного кодекса по охране судов и поровых средств на Дальнем Востоке» (ноябрь 2003 г., г. Владивосток); в 8-м международном семинаре «Субстандартное судоходство – проблемы и пути их решения через сотрудничество» (октябрь 2005 г., г. Владивосток); во Всероссийской конференции «Водолазное дело России» (сентябрь 2005 г., г. Геленджик); в водолазной конференции (октябрь 2005 г., г. Сочи); в V международном экологическом форуме «Природа без границ» (октябрь 2011 г., г. Владивосток) и др. [1].

В рамках международного сотрудничества руководство дальневосточных спасательных управлений принимало участие в конференциях, совещаниях, семинарах в городах Бомбее (Индия), Анкоридже (США), Шиманасити (Япония), Лондоне (Великобритания), Лос-Анджелесе (США), Сингапуре (Япония) не только с целью решения производственных вопросов, но и для повышения квалификации [2].

В практике деятельности администрации по повышению квалификации работников было их направление в города Москву, Санкт-Петербург, Владивосток для обучения по различным программам. Несмотря на то, что приоритетное внимание отдавалось обучению представителям морских специальностей (по программам водолазного обеспечения и тренажерной подготовки) [9, с. 81], имели возможность повышать квалификацию и экономисты, врачи-физиологи, экологи, специалисты по охране труда и др. [2].

В целом, повышение квалификации и обучение работников, осуществляющееся на действующих курсах, организованных в управлениях и курсах по договору с предприятиями и организациями, способствовало повышению профессионального мастерства спасателей и применению их знаний в практической работе.

Список источников

1. Текущий архив Приморского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота».
2. Текущий архив Сахалинского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота».
3. Бурмистрова С. Морские спасатели России 50! // Морские вести России. 2007. № 21-22. URL: http://www.promreview.net/moskva/morskie-spasateli-rossii-50?page=0,0 (дата обращения: 05.01.2015).

4. Згурский В., Кочергина И. Учебно-тренировочный центр ФБУ «Госморспасслужба России» // Нептун. Водолазный проект. 2014. № 2. С. 52-57.
5. Морские спасатели России / под ред. В. И. Карева. М.: Морской флот, 2007. 445 с.
6. Коровин А.Г. Предполагаемые направления развития системы поиска и спасания в море // Транспортное дело России. 2011. № 12. С. 215-222.
7. Костылев И. Состояние и перспективы развития тренажерной подготовки специалистов морского транспорта // Морской флот. 2006. № 6. С. 8-13.
8. Нарративное интервью с начальником водолазной службы Сахалинского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота» В.Х. Исаковым.
9. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991–2014 гг.): монография. М.: Оригинал-макет, 2016. 208 с.

УДК 22(571.64)

Федирко О.П.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ЕГО ОТКРЫТИЯ И НАЧАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые особенности распространения христианства на территории Дальнего Востока в ходе его присоединения к России и начального освоения.
Ключевые слова: Дальний Восток России; колонизация; христианство; коренные народы.

Fedirko O.P.

SOME PECULIARITIES OF THE FORMATION OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE PERIOD OF ITS DISCOVERY AND INITIAL DEVELOPMENT

This article discusses some of the features of the spread of Christianity in the territory of the far East during its accession to Russia and initial development.
Keywords: Far East Russia; colonization; christianity; indigenous peoples.

В становлении государственно-конфессиональных отношений на Дальнем Востоке России можно выделить ряд этапов, напрямую связанных с процессами открытия, заселения и освоения данного региона. Для каждого из этапов характерно как проецирование общероссийских тенденций на развитие отношений государство – церковь на Дальнем Востоке России, так и формирование специфических особенностей, отображающих условия развития региона.

Хронологически первым этапом в этом процессе стала середина XVII в. – середина XIX в. – период открытия Дальнего Востока и его начального этапа заселения.

Основными субъектами колонизационных процессов на Дальнем Востоке России выступали государство, церковь и простые русские люди – казаки, торговцы, крестьяне. Вступая в контакт с местными племенами, русские несли «инородцам» не только русскую культуру, но и заимствовали многое от местных. Такая интеграция русских в культуру аборигенов не носила доминирующий характер, видимо потому что перед колонистами стояли другие задачи. Прежде всего это получение материальной выгоды самими первопроходцами, объясачивание местного населения и официальное присоединение новых земель к России.

Сами первопроходцы в большинстве своем не были глубоко верующими людьми, соблюдавшими религиозные ритуалы и традиции. Это были «лихие» люди, ранее совершившие преступления, часто особо тяжкие, и поэтому вынужденные скрываться от закона. Но христианство было тем самым элементом, который связывал их с покинутой родиной, с близкими и родными. Религиозность, декларация православия рассматривались первопроходцами как принадлежность к русской культуре и традициям родины. Таким образом, православие выполняло свою культуросохраняющую функцию.

Проникновение христианства в культуру народов Дальнего Востока началось с появлением здесь первых русских землепроходцев. В 1641 г., когда в Якутск прибыла церковная миссия, здешний острог стал не только административным, но и церковным центром северо-востока Азии. В то же время церкви или часовни, имевшиеся в некоторых крупных острогах, обслуживали духовные потребности лишь русского населения. Правовые акты Русского государства XVII в. запрещали крещение «поневоле». Крестились главным образом местные женщины, которых брали в жены казаки и промышленники. Христианизацию сдерживала и ясачная политика: крещеных «инородцев» следовало освобождать от уплаты ясака. По этой причине процедура принятия православия была достаточно сложной: желающие креститься подавали соответствующую просьбу в воеводскую избу, где проводилось специальное расследование. До конца XVII в. крещение было главным образом добровольным и не затронуло основную массу коренного населения. Так, в Якутии в 1701 г. насчитывалось всего 25 крещеных аборигенов [3, с. 86].

Приобщая коренные народы к атрибутам православной культуры, церковь не стремилась проникнуть в их аборигенную душу, как это происходило в западноевропейских колониях. Приняв крещение, люди могли безбоязненно оставаться язычниками. Это взаимно признаваемое двоеверие стало фундаментом добрососедского сотрудничества [4, с. 159].

Для того чтобы создать опору в среде аборигенного населения, православные миссионеры стремились внушить им смирение и терпение. Реализуя эту задачу, священнослужителями организовывалась просветительская работа, открывались школы, велась активная политика русификации. Богослужение и просвещение «инородцев» велись на русском языке и поэтому были мало эффективными. Для решения этой проблемы неоднократно предпринимались попытки ведения преподавания и даже богослужения на некоторых языках народов Дальнего Востока. Но для этого требовались знания языка и специальная подготовка переводчиков. Никто из первых миссионеров, действовавших в Дальневосточном регионе, для этого подготовлен не был.

Только с прибытием на Дальний Восток святителя Иннокентия (Вениаминова) в начале XIX в. ситуация изменилась. Прибыв на остров Уналашка, он обнаружил, что все население Алеутских островов крещено, но ничего не знает о православной вере. Алеуты старались во всем подражать русским: носили такую же одежду, крестились и кланялись на икону при входе в дом и во время чтения молитв в храме, некоторые из них могли читать на славянском языке, иногда и не понимая читаемого [1, ф. 796, оп. 109, д. 1686, л. 8-8об]. Отец Иоанн выучил алеутский язык и использовал его во время богослужений. Он перевел на родной для аборигенов язык молитвы, тексты Священного Писания, изучил обычаи и нравы и проповедовал, опираясь на их представления и жизненный опыт. Наибольшим вкладом святителя Иннокентия в процесс аккультурации местных народов является создание их письменности и начало книгоиздания. Он и его сподвижники сделали переводы Священного Писания и богослужебных текстов на языки всех основных этнических групп туземного населения Аляски: алеутов, эскимосов, индейцев. Была начата подготовка священнослужителей из

числа аборигенного населения, создана база для подготовки переводчиков. Кроме того, благодаря своим личностным качествам святитель Иннокентий пользовался огромным авторитетом среди «инородцев», что также способствовало его активной миссионерской деятельности.

В то же время прослеживаются примеры и противоположного отношения местного населения к священнослужителям Русской православной церкви. Примером может служить убийство в 1796 г. на Аляске иеромонаха Ювенилия по наущению юпикского шамана [2, с. 157].

Таким образом, среди особенностей, которые были характеры для государственно-конфессиональных отношений в этот период, можно выделить следующие:

1. Специфика колонизации заключалось в том, что происходило освоение, прежде всего территории северо-восточной части Дальнего Востока, Камчатки, Курильских островов, Русской Америки. Главными участниками этого процесса были, так называемые «лихие» люди, для которых был характерен низкий уровень религиозности в силу их социального происхождения и предыдущего жизненного опыта. Колонизация носила стихийный характер, и перед ее участниками ставились задачи, прежде всего, освоения территории, ее закрепления за Российским государством, пополнения казны за счет объясачивания местного населения, а только затем его христианизация.

2. Характерной особенностью становления культуры на Дальнем Востоке было взаимодействие и взаимовлияние культур – русского православного христианства и языческого – аборигенов. Русские люди, оказавшись не только в специфической природно-климатической среде, но и в непривычном этническом окружении, вынуждены были адаптироваться к новым условиям, перенимать у местного аборигенного населения материальную и духовную культуру. Необходимо отметить, что на Дальнем Востоке культуры разных народов друг другу не противопоставлялись. В ходе освоения дальневосточных земель шел активный процесс взаимодействия двух культур: русской культуры с языческой культурой аборигенов.

3. Лидирующую роль в распространении русской культуры на новых землях и приобщении коренного населения к русской культуре сыграла Русская православная церковь и ее служители. Религиозность, декларация православия рассматривались первопроходцами как принадлежность к русской культуре и традициям родины.

4. Необходимо отметить подвижнический характер деятельности священнослужителей, при том, что их количество в регионе было незначительным. Однако оценка деятельности священнослужителей была не однозначной и разнилась от почитания (например, святитель Иннокентий – Вениаминов) до физической расправы (например, убийство иеромонаха Ювеналия).

Список источников

1. Российский государственный исторический архив.
2. Гортер В.Т До бога высоко, до царя далеко! Заметки по итогам путешествия на Аляску // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях: мат-лы II науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 152-171.
3. Тураев В.А. Русская православная церковь и коренные малочисленные народы Дальнего Востока (XVII-XIX вв.) //Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 85-93.
4. Тураев В.А. Цивилизационная миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 151-169.

УДК 947.088:312.95(571.6)

Чернолуцкая Е.Н.

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1960–1980 гг.

В статье показана динамика численности и изменение пропорций в этническом составе населения российского Дальнего Востока в позднесоветский период. На основании анализа материалов переписей 1959–1989 гг. делается вывод о численном росте почти всех этнических групп в регионе (особенно быстром – выходцев из южных республик СССР) при сохраняющемся абсолютном преобладании русских. Исключение составляли группы евреев и мордвы, которые уменьшались под воздействием ассимиляционных (мордва) процессов, а также сокращения естественного прироста и эмиграции (евреи). Отражена специфика состава, численной динамики и трансформации гражданской принадлежности в группах выходцев из соседних азиатских стран – корейцев, китайцев и японцев.
***Ключевые слова*:** этнические группы; российский Дальний Восток; позднесоветская эпоха.

Chernolutskaya E.N.

FACTORS AND PECULIARITIES OF CHANGES IN THE ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE PERIOD OF 1960-1980s

The article shows the dynamics of population numbers and changing proportions in the ethnic composition of the population of the Russian Far East in the late Soviet period. Basing on the analysis of census 1959-1989, the author made the conclusion about the numerical growth of almost all ethnic groups in the region (especially quick – immigrants from the southern republics of th e USSR) with the continuing absolute dominance of Russians. The only exception was the group of Jews and Mordovians, who had fallen under the influence of assimilation (Mordvinians) processes, and reducing the natural increase and emigration (Jews). The article reflects the specific composition, numerical dynamics and transformation of nationality in groups of immigrants from neighbouring Asian countries – Koreans, Chinese and Japanese.
***Keywords*:** ethnic groups; the Russian Far East; the late-Soviet era.

Проблематика настоящей конференции заставляет не только поднимать узкоспециальные вопросы, относящиеся к истории восточной ветви российской эмиграции, но и смотреть на более широкий контекст миграционных процессов на российском Дальнем Востоке, что в конечном счете помогает углубить понимание того, под влиянием каких факторов и обстоятельств, в каком направлении формировалось и трансформировалось население региона. В данном докладе для анализа взят период 1960–1980-х гг. – то, что мы сейчас называем позднесоветской эпохой. Этот период (если не считать самых последних его лет) характеризуется наибольшей стабильностью общества, динамичным ростом численности населения Дальневосточного региона. Наша задача – проследить, как в рамках этой демографической динамики менялась (и менялась ли) этническая составляющая и какие политические и социальные явления в стране она отражала.

Статистика показывает, что в 1960–1980-е гг. принципиальных изменений в многонациональном составе Дальнего Востока по сравнению с предыдущим

периодом не произошло, однако имелись подвижки в численности групп и пропорциях между ними, что являлось следствием как естественного воспроизводства, так и миграций. Основным этносом оставался русский (1959 г. – 81,2 %; 1989 г. – 84,5 %), на втором месте были украинцы (9,9 и 8,1%). Чуть более чем по 1 % составляли белорусы и татары, остальные национальности – менее 1 % каждая. В рамках общей восходящей демографической динамики численность большинства этнических групп постоянно увеличивалась. Особенно высокими темпами роста выделялись относительно небольшие группы выходцев из республик Кавказа и Средней Азии. Если в целом население региона в период между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилось в 1,5 раза, то численность азербайджанцев – в 21,5 раза, узбеков – в 12,9, осетин – в 5,2, армян и таджиков – более чем в 3 раза, киргизов – в 2,4. Близки к ним были башкиры и молдаване (в 3,3 раза) [здесь и далее данные переписей 1959–1989 гг. и подсчеты на их основании приводятся по источнику [9].

Такая динамика отражала общие демографические тенденции и изменения направленности переселенческих процессов в СССР в рассматриваемый период. Основной составляющей общего прироста населения на Дальнем Востоке был естественный (2/3), что обеспечивало наибольший в регионе уровень воспроизводства русских как крупнейшей по численности этнической группы и поддерживалось их миграционным притоком в составе организованных и неорганизованных потоков переселенцев.

Вместе с тем миграционные ресурсы в традиционных российских регионах-донорах уменьшались, а в Средней Азии, Казахстане, Молдавии, на Кавказе, наоборот, росли. В 1950–1960-х гг. в этих республиках (особенно в сельской местности) произошел демографический взрыв, что в последующем привело к аграрному перенаселению, безработице и другим социальным проблемам и «выталкивало» население вовне – в основном в регионы РСФСР, в том числе на Дальний Восток [10, с. 7–8]. В условиях существования единого советского политического и экономического пространства наиболее «удобными» и распространенными формами переселения для молодых людей были оседание на выбранной территории после демобилизации из армии и выезд на учебу, а для всех групп трудоспособных возрастов – участие в плановых миграционных кампаниях. Свой вклад в прирост ряда этнических групп на Дальнем Востоке вносили и «ударные комсомольские стройки», особенно БАМ. Так, численность азербайджанцев на территориях строительства магистрали – в Амурской области и Хабаровском крае – между переписями 1970 и 1989 гг. увеличилась соответственно в 21,4 и 14,1 раза, тогда как в других краях и областях региона – от 3,5 до 10,4 раза.

Но, несмотря на такие высокие темпы роста, численно эти группы на Дальнем Востоке оставались небольшими: в 1989 г. диапазон между ними составлял от 17,6 тыс. (азербайджанцы) до 2,5 тыс. (таджики), в то время как русских насчитывалось 5 796,6 тыс.

Из общего ряда стабильно растущих на Дальнем Востоке этнических групп выбивались мордовская и еврейская, численность которых с 1959 по 1989 г. уменьшилась соответственно в 1,7 и 1,8 раза. Отметим, что нисходящая динамика была характерна для этих народов в целом по РСФСР (в 1,1 и 1,6 раза). Исследования показали, что у мордвы основным фактором этого были ассимиляционные процессы [11, с. 220]. Что касается еврейского населения, то действовал комплекс причин. Наряду с ассимиляцией шло сокращение их естественного прироста [7]. К этому добавилась массовая эмиграция в Израиль и США, начавшаяся в 1971 г. и продолжавшаяся до конца советской эпохи. Как отражение этих процессов, еврейское население сократилось во всех краях и областях Дальнего Востока, включая Еврейскую автономную область, где их доля была самой высокой в регионе,

но и она уменьшилась с 8,8 % в 1959 г. до 4,2 % в 1989 г., а численность – с 14,3 до 8,9 тыс. чел.

В данном контексте нельзя не упомянуть, что столь же массовая эмиграция советских немцев в Германию в те же годы не отразилась на численной динамике этой группы в регионе: ее рост – в 1,6 раза – был на уровне среднего по дальневосточному населению в целом.

Специфический путь исторического развития на Дальнем Востоке прошли этнические группы, сформировавшиеся из выходцев из соседних азиатских стран. Данный компонент в населении российского региона всегда выступал своеобразным индикатором развития кросс-граничных взаимоотношений с окружающим зарубежьем. В 1960–1980-е гг. состояние этих групп в дальневосточном сообществе и его изменения во многом являлись следствием или продолжением процессов, происходивших на предыдущих этапах.

Структурно неоднородным было корейское население. К началу 1960-х гг. в его состав входили три подгруппы. Относительно небольшую часть составляли советские корейцы, вернувшиеся на Дальний Восток из мест депортации. Первыми в этом потоке были партийные работники и переводчики, мобилизованные в конце 1940-х – начале 1950-х гг. для проведения массово-политической работы среди корейцев, не имевших советского гражданства. Вторую и наиболее многочисленную подгруппу корейцев представляли бывшие подданные Японии, не репатриированные после войны и проживавшие на Сахалине. Первоначально их статус определялся как «лица без гражданства». Третья подгруппа включала граждан КНДР, завербованных в конце 1940-х гг. в Сахалинскую и Камчатскую области, Приморский и Хабаровский края для работы в рыбной, лесной и бумажной промышленности и оставшихся в СССР после окончания сроков договоров.

Всего в регионе на момент переписи 1959 г. проживало 60,3 тыс. корейцев. Из них 42,2 тыс. (70 %) находились на Сахалине, являясь третьей (после русских и украинцев) по численности этнической группой в области. Разнородность ее состава отчетливо выражалась в паспортном статусе: гражданами КНДР были 12,4 тыс. чел., гражданами СССР – 9,3 тыс., лицами без гражданства – 20,7 тыс. [8, с. 186–187]

В 1960–1980-е гг. в каждой из подгрупп происходили изменения как в результате естественного воспроизводства, так и под воздействием специфических факторов. Росло число советских корейцев, возвратившихся из Средней Азии и Казахстана. В начале 1960-х гг. оттуда на Сахалин приглашали учителей и выпускников вузов для работы в национальных школах [3, с. 13]. Часть бывших депортантов переехала на Дальний Восток самотеком. Процесс этот шел постепенно, и лишь в конце 1980-х гг. он резко усилился в связи с зарождавшимися националистическими тенденциями среди титульного населения республик выхода и возникновением межэтнических конфликтов («ферганские события» в Узбекистане в 1989–1990 гг. и др.). Многие выбирали в качестве нового места жительства Приморский край, откуда и было выселено большинство семей в 1937 г. [12, с. 133]. Советские корейцы в послесталинский период не были ограничены в правах передвижения и могли свободно как приезжать, так и уезжать с Дальнего Востока. Определить суммарное число осевших в регионе граждан этой категории не представляется возможным.

Судьба двух других подгрупп во многом была связана с регулированием их правового положения и решением вопроса о возврате на родину. В отношении бывших японских подданных на Сахалине, несмотря на все их устремления, проблема репатриации до конца советского периода так и не была решена. Объективные препятствия этому создавали реалии «холодной войны», существование двух противоборствующих государств на Корейском полуострове, отсутствие дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея. С 1952 г. этой

категории корейцев решением советского правительства было предоставлено право принимать гражданство СССР [5, 218–225; 4, с. 240], но большинство, надеясь вернуться на родину, предпочли принять гражданство КНДР. К началу 1960-х гг. из всех бывших японских подданных в Сахалинской области паспорта СССР получили 3,5 тыс. чел., паспорта КНДР – 11,5 тыс. (вместе с детьми), оставались «лицами без гражданства» 3,8 тыс. чел. [1, ф. 53, оп. 2, д. 18, л. 4, 5].

В свою очередь возвратиться на родину должны были северокорейские рабочие, прибывшие в СССР по вербовке. Этот процесс на основе межправительственных договоров начался еще в 1950-е гг., однако многие северные корейцы из-за тяжелых условий жизни на родине избегали репатриации, стремясь навсегда остаться в Советском Союзе. Они обзавелись хозяйством, некоторые вступали в брак с советскими гражданами. Часть из них уже в 1950-е гг. стала переходить в гражданство СССР. Северокорейские власти весьма болезненно воспринимали эту ситуацию и пытались оказывать давление на советские управленческие органы с тем, чтобы те активнее способствовали вывозу вербованных. Однако Москва, заинтересованная в дополнительных трудовых ресурсах на Дальнем Востоке, требовала «не допускать давления» на северокорейских рабочих и обязывала организовать отправку лишь *желающих* [1, ф. 53, оп. 1 доп., д. 23, л. 47]. В начале 1960-х гг. организованный вывоз мигрантов в Северную Корею замедлился, а с 1963 г. прекратился. С тех пор их возвращение на родину осуществлялось только в частном порядке. Однако получение ими советских паспортов осложнилось в связи с тем, что в 1963 г. в КНДР был принят закон, запрещающий изменять гражданство. С этого времени северокорейские власти прекратили оформлять документы на выход из гражданства КНДР [6, с. 25].

Расширение политико-юридических оснований для приобретения советского гражданства произошло с принятием союзного Закона от 1 декабря 1978 г., который предоставлял этот статус детям лиц без гражданства, имевших постоянное жительство в Советском Союзе, а также в случае, если хотя бы один из родителей был гражданином СССР.

Таким образом, в правовом отношении структурная эволюция корейской общности на Сахалине заключалась в постепенном «перетекании» лиц из одной статусной группы в другую за счет получения советских или северокорейских паспортов. К концу советской эпохи абсолютное большинство корейцев в области приобрело гражданство СССР: по состоянию на 1 января 1988 г. их насчитывалось почти 32 тыс. чел., граждан КНДР оставалось 456, лиц без гражданства – 2621 чел. [4, с. 258]. В целом за 1959–1989 гг. корейское население в Сахалинской области уменьшилось с 42,3 до 35,1 тыс. чел., а их доля в общем составе населения – с 6,5 до 5,0 %.

Аналогичным образом проблемы, связанные с судьбой вербованных северокорейских рабочих, решались и на других территориях региона – Хабаровском и Приморском краях, Камчатской области. Перечисленные выше факторы определяли нестабильность общей численности корейцев на Дальнем Востоке, которая в 1959–1979 гг. уменьшилась с 67,1 до 53,7 тыс. чел., а в следующие 10 лет увеличилась, но незначительно – до 54,8 тыс. В общем составе дальневосточного населения доля этой группы в 1959–1989 гг. снизилась с 1,5 до 0,8 %.

В позднесоветский период на Дальнем Востоке проживало небольшое число китайцев. Основная их часть находилась в Хабаровском крае и Амурской области со времен депортации 1938 г. Тогда в ходе предвоенной «зачистки» пограничных территорий юга Дальнего Востока (главным образом Приморья) граждан КНР депортировали на родину, но китайцы, имевшие советское гражданство, а также граждане КНР, не пожелавшие выезжать в Китай, были выселены в тыловые районы региона. Группа, оставшаяся на территории СССР, большей частью состояла из лиц, имевших смешанные семьи, или одиноких мужчин. Многие дети, родившиеся в таких семьях, идентифицировались уже как русские [13, с. 262–273].

В послевоенные годы китайское население на Дальнем Востоке незначительно пополнилось лицами из числа бывших военнопленных японской армии, а на Сахалине – не подпавшими под репатриацию гражданскими японскими подданными китайского происхождения. С 1950-х гг. имелись единичные случаи перебежки граждан КНР на советскую территорию. Однако эти небольшие включения не влияли на общую динамику китайского населения на Дальнем Востоке, численность которого в силу естественных причин за период 1959–1989 гг. уменьшилась с 2,5 до 1,2 тыс. чел.

Схожий процесс шел и в малочисленной группе японцев, присутствие которых в регионе несло на себе отпечаток послевоенных реалий. Почти все они находились на Сахалине и Курилах (1959 г. – 679 чел., 1989 г. – 383 чел.), где входили в группу бывших японских подданных, но в отличие от корейцев добровольно отказались от репатриации в основном из-за того, что состояли в смешанных браках. В других краях и областях региона проживало от полусотни до нескольких японцев. Дети, родившиеся в смешанных русско-японских семьях, как правило, считали себя русскими и таковыми числились по документам [2].

В позднесоветский период (до перестройки) в регионах РСФСР, не считавшихся «национальными», к каким относился и Дальний Восток (за исключением входящих в него национальных автономных образований и районов проживания коренных малочисленных народов), этническая идентичность различных групп осознавалась и поддерживалась в основном в рамках семейных отношений. В публичной сфере она отличалась латентным характером, если не считать немногих фольклорных коллективов. Свои плоды приносила общая идеология и долговременная стратегия национальной политики государства, направленная на «процветание дружбы народов» и формирование надэтничной общности «советский народ». В городах активно шли ассимиляционные процессы, особенно среди жителей с высоким уровнем образования. Население говорило на русском языке, большинство считало его родным. Стиранию различий на локальном уровне Дальнего Востока способствовало восприятие региона как общего социального пространства, в рамках которого этнические группы имели коллективный исторический опыт хозяйствования и жизнедеятельности [12, с. 140, 150].

Несколько особняком в этом отношении стояли сахалинские корейцы. Особенность формирования этой группы населения потребовала от администрации Сахалинской области создания условий для их адаптации к советскому образу жизни. На острове под патронажем государства функционировала сеть корейских школ (до 1963 г.), выпускалась газета на корейском языке, вело передачи корейское радио. Эти и некоторые другие этнокультурные институты внесли свой вклад в процесс советизации бывших иностранных граждан, но вместе с тем в определенной степени способствовали сохранению их этнической идентичности [3, с. 8–18; 6, с. 69–71].

В конце 1980-х гг. ситуация стала меняться: на волне перестройки, породившей всеобщую политическую турбулентность, этничность стала играть роль одного из инструментов общественной мобилизации: обострилось национальное самосознание, возникли группы активистов этнополитических движений, усилился интерес к истории и культуре своих народов. Были сделаны первые организационные шаги по этнической консолидации, в которую вовлекались как славянские, так и неславянские народы.

Список источников

1. Государственный исторический архив Сахалинской области.
2. Бондаренко О. Сенсация: потомки японцев живут на Шикотане // Свободный Сахалин. 1991. 24 марта.

3. Костанов А.И., Подлубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск, 1994. 24 с.
4. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: док.-ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1993. 368 с.
5. Кузин А.Т. Разделенные семьи сахалинских корейцев: прошлое и современное состояние // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 218–225.
6. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Кн. 3. Этническая консолидация на рубеже XX–XXI вв. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2010. 384 с.
7. Кузнецкий С.С. О процессе ассимиляции евреев (перспективы евреев диаспоры) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: сб. мат-лов регион. науч.-практ. конф. Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2001. С. 154–162.
8. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. // История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
9. Национальный состав населения по регионам России. База данных Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Демоскоп Weekly. Приложение.
10. Полынов М.Ф. Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970–х – первой половине 1980-х гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). СПб., 2008. № 2. С. 3–26.
11. Савка В.П. Динамика численности мордвы на Дальнем Востоке: история и современность // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург, 2010. № 6 (85). Ч. 1. С. 217–223.
12. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке / А.С. Ващук [и др.]. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 226 с.
13. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.

УДК 94(571.6)+325.454

Шадрина А.Н.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧНОСТИ И САМОИДЕНТИЦИКАЦИИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Статья посвящена вопросам определения этничности и самоидентификации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а соответственно и проблемам, существующим в этой области знаний. Определение этнической идентификации представляет собой социальный феномен, где особая роль принадлежит языку, без которого теряется способность к развитию культуры.
Ключевые слова: этничность; этнические ценности; коренные малочисленные народы Севера; самоидентификация; этнос.

Shadrina A.N.

PROBLEMS OF ETHNICITY AND SELF-IDENTITY OF NORTH PEOPLES

The Article is devoted to definitions of ethnicity and identity of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, and thus the problems existing in this field of knowledge. The definition of ethnic identity is a social phenomenon, a special role belongs to the language, without which you lose the ability to develop culture .
Keywords: ethnicity; ethnic values; indigenous peoples of the North; identity; ethnicity.

Термины «этнос» и «этничность» существуют в литературе с начала XX в. В отечественной науке этносы рассматриваются как социальные общности, объ-

единения людей, которые возникают и формируются на основе их культурно-исторической самобытности, родственных связей, сходства стадий жизненного цикла или различаются по территориально-региональным и профессионально-квалификационным признакам. Этнические группы от всех других обществ отличаются набором культурных атрибутов, в числе которых название или самоназвание (этноним), общее происхождение, историческая память. Сюда же входят такие культурные черты, как обычаи, ремесла, общественные институты, и наиболее значимые культурные компоненты – язык, религия, привязка к исторической территории, поведенческие особенности, пища и т.д.

Этничность рассматривается как совокупность особых, пространственно локализованных адаптаций человека, природы, общества, ощущаемых и поддерживаемых как этнические ценности. Она живет, изменяется, распадается в зависимости от состояния и перемен. Этничность поддерживает устойчивость среды и, как правило, сопротивляется ее распаду [5, с. 13]. Особый интерес представляет специфика северной этничности. Как указывают В. Лексин и Е. Андреева, для большинства народов мира этническое – это поведение и отношения, этническое сознание. Их благосостояние строится на интерэтнических и внеэтнических основах, пространственно локализованные среды их обитания все более стандартизируются, межсредовые перемещения все менее болезненны (вспомним глобализацию, транснациональные корпорации и т.д.). А вот малочисленные народы Севера предельно этничны, предельно адаптированы средой, этническое выживание для них – это выживание как таковое. Для них этническое – это и хозяйствование, и поведение, и общение, оно в равной степени определяет этнобытие и этносознание. Малочисленные народы Севера, подчеркивают авторы, – неотъемлемая, нерасторжимая часть северной среды, разрыв с которой чреват гибелью для обоих [5, с. 25].

Другой важный аспект проблемы – в возросшей активности самоидентификации. Внутри России за последнее десятилетие резко возросло количество народов, которые желают подчеркнуть свою особость и национальную (этническую) идентичность. По данным микропереписи 1994 г., в России было обнаружено 172 самоназвания народов – на 45 больше того колличества этнических групп, которое было зафиксировано в ходе переписи 1989 г. [4, с. 37].

С другой стороны, зафиксированы значительные изменения в численности этнических групп, и прежде всего сокращение численности коренных малочисленных народов Севера. Детальный анализ этого процесса проведен Э. Паиным [6]. Он указывает, что сокращение в рассматриваемый период затронуло большинство этнических общностей, даже имеющих собственные национально-территориальные образования. Исключение составили только долганы и эвенки (их общая численность в России практически удвоилась). Масштабы сокращения неодинаковы: от 50 % и выше у ненцев и чукчей до 10 % у хантов. Учитывая незначительные размеры оттока представителей коренных малочисленных народов Севера с территорий традиционного расселения, автор утверждает, что сокращение их численности в основном обусловлено естественной убылью (превышением смертности над рождаемостью) и, в меньшей степени ассимиляцией с другими, более многочисленными народами. Естественная убыль, в свою очередь, во многом является следствием растущих трудностей в адаптации представителей этих этнических общностей к новым политическим и экономическим условиям в постсоветской России, что подчеркивается многими другими учеными [1, с. 165]. Переход к рыночным отношениям, уменьшение государственного вмешательства в регулирование занятости и доходов, значительное сокращение в начале 1990-х гг. государственных социальных программ, льгот и других видов помощи – все это оказалось достаточно болезненным для большинства населения страны. Однако наиболее труднопереносимым и практически неподъемным этот

процесс оказался для народов, проживающих в экстремальных экологических условиях, сохраняющих многие черты традиционного уклада [2, с. 107].

Новые социальные условия выявили неэффективность такой формы национально-территориальных образований, как автономные округа, которые специально создавались в 1920-х гг. минувшего века для обеспечения социального патронажа над коренными малочисленными народами. Доказательством малой пригодности округов для выполнения этих функций может служить то обстоятельство, что сокращение численности титульных наций происходило на территории большинства округов (за исключением Долгано-Ненецкого), причем даже интенсивнее, чем за их пределами.

Определение этнической идентификации представляет собой социальный феномен, который привлекает внимание ученых [1, с. 164]. Существует проблема определения признаков этноса [7, с. 14]. Особый интерес вызывает содержание этнической идентичности, во многом приобретающей черты социальной идентичности вообще.

Определение, уточнение статуса малочисленных народов составляет часть движения к общенациональной идее, к гражданскому обществу, о которых говорят все больше. При определении статуса малочисленных народов Севера исходным моментом является их близость к природным основам. Они, как никто другой, заинтересованы в сохранении природы, ее эволюционной социализации. Статус северных народов является статусом хранителей территории и ее экологического равновесия. Об этом свидетельствует Хартия коренных малочисленных народов Севера, принятая Четвертым съездом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в 2001 г.

Особая роль в этнической идентификации принадлежит языку. М.В. Дьячков в работе еще 1993 г. обращал внимание на то, что в сложной ситуации находятся десятки языков народов России, носители которых задаются вопросом, для чего им нужен родной язык. Между тем хорошо известно, что без языка теряется способность к развитию культуры и его исчезновение – первый шаг к исчезновению этноса [3, с. 69].

Проблемы динамики и трансформации этносов, этничности коренных малочисленных народов Севера остаются в центре внимания научного сообщества и социальной практики, в связи с чем необходимо выделить основные направления:

– изучение тенденций национальной идентичности, проблематика этничности;
– развитие этносоциологии и этнополитологии;
– межэтнические отношения и межкультурный синтез;
– вопросы ассимиляции и интеграции;
– этнос в ситуации выбора будущего.

Список источников

1. Власов В. Малые народы Севера нуждаются в защите // ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. 1997. № 7. С. 164-168.
2. Гурова О.Н. Некоторые соображения к перспективам традиционного природопользования эвенков // География Азиатской России на рубеже веков. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. С. 107-108.
3. Дьячков М.В. Родной язык и межэтнические отношения // СОЦИС. 1995. № 11. С. 67-70.
4. Паин Э. Динамика этнодемографической ситуации как отражение политических перемен в России (1991-1997гг.). URL: http: //www.prof.msu.ru/book/pain.htm
5. Паин Э. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 89 с.
6. Стручков К.Н. К проблеме признаков этноса // Север: проблемы и перспективы. 2001. № 3. С. 10-38.
7. Файзулин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // СОЦИС. 1997. № 8. С. 40-47.

Раздел 4. Правоохранительные органы и борьба с преступностью на Дальнем Востоке России: история и современность

УДК 343.85

Виноградов А.М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

В статье анализируется государственная политика по противодействию экономической преступности в условиях социально-экономических и политических преобразований в России. Государственная политика рассматривается как установленная в законе и реализованная в деятельности органов государственной власти воля российского общества по противодействию экономической преступности.
Ключевые слова: государственная политика; уголовная политика; угроза экономической безопасности; правопорядок; экономическая преступность; борьба с преступностью.

Vinogradov A.M.

THE STATE POLICY OF COMBATING ECONOMIC CRIME AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

The article examines the state policy of fighting against economic crime in terms of socio-economic and political transformation in Russia. Public policy is regarded as the will of the Russian society of combating economic crime. This will is established in law and implemented in the activities of public authorities.
Keywords: public policy; criminal policy; threats to economic security; the public order; economic crimes; economic crime; fight against crime.

Государство управляет обществом в целях обеспечения общественной безопасности, общественного порядка, сложившегося общественного устройства, экономической стабильности, верховенства права и закона, социальной справедливости.

Российское общество поставило перед государством цель и задачу свободного развития и достойную жизнь человека, закрепив ее в положениях Конституции России как одну из основ конституционного строя, – «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Но поставленная задача не может решаться простым обеспечением потребительских запросов каждого человека, иждивенческим отношением человека к государству.

Реализуя поставленные цели, Российская Федерация создает общественный строй – формирует историческую действительность российского общества так, чтобы каждый свободно достигал свои цели, не причиняя вред другим, не эксплуатируя других в личных целях, и обеспечивает защиту национальной безопасности, общественного порядка, общественного строя, интересов и ценно-

стей, установленных обществом и закрепленных в основном законе государства, от внешних и внутренних угроз.

Важную роль в обеспечении национальной безопасности государства играет экономическая безопасность. Экономическая безопасность государства – это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально ориентированное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при самых неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов.

В рамках обеспечения экономической безопасности, государство ведет борьбу с экономической преступностью. Экономическая преступность – это совокупность корыстных посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений [9, с. 628].

Совокупность экономических преступлений включает в себя такие общественно опасные корыстные деяния, как: хищения, незаконные сделки с валютными ценностями, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, сокрытие доходов от налогообложения, сокрытие средств в иностранной валюте, незаконное предпринимательство в торговле, контрабанда, мошенничество при получении банковских кредитов, использование фиктивных платежных документов и ряд других.

Особенностями экономической преступности являются:

– высокая латентность;

– как правило, значительный материальный ущерб;

– экономическая преступность (в большей степени, чем уголовная, способна составлять образ жизни значительной части населения);

– организованный характер экономической преступности.

Условия, способствующие распространенности общественно опасного поведения в экономике, можно разделить на организационно-хозяйственные и социально-психологические.

1. Организационно-хозяйственные – охватывают издержки экономической политики, отсутствие надлежащей системы контроля, отставание правотворческой деятельности от потребностей хозяйственной практики, недостатки систем учета и отчетности; практическую деятельность государства (его органов) по воплощению в жизнь принятых концепций по поводу собственности; культуру, науку, образование, нравственное воспитание и т.д.

Признаки общеуголовных корыстных преступлений: посягательство на чужое имущество (вещи, включая деньги и ценные бумаги, и иное имущество); наличие корыстной цели – противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества.

Причины корыстной преступности: криминогенная роль социально-экономического неравенства; материальная нужда; недостатки законодательного регулирования в области обеспечения борьбы с корыстными преступлениями; недостатки в деятельности правоохранительных органов.

Формы реагирования:

1) зпизодическое (контрольное) реагирование – применяется, если для конфликтной ситуации характерны периодические обострения и улучшения без резких колебаний. Осуществляется участковым уполномоченным полиции, представителями общественности. Меры профилактического воздействия: беседа, оказание необходимой помощи;

2) длящееся реагирование – если конфликтная ситуация ухудшается в течение продолжительного времени. Меры: например, вызов в орган внутренних дел для разъяснения правовых последствий антиобщественного поведения;

3) неотложное реагирование – в условиях резко обострившейся конфликтной ситуации (часто повторяющиеся ссоры, драки). Меры правового принуждения: лишение родительских прав; ограничение дееспособности; привлечение к административной и уголовной ответственности;

4) экстренное реагирование – применяется в случаях бурного, агрессивного поведения нарушителя. Оно осуществляется непосредственно в момент хулиганских действий, драк, реальных угроз физической расправой и т.д. Выполняют дежурные части ОВД. Меры реагирования: подавление сопротивления правонарушителей; их задержание и т.п.

2. Социально-психологические – связаны с недостатками правовоспитательной работы, с общей неподготовленностью населения, с недостатками механизма ценообразования, налоговой политики.

Меры по борьбе с экономическими преступлениями: осуществление системы экономических, организационно-производственных, технических, правовых, воспитательных мер, направленных на коррекцию личности правонарушителя и нейтрализацию или снижение действия обстоятельств, обусловливающих совершение преступлений.

Экономические меры – развитие предпринимательства, создание условий для добросовестной конкуренции, формирование оптовой торговли.

Технические меры – разработка более совершенных средств транспортировки, исключающих возможность хищений, внедрение методов обнаружения дефектов.

Правовые меры – выработка правил поведения на рынке, разработка системы материальных санкций, введение юридической ответственности.

Воспитательные меры – преодоление стереотипа уравнительного мышления.

Социальные меры, имеющие отношение к борьбе с корыстной преступностью:

– правовая пропаганда деятельности правоохранительных органов, средств и методов самозащиты населения;

– разработка мер по повышению уровня материальной базы социально-реабилитационных учреждений; жилищных и бытовых условий многодетных и малообеспеченных семей; создание специальных служб для детей, оставшихся без средств существования;

– разработка и реализация мер по обеспечению социальной занятости молодежи, безработных, ранее судимых, беженцев, вынужденных мигрантов;

– создание центров реабилитации, ночлежных домов для бродяг, создание учреждений для оказания социальной помощи лицам без определенного места жительства.

Государственная политика противодействия экономической преступности должна быть направлена на снижение ее уровня, разрушение социальных основ устойчивого воспроизводства экономических преступлений, в том числе разрушение организованных преступных структур в экономике, пресечение массовости распространения экономических преступлений, восстановление экономики от причиненного вреда.

Современными исследователями разрабатывается стратегия воздействия общества на преступность как противодействие ей, состоящее в предупреждении и профилактике преступности, борьбе с преступлениями, ликвидации последствий преступных посягательств [7; 10].

Данная стратегия реализовывалась в политике Российского государства в советское время, когда была сильна система профилактики преступности и правонарушений. В настоящее время она начинает возрождаться, закрепляясь в федеральных законах, – Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 06.07.2016), Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 03.07.2016).

Государственная политика противодействия экономической преступности – это управление общественно опасными процессами в экономике. Управление осуществляется с помощью реализации мер противодействия по различным направлениям борьбы, установленных государством.

Принимаемые государством меры выражают волю руководства государства – решение субъекта управления, наделенного обществом максимальными полномочиями управлять им и распоряжаться его ресурсами, по противодействию преступности в экономике, защите экономики от преступных посягательств, обеспечению экономической безопасности.

Меры, установленные государством, реализуются в работе органов государственной власти. Система органов государственной власти по противодействию преступности создается государством в соответствии с государственной политикой.

Субъект управления в каждый исторический момент общественной действительности персонален (Президент Российской Федерации), либо коллегиален (Верховный Совет РСФСР). Его решения конкретно-исторические, т.е. обоснованы конкретной исторической действительностью общества, действующим в обществе общественным и его персональным осознанием (персональным осознанием коллег, образующих коллегиальный субъект управления) происходящего и отношением к нему.

Утрата управления общественными процессами приводит к неизбежному росту преступности.

Обобщим утверждения о государственной политике в следующем определении: государственная политика противодействия экономической преступности – это система установленных государством мер, выражающих политическую волю руководства государства, по предупреждению и профилактике экономической преступности, по борьбе с экономическими преступлениями и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении экономических преступлений, по ликвидации последствий экономических преступлений и восстановлению социальной справедливости, реализуемых в деятельности органов государственной власти.

Процесс противодействия экономической преступности после трансформации Российской Федеративной Социалистической Республики в Российскую Федерацию 26 декабря 1991 г. по объему принимаемых решений о криминализации декриминализации, пенализации – депенализации следует разделить на три этапа [8, с. 46].

Первый этап – 1991 г. – 1 января 1997 г., характеризуется значительным объемом декриминализации деяний, возбуждавших общественную опасность для социалистического общественного строя и утративших свое общественно опасное воздействие на рыночные общественные отношения.

Так, например, были декриминализированы деяния, запрещенные следующими статьями Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР): ст. 154 УК РСФСР «Спекуляция» (исключена Законом РСФСР от 28.02.1991 № 752-1); ст. 156.3 «Нарушение правил торговли» (исключена Законом РСФСР от 28.02.1991); ст. 153 «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» (исключена Законом РСФСР от 05.12.1991 № 1982-1); ст. 152 «Выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции» (исключе-

на Законом РФ от 29.04.1993 № 4901-1); ст. 152.1 «Приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов» (исключена Законом РФ от 29.04.1993 № 4901-1); ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях» (исключена Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ) [3].

Исключены из УК РСФСР ряд других статей. В 1994 г. декриминализированы деяния, предусмотренные гл. 2 Особенной части УК РСФСР «Преступления против социалистической собственности».

В этот же период криминализируется ряд общественно опасных деяний, возникающих в связи с развитием рыночных отношений. Так, например, криминализируется: самовольная добыча янтаря – ст. 167.2 (введена Законом РФ от 18.03.1992 № 2540-1); сокрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения – ст. 162.2 (введена Законом РФ от 02.07.1992 № 3181-1); противодействие или неисполнение требований налоговой службы в целях сокрытия доходов (прибыли) или неуплаты налогов – ст. 162.3 (введена Законом РФ от 02.07.1992 № 3181-1); незаконное повышение или поддержание цен – ст. 154.3 (введена Законом РФ от 01.07.1993 № 5304-1); нарушение государственной дисциплины цен – ст. 156.6 (введена Законом РФ от 01.07.1993 № 5304-1); незаконное предпринимательство – ст. 162.4 (введена Законом РФ от 01.07.1993 № 5304-1) и другие деяния [3].

Кроме того, в 1994 г. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации объявлена экономическая амнистия по ряду статей УК РСФСР [5]. В соответствии с законодательством освобождались от наказания в виде лишения свободы, а также от наказаний, не связанных с лишением свободы лица, осужденные за преступления, предусмотренные: ч. 1 ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях»; ч. 1 и ч. 2 ст. 92 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением»; лица, осужденные за ряд должностных преступлений – ч. 1 ст. 170-171, ст. 172, 175; прекращены все уголовные дела, находящиеся в производстве следователей, и дела, не рассмотренные судами, а также освобождены от наказания лица, осужденные по ч. 3 ст. 92, ч. 2 и ч. 3 ст. 93 и по ст. 93.1 УК РСФСР [6].

Второй этап – 1997–2011 гг. 1 января 1997 г. вступил в законную силу Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Уголовный кодекс РСФСР стал историческим фактом. Начался новый процесс развития государственной политики противодействия экономической преступности, разворачивающийся в другой исторической действительности российского общества.

Первые годы действия УК РФ характеризуются незначительным объемом криминализации – декриминализации деяний в сфере экономики. В указанный период в УК РФ был введен небольшой ряд статей (ст. 170.1, 174.1, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.5, 185.6, 199.1, 199.2), устанавливающих преступность и наказуемость деяний в сфере экономической деятельности. Например, Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ в УК РФ введена ст. 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента» и ст. 199.2 «Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов». Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ введены статьи: ст. 185.2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», ст. 185.3 «Манипулирование ценами на рынке ценных бумаг», ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг» [2].

Декриминализированы деяния, утратившие свою общественную опасность. Тем же Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ декриминализированы деяния, предусмотренные статьями УК РФ: ст. 173 «Лжепредпринимательство» и ст. 182 «Заведомо ложная реклама». Федеральным законом от 08.12.2003

№ 162-ФЗ декриминализированы деяния, предусмотренные ст. 200 «Обман потребителей».

Третий этап – 2011–2016 гг., характеризуется значительным объемом криминализации деяний в сфере экономики и в то же время депенализацией наказаний за их совершение.

В этот период в уголовный закон России введено 18 статей (ст. 159.1–159.6, 170.2, 171.2, 172.1, 172.2, 173.1, 173.2, 191.1, 200.1, 200.2, 200.3, 204.1, 204.2), предусматривающих уголовную ответственность за общественно опасные деяния в сфере экономики. Кроме того, декриминилазированы деяния, предусмотренные ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (утратила силу – Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) и ст. 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» (утратила силу – Федеральный закон от 03.07.2016 № 420-ФЗ).

В 2011 г. государство изменило уголовную политику противодействия экономической преступности в части наказуемости деяний за преступления в сфере экономики. Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены новые институты: институт «Освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», закрепленный в ст. 76.1 УК РФ; институт «Прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», закрепленный в ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [4].

Изменилась воля субъекта управления государством в применении наказания в виде лишения свободы к лицу, впервые совершившему преступление небольшой тяжести. Так, теперь наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 настоящего Кодекса, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания [2, ст. 56]. В практику наказания за преступления в сфере экономической деятельности введен институт «Принудительных работ» [4]. Установлен ряд других изменений и дополнений в уголовный закон России.

В 2013 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановила об освобождении от наказания осужденных к лишению свободы, условно осужденных, о снятии дополнительных видов наказаний, о прекращении уголовных дел, находящихся в производстве, о снятии судимости для категории лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, предусмотренные статьями УК РФ: ст. 159.1, 159.4, 171, 171.1, ч. 1 ст. 172, ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, ч. 1, 2 ст. 178, ст. 180, 181, 191–193, ч. 1, 2 и п. «а» ч. 3 ст. 194, ст. 195–199, 199.1, 199.2 [5].

Таким образом, государственная политика противодействия экономической преступности на рубеже XX – начала XXI в. характеризуется, с одной стороны, противоречивостью и волатильностью, с другой – в рамках общей тенденции к ее гуманизации прослеживается постепенный переход от сугубо карательных мер к реабилитационным и реституционным началам.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об объявлении амнистии: постановление ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД. URL: https://rg.ru/2013/07/03/amnistiya-dok.html (дата обращения: 01.02.2017).
6. Об объявлении политической и экономической амнистии: постановление ГД ФС РФ от 23 февраля 1994 г. № 65-1 ГД. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Воронин Ю.А., Майоров А.В. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 1. С. 7-14.
8. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации //Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
9. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 912 с.
10. Майоров А.В. Противодействие преступности – приоритетное направление в уголовной политики государства // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по мат-лам XXXIV междунар. науч.-практ. конф. № 2 (34). Новосибирск: СибАК, 2014. URL: https://sibac.info/conf/law/xxxiv/37085 (дата обращения: 20.01.2017).

УДК 908+351.741

Жадан А.В.

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1941-1945 гг.)

В данной статье автор описывает исторически сложившиеся в Приморском крае в 1941–1945 гг. криминогенные условия, которые привели к росту преступности в регионе. Создавшаяся обстановка вынудила органы внутренних дел перестроить свою работу и добиться существенных успехов в борьбе с преступностью.
Ключевые слова: Приморский край; органы внутренних дел; Великая Отечественная война; борьба с преступностью.

Zhadan A.V.

INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF PRIMORSKY KRAI IN THE FIGHT AGAINST CRIME (1941–1945)

In this article the author describes the criminogenic conditions which historically developed in Primorsky Krai in 1941-1945 which led to rise in crime in the region. The developed situation forced law-enforcement bodies to reconstruct the work and to make significant progress in fight against crime.
Keywords: Primorsky Krai; law-enforcement bodies; Great Patriotic War; fight against crime.

На современном историческом этапе развития Российского государства и общества особый научно-практический интерес вызывают наполненные героизмом и одновременно трагические события 1941–1945 гг. Подлинный интерес в этом плане представляют собой исторические аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края, внесших неоценимый вклад в обеспечение общественной безопасности и поддержание общественного порядка в стратеги-

чески важном регионе страны. Деятельность приморских милиционеров проходила в специфической, чрезвычайной обстановке, обусловленной особенностями не только военного времени, но и уникальным географическим положением региона.

Военное время обусловило тяжелую социально-экономическую обстановку в Приморском крае. В этих условиях объективно росло количество хищений имущества различных форм: краж, грабежей, мошенничества, присвоений, растрат и т.д. Государственная система распределения продовольствия хотя и предотвратила массовый голод среди населения региона, но одновременно создала почву для различных махинаций должностных лиц. Массовый призыв взрослого населения на фронт и на производство создал проблему безнадзорности детей, которая становилась социальной почвой для роста преступности несовершеннолетних.

Тяжелые поражения Красной Армии в первые годы войны и угроза нападения Японии оказывали гнетущее воздействие на морально-психологическое состояние приморцев [3, с. 91-92]. В этих условиях многократно возросло количество преступлений против военной службы: дезертирства, уклонения от прохождения военной службы.

Сложная оперативная обстановка в Приморском крае усугублялась деятельностью японской разведки, которая пыталась организовать антисоветское повстанческое движение, способствуя созданию, фактически, бандитских групп [2, с. 95], распространяла в регионе фальшивые денежные знаки.

Переход органов внутренних дел Приморья к работе в условиях военного времени имел свои особенности, связанные с геополитическим положением региона. С одной стороны, край являлся глубоким тылом, через порты и железные дороги которого шли поставки стратегически важных грузов, однако, с другой стороны, близость Японии, союзницы Германии, заставляла рассматривать регион как потенциальную зону активных боевых действий. В условиях военного времени реорганизации подверглись практически все направления деятельности. Важной задачей стало сохранение доверия населения; привлечение активных, сознательных, патриотично настроенных граждан к выполнению задач по охране общественного порядка, пресечению и раскрытию преступлений.

Следует отметить, что расширение спектра выполняемых задач сопровождалось в эти годы сокращением финансирования, вынуждавшим принимать меры по экономии бумаги, горюче-смазочных материалов, форменной одежды и др. Фактически не проводился ремонт служебных помещений и рабочей мебели.

Что касается структуры преступности, то в 1941–1944 гг. в Приморском крае преобладали преступления против собственности. Убийств и иных посягательств на жизнь и здоровье было относительно немного, причем эта тенденция была характерна и для городов, и для сельских районов. В отличие от ряда других регионов страны, не получил широкого распространения в крае бандитизм. Условиями, препятствовавшими широкому распространению бандитизма, в крае являлись: административные ограничения на передвижение населения из других регионов страны в Приморье, отсутствие боевых действий, способствующих распространению оружия у населения и, конечно же, работа правоохранительных органов края, в том числе, в предшествующий войне период.

Пик роста преступности в Приморском крае пришелся на 1942–1943 гг. В 1944 г. рост уголовной преступности существенно снизился, при одновременном увеличении раскрываемости преступлений. В 1945 г. органы внутренних дел края характеризовались как одни из лучших по стране в области борьбы с преступностью [4, с. 319-320]. К числу наиболее важных причин, способствовавших снижению показателей борьбы с преступностью в первые военные годы, следует отнести мобилизацию в действующую армию лиц, состоявших в агентурно-

осведомительном аппарате. Таким образом, основной задачей в деле борьбы с преступностью для органов внутренних дел края стало, по сути, воссоздание агентурно-осведомительной сети. Данную задачу удалось решить к 1945 г., однако положительные сдвиги наметились уже в 1944 г., когда наряду с продолжающимся ростом преступности стала расти и раскрываемость преступлений.

Серьезным обстоятельством, существенно ухудшившим оперативную обстановку в Приморском крае во второй половине 1944–1945 гг., стал рост преступности военнослужащих. Эта тенденция имела общесоюзный характер и в том числе затронула Приморье, где в связи с подготовкой военной операции против Японии росла концентрация воинских соединений. Преступления военнослужащих, совершаемые в этот период, в целом характеризуются высокой степенью общественной опасности и дерзким характером. Часто они совершались в группе, с применением оружия и транспортных средств [1, с. 41-47].

Важным направлением деятельности органов внутренних дел края в годы войны было обеспечение сохранности грузов в портах и на железной дороге. Данная задача преимущественно решалась силами Водного и Дорожного отделов милиции. Высокий уровень криминальных посягательств на импортные товары был объективно обусловлен их высокой стоимостью, тотальным дефицитом продуктов питания и предметов первой необходимости, тяжелым материальным положением жителей края, в том числе работников порта и железной дороги. Однако, несмотря на сложную криминогенную ситуацию, приморским милиционерам удавалось ежегодно привлекать к ответственности сотни преступников и возвращать государству миллионы рублей. Таким образом, работа приморских милиционеров в деле защиты социалистической собственности вносила свой вклад в обеспечение экономической безопасности страны, обеспечивая материальную основу для победы в Великой Отечественной войне.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что органы внутренних дел Приморского края в непростых условиях военного времени 1941–1945 гг. провели большую работу, направленную на обеспечение общественной безопасности и борьбу с преступностью. Несмотря на сложную криминогенную обстановку, расширение спектра выполняемых задач, текучесть личного состава, недостаток квалифицированных работников, слабое финансирование, потерю в результате мобилизации значительной части агентурно-осведомительной сети и другие проблемы, работа всех отделов, особенно оперативных, шла нарастающими темпами.

Список источников

1. Жадан А.В. О преступности военнослужащих в Приморском крае (1944–1945 гг.) // Перспективы развития науки и образования: сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф., 31 октября 2016 г. Ч. 1. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2016.
2. Жадан А.В., Петров К.Н. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Инновационные технологии научного развития: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 15 июня 2016 г.: в 3 ч. Ч. 3. Уфа: АЭТЕРНА, 2016.
3. Камардина Н.В. Изменение идеологии советского общества в 1941–1953 гг. (на материалах Дальнего Востока СССР): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007.
4. Шабельникова Н.А., Бакшутов С.Н. Деятельность милиции Приморья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная и Вторая мировая войны: дальневосточное измерение: мат-лы междунар. форума, 19-21 октября 2015 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2015.

УДК 343.2/.7

Забелов А.Ю.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена историко-правовому анализу понятия провокации преступления в отечественном и зарубежном праве. Рассмотрена история изменения интерпретации понятия провокации с древнейших времен и до нашего времени.
Ключевые слова: провокация преступления; подстрекательство.

Zabelov A.Yu.

HISTORY OF CRIMINALIZATION OF THE CRIME PROVOCATION

The article is devoted to the historical and legal analysis of the concept of provocation of crime in domestic and foreign law. The history of the interpretation of the concept of provocation from ancient times to our time is considered.
Keywords: crime provocation; incitement.

Провокация, в значении «подстрекательства, побуждения кого-либо к действиям, которые могут повлечь отрицательные последствия для совершающего их лица» [8, с. 533], представляет собой негативное явление, сопровождающее человечество на протяжении всей его истории.

Первоначально понятие провокации имело отличное от современного значение. Впервые закрепленная в качестве правового института в праве Древнего Рима, провокация (jus provocationis) означала право апелляции в уголовных вопросах от магистрата к народу (provocatio ad populum), а также понуждение истца к предъявлению иска вопреки общему правилу (provocacio ad agendum) [9, с. 338].

Невозможно с точностью определить, в какой момент понятие провокации приняло свое современное значение, но в эпоху Средневековья были предприняты первые попытки его осмысления.

Философы и юристы Средневековья хотя прямо и не называли то или иное явление «провокацией», но с точки зрения современной трактовки данного понятия оно им является. Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира» признает военные провокации в войнах справедливых, но в то же время резко осуждает ее применение в войнах несправедливых, а также в борьбе с уголовной преступностью. Он указывал, что «… сюда относится и то правило, что не следует другого ни понуждать, ни побуждать делать то, что ему воспрещено. Примерами могут послужить следующие случаи: подданному нельзя умерщвлять своего царя или сдавать города без общего согласия, или грабить граждан. К этому не полагается, стало быть, и побуждать подданного, пребывающего в подобном состоянии. Ибо каждый, кто подает другому повод совершить преступление, тот сам виновен в преступлении» [3, с. 582-585].

Как и многие другие иностранные слова, слово «провокация» пришло в наш язык в эпоху царствования Петра I, предположительно из польского (prowokacja) или немецкого (provocation) языка. Однако значение данного слова было отличным от современного понимания. Принятый в 1721 г. Духовный регламент, определивший правовое положение Православной церкви в России, установил следующее правовое понятие провокации в отечественном праве: «…всякому Архимандриту; Игумену; Строителю; приходскому священнику, та-

кож и дьяконам и прочим причетникам свободно и вольно просить у Духовного Коллегиума суда на своего Епископа, аще кто в чем от него знатно изобижен будет. Також; аще кто судом Епископа своего не довольствуется, вольно ему чинить провокацию, си есть, переносить дело на суд Духовного Коллегиума… » [4, с. 44].

Как проблема в области права, провокация преступления подверглась научной разработке только в XIX в., в осовном в немецкой правовой литературе. При этом данному явлению придавалось преимущественно политическое значение. Так, немецкий криминалист Карл Гепп считал, что агенты провокаторы – это тайные агенты полиции, предназначенные государством для преступлений. Их деятельность направлена к тому, чтобы нежелательных правительству индивидуумов, от которых оно хочет избавиться, возбудить к изменническим или бунтовщическим действиям, а когда эта цель достигнута – выдать их, чтобы подвергнуть наказанию [10, p. 360].

В дореволюционной России господствовало аналогичное мнение относительно провокации преступления, при этом в отечественной правовой литературе XIX–XX вв. провокация рассматривалась исключительно в рамках подстрекательства. Так, Г. Колоколов пишет: «…нельзя не признать, что бытие подстрекательства нисколько не зависит от свойства интересов, которые руководят субъектом в его интеллектуальной деятельности. На этом основании подстрекателем следует считать и того, кто определил другого к преступлению с единственной целью – предать его в руки правосудия» [6, с. 116].

Вопрос о понятии провокации, ее правовых последствиях, приобрел наибольшую актуальность с ростом революционных настроений во второй половине XIX в. Всплеск революционной деятельности и связанного с ней насилия, появление революционных организаций, совершавших террористические акты, привели к активизации деятельности полиции. Для борьбы с террором система политического сыска активно внедряла своих осведомителей в ряды революционных организаций, зачастую разрешая своим агентам использовать в своей деятельности провокацию.

Практика полицейских провокаций не только осуждалась в обществе, но и компрометировала всю негласную полицейскую работу. В то время содержание провокации раскрывалось в различных приказах, распоряжениях, циркулярах. Так, Инструкция чинам сыскных отделений в гл. IV «Розыск», § 64 устанавливала: «Начальники сыскных отделений обязаны строжайше наблюдать: …2) чтобы негласные агенты не проявляли инициативы в преступных предприятиях, не склоняли других лиц к вступлению на противозаконный путь и не принимали ни под каким видом участия в преступных посягательствах» [5, с. 6].

Несмотря на то, что в ведомственных нормативных актах содержались запреты на осуществление провокации и подстрекательства, это не мешало сотрудникам полиции использовать провокацию в своей деятельности.

После Февральской революции 1917 г. многие бывшие сотрудники полиции были арестованы. Следователи чрезвычайной следственной комиссии уличали охранников в мельчайших отступлениях от инструкций и циркуляров Департамента полиции, выдвигали обвинения в отношении сотрудников, которые ранее занимались провокацией. При этом комиссией по обеспечению нового строя периодически публиковались имена провокаторов в газете «Вестник Временного правительства».

Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий отражало специфику способов раскрытия и расследования преступлений органами ВЧК в начале XX в., способов приобретения и ведения внутренней разведки. Следует отметить, что данное руководство во многом повторяло инструкции и циркуляры царской полиции, но имелись и значительные различия. К таким серьезным отличиям относится отношение к провокации в среде сотрудников. Руководство

давало следующие указания по работе с агентами: «Начиная работать с сотрудником, ему следует внушить для неуклонного исполнения:… 7) Что всякая неправда и провокация, даже в слабой степени, повлекут за собой не только прекращение работ по розыску и, кроме того, сотрудник отвечает со всей строгостью, вплоть до расстрела» [7, с. 57]. Как можно убедиться, данное руководство впервые в истории России прямо предусматривало возможность расстрела сотрудника, уличенного в провокации.

Дальнейшее развитие отечественно уголовного законодательства в области противодействия провокации связано только с развитием ответственности за преступления коррупционной направленности.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. впервые в истории советского уголовного законодательства предусматривал ответственность за провокацию взятки. Согласно диспозиции ст. 115 УК РСФСР, уголовной ответственности подлежали только должностные лица и лишь за провокацию дачи взятки. Причем, должностное лицо могло провоцировать дачу взятки как в отношении самого себя, так и в отношении другого должностного лица. Санкция статьи предусматривала строгую ответственность должностных лиц, виновных в совершении данного преступления: лишение свободы со строгой изоляцией от общества не ниже трех лет или высшую меру наказания. Для сравнения следует отметить, что получение взятки каралось высшей мерой наказания лишь при отягчающих обстоятельствах [1, с. 14].

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, который установил ответственность должностных лиц как за провокацию дачи взятки, так и за провокацию получения взятки. В отличие от ст. 115 УК РСФСР 1922 г., в данном кодексе давалось более широкое толкование понятия провокации взятки. В соответствии со ст. 119 УК РСФСР 1926 г. провокация взятки – это заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку.

Следует отметить, что Уголовный кодекс 1926 г., в отличие от Уголовного кодекса 1922 г., более не предусматривал высшую меру в качестве наказания за провокацию взятки. Возможно, это связано с тем, что с 1926 г. данные преступления стали встречаться гораздо реже, поэтому необходимость в столь суровой мере наказания отпала. Уголовный кодекс 1926 г. предусматривал ответственность за данный состав преступления – лишение свободы на срок до двух лет [2, с. 69].

Несмотря на то, что ответственность за провокацию взятки просуществовала практически четыре десятилетия, в новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., законодатель такую норму решил не вносить. Связано это, прежде всего, с тем, что в судебной практике данный состав преступления практически не встречался. Именно поэтому в УК РСФСР 1960 г., отсутствовала специальная норма, предусматривающая ответственность за провокацию взятки. Примеру РСФСР последовали все союзные республики, за исключением Украинской ССР.

Таким образом, в отечественном законодательстве вплоть до 1996 г., отсутствовала специальная норма о провокации взятки.

Уголовный кодекс РФ, в настоящий момент, предусматривает ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа в ст. 304. Однако мы считаем, что данный запрет противоречит не только семантическому, но и историческому значению понятия провокации преступления.

Проанализировав историю криминализации провокации преступления в отечественном уголовном праве, мы пришли к нескольким выводам.

Во-первых, явление провокации преступления имеет глубокие исторические корни.

Во-вторых, в эпоху Средневековья были предприняты первые попытки осмысления провокации преступления в его современном значении.

В-третьих, впервые провокация преступления в нашей стране была криминализирована УК РСФСР 1922 г., при этом имея существенные интерпретационные отличия в сравнении с ныне действующей нормой ст. 304 УК РФ.

В-четвертых, определение провокации, данное в ныне действующем УК РФ, противоречит не только семантическому, но и историческому значению провокации преступления.

Список источников

1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. М., 1922.
2. Уголовный кодекс РСФСР ред. 1926 г. Официальный текст с приложением постатейно систематизированных материалов. М., 1941.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956.
4. Духовный Регламент. М., 1861.
5. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.
6. Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М., 1881.
7. Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий. М., 2001.
8. Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2014.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 25. СПб., 1898.
10. Hepp. Archiv des Kriminalrechts. 1848.

УДК 342.951

Куликова К.А.

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Исследованы особенности, проблемы и социальные предпосылки нелегальной трудовой миграции иностранных граждан на Дальнем Востоке России. Отражены пути совершенствования контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел по профилактике и предупреждению рассматриваемого явления.

Ключевые слова: миграционная политика; органы внутренних дел; контроль; надзор; российско-китайские отношения; иностранные граждане; нелегальная трудовая миграция.

Kulikova K.A.

QUESTIONS OF COUNTERACTION OF ILLEGAL LABOUR MIGRATION OF FOREIGN CITIZENS IN THE TERRITORY OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Features, problems and social prerequisites of illegal labor migration of foreign citizens in the Far East of Russia are investigated. Ways of improvement of control and supervising activities of law-enforcement bodies for prevention and the prevention of the considered phenomenon are reflected.

Keywords: migration policy; law-enforcement bodies; control; supervision; Russian-Chinese relations; foreign citizens; illegal labor migration.

Особую нишу в современной миграции населения занимает добровольная трудовая миграция, которая представляет собой перемещение граждан в иностранные государства в целях постоянного или временного трудоустройства.

Динамичное увеличение потоков трудовой миграции уже является естественным общемировым процессом.

Однако в общем потоке трудовой миграции имеют место и такие ее формы, как легальная и нелегальная (незаконная) трудовая миграция. При этом необходимо отметить, что каждая из двух ее форм легко может трансформироваться в другую форму. Это объясняется тем, что не каждый законно пребывающий на территории Российской Федерации иностранец также законно осуществляет трудовую деятельность на ее территории, однако при легализации своего правового положения и оформлении надлежащих разрешительных документов может пребывать и трудиться в России на законных основаниях. Вышеуказанное доказывает то, что трудовая миграция может достаточно легко принимать различные латентные формы, и в целях сдерживания масштабов нелегальной трудовой миграции, предотвращения негативных социальных и экономических ее последствий, требуется наступательная и гибкая миграционная политика государства.

Актуальность вопроса противодействия нелегальной миграции в настоящее время не вызывает сомнений. Нелегальная миграция и нелегальная трудовая деятельность мигрантов негативно влияют на многие стороны жизни общества и государства, несут в себе угрозу национальной безопасности страны, приводят к росту сектора теневой экономики и коррупции, усилению общей социальной напряженности.

По результатам проведенного 9 марта 2017 г. расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел по итогам деятельности за 2016 г., Президентом РФ В.В. Путиным были определены конкретные цели и задачи на 2017 г. По его словам, «… в компетенцию МВД переданы серьезные полномочия в сфере контроля над миграционными процессами. Мы создаем цивилизованную, прозрачную среду для тех, кто хотел бы жить и работать в России, безусловно, соблюдая наши законы, уважая традиции и культуру нашей страны. При этом каналы нелегальной миграции, любые факты нарушений миграционного законодательства должны решительно пресекаться. Для мониторинга ситуации и принятия превентивных мер необходимо развивать систему информационных ресурсов, наращивать сотрудничество с нашими партнерами по Евразийскому союзу и, конечно, с другими странами в самом широком смысле этого слова» [5].

В настоящее время на территории Дальневосточного федерального округа Российской Федерации (далее – ДФО) существуют острые проблемы оттока населения трудоспособного возраста, покидает родные края преимущественно молодежь. Недостаток работников особенно остро обнаруживается в сферах с наибольшим количеством низкооплачиваемых и непривлекательных рабочих мест, а также на территориях отдаленных районов с суровыми природными условиями. В связи с этим в настоящий период Дальневосточный регион становится своего рода «биржей» труда для зарубежных работников.

Необходимо отметить, что в последние годы, несмотря на некоторое замедление темпов экономического роста, важнейшими центрами мировой экономики являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, удельный вес которого возрастает и в производстве валового мирового продукта, и в международной торговле. Это является одним из главных факторов необходимости развития территорий Сибири и Дальнего Востока.

Так, в 2015 г. был принят ряд решений, способствующих реализации вышеуказанной задачи. Созданы и внедрены механизмы льготного налогообложения инвестиционных проектов, реализуемых в пределах ДФО, созданы территории опережающего социально-экономического развития с особыми условиями осуществления предпринимательской деятельности, а также утверждена федеральная целевая программа об экономическом и социальном развитии Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [6]. Вышеперечисленное под-

тверждает мнения многих ученых и специалистов о постепенном увеличении потоков трудовой миграции иностранных граждан на территорию ДФО вплоть до 2030 г.

На протяжении долгого времени основной приток в Дальневосточный федеральный округ иностранной рабочей силы обеспечивали граждане Китайской Народной Республики. Это во многом объясняется экономическим и географическим аспектами, ведь Дальний Восток является привлекательной территорией для развития бизнеса и осуществления частной предпринимательской деятельности, а на юго-западе края проходит государственная граница с Китаем. Официальные статистические данные правоохранительных органов позволяют заключить, что в настоящий период времени, как и 15 лет назад (1998–2002 гг.), около 80 % подданных Китая въезжают на территорию России через пограничные пункты Дальневосточного региона, из них до 50 % – через пункты пропуска Приморского края.

Российско-китайские отношения характеризуются устойчиво высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия, активными политическими и экономическими связями на всех уровнях регулирования. За последние десять лет Россией и Китаем были достигнуты значительные успехи в плане активизации партнерства [4].

Нередко привлечение инвестиций из Китая для строительства и функционирования того или иного объекта влечет за собой и расширение масштабов потока трудовой миграции на территорию ДФО. Трудовая миграция играет немаловажную роль в развитии рынка труда России в целом, и особенно ее приграничных регионов. Расширение сотрудничества с Китаем в рамках трудовой миграции является одним из необходимых видов внешнеэкономических связей Дальнего Востока России. Однако не стоит упускать из виду заинтересованность теневых структур и криминальных группировок, многократно увеличивающих свои прибыли благодаря использованию труда нелегальных мигрантов из Поднебесной на территории края.

Однако на территории Хабаровского края граждане КНР регулярно занимают лидирующие позиции по количеству зарегистрированных правонарушений миграционного законодательства. Так, в 2012-2016 гг. доля граждан Китая оставалась одной из преобладающих в общем числе иностранных граждан, в отношении которых были приняты решения о неразрешении въезда.

В настоящее время китайские предприниматели все активнее включаются в экономическую жизнь региона, используя при этом как легальные, так и нелегальные способы. Перемещению нелегальных мигрантов в Россию в немалой мере способствует проницаемость границ, нехватка технических, кадровых и финансовых ресурсов для эффективности контроля, недостаток опыта, криминальные связи и коррупция, непоследовательность и противоречивость применяемых мер и действующих административных процедур, пробелы в российском миграционном законодательстве [3].

Одна из основных проблем нелегальной миграции граждан Китая заключается в том, что значительное количество мигрантов из КНР использует безвизовые туристические поездки для доставки и последующей продажи товаров широкого потребления, осуществления незаконной коммерческой и трудовой деятельности на территории Хабаровского края.

Другой проблемой является то, что из-за положительного отношения нашего государства к миграции иностранных граждан, доброжелательности, открытости и прозрачности общества, большой численности населения, у иностранных граждан, в том числе прибывающих в регион по деловой и коммерческой визе из Китая, появляется возможность пропускать установленный срок действия такой

визы либо, не уплачивая налогов, вывозить сырьевые ресурсы из региона, осуществлять незаконную коммерческую деятельность. Кроме того, граждане КНР часто занимаются работой по найму без оформления надлежащих разрешений и подтверждения на право трудовой деятельности по найму.

Определенно, одним из важнейших инструментов противодействия незаконной трудовой миграции будет являться применение процедуры «неразрешения въезда» иностранным гражданам на территорию России, нарушившим и проявляющим неуважение к законам Российской Федерации. Указанная мера регламентирована Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [2]. Она имеет воспитательный и превентивный характер, а также в настоящее время является эффективной мерой, отвечающей принципам современной миграционной политики любого развитого правового государства.

Также требуется установление более плотного и оперативного взаимодействия между правоохранительными органами двух стран. Так, согласно положениями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [1], взаимодействие полиции с правоохранительными органами иностранных государств и международными полицейскими организациями осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации. К таким актам, в частности, можно отнести Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, подписанный в Пекине 19 июня 1992 г. Следует усилить контроль над деятельностью китайских и совместных российско-китайских предприятий и строго учитывать текущие местные потребности и проблемы рынка труда, оценивать возможные последствия привлечения иностранной рабочей силы из КНР для национальных интересов России.

Также, в целях повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности подразделений органов внутренних дел по противодействию нелегальной трудовой миграции иностранных граждан, по нашему мнению, необходимо:

- проведение встреч-консультаций с представителями национальных общественных объединений в целях обсуждения вопросов: о трудоустройстве иностранных граждан, о ситуации внутри диаспор, о недопустимости противоправного поведения со стороны членов диаспор, о толерантном отношении к трудовым мигрантам со стороны местного населения, о правилах пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами на территории Российской Федерации, о содействии интеграции в российское общество иностранных граждан, приехавших в России в целях постоянного проживания, о противодействии коррупции среди иностранных граждан, о мерах ответственности за нарушения действующего миграционного законодательства, а также об изменениях и дополнениях, вносимых в нормативные правовые акты, регулирующие миграционные правоотношения;

- повышение количества и качества проверочных мероприятий работодателей, привлекающих и использующих иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности;

- при проведении проверочных мероприятий повышенное внимание уделять соответствию фактически осуществляемой трудовой деятельности иностранным гражданином его профессии (специальности, роду деятельности), указанной в его разрешительных документах;

- усиление контроля за исполнением иностранными гражданами постановлений об административном выдворении за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда;

- совершенствование организации деятельности по вынесению представлений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранным гражданам.

Осуществление указанных мероприятий будет способствовать снижению межнациональной напряженности, повышению уровня правосознания и законного поведения иностранных граждан, а также увеличению эффективности деятельности ОВД по профилактике, предупреждению и пресечению фактов незаконного осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами на территории региона.

В заключение следует отметить, что в современном индустриальном обществе достижение приемлемого количества квалифицированной рабочей силы и рост производства напрямую зависят от ее интернационализации. В связи с этим одной из главных задач для Российской Федерации в настоящее время должно являться совершенствование миграционной политики, способной увеличить число легализованных трудовых отношений с иностранными гражданами, осуществляющими трудовую деятельность на ее территории, обеспечивая при этом поддержание социального единства всего общества и государственную безопасность.

Список источников

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://base.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2017).
2. О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2017).
3. Журинская О.В. Регулирование миграционных потоков граждан Китая на территории Дальнего Востока // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 4.
4. Мищук С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере ДФО) // Экономика региона. 2014. № 2.
5. Сведения о заседании коллегии МВД России от 9 марта 2017 г. // Официальный интернет-портал правовой информации http://kremlin.ru/events/president/news/54014.
6. Рязанцева М.В. Стимулирование притока трудовых ресурсов на территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока // Российское предпринимательство. 2015. № 16 (18).

УДК: 343.131

Нуриев И.Н.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье рассматриваются исторические и правовые предпосылки развития и введения разумного срока предварительного расследования в уголовно-процессуальное право России. Автором прослеживаются преобразования в требовании быстроты правосудия и разумности его сроков.

Ключевые слова: разумный срок; судебная система; предварительное расследование; уголовное дело; свидетель; потерпевший.

Nuriev I.N.

HISTORY OF FORMATION OF REASONABLE TERM OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL TRIAL OF RUSSIA

In article historical and legal prerequisites of development and introduction of reasonable term of preliminary investigation in the criminal procedure right of Russia are considered. By the author it is traced transformations of the requirement of speed of criminal legal proceedings to the requirement of rationality of his terms.
Keywords: reasonable term; judicial system; preliminary investigation; criminal case; witness; victim.

Значимость соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования очевидна. Эта проблема приобретает с течением времени особую остроту, поскольку в правоприменительной практике нередко не обеспечивается реализация разумного срока предварительного расследования. Это неизбежно приводит к нарушению конституционных прав участников уголовного процесса. Еще с царских времен производству правосудия в возможно короткие сроки уделялось пристальное внимание.

Как показывает анализ исторической ретроспективы, при разрешении вопроса о быстроте уголовного судопроизводства сталкиваются интересы государства, отдельных чиновников, злоумышленников и потерпевших. Так, в Российском государстве уже в Судебнике 1497 года отчетливо формулируется требование соблюдать временные рамки, а лицо, затягивающее процесс, обязано было нести материальные убытки, в том числе это касалось и послухов (свидетелей): «А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи, нет ли, оно на том послусе исцово и убытки и все пошлины взятии» (ст. 50) [11, с. 65]. В соответствии со ст. 26 Судебника сторона могла ходатайствовать об отсрочке рассмотрения дела, но при этом на нее возлагалась обязанность произвести соответствующую плату: «А коли ищея или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от писма, а неделщику хожоное» [11, с. 65].

Заметим, что если быстрота рассмотрения уголовного дела во времена Ивана IV рассматривалась с точки зрения сохранения авторитета государственной власти, судебной системы, снижения затрат на организацию процесса, а основной мерой ее обеспечения было возложение ответственности за неявку в суд сторон и свидетелей, то со временем система борьбы с волокитой усложнилась: потерпевшие наделялись правом требовать компенсацию за волокиту в суде, а судьи могли быть привлечены к ответственности за умышленное затягивание дела [5, с. 12]. Например, в ст. 24 главы X Соборного уложения 1649 г. отмечалось: «А будет которой судья не учнет ездить в приказ своим упрямством, не хотя в том приказе быть… тому судье за его вину учинить наказанье, что государь укажет… чтобы никаким людем лишние волокиты и проести не было» [9, с. 60].

В главе 4 Генерального регламента 1720 г. в период правления Петра I впервые в России закрепляются уже и предельные сроки судопроизводства: «…челобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реэстру без всякого мотчания как возможно, а далее шти месяцев, как о том именным его величества указом повелено декабря 8 дня 1714 года, отнюдь не продолжать под наказанием» [7, с. 112]. Кроме того, в соответствии с п. 5 гл. III ч. 2 Краткого изображения процессов или судебных тяжеб 1715 г. предусматривалась и ответственность свидетелей, уклоняющихся от явки в суд: «А ежели свидетельство добром принесть не похошет, то может от судьи к тому принужден и наказан быть…» [9, с. 162].

Анализ источников петровских времен показывает, что император стремился всемерно способствовать совершенствованию судебной системы, основным недостатком которой оставалась инертность и процессуальная неповоротливость, что в свою очередь порождало волокиту, всевозможные нарушения установленного порядка, принятие незаконных решений. А ведь правосудие уже в то время призвано было воздействовать на все стороны жизни государства в целях повышения эффективности работы всех его органов. В то же время чиновники, судьи

на местах имели свой интерес: нередко принимали решения не по закону и справедливости, а на свое усмотрение, прикрываясь при этом словами о государственной заботе. Да и население, в принципе, не имело юридически закрепленных прав на защиту своих прав. Людей, как писал Р.С. Уортман, «могли держать под арестом в течение неопределенного времени, покуда суд не приступит к рассмотрению собранного полицией материала и не вынесет в конце концов приговора» [10, с. 307].

В последующем власть предержащие в России вполне отчетливо понимали, что сила государства правосудием крепится. Так, Анна Иоанновна в Указе от 1 июня 1730 г. пеклась о том, чтобы дела решались «безволокитно и безостановки»; Анна Леопольдовна в Указе от 12 ноября 1740 г. укоряла судей, что в судах «через долго прошедшия времена и годы решения не чинится» [6]; Екатерина II Указом от 10 февраля 1763 г. предписывала: «Всех поиманных воров и разбойников в тюрьмах и острогах под караулом более месяца не держать, и для того об оных и дела решить непременно, считая от дня приводу таковых в судебное место в месяц», а при Сенате учредила даже специальную экспедицию по соблюдению сроков предварительного заключения и за применением пытки [4, с. 351]. Следует заметить, что Екатерина II предпринимала многочисленные попытки создать систему пресечения волокиты в судах, не забывая при этом требовать защиты законных интересов обвиняемых и принимать взвешенные решения.

Еще более рельефно идея недопущения проволочек в ходе судебного разбирательства была отражена в Своде уголовных законов 1832 г. Например, в ст. 1072 Свода говорилось: «Судебные места обязаны иметь попечение, чтобы участь подсудимых отнюдь не была подвергаема проволочкам и стеснению и чтобы в решении сих дел, в особенности же тех, по коим подсудимые содержатся под стражею или в тюрьме, соблюдаема была вся возможная скорость и не было допускаемо ни малейшей остановки» [8, с. 317].

Интересно, что в середине XIX в. в России приходит понимание того, что, во-первых, для быстрого разрешения уголовных дел необходимо свидетелей не только принуждать являться в суд для допроса, но и учитывать их занятость, в необходимых случаях свидетелей надо вызывать через их начальников, во-вторых, свидетели и «сведующие люди» после допроса могли заявить о выплате им понесенных издержек в связи с явкой в суд (ст. 192 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.). Однако законодатель так и не дошел до той мысли, что необходимо установить предельный срок рассмотрения уголовных дел (в отличие от правовых актов Петра I и Екатерины II), что во многом нивелировало прогрессивные достижения в содержательной стороне уголовно-процессуальных норм.

В советском законодательстве продолжились поиски методов создания условий для быстрейшего рассмотрения дел в судах: создавался механизм гарантирования явки свидетелей в суд через подписку о явке в суд и обязанности сообщать об изменении места жительства (ст. 143 УПК РСФСР 1923 г.); возложение обязанности на не явившегося в суд без уважительных причин возмещать судебные издержки по отложенным заседаниям (ст. 267 УПК РСФСР 1923 г.); предоставление права свидетелям, понятым и экспертам на возмещение понесенных расходов по явке в суд, на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий (ст. 65, 75 УПК РСФСР 1923 г.); предоставление права потерпевшим, специалистам, переводчикам (кроме рабочих и служащих) на возмещение понесенных расходов по явке в суд, на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий сохранением среднего заработка по месту работы за потраченное время (ст. 106 УПК РСФСР 1960 г.); признание в ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. задачи быстроты уголовного судопроизводства [1]; дополнение в УПК РФ ст. 6.1. «Разумный срок уголовного судопроизводства»; принятие федерального закона, предусматривающе-

го порядок присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок [2; 3].

Совершенствование законодательства в части обеспечения быстроты судебного следствия продолжилось и в советский период. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. внес некоторые коррективы в перечень положений, гарантирующих явку подсудимого в суд: от каждого лица, привлеченного в качестве обвиняемого, следователь должен был брать подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего места жительства. А в случае неявки подсудимого без уважительных причин по делам, где явка является обязательной, кроме случаев, указанных в п. 1 и 2 ст. 265, а также по делам, где суд признал явку необходимой, суд, согласно ст. 267 УПК РСФСР, откладывал дело слушанием и возлагал на подсудимого судебные издержки по отложенному заседанию. Кроме того, суд имел право вынести определение о приводе подсудимого и об усилении меры пресечения или о назначении таковой, если ранее она не была принята. Следует также отметить, что по УПК РСФСР 1960 года свидетели, понятые и эксперты были наделены правом не только на возмещение понесенных ими расходов по явке, но и на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий (ст. 65, 75 УПК РСФСР).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что механизм обеспечения быстрого рассмотрения дел и снижения судебной волокиты за несколько столетий эволюции уголовного процесса претерпел существенные изменения. Его усложнение шло с изменением поставленных целей: от поддержания престижа государственной власти и снижения материальных издержек на судопроизводство до повышения качества правосудия, стремления компенсировать затраты участников судопроизводства, возмещения нанесенного преступлением вреда. Такая линия развития уголовного процесса с точки зрения временных параметров рассмотрения дела направлена в первую очередь на всемерную защиту лиц от преступлений и предотвращение незаконного и необоснованного обвинения.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
3. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.
4. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (XI–XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 457 с.
5. Волынец К.В. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в российском праве // Вестник Томского университета. Сер.: Право. 2012. № 3.
6. Давыдов Н.В., Полянский Н.Н. Судебная реформа: в 2 т. М., 1915. Т. 2. 403 с.
7. Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937. 378 с.
8. Свод законов уголовных. СПб., 1832. 575 с.
9. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002. 472 с.
10. Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / авториз. пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М., 2004. 520 с.
11. Штамм С.И. Судебник 1497 года: учеб. пособие по истории государства и права СССР. М., 1955. 110 с.

УДК 392.95

Полищук Е.В.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Организованная преступность – опасное явление нашего времени. Она продолжает укреплять свои позиции в обществе, захватывая все этажи властных структур и оказывая влияние на экономику. Развитие и состояние организованной преступности Дальнего Востока имеет свои особенности, которые обусловлены не только ее региональной спецификой, но и процессом ее становления. Наличие этих особенностей отражено в данной статье и проявляется во всех элементах организованной преступности в настоящее время.
Ключевые слова: история организованной преступности; Дальний Восток; «воровские общаки»; «воры в законе».

Polishchuk E.V.

ORGANIZED CRIME IN THE RUSSIAN FAR EAST: HISTORICAL ASPECT

Organized crime – a dangerous phenomenon of our time. It continues to strengthen its position in society, capturing all the floors of the power structures and affecting the economy. The development and condition of the organized crime of the Far East has its own characteristics, which are due not only to its regional characteristics, but also the process of its formation. The presence of these features is reflected in this article and is manifested in all elements of organized crime now.
Keywords: history of organized crime; the Far East; «thieves' common fund»; «thieves in law».

История развития организованной преступности Дальнего Востока обладает своей спецификой. Географическое положение региона, близость Китая, Кореи, Японии способствовали тому, что Дальний Восток стал промежуточным звеном международной наркомафии. Культурные, социально-экономические, демографические и иные факторы также определили особенности организованной преступности на Дальнем Востоке. А именно, региону отводилась роль российской окраины, куда ссылались неугодные государственные деятели, недовольные, а также преступники.

Организованная преступность Дальнего Востока дореволюционного и постреволюционного периода известна как политическая либо профессиональная. Преступность данного периода отражала процесс становления советской власти на Дальнем Востоке. Основные формы ее проявления – борьба с бандитизмом и хунхузничеством, подавление крестьянских волнений [5, с. 95-96].

В 1950-х гг. в результате проведения государством жестких мер, субкультура преступного мира разрушалась, исчезали преступные группировки. Все это происходило путем преследования «элиты» преступного мира, проведением в отношении преступников жестких репрессивных мер с целью сломить, вынудить их отказаться от воровской идеологии и таким образом прекратить ее существование. Тем не менее, в последующие годы и до настоящего времени преступность вновь сформировала свою «элиту», и вновь главенствующее положение в преступном мире занимают «воры в законе».

Возникновение современных форм организованной преступности Дальнего Востока относится к 1970–1980 гг. В Приморском крае они начинают свою историю с появлением преступных групп «третьей смены». Организованные преступные формирования в тот период специализировались на разбоях и грабежах, угрозах и шантаже в отношении представителей теневой экономики, контрабандистов, коррумпированных чиновников, т.е. тех, кто, став жертвами преступления, в милицию не обращались [2, с. 8].

С середины 1980-х гг. на Дальнем Востоке начали формироваться «воровские общаки». Криминальный авторитет В.П. Податев (кличка «Пудель») в одном из интервью говорил, что «в то время на Дальнем Востоке «воров в законе» не было. Существовало огромное количество преступных группировок, деятельность которых отличалась беспредельностью, не считавшихся ни с кем и ни с чем» [1, с. 46]. Податев, освободившись из мест лишения свободы, сначала руководил «общаком» Хабаровского края, а затем поднимал «воровские общаки» в Приморском крае, Сахалинской и Магаданской областях.

В конце 1980-х и начале 1990-х гг. Дальний Восток был втянут в раздел сфер влияния «союзных воров в законе», представителем которых является Иваньков (кличка «Япончик») и «новых кавказских воров». Конфликт между ними обострился в 1991 г., когда «кавказцы» пытались завладеть Сибирью и Дальним Востоком, в результате были убиты многие «авторитеты» с обеих сторон. Например, в июне «кавказцы» устранили Моисеева (кличка «Мася»), который установил свой авторитет над значительной частью Сибири, обладающей большими запасами сырья.

Вновь в 1994 г. в Приморском крае начинают активно проявлять свою деятельность представители «новых кавказских воров» из Москвы и Иркутска. Нарастает борьба внутри сообщества между лидерами группировок, захватываются новые территории, вовлекаются новые организованные преступные формирования.

На фоне борьбы за власть в Приморском, Хабаровском краях было относительно спокойно. Ответственный за Дальний Восток «вор в законе» Васин («Джем») поддерживал относительный порядок в преступных кругах Хабаровского края.

В последующие годы продолжается процесс консолидации преступного элемента в организованные преступные сообщества, усиливается влияние лидеров «воровского общака», происходит процесс сращивания организованных преступных группировок, входящих в «дальневосточный воровской общак», с коммерческими структурами, спортивными, благотворительными и общественными организациями [3, с. 85].

В это время обостряются противоречия между организованными преступными формированиями, входящими в «общак», этническими формированиями и формированиями «спортсменов». Происходит борьба внутри группировок за лидерство, возрастает контрабанда сырья, увеличивается число хищений в сфере добычи драгоценных металлов и производства нефтепродуктов, растет число преступлений, связанных с банкротством предприятий. При этом возрастает число должностных преступлений среди коррумпированных чиновников в органах власти, увеличивается число разбойных нападений на коммерческие структуры, растет количество поступлений наркотических средств из-за рубежа.

Дальний Восток России – огромная приграничная территория, имеющая высокий уровень преступности и находящаяся под значительным влиянием организованных преступных формирований.

Также необходимо отметить мощное противодействие правоохранительным органам, организациям и гражданам со стороны преступных формирований, которые либо подкупают заинтересованных лиц, либо оказывают силовое

воздействие. В целом можно наблюдать усиление в регионе преступных группировок и всех, кто должен с ними бороться.

За последние 15 лет организованная преступность Дальнего Востока, как и в России, претерпела серьезные изменения. Стали единичными случаи заказных убийств, крупных уличных «разборок» среди конфликтующих преступных группировок. Но само явление продолжает существовать, оно преобладает в экономике, проникло на все этажи властных структур, тесно объединилось с правоохранительными органами и продолжает существовать в повседневной общественной жизни.

Коррупция, мошенничество и контрабанда – вот три кита, на которых традиционно держится экономическая и организованная преступность Дальнего Востока. За последнее время число преступлений в данной сфере, по мнению экспертов, меньше не стало, однако характер их совершения постепенно меняется [3, с. 105].

Преступность Дальнего Востока переживает сегодня своеобразную эволюцию. Она стала более скрытной, юридически грамотной и технически оснащенной, при этом «открытая агрессия» отошла на второй план, т.е. стала почти незаметной. Активно проявляют себя не только межрегиональные, но и международные преступные сообщества, которые пытаются установить контроль над ведущими отраслями экономики региона, используя при этом коррупционные связи.

Наибольший интерес организованные преступные формирования Дальнего Востока проявляют к лесным и водным ресурсам региона. В последнее время также наблюдается стремление к объединению преступных группировок Дальнего Востока с зарубежными обществами, а самыми частыми участниками уголовных дел становятся граждане КНДР.

По статистике, за 2007–2015 гг. на Дальнем Востоке количество преступлений, совершенных преступными сообществами, сократилось в 8 раз (с 2644 до 328), в том числе предусмотренных ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» – в 4,6 раза (с 28 до 5). Наибольшее число преступлений отмечалось в Приморском и Хабаровском краях, Якутии, а наименьшее – в Еврейской автономии и на Чукотке [4, с. 54-55].

Итак, организованная преступность Дальнего Востока имеет свои особенности. Ее позиции не имеют такого влияния в России, как организованная преступность Центра, но для региона она является серьезным фактором, оказывающем воздействие на социальную жизнь. Она выступает организатором преступной деятельности группировок, оказывает влияние на воспитание молодежи, на легальную и нелегальную деятельность предпринимателей.

Список источников

1. Маслов Г.Ф. Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона: дис… канд. юрид. наук. Хабаровск, 1997. 166 с.
2. Номоконов В.А. Дальний Восток: хроника организованной преступности (обзор прессы 1997-2008 гг.). Владивосток, 2008. 268 с.
3. Номоконов В.А. Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет. Владивосток, 2013. 244 с.
4. Сухаренко А.Н. Организованная преступность Дальнего Востока: состояние и меры борьбы // Региональные проблемы. 2016. № 1. С. 54-58.
5. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.

УДК 343.985

Усенко О.В.

СОДЕРЖАНИЕ ИГОРНЫХ ПРИТОНОВ КАК ВИД НЕЗАКОННОЙ ИГОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВОПРОС О ЕГО КРИМИНАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается понятие игорного притона, уголовная ответственность за его содержание, в том числе в историческом аспекте. Критически оцениваются предложения ученых о самостоятельной криминализации содержания игорных притонов. Высказывается авторская точка зрения на квалификацию данного деяния.
Ключевые слова: незаконные организация и проведение азартных игр; игорный притон; игорный бизнес.

Usenko O.V.

GAMBLING-DENS AS A TYPE OF ILLEGAL GAMBLING AND QUESTION OF ITS CRIMINALIZATION

The article is considered a concept of gambling-den, criminal liability for its maintenance including the historical aspect. It has a critically evaluate of proposals of scientists about the independent criminalization the gambling-dens. It contains the author`s point of view on the qualification of this act.
Keywords: illegal organization and conducting of gambling; gambling-dens; gambling business.

Азартные игры были известны еще в древности, однако в России до XVI в. правовое регулирование данного института не осуществлялось.

Впервые запрет на азартные игры был установлен Стоглавым собором в 1551 г. Однако данный запрет не разграничивал ответственности за игру, за организацию игры, не упоминал и ответственности за создание игорных притонов. Данный термин появился лишь в ст. 67 Устава благочиния 1782 г. Был упомянут он и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где предусматривалась ответственность за участие в азартных играх в карты, кости и т.п., открытие игорных притонов, организацию и проведение незаконных лотерей (ст. 1150, 1276) [12, с. 75].

После революции новая власть также продолжила борьбу с азартными играми. Однако именно термин «игорный притон» фигурировал лишь в указах и постановлениях новых органов власти, например, в Постановлении Петроградского военно-революционного комитета от 24 ноября 1917 г. «О закрытии игорных клубов и притонов», Декрете от 23 марта 1918 г., также предписывающем закрыть все клубы и притоны, где ведутся азартные игры, Циркуляре НКВД № 181 «О борьбе с незаконными лотереями, лотерейными играми, тайными игорными притонами и производством азартных игр в общественных местах» и пр. [18, с. 59]. Уголовные кодексы 1922 г. [6] и 1926 г. [5] данные термины не содержали.

Как видно из указаний упомянутых документов, в них проводилось различие между игорным клубом и игорным притоном. Особенно существенным данное различие стало в УК РСФСР 1960 г. [2], где в ст. 208.1 предусматривалась ответственность за организацию азартных игр, а в ст. 226 – за содержание игорных притонов. Примечательно, что деяние, предусмотренное ст. 208.1 УК РСФСР, рассматривалось как менее тяжкое по сравнению с содержанием игорных притонов. Так, максимальное наказание по ст. 208.1 составляло один год лишения свободы, а по ст. 226 – пять лет лишения свободы.

В то же время ни в УК РСФСР 1960 г., ни в постановлениях Пленумов понятие игорных притонов не раскрывалось, равно как и критерии отграничения данных составов друг от друга.

УК РФ 1996 г. [1] изначально вообще не предусматривал ответственности за организацию и проведение азартных игр и только в 2011 г. [3] был дополнен ст. 171.2, предусматривающей ответственность за указанное деяние, при этом термин «притон» в данной статьей не фигурирует, из чего можно сделать вывод, что содержание игорных притонов в настоящее время также квалифицируется по ст. 171.2 УК РФ.

По мнению И.Н. Мосечкина, такой подход законодателя не верен [10, с. 20]. Он полагает, что при разграничении организации и проведения незаконных азартных игр и содержания игорных притонов следует учитывать следующие обстоятельства:

1. Объект посягательства. «При организации и проведении незаконных азартных игр объектом выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности. В свою очередь, содержание игорных притонов посягает в основном на здоровье населения и общественную нравственность» [10, с. 21].

2. Объективная сторона деяния. «Под организацией и проведением незаконных азартных игр подразумевается в первую очередь предпринимательская деятельность в игорной сфере, тогда как содержание игорного притона такого характера не носит» [10, с. 22].

В связи с этим, а также основываясь на аналогичной позиции ряда других исследователей [13; 14], И.Н. Мосечкин предлагает криминализировать содержание игорных притонов, установив за данное деяние ответственность в ст. 239.1 УК РФ. При этом под игорным притоном И.Н. Мосечкин понимает «помещение, расположенное вне игорных зон, систематически используемое для проведения азартных игр из корыстных побуждений» [10], уточняя, что притон может располагаться как в жилом, так и в нежилом помещении.

Данная позиция представляется нам достаточно спорной, по следующим обстоятельствам.

С этимологической точки зрения под притоном понимается «место тайных преступных сборищ» [9, с. 489; 11, с. 396; 15, с. 356]. Более «юридическое» определение термина притон было дано В.С. Яловиком, который определил его как «место, находящееся в пределах жилого или иного помещения (сооружения), предназначенное или используемое для систематического занятия посторонними лицами запрещенной законом антиобщественной деятельностью» [19, с. 18].

Следует отметить, что УК РФ упоминает притон лишь в двух статьях: ст. 232, где установлена ответственность за организацию либо содержание притонов … для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, и в ч. 1 ст. 241 предусматривается наказание за содержание притонов для занятия проституцией. Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что в России законной деятельности по употреблению наркотических веществ не существует, равно как и законного занятия проституцией. Потому, мы думаем, вполне оправданным можно признать употребление законодателем термина «притон» применительно к описанию установленных за данные деяния уголовно-правовых запретов. Однако законная игорная деятельность существует [4], потому, как мы считаем, законодатель и не использовал в ст. 171.2 УК РФ такую дефиницию как «игорные притоны», сформулировав объективную сторону данного деяния, как «незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне».

При этом состав, предусмотренный ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, является формальным, т.е. не важно даже, был ли извлечен доход от такой незаконной деятельности, важно лишь, чтобы были выполнены действия по организации и проведению азартных игр [16, с. 504]. Например, об организации азартных игр свидетельствуют: приискание для их проведения помещений или иного оборудования; финансирование данных мероприятий; руководство игорным заведением и его персоналом и пр. [17, с. 232]. Иначе говоря, не наказуемой является лишь деятельность по осуществлению азартной игры «для себя», т.е. без осуществления предварительных подготовительных действий по организации помещения для проведения игр, привлечения участников и пр. Однако в силу самого понятия «притон» и такие деяния не могут рассматриваться как организация и содержание игорного притона.

Примечательно, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8] нет определения притона, но раскрывается, что понимается под его организацией и содержанием: «32. Под организацией притона … следует понимать подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и тому подобные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами. Под содержанием притона следует понимать умышленные действия … по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т.п.). …».

Если оценить данные действия применительно к организации и проведению азартных игр, то очевидно, что действия по организации и содержанию игорного притона полностью охватываются действиями, предусмотренными для организации и проведения незаконных азартных игр, согласно ч. 1 ст. 171.2 УК РФ. Нелогичным выглядит и вышеприведенное указание И.Н. Мосечкина на то, что игорный притон – это заведение, расположенное вне игорной зоны. Статья 171.2 УК РФ в качестве неотъемлемой черты объективной стороны уже указывает на осуществление обозначенных в ней действий «вне игорной зоны». Неверным полагаем и указание И.Н. Мосечкина на иной объект посягательства, определенный им как «здоровье населения и общественную нравственность», прежде всего потому, что в России существует легальный игорный бизнес и статья 171.2 была введена в УК РФ именно в целях уголовно-правовой защиты общественных отношений по законной организации и проведению азартных игр, что следует из пояснительной записки к Федеральному закону от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ на стадии законопроекта [7]. И полагаем, что посягательство на этот объект происходит независимо от того, проводятся ли незаконные азартные игры в крупных подпольных казино, или в большом масштабе на квартире. Говорить о посягательстве на такой объект, как общественная нравственность, в отношении деятельности, которая при определенных условиях признана законной, и вовсе по меньшей мере странно, при таком положении должен быть подвергнут критике весь институт игорного бизнеса в России.

Таким образом, рассуждения И.Н. Мосечкина и иных исследователей (Д.А. Теллин, Н.В. Осипов, И.Н. Соловьев) о необходимости криминализации содержания игорных притонов считаем необоснованными. Все деяния, связанные с незаконными организацией и проведением азартных игр следует квалицировать по ст. 171.2 УК РФ.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4598.
4. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7.
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (утратило силу) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
6. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (утратило силу) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: паспорт проекта Федерального закона № 524473-5 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 30.06.2015) // Российская газета. 2006. 28 июня.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Эксмо, 2002. 702 с.
10. Мосечкин И.Н. Необходимость установления уголовной ответственности за содержание игорного притона // Российский следователь. 2015. № 8. С. 19–22.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010. 606 с.
12. Слепцова Ю.М. История правового регулирования игорного бизнеса в России // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 1. С. 74–78.
13. Соловьев И.Н. Игорный бизнес: нужны новые законодательные инструменты. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20121213/26576-2180.html (дата обращения: 17.04.2017).
14. Теллин Д.А., Осипов Н.В. Привлечение к уголовной ответственности организатора незаконных азартных игр. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1310 (дата обращения: 17.04.2017).
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Дрофа, 2000. 488 с.
16. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 1184 с.
17. Усенко О.В. Проблемы установления способа совершения в механизме преступлений, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр на первоначальном этапе расследования // Библиотека криминалиста. 2016. № 2. С. 232-239.
18. Цакоев А.А. Правовое регулирование азартных игр в Советском государстве (1917–1929 гг.) // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 57–60.
19. Яловик В.С. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией или содержанием притонов для распития спиртных напитков, потребления наркотиков и других одурманивающих средств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. 24 с.

УДК 947

Цуканов С. С.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Пограничная безопасность – одно из ключевых понятий политики. В современном нестабильном мире незыблемой остается задача пограничников обеспечить неприкосновенность рубежей Отечества, охрану и защиту интересов государства на его границах. Статья отражает проблемы обеспечения пограничной безопасности на российском Дальнем Востоке.
Ключевые слова: политика; безопасность; государства; граница.

Tsukanov S.S.

THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF SECURITY

Border security is one of the key concepts of the policy. In the modern unstable world remains firmly in the task of border guards is to ensure the inviolability of the frontiers of the Motherland, safeguard and protect the interests of the state at its borders. The article reflects the problems of border security in the Russian Far East.
Keywords: politics; security; state; border.

Пограничная безопасность есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве Российской Федерации. Являясь одним из основных направлений пограничной политики, пограничная безопасность охватывает решение широкого круга специфических проблем и обусловлена объективными обстоятельствами, основными из которых являются:

- разрушение единого пограничного пространства СССР и прежней системы обеспечения безопасности советских границ;
- радикальные изменения геополитических, социально-экономических, военно-стратегических условий существования и развития России, затрудняющие решение задач защиты границы и приграничной территории страны;
- незавершенность процесса территориального разграничения постсоветского пространства и неоформленность в международно-правовом отношении около 14 тыс. км российской государственной границы;
- осложнение оперативной обстановки на государственной границе, в ряде районов приграничной территории России и на внешних границах СНГ;
- расширение числа субъектов межгосударственных связей и коммерческих отношений;
- существенно возросший объем задач по обеспечению безопасности страны в пограничной сфере.

Пограничная безопасность взаимосвязана с другими видами национальной безопасности государства. Так, состояние экономической безопасности во многом определяет возможности обеспечения пограничной, военной и иной безопасности, в то же время само зависит от степени действенности других подсистем безопасности, включая пограничную.

Общественная безопасность тем выше, чем надежнее прикрыта государственная граница от проникновения через нее криминальных элементов, провоза контрабанды, осуществления других противоправных действий. Это, в свою очередь, влияет на эффективность решения задач пограничной безопасности.

Информационная безопасность создает предпосылки для повышения уровня пограничной безопасности и опирается, в свою очередь, на информационные возможности пограничных органов.

Самым тесным образом взаимосвязаны военная и пограничная безопасность. Пограничные подразделения, части и соединения практически всегда участвовали в обороне страны, выступая в качестве войск прикрытия. В мирное время приграничные территории в отдельных регионах могут превращаться по существу во фронтовую зону, поскольку вооруженные конфликты происходят, как правило, вблизи границ. В этой связи от степени надежности защиты государственной границы непосредственным образом зависит состояние национальной и региональной военной безопасности.

Обеспечение пограничной безопасности России диктуется ростом угроз, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами.

Наиболее существенными из них являются:

1. Расширение и активизация деятельности военно-политических блоков вблизи российских границ.

На восточном направлении наблюдается укрепление военного сотрудничества США, Японии и Южной Кореи. Проводимая на фоне демилитаризации Южно-Курильских островов реорганизация Вооруженных Сил Японии, предоставление военных баз США на севере страны ведут к их качественному превосходству над размещенной в регионе группировкой Вооруженных Сил России. В то же время маневры японских вооруженных сил имеют и антироссийскую направленность.

2. Активизация деятельности спецслужб сопредельных государств и стран НАТО. Опасность для Дальневосточном регионе представляет перспектива дальнейшего обострения межкорейских противоречий, в частности, разрастания масштабов противоборства спецслужб КНДР и Республики Корея. Как показали события, последовавшие за запуском Северной Кореей баллистических ракет и испытания атомного оружия в ноябре – марте 2016 г., следует иметь в виду активное использование обеими сторонами своих «помощников».

3. Территориальные притязания к России Японии. Общая протяженность линии разграничения морских пространств между Российской Федерацией и Японией составляет около 1002 морских миль, в том числе линии государственной границы – 105 миль (194,3 км).

Государственная граница между Россией и Японией в международно-правовом отношении не оформлена и установлена односторонними государственными актами по итогам Второй мировой войны.

До настоящего времени Япония не признает правомерность осуществления Россией суверенитета над островами Кунашир, Итуруп и Малой Курильской гряды.

Соединенные Штаты Америки. Общая протяженность линии разграничения морских пространств между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки составляет 26,5 морских миль (49,0 км)

Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств подписано 1 июня 1990 г., в соответствии с которым сторонами была достигнута и подтверждена путем обмена нотами договоренность о временном характере его применения (с 15 июня 1990 г. до момента ратификации).

Соглашение ратифицировано Сенатом Соединенных Штатов Америки 16 сентября 1991 г., согласие на временное применение Соглашения было определено Постановлением Правительства СССР от 30 мая 1990 г. № 532.

До настоящего времени Российской Федерацией данное соглашение не ратифицировано в связи с неоднозначными оценками экономических последствий Соглашения для России, и в первую очередь – по вопросам рыболовства.

В апреле 1997 г. комиссией Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации признано, что Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств в основном соответствует государственным интересам России. Материалы экспертизы направлены в аппарат Председателя Правительства Российской Федерации.

4. Сохранение локальных войн, вооруженных конфликтов и очагов нестабильности в непосредственной близости от российских границ.

5. Массовая миграция населения с сопредельных России территорий. Одним из наиболее подверженных влиянию данного фактора регионов является Дальний Восток. По имеющимся данным, в настоящее время на нашей территории осело, в том числе нелегально, значительное число китайцев. Граждане КНР приобретают в российских приграничных областях недвижимость, в частности с помощью подкупа должностных лиц, фиктивных браков, создают собственные поселения. Китайское руководство стремится создать прочные позиции на нашей территории. С этой целью активно используется экспорт рабочей силы, позволяющий КНР найти эффективное применение собственным трудовым ресурсам и снизить уровень безработицы в приграничных районах. В последнее время обозначилась тенденция использования китайскими эмигрантами территории России для транзитного следования в страны Запада.

Кроме того, одним из основных направлений деятельности спецслужб Республики Корея в Приморском крае является создание на его территории корейской автономии. Для поддержания этой идеи активизировались действия по организации переселения сюда российских корейцев из других регионов страны. Реализация данной идеи способна привести к обострению ситуации в приграничной зоне, в том числе и на этнической основе.

За последние два года в Дальневосточном регионе активизировалась националистические группировки Украины и Северного Кавказа, что также дестабилизирует обстановку в субъектах ДФО.

6. Деятельность организованных преступных группировок в пограничной зоне, рост масштабов контрабанды оружия и наркотиков, расхищение богатств России. В большинстве случаев, из Российской Федерации пытаются вывезти цветные металлы, редкоземельные элементы, горюче-смазочные материалы, промышленные товары, продукты питания, медикаменты, оружие и боеприпасы российского производства, меха, антиквариат. В Россию незаконно пытаются ввезти в основном оружие и боеприпасы, иностранного производства автомобили, наркосодержащие вещества, спиртные напитки, сигареты.

Слабая защищенность российских морских пограничных пространств на Дальнем Востоке, в южной части Берингова моря, на Каспии и других морях способствует развитию хищнической добычи морепродуктов российскими и иностранными рыбаками [1; 2]. По японским оценкам, ежегодная прибыль от незаконных сделок с морепродуктами только на Дальнем Востоке составляет более 1 млрд дол. США, которые идут на укрепление российских и японских криминальных структур [3].

Сложившиеся угрозы национальным интересам и безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве оказывают определенное влияние на обстановку на государственной границе.

В Хабаровский и Приморский края ежегодно въезжает около 80 тыс. иностранных граждан. Из-за высоких тарифов транспортных перевозок, стоимости энергоресурсов, а вследствие этого – высокой стоимости жизни, Дальневосточный регион и островную зону за последние 3 года покинуло свыше 550 тыс. российских, в основном русскоязычных, граждан.

Сложившаяся ситуация в значительной степени осложняет выполнение задач по обеспечению пограничной безопасности.

Обстановка на российско-японской границе характеризуется активизацией деятельности промысловых судов Японии в непосредственной близости от границы, усилением мер со стороны японских правоохранительных органов по борьбе с нелегальной миграцией, контрабандой оружия и наркотиков. Японские власти усилили пограничко-таможенный контроль российских судов. Увеличилось количество полетов базовой патрульной авиации над акваторией Японского моря.

В Северо-Восточном регионе обстановка определяется расширяющимися связями России с иностранными государствами и их интересом к местным природным ресурсам. Возрастает контрабандная деятельность, в которую все больше вовлекаются коммерческие структуры, члены судокоманд промысловых судов России, оказавшиеся в тяжелых материальных условиях граждане приграничья.

Обстановка в морском пограничном пространстве России характеризуется активизацией деятельности военно-морских сил зарубежных государств (систематические полеты разведывательной авиации вдоль российских территориальных вод, постоянное дежурство в этих районах судов радиотехнической разведки, патрулирование иностранных подводных лодок вдоль государственной границы и в районах боевой подготовки ВМФ, проведение учений и маневров военно-морских сил иностранных государств, в том числе с отработкой действий по высадке морских десантов, в непосредственной близости от российских берегов). В исключительной экономической зоне по-прежнему продолжаются нарушения правил промысловой деятельности.

На развитие негативных тенденций в морском пограничном пространстве России существенное влияние оказывает неурегулированность вопросов международно-договорного оформления отдельных участков морской государственной границы Российской Федерации.

Таким образом, обстановка, сложившаяся в настоящее время на государственной границе, требует принятия адекватных мер по обеспечению пограничной безопасности России.

Список источников

1. Национальная безопасность – это не только оборона // Красная Звезда. 2015. 5 февраля.
2. Усов А.В. Деятельность морской спасательной службы Дальнего Востока России в 1991–1914 гг. в контексте национальной безопасности // Революция 1905–1907 гг. в России и на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма: тезисы докл. «круглого стола», посвященного 111-летию Первой русской революции и 110-летию открытия Первой Государственной думы. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2016. С. 123-125.
3. Усов А.В. Роль морской спасательной службы в обеспечении морской безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф., 6–8 октября 2014 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 185-186.

УДК 343.13

Черкасов В.С.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В статье анализируется феномен киберпреступности. Раскрывается понятие, общественная опасность и эволюция киберпреступности как явления современного информационного общества. Особое внимание уделяется процессу становления правовой уголовной политики по борьбе с киберпреступлениями. Обосновывается, что выработка и реализация уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики является достаточно молодым явлением, что обусловливает недостаток нормативного регулирования, направленного на обеспечение эффективного противодействия киберпреступности.
Ключевые слова: киберпреступность; уголовная политика; уголовно-процессуальное право; компьютерная информация; электронные доказательства.

Cherkasov V.S.

THE FORMATION OF THE RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN COMBATING CYBERCRIMES

In the article analyzes the phenomenon of cybercrime. Reveals the concept of social danger and evolution of cybercrime as a phenomenon of the modern information society. Special attention paid to the process of becoming a legal criminal policy against cybercrime. Proved that the development and implementation of criminal and criminal procedure policy is quite young phenomenon, which leads to a lack of regulation, aimed at ensuring an effective response to cybercrime.
Keywords: cybercrime; criminal policy; criminal procedure law; computer information; electronic evidence.

В современном мире компьютеры и телекоммуникационные системы охватывают все сфере жизнедеятельности человека и государства. Подобное обстоятельство не могло быть оставлено без внимания преступников, что привело к появлению такого феномена, как киберпреступность.

Понятие киберпреступности не нашло отражения в российском законодательстве, однако было сформулировано в юридической науке. Наиболее конструктивным выглядит определение, предложенное А.Б. Николаевой и М.В. Тумбинской, которые под киберпреступностью понимают «противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированную модификацию компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ» [11].

Соглашаясь с предложенным определением, следует отметить, что к киберпреступлениям следует относить не только узкую категорию общественно опасных деяний, объектом которых является компьютерная информация, но и любое преступление, при совершении которого была использована электронно-информационная сфера (киберпространство). Из этого следует, что категория киберпреступность шире категории компьютерное преступление.

Необходимо отметить, что «первые киберпреступления были зафиксированы еще 1960-х гг., однако их объектом являлась компьютерная информация. В этот же период данные деяния были криминализированы» [7]. Как указывают

А.Б. Николаева и М.В. Тумбинская, в 1980-х гг. информационные технологии начинают использоваться для совершения общеуголовных преступлений, а с 1990-х гг. киберпреступность охватывает весь мир, что связано с повсеместным внедрением сети Интернет [11, с. 262-263].

В современном мире киберпреступность представляет серьезную угрозу обществу и государству. Чтобы подтвердить данное умозаключение обратимся к статистическим данным. Так, по результатам ежегодного исследования Norton Cybercrime Report [8], ущерб от киберпреступности за 2012 г. оценивается в 110 млрд дол. во всем мире и 2 млрд дол. в России. Всего в мире за год от киберпреступлений пострадали около 556 млн чел. При этом 1,5 млн чел. страдают от киберпреступлений в день и 18 чел. в секунду. Средний ущерб от киберпреступления на одного среднестатистического пострадавшего составляет 197 дол. Согласно исследованию, наибольшее число пострадавших от киберпреступлений по отношении к населению страны находится в России. Любопытно, что Китай занимает только второе место. Это свидетельствует о низкой информационной безопасности в России.

Любопытна динамика киберпреступности. По результатам ежегодного исследования Norton Cybercrime Report, в 2015 г. ущерб от киберпрестуности составил около 150 млдр дол. при 594 млн пострадавших от преступлений [9]. Возрастающая динамика увеличения ущерба от преступлений в электронно-информационной сфере очевидна.

В связи с тем, что киберпреступность представляет серьезную угрозу для безопасности общества и государства, возникла потребность по выработке и реализации уголовной политики, направленной на противодействие данному явлению.

Как верно указывает Р.А. Трощенко, «… в рамках уголовной политики различают политику уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную» [12, с. 109-110]. В статье будет рассматриваться процесс возникновения и развития уголовно-правовой и уголовно-процессуальной стороны.

Как было указано выше, первые нормы, устанавливающие запрет на совершение киберпреступлений, появились за границей в 1960-х гг. Когда же возникли первые уголовные правоотношения, запрещающие общественно опасные деяния в электронно-информационной сфере в России?

Как отмечает в своей работе А.Е. Маслакова, «российские правоведы уже давно ставили вопрос о необходимости законодательного закрепления правоотношений, вытекающих из различных сфер применения средств автоматической обработки информации. Первой попыткой решить его стала разработка в 1991 г. проекта Закона РСФСР «Об ответственности за правонарушения при работе с информацией», который предусматривал основания для дисциплинарной, гражданско-правовой, административной, уголовной ответственности за подобные деяния. Однако он так и не был принят главным образом из-за общей неразработанности законодательного поля в данной области права» [10]. Далее автор указывает, что «по отдельным подсчетам, за период с 1992 по июль 1995 г. было издано около 500 нормативных правовых актов по вопросам информационного законодательства, в том числе 75 – полностью посвященных информационным отношениям» [10].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что информационные правоотношения начали формироваться в России только в 1990-х гг. Более того, согласно указанной работе А.Е. Маслаковой, уголовные правоотношения, касающиеся запретов на совершение общественно опасных деяний в электронно-информационной сфере, получили свое закрепление только во вступившем в силу 1 января 1997 г. УК РФ.

В главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» получили свое закрепление следующие составы преступления: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» и ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети». С 1997 г. в данные статьи УК РФ были внесены поправки. Следует отметить, что объектом данных составов преступлений являются общественные отношения, связанные как с правомерным безопасным использованием компьютерной информации, так и с нормальным функционирование компьютерных сетей и систем.

В 2012 г. законодатель дифференцировал преступления против собственности и добавил ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» [3], что демонстрирует отношение законодателя к проблеме киберпреступности.

Если уголовное правовое поле, охватывающее электронно-информационную сферу, существует с 1997 г., то специально направленные поправки в УПК РФ, касающиеся получения и использования в качестве доказательств сведений, выраженных в электронной форме, начали приниматься только с 2010 г. Так, одной из первых новелл в 2010 г. явилось введение нового следственного действия посредством Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ [5], предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», а также связанного с этим введения нового понятие в ст. 5 п. 24.1. Далее в 2012 г., законодатель, пытаясь расширить уголовно-процессуальное правовое поле в электронно-информационной сфере, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ вводит дополнительную категорию «электронный носитель информации», что так же вносит поправки в ряд статей УПК РФ (ст. 81, 82, 119, 166, 182, 183) [6].

Далее в 2016 г. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [4] в ст. 185 УПК РФ, регламентирующую производство следственного действия «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», вводится часть 7, которая предусматривает возможность производить выемку и осмотр электронных и иных сообщений, передающихся по сетям электросвязи.

Таким образом, процесс выработки и реализации уголовной политики, направленной на борьбу с киберпреступностью, является достаточно молодым явлением. Особенно наглядно это наблюдается в области становления и развития уголовно-процессуальных отношений, связанных с получением и использованием в качестве доказательств сведений, выраженных в электронной форме. Рассмотренные уголовно-процессуальные изменения, безусловно, способствовали расширению источников доказательств, а также способов их получения, однако они не привели к существенной интеграции уголовно-процессуального права с электронно-информационной сферой. При системном анализе норм УПК РФ можно увидеть, что они не позволяют получать сведения из всех сегментов электронно-информационной сферы, что является закономерным явлением, так как попытки уголовно-процессуального регулирования данной сферы начались только в 2010 г. Думается, что законодателю необходимо ускорить процесс совершенствования уголовно-процессуальных отношений, которые регламентируют получение и использование в качестве доказательств сведений, выраженных в электронной форме, что благоприятно скажется на борьбе с киберпреступлениями.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016 № 375-ФЗ). URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.04.2017 № 60-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 2954; Российская газета. 2017. 5 апреля.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2012. 3 декабря.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Российская газета. 2016. 11 июля.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ // Российская газета. 2010. 7 июля.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Российская газета. 2012. 1 августа.
7. Всесторонее исследование проблемы киберпреступности: доклад УНП ООН / ООН. Нью-Йорк, 2013.
8. Ежегодное исследование Norton Cybercrime Report 2012. URL: http://nowstatic.norton.com/now/en/pu/images/Promotions/2012/cybercrimeReport/2012_Norton_Cybercrime_Report_Master_FINAL_050912.pdf.
9. Ежегодное исследование Norton Cybercrime Report 2015. URL: http://us.norton.com/norton-cybersecurity-insights-report-global.
10. Маслакова Е.А. История правового регулирования уголовной ответственности за компьютерные преступления // Информационное право. 2006. № 6. URL: http://www.center-bereg.ru/h1848.html.
11. Николаева А.Б., Тумбинская М.В. Киберпреступность: история развития, проблемы практики расследования. Казань, 2014. URL: http://www.computer-museum.ru/articles/?article=629.
12. Трощенко Р.А. Уголовная и уголовно-правовая политика // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. № 1.

УДК 343.9

Шабельникова Н.А.

ХУНХУЗНИЧЕСТВО КАК ОСОБЫЙ ВИД БАНДИТИЗМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920-е гг.

Статья посвящена анализу хунхузничества как особого вида бандитизма в Дальневосточном регионе в 1920-е гг. Определяются особенности хунхузничества, условно подразделявшегося на внешний – формировавшийся на территории Китая, и внутренний – формировавшийся в пределах русской части Дальнего Востока. Обобщаются методы противодействия хунхузничеству.
Ключевые слова: хунхузничество; бандитизм; преступность; Дальний Восток; правоохранительные органы; ОГПУ; НКВД.

Shabelnikova N.A.

KHUNKHUZNICHESTVO AS A PARTICULAR KIND OF BANDITRY IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1920s

This article analyzes the activity of Honghuzi as special banditry type in the Russian far East in the 1920th. Determined activity of Honghuzi particular, conventionally divided into external - were formed on the territory of China, and internal - form within the Russian part of the Far East. Activity of Honghuzi particle is Determined. Honghuzi were conditionally subdivided into external – formed in the territory of

China, and internal – formed within the Russian part of the Far East. The article summarizes the methods of counteracting Honghuzi.
Keywords: activity of Honghuzi; banditry; criminality; Far East; law-enforcement agencies; Joint State Political Directorate; People's Commissariat for Internal Affairs.

В 1920-е гг. правоохранительные органы Дальнего Востока вели активную борьбу с хунхузничеством, которое рассматривалось в качестве особого вида бандитизма. Хунхуз – в дословном переводе означает «краснобородый». В древности китайские разбойники, маскируясь, носили искусственные рыжие бороды. Хунхузничество как историческое явление уходит корнями в далекие глубины китайской истории. По некоторым данным, оно возникло как одно из ответвлений знаменитой тайной секты «Белый лотос» [8, с. 42].

Хунхузы появились в Уссурийском крае задолго до заключения Пекинского договора. На острове Аскольд, расположенном недалеко от Владивостока, несколько сот хунхузов хищническим путем добывали золото. В самом Владивостоке хунхузов не было, но по причине близости границы с Китаем они ежегодно посещали русские поселки. Хунхузничество, в силу климатических условий, уменьшалось зимой и усиливалось летом, в связи со сбором опийного мака, являющегося для них важнейшим источником существования [3, ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 150 об.].

Хунхузничество порождало другие виды преступлений, такие как грабежи, контрабанда, опиекурение. В период существования ДВР организация борьбы с преступностью зависела от действующих правительств. Шайки хунхузов были союзниками Меркулова и Дитерихса, а притоны опиекурения, азартных игр, банковок, проституции поощрялись, так как являлись одной из доходных статей правительств. При отсутствии власти в губерниях царили бандитизм и хунхузничество, «уголовный элемент свободно гастролировал по всем местам, где только возможен был заработок». Такое положение способствовало росту преступности [2, ф. 1119, оп. 1, д. 13, л. 63].

Главными объектами деятельности хунхузов были золотые прииски. Хунхузами совершались различные насильственные действия в виде пыток в отношении рабочих и служащих на приисках с целью заставить указать местонахождение золота. Практиковался также и увод граждан в целях получения выкупа. 17 апреля 1922 г. большая вооруженная группа хунхузов напала на прииск «Некля», разграбила контору, забрав большое количество золота. Оказав вооруженное сопротивление работникам милиции, сожгла служебное помещение милиции. Во время перестрелки хунхузами были убиты управляющий приском Наневич, фельдшер Голанд, волостной милиционер Иванов [5, ф. 2422, оп. 1, д. 997, л. 1].

В Амурской области нападения на прииски неоднократно осуществлялись бандой под командованием хунхуза Фу И. В конце 1922 г. в отдел управления Дальревкома поступила шифровка, посланная Амурским губкомом РКП(б): «В районе села Малая Тыгда объявилась крупная хунхузническая группировка силой до батальона. Возглавляет ее Фу И – хунхуз опытный, бывалый, хорошо знакомый амурцам по предыдущим рейдам на прииски. И что особенно тревожно – помощником у Фу И – русский есаул Жадов». Тревога, высказанная в шифровке, была обоснованной, так как и Фу И, и Жадов отличались особой жестокостью. В шифровке предлагалось для ликвидации банды сформировать специальный эскадрон. Такой эскадрон был сформирован и направлен в район действия банды. Однако на первом этапе разгромить банду не удалось; сломив сопротивление небольшой группы милиционеров и чоновцев и ограбив село Овсянку, банда ушла в тайгу. Не дожидаясь прибытия из Владивостока специального эскадрона для борьбы с бандой, Амурский губком РКП(б) сформировал ЧОН и сводный отряд зейской милиции. Общее руководство операцией по ликвида-

ции банды было возложено на начальника Зейской уездной милиции Георгия Владимировича Зацермана. В решающем сражении с бандитами большую помощь оказал специальный эскадрон ГПУ под командованием Г. Крикотина. Комиссаром этого эскадрона по счастливому совпадению оказался родной брат Георгия Зацермана – Даниэль. Окончательный разгром банды произошел через год при переправе ее через реку Гилюй [10, с. 119].

Убыток в 30 000 руб. был нанесен в результате ограбления в 1925 г. прииска Дамбуки Свободненского уезда Амурской губернии, где банда хунхузов в количестве 50-ти чел. ограбила банк, кооператив, лавки частных торговцев и, забрав 8 лошадей, ушла в тайгу. В том же году хунхузами были ограблены прииски «Нюкжа», «Малая Тыгда», «Теликан», касса «Дальзолото» и кооператив в поселке Теликан на 4 000 руб. [3, ф. 393, оп. 2, д. 29, л. 183]. В ночь на 18 января 1925 г. шайкой вооруженных хунхузов в количестве до 150 чел. было произведено нападение на село Доброе Завитинского уезда Амурской губернии. Преступники похитили у крестьян 53 лошади и награбили имущества на сумму свыше 11 000 руб. [3, ф. 393, оп. 2, д. 29, л. 78].

В качестве профилактических мер приискового бандитизма руководством Дальневосточной области обращалось внимание на необходимость организации ведомственной милиции. В приисковых районах вели деятельность банды, имеющие как случайный, так и постоянный характер. Предполагалось, что содержание ведомственной милиции обойдется не дороже суммы ценностей, попадающих в руки грабителей [3, ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 184-185].

В некоторых местах население, не в силах бороться с хунхузами, было вынуждено платить им дань. Боясь репрессий со стороны хунхузов, население никогда не давало о них сведений, что затрудняло борьбу с бандитами. В целом, численность хунхузов достигала десятки тысяч человек. Так, у китайско-русской границы Хунчунь-Пограничная, протяженностью в 200 километров, в 1920–1922 гг. постоянно находилось более 11 000 хунхузов, действовавших на китайской и русской территориях. На русской территории Дальнего Востока хунхузничество в основном было развито на Амуре и в Приморье. Например, в Сучане (Приморской губернии) в 1923 г. действовала банда хунхузов, численность которой достигала 500 чел. В Забайкалье оно было редким явлением, и если проявлялось, то в смежных с Амурской областью (губернией) уездах [3, ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 203].

В основном деятельность банд хунхузов носила преимущественно уголовный характер. Были случаи, когда банды убивали должностных лиц, брали в плен и расстреливали людей, грабили сельские комитеты и сельсоветы. Но даже в тех случаях, когда во главе хунхузских банд стояли белые эмигранты, совершение террористических актов против представителей власти было лишь попутным проявлением их деятельности, основная же – грабеж, разбой и убийства [3, ф. 393, оп. 66, д. 39, л. 206].

Вначале хунхузы редко прибегали к убийствам. Обычно они забирали зажиточных людей в плен и требовали выкуп или облагали данью население или предприятие, и только в случае невыполнения их требований жестоко убивали заложников, производили налет на непокорное селение, убивая жителей и сжигая дома. В Приморье в июне 1923 г. большой отряд хунхузов совершал набеги на Ханкайский район и захватывал в плен красноармейцев. После жестоких пыток бандиты отрубали пленным головы и выставляли тела на базарной площади в приграничном селении на устрашение русским [1, л. 25]. Из доклада старшего милиционера Ханкайской волости Горнова стало известно о нападении 21 февраля 1924 г. на село Жариково отряда китайских хунхузов в количестве 200 чел. Ими было убито 9 чел., сожжено 9 домов в поселке Комиссаровском, уведено 200 лошадей [1, л. 384].

Весной и осенью во время сева и сбора мака хунхузничество резко усиливалось. Все попадавшиеся на пути поселки хунхузы разрушали, у крестьян отбирали имущество, угоняли табуны лошадей, убивали мирных жителей, пытавшихся помешать грабежу. Многочисленные материалы судебных процессов свидетельствуют о страшных истязаниях, которым подвергались местные жители: ножевые, колотые и резаные раны, вбивание гвоздей под ногти, пытки огнем, отрезание ушей, переломы костей [3, ф. 1235, оп. 107, д. 301, л. 25].

В течение лета 1923 г. на китайской границе наблюдалось усиление хунхузнического движения. О масштабах этого вида организованного бандитизма, а также о его опасности можно судить по отчету начальника Спасской уездногородской милиции В.И. Левчука. Хунхузническое движение, писал он, особенно усилилось летом 1923 года на китайской границе в трех пунктах: в Старой крепости, именуемой «Пеньки», местности под названием «Мост Аркой» и близ города Имана. Хунхузов здесь находилось свыше пятисот человек. Они имели военную организацию с командным составом и хорошее вооружение. Предводитель одной из банд Чан-до-лин прислал в город Спасск с письмами своего помощника, командира 3-го полка и начальника штаба. В письмах содержались требования сбора денежного взноса в пользу банды торговцами и китайцами в размере 11 тыс. руб. В случае неуплаты бандиты грозились захватить город Спасск. Для борьбы с хунхузами был образован «летучий отряд» в составе органов ГПУ и милиции. В результате боевых действий произошла не только частичная ликвидация бандитских формирований, но и выселено на китайскую территорию до 600 хунхузов, засеявших в Приханкайском районе до 150 десятин мака, а также уничтожены более 200 фанз, выстроенных китайцами вблизи маковых полей [7, с. 58]. Разбойничьи налеты на села Приханкайской долины под руководством китайских офицеров возобновились весной 1924 г. В результате налетов десятки мирных жителей были убиты и зверски замучены, убытки крестьян составили 59 тыс. руб. [3, ф. 1235, оп. 101, д. 227, л. 21-22].

Необходимую помощь милиции при ликвидации наиболее опасных хунхузских банд оказывали органы ГПУ. Управления губернских, городских и уездных милиций для борьбы с бандами хунхузов создавали из работников милиции и ЧОНа специальные отряды и оперативные группы. Однако и в этом случае не исключалась оперативная работа уголовного розыска и милиции. Например, банду хунхузов, оперирующую в начале 1920-х гг. в бассейне реки Чертановки, самостоятельно ликвидировал уголовный розыск никольск-уссурийской милиции [9, с. 140]. Всего за период с 20 декабря 1922 г. по 20 декабря 1923 г. в Никольск-Уссурийском уезде Приморской губернии действовали 22 банды, 2 дезертирские группы и 2 организации по скупке и сбыту оружия за границу. По характеру деятельности банды подразделялись на уголовно-политические, уголовные и хунхузнические шайки, которые также имели уголовный характер [4, ф. 58, оп. 3, д. 2, л. 9]. В конце 1923 – начале 1924 г. в Приморской губернии и на границе действовало до 11 банд, насчитывающих в своих рядах до 500–600 чел. Из них банда Овечкина имела политические цели, остальные представляли собой «заурядные хунхузнические шайки, преследующие чисто уголовные цели». В этом отношении особо выделялись Ольгинский район и ст. Угольная [2, ф.п. 61, оп. 1, д. 261, л. 32].

По данным оперативных сводок за 1924 г., имели место факты противостояния немногочисленных милицейских подразделений организованным бандам хунхузов. Так, в июле 1924 г. чугуевская волостная милиция вела борьбу против банды хунхузов численностью 15 чел. [1, л. 156]. В октябре 1924 г. в район села Прокопьевка был послан небольшой отряд под руководством младшего милиционера Иванова. Отряд преследовал банду в направлении китайской границы. 27 октября отряд встретился с бандой и вступил с ней в перестрелку, в которой

был ранен один из бандитов. Отступая и унося раненого, банда скрылась в районе пади Чажегово, где был корейский поселок. В поселке бандиты переоделись, чтобы их не узнали. Однако еще в перестрелке Иванов захватил полушубок раненого бандита, который был пробит пулей. Иванов стал опрашивать женщин, живущих в корейских фанзах, чей это полушубок. Одна из женщин узнала полушубок мужа. Узнав, где находится фанза, Иванов обнаружил в ней и раненого бандита по имени Ким Сог Хо. В результате оперативных действий вскоре в этом же поселке были обнаружены и остальные бандиты [1, л. 317-318].

Наряду с ликвидационными мерами, которые применялись по отношению к бандитским группировкам, в отношении хунхузов использовалась еще и другая тактика, а именно: во-первых, учитывая то обстоятельство, что китайское население само заинтересовано в ликвидации хунхузских шаек, было разрешено создание при китайских обществах особых команд китайских милиционеров, существующих на средства самого общества; во-вторых, практиковалась высылка китайцев, не имеющих определенных занятий, за пределы Приморья [2, ф.п. 61, оп. 1, д. 261, л. 29].

Инициатором в выработке действенных путей в борьбе с хунхузничеством явилась милиция Приморья. Для выяснения численности хунхузнических банд, их внутреннего строения и ближайших намерений в селах пограничной полосы работниками милиции были организованы ячейки «охотников», которые собирали необходимые сведения для милиции. После проведения этой подготовительной работы в глухих таежных местах, на путях возможного продвижения хунхузов, оборудовались специальные базы, в которых укрывались работники милиции вместе с местными «охотниками». В бою с хунхузами, всегда превышающими по численности отряды милиции, истребительные группы в количестве 5–8 чел. постоянно добивались успехов. Так, к концу осени 1925 г. таким путем в Приморье было ликвидировано 11 банд и уничтожено, взято в плен более 90 чел. хунхузов. При такой организации борьбы с хунхузничеством удалось избежать потерь со стороны работников милиции, исключение составил один раненый «охотник» [6, с. 74-75].

Распространение опыта Приморского уголовного розыска выразилось в создании на Дальнем Востоке, главным образом, в сельской местности в 1926 и 1927 гг. особых секретных отделов, не дублирующих функции волостных милиций. Основной задачей секретных отделов являлась борьба с бандитизмом. При краевом и губернском уголовных розысках были созданы специальные активные группы по руководству деятельностью отрядов, занятых борьбой с вооруженными формированиями и уголовными бандами [11, с. 71].

Таким образом, хунхузничество как особый вид бандитизма, свойственный только Дальневосточному региону, имел некоторые особенности: хунхузы были хорошо вооружены и многочисленны. Они действовали особенно активно в Маньчжурии, а также в приграничных районах русского Дальнего Востока. Хунхузничество как особый вид бандитизма, как и бандитизм в целом, условно подразделяется на внешний – формировавшийся на территории Китая, и внутренний – формировавшийся в пределах русской части Дальнего Востока. Внутреннее хунхузничество формировалось, как правило, в периоды непосредственного сбора опиума, корня женьшеня и окончания сезона на золотых приисках. Правоохранительные органы Дальнего Востока в 1920-е гг. применяли различные меры по противодействию хунхузничеству. Наряду с ликвидационными мерами, в отношении хунхузов использовалась еще и другая тактика, а именно: создание при китайских обществах особых команд китайских милиционеров, участвующих в ликвидации банд, и высылка китайцев, не имеющих определенных занятий, за пределы Приморья.

Список источников
1. Архив УВД Приморского края. Исторический фонд.
2. Государственный архив Приморского края.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Государственный архив Хабаровского края.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
6. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917–1925 гг.). Хабаровск: Хабаровская высшая школа СССР, 1989. 90 с.
7. Красный милиционер Приморья. Владивосток, 1924.
8. Сухачева Г.А. Дореволюционная литература о хунхузах в России // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С. 40-46.
9. Ходасевич А.П. Милиция таежного края. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 160 с.
10. Ходасевич А.П. С. Отблеск истории: книга очерков о дальневосточной милиции. Хабаровск: Упринформпечать, 1993. 208 с.
11. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы: монография. М.: Проспект, 2016. 144 с.

УДК 343.9+94(41/99)

Шлома В.В.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматривается исторический аспект появления криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, приводятся мнения отечественных ученых о данной понятийной категории.
Ключевые слова: исторический аспект развития; криминалистическая характеристика преступления; методика расследования.

Shloma V.V.

THE HISTORY OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A CRIME

This article is about the historical aspect of criminological characteristics of some categories of crimes, different opinions of Russian scientists concerning (about) this conceptual category are put forward.
Keywords: historical aspect of development; criminological characteristic of a crime; methods of investigation.

Рассматривая исторический аспект развития мер по противодействию распространению и борьбы с преступностью, можно отметить закономерную тенденцию. Она направлена на изучение новых способов совершения преступлений и разработку способов противодействия и собирания доказательств по уже совершенным преступлениям. Доскональное изучение новых способов и качественная разработка новых приемов борьбы и противодействия преступности являются одним из ключевых факторов в обеспечении неотвратимости наказания как одного из принципов, уголовного права Российской Федерации. Для достижения поставленных целей необходимы определенные меры, например, продолжение развития частных методик расследования совершенных преступлений и их научных обоснований как составляющих криминалистики.

Представляется, что для полноценного раскрытия понятия криминалистической характеристики преступлений следует изучить исторический процесс возникновения криминалистической методики расследования преступлений и ее частные позиции в отдельности.

Криминалистические методы появились в связи с необходимостью осуществления деятельности, направленной на выявление, раскрытие, расследование преступлений, и в конечном итоге законного принятия обоснованного решения судом. Первые сведения об описанной деятельности упоминаются в религиозных источниках: Ветхом и Новом заветах, Авесте, Коране. Также подобные сведения содержатся в источниках древнего права различных стран: Древнего Рима, Греции, Китая, европейских стран [3, с. 67].

Преступность, как и право в целом, имеет тысячелетнюю историю развития. Преступность постоянно, на протяжении многих веков проникала во все слои общества и его сферы. Начиная с XVII в., в работах по уголовному судопроизводству появляются рекомендации о привлечении к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел лиц, сведущих в распознавании ядов и сличении почерков, обладающих медицинскими и другими специальными познаниями. В XVIII в. были предприняты первые попытки обобщения отечественной судебной практики.

Эффективность и качество работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью оставались, однако, низкими, так как государственные служащие не имели специальной подготовки, необходимой для достижения целей уголовного судопроизводства, а приемы розыска преступников и доказывания их вины в суде основывались только на житейском опыте. Полиции, следователям и судьям для достижения объективной истины по уголовным делам требовались глубокие знания современных законов, познания в области медицины, химии, техники и различных ремесел [7].

В постреволюционный период развитие советской криминалистики большей частью проходило по пути, направленном на перевод зарубежной литературы, а также внедрение методов и способов, позаимствованных из других областей науки и техники и их притирка к требованиям науки криминалистики [5, с. 55].

Для военного периода характерно развитие технико-криминалистической экспертизы документов, что обусловлено большим количеством поддельных документов (документы, связанные с выдачей продовольствия и хозяйственных товаров, личные документы). Следует отметить высокий уровень подделки документов, выдаваемых разведчикам и диверсантам, при отправлении в тыл и внедрении в ряды Красной армии. Возросли требования к баллистической экспертизе, как тогда, так и сейчас основной задачей этого вида экспертиз является криминалистическая идентификация. Разрабатывались методики расследования преступлений против военной службы и государства [1, с. 98].

Интерес отечественных ученых к криминалистической характеристике преступлений появился во второй половине XX в. Так, исследования, направленные на формирование основных направлений криминалистической характеристики преступлений, ведутся с 60-70-х гг. прошлого столетия.

До этого периода в криминалистике использовалась уголовно-процессуальная категория – «обстоятельства подлежащие доказыванию», которая систематизировала признаки и особенности преступления [6].

Основоположниками криминалистической характеристики преступлений явились такие авторы, как Л.А. Сергеев, А.Н. Колесниченко, С.П. Митричев.

Одним из первых ученых, упомянувших о криминалистической характеристике преступлений, был А.Н. Колесниченко (употребил это выражение в автореферате своей докторской диссертации). Он полагал, что ключевым положением, характерным для всех методик расследования отдельных видов преступле-

ний, является «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений…» [4, с. 10, 14].

Первым объемное определение данной категории дал Л.А. Сергеев. Он внес в состав криминалистической характеристики преступления: способы совершения преступления; условия, в которых совершаются преступления и особенности обстановки; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений; связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между вышеуказанными группами обстоятельств [2].

Сама по себе криминалистическая характеристика преступлений – значимая индивидуальная область криминалистики, которая имеет свою научно и практически обоснованную базу, поскольку является не только научно разработанной теорией, но и практически применима при расследовании преступлений различной направленности.

Криминалистическая характеристика преступления весьма значима на начальном этапе расследования, когда наблюдается нехватка информации о расследуемом притуплении.

Однако мнения ученых относительно данной категории расходятся. Так, Р.С. Белкин, считал, что она «представляет собой абстрактное научное понятие, и именно в этом качестве она фигурирует в криминалистической науке» [2].

Одним из первых отечественных криминалистов, исследовавших подлог документа, был И.Н. Якимов, он не дал определения криминалистической характеристике, но дал описание ее структурных элементов: предмета преступления и способа совершения преступления [8, с. 168-188].

Таким образом, мы видим различный подход к определению понятия криминалистической характеристики преступлений, существующий в отечественной криминалистике. Однако, следует отметить, что основные ее структурные элементы обозначены достаточно четко и лаконично, кардинальных разногласий в этом вопросе у ведущих отечественных криминалистов не просматривается.

Представляется, что все-таки следует считать криминалистическую характеристику преступлений важным и полноценным структурным элементом, составляющим более широкое понятие, – частную методику расследования преступлений.

Список источников

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
3. Гусаков А.Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993.
4. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
5. Курапка В.Э., Малевски Г., Матулене С. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях //Вестник криминалистики. 2005. № 14.
6. Кыдыралиева А.К. Понятие криминалистической характеристики и ее значение в методике расследования отдельных видов преступлений / Юридическая академия «Фемида», Казахстан. URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2009/Pravo/44271.doc.htm
7. Тхакохов А.А. История зарождения и развития учения о криминалистической характеристике преступления // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 628-631.
8. Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003.

УДК 351.749

Якубец А.А.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИЯХ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье предпринята попытка охарактеризовать деятельность органов внутренних дел Российской Федерации на территории опережающего социально-экономического развития. Анализируется роль и значение органов внутренних дел в процессе функционирования территорий. С учетом анализа действующих нормативных правовых актов делается вывод о том, что органы внутренних дел, в лице специальных подразделений, которые могут быть созданы на территории опережающего социально-экономического развития, смогут существенно повлиять на финансовую дисциплину указанных территорий и положительно скажутся на состоянии инвестиционного климата в стране.
Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития; бюджеты бюджетной системы; инвесторы; органы внутренних дел; законность.

Yakubets A. A.

TO THE QUESTION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION ON TERRITORIES OF ADVANCING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

The article attempts to describe the activities of internal Affairs bodies of the Russian Federation on the territory of advancing socio-economic development. Examines the role and importance of bodies of internal Affairs in the functioning of the territories. Based on the analysis of existing regulations, it is concluded that the internal Affairs bodies, in the face of special units that can be created on the territory of advancing socio-economic development, can significantly affect the financial discipline of the specified territories and have a positive impact on the state of the investment climate in the country.
Keywords: the territory of advancing socio-economic development; budget systems; investors; bodies of internal Affairs; the rule of law.

Анализируя происходящие в последние годы в нашем государстве юридические явления, все больше начинаешь понимать принципиальный вывод классиков о том, что «экономика – первична, право – вторично». Особенно ярко указанное правило проявило себя в том, что одним из направлений современной финансово-экономической политики Российского государства является выведение страны в целом и ее субъектов из кризисного состояния, а также формирование стабильной экономической ситуации. Отсюда, стратегической задачей изменения существующей системы должен стать переход на инновационный этап развития экономики, который сформирует дополнительные механизмы, учитывающие особенности экономического, научного и природного потенциала регионов. Одним из таких инструментов можно назвать институт территорий опережающего социально-экономического развития, созданный и введенный в действие по поручению Президента Российской Федерации Федеральным законом № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [1], вступавшим в силу 30 марта 2015 г.

Хотелось бы отметить важную особенность указанного закона. Согласно ч. 1 ст. 35, территории опережающего социально-экономического развития сначала должны создаваться в субъектах РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а по истечении трех лет – на территориях остальных субъектов РФ.

Создание и функционирование территорий опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации является перспективным направлением для привлечения инвестиций, активизации предпринимательского потенциала, повышения конкурентоспособности нашего государства на мировой арене. Осуществление предпринимательской деятельности в их пределах предполагает предоставление хозяйствующим субъектам ряд преимуществ финансово-правового характера: государственное финансирование инфраструктуры, финансовые гарантии, государственные и муниципальные преференции, льготы по уплате налогов и страховых взносов и др.

Преимущества рассматриваемых территорий особенно заметны в настоящее время, так как введение санкций со стороны зарубежных государств, вызывало серьезное давление на состояние дел в национальной экономике и увеличение дефицита консолидированного бюджета Российской Федерации. Для примера, по оценке Министерства финансов РФ, дефицит бюджета РФ за январь–март составил 1,4 % ВВП, или 274,2 млрд руб. [3]. Указанное обстоятельство «заставляет» отдать предпочтение финансированию территорий, в том числе за счет объединения государственных и частных финансов.

Поэтому в обозначенных условиях возникает необходимость не только в обеспечении действенного контроля за целевым использованием денежных средств федерального, региональных и муниципальных бюджетов, но и средств частных инвесторов.

По данным компании «A.T Kearney», которая, исходя из анализа экономических, политических факторов и учитывая при этом состояние правового регулирования вопросов инвестиционной деятельности в стране, публикует рейтинг самых привлекательных для инвестиций стран мира, не включила в 2016 г. Российскую Федерацию в 25 самых привлекательных для инвесторов государств [2]. Одной из причин, не позволяющих России войти в этот рейтинг, является неопределенность в отношении выхода экономики из кризиса. Действительно, кризис серьезно ударил по состоянию экономики в нашей стране, но при всем этом, на наш взгляд, нельзя не учитывать и другие факторы, непосредственно влияющие на «желание» инвестора вложить свой капитал в проекты на территории другого государства.

Одним из таких факторов, влияющих на инвестиционный климат, является уровень защищенности интересов инвестора, что напрямую связано с состоянием правопорядка в стране и обеспечением принципа законности. Следовательно, перед всеми правоохранительными органами, в том числе и органами внутренних дел, которые находятся во взаимодействии с другими органами исполнительной власти, ставятся задачи по проведению превентивных (профилактических) мер, связанных с хищениями и злоупотреблениями в рассматриваемой области.

Эти обстоятельства могут послужить основой для рассмотрения органов внутренних дел в новом качестве, т.е. как одного из главных участников, деятельность которого непосредственно направлена на защиту имущественных прав и законных интересов инвестора.

Ведь не секрет, что для многих граждан функции органов внутренних дел отождествляются в основном с выполнением обязанностей по охране общественного порядка или с борьбой с так называемой общеуголовной преступностью. Это не совсем так, поскольку органы внутренних дел обладают важными инструментами правового и неправового характера по выявлению, пресечению

и предупреждению правонарушений в финансовой сфере, что положительно сказывается на укреплении законности в целом и на инвестиционном климате в частности.

Органы внутренних дел Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 22 рассматриваемого закона осуществляют свои полномочия на территории опережающего социально-экономического развития в соответствии с законодательством Российской Федерации и с учетом положений рассматриваемого закона. Законодатель не создает этой нормой ничего нового, а лишь определяет правовые основы деятельности органов внутренних дел на рассматриваемой нами территории. Однако при детальном анализе ч. 2 ст. 22 этого же закона можно сделать вывод о поистине новом витке в структурном развитии органов внутренних дел, так как обозначенная норма устанавливает, что полномочия федеральных органов исполнительной власти на территории опережающего социально-экономического развития могут осуществляться специально созданными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, уполномоченными в сфере внутренних дел.

Пока не совсем понятен «замысел» законодателя. Что именно он понимает под специально созданными на территории опережающего социально-экономического развития подразделениями федеральных органов исполнительной власти, уполномоченными в сфере внутренних дел? Отсутствие конкретизации в норме создает проблему для органов внутренних дел практического характера: о статусе, структуре специальных подразделений, границе их деятельности и др. Следовательно, для разрешения этих проблем необходимо принятие нормативного правового акта.

Вместе с тем закрепленное правило законодателя о создании специальных подразделений органов внутренних дел на территории опережающего социально-экономического развития можно назвать положительным, так как присутствие особых структур, со свойственными им характером функционирования, по нашему мнению, скажется на финансово-правовой дисциплине таких территорий. И, что самое главное, непосредственным образом повлияет на защищенность иностранных инвестиций, степень участия которых в общем объеме финансирования, по словам полпреда Президента РФ в ДФО Юрия Трутнева, сегодня «составляет более 30 процентов» [4].

Решение указанной проблемы и проработка теоретических положений относительно функционирования органов внутренних дел на территориях опережающего социально-экономического развития поможет обеспечить финансовую дисциплину, защитить как публичных, так и частных инвесторов.

Список источников

1. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2014. 31 декабря.
2. Кравченко Е. Россия не вошла в топ-25 стран, привлекательных для инвестиций // Ведомости. 2016. 12 мая.
3. Медведев оценил уровень дефицита бюджета и госдолг// Официальный сайт сетевого издания «РИА Новости». URL: https://ria.ru/economy/20170417/1492413704.html (дата обращения: 19.04.2017).
4. 25 млрд долларов инвестиций получил Дальний Восток за два года // Официальный сайт Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=5111 (дата обращения: 15.04.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авилов Роман Сергеевич, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук.

Avilov Roman Sergeevich, researcher of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, *kandidat nauk,* degree in History.

Агапов Вадим Львович, доцент кафедры Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук.

Agapov Vadim Lvovich, chair associate professor of the Far Eastern Federal University, *kandidat nauk,* degree in History.

Анисимов Александр Леонидович, профессор кафедры Дальневосточного института (Филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор исторических наук, профессор.

Anisimov Alexander Leonidovich, chair professor of the Far Eastern Institute of the All-Russian State University of Justice, Doctor of History, Professor.

Анисин Александр Леонидович, доцент кафедры Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор философских наук.

Anisin Alexander Leonidovich, chair associate professor of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Philosophical.

Бакшутов Сергей Николаевич, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

Bakshutov Sergey Nikolaevich, head of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk,* degree in History.

Бибик Евгения Евгеньевна, ассистент кафедры Амурского государственного университета, магистр филологии.

Bibik Yevgenia Yevgenievna, assistant of the chair of the Amur State University, Master of Philology.

Бучко Николай Петрович, доцент кафедры Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук.

Buchko Nikolay Petrovich, chair associate professor of the Far Eastern Federal University, *kandidat nauk*, degree in History.

Ван Юе, преподаватель Муданьцзянского педагогического университета *(КНР).*

Wang Yue, lecturer of the Mudanjiang Pedagogical University.

Ващук Ангелина Сергеевна, заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор.

Vashchuk Angelina Sergeevna, head of the department of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, Doctor of History, Professor.

Виноградов Андрей Михайлович, аспирант Дальневосточного федерального университета.

Vinogradov Andrei Mikhailovich, post graduate of the Far Eastern Federal University.

Виноградов Павел Валентинович, доцент кафедры Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат исторических наук.

Vinogradov Pavel Valentinovich, chair associate professor of the branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, *kandidat nauk*, degree in History.

Витрук Генрих Константинович, независимый исследователь.

Vitruk Genry Konstantinovich, independent researcher.

Власов Сергей Александрович, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук.

Vlasov Sergey Aleksandrovich, senior researcher of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, *kandidat nauk*, degree in History.

Волгина Татьяна Львовна, доцент кафедры Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

Volgina Tatyana Lvovna, chair associate professor of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk,* degree in Medicine, Associate Professor.

Галлямова Людмила Ивановна, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор.

Galliamova Lyudmila Ivanovna, deputy director of the Institute of history, frcheology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, Doctor of History, Professor.

Дворецкая Татьяна Александровна, аспирант Дальневосточного федерального университета, магистр истории.

Dvoretskaya Tatyana Aleksandrovna, post graduate of the Far Eastern Federal University, Master of History.

Дударёнок Светлана Михайловна, Дальневосточный федеральный университет, доктор исторических наук, профессор.

Dudarjonok Svetlana Mikhaylovna, Far Eastern Federal University, Doctor of History, Professor.

Ерохина Людмила Дмитриевна, профессор кафедры Дальневосточного федерального университета, кандидат философских наук, доцент.

Erokhina Lyudmila Dmitrievna, chair professor of the Far Eastern Federal University, *kandidat nauk,* degree in Philosophy, Associate Professor.

Жадан Александр Владимирович, старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Zhadan Aleksandr Vladimirovich, senior lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Жигалова Мария Петровна, доцент кафедры Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации.

Zhigalova Mariya Petrovna, chair associate professor of the Brest State University named after A.S. Pushkin, Doctor of Pedagogy, Associate Professor.

Забелов Артем Юрьевич, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Zabelov Artem Yurevich, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Заколодная Анна Сергеевна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Zakolodnaya Anna Sergeyevna, junior researcher of the Institute of history, frcheology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts.

Земдиханов Вячеслав Алексеевич, преподаватель Дальневосточного федерального университета, магистр истории.

Zemlyanov Vyacheslav Alekseevich, lecturer of the Far Eastern Federal University, Master of History.

Иерей Георгий Ибрагимов, настоятель прихода святителя Николая Хабаровской епархии Русской православной церкви.

Priest George Ibragimov, superior parish of the prelate Nikolauy of the Khabarovsk diocese of Russian Orthodox Church.

Имтосими Валентина Петровна, Международный театр-музей русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли.

Imtosimi Valentine Petrovna, International Theater-Museum of Russian Emigration named after Anna Smirnova-Marli.

Казачун Галина Александровна, Дальневосточный федеральный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Kazachun Galina Alexandrovna, Far Eastern Federal University, *kandidat nauk,* degree in History, Associate Professor.

Каневская Галина Ивановна, Дальневосточный федеральный университет, доктор исторических наук, профессор.

Kanevskaya Galina Ivanovna, Far Eastern Federal University, Doctor of History, Professor.

Кораблин Константин Климентьевич, профессор кафедры Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор.

Korablin Konstantin Klimentyevich, chair professor of the Pasific National University, *kandidat nauk*, degree in Law, Professor.

Крупа Татьяна Альбертовна, Дальневосточный федеральный университет, кандидат социологических наук, доцент.

Krupa Tatiana Albertovna, Far Eastern Federal University, *kandidat nauk*, degree in Sociology, Associate Professor.

Кузнецов Дмитрий Владиславович, доцент кафедры Благовещенского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Kuznetzov Dmitriy Vladislavovich, chair associate professor of the Blagoveschensk State Pedagogical University, *kandidat nauk,* degree in History, Associate Professor.

Куликова Кристина Александровна, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Kulikova Kristina Alexandrovna, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Куманев Дмитрий Сергеевич, старший преподаватель Дальневосточного федерального университета.

Kumanev Dmitriy Sergeevich, senior lecturer of the Far Eastern Federal University.

Куманева Ирина Петровна, ассистент департамента Дальневосточного федерального университета.

Kumaneva Irina Petrovna, assistant of the department of the Far Eastern Federal University

Ларкина Людмила Леонидовна, главный редактор журнала «Австралийская лампада»; член Ассоциации австралийских авторов; член Международной гильдии писателей; член «Международного союза писателей «Новый современник» *(Австралия).*

Larkina Lyudmila Leonidovna, editorial-in-chief of the magazine «The Australian Icon Lamp».

Макаренко Василий Геннадьевич, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук.

Makarenko Vasily Gennadievich, senior researcher of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, *kandidat nauk,* degree in History.

Манчев Владимир Симеонович, главный ассистент (старший преподаватель) Софийского университета им. Св. Климента Охридского, кандидат филологических наук *(Болгария).*

Manchev Vladimir Simeonovich, chief assistant (senior lecturer) of the Sofia University named after St. Kliment Ohridski, *kandidat nauk,* degree in Philology.

Массов Александр Яковлевич, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор исторических наук, профессор.

Massov Alexander Yakovlevich, chair head of the State Marine Technical University, Doctor of History, Professor.

Милежик Алексей Викторович, доцент кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

Milezhik Alexey Viktorovich, chair associate professor of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk,* Degree in History.

Моисеева Любовь Андреевна, профессор кафедры Дальневосточного государственного института искусств, доктор исторических наук, профессор.

Moiseeva Lubov Andreevna, chair professor of the Far Eastern State Institute of Arts, Doctor of History, Professor.

Муратов Михаил Александрович, аспирант Дальневосточного федерального университета.

Muratov Mikhail Alexandrovich, post graduate of the Far Eastern Federal University.

Нуриев Ибиамин Нуру-оглы, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Nuriev Ibiamin Nuru-ogly, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Орнацкая Татьяна Александровна, докторант Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук.

Ornatskaya Tatyana Aleksandrovna, doctoral candidate of the Far Eastern Federal University, kandidat nauk, Degree in History.

Островская Ольга Петровна, ведущий юрисконсульт Находкинского филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ostrovskaya Olga Petrovna, leading legal adviser of the Nakhodka branch of the Vladivostok State University Economics and Service.

Паршуков Владимир Александрович, независимый исследователь.

Parshukov Vladimir Alexandrovich, independent researcher.

Позняк Татьяна Зиновьевна, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук.

Poznyak Tatyana Zinovyevna, senior researcher of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, *kandidat nauk,* degree in History.

Полищук Елена Вячеславовна, курсант Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России.

Polishchuk Elena Vyacheslavovna, cadet of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Полчанинов Ростислав Владимирович, Русский клуб США *(США).*

Polchaninov Rostislav Vladimirovich, Russian Club of the USA.

Портнягин Александр Дмитриевич, руководитель научно-исторического центра при Международном театре-музее русской эмиграции им. Анны Смирновой-Марли, доктор политических и экономических наук, профессор.

Portntagin Aleksandr Dmitriyevich, head of the scientific and historical center of the International Theater-Museum of Russian Emigration named after Anna Smirnova-Marli, Doctor of Political and Economic, Professor.

Романова Ирина Ивановна, научный сотрудник Музейного центра «Наследие Чукотки».

Romanova Irina Ivanovna, researcher of the Museum Center «Heritage of Chukotka».

Романовский Вячеслав Константинович, заведующий кафедрой Нижегородского института развития образования, доктор исторических наук, доцент.

Romanovsky Vyacheslav Konstantinovich, chair head of the Nizhny Novgorod Institute of Educationai Development, Doctor of History, Associate Professor.

Самойленко Петр Юрьевич, Дальневосточный федеральный университет, кандидат политических наук, доцент.

Samoilenko Petr Yurevich, Far Eastern Federal University, *kandidat nauk*, degree in Political, Associate Professor.

Се Фэнли, Муданьцзянский педагогический университет, магистр *(КНР).*

Se Fanling, Mudanjiang Pedagogical University, Master.

Сергеев Олег Иванович, заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук, профессор.

Sergeev Oleg Ivanovich, head of the department of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, *kandidat nauk,* degree in History, Professor.

Серегин Александр Владимирович, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

Seryogin Aleksandr Vladimirovich, lecturer of the Russian State University for the Humanities, *kandidat nauk,* degree in History.

Синиченко Владимир Викторович, начальник кафедры Восточно-Сибирского института МВД России, доктор исторических наук, профессор.

Sinichenko Vladimir Viktorovich, chair head of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor.

Солнцева-Накова Екатерина Васильевна, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, кандидат филологических наук *(Болгария)*

Solntzeva-Nakova Ekaterina Vasilievna, Sofia University named after St. Kliment Ohridski, *kandidat nauk,* degree in Philology.

Ступницкая Марина Ильинична, Дальневосточный федеральный университет, кандидат филологических наук, доцент.

Stupnitzkaya Marina Ilinichna, Far Eastern Federal University, *kandidat nauk*, degree in Philology, Associate Professor.

Тимофеев Александр Николаевич, независимый исследователь.

Timofeev Alexander Nikolaevich, independent researcher.

Ткачёва Галина Анатольевна, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук.

Tkacheva Galina Anatolievna, leading researcher of the Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, Doctor of History.

Усенко Оксана Владимировна, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Usenko Oksana Vladimirovna, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Усов Алексей Вячеславович, старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

Usov Alexey Vyacheslavovich, senior lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk,* degree in History.

У Яньцю, заведующая кафедрой Чженцзянского института иностранных языков Юесю (*КНР).*

U Yantsu, chair head of the Zhejiang Institute of Foreign Languages.

Федирко Оксана Петровна, профессор кафедры Дальневосточного федерального университета, доктор исторических наук, доцент.

Fedirko Oksana Petrovna, chair professor of the Far Eastern Federal University, Doctor of History, Associate Professor.

Хабибулин Владимир Асхатович, Дальневосточный федеральный университет, кандидат филологических наук, доцент.

Khabibulin Vladimir Askhatovich, Far Eastern Federal University, *kandidat nauk*, degree in Philology, Associate Professor.

Цветков Игорь Борисович, Ведомственное учреждение.

Tsvetkov Igor Borisovich, Departmental institution.

Цуканов Сергей Сергеевич, Академия стандартизации, метрологии и сертификации, кандидат исторических наук.

Tsukanov Sergey Sergeevich, Academy for Standardization, Metrology and Certification (Educational), *kandidat nauk,* degree in History.

Цю Маньли, аспирант Дальневосточного федерального университета *(КНР).*

Tsu Mangli, post granduate of the Far Eastern Federal University.

Черкасов Виктор Сергеевич, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Cherkasov Viktor Sergeevich, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Чернолуцкая Елена Николаевна, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук.

Chernolutskaya Elena Nikolaevna, leading researcher of the Institute of history, Archeology and ethnography of the peoples of the far-east far-eastern branch of Russian Academy of Sciencts, Doctor of History.

Че Чуньин, преподаватель Чженцзянского института иностранных языков Юесю (*КНР).*

Che Chunyin, lecturer of the Zhejiang Institute of Foreign Languages.

Чумаченко Татьяна Александровна, профессор кафедры Челябинского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

Chumachenko Tatyana Aleksandrovna, chair professor of the Chelyabinsk State University, Doctor of History, Associate Professor.

Шабельникова Наталья Алексеевна, профессор кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор.

Shabelnikova Natalia Alekseevna, chair professor of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Doctor of History, Professor.

Шадрина Анна Николаевна, преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Shadrina Anna Nikolaevna, lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Шлома Владимир Владимирович, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Shloma Vladimir Vladimirovich, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Шугайло Татьяна Сергеевна, научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева.

Shugailo Tatiana Sergeevna, researcher of the Primorye State Joint Museum named after V.K. Arsenyev.

Якубец Артем Александрович, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России.

Yakubets Artem Alexandrovich, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Яхимович Сергей Юрьевич, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

Yahimovich Sergey Yurevich, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk,* Degree in History.

Научное издание

ВЛАДИВОСТОК – ТОЧКА ВОЗВРАЩЕНИЯ:

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Материалы Второй международной научной конференции

(Владивосток, 12-14 октября 2016 г.)

В авторской редакции
Корректор Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 23.06.2017. Формат 60х84 1/8.
Усл. печ. л. 50,2. Тираж 130 экз. Заказ № 18.
Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.